

Эл. адрес: article@tuva.asia
<https://nit.tuva.asia>

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

**№2
2022**

ISSN 2079-8482

**НОВЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ**

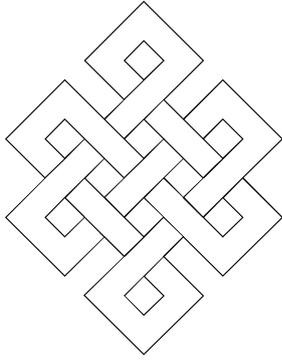
THE NEW RESEARCH OF TUVA

2022

№ 2

nit.tuva.asia

НОВЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

THE NEW RESEARCH
OF TUVA

2022

№ 2

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ламажаа Ч. К., доктор философских наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

СЕКЦИЯ ИСТОРИИ (ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ)

Ерекешева Л. Г., Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Казахстан
Монгуш М. В., Российский государственный архив Российской Федерации
Дацышен В. Г., Сибирский федеральный университет, Россия
Отрошенко И. В., Институт востоковедения имени А. Е. Крымского Национальной академии наук Украины
Чулуун Сампильдондов, Институт истории и археологии Академии наук Монголии, Монголия
Харунова М. М.-Б., Институт востоковедения РАН, Россия
Бакаева Э. П., Калмыцкий научный центр РАН, Россия

СЕКЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК (ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ)

Ламажаа Ч. К., Институт социологии ФНИСЦ РАН, Россия
Попков Ю. В., Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, Россия
Балакина Г. Ф., Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук, Россия
Хомушка О. М., Тувинский государственный университет, Россия

СЕКЦИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ (КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ, АНТРОПОЛОГИЯ)

Сузукей В. Ю., Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, Россия
Левин Т., Дартмаус колледж, США
Харитоновна В. И., Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
Донахо Б., Институт социальной антропологии Макса Планка, Германия

СЕКЦИЯ ФИЛОЛОГИИ (ЯЗЫКОЗНАНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ)

Бичелдей К. А., Национальный музей им. Алдан Маадыр Республики Тыва, Россия
Шамина Л. А., Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, Россия
Бахтикиреева У. М., Российский университет дружбы народов

ТЕХНИЧЕСКАЯ ГРУППА

Папын А. С., редактор, администратор, Россия
Макаров В. С., Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Россия

Журнал публикует статьи на русском и английском языках. Выходит 4 раза в год.

Зарегистрирован в качестве СМИ Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации Эл №ФС77-37967 от 5 ноября 2009 г.

Индексация журнала: ERIN PLUS, РИНЦ, КиберЛенинка, PKP Index, Google Scholar, DOAJ, Scopus, ESCI Web of Science Core Collection. Включен в Перечень ВАК Минобрнауки РФ.

Издатели:

Ламажаа Ч. К.
 117437, Россия, Москва, а/я 30,
 Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
 «Российский университет дружбы народов» (РУДН)
 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

EDITOR-IN-CHIEF

Chimiza K. Lamazhaa, Doctor of Philosophy

EDITORIAL BOARD

SECTION OF HISTORY (HISTORY, ETHNOGRAPHY)

Laura G. Yerekesheva, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan
Marina V. Mongush, State Archives of the Russian Federation
Vladimir G. Datsyshen, Siberian Federal University, Russian Federation
Ivanna V. Otroshchenko, Krymsky Institute of Oriental studies, National Academy of Sciences of Ukraine, Ukraine
Chuluun Sampildondov, Institute of History and Archaeology, Academy of Science Mongolia, Mongolia
Marianna M.-B. Harunova, The Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Elza P. Bakaeva, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Science, Russian Federation

SECTION OF SOCIAL SCIENCES (PHILOSOPHY, SOCIOLOGY, RELIGIOUS STUDIES)

Chimiza K. Lamazhaa, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Yuri V. Popkov, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Galina F. Balakina, Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Olga M. Khomushku, Tuvan State University, Russian Federation

SECTION OF CULTURAL STUDIES (CULTURAL STUDIES, ART HISTORY, ANTHROPOLOGY)

Valentina Yu. Suzukey, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research, Russian Federation
Theodore Levin, Dartmouth College, United States
Valentina I. Kharitonova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Brian Donahoe, Max Planck Institute for Social Anthropology, Germany

PHILOLOGY SECTION (LINGUISTICS, FOLKLORE, LITERARY STUDIES)

Kaadyr-ool A. Bicheldey, National Museum of the Republic of Tuva, Russian Federation
Lyudmila A. Shamina, Institute of Philology, Siberian branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Uldanay M. Bakhtikireeva, Peoples' Friendship University of Russia

TECHNICAL GROUP

Alexander S. Papyn, Editor, Manager, Russian Federation
Vladimir S. Makarov, St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Russian Federation

The New Research of Tuva welcomes contributions in Russian and English. The journal is published quarterly.

The journal is indexed in ERIN PLUS, RINTS, CiberLeninka, PKP Index, Google Scholar, DOAJ, Scopus, ESCI Web of Science Core Collection.

Publishers:

Lamazhaa Ch. K.
 Postal box 30, 117437, Moscow,
 Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
 6 Miklukho-Maklaya str.,
 117198 Moscow, Russian Federation.

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution-NonCommercial»

(«Атрибуция — Некоммерческое использование») 4.0 Всемирная.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТНОС И ОБЩЕСТВО

Ламажаа Ч. К., Валиахметов Р. М., Самба А. Д.-Б. (Россия) Проблемное поле исследований человеческого потенциала Тувы: обзор литературы и мнения экспертов (2020–2021)6

Балакина Г. Ф. (Россия) Риски развития человеческого потенциала этнических общностей Республики Тыва (1999-2021 гг.)20

Абылкаликов С. И., Баймурзина Г. Р. (Россия) Особенности демографических процессов в городах Кызыл и Элиста в 2011-2020 годы: сравнительный анализ34

Ахметова Г. Ф. (Россия) Миграционные процессы в национальных республиках с разным уровнем развития человеческого потенциала (на примере Башкортостана, Татарстана и Тувы)53

Туракаев М. С. (Россия) Этноязыковая ситуация как фактор социального самочувствия региона в национальных республиках России (на примере Тувы, Башкортостана и Калмыкии)70

Зарипов А. Я., Гусейнов А. Г., Малучиев Г. С. (Россия) Оценка социально-экономического положения региона через призму этнической идентичности (по материалам социологического исследования в Республике Дагестан в 2020 г.)85

Намруева Л. В. (Россия) Экологическая ситуация в современной Калмыкии: междисциплинарный анализ102

Гарипова Г. Р., Богдан Е. А. (Россия) Проблемы развития геокультурного брендинга в Туве и Башкортостане115

Гайфуллин А. Ю. (Россия) Этнодемографические характеристики молодежи в республиках Тыва и Башкортостан128

ФИЛОЛОГИЯ

Ондар Ч. Г. (Россия) Мотивации дифференцированного маркирования прямого объекта в тувинском языке143

ТУВА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Водясов Е. В., Зайцева О. В. (Россия) Новый взгляд на старую крепость: использование данных дистанционного зондирования для изучения фортификационных сооружений Тувы166

Воронин Р. М. (Россия) Почтовые марки периода Тувинской Народной Республики как отражение эволюции общественного сознания тувинцев177

ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Михалев М. С. (Россия) Этнический потенциал Республики Тува в сценариях государственной политики188

Ойдуп Т. М., Трошкина И. Н. (Россия) Профессиональные предпочтения выпускников школ столиц республик Тыва, Алтая и Хакасии как основа формирования человеческого капитала регионов (2021 г.)198

Харунов Р. Ш., Харунова М. М.-Б. (Россия) Монголо-тувинский сектор Коммунистического университета трудящихся Востока (1920–1930-е гг.)211

Ахматова М. А., Салчак А. Я., Чертыкова М. Д. (Россия) Средства выражения эмоции страха в тюркских языках (на примере тувинского, карачаево-балкарского и хакасского языков)224

Четыррова Л. Б., Сергеева Н. М. (Россия) Советская модерность в визуальной перспективе (на примере ойрат-калмыков и тувинцев)239

C O N T E N T S

ETHNICITY AND SOCIETY

Lamazhaa Ch. K., Valiakhmetov R. M., Samba A. D.-B. (Russia) The problem field of studying human development in Tuva: a survey of literature and expert opinions (2020–2021)6

Balakina G. F. (Russia) Risks in human development in ethnic communities of the Republic of Tuva (1999–2021)20

Abylkalikov S. I., Baimurzina G. R. (Russia) Demographic processes in the towns of Kyzyl and Elista in 2011–2020: a comparative study34

Akhmetova G. F. (Russia) Migration processes in national republics with different levels of human development: the cases of Bashkortostan, Tatarstan and Tuva53

Turakayev M. S. (Russia) Ethno-linguistic situation as a factor in the social well-being of the Republics of Russia: the cases of Tuva, Bashkortostan and Kalmykia70

Zaripov A. Ya., Huseynov A. H., Maluchiev G. S. (Russia) Socio-economic situation in the region through the prism of ethnic identity: materials of sociological research in the Republic of Dagestan in 202085

Namruyeva L. V. (Russia) Environmental situation in contemporary Kalmykia: an interdisciplinary study102

Garipova G. R., Bodgan E. A. (Russia) Developing geocultural branding in Tuva and Bashkortostan115

Gaifullin A. Yu. (Russia) Ethnodemographics of youth in the republics of Tuva and Bashkortostan128

PHILOLOGY

Ondar Ch. G. (Russia) Motivations for differentiated marking of direct object in Tuvan language143

TUVA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Vodyasov Ye. V., Zaytseva O. V. (Russia) A new look at the old fortress: Using remote sensing data in the study of fortified sites in Tuva 166

Voronin R. M. (Russia) Postage stamps of the Tuvan People’s Republic as a reflection of evolving public consciousness of the Tuvan people 177

DIALOGUE OF CULTURES

Mikhalev M. S. (Russia) Ethnic Resources of Tuva in National Policy Scenarios 188

Oydup T. M., Troshkina I. N. (Russia) Vocational choices of secondary school graduates in the capitals of Tuva, Altai and Khakassia as a basis of building human capital in the region (2021)198

Kharunov R. Sh., Kharunova M. M.-B. (Russia) Mongolian-Tuvan sector at the Communist University of the Toilers of the East, 1920s–1930s211

Akhmatova M. A., Salchak A. Ya., Chertykova M. D. (Russia) Means of expressing the emotion of fear in Turkic languages — Tuvan, Karachai-Balkar and Khakass 224

Chetyrova L. B., Sergeeva N. M. (Russia) Soviet modernity in visual perspective: the cases of Kalmyks and Tuvans239

Тема выпуска

«Этнические особенности развития человеческого потенциала в Туве и других республиках Российской Федерации»

Ответственные редакторы:

Рим Марсович Валиахметов

кандидат социологических наук

(Башкирский государственный университет, Россия);

Михаил Борисович Денисенко

кандидат экономических наук

(Институт демографии НИУ ВШЭ, Россия);

Мишель Гийо

доктор наук (PhD), профессор социологии

(Национальный институт

демографических исследований, Франция;

Университет Пенсильвании, США)

Special issue

“Ethnic features of human potential development in Tuva and other republics of the Russian Federation”

Edited by **Rim M. Valiakhmetov**,

Candidate of Sociology

(Bashkir State University, Russia),

Mikhail B. Denisenko,

Candidate of Economy

(Vishnevsky Institute of Demography,

National Research University

Higher School of Economics, Russia)

and **Michel Guillot**,

PhD, Professor of Sociology

(Institut national d'études démographiques,

France;

University of Pennsylvania, USA)

Сформулировав концепцию специального выпуска, мы исходили из понимания того, что на развитие и воспроизводство человеческого потенциала влияют не только экономические, социальные и демографические показатели, но и совокупность этнических и социокультурных факторов. Особенно это важно учитывать для российских республик, обладающих большим этническим и конфессиональным многообразием.

Необходимы не только учет и накопление, но и поиск оптимальных путей использования и реализации уникального этнокультурного потенциала народов России. При соответствующих условиях они способны стать стимулирующими факторами развития и реализации человеческого потенциала, укрепления политической стабильности, экономического, социального и духовного развития российских республик.

Подчеркивая актуальность и, одновременно, недостаточное внимание исследователей к этническим аспектам развития человеческого потенциала, мы обратились к этой теме в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг. (поручение Президента Российской Федерации от 16 января 2020 г.).

Первые результаты нашего исследования «Этнические особенности развития человеческого потенциала в экономиках республик Российской Федерации» выполнены на примере республик Дагестан, Башкортостан, Калмыкия, Татарстан и Тува. Некоторые из этих результатов публикуются в данном спецвыпуске журнала «Новые исследования Тувы», что может послужить, на наш взгляд, своеобразным «мостом» к разработкам и изданиям на регулярной основе докладов о развитии человеческого потенциала в национальных республиках Российской Федерации. Примечательно и логично, что эту инициативу поддержало своими публикациями научное сообщество Республики Тыва.

DOI: 10.25178/nit.2022.2.1

Статья

Проблемное поле исследований человеческого потенциала Тувы: обзор литературы и мнения экспертов (2020–2021)

Чимиза К. Ламажаа

Институт социологии ФНИСЦ РАН; Башкирский государственный университет, Российская Федерация,

Рим М. Валиахметов

Башкирский государственный университет, Российская Федерация,

Анна Д.-Б. Самба

Институт социологии ФНИСЦ РАН; Научно-исследовательский институт медико-социальных проблем и управления Республики Тыва, Российская Федерация

В статье обсуждаются проблемы и перспективы изучения человеческого потенциала Тувы, его развития. Рассматриваются опубликованные работы ученых, исследователей проблемы, а также анализируются мнения экспертов из числа научных и научно-педагогических работников; специалистов, работающих в органах государственной власти, руководителей национально-культурных объединений (16 чел.). Интервью были записаны в декабре 2020 г. — январе 2021 г. в г. Кызыле.

Наличие разных исследований говорит об интересе ученых-тувиноведов к теме и определенном заделе научного знания. Однако, нередко публикации только содержат терминологию концепции человеческого потенциала, порой есть путаница с идеями концепции человеческого капитала. Исследования выполняются отдельными авторами, нет системного и комплексного подходов.

Мнения опрошенных экспертов дополняют результаты научных исследований, показывают довольно большое исследовательское поле еще не изученных проблем. Очевидно, что классический индекс человеческого потенциала и его компоненты не покажут специфики данного региона и поэтому обязательно должны составляться с учетом этнокультурного фактора. Когда мы обсуждаем проблемы социально-экономического развития региона, неизбежно от общих социальных и экономических процессов и явлений переходим на темы человека, возможностей населения получать образование, работать, относиться бережно к своему здоровью, быть социально активными гражданами.

Ключевые слова: Тува; население Тувы; тувинцы; русские Тувы; человеческий потенциал; человеческий капитал; этнический фактор; этнокультурный процесс; депрессивный регион; индекс развития человеческого потенциала

Для цитирования:

Ламажаа Ч. К., Валиахметов Р. М., Самба А. Д.-Б. Проблемное поле исследований человеческого потенциала Тувы: обзор литературы и мнения экспертов (2020–2021) // Новые исследования Тувы. 2022, № 2. С. 6-19. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.2.1>

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Центра политологии и политической социологии Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН; главный научный сотрудник Башкирского государственного университета. Адрес: 117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5; 450076, Россия, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32. Тел.: +7 (916) 413-33-85. Эл. адрес: lamazhaa@tuva.asia

Валиахметов Рим Марсович — кандидат социологических наук, декан факультета философии и социологии, заведующий Научной лабораторией социальных и демографических исследований Башкирского государственного университета. Адрес: 450076, Россия, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32. Тел.: +7 (963) 898-61-48. Эл. адрес: rim_m_sifat@inbox.ru

Самба Анна Демир-Баадыровна — младший научный сотрудник Центра социальной структуры и социального неравенства Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН; старший научный сотрудник Научно-исследовательского института медико-социальных проблем и управления Республики Тыва. Адрес: 117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5; 667003, Россия, г. Кызыл, ул. Кечил-оола, д.2А. Тел.: +7 (995) 550-56-56. Эл. адрес: sundui2012@yandex.ru

The problem field of studying human development in Tuva: a survey of literature and expert opinions (2020–2021)

Chimiza K. Lamazhaa

Institute of Sociology, FCTAS, RAS, Russian Federation,

Rim M. Valiakhmetov

Bashkir State University, Russian Federation,

Anna D.-B. Samba

Institute of Sociology, FCTAS, RAS; Research Institute of Medical and Social Problems and Management of the Republic of Tuva, Russian Federation

The article discusses some of the problems and prospects of studying human potential of the population of Tuva, as well as its development. The authors review the published books and papers on this topic, as well as the opinions of experts from public institutions, the fields of academy and research, and from among the ethnic and cultural representative unions (16 people all in all). Interviews with experts were recorded in Kyzyl from December 2020 to January 2021.

The richness of studies in the field proves the interest Tuvan scholars take in the issue and certain success they have attained. However, not infrequently their studies do little more than provide a conceptual definition of human development. Often, there is a confusion between various ideas related to human capital. Lastly, there is no common direction among the studies, and authors carry out research completely on their own, there are no systematic and integrated approaches.

Expert opinions build on research outcomes, expanding the research field to reveal a number of issues yet unstudied. It is obvious that the classical human potential index and its components will not show the specifics of this region and must be modified to include ethnocultural factors. While discussing the problems of a region's social and economic development, we should look beyond the general social and economic processes and phenomena to discover the individual with their needs of education, jobs, healthcare and socially active life.

Keywords: Tuva; population of Tuva; Tuvans; Russians in Tuva; human potential; human capital; ethnic factor; ethnocultural process; distressed region; human development index

For citation:

Lamazhaa Ch. K., Valiakhmetov R. M. and Samba A. D.-B. Problemnoe pole issledovaniia chelovecheskogo potentsiala Tuvy: obzor literatury i mneniia ekspertov (2020–2021) [The problem field of studying human development in Tuva: a survey of literature and expert opinions (2020–2021)]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 2, pp. 6–19. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.2.1>

LAMAZHAA, Chimiza Kuder-oolovna, Doctor of Philosophy, Leading Researcher, Center for Political Science and Political Sociology, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences; Chief Researcher, Bashkir State University. Postal address: 24/35 Bldg.5, Krzhizhanovskii St., 117218 Moscow, Russian Federation; 32, Zaki Validi str., Ufa, 450076, Russian Federation. Tel.: +7 (916) 413-33-85. E-mail: lamazhaa@tuva.asia

ORCID ID: 0000-0003-1813-3605

VALIAKHMETOV, Rim Marsovich, Candidate of Sociological Sciences, Dean, Faculty of Philosophy and Sociology, Head, Scientific Laboratory of Social and Demographic Research, Bashkir State University. Address: 32, Zaki Validi str., Ufa, 450076, Russian Federation. Tel.: +7 (963) 898-61-48. Email: rim_m_sifat@inbox.ru

SAMBA, Anna Demir-Baadyrovna, Junior Researcher, Center for Political Science and Political Sociology, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences; Senior Researcher, Research Institute of Medical and Social Problems and Management of the Republic of Tuva. Postal address: 24/35 Bldg. 5, Krzhizhanovskii St., 117218 Moscow, Russian Federation; 2A Kechil-ool St., 667003 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (995) 550-56-56. E-mail: sundui2012@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-6525-2442

Введение

Человеческий потенциал Тувы — тема мало изученная и до сих пор плохо понимаемая практиками социального управления. И это несмотря на то, что проблематика развития человеческого потенциала активно обсуждается на глобальном уровне уже более тридцати лет, а в России — более двадцати.

Первый глобальный доклад «Доклад о развитии человека», подготовленный под руководством Махмуба уль Хака, был опубликован Программой развития Организации объединенных наций (ПРООН) в 1990 г.¹ В нем впервые было предложено национальное развитие рассматривать не по валовому внутреннему продукту, как это практиковалось ранее, но также и по ряду параметров, касающихся населения и его качества жизни. В центре внимания авторов концепции была идея «Подлинное богатство народов — люди». Соответственно важным термином стало понятие «человеческое развитие» (*Human Development*). Оно рассматривалось как человеческие возможности по улучшению здоровья, знания, которые необходимо формировать и использовать (для работы, отдыха, политических или культурных мероприятий)². Спустя 20 лет после выхода первого доклада, в очередном докладе 2010 г., подчеркивалось, что идея ценности и важности человеческого измерения развития уже никем не оспаривается. «Мы должны также оценить, — звучит в этом документе, — имеют ли люди возможность вести долгую и здоровую жизнь, могут ли они получить образование и вольны ли они использовать свои знания и таланты для формирования собственной судьбы»³.

Со времени выхода первого доклада прошло чуть более 30 лет, в течение которых почти ежегодно выходили новые глобальные доклады на эту тему⁴, а также стали публиковаться доклады на субнациональном, национальном и региональных уровнях. Методический инструментальный для измерения человеческого развития был назван индексом развития человеческого потенциала (ИРЧП), который стал корректироваться, обогащаться новыми индикаторами и пр.

В России с 1995 г. также выходили доклады о человеческом развитии страны, в том числе рассматривающие региональные различия индексов. Последним подобным документом на сегодняшний момент стала аналитическая записка декабря 2021 г.⁵ Региональные различия измерения качества жизни для такой многонациональной и разнородной страны как Россия представляются чрезвычайно важными для фиксации и изучения. Поэтому в начале 2000-х гг. появились доклады и по отдельным регионам (Республика Башкортостан⁶ и Пермский край) (Валиахметов, 2015, 2020; Валиахметов, Баймурзина, Утяшева, 2018; Валиахметов и др., 2018; Валиахметов, Туракаев, 2020).

В региональном «разрезе» есть регионы-лидеры и регионы-аутсайдеры. Среди последних присутствует Республика Тыва (Тува), которая вместе с Еврейской АО характеризуется низким уровнем дохода населения и наиболее низкой продолжительностью жизни⁷. По показателям 2019 г. индекс

¹ UNDP. 1990. Human Development Report 1990: Concept and Measurement of Human Development. New York [Электронный ресурс] // United Nations Development Programme. Human Development Report. URL: <http://www.hdr.undp.org/en/reports/global/hdr1990> (дата обращения: 12.01.2022).

² Ibid. P. 1 [Электронный ресурс] // United Nations Development Programme. Human Development Report. URL: <http://www.hdr.undp.org/en/reports/global/hdr1990> (дата обращения: 12.01.2022).

³ Доклад о развитии человека. 2010. 20-е, юбилейное издание. Реальное богатство народов: путь к развитию человека. С. IV. [Электронный ресурс] // Организация Объединенных наций. URL: https://www.un.org/ru/development/hdr/2010/hdr_2010_complete.pdf (дата обращения: 12.01.2022).

⁴ Human Development Reports 1990–2020 [Электронный ресурс] // United Nations Development Programme. Human Development Report. URL: <https://hdr.undp.org/en/global-reports> (дата обращения: 12.01.2022).

⁵ Индекс человеческого развития в России: региональные различия [Электронный ресурс] // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/analitika/2022/_2021_long.pdf (дата обращения: 12.01.2022).

⁶ Республика Башкортостан. Доклад о развитии человеческого потенциала. 2008 / под общ. ред. Р. М. Валиахметова, Ф. Б. Бурхановой, Г. Ф. Хилажевой // Программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) в Российской Федерации. М., 2009; Семья и человеческое развитие. Доклад о развитии человеческого потенциала в Республике Башкортостан / под общ. ред. Р. М. Валиахметова, Ф. Б. Бурхановой, Г. Ф. Хилажевой. Уфа: Изд-во «Восточная печать», 2013; Труд, занятость и человеческое развитие. Доклад о развитии человеческого потенциала в Республике Башкортостан / под общ. ред. Р. М. Валиахметова, Г. Р. Баймурзиной, Н. М. Лавренюк. Уфа: Восточная печать, 2015.

⁷ Индекс человеческого развития в России: ... С. 5–6.

человеческого развития (ИЧР) Тувы, находящейся на последнем месте в общем рейтинге, был ниже ИЧР лидера — Москвы на 19,4%¹.

Все это обуславливает особую остроту и актуальность для исследований человеческого потенциала, особенностей человеческого развития в Туве, где подобных докладов еще не выходило.

Проведение соответствующих исследований должно опираться на целый ряд организационных усилий и обстоятельств. Далеко не всегда научные исследования организуются «сверху» и спускаются в виде государственных заказов. Одним из важнейших факторов здесь можно назвать активную позицию исследователей, имеющих соответствующую квалификацию и мотивированных к реализации инициативных проектов. Как показывает опыт организаторов докладов по проблемам человеческого развития в Республике Башкортостан, где региональные исследования появились именно как инициативные², такой путь также чрезвычайно важен, плодотворен и успешен.

Поэтому в нашем исследовании мы попытаемся проблематизировать перспективы изучения человеческого потенциала Тувы и его развития. Цель исследования — анализ проблем понимания и изучения человеческого потенциала республики и его развития у исследователей проблемы, а также экспертов — представителей следующих групп: научных и научно-педагогических работников (которые специализируются на изучении вопросов регионального развития, этнических проблем); специалистов, работающих в органах государственной власти (которые занимаются вопросами экономического, социально-экономического, социального развития); руководителей национально-культурных объединений (знающих особые интересы и потребности этнических общностей)³.

Источниковой базой нашего анализа стали опубликованные научные работы по теме, вышедшие в последние пятнадцать лет, а также материалы интервью с экспертами — представителями указанных групп (16 чел.), которые были записаны в декабре 2020 г. — январе 2021 г. Их мнения в ряде случаев по возможности обобщены, отдельные цитаты с особым или наоборот — типичным мнением приводятся анонимно.

Обзор литературы

Проблематика человеческого развития, человеческого потенциала в последние полтора десятка лет уже так или иначе поднимается в работах исследователей социально-экономических, демографических процессов в Туве. Это говорит об интересе ученых-тувиноведов к теме и наличии определенного задела, которое уже есть у научного знания. Однако, следует подчеркнуть, что далеко не всегда авторы опираются на основные положения оригинальной концепции или отталкиваются от разработок, развивающих ее. Нередко публикации только содержат терминологию, которая считается актуальной, «модной» — без должного понимания ее сути. В ряде случаев авторы не делают различий между, например, двумя разными концепциями: во-первых, человеческого развития, развития человеческого потенциала (1990 г.) и, во-вторых, более ранней — человеческого капитала (1950–1960-х гг.: Д. Минсера, Т. Шульца, Г. Беккера). В данных концепциях безусловно есть пересекающиеся вопросы, что позволяет обсуждать смежные темы, однако различать их необходимо также, как и их ключевые понятия.

Рассмотрим выделенные нами публикации, но не в хронологическом порядке их выхода, а по проблематике.

¹ Индекс человеческого развития в России: региональные различия [Электронный ресурс] // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/analitika/2022/_2021_long.pdf (дата обращения: 12.01.2022).

² Республика Башкортостан. Доклад о развитии человеческого потенциала. 2008 [Электронный ресурс] // Институт стратегических исследований Республики Башкортостан. URL: https://isi-rb.ru/wp-content/uploads/2017/04/Bashkortostan_doklad_2009.pdf (дата обращения: 12.01.2022); Семья и человеческое развитие. Доклад о развитии человеческого потенциала в Республике Башкортостан [Электронный ресурс] // Институт социологии ФНИСЦ РАН. URL: https://www.isras.ru/files/File/publ/doclad_ufa.pdf (дата обращения: 12.01.2022); Труд, занятость и человеческое развитие. Доклад о развитии человеческого потенциала в Республике Башкортостан [Электронный ресурс] // Институт социологии ФНИСЦ РАН. URL: https://www.isras.ru/files/File/publ/Valiakhmetov_Trud_zanyatost_chelovechesкое_razvitie_2015.pdf (дата обращения: 12.01.2022).

³ В тексте статьи при указании экспертов — представителей этих групп мы сократим название групп до — соответственно: научный сотрудник, работник образования, управленец, общественный деятель.

В совместной монографии экономистов Г. Ф. Балакиной и А. Д. Бегзи «Экономика Тувы: возможные стратегии развития» (Балакина, Бегзи, 2016), например, подчеркивается, что оценка человеческого потенциала, наряду с минерально-сырьевыми и иными природными ресурсами должна лежать в основе выработки долгосрочной стратегии развития субъекта РФ (там же: 9). Правда, рассматривая проблему инновационного обновления экономики, авторы называют этапы реализации соответствующей концепции и на первом же из них основной — повышение качества человеческого капитала. По их мнению, повышение качества человеческого капитала подразумевает развитие системы профессионального (высшего и среднего) образования, создание системы непрерывного образования, росла вложений в переподготовку рабочей силы, создание и обеспечение функционирования регионального инновационного центра (там же: 210).

Другие экономисты Д. Ф. Дабиев и У. М. Дабиева в одной из статей обсуждают более конкретную проблематику — корректировку показателя индекса развития человеческого потенциала, отталкиваясь от проблем Тувы (Дабиев, Дабиева, 2015). Исходным положением их рассуждений является признание как одного из самых значимых социокультурных факторов, влияющих на развитие экономики, этнопсихологического фактора. Причем оно само, по мысли авторов, ссылающихся на Л. Н. Гумилева, формируется под влиянием природно-географических условий, культурной традиции и этнического окружения (там же: 52). Поэтому, рассматривая многие социально-экономические проблемы республики, они говорят не только об экономических причинах, но и о «более глубинных факторах, связанных с ломкой духовных ценностей и традиционного образа жизни тувинцев, что произошло в процессе перехода от кочевого образа жизни к оседлому» (там же: 55). Одним из явных последствий социально-трансформационных процессов исследователи называют рост преступности среди представителей коренного населения, у которых произошло размывание базовых социокультурных установок, ослабление семейного капитала. Поэтому экономисты предложили модифицированную формулу, которая позволит оценивать вклад семейного капитала в развитие человека по выбранным показателям в связи с индексом преступности — ИРЧП_{ск} (там же: 57). Его низкие показатели связываются с падением ценности человеческой жизни. В соответствии с подсчетами по данной формуле авторы сделали вывод о том, что Тува относится к регионам, которые значительно отстают в развитии экономики и имеют очень низкий показатель модифицированного ИРЧП_{ск}.

Тема индекса развития человеческого потенциала в Туве даже стала интересовать и учащихся, которые пишут по ней курсовые, дипломные работы¹.

Коллектив исследователей медицинских проблем А. П. Артюхов, В. Ф. Капитонов, О. М. Новиков и Ж. Б. Монгуш изучили медико-социальное состояние 418 семей одного из районов Тувы (Кызылского). Авторы выявили, что большинство из них относятся к семьям риска, неблагополучных по социальному состоянию (Артюхов и др., 2008). Среди факторов риска названы: вредные привычки родителей, болезни членов семей, в том числе детей, оценки бытовых условий и др. Несмотря на то, что ученые не обсуждают прямую связь исследуемого предмета с проблематикой человеческого потенциала, тем не менее, заголовок статьи содержит термин «семейный человеческий потенциал».

Т. М. Ойдуп и А. Ч. Кылгыдай рассмотрели перемены в профессиональных предпочтениях выпускников школ Кызыла, в том числе резкое снижение числа тех, кто намерен после получения образования в вузе, затем остаться в родной республике. Это позволило им сделать вывод о проблемах формирования человеческого капитала региона (Ойдуп, Кылгыдай, 2021).

В научной литературе также встречаются отдельные сравнительные исследования интересующей нас проблематики. Например, Ю. М. Аксютин анализирует мнения жителей Тувы и Хакасии относительно межэтнического и межконфессионального взаимодействия в их окружении². Исследователь

¹ См., напр.: Монгуш К. А. Исследование индекса развития человеческого потенциала Тувы и его анализ [Электронный ресурс] // VI Международный конкурс научно-исследовательских и творческих работ учащихся «Старт в науке». URL: <https://school-science.ru/6/2/38129> (дата обращения: 12.01.2022).

² Аксютин Ю. М. Риски развития регионального человеческого капитала: специфика межэтнического и межконфессионального взаимодействия в оценках жителей Тувы и Хакасии // Материалы международного симпозиума хакасского эпоса, VIII международной научной конференции «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий», посвященной 300-летию открытия памятников енисейской письменности и году хакасского эпоса в Республике Хакасия / отв. ред. Н. С. Майнагашева. Абакан: Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, 2021. 346 с. С. 191–196.

приводит результаты авторских социологических исследований 2013, 2014, 2016 и 2019 гг., проведенных в республиках. Более четко определяя свою работу как исследование в области человеческого капитала, ссылаясь на работы исследователей, начиная с 1960-х гг., автор относит свою тему к полю исследований этносоциокультурного потенциала развития человеческого капитала. Это безусловно делает публикацию интересной для нашей темы.

И, наконец, следует остановиться на усилиях коллектива социологов во главе с известным специалистом З. Т. Голенковой (один из соавторов данной статьи — А. Д.-Б. Самба — входит в состав этого коллектива). За последние два года они провели в Туве социологические исследования о социальной структуре населения, доходах домохозяйств и пр., опубликовали ряд работ и инициировали проведение в республике научной конференции. В первую очередь отметим их монографию «Социально-стратификационные процессы в Республике Тыва» 2020 г. (Социально-стратификационные ... , 2020; см. также рецензию: Ламажаа, 2021), в которой есть раздел, посвященный человеческому капиталу экономически активного населения (там же: 38–60). Рассматривая распределение населения Тувы по районам республики по группам, в зависимости от рода занятий, авторы отмечают, что оно — сбалансированное. Это позволяет говорить о практически равном человеческом потенциале развития (там же: 42). Фиксируется также и такой параметр человеческого потенциала как уровень образования, профессиональная деятельность. Из этого делается вывод о том, что среди специалистов, обладающих высоким уровнем образования, увеличивается доля тех, кто в итоге работает по профессиям, не требующим специального образования (там же: 47). В общих заключениях отмечается взаимосвязь проблем бедности и рационального использования человеческого капитала. Наличие бедности, которая возникает из нерационального использования человеческого потенциала, ограничивает доступ граждан к качественным услугам образования, здравоохранения, другим возможностям развития (там же: 59).

Результаты социологических исследований были не только опубликованы в монографии и в виде статей в журналах (Голенкова, Самба, 2019; Самба, 2020). Они были представлены на всероссийской конференции с международным участием «Человеческий потенциал Центрально-Азиатского региона: перспективы развития», которая прошла 14–18 сентября 2020 г. в г. Кызыле при поддержке Правительства Республики Тыва. По итогам работы конференции вышел сборник материалов (Человеческий потенциал ... , 2020). В нем помимо общих проблемных статей (в т. ч. о проблемах России, других регионов) в интересующем нас аспекте можно отметить, пожалуй, только одну работу сотрудника Тувинского научного центра А. Ф. Хажьки «Исследование индекса развития человеческого потенциала Тувы» (Хажьки, 2020).

В рамках работы коллектива российских ученых по программе фундаментальных и прикладных научных исследований по теме «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг. началась также разработка проблематики в Туве. Одним из результатов стала публикация со сравнительным анализом этносоциальных особенностей сферы занятости в республиках Тувы и Башкортостана (Валиахметов и др., 2021).

Настоящая статья также продолжает исследования в рамках работы по данной академической программе.

Таким образом, изучение литературы показывает нам наличие интереса исследователей к проблемам человеческого потенциала, человеческого развития Тувы. Однако, он достаточно фрагментарный, бессистемный и очевидно нуждается как в уточнении проблемного поля, так и соответствии исследований с основной концепцией, пониманием перспектив ее развития с поправкой на российские реалии.

Общая характеристика социально-экономического развития

Одним из важнейших факторов, который важен при обсуждении любых российских социальных проектов, следует назвать фактор мультиэтничности российского общества. В России есть регионы как со смешанным этническим составом населения, так и моноэтничные с этнокультурной спецификой. Последние в рейтингах по индексам человеческого развития явно выделяются особыми показателями, что приводит к мысли о важности учета этнокультурного фактора. Поэтому наша методика опроса экспертов была построена на обсуждении именно этого аспекта специфики

одного конкретного региона — Тувы, показывающего почти по всем индексам, к сожалению, худшие показатели.

В связи с тем, что отбор наших экспертов в соответствии с методикой исследования производился по группам представителей науки, образования, управления, общественной деятельности, как было уже указано во введении выше, вопросы содержали отдельные углубленные темы для каждой из групп. Тем не менее, общие блоки тем обсуждались со всеми. Соответственно мы представим мнения наших собеседников, сгруппировав по нескольким блокам¹.

В первую очередь, характеристика социального-экономического развития республики, которую мы просили сформулировать наших экспертов, так или иначе делалась ими с акцентом на особенности истории Тувы, на ее своеобразии. Собеседники вспоминали тот факт, что Тува в составе России — молодая республика, позже других территорий вступившая в союзное государство (в 1944 г.). Поэтому и проблемы нынешнего развития имеют исторические корни, ведь регион был включен позже всех в одну большую народнохозяйственную плановую систему. Отдельные сферы общественной жизни республики поддерживались с помощью Советского союза еще до 1944 г., а после этого — уже полностью их конфигурация определялась политикой Кремля. Также отсутствие железнодорожного сообщения сохраняет транспортную изолированность региона (здесь Тува сравнивалась с Хакасией, у которой есть железнодорожное сообщение с другими регионами страны). Воздушное сообщение также на низком уровне развития, в том числе в сравнении с соседними Хакасией, Алтаем и Красноярским краем. Энергетический дефицит — еще одна проблема Тувы.

Все это, по мнению экспертов, заложило основу продолжающейся ныне дотационности, неразвивающейся промышленности, проблем с трудоустройством, социальными проблемами. Как подчеркивает один из экономистов, следует честно признавать, что главной социально-экономической особенностью Тувы является то, что это самый бедный регион Российской Федерации (м., 37 л., научный сотрудник). Представитель научной сферы напомнил о низком уровне зарплат, об общей бедности населения, отсутствии рабочих мест по специальностям (м., 66 л., научный сотрудник). Эксперт, исследователь экономических проблем, подчеркнул проблему неравномерного распределения жителей, миграции из села в город, которая перегружает инфраструктуру прежде всего Кызыла, и не дает развиваться селам (м., 45 л., научный сотрудник).

Одним из недавних факторов ухудшения ситуации называлась пандемия, начавшаяся в 2020 г. и обострившая социальные проблемы.

Представитель религиозной организации увязывает общий низкий социально-экономический уровень развития Тувы (в сравнении с общероссийскими показателями) с общим слабым образованием людей, отсутствием мотивации повышать свою квалификацию; не развитым «внутренним миром» людей (м., 47 л., общественный деятель).

Однако, за последние несколько лет, отметило большинство экспертов, в развитии региона все же наблюдалась положительная динамика, связанная с усилиями региональной власти по привлечению внимания федеральных властей к проблемам республики. В том числе среди обнадеживающих результатов многие называли принятие Правительством РФ индивидуальной программы социально-экономического развития Тувы на период 2020–2024 гг.² Но были и скептические мнения по поводу эффективности этой программы (один из экспертов как инсайдер организации дела сказал, что «программа принималась в очень большой спешке» (ж., 42 г., научный сотрудник)). Как гласит текст программы, целью ее является «создание эффективной экономики, способствующей развитию человеческого капитала»³. Ключевыми направлениями социально-экономического развития Республики Тыва названы: реализация крупных инвестиционных проектов в сфере добычи полезных ископаемых в увязке с развитием магистральной (транспортной, энергетической) инфраструктуры;

¹ Подчеркнем тот факт, что исследование проводилось на рубеже 2020–2021 гг. и мнения экспертов содержали представления о динамике и перспективах социальных процессов, которые наблюдались именно в этот период времени. — *ред.*

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 10 апреля 2020 г. № 972-р «Об утверждении индивидуальной программы социально-экономического развития Республики Тыва на 2020–2024 гг. [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/564652912> (дата обращения: 12.01.2022).

³ Там же.

создание привлекательных условий для развития малого и среднего предпринимательства (финансовая и прочая инфраструктура); рост объема производства и производительности труда в сельском хозяйстве и обрабатывающей промышленности, развитие туризма; повышение качества жизни населения (ускоренное решение проблемы аварийного жилья, строительство инженерной инфраструктуры для стимулирования жилищного строительства); сокращение бедности населения за счет введения выплат на третьего ребенка, развития социального контракта, роста занятости¹.

Эксперт, представитель сферы управления, сообщил, что разработана «дорожная карта» (т. е. план реализации) этой программы. В том числе определено количество открываемых новых рабочих мест (м., 51 г., управленец). В целом, считает один собеседник, согласно программе «предусмотрены большие инвестиции в области горнодобывающей промышленности» (м., 49 л., работник образования). Он же добавил:

«Конечно, мы ждем не дождемся железной дороги для дальнейшего развития нашей республики. Ну и в социально-экономическом очень много губернаторских проектов, которые способствуют тому, что благосостояние народа растет с каждым днем, преодолевается бедность. Эти мероприятия у нас идут в ногу со временем» (м., 49 л., работник образования).

Отличительными особенностями Тувы наши эксперты назвали животноводческую отрасль, традиционное кочевое хозяйство, позднее вхождение республики в состав советского государства, географическое положение (центр азиатского материка с его удаленностью от моря). Они обуславливают и чистую экологию, и своеобразие сложившейся экономики, а также ее проблемы. Например, один из экспертов, исследователей экономических проблем, обратил внимание на теневой сектор экономики, в котором чабаны забивают часть своего поголовья и продают мясо за наличные, никому не отчитываясь. Помимо этого, в регионе есть и другие теневые секторы, связанные с продажей собранных дикоросов, с оборотом пассажироперевозок, наймом рабочих на стройках без оформления и т. д. Все эти секторы, которые работают без договоров, без налогов, так называемые «междусобойчики», оцениваются им в не учитываемые бюджетными потоками 10–15 миллиардов рублей ежегодного оборота (м., 45 л., научный сотрудник).

Эксперт, представитель общественной организации, подчеркнул, что экономическое развитие зависит от самого народа, от людей: «Чем богаче народ будет жить, тем больше экономика будет улучшаться». Поэтому, он считает, надо воспитывать людей, «чтобы лучше работали, не пили, не лежали, отдыхали меньше» (м., 72 г., общественный деятель).

Тем самым, наши эксперты представляют достаточно реалистические характеристики социально-экономического развития Тувы, которые опираются на статистические показатели, а также согласуются с опубликованными результатами научных исследований.

Этнокультурные особенности развития

Вопросы экспертам об этнокультурных особенностях развития Тувы включали и общие характеристики ситуации, и уточнения по аспектам жизни населения в этническом разрезе. В целом сосуществование представителей разных национальностей в республике расценивается по-разному: то как «дружное», то как «равноправное» («всем предоставляются права и возможности»), а то и как «оставляющее желать лучшего». Есть и определенные ограничения или особенности на рынке труда, связанные с гражданством работников (например, зарубежные работники не везде могут работать). Об этом нам говорил эксперт, работающий в сфере регулирования трудовой деятельностью (ж., 38 л., управленец).

Но при этом наши собеседники признавались, что в социально-экономических явлениях и процессах отмечают этнические особенности, некоторую специфичность поведения, положения представителей того или иного этноса. Прежде всего, конечно, речь идет о наиболее многочисленных этносах региона — тувинцах и русских. Это обстоятельство также побуждало известного экономиста Г. Ф. Балакину в одной из работ предлагать эколого-этнологическую концепцию развития депрессивных регионов (Балакина, 2011).

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 10 апреля 2020 г. № 972-р «Об утверждении индивидуальной программы социально-экономического развития Республики Тыва на 2020–2024 гг. [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/564652912> (дата обращения: 12.01.2022).

Например, эксперт из сферы управления, упоминая о цифрах на память (что не дает возможности указать здесь точные данные), подчеркнул, что население отдельных районов, где преимущественно проживают тувинцы, в большей половине считаются как малоимущие — бедные. И объясняет это тем, что у тувинцев распространено социальное иждивенчество: «Наш народ любит, чтобы государство его кормило, обеспечивало». С одной стороны, считает он, если государство помогает — это хорошо, но, с другой — люди только и думают об этом как вечные просители: «Государство! Дай, дай, дай...» (ж., 38 л., управленец). Другой наш эксперт (представитель общественной организации) считает таких людей «ленивыми» и не понимает почему их «кормят бесплатно» (м., 72 г., общественный деятель).

Другой особенностью тувинцев эксперты считают низкую финансовую грамотность, когда население само себя вгоняет в кредиты, не понимая потом как из этого выбраться, не рассчитывая сразу, как возвращать эти средства. А там, где нет работы, где процветает иждивенчество, бедность — там развивается и алкоголизация.

Одна из проблем тувинцев — низкий уровень владения им русского языка, который в целом называется важным фактором успешности — получения образования (в том числе за пределами республики), хорошей работы, карьеры. Поэтому тувинцы стремятся, чтобы дети учили русский язык, оставляя родной только в качестве языка общения в быту.

Русское население республики, по мнению сразу трех экспертов, составляет основное число специалистов, которые работают в определенных, градообразующих, жизненно важных предприятиях, например, в Кызыльской ТЭЦ, «Тываэнерго», «Водоканал-сервисе» и пр. Причем на позициях выше (административный персонал, юристы, специалисты), чем тувинцы, которые составляют обслуживающий персонал. При этом, считает эксперт-экономист, тувинцы больше ориентированы максимум на трудоустройство, а русские — на карьеру (м., 45 л., научный сотрудник). Хотя, разумеется, это только общие впечатления.

Общая предпринимательская успешность, по словам этого же специалиста, также отличает русских больше, чем тувинцев. Разумеется, он смог назвать успешных людей из числа обоих этносов, но тем не менее подчеркнул, что тувинцы обычно не умеют правильно рассчитать бюджет нового дела. Они сразу берут большие кредиты, потом не могут отдать; не могут организовать дело, закупают оборудование, но разоряются...

Один наш эксперт считает, что тувинцы мало ориентированы на сохранение денег в банках (в отличие от русских). Коренные жители, рассуждает она, скорее купят скот. Именно в этой сфере — сельском хозяйстве — у тувинцев больше шансов для успешной экономической деятельности, тем более что сейчас для поддержки животноводов есть ряд поддерживающих губернаторских проектов, типа «Кыштаг для молодой семьи», «Корова-кормилица» и пр. Хотя, с другой стороны, подчеркнула она, по сути, это скорее не какой-то специальный бизнес, а форма занятости, «чтобы люди не бездельничали, не пили» (ж., 42 г., научный сотрудник).

Сферу торговли некоторые эксперты называли тоже этнически «окрашенной» и тут отмечали возможности для представителей других национальностей — киргизов, армян, азербайджан. Не потому, что их правительство специально поддерживает, а потому что, говорил нам тот же эксперт-научный сотрудник, у них есть внутренняя система родовой поддержки друг друга, культура кооперации (ж., 42 г., научный сотрудник). Кроме того, подчеркивается, что эти люди скорее приехали в Туву, имея сильную мотивацию зарабатывать, они много и упорно работают, потому и добиваются результатов. И в этом смысле тувинцы от них отстают: «хочу работаю, не хочу — не работаю...» Торговать тувинцы могут, но в основном завозя продукцию в республику из других регионов для перепродажи.

Родственные связи, родственность так или иначе упоминалась почти всеми экспертами как один из важных факторов, определяющих занятость населения, вопросы трудоустройства. Предприниматели подбирают себе кадры по родственному принципу; он же имеет значение и в других сферах. Итогом становятся очевидные этнически однородные коллективы при соответствующем руководителе. Расчет тувинцев на родственную помощь, кстати, как упоминает один из наших экспертов, позволяет ему легко расставаться с очередной работой, не держаться за нее в случае сложностей (м., 45 л., научный сотрудник).

Еще одна социальная тенденция — миграция — тоже имеет этнические характеристики. Все отмечают большое число уехавших из Тувы именно русских, поскольку они в заметно усилившейся моноэтнической среде стали чувствовать себя некомфортно. Тем не менее, также отмечается и появле-

ние уже тувинской миграции, когда тувинцы, раньше никогда не ездившие «за Саяны», стали искать работу за пределами республики и успешно там устраиваться. При этом они никогда не забывают свою малую Родину и стараются каждый отпуск приезжать, навещать родственников.

Говоря об особенностях тувинской этнической культуры, эксперт-управленец, напомнил о традиционности мышления, поведения коренного населения. Географическая изолированность, по его мнению, помогла сохранить ориентацию на традиции, которые сохранились «вполне на 100%» (м., 50 л., управленец). Другой наш респондент стал размышлять о том, что «мы (тувинцы) являемся необычным народом». Так он характеризует сочетание тюркоязычности и приверженности буддизму, чего нет практически больше ни у одного народа (м., 37 л., научный сотрудник).

Молодым, быстро воспроизводящимся и достаточно пластичным народом, способным при умелом подходе выполнить «рывок в развитии», тувинцев назвал эксперт-научный сотрудник (ж., 42 л., научный сотрудник). Еще один эксперт из среды научной интеллигенции подчеркивает, что тувинцы имеют такое качество как добродушие, которое и позволило в свое время принять на своей земле представителей других национальностей, уступить им место для проживания и работы. Это обстоятельство обусловил приход в свое время и обоснование на территории региона старообрядцев, сегодня части населения Тувы. Они ведут закрытый образ жизни, почти не вносят вклад в общее социально-экономическое развитие республики, хотя в последнее время «социализируются», то есть поддерживают связи с «внешним миром», торгуют. Этот эксперт даже оценил негативно, поскольку считает, что данная тенденция размывает традиции этого уникального сообщества, которое другой эксперт-экономист предлагает развивать его как «этнокластер» (ж., 69 л., научный сотрудник).

Когда наши вопросы касались темы образовательного потенциала и каких-то этнических особенностей его формирования, эксперты отвечали по-разному. Один респондент считает, что этнических особенностей здесь нет, все зависит от мотивации самих людей и здесь многое зависит от места проживания, например, сельчане не слишком озабочены получением хорошего образования (м., 49 л., работник образования). Другой считает, что у русских лучше шансы получить хорошее образование за пределами Тувы, поскольку им легче с точки зрения языка (ж., 49 л., научный сотрудник), как об этом было сказано выше. Третий эксперт полагает, что надо проблемы образования как системы решать также системно, сразу в нескольких направлениях. Одно из них — повышение уровня зарплаты учителей, увеличение числа детских садов, разрешение для частных учреждений подобного рода (ж., 42 л., научный сотрудник).

Мы видим, что перечисленный спектр этнических, этнокультурных черт в социально-экономической сфере республики — достаточно широкий. И эксперты представили действительно пеструю картину внутренней сложности общества, которое только при первом приближении можно назвать почти моноэтническим (Тарбастаева, 2018).

Здоровье — психология — поведение

Чистый воздух, чистая вода, особенно в сельской местности; питание экологически чистым мясом — все это должно способствовать тому, чтобы люди жили в Туве здоровыми, крепкими, напоминает нам один из наших собеседников (м., 37 л., научный сотрудник). Однако, проблема здоровья жителей республики, физического и психического — острая. Из болезней эксперты называли туберкулез, который люди зарабатывают в местах лишения здоровья (чаще всего мужчины), кроме того, он может распространяться и в условиях тесного проживания бедных семей.

Ежедневные заботы о пропитании, сложности общения с родственниками, отсутствие возможности выплеснуть энергию (в отличие, например, от бразильцев, которые могут много времени проводить на карнавалах, праздниках, как неожиданно сравнил один наш респондент) — все это приводит к повышенной нагрузке на психику, к тому, что психическое здоровье «портится».

Психологические темы всплыли в разговоре с другим экспертом-экономистом. Развитие тувинцев в целом он считает находящимся на уровне выживания. Причем о причинах он высказал особое мнение, которое обычно специалисты открыто не высказывают: «к сожалению, это политика большого народа», «сделано так, чтобы у нас не было потенциала саморазвития, и сделано это искусственным образом». Приспособительскую психологию своего народа он назвал деформированной психологией: «Я забочусь только о своих детях, у меня есть родственные связи. Для жизни мне этого достаточно»,

«Мы свыкаемся с мыслью, что остальное от нас не зависит, кто-то другой решает, а не я». Такая же позиция есть и в местных органах власти, лишенных федеральным центром больших полномочий в том числе в регулировании деятельности малого и среднего бизнеса. Индифферентность есть на всех уровнях общественной жизни, что и обуславливает в итоге нашу пассивность и бедность людей (м., 37 л., научный сотрудник).

Более того, другой эксперт-экономист, также рассуждая о тяжелом психологическом положении тувинцев, говорит, что «много бедных граждан подвержены тому, чтобы разгружаться, забываться» в алкоголизме (м., 49 л., научный сотрудник). Это назвал очень вредной «привычкой» населения еще один эксперт из среды управленцев. Он посетовал на то, что люди не заботятся о своем здоровье, хотя доступность медицинских услуг есть везде, в том числе в сельской местности (м., 50 л., управленец).

Сразу несколько наших собеседников подчеркнули, что тувинцы не умеют уделять внимание своему здоровью. Более того, они не ценят драгоценность человеческой жизни, в том числе своей. Работают, «пока с ног не свалит болезнь». Не понимают, что такое здоровый образ жизни, не знают, что полезно пить воду. Казалось бы, что социальные работники, министерство здравоохранения должны просвещать население об этом, но «абсолютно никто, — считает один эксперт, — не занимается повышением грамотности в этом отношении» (ж., 69 л., научный сотрудник). Другой эксперт вторит ему: «Тувинцы не сильно хотят ходить по больницам, это считается унижением для себя». К тому же, напомнил он, много хороших врачей уехало на Север, остальные стали открывать частные клиники, оказывать платные услуги, что непосильно для большинства населения (ж., 38 л., управленец). Третий эксперт противопоставляет такое отношение тувинцев к здоровью — отношению русских (очень ответственное и осознанное): «Тувинцы ведь могут особо и не обращать внимание на то, что кто-то заболел. Вот, например, моя коллега сегодня хотела открыть больничныи. Но передумала, так как не хотела терять в зарплате» (м., 37 л., научный сотрудник). Это все образует не только низкую культуру здоровья, но и низкий уровень жизни, качества жизни...

Хотя сейчас, оговаривает один респондент, появилось новое поколение тувинцев, да и старшие стали перенимать идеи здоровой жизни. Некоторые бабушки стали заниматься скандинавской ходьбой, приобрели специальные палки для этого. У молодежи стал развиваться фитнес. Но тем не менее, это малое число населения (ж., 69 л., научный сотрудник).

Еще один эксперт напоминает о том, что доля смертности населения от внешних причин (аварий, убийств, утопления, а также алкоголизма, наркомании и пр.) в Туве очень высокая (м., 50 л., управленец).

Причиной «порчи» современной молодежи один наш эксперт из общественной организации назвал компьютер:

«Наша молодежь сейчас портится из-за компьютера, они там все смотрят, не отрывая головы. А в этих компьютерах наших традиций и обычаев нет, там об этом не рассказывают. Там показывают, в основном, убийства, грабежи и заграничные обычаи, и традиции» (м., 72 г., общественный деятель).

Таким образом, обсуждения темы здоровья раскрывают целый перечень острых проблем, позволяют говорить о связанных с ними вещами. Физическое здоровье тесно связывается с психическим. Психическое здоровье влияет в целом на деятельность, на поведение. И если люди сами не хотят бережно относиться не только к другим людям, но и к себе, то они сами собственными руками губят качество своей жизни.

Рекомендации и предложения

Экспертам мы также предлагали сформулировать предложения по снижению остроты, решению названных проблем. Если же сами проблемы им перечислить легче, проще порассуждать о них, то рекомендательный аспект становится всегда самой сложной частью таких бесед. Специалисты, стараясь рассуждать, пользуясь профессиональными знаниями, понимают, что вопрос рекомендаций должен опираться на обоснованную позицию, чаще всего с опорой на уже имеющиеся изученные практики. Однако, таковых, учитывая специфику региона и его положения в составе федеративного государства, найти сложно.

Поэтому они обычно ограничивались теми предложениями, которые касались известной им сферы. Так, эксперт-экономист, имевший практический опыт управленца, ныне — научный сотрудник, заго-

ворил об усилении местного самоуправления, ослабления излишней централизации управления. Это позволит развивать самостоятельность развития инфраструктуры от планирования до реализации системы действий (м., 37 л., научный сотрудник).

Один эксперт, представитель научно-образовательной сферы, предложил развивать образовательный потенциал населения с помощью открытия новых специальностей в главном вузе региона — Тувинском государственном университете. Востребованными он считает специальности, связанные с цифровой экономикой, IT-технологиями (м., 49 л., работник образования).

Еще один специалист из этой же сферы также подчеркивает, что наличие грамотных образованных сотрудников, для которых будут соответствующие условия работы и объективные оценки их деятельности — основа хорошего развития. Пока же кадровые вопросы не решены, общие и другие сопутствующие проблемы решать практически невозможно (ж., 38 л., работник образования).

Со школьной скамьи еще один эксперт предлагает развивать в юных жителях республики грамотность в отношении здоровья. Он упомянул предложенную им программу «Эки тыва кижии» («Хороший тувинец»). Она также содержит идеи воспитания достоинства человека, народа, чтобы тувинцы развивали свою культуру (ж., 69 л., научный сотрудник).

Необходимость развивать традиции, этническую культуру часто упоминалась нашими респондентами. Этот факт обычно увязывается с пониманием традиции как регулятора поведения, деятельности, работавшего ранее столь хорошо в традиционном обществе. Ныне этот утраченный механизм становится темой ностальгических рассуждений о прошлых временах жизни народа наподобие идей о «золотом веке». Важность сохранения языка сопровождается рассуждениями о сохранении этнической идентичности.

В целом, сказал один наш собеседник, по проблемам развития в последнее время нет «агитации, пропаганды», разъяснительной работы от правительства. «Начальников много, но чем они занимаются — не знаю». Только отчаянные единицы, настойчивые «ребята» создают и держат хозяйства. Остальные в стране «очень терпеливый, выдержанный народ, молчаливый, потому — терпят», считает он (ж., 38 л., управленец).

Заключение

Обзор научной литературы и одновременно живые беседы с представителями научной и образовательной интеллигенции Тувы, исследователями, управленцами, религиозными и общественными деятелями заметно дополняют друг друга. По высказанным мнениям наших собеседников мы видим довольно большое поле проблем человеческого развития, человеческого потенциала Тувы, которые могли бы образовать основу исследовательской программы. Лишь часть из них решалась в проведенных научных исследованиях и отражена в публикациях.

При этом в высказанных мнениях мы также видим, что классические индексы человеческого потенциала не покажут специфики данного региона и поэтому обязательно должны составляться с учетом этнокультурного фактора. Когда мы обсуждаем проблемы социально-экономического развития региона, мы неизбежно от общих социальных и экономических процессов и явлений переходим на темы человека, возможностей населения получать образование, работать, относиться бережно к своему здоровью, быть социально активными гражданами. Именно человеческий потенциал и составляет основу развития региона. Поэтому, подводя итоги данного исследования, мы предлагаем развернуть дальнейшую научную и общественную дискуссию на тему человеческого потенциала Тувы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Артюхов, И. П., Капитонов, В. Ф., Новиков, О. М., Монгуш Ж. Б. (2008) Медико-социальное состояние семей (семейный человеческий потенциал) Республики Тыва // Сибирское медицинское обозрение. № 3. С. 56–58.

Балакина, Г. Ф. (2011) Эколого-этнологическая концепция развития депрессивного региона // Региональная экономика: теория и практика. № 28. С. 10–16.

Балакина, Г. Ф., Бегзи, А. Д. (2016) Экономика Тувы: возможные стратегии развития. Кызыл : ТИКОПР СО РАН. 380 с.

Валиахметов, Р. М. (2015) Проблемы развития человеческого потенциала Республики Башкортостан // Социологические исследования. № 8. С. 50–55.

Валиахметов, Р. М. (2020) Вклад Программы развития ООН в разработку докладов о развитии человеческого потенциала в Республике Башкортостан // Современный мир и право: 75 лет Организации Объединенных Наций: материалы Международной научно-практической конференции (г. Уфа, 25 сентября 2020 г.) / отв. ред. Р. В. Нигматуллин. Уфа : РИЦ БашГУ. 412 с. С. 175–182.

Валиахметов, Р. М., Баймурзина, Г. Р., Утяшева, И. Б. (2018) Возможности и перспективы социологического измерения человеческого потенциала (на примере Республики Башкортостан) // Россия реформирующаяся / отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый хронограф. Вып. 16. 472 с. С. 216–237. DOI: <https://www.doi.org/10.19181/ezheg.2018.10>

Валиахметов, Р. М., Баймурзина, Г. Р., Туракаев, М. С., Аитов, С. Г. (2018) Трудовая миграция как фактор человеческого потенциала Республики Башкортостан // Экономика и управление: научно-практический журнал. № 6. С. 147–156.

Валиахметов, Р. М., Баймурзина, Г. Р., Туракаев, М. С., Самба, А. Д.-Б. (2021) Этносоциальные особенности занятости населения в республиках Тува и Башкортостан // Новые исследования Тувы. № 4. С. 206–222. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.15>

Валиахметов, Р. М., Туракаев, М. С. (2020) Миграционный потенциал населения Республики Башкортостан: основные факторы и направления миграции // Научный результат. Социология и управление. Т. 6. № 4. С. 69–86. DOI: <https://www.doi.org/10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-5>

Голенкова, З. Т., Самба, А. Д.-Б. (2019) Прошлое, настоящее и будущее социального пространства в регионе // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии ФНИСЦ РАН. № 3. С. 5–17. DOI: <https://doi.org/10.19181/inab.2019.3.1>

Дабиев, Д. Ф., Дабиева У. М. (2015) О скорректированном показателе индекса развития человеческого потенциала с учетом социокультурных факторов (на примере Республики Тыва) // Экономический анализ: теория и практика. Т. 14, вып. 37. С. 50–64.

Ламажаа, Ч. К. (2021) Социально-стратификационные процессы в Республике Тыва (2020) / отв. ред. З.Т. Голенкова, Ю.В. Голиусова, П.Е. Сушко; ФНИСЦ РАН. М.; Кызыл: ФНИСЦ РАН. 128 с. // Социологические исследования. № 5. С. 166–169. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250013770-0>

Ойдуп, Т. М., Кылгыдай, А. Ч. (2021) Выпускники школ как основа человеческого капитала региона: на примере Республики Тыва // Вестник Института социологии. Т. 12. № 3. С. 176–188. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.3.743>

Самба, А. Д.-Б. (2020) Основные изменения в социально-трудовом пространстве Республики Тыва // Экономика и управление: научно-практический журнал. № 1. С. 47–50. DOI: <https://doi.org/10.34773/EU.2020.1.12>

Социально-стратификационные процессы в Республике Тыва (2020) / З. Т. Голенкова и др.; отв. ред. З. Т. Голенкова, Ю. В. Голиусова, П. Е. Сушко. М.; Кызыл : ФНИСЦ РАН. 128 с. DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-332-4.2020>

Тарбастаева, И. С. (2018) Тува превращается в моноэтничный регион: риски и перспективы // ЭКО. № 5 (527). С. 65–80.

Хажыки, А. Ф. (2020) Исследование индекса развития человеческого потенциала Тувы // Человеческий потенциал Центрально-Азиатского региона: перспективы развития: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с межд. участием (Кызыл, 15–18 сентября 2020 г.) / отв. ред. З. Т. Голенкова. М. : ФНИСЦ РАН. 422 с. С. 164–167 [Электронный ресурс] // Федеральный социологический центр РАН. URL: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=1198&id=8450 (дата обращения: 12.02.2022).

Человеческий потенциал Центрально-Азиатского региона: перспективы развития: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с межд. участием (Кызыл, 15–18 сентября 2020 г.) / отв. ред. З. Т. Голенкова. М. : ФНИСЦ РАН. 422 с. [Электронный ресурс] // Федеральный социологический центр РАН. URL: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=1198&id=8450 (дата обращения: 12.02.2022).

Дата поступления: 20.03.2022 г.

REFERENCES

Artiukhov, I. P., Kapitonov, V. F., Novikov, O. M. and Mongush Zh. B. (2008) Mediko-sotsial'noe sostoianie semei (semeinyi chelovecheskii potentsial) Respubliki Tyva [Medical and social status of families (family human potential) of the Republic of Tuva]. *Sibirskoe meditsinskoe obozrenie*, no. 3, pp. 56–58. (In Russ.).

Balakina, G. F. (2011) Ekologo-etnologicheskaiia kontseptsiiia razvitiia depressivnogo regiona [Ecological and ethnological concept of development of a depressed region]. *Regional'naia ekonomika: teoriia i praktika*, no. 28, pp. 10–16. (In Russ.).

Balakina, G. F. and Begzi, A. D. (2016) *Ekonomika Tuvy: vozmozhnye strategii razvitiia [The economy of Tuva: possible strategies of development]*. Kyzyl, TuvIKOPR SO RAN. 380 p. (In Russ.).

Valiakhmetov, R. M. (2015) Problemy razvitiia chelovecheskogo potentsiala Respubliki Bashkortostan [Problems of human development of the Republic of Bashkortostan]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 8, pp. 50–55. (In Russ.).

Valiakhmetov, R. M. (2020) Vklad Programmy razvitiia OON v razrabotku dokladov o razvitii chelovecheskogo potentsiala v Respublike Bashkortostan [Contribution of the United Nations Development Program to human development reports in the Republic of Bashkortostan]. In: *Sovremennyi mir i pravo: 75 let Organizatsii Ob'edinennykh Natsii [Contemporary world and law: 75 Years of the United Nations]*: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Ufa, September 25, 2020) / ed. by R. V. Nigmatullin. Ufa, RITs BashGU. 412 p. Pp. 175–182. (In Russ.).

Valiakhmetov, R. M., Baimurzina, G. R. and Utiasheva, I. B. (2018) Vozmozhnosti i perspektivy sotsiologicheskogo izmereniia chelovecheskogo potentsiala (na primere Respubliki Bashkortostan) [Opportunities and prospects of the sociological measurement of human potential: the case of the Republic of Bashkortostan]. In: *Rossia reformiruiushchiasia [Russia under reforms]*. Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow, Novyi khronograf. Issue 16. 472 p. Pp. 216–237. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.19181/ezheg.2018.10>

Valiakhmetov, R. M., Baimurzina, G. R., Turakaev, M. S. and Aitov, S. G. (2018) Trudovaia migratsiia kak faktor chelovecheskogo potentsiala Respubliki Bashkortostan [Labor migration as a factor of human potential in the Republic of Bashkortostan]. *Ekonomika i upravlenie*, no. 6, pp. 147–156. (In Russ.).

Valiakhmetov, R. M., Baimurzina, G. R., Turakayev, M. S. and Samba, A. D.-B. (2021) Etnosotsial'nye osobennosti zaniatosti naseleniia v respublikakh Tuva i Bashkortostan [Ethnic and social features of Employment in the Republics of Tuva and Bashkortostan]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 206–222 (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.15>

Valiakhmetov, R. M. and Turakaev, M. S. (2020) Migratsionnyi potentsial naseleniia Respubliki Bashkortostan: osnovnye faktory i napravleniia migratsii [Migration potential of the population of the republic of Bashkortostan: main directions and factors]. *Research Result. Sociology and management*, vol. 6, no. 4, pp. 69–86. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-5>

Golenkova, Z. T. and Samba, A. D.-B. (2019) Proshloe, nastoiashchee i budushchee sotsial'nogo prostranstva v regione [The past, present and future of social space in the region]. *Informatsionno-analiticheskii biulleten' Instituta sotsiologii FNISTs RAN*, no. 3, pp. 5–17. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/inab.2019.3.1>

Dabiev, D. F. and Dabieva U. M. (2015) O skorrektirovannom pokazatele indeksa razvitiia chelovecheskogo potentsiala s uchetom sotsiokul'turnykh faktorov (na primere Respubliki Tyva) [On adjusted values of the human development index taking into account socio-cultural factors: the case of the Republic of Tyva]. *Ekonomicheskii analiz: teoriia i praktika*, vol. 14, issue 37, pp. 50–64. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Sotsial'no-stratifikatsionnye protsessy v Respublike Tyva (2020) / otv. red. Z. T. Golenkova, Yu. V. Goliusova, P. E. Sushko; FNISTs RAN. M.; Kyzyl: FNISTs RAN. 128 s. [Socio-stratification processes in the Republic of Tuva (2020) / ed. by Z. T. Golenkova, Yu. V. Goliusova, P. E. Sushko; FNISTC RAS. M.; Kyzyl: FNISTC RAS. 128 p.]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 5, pp. 166–169. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250013770-0>

Oydup, T. M. and Kylgidai, A. Ch. (2021) Vypusniki shkol kak osnova chelovecheskogo kapitala regiona: na primere Respubliki Tyva [Secondary school graduates as the basis of the human capital in the region: the case of the Republic of Tuva]. *Bulletin of the Institute of Sociology*, vol. 12, no. 3, pp. 176–188. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.3.743>

Samba, A. D.-B. (2020) Osnovnye izmeneniia v sotsial'no-trudovom prostranstve Respubliki Tyva [Major changes in the social and labor space of the Republic of Tuva]. *Ekonomika i upravlenie*, no. 1, pp. 47–50. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.34773/EU.2020.1.12>

Sotsial'no-stratifikatsionnye protsessy v Respublike Tyva [Social stratification processes in the Republic of Tuva] (2020) / Z. T. Golenkova et al. ; ed. by Z. T. Golenkova, Yu. V. Goliusova and P. E. Sushko. Moscow ; Kyzyl, FCTAS RAS. 128 p. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-332-4.2020>

Tarbastaeva, I. S. (2018) Tuva prevrashchaetsia v monoetnichnyi region: riski i perspektivy [Risks and prospects of Tuva becoming a monoethnic region]. *EKO*, no. 5 (527), pp. 65–80. (In Russ.).

Khazhyki, A. F. (2020) Issledovanie indeksa razvitiia chelovecheskogo potentsiala Tuvy [A study of the Human Development Index in Tuva]. Chelovecheskii potentsial Tsentral'no-Aziatskogo regiona: perspektivy razvitiia [Human potential of the Central Asian region: development prospects] / ed. by Z. T. Golenkova. Moscow, FNISTs RAN. 422 p. Pp. 164–167. *Federal'nyi sotsiologicheskii tsentr RAN* [online] Available at: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=1198&id=8450 (access date: 12.02.2022) (In Russ.).

Chelovecheskii potentsial Tsentral'no-Aziatskogo regiona: perspektivy razvitiia [Human potential of the Central Asian region: development prospects] / ed. by Z. T. Golenkova. Moscow, FNISTs RAN. 422 p. *Federal'nyi sotsiologicheskii tsentr RAN* [online] Available at: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=1198&id=8450 (access date: 12.02.2022) (In Russ.).

Submission date: 20.03.2022.

DOI: 10.25178/nit.2022.2.2

Статья

Риски развития человеческого потенциала этнических общностей Республики Тыва (1999–2021 гг.)

Галина Ф. Балакина

Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения
Российской академии наук, Российская Федерация

В статье анализируются оценки и деятельность представителей этнических общностей Тувы по заботе о здоровье, уровне образования, повышению квалификации, созданию материальной базы будущего развития для себя и членов семьи, в оценке рисков развития человеческого потенциала и возможностей по их минимизации. Работа основана на данных государственной статистики за 2000–2021 гг., а также социологических исследований 1999–2021 гг. под руководством и при участии автора.

Низкий уровень оплаты труда и доходов населения, снижение реальных доходов населения в последние годы не обеспечивают развитие человеческого потенциала для значительной части населения Республики Тыва. Риски ухудшения межнациональных отношений вследствие стабильно высокой конкуренции за доступ к социальным благам и услугам нивелируются в республике возросшим уровнем толерантности, а также малочисленностью некоренных общностей населения. Уровень напряженности в межнациональных отношениях в Туве, достаточно высокий в 1990-е гг., постепенно снижался, переходя в латентную, скрытую форму в 2000-х гг., с 2010 г. по 2021 г. оставался стабильным. Сохраняется позитивное взаимодействие двух основных этносов — тувинцев и русских.

Это обуславливает сохранение латентной напряженности в межнациональных отношениях, становится причиной отъезда представителей миноритарных этносов из региона в поисках родственной этнокультурной среды и более благоприятных социально-экономических условий. Для тувинцев сохранение этнической компактности, невысокой общенациональной идентичности, соблюдение традиций выживания позволяет обеспечить стабильное существование этноса, поддержание характеристик человеческого потенциала.

Ключевые слова: человеческий потенциал; социальный риск; Республика Тыва; тувинцы; русские Тувы; доход; социальное самочувствие; толерантность

Статья подготовлена в рамках государственного задания ТувИКОПР СО РАН, проект № 0307-2021-0005.

Для цитирования:

Балакина Г. Ф. Риски развития человеческого потенциала этнических общностей Республики Тыва (1999–2021 гг.) // Новые исследования Тувы. 2022, № 2. С. 20–33. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.2.2>

Балакина Галина Федоровна — доктор экономических наук, главный научный сотрудник Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов СО РАН. Адрес: 667007, Россия, г. Кызыл, ул. Интернациональная, д. 117А. Тел.: +7 (909) 528-99-80. Эл. адрес: balakina.gal@yandex.ru

BALAKINA, Galina Fedorovna, Doctor of Economics, Chief Research Fellow, Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch, RAS. Postal address: 117A Internatsionalnaya St., 667007 Kyzyl, Russian Federation, Tel.: +7 (909) 528-99-80. Email: balakina.gal@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-2387-7190

Risks in human development in ethnic communities of the Republic of Tuva (1999–2021)

Galina F. Balakina

*Tuvian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch, RAS,
Russian Federation*

The article examines how members of ethnic communities of the Republic of Tuva assess and act upon the issues of healthcare, level of education, advanced training, provision for the future development of the whole family, including themselves. A special focus is made on understanding risks for human development and minimizing those risks. Our study draws upon official statistics for the years 2000–2021, also making use of the studies carried out from 1999 to 2021 where the author was a team member or the project leader.

In recent years, poor salaries and a decrease in real wages have been to blame for the failure to provide a rise in human development for a significant part of the population of the Republic of Tuva. A risk of worsening inter-ethnic relations due to persistently high competition for access to social services and other benefits has so far been neutralized by rising levels of tolerance and low numbers of non-indigenous population. While high and explicit in 1990s, tension in inter-ethnic relations has been gradually easing and stayed latent throughout 2000s. It has persisted up to 2021, although on the whole Tuva's main ethnicities – Tuvans and Russians – have been interacting in a positive key.

Nevertheless, the latent inter-ethnic tension is to blame for the departure of some of those belonging to minority ethnicities from the region, in the search of a more compatible ethnocultural environment and more advantageous social and economic atmosphere for their development. Tuvans see ethnically compact settlement, weak focus on federal identity and preserving survival traditions as pre-requirements for ethnic stability and supporting human development in their own way.

Keywords: human development; social risks; Republic of Tuva; Tuvans; Russians in Tuva; income; social well-being; tolerance

The article was prepared as part of the state assignment for Tuvian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Project No. 0307-2021-0005.

For citation:

Balakina G. F. Riski razvitiia chelovecheskogo potentsiala etnicheskikh obshchnostei Respubliki Tyva (1999–2021 gg.) [Risks in human development in ethnic communities of the Republic of Tuva (1999–2021)]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 2, pp. 20–33. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.2.2>

Введение

Определение способов и методов сохранения, совершенствования и использования человеческого потенциала регионов с учетом возможных рисков представляется актуальной социальной и научной проблемой. Под риском нами понимается вероятность изменения условий жизни под влиянием внешних и внутренних факторов в неблагоприятном направлении, не соответствующем целям развития общества. Другими словами, риск — это возможность возникновения неблагоприятной ситуации или неудачного исхода какой-либо деятельности. В трудах ученых-социологов У. Бека (Бек, 2000), Н. Лумана (Луман, 1994), Э. Гидденса (Гидденс, 1994), О. Н. Яницкого (Яницкий, 2003), Г. Бехмана и В. Г. Горохова (Бехманн, Горохов, 2012) риски анализируются во взаимодействии по поводу реагирования на последствия процессов, явлений и событий.

Целью статьи стал анализ человеческого потенциала Республики Тыва с учетом возможных рисков, а также систематизация вариантов ответов на риски. Нами рассматриваются следующие угрозы и факторы риска: социальные неравенства, демографические и миграционные процессы, этносоциальные процессы и тенденции в Тыве.

Объектом исследования является динамика процессов развития человеческого потенциала этнических общностей Тувы. В качестве теоретико-методологического подхода применен системный анализ процессов развития человеческого потенциала (ЧП) с использованием междисциплинарного подхода.

Социальные риски развития человеческого потенциала в Туве рассматриваются нами как возможные негативные последствия проводимой социальной политики сдерживания роста доходов населения, необоснованной дифференциации оплаты труда по отраслям, низких социальных расходов государства. Риски проявляются в конкуренции этнических общностей за доступ к образовательным, социальным и рекреационным услугам, фрустрации и депривации их представителей, в сохранении напряженности в межнациональном общении.

Источниковой базой анализа стали данные государственной статистики за 2000–2021 гг., а также авторских социологических исследований 1999–2021 гг. В том числе использованы результаты опросов населения Республики Тыва в 1999 г. (опрошено 512 респондентов – жителей Барун-Хемчикского, Пий-Хемского, Кызылского кожуунов и городов Кызыла, Ак-Довурака и Турана); в 2010 г. опрошено 400 человек взрослого населения г. Кызыла, Улуг-Хемского, Тандинского и Эрзинского кожуунов; в 2021 г. получены ответы 400 жителей Тоджинского и Кызылского кожуунов и г. Кызыла, а также 301 студента вузов и техникумов г. Кызыла. Опросы проведены по репрезентативной выборке в апреле-мае 1999 г., мае 2010 г. и мае-июне 2021 г. под руководством и при участии автора статьи по анкетам, в которых сохранены блоки вопросов для сопоставимости результатов исследования в единой методике. Их результаты отражены в ряде публикаций (Балакина, 2000; Балакина, Кылгыдай, 2010, 2012, 2015). При составлении анкет при участии автора статьи, З. В. Анайбан и М. М.-Б. Харуновой использованы отдельные вопросы из «Опросных листов» Л. М. Дробижевой (Гражданская, этническая ..., 2013: 446-472).

Обзор литературы

Под человеческим потенциалом мы понимаем комплекс характеристик индивида, социальной группы, включающий совокупность знаний, навыков, личных качеств и физических способностей, определяющих его участие в социально-значимой и общественно-полезной деятельности и обеспечивающих его развитие.

Основы социокультурного анализа были заложены в трудах ученого М. Вебера 1905–1919 гг., который исследовал значение и роль социально-культурных факторов в формировании системы мотиваций предпринимательской деятельности и особой системы ценностей на этапе появления буржуазного общества (Вебер, 2002). Позднее концепции М. Вебера легли в основу анализа социокультурных аспектов модернизации в работах Ш. Эйзенштадта, который исследовал процессы модернизации на основе изучения особенностей этносоциальных и историко-культурных процессов (Eisenstadt, 1973; Эйзенштадт, 1999).

С конца 1970-х годов началось развитие экономической антропологии, были проведены исследования, выявившие степень влияния этнокультурных особенностей на качественные характеристики рабочей силы (Hofstede, 1980, 2011). Ряд исследований свидетельствует о том, что единообразие требований к работникам одной специальности и одинаковой квалификации, но разных национальных типов, может привести к существенно различающимся результатам.

Значимость исследований социокультурных факторов развития подтверждается присвоением ряда Нобелевских премий по экономике за работы по данной проблематике, в частности Д. Норта (Норт, 1997, 2010) и А. Сену (Сен, 2004).

В российской науке социокультурная проблематика широко представлена с конца 1980-х гг. с начала постсоветского периода. Экономическая культура рассматривается как часть культуры общества, которая через механизм обратных связей влияет на экономическое развитие общества (Заславская, Рывкина, 1991; Россия и россияне ..., 2008; Дискин, 1992: 35-36).

Объективное исследование процессов развития современной России не может обойтись без анализа этносоциальных процессов, в основе которого заложено осознание, что проблемы межэтнического взаимодействия детерминируются не только протестами меньшинств, но и позицией большинства по совершенствованию системы управления и культурной политики государства. Исторически сформировавшаяся и законодательно закреплённая полиэтничная структура России определяет особенности управления ее национальной безопасностью.

Исследование проблем этничности и оценок рисков в этнической среде обуславливает развитие теории конфликтов и реализацию программ мониторинга межэтнических отношений. Российскими

учеными развивается теория этносоциологического анализа социальных процессов и тенденций, определены методологические основы анализа этничности, этносоциальных процессов, динамики межнационального взаимодействия и предупреждения межэтнических конфликтов, в трудах В. А. Тишкова (Тишков, 2012), Л. М. Дробижевой, Ю. В. Арутюняна, А. А. Сусоколова (Дробижева, 2011, 2012, 2021; Арутюнян, Дробижева, Сусоколов, 1999), Ю. В. Попкова, В. Г. Костюка, Е. А. Тюгашева (Попков, Костюк, 2017; Попков, Тюгашев, 2017). Проблемы развития этносоциальных отношений в Республике Тыва исследованы в работах З. В. Анайбан и автора данной статьи (Анайбан, 1999; Балакина, Анайбан, 1995), Ч. К. Ламажаа (Ламажаа, 2011, 2018). Результаты изучения особенностей социальной структуры и социального расслоения в Туве представлены в коллективной работе московских социологов З. Т. Голенковой, Ю. В. Голиусовой, П. Е. Сушко, А. Д.-Б. Самба и др. (Социально-стратификационные ..., 2020).

Научная новизна представляемого в статье исследования состоит в анализе деятельности представителей этнических общностей Тувы по заботе о здоровье, уровне образования, повышении квалификации, создании материальной базы будущего развития для себя и членов семьи, в оценке рисков развития ЧП и возможностей по их минимизации. Данное исследование вносит вклад в характеристику социальных процессов в республике, оцененных с позиций рисков для развития ЧП.

Динамика параметров человеческого потенциала региона

Особенностями социально-экономического состояния Республики Тыва является комплекс характеристик: отставание параметров развития социальной сферы от средних по стране, низкий уровень доходов населения, высокий уровень безработицы, недостаточное развитие отраслей реального сектора экономики, высокая зависимость от ввоза продукции из других регионов, слабая транспортная освоенность территории.

Низкий уровень доходов большинства населения региона детерминирует недостаточное инвестирование семей в образование детей, что создает угрозы социокультурному воспроизводству, прерыванию семейных династий инженеров, врачей, учителей, музыкантов и других работников творческих профессий.

В развитии социально-экономических процессов в Республике Тыва нами выделены три периода, различающиеся по уровню бедности, интенсивности миграционных процессов и изменению средней продолжительности жизни населения: 2000–2008 гг., 2009–2015 гг. и 2016–2020 гг. Динамика уровня бедности в Туве была следующей: в 2000–2008 гг. произошло его существенное снижение с 78 до 29,6%; в 2009–2015 гг. удельный вес жителей с доходами ниже прожиточного минимума увеличился с 30 до 37%; а в 2016–2020 гг. — он (удельный вес жителей с доходами ниже прожиточного минимума) снизился с 36,9 в 2015 г. до 31,7% в 2020 г.¹ По данным официальной статистики, преобладающим является недостаточный уровень потребления, в особенности у жителей сельской местности, к которым относится почти половина населения региона (45,7% в 2019 г.)². То есть значительная часть населения Тувы не располагает достаточными ресурсами даже для восстановления своего человеческого потенциала, поскольку, когда минимальный потребительский бюджет (индивида, социальной группы) не превышает прожиточный минимум, такой уровень потребления считается недостаточным (Бобков, Гулюгина, 2020: 11).

Для демографической ситуации здесь характерна низкая продолжительность жизни, высокая смертность, в особенности мужчин в возрасте 45–60 лет, основными причинами чего являются низкий уровень доходов, неблагоприятные природно-климатические условия, сложная экологическая ситуация, низкая территориальная доступность мест отдыха и качественных высокотехнологичных медицинских услуг. По количеству населения трудоспособного возраста этот показатель составил в 2019 г. 652,1 человека на 10 тыс. населения в сравнении с 470,0 по РФ и 568,8 по Сибирскому федеральному округу (СФО). Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в Туве в 2019 г. достигла 67,57 лет (по РФ — 73,34, по СФО — 71,12); у мужчин соответственно — 62,51, 68,24 и 65,72³.

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: статистический сборник. М.: Росстат, 2021. С. 240–241.

² Там же. С. 48.

³ Там же. С. 69–70, 79–82.

В 2016–2021 гг. отток из республики русскоязычного населения, выражающийся в сокращении численности русских, украинцев, хакасов и бурят, адаптированных к урбанизационным процессам и имеющих высокий уровень образования и квалификации (Балакина, Анайбан, 2016), дополняется отъездом из Тувы квалифицированных кадров специалистов-тувинцев, в частности врачей (Хомуш-ку, Аракчаа, Донгак, 2017, 2021; Бадмаева, Натсак, 2021). Это определяет ухудшение показателей человеческого потенциала Тувы и без того, значительно уступающего среднероссийскому уровню.

Итак, уровень оплаты труда и доходов населения ниже среднероссийских показателей, снижение реальных доходов населения в 2019–2021 гг. обуславливают снижение темпов совершенствования человеческого потенциала для значительной части населения Республики Тыва, а для ряда социальных групп — понижение уровня его развития. Хотя миграционная убыль населения восполняется за счет высокого естественного прироста численности населения Тувы, необходимо отметить, что возместить потери качественных составляющих человеческого потенциала в ограниченные сроки затруднительно.

Изменение социального самочувствия

В 2019–2021 гг. при снижении уровня жизни и рестрикции доходов жители Тувы, в особенности молодые люди, испытывают необходимость поиска устойчивых ценностей. Зачастую таковыми становятся создание семьи, укрепление родственных связей, интересная работа и прогрессивное развитие родной республики. Значение семейных ценностей остается стабильно высоким для всех трех периодов развития региона: 2000–2008; 2009–2015 и 2016–2020 гг. — и прослеживается в данных опросов. Так, наиболее важными для современного человека семью назвали 53–64% респондентов, как тувинцев, так и русских, и рост показателей указывает на возрастание этих ценностей. От 75% до 86% ответивших отметили, что им помогают переносить жизненные трудности семья, друзья, любимый человек.

Исследование динамики социального самочувствия показывает, что в оценках личных перспектив, изменения своего экономического успеха, материального положения семьи в ближайшей перспективе 44–51% респондентов всех рассматриваемых опросов не сомневались в успешной реализации масштабных проектов по освоению природных богатств Тувы, позитивно оценивали изменение своих материальных возможностей (табл. 1). Можно констатировать значительное снижение уровня социального пессимизма, неуверенности в завтрашнем дне в особенности среди русских респондентов. Также следует отметить, что население связывает улучшение своего благосостояния с применением своих способностей, реализацией образовательных и квалификационных навыков через преодоление трудностей.

Большинство молодых людей считают, что улучшение их жизни зависит от них самих. Динамика по рассматриваемым годам следующая: в 1999 г. так думали 62,5% молодых респондентов (70,1% тувинцев и 33,6% русских), в 2010 г. — 59,8% (62,2% и 51,3% соответственно) и в 2021 г. — 90,6% (94 и 77% соответственно).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете перспективы изменения материального положения Вашей семьи в ближайшем будущем?», в % от общего числа опрошенных в каждом опросе.

Table 1. Distribution of responses to «What is your assessment of prospects of a change in your family's financial standing in the near future?», % of total respondents in each survey

Ваше материальное положение:	1999 г.			2010 г.			2021 г.		
	Всего	в том числе		Всего	в том числе		Всего	В том числе	
		тувинцы	русские		тувинцы	русские		тувинцы	русские
Улучшится	14,3	17,4	6,9	46,8	50,8	33,3	35,3	36,3	31,3
Останется без изменений	30,9	30,0	32,6	27,5	28,6	23,7	40,4	37,5	50,8
Ухудшится	33,7	32,7	36,4	8,8	6,7	16,1	5,7	4,9	8,7
Затрудняюсь ответить	21,1	19,9	24,1	17,0	13,8	26,9	18,6	21,3	7,5

То есть, вектор социального самочувствия населения республики продолжал сохранять позитивную направленность. Доля жителей, рассматривающих свое будущее оптимистично, в ответах которых положительные оценки превышают отрицательные, за рассматриваемые годы осталась высокой.

Динамика уровня доходов

Поскольку официальная статистика не предоставляет данные по доходам отдельных социальных групп населения, в особенности в разрезе национальностей, в анкеты для опроса населения были включены вопросы об оценке собственного материального положения: дохода в среднем на члена семьи, определения статей расходов, от которых приходится отказываться, формулирования моделей поведения при недостатке материальных ресурсов.

В 2010 г. более 66% респондентов (67% тувинцев и 62% русских) ответили, что уровень их среднего дохода на члена семьи ниже прожиточного минимума. Четверть ответивших (29% тувинцев и 19,4% русских) указали, что денег хватает только на приобретение продуктов питания и 12% (14,5% тувинцев и 3,5% русских) признали, что денег не хватает даже на приобретение продуктов питания, постоянно приходится жить в долг.

В исследованиях московских социологов 2019 г. под руководством З. Т. Голенковой было установлено, что в Туве «даже в среднедоходных слоях более половины (66%) респондентов испытывают недостаток средств на текущие расходы. При этом относительно регулярные сбережения может делать только треть представителей высокодоходных слоев, а в целом по выборке лишь 8% опрошенных» (Социально-стратификационные ..., 2020: 56).

Более 45% респондентов в 2021 г. отметили, что уровень их дохода на члена семьи не превышает прожиточный минимум. Малая доля респондентов (6,2%) признала при ответах на вопросы анкеты, что без помощи родственников-горожан они «не смогли бы выжить и дать образование детям». Предсказуемым результатом в 2021 г. явилось существенное отставание уровня доходов сельских жителей, большинство из которых составляют представители титульного этноса. Сельским жителям приходится отказываться от необходимых медицинских услуг и санаторно-курортного лечения (указали 27,9% ответивших тувинцев-сельчан), намерений дать хорошее образование детям, поездок в гости к родным и близким (20,6% респондентов), приобретения товаров длительного пользования (15,5%), решения жилищной проблемы (12,2%), от туристических поездок по стране и за рубеж (34%).

Мы выявили, что уровень доходов русских респондентов несколько выше, чем тувинских. Тувинцы чаще, чем русские, вынуждены отказываться от продолжения своего образования и намерений дать хорошее образование детям (23,2% тувинцев по сравнению с 9,7% русских); от решения жилищной проблемы (27,3 и 17,2% соответственно); от приобретения товаров длительного пользования (16 и 12%); сузить круг общения: снизить количество визитов к родным и близким, туристических поездок по стране и в зарубежные страны (54,6 и 32,5%). Также по оценке размера доходов тувинцы значительно чаще отмечают, что им денег хватает только на приобретение продуктов питания (29%) и денег не хватает даже на приобретение продуктов питания, постоянно приходится жить в долг (14,5%), тогда как среди русских респондентов так ответили соответственно 19,4% и 3,2%. Среди опрошенных тувинцев выше, чем у русских, удельный вес безработных (13,1 и 8,6%).

Выявленная существенная депривированность¹ сельских жителей Тувы, в сочетании с низким уровнем развития транспортной и социальной инфраструктуры, обуславливает высокие риски ограниченности условий для развития нежелательных трансформаций человеческого потенциала региона. Принимая во внимание, что уровни бедности в 2010 г. и 2021 г. были достаточно близки (29,6 и 31,7%), по данным официальной статистики, следует признать, что субъективная оценка уровня собственного благосостояния жителями Тувы стала более позитивной. Население привыкло жить в условиях ограниченного материального достатка, выработало адекватные социальные модели поведения, технологии выживания в условиях постоянной инфляции и снижения реальных доходов.

Вследствие низкого уровня доходов и отставания развития социальной инфраструктуры в Туве существуют высокие риски оттока квалифицированных специалистов за пределы республики, в осо-

¹ Депривированность — сокращение или полное лишение возможности удовлетворять потребности (психологические либо социальные).

бенности молодежи, что нарушает цикл социокультурного воспроизводства, усиливает тенденции старения работающего населения и выражается в структурном и общем дефиците квалифицированных кадров.

Изменение уровня толерантности

Материалы социологических исследований позволили проследить динамику толерантности как социального феномена, характеризующего взаимоотношения между представителями разных социальных групп: терпимое отношение индивидов ко взглядам, нравам и привычкам других людей и социальных групп. Толерантность мы рассматриваем как одну из основных составляющих оценки уровня межэтнической конфликтности в контактных средах.

Динамика ответов на вопросы об этническом статусе показывает, что в Туве вследствие установления доминирования титульного этноса значимость восприятия собственной этнической идентичности остается стабильно высокой. Косвенно об этом можно судить по динамике ответов на вопрос «Что для Вас является Родиной?» Так, среди тувинской молодежи остается высоким удельный вес выбравших утверждение «Моя родина — Россия» (45,1%) (Анайбан, Балакина, 2022: 153), тогда как в 1999 г. так считали 30,6% молодых респондентов–тувинцев, в 2010 г. — 33,7%. Из данных опросов видно, что этническая идентичность рассматривается молодежью как надежная основа дальнейшего саморазвития и своего рода гарантия безопасности.

Невысокий уровень общенациональной (государственной) идентичности тувинской молодежи, с одной стороны, стимулирует молодых людей работать на благо родной республики, считать себя творцами ее будущего, с другой — поддерживает тенденцию к этнической замкнутости, создает риски напряженности в межнациональном общении и недостаточном встраивании в современные процессы модернизации.

Тем не менее, можно отметить тенденцию постепенного возрастания в Туве значимости российской идентичности и некоторого снижения значимости этнической принадлежности у тувинской молодежи. В связи с этим можно говорить о снижении рисков формирования этнической замкнутости, перспективах формирования межнационального взаимодействия, что способствует утверждению идеи социального доверия в межэтническом общении (табл. 2). С опытом этнического взаимодействия в период проведения реформ (1990–2021 гг.), осложняющийся кризисами в экономико-финансовой сфере терпимость и толерантное отношение к коллегам по трудовой деятельности не снижается и остается достаточно высокой, как у тувинцев, так и у русских (табл. 3). Прослеживается снижение уровня ксенофобии, неприятия «чужих».

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Каково Ваше отношение к людям иной, чем у Вас национальности?», в % к числу опрошенных

Table 2. Distribution of responses, «How do you view people of other ethnicity than yours?», % of total respondents

Варианты ответов	1999 г.			2010 г.			2021 г.		
	Всего	в том числе		Всего	в том числе		Всего	в том числе	
		тувинцы	русские		тувинцы	русские		тувинцы	русские
Одинаково отношусь к людям любой национальности	74,0	73,1	75,7	80,0	77,4	87,1	76,5	75,5	80,3
Как правило, испытываю симпатию	5,9	6,5	4,8	6,0	6,8	3,5	9,9	10,1	9,3
Отношусь настороженно	16,8	17,9	14,8	13,0	13,8	8,7	13,5	14,3	10,3
Затрудняюсь ответить	3,3	2,5	4,7	1,0	1,0	1,1	0,1	0,1	0,1

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Как национальный состав влияет на отношения в трудовом коллективе?», в % к числу опрошенных
 Table 3. Distribution of responses, «How does ethnic composition influence personal relationships at work?», % of total respondents

Варианты ответов	1999 г.			2010 г.			2021 г.		
	Всего	в том числе		Всего	в том числе		Всего	в том числе	
		тувинцы	русские		тувинцы	русские		тувинцы	русские
Не имеет никакого значения	64,2	58,5	72,6	56,1	54,5	62,4	59,0	58,4	61,3
В многонациональном коллективе работать сложнее	6,7	7,6	4,6	14,6	12,2	24,7	10,3	9,5	13,5
В многонациональном коллективе работать лучше	25,5	28,5	18,2	27,4	31,5	10,8	27,3	28,9	20,7
Затрудняюсь ответить	3,6	3,4	4,6	1,9	1,8	2,1	3,4	3,2	4,5

В ходе опроса 2021 г. выяснилось, что большинство населения положительно оценивает состояние межнациональных отношений в Туве. Так, более 92% респондентов указали, что оценивают межэтнические отношения как хорошие (8,3%) и нормальные (84,4%). Межнациональные отношения в республике как ухудшившиеся охарактеризовали 7,3% ответивших, тогда как в 2010 г. эти показатели были 14,3% от числа всех респондентов и 13,9% молодых людей.

Анализ динамики этнических стереотипов также подтверждает стабильно положительное межэтническое взаимодействие, о чем свидетельствует снижение преобладания позитивных автостереотипов над позитивными гетеростереотипами. Так, если в 2010 г. частота ответов о позитивных качествах представителей своей этнической общности в 2,5–2,8 раза превышала ответы о положительных качествах характера представителей аутгруппы, то в опросе 2021 г. такой разрыв составлял 80–98% соответственно. В русской этнической среде это преобладание несколько выше, что обусловлено миноритарным статусом этноса в регионе, особенностями адаптационных процессов к реалиям социально-экономической действительности. Можем сказать, что это обстоятельство продолжает выполнять «функцию защитного механизма, призванного обеспечить сохранность этноса и поддержание его интересов» (Анайбан, Балакина, 2015: 98). За период между анализируемыми опросами населения с 2010 г. по 2021 г. существенно (на 37–40%) вырос удельный вес положительных гетеростереотипов (восприятие аутгруппы). Русские чаще стали отмечать такие качества тувинцев как гостеприимство (38,5% в 2010 г. и 54,1% — в 2021 г.), трудолюбие (34,1 и 47,2% соответственно), готовность помочь (12,0 и 16,7%), миролюбие (8,3 и 11,6%). Тувинцы более высоко оценили у русских открытость, простоту (30,5 и 43,3% соответственно), воспитанность (28,6 и 38,6%), трудолюбие (31,3 и 43,5%), готовность прийти на помощь (21,2 и 29,4%).

Все это, на наш взгляд, свидетельствует о нарастании процесса познания и адекватного восприятия культуры, обычаев и традиций соседнего этноса, детерминирующего сужение сферы формирования негативного перцептивного образа «чужих», снижение уровня ксенофобии. Такая ситуация является следствием целенаправленной реализации ряда культурно-просветительских и социальных программ.

Можно говорить, что уровень толерантности в республике возрос, или, по крайней мере, не снижается в последние 10–15 лет. Это является результатом как более чем четвертьвековой практики позитивного межнационального взаимодействия, кроме того — выездом «нетолерантных» русскоязычных жителей, не стремящихся понять культуру коренного этноса, выучить тувинский язык, желающих жить в регионах с преобладанием представителей своей национальности.

Особенности практик реагирования на риски этнических общностей

Социальные практики коренного этноса республики регулируются множеством этнокультурных традиций (Ламажаа, 2018: 154). Основой традиционных ценностей здесь можно назвать жизнь в гармонии с природой, оберегая ее для дальнейшего пользования ее дарами самим и последующим поколениям, помощь и забота о слабых и беззащитных, сиротах, больных и обездоленных. Для тувинского этноса характерны укрепление родственных связей, рост значимости поддержки влиятельных родственников и знакомых. Продолжающаяся практика выделения средств менее обеспеченным родственникам, с одной стороны, помогает выжить представителям этноса, с другой — может, при неверном толковании, сдерживать стремление к самосовершенствованию, открытию собственного бизнеса, карьерному росту, как и любое другое уравнивающее распределение. Тем не менее, именно родственная поддержка позволяет не прерывать процесс социокультурного воспроизводства и поддерживать стабильность параметров человеческого капитала группы, что неоднократно отмечалось исследователями (Ламажаа, 2021: 15–16; Социально-стратификационные ..., 2020: 65–68).

Тувинская сельская молодежь для улучшения своего социального положения рассматривает возможность переезда в городскую местность без намерения вернуться в родное село, что существенно подрывает возможности развития сельского хозяйства как традиционной отрасли занятости в Туве. С одной стороны, неприхотливость, умение жить в непростых жилищных условиях при низкой материальной обеспеченности при природной любознательности и высоком уровне обучаемости тувинской молодежи можно рассматривать как преимущественные характеристики для роста человеческого потенциала региона. С другой стороны, невысокое качество образования, плохое знание молодыми тувинцами русского языка усиливают замкнутость социума и депривацию представителей, обуславливают ее фрустрированность. Молодежь, имеющая высшее профессиональное образование, ориентируется на занятость в инновационных отраслях: внедрение и разработка IT-технологий, тенденция к использованию неформальных видов занятости: фриланс и прекариат (работа по срочному договору). Хотят работать в новых фирмах и открыть собственное дело более трети опрошенных молодых людей (37%). Необходимо формировать условия для расширения возможностей повышения образования сельской молодежи: диверсификация форм социальной поддержки, создание условий неполной, почасовой занятости.

Для представителей русского этноса типична занятость в технологически оснащенных отраслях: промышленности, строительстве, 48–53% из них, по материалам опросов, имеют образование технического и естественно-научного профиля: в 1999 г. — 50,1; в 2010 г. — 52,9; в 2021 г. — 48,2%. При финансовых ограничениях опрошенные русские отказываются от повышения уровня образования в последнюю очередь. Русские воспринимают отъезд детей на учебу за пределы Тувы как возможность реализовать миграционные настроения для улучшения качества жизни. Для них характерна стратегия выживания, связанная с созданием запасов из продукции, выращенной на дачных участках, приусадебных хозяйствах, заготовленных даров леса. Русские мужчины в Туве в большинстве своем ориентированы на активный отдых на природе: охота, рыбалка, заготовка дикоросов (ягод, грибов, семян лиственницы и др.).

Для развития рынка труда республики в последние годы стало типичным превращение хобби (отдыха на природе) в основной вид занятости. Причем не только для русских, но и для тувинцев. Это происходит из-за закрытия или сокращения деятельности ряда предприятий, отставания роста заработной платы от повышения цен, невозможности обеспечить семью за счет официального заработка.

Русские, осознавая свое положение национального меньшинства, избрали практику «квалифицированной пассивности», для которой характерны невмешательство в политические процессы, невысказывание собственного мнения, избегание вмешательства в конфликты, пониженное стремление к карьерному росту внутри республики при высоком уровне профессиональной компе-

тентности. Респонденты-русские осторожнее оценивают перспективы позитивного изменения своего материального положения в будущем, что детерминирует высокие миграционные ожидания и отрицательно отражается на параметрах человеческого потенциала, изменяет социокультурное пространство республики. За межпереписной период 2010–2021 гг. доля русских в населении Тувы уменьшилась с 16,3% до 8%.

В рассматриваемом периоде 2000–2021 гг. сохраняется позитивное межнациональное взаимодействие на фоне кризисных явлений в экономике страны, пандемии новой коронавирусной инфекции, сопровождающейся снижением уровня доходов населения, ростом бедности. Риск ухудшения межнациональных отношений в республике при падении уровня доходов населения, неснижающейся конкуренции на рынке труда остается значительным. Однако, формирующийся в последние десятилетия этнокультурный синкретизм как процесс соблюдения традиций соседнего народа наряду с растущим уровнем толерантности позволяют снизить этот риск. С нашей точки зрения, диалог культур русского и тувинского народа (житейскими примерами которого можно назвать участие тувинцев в крещенских купаниях, соблюдение ритуалов поминовения усопших, задабривание духов русскими, празднование ими Шагаа, изучение тувинского языка и др.) только набирает силу, и потенциал диалога культур далеко не полностью использован.

Заключение

Систематизация данных социологических опросов и показателей официальной статистики позволяет выделить в этнодемографической и социокультурной сферах современной Тувы следующие тенденции, которые можно оценить как риски в развитии этнических общностей.

Низкий уровень оплаты труда и доходов населения, снижение реальных доходов населения в последние годы не обеспечивают развитие человеческого потенциала для значительной части населения Республики Тыва. Это также обуславливает сохранение латентной напряженности в межнациональных отношениях, становится причиной отъезда представителей миноритарных этносов из региона в поисках родственной этнокультурной среды и более благоприятных социально-экономических условий. Для тувинцев сохранение этнической компактности, невысокой общенациональной идентичности, соблюдение традиций выживания позволяет обеспечить стабильное существование этноса, поддержание характеристик человеческого потенциала.

Миграционная убыль, компенсирующаяся значительным естественным приростом численности населения Тувы при невозможности восполнить потери качественных составляющих человеческого потенциала, детерминирует консервацию развития республики. Интенсивность миграции за пределы республики, перешла на качественно новый уровень, сменив мононациональную окраску на выезд квалифицированных специалистов, в первую очередь, врачей и учителей.

Низкие темпы экономического роста и создания новых рабочих мест приводят к стабилизации безработицы на социально опасном уровне, что усиливает конкуренцию социальных групп на рынке труда и в сфере распределения социальных благ и услуг.

Риски ухудшения межнациональных отношений вследствие стабильно высокой конкуренции за доступ к социальным благам и услугам нивелируются в республике возросшим уровнем толерантности, а также малочисленностью некоренных общностей населения. Уровень напряженности в межнациональных отношениях в Туве, достаточно высокий в 1990-е гг., постепенно снижался, переходя в латентную, скрытую форму в 2000-х гг., с 2010 г. по 2021 г. оставался стабильным, обеспечивая позитивное взаимодействие двух основных этносов — тувинцев и русских.

Формирование хозяйственно-поведенческих стратегий выживания населения в условиях снижения реальных доходов ограничивает социокультурное воспроизводство в республике и усиливает риски снижения качества человеческого потенциала, которые реализуются в миграционном оттоке квалифицированных специалистов из Тувы и стагнации отставания параметров человеческого капитала от среднероссийских.

Региональная политика российского государства — экономическая и социальная — нуждается в совершенствовании в целях обеспечения справедливого распределения социальных затрат на модернизацию между региональными социальными группами. В целях компенсации этносоциальных рисков по истощению человеческого капитала, для достижения устойчивого развития региона не-

обходимо институциональное конструирование системы мониторинга этнических процессов, включающей прогнозирование факторов риска, распределение функций регулирования между органами исполнительной власти, разработку и продвижение законопроектов, нейтрализующих факторы институционального риска.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анайбан, З. В. (1999) Межнациональные отношения в Туве в 1990-е годы. М. : Институт этнологии и антропологии РАН. 336 с.
- Анайбан, З. В., Балакина, Г. Ф. (2015) Динамика межэтнических отношений и этнических стереотипов в Республике Тыва // Социологические исследования. № 8. С. 93–99.
- Анайбан, З. В., Балакина, Г. Ф. (2022) Социальные ожидания и ценностные ориентации учащейся молодежи Тувы // Социологические исследования. № 2. С. 151–156. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250018548-5>
- Арутюнян, Ю. В., Дробижина, Л. М., Сусоколов, А. А. (1999) Этносоциология. М. : Аспект Пресс. 271 с.
- Бадмаева, Н. В., Натсак, О. Д. (2021) Современная трудовая миграция из Калмыкии и Тувы: экономические, социокультурные и гендерные аспекты // Новые исследования Тувы. № 4. С. 186–205. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.14>
- Балакина, Г. Ф. (2000) Динамика социокультурных процессов в Республике Тыва в трансформационный период // Этносоциальные процессы в Сибири / отв. ред. Ю. В. Попков. Новосибирск : Издательство СО РАН. Вып. 3. 312 с. С. 200–201.
- Балакина, Г. Ф., Анайбан, З. В. (1995) Современная Тува: социокультурные и этнические процессы. Новосибирск : Наука, Сибирская издательская фирма РАН. 137 с.
- Балакина, Г. Ф., Анайбан, З. В. (2016) Особенности этнорегиональной миграции в Туве // Социологические исследования. № 10. С. 85–92.
- Балакина, Г. Ф., Кылыгдай, А. Ч. (2010) Исследование процессов адаптации на рынке труда Республики Тыва. Предварительные итоги социокультурного анализа // Новые исследования Тувы. № 4. С. 120–146.
- Балакина, Г. Ф., Кылыгдай, А. Ч. (2012) Особенности социально-экономической адаптации этнических групп в Республике Тыва // Социологические исследования. № 4. С. 69–77.
- Балакина, Г. Ф., Кылыгдай, А. Ч. (2015) Этнорегиональные модели адаптации к рынку труда в Туве / отв. ред. Л. В. Корель. Кызыл : ТувИКОПР СО РАН. 160 с.
- Бек, У. (2000) Общество риска. На пути к другому модерну. М. : Прогресс-Традиция. 384 с.
- Бехманн, Г., Горохов, В. Г. (2012) Социально-философские и методологические проблемы обращения с технологическими рисками в современном обществе (Дебаты о технологических рисках в современной западной литературе) // Вопросы философии. № 7. С. 120–132.
- Бобков, В. Н., Гулюгина, А. Л. (2020) 25 лет Мониторинга доходов и уровня жизни населения России // Уровень жизни населения регионов России. Т. 16. № 3. С. 9–23. DOI: <https://doi.org/10.19181/lsprr.2020.16.3.1>
- Вебер, М. (2002) Протестантская этика и дух капитализма. М. : Ист-Вью. 352 с.
- Гидденс, Э. (1994) Судьба, риск, безопасность // THESIS. № 5. С. 107–134.
- Гражданская, этническая и религиозная идентичность: вчера, сегодня, завтра (2013) / рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижина. М. : Российская политическая энциклопедия. 485 с.
- Дискин, И. Е. (1992) Социокультурный базис перестройки. М. : Наука. 104 с.
- Дробижина, Л. М. (2011) Российская идентичность и тенденции в межэтнических установках за 20 лет реформ // Россия реформирующаяся: ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков М. : Институт социологии РАН. Вып. 10. 564 с. С. 72–85.
- Дробижина, Л. М. (2012) Ресурс межнационального согласия и баланс нетерпимости в современном российском обществе // Мир России. Т. 21. № 4. С. 91–110.
- Дробижина, Л. М. (2021) Опыт 1990-х гг. и управление культурным многообразием // Социологические исследования. № 8. С. 51–61. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250015254-2>
- Заславская, Т. И., Рывкина, Р. В. (1991) Социология экономической жизни. Новосибирск : Наука. 448 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2011) Тува между прошлым и будущим. 2-е изд. СПб. : Алетейя. 368 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2018) Национальный характер тувинцев. СПб. : Нестор-История. 240 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2021) Основные проблемы исследования родства и родственных групп современных тувинцев: паспортизация, терминология и поддержание родства // Новые исследования Тувы. № 4. С. 6–21. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.1>

- Луман, Н. (1994) Риск, неопределенность, случайность // THESIS. № 5. С. 135–160.
- Норт, Д. (1997) Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. М. : Фонд экономической книги «Начала». 180 с.
- Норт, Д. (2010) Понимание процесса экономических изменений / пер. с англ. М. : Изд. дом «Высшая школа экономики». 256 с.
- Попков, Ю. В., Костюк, В. Г. (2017) Динамика социокультурных процессов в сообществах: тенденции, основные показатели // Сибирский философский журнал. Т. 15. № 3. С. 75–85.
- Попков, Ю. В., Тюгашев, Е. А. (2017) Феномен города как межэтнического сообщества // ЭКО. № 10(520). С. 7–19.
- Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития (2008) / отв. ред. Т. И. Заславская. Новосибирск : Изд-во СО РАН. 748 с.
- Сен, А. (2004) Развитие как свобода. М. : Новое изд-во. 425 с.
- Социально-стратификационные процессы в Республике Тыва (2020) / З. Т. Голенкова и др.; отв. ред. З. Т. Голенкова, Ю. В. Голиусова, П. Е. Сушко. М. : ФНИСЦ РАН. 128 с. DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-332-4.2020>
- Тишков, В. А. (2012) Этнополитический конфликт: системный и антропологический (вместо заключения) // Этничность и религия в современных конфликтах / отв. ред. В. А. Тишков М. : Наука. 651 с. С. 627–651.
- Хомушку, С. А., Аракчаа, К. Д., Донгак, С. К. (2017) Движение медицинских кадров Республики Тыва (анализ за 2010–2016 годы) // Вестник Тувинского государственного университета. № 2. Естественные и сельскохозяйственные науки. № 2 (33). С. 132–145.
- Хомушку, С. А., Аракчаа, К. Д., Донгак, С. К. (2021) Движение медицинских кадров Республики Тыва (анализ за 2017–2019 годы) // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. № 1. С. 579–592. DOI: <https://www.doi.org/10.24411/2312-2935-2021-00041>
- Эйзенштадт, Ш. (1999) Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М. : Аспект Пресс. 416 с.
- Яницкий, О. Н. (2003) Социология риска: ключевые идеи // Мир России. Социология. Этнология. Т. 12. № 1. С. 3–35.
- Eisenstadt, S. N. (1973) Tradition, Change and Modernity. New York : John Wiley and Sons. 402 с.
- Hofstede, G. (1980) Culture's Consequence International Differences in Work Related Values. L. : McGraw-Hill. 475 p.
- Hofstede, G. (2011) Dimensionalizing Culture: The Hofstede Model in Context // Online Readings in Psychology and Culture. Vol. 2. No. 1. P. 3–38. DOI: <https://www.doi.org/10.9707/2307-0919.1014>

Дата поступления: 06.04.2022 г.

REFERENCES

- Anaiban, Z. V. (1999) *Mezhnatsional'nye otnosheniia v Tuve v 90-e gody (po materialam etnosotsiologicheskikh issledovaniin) [Interethnic relations in Tuva in the 90s (based on materials of ethno-sociological research)]*. Moscow, Institut etnologii i antropologii RAN. 336 p. (In Russ.).
- Anaiban, Z. V. and Balakina, G. F. (2015) Dinamika mezhetnicheskikh otnoshenii i etnicheskikh stereotipov v Respublike Tyva [Dynamics of interethnic relations and ethnic stereotypes in the Republic of Tyva]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 8, pp. 93–99. (In Russ.).
- Anaiban, Z. V., Balakina, G. F. (2022) Sotsial'nye ozhidaniia i tsennostnye orientatsii uchashcheisia molodezhi Tuvy [Social expectations and value orientation of the contemporary students of Tuva]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 2, pp. 151–156. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250018548-5>
- Arutiunian, Yu. V., Drobizheva, L. M. and Susokolov, A. A. (1999) *Etnosotsiologiia [Ethnosociology]*. Moscow, Aspekt Press. 271 p. (In Russ.).
- Badmaeva, N. V. and Natsak, O. D. (2021) Sovremennaia trudovaia migratsiia iz Kalmykii i Tuvy: ekonomicheskie, sotsiokul'turnye i gendernye aspekty [Modern labor migration from Kalmykia and Tuva: economic, socio-cultural and gender aspects]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 186–205. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.14>
- Balakina, G. F. and Anaiban, Z. V. (1995) *Sovremennaia Tuva: sotsiokul'turnye i etnicheskie protsessy [Contemporary Tuva: Socio-cultural and ethnic processes]*. Novosibirsk, Nauka Publ. 137 p. (In Russ.).
- Balakina, G. F., Anaiban, Z. V. (2016) Osobennosti etnoregional'noi migratsii v Tuve [Ethnoregional migration in Tuva]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 10, pp. 85–92. (In Russ.).
- Balakina, G. F. (2000) Dinamika sotsiokul'turnykh protsessov v Respublike Tyva v transformatsionnyi period [Dynamics of socio-cultural processes in the Republic of Tyva in the transformational period]. In: *Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri*

[*Ethnosocial processes in Siberia*] / ed. by Yu. V. Popkov. Novosibirsk, Izdatel'stvo SO RAN. Issue 3. 312 p. Pp. 200–201. (In Russ.).

Balakina, G. F. and Kylgydai, A. Ch. (2010) Issledovanie protsessov adaptatsii na rynke truda Respubliki Tyva. Pre-dvaritel'nye itogi sotsiokul'turnogo analiza [Adaptation in the labour market of the Republic of Tyva: Preliminary outcomes a sociocultural study]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 120–146. (In Russ.).

Balakina, G. F. and Kylgydai, A. Ch. (2012) Osobennosti sotsial'no-ekonomicheskoi adaptatsii etnicheskikh grupp v Respublike Tyva [Socio-economic adaptation of ethnic groups in the Republic of Tyva]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 4, pp. 69–77. (In Russ.).

Balakina, G. F. and Kylgydai, A. Ch. (2015) *Etnoregional'nye modeli adaptatsii k rynku truda v Tuve* [Ethno-regional models of adaptation to the labour market in Tuva]. Kyzyl, TuvIKOPR SO RAN. 160 p. (In Russ.).

Beck, U. (2000) *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne]. Transl. from Germ. Moscow, Progress-Traditsiia. 384 p. (In Russ.).

Bekmann, G. and Gorokhov, V. G. (2012) Sotsial'no-filosofskie i metodologicheskie problemy obrashcheniia s tekhnologicheskimi riskami v sovremennom obshchestve (Debaty o tekhnologicheskikh riskakh v sovremennoi zapadnoi literature) [Socio-philosophical and methodological problems of dealing with technological risks in modern society: Debates about technological risks in modern Western literature]. *Voprosy filosofii*, no. 7, pp. 120–132. (In Russ.).

Bobkov, V. N. and Guliugina, A. L. (2020) 25 let Monitoringa dokhodov i urovnia zhizni naseleniia Rossii [25 years of monitoring income and living Standards of the population of Russia]. Living standards of the population in the regions of Russia, vol. 16, no. 3, pp. 9–23. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/lspr.2020.16.3.1>

Weber, M. (2002) *Protestantskaia etika i dukh kapitalizma* [The Protestant ethics and the spirit of capitalism]. Moscow, Ist-V'iu. 352 p. (In Russ.).

Giddens, E. (1994) Sud'ba, risk, bezopasnost' [Fate, risk, and security]. *THESIS*, no. 5, pp. 107–134. (In Russ.).

Grazhdanskaia, etnicheskaia i religioznaia identichnost': vchera, segodnia, zavtra [Civil, ethnic and religious identities yesterday, today, and tomorrow] (2013) / ed. by L. M. Drobizheva. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia. 485 p. (In Russ.).

Diskin, I. E. (1992) *Sotsiokul'turnyi bazis perestroika* [The socio-cultural basis of perestroika]. Moscow, Nauka. 104 p. (In Russ.).

Drobizheva, L. M. (2011) Rossiiskaia identichnost' i tendentsii v mezhetnicheskikh ustanovkakh za 20 let reform [Russian identity and trends in interethnic attitudes over the 20 years of reforms]. In: *Rossiia reformiruiushchiasia* [The Reforming Russia]: A yearbook / ed. by M. K. Gorshkov. Moscow, Institut sotsiologii RAN. Issue 10. 564 p. Pp. 72–85. (In Russ.).

Drobizheva, L. M. (2012) Resurs mezhnatsional'nogo soglasiia i balans neterpimosti v sovremennom rossiiskom obshchestve [The resource of interethnic harmony and the balance of intolerance in contemporary Russian society]. *Mir Rossii*, vol. 21, no. 4, pp. 91–110. (In Russ.).

Drobizheva, L. M. (2021) Opyt 1990-kh gg. i upravlenie kul'turnym mnogoobraziem [The experience of the 1990s and cultural diversity management]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 8, pp. 51–61. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250015254-2>

Zaslavskaia, T. I. and Ryvkina, R. V. (1991) *Sotsiologiia ekonomicheskoi zhizni* [The sociology of economic life]. Novosibirsk, Nauka. 448 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2011) *Tuva mezhdurushchym i budushchim* [Tuva between the past and future]. St. Petersburg, Aletheia Publ. 368 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2018) *Natsional'nyi kharakter tuvintsev* [National character of Tuvans]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 240 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Osnovnye problemy issledovaniia rodstva i rodstvennykh grupp sovremennykh tuvintsev: pasportizatsiia, terminologiia i podderzhanie rodstva [The Main Issues of the Study of Kinship and Kin Groups of Contemporary Tuvans: Passportization, Terminology and Maintenance of Kinship]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 6–21. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.1>

Luhmann, N. (1994) Risk, neopredelennost', sluchainost' [Risk, uncertainty, and randomness]. *THESIS*, no. 5, pp. 135–160. (In Russ.).

North, D. (1997) *Instituty, institutsional'nye izmeneniia i funktsionirovanie ekonomiki* [Institutions, Institutional Change and Economic Performance] / transl. from Engl. Moscow, Fond ekonomicheskoi knigi «Nachala». 180 p. (In Russ.).

North, D. (2010) Ponimanie protsessa ekonomicheskikh izmenenii [Understanding the Process of Economic Change] / transl. from Engl. Moscow, Izd. dom «Vysshiaia shkola ekonomiki». 256 p. (In Russ.).

Popkov, Yu. V. and Kostiuk, V. G. (2017) Dinamika sotsiokul'turnykh protsessov v soobshchestvakh: tendentsii, osnovnye pokazateli [Dynamics of socio-cultural processes in communities: trends and key indicators]. *Sibirskii filosofskii zhurnal*, vol. 15, no. 3, pp. 75–85. (In Russ.).

Popkov, Yu. V. and Tiugashev, E. A. (2017) Fenomen goroda kak mezhetnicheskogo soobshchestva [The phenomenon of the city as an interethnic community]. *EKO*, no. 10(520), pp. 7–19. (In Russ.).

Rossii i rossiane v novom stoletii: vyzovy vremeni i gorizonty razvitiia [Russia and Russians in the new century: Challenges of the times and horizons of development] (2008) / ed. by T. I. Zaslavskaiia. Novosibirsk, Izd-vo SO RAN. 748 p. (In Russ.).

Sen, A. (2004) Razvitie kak Svoboda [Development as Freedom]. Moscow, Novoe izd-vo. 425 p. (In Russ.).

Sotsial'no-stratifikatsionnye protsessy v Respublike Tyva [Social stratification processes in the Republic of Tyva] (2020) / Z. T. Golenkova et al. ; ed. by Z. T. Golenkova, Yu. V. Goliusova and P. E. Sushko. Moscow ; Kyzyl, FCTAS RAS. 128 p. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-332-4.2020>

Tishkov, V. A. (2012) Etnopoliticheskii konflikt: sistemnyi i antropologicheskii (vmesto zakliucheniia) [Ethnopolitical conflict, systemic and anthropological: In lieu of a conclusion]. In: *Etnichnost' i religiiia v sovremennykh konfliktakh* [Ethnicity and religion in contemporary conflicts] / ed. by V. A. Tishkov/ Moscow, Nauka. 651 p. Pp. 627–651. (In Russ.).

Khomushku, S. A., Arakchaa, K. D. and Dongak, S. K. (2017) Dvizhenie meditsinskikh kadrov Respubliki Tyva (analiz za 2010–2016 gody) [The flow of medical personnel in the Republic of Tyva, 2010–2016]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2. *Estestvennye i sel'skokhoziaistvennye nauki*, pp. 132–145. (In Russ.).

Khomushku, S. A., Arakchaa, K. D. and Dongak, S. K. (2021) Dvizhenie meditsinskikh kadrov Respubliki Tyva (analiz za 2017–2019 gody) [The flow of medical personnel in the Republic of Tyva, 2017–2019]. *Current problems of health care and medical statistics*, no. 1, pp. 579–592. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.24411/2312-2935-2021-00041>

Eisenstadt, Sh. (1999) *Revoliutsiia i preobrazovanie obshchestv. Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsii* [Revolution and the transformation of societies: A comparative study of civilizations]. Transl. from Engl. Moscow, Aspekt Press. 416 p. (In Russ.).

Yanitskii, O. N. (2003) Sotsiologiia riska: kliuchevye idei [Sociology of risk: key ideas]. *Mir Rossii. Sotsiologiia. Etnologiia*, vol. 12, no. 1, pp. 3–35. (In Russ.).

Eisenstadt, S. N. (1973) *Tradition, Change and Modernity*. New York, John Wiley and Sons. 402 p.

Hofstede, G. (1980) *Culture's Consequence International Differences in Work Related Values*. L., McGraw-Hill. 475 p.

Hofstede, G. (2011) Dimensionalizing Culture: The Hofstede Model in Context. *Online Readings in Psychology and Culture*, vol. 2, no. 1, pp. 3–38. DOI: <https://www.doi.org/10.9707/2307-0919.1014>

Submission date: 06.04.2022.

DOI: 10.25178/nit.2022.2.3

Статья

Особенности демографических процессов в городах Кызыл и Элиста в 2011–2020 годы: сравнительный анализ

Салават И. Абылкаликов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация,

Гузель Р. Баймурзина

Башкирский государственный университет, Российская Федерация

В статье проводится сравнительный анализ демографической ситуации и происходящих процессов Кызыла и Элисты, столиц Тувы и Калмыкии (Россия). Проанализирована специфика изменений основных демографических процессов (рождаемости, смертности и миграции), демографических структур и поведения. Авторами рассчитаны специальные коэффициенты рождаемости, показатели миграции (включая возрастные коэффициенты), а также изучены особенности возрастнo-половой структуры и составлен демографический баланс Кызыла и Элисты.

Несмотря на кажущуюся схожесть (сопоставимая численность и доля в общем населении своих республик, этноконфессиональный состав), у Кызыла и Элисты есть свои особые черты развития демографических процессов. Сочетание естественного прироста и миграционный убыли в Кызыле приводит к общему приросту и, соответственно, росту численности населения. В Элисте в последние годы наблюдается заметное замедление роста. Во многом это вызвано более старой возрастной структурой населения Элисты, способствующей низким значениям числа родившихся и высоким числа умерших.

Применение характеристик естественного движения населения, не зависящих от искажений возрастной структуры, показывает, что и рождаемость, и смертность выше в Кызыле. А в Элисте все население, а также мужчины и женщины по отдельности живут, в среднем, дольше. Миграционные процессы в изучаемых городах схожи, но для Кызыла более характерны повышенная миграционная активность женщин, а также выбытие людей в старших возрастах, что способствует оптимизации возрастной структуры населения.

В силу ограниченности доступа до недавнего времени к статистическим данным на муниципальном уровне, а также недостаточно развитой методологии работы с ними, многие используемые методы и показатели для изучения демографических процессов Кызыла и Элисты применены впервые.

Ключевые слова: Тува; Калмыкия; Кызыл; Элиста; миграция населения; рождаемость; смертность; половозрастная структура населения

Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Зеркальные лаборатории НИУ ВШЭ».

Для цитирования:

Абылкаликов С. И., Баймурзина Г. Р. Особенности демографических процессов в городах Кызыл и Элиста в 2011-2020 годы: сравнительный анализ // Новые исследования Тувы. 2022, № 2. С. 34-52. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.2.3>

Абылкаликов Салават Иргалиевич — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 123022, Россия, г. Москва, Б. Трехсвятительский пер., д. 3, каб. 403. Эл. адрес: sabykalkikov@hse.ru

Баймурзина Гузель Римовна — кандидат экономических наук, ведущий специалист научной лаборатории социальных и демографических исследований Башкирского государственного университета. Адрес: 450008, Россия, г. Уфа, ул. Карла Маркса, д. 3/4. Эл. адрес: guzrim@mail.ru

Article

Demographic processes in the towns of Kyzyl and Elista in 2011-2020: a comparative study

Salavat I. Abylkalikov

HSE University, Russian Federation,

Guzel R. Baimurzina

Bashkir State University, Russian Federation

The article compares the demographic situation and related processes in Kyzyl and Elista, the capitals of Russia's constituent republics — Tuva and Kalmykia, respectively. It is focused on the changes in demographic processes (fertility, mortality and migration), demographic structures and behaviours. The authors have also calculated birth rates, migration indices (including age-specific rates); examined the age and gender structure of the population, drew up the demographic balance for both Kyzyl and Elista.

Despite their similarity (comparable population size and its share in the grand total for the republic, ethnoconfessional structure), demographic processes at Kyzyl and Elista have their own specific features. In Kyzyl, a combination of natural population growth and migration-related decline leads to an overall population rise. In Elista, on the contrary, there has been a noticeable slowdown in growth in recent years, largely due to older demographic structure that leads to low birth rates and high mortality rates.

Applying the natural population movement rates (which are independent of age structure distortions) to the situation in each of the cities shows that the birth and mortality rates are higher in Kyzyl. In Elista both men and women, as well as the population in total, on average live longer. Migration patterns in both cities are similar, but Kyzyl features a more intense migration among the females, as well as higher emigration rates among elder citizens, which helps optimize the population's age structure.

Since access to statistical data on the municipal level has been limited until recently, and the methodology of analyzing these data has been underdeveloped, many of the methods and indicators used in this study of demographic processes in Kyzyl and Elista have been applied for the first time.

Keywords: Tuva; Kalmykia; Kyzyl; Elista; migration; birth rate; mortality rate; age and gender structure of the population

The article was written as part of the Mirror Laboratories Project at HSE University.

For citation:

Abylkalikov S. I. and Baimurzina G. R. Osobennosti demograficheskikh protsessov v gorodakh Kyzyl i Elista v 2011-2020 gody: sravnitel'nyi analiz [Demographic processes in the towns of Kyzyl and Elista in 2011-2020: a comparative study]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 2, pp. 34-52. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.2.3>

ABYLKALIKOV, Salavat Irgalievich, Candidate of Sociology, Senior Lecturer, Department of Demography, HSE University. Postal address: Room 403, 3 Bolshoi Tryokhsvyatitelskii Pereulok, 123022 Moscow, Russian Federation. Email: sabylkalikov@hse.ru

ORCID: 0000-0003-3405-3867

BAIMURZINA, Guzel Rimovna, Candidate of Economics, Leading Expert, Research Laboratory of Social and Demographic Studies, Bashkir State University. Postal address: 3/4 Karl Marx St., 450008 Ufa, Russian Federation. Email: guzrim@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1844-2689

Введение

На муниципальном и поселенческом уровнях в России представлены не самые информативные показатели, характеризующие демографическое развитие — в первую очередь, абсолютные числа демографических событий и малоинформативные общие коэффициенты. Это обстоятельство приводит к определенному дефициту исследований, посвященных демографическим и миграционным процессам, происходящих на локальном уровне.

Помимо недостаточной разработанности системы современных демографических показателей на уровне муниципалитетов и отдельных поселений, проблему усугубляет и малая изученность методов работы с ними со стороны исследователей. Тем не менее, в последние годы и в отечественной литературе стали появляться работы, посвященные анализу естественного и миграционного движения населения на локальном уровне.

Среди источников демографической информации, пригодных для анализа процессов, происходящих на муниципальном уровне, прежде всего стоит назвать переписи населения, в итогах которых содержится информация о численности населения, а также о ее составе (половом, возрастном, этническом и т. д.). В работе И. С. Кашницкого анализируется возрастной состав населения, третичное соотношение полов, воздействие миграционных процессов на возрастную структуру центральных и периферийных муниципалитетов по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. (ВПН-2010) (Кашницкий, 2014: Электр. ресурс).

В последние годы Федеральная служба государственной статистики (Росстат) предоставила доступ к Базе данных показателей муниципальных образований (БД ПМО¹) для широкого круга исследователей. В этой базе данных содержится официальная статистика в разрезе муниципальных образований, в т. ч. показатели, характеризующие естественное и миграционное движение населения. В начале 2022 г. на платформе ИНИД (Инфраструктура научно-исследовательских данных) выложены панельные данные показателей по муниципальным образованиям России, подготовленные совместно с Росстатом на основе данных БД ПМО².

Работа С. Т. Тимонина и соавторов посвящена изучению смертности на уровне муниципалитетов и городских округов за 2008–2012 гг. В статье были рассчитаны стандартизованные коэффициенты смертности методом прямой стандартизации и проведены оценки ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) для мужчин и женщин (Timonin et al., 2020). А. Е. Щур оценил территориальное неравенство в здоровье и смертности на субрегиональном уровне — городов с населением от 1 млн человек и остальной территорией России и выявил значительную поляризацию между центрами и периферией (Щур, 2018). А. Н. Петросян рассчитал стандартизованные коэффициенты рождаемости (косвенным методом) за 2017–2019 гг. и произвел оценку коэффициента суммарной рождаемости (КСР) за 2018 г. Основным преимуществом использования метода косвенной стандартизации, вместо более применяемого демографами прямого метода, является применение открытых для широкого круга исследователей данных БД ПМО, в которых хоть и отсутствуют повозрастные показатели рождаемости, но есть информация о возрастной структуре изучаемого населения (Петросян, 2021). Л. Б. Карачурина и Н. В. Мкртчян опубликовали целый цикл работ по анализу миграционных процессов на уровне муниципалитетов. Одни из последних работ посвящены вопросам возрастных особенностей миграционных процессов в региональных центрах и периферийных территориях в 2012–2016 гг. (Karachurina, Mkrtchyan, 2020, 2021).

Исследователи довольно часто проводят сравнительный анализ гуманитарных, социальных и социокультурных, исторических процессов, происходящих в Туве и Калмыкии. Так, Ч. К. Ламажаа и Л. В. Намруева на примере калмыков и тувинцев изучили явления и процессы субэтнической дифференциации (Ламажаа, Намруева, 2018). Г. М. Ярмаркина выявила особенности использования этнонимов калмыки и тувинцы в русском дискурсе за последнее столетие (Ярмаркина, 2019). Работа

¹База данных показателей муниципальных образований (БД ПМО) [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst15/DBInet.cgi> (дата обращения: 20.02.2022).

²База данных показателей муниципальных образований: объединенные и обработанные данные за 2006–2020 гг. [Электронный ресурс] // Росстат; обработка: Веденьков М. В., Комин М. О., Цыганков М. В. Инфраструктура научно-исследовательских данных. АНО «ЦПУР», 2022. Доступ: Лицензия СС BY-SA. Размещено: 28.09.2020 (v.2.0, от 27.01.2022). URL: <http://data-in.ru/data-catalog/datasets/115/?from=vk> (дата обращения: 20.02.2022).

Н. В. Бадмаевой и О. Д. Натсак посвящена анализу современной трудовой миграции в Калмыкии и Туве (Бадмаева, Натсак, 2021).

В настоящей работе продолжена традиция сравнительных исследований происходящих в этих родственных по этноконфессиональной структуре республиках. Выбор для анализа демографической ситуации и происходящих процессов именно столичных городов — Кызыла и Элисты — обоснован тем, что процессы демографической модернизации в первую очередь начинаются с городского населения. И, как правило, крупнейшие города являются наиболее модернизированной частью региона, в фарватере которых в дальнейшем последует и остальное население (Dyson, 2011; Вишнеvский, 2014; Тиникова, 2021).

В работе проанализированы особенности основных демографических процессов (рождаемость, смертность и миграция населения), а также демографических структур и поведения с применением широкого спектра демографических показателей за 2011–2020 гг. в Кызыле и Элисте. Помимо абсолютных чисел родившихся, умерших, миграционного прироста по разным направлениям, это общие коэффициенты, а также неопубликованные данные Росстата по коэффициенту суммарной рождаемости и ожидаемой продолжительности жизни за доступный для анализа период. Кроме того, рассчитаны специальные коэффициенты рождаемости, возрастные коэффициенты миграции, а также показатели, характеризующие особенности возрастнo-половой и других структур населения изучаемых городов.

Для исследования использован арсенал доступной статистической и демографической информации: базы данных показателей муниципальных образований, переписей и микропереписей населения, иных опубликованных и неопубликованных данных Росстата и его территориальных органов, научной литературы, характеризующих демографическое развитие населения.

Численность населения

Пожалуй, наиболее общей и используемой демографической характеристикой является оценка численности населения, под которой обычно понимают число постоянно проживающих на какой-то определенной территории людей на конкретную дату (обычно начало года, но также середину или конец года, либо на критический момент проведения переписи). Вместе с тем, несмотря на кажущуюся простоту показателя, его точное определение может вызвать серьезные затруднения. Оценки численности населения для одной и той же территории для одной и той же даты могут отличаться между собой.

К примеру, на сайте органов местного самоуправления г. Кызыл приведена оценка численности населения на 1 января 2021 г. — 109 993 чел.¹, без пояснения, относится ли данная оценка только к городу без отдаленных частей, либо с ними, но без учета всего городского округа. Тогда как по данным БД ПМО на территории городского округа проживало на ту же дату 120 067 чел. Аналогичная цифра приведена в Википедии² со ссылкой на статистический бюллетень «Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям»³.

В Стратегии социально-экономического развития городского округа «Город Кызыл Республики Тыва» на период до 2025 г.⁴ содержится важная оговорка о том, что часть населения города прибыла из других районов республики, но проживает на левобережных и правобережных дачных обществах, не имея регистрации по месту жительства. В силу этого авторы документа указывают неофициальную оценку численности населения города на начало 2016 г. в размере 139,18 тыс. чел.

¹ Город — общая информация [Электронный ресурс] // Сайт органов местного самоуправления города Кызыла URL: http://mkyzyl.ru/city/index.php?sphrase_id=2856372 (дата обращения: 20.02.2022).

² Кызыл [Электронный ресурс] // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Кызыл> (дата обращения: 20.02.2022).

³ Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям. Статистический сборник. М., Росстат, 2021 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения: 20.02.2022).

⁴ Стратегия социально-экономического развития городского округа «Город Кызыл Республики Тыва» на период до 2025 года [Электронный ресурс] // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/446540348> (дата обращения: 20.02.2022).

На начало 2011 г. официальная численность населения Элисты была вполне сопоставима с Кызылом — 108,0 тыс. чел. Спустя всего 10 лет разница в численности населения со столицей Тувы превысила 11%. Каких-то альтернативных оценок численности населения Элисты в научной литературе и программных документах обнаружить не удалось, но можно хотя бы косвенно попытаться оценить, какая часть населения города может быть неучтенной статистикой текущего учета миграции.

В программе микропереписи населения 2015 г. (МПН–2015)¹ содержался вопрос о наличии или отсутствии регистрации в помещении проживания. В Кызыле на момент проведения последней микропереписи 24,4% жителей, ответивших на вопрос о наличии или отсутствии регистрации, не имеют регистрацию в помещении, в котором проживают, а также не имеют постоянной регистрации (регистрацию по месту жительства, то есть т. н. «прописку») в населенном пункте проживания. Это самый высокий показатель среди всех административных центров субъектов федерации, для сравнения на втором месте Махачкала (12,9%), а на третьем — Сыктывкар (12,6%). В Элисте показатель также относительно высок — 9,4%. При этом определить, имеют ли данные лица регистрацию по месту пребывания (временную регистрацию), особенно на длительные сроки, по опубликованным материалам микропереписи невозможно.

Таким образом, почти четверть населения Кызыла и каждый десятый житель Элисты имеет повышенную вероятность быть не учтенным в качестве части постоянного населения, т. к. текущий учет основан именно на юридической регистрации демографических событий, в т. ч. получении при переезде регистрации по месту жительства или месту пребывания на срок от 9 месяцев и более. Особенно это важно для возрастной группы 20–24 года — среди них не имело постоянную регистрацию в Элисте почти 19%, а в Кызыле и вовсе 42%.

По итогам Всероссийской переписи населения 2021 г., оценки численности населения Кызыла и Элисты могут быть пересмотрены (в т. ч. «задним числом» в течение всего межпереписного интервала 2011–2021 гг., пропорционально новым значениям миграционного прироста). Переписные оценки численности населения считаются более точными, чем расчеты на основе соотношения естественного и миграционного движения населения. Учет числа рождений и смертей в России осуществляется достаточно полно, в отличие от учета прибытий и выбытий на постоянное место жительства, подверженного куда большим искажениям. В переписях населения выявление постоянно проживающих ведется со слов опрашиваемых и не зависит от наличия или отсутствия каких-либо документов (Мкртчян, 2011). В программе ВПН–2021 (как и в МПН–2015 и пробной переписи населения 2018 г.) также содержался вопрос о регистрации, поэтому по её итогам можно будет установить, какая часть постоянного населения Кызыла и Элисты не относится к населению юридическому (приписному, списочному).

Стоит отметить, что пересмотр численности населения по итогам переписи за счет переоценки показателей миграционного прироста может быть не только в большую, но и в меньшую сторону. Так, изменения в отечественной методике учета миграции с 2011 г., т. е. автоматический учет мигрантов в качестве выбывших после окончания срока временной регистрации, вероятно, способствуют искусственному завышению притока в Туву, и, в меньшей степени, Калмыкию (Мкртчян, 2020). Вполне вероятно, что определенная часть этой «виртуальной», существующей только «на бумаге» возвратной миграции относится и к столицам республик.

В диаграмме 1 приведена динамика численности населения Кызыла и Элисты, согласно имеющимся на сегодняшний день официальным данным БД ПМО. Здесь и далее будет использована статистика по городским округам, т. к. выделить из БД ПМО и других официальных источников демографические показатели, относящиеся непосредственно к городам, без остальных территорий, входящей в состав городского округа весьма затруднительно. Тем не менее, в случае и Элисты, и Кызыла, подавляющая часть жителей проживают именно в основной части города.

¹ Итоги микропереписи населения [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (дата обращения: 20.02.2022).

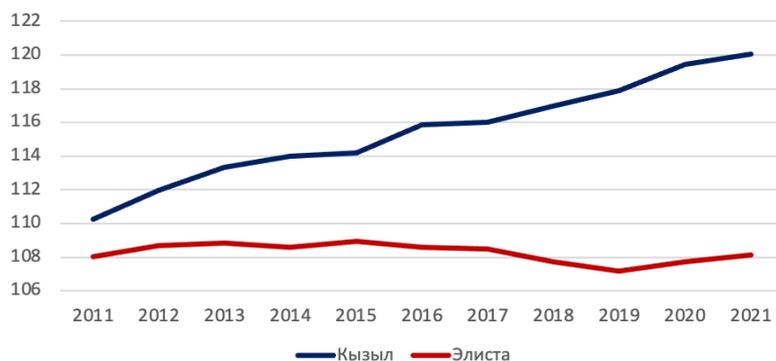

Диаграмма 1. Динамика численности населения Кызыла и Элисты в 2011–2021 гг., тыс. чел.¹

Graph 1. Dynamics of population change in the cities of Kyzyl and Elista, 2011–2021, thousands.

В Кызыле, согласно официальным данным Росстата, проживает 36% населения Тувы, тогда как в Калмыкии на столичный городской округ приходится около 40% населения региона. Согласно официальной статистике, за период 2011–2021 гг. численность населения Кызыла выросла почти на 10 тыс. чел., тогда как в Элисте рост составил менее 100 человек.

Если оперировать относительными показателями, то за исследуемое время среднегодовые темпы прироста численности населения Кызыла составили 0,857%, а Элисты — всего лишь 0,009%. Соответственно, для удвоения численности населения Кызыла, при условии сохранения подобных темпов прироста, понадобится около 81 с половиной лет, а Элисты — почти 7,8 тысячелетий (Денисенко, Калмыкова, 2009). Подобные чисто умозрительные подсчеты приведены лишь с целью демонстрации, как различия в показателях скорости изменения численности населения в долгосрочной и сверхдолгосрочной перспективе могут привести к совершенно разным результатам.

В инвестиционной стратегии развития города Элисты до 2025 г.², принятой в конце 2015 г., со-держится прогноз численности населения, согласно которому, на конец 2020 г. предполагалось, что в Элисте будет проживать 111,6 тыс. человек. Учитывая, что численность на конец года должна быть примерно равной численности населения на начало следующего года, отмечаем, что на 1 января 2021 г. официальная оценка численности населения Элисты равнялась 108,1 тыс. человек. С момента составления прогноза, тренд динамики численности населения Элисты, напротив, стал нисходящим.

И Кызыл, и Элиста аккумулируют значительную часть населения республик. В Кызыле население в последнее десятилетие стабильно растет, тогда как среднегодовые темпы прироста столицы Калмыкии близки к нулю. Согласно МПН–2015, в Кызыле, как минимум, вдвое выше доля населения с повышенной вероятностью быть не включенным в официальную оценку численности населения до проведения новой переписи. Данное обстоятельство затрудняет демографические исследования на локальном уровне, т. к. знаменателем многих относительных показателей является официальная численность населения, либо его отдельных составных частей (прежде всего, возрастных и поло-возрастных групп).

Компоненты динамики численности населения

Динамику общей численности населения определяет величина общего прироста населения, состоящая из двух компонентов — естественного и миграционного прироста (либо, в случае их отрицательных значений — убыли). В диаграмме 2 приведены значения данных приростов за доступное для анализа время. Отметим, что для Элисты демографическая статистика в БД ПМО оказалась доступной не для всего изучаемого периода.

¹ Составлено авторами по БД ПМО.

² Инвестиционная стратегия развития города Элисты до 2025 года [Электронный ресурс] // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/440555012> (дата обращения: 20.02.2022).

Диаграмма 2 (А и В). Значения общего, естественного и миграционного приростов в Кызыле (А) и Элисте (В) в 2011–2020 гг., чел.¹
Graph 2. Gross, natural and migrational population growth in Kyzyl and Elista, 2011–2020.

В обоих изучаемых городах происходит довольно редкое для нашей страны в целом, и для городского населения в частности, сочетание естественного прироста и миграционной убыли. Но существенное отличие состоит в том, что в Кызыле естественный прирост пока заметно превышает миграционную убыль, а в Элисте — высокая миграционная убыль ведет к общей убыли населения.

Согласно уравнению демографического баланса, естественный прирост — это разница между числом родившихся и умерших, а миграционный прирост — между прибывшими и выбывшими (Абылкаликов, 2021).

Таблица 1. Компоненты динамики численности населения Кызыла и Элисты в 2011–2020 гг., чел.²
Table 1. Components of population growth in Kyzyl and Elista, 2011–2020.

Показатель	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
<i>Кызыл</i>										
Родившиеся	2344	2218	2261	2260	2833	2170	2103	1904	2404	2851
Умершие	1050	1038	1003	1019	929	946	789	871	814	979
Прибывшие	4261	4680	4260	3566	4314	4362	5089	5320	4766	3719
Выбывшие	3802	4522	4865	4612	4528	5442	5435	5432	4822	4956
<i>Элиста</i>										
Родившиеся	-	-	-	1729	1536	1644	1426	1458	1375	1320
Умершие	-	-	-	993	894	988	1024	972	985	1177
Прибывшие	-	-	4703	4871	5293	5349	5040	4992	5534	4642
Выбывшие	-	-	5616	5255	6375	6145	6195	6003	5400	4359

Согласно таблице 1, мы можем установить, что в Кызыле при сопоставимом числе смертей, заметно выше число родившихся (в доступные для анализа 2014–2020 гг.). Но это вовсе не значит, что в изучаемых городах сопоставимая смертность, а рождаемость выше в Кызыле. На величину абсолютных значений родившихся и умерших влияют общая численность населения, структурные особенности населения (в первую очередь — возрастная структура) и непосредственно сама интенсивность происходящих демографических процессов. Поэтому в следующих разделах будут рассмотрены структур-

¹ Данные по естественному и миграционному приросту в Элисте доступны лишь для 2013–2020 гг.

² Составлено авторами по БД ПМО.

ные особенности населения городов (прежде всего — половозрастной структуры), а также доступные для анализа относительные показатели, характеризующие естественное движение населения.

Отметим, что при анализе миграционных процессов относительные показатели, за исключением общих коэффициентов, а также возрастных коэффициентов, широкого распространения среди исследователей пока еще не получили.

Демографическая структура населения

Основными демографическими и социально-демографическими структурами являются половая и возрастная структуры, которые часто исследователи объединяют в половозрастную структуру, а также этническая, брачно-семейная, по образованию, по уровню доходов и т. д. структуры. Информацию о большей части указанных параметров получают при помощи переписей населения или выборочных обследований (к которым также относятся и микропереписи). Оценки половозрастной структуры можно получать и при помощи данных текущего учета, на основе информации о числе родившихся, умерших и миграционном приросте по отдельным возрастным группам.

В данной работе мы рассмотрим доступные для анализа на уровне изучаемых городов этническую и возрастную-половую структуры.

Согласно итогам ВПН–2010, в изучаемых городах был сопоставимый этнический состав: из указавших национальную принадлежность в Кызыле на русских приходилось 28,4% и 68,1% на титульную этническую группу, а в Элисте — 26,2% и 69,4% соответственно. Доля остальных национальностей была менее 5%. Следующий срез по этническому составу изучаемых городов будет доступен уже после обработки и публикации материалов последней переписи населения.

Возрастная структура способна сильно влиять на происходящие в населении демографические процессы. Так, более молодое население будет продуцировать большее число рождений, либо заключений браков. Существенная часть миграционных перемещений происходит в возрастном интервале 18–30 лет, с последующим снижением интенсивности. Второй небольшой пик уже, как правило, связан с выходом на пенсию (Rogers, Watkins, Woodward, 1990). В более пожилом населении будет наблюдаться большее число умерших из-за сильной концентрации смертей в старших возрастах.

В России в целом, и в абсолютном большинстве ее регионов, возрастная структура населения не только стара, но и существенно деформирована. Деформации проявляются и в ярко выраженных демографических волнах, которые вызваны демографическими катастрофами, случившимися в нашей стране в первой половине прошлого века, «эхом войны», происходящими время от времени социальными и экономическими потрясениями, а также демографическим переходом с закономерным снижением смертности и рождаемости (Вишневский, 2016).

Показатели половой и возрастной структуры для Элисты оказались доступны с начала 2012 г., поэтому в целях обеспечения сопоставимости, анализ для Кызыла также проведен для этой даты. В *диаграммах 3 и 4* представлены демографические пирамиды, а в *таблице 2* — показатели возрастной и половой структуры изучаемых городов. Помимо характерных сильных деформаций, присущих всей стране и большинству ее регионов, демографические пирамиды изучаемых городов имеют и свои особенности. В Элисте наблюдается женское преобладание (на 100 мужчин приходится более 120 женщин), тогда как в Кызыле в 2012 г. на 100 мужчин приходилось 92 женщины, а в 2020 г. соотношение кардинально изменилось и стало ближе к показателям Элисты или общероссийским — на 100 мужчин стало приходиться 115 представительниц противоположного пола. Особенно аномальными в этом плане в 2012 г. являлись возрастные группы от 35 до 69 лет, в которых вместо ожидаемого женского перевеса наблюдался их заметный дефицит.

Аномальное третичное соотношение полов (во всем населении или в отдельных возрастных группах) может быть вызвано вторичным соотношением (т. е. при рождении), различиями в смертности мужчин и женщин, в интенсивности миграции и качеством статистического учета. С учётом того, что ранее Тува не отличалась какими-то заметными перекосами во вторичном соотношении полов, а различия по полу в уровне смертности напротив, должны приводить к нарастающему женскому перевесу с возрастом, по-видимому, столь существенные различия в 2012 г. вызваны миграцией или погрешностями статистического учета, либо их сочетанием между собой. Стоит подчеркнуть, что в общем случае данные на 1 января 2012 г. должны быть более точными, чем все последующие, т. к.

с предыдущей переписи населения прошло чуть более года и на этот момент еще не должны были накопиться существенные погрешности учета.

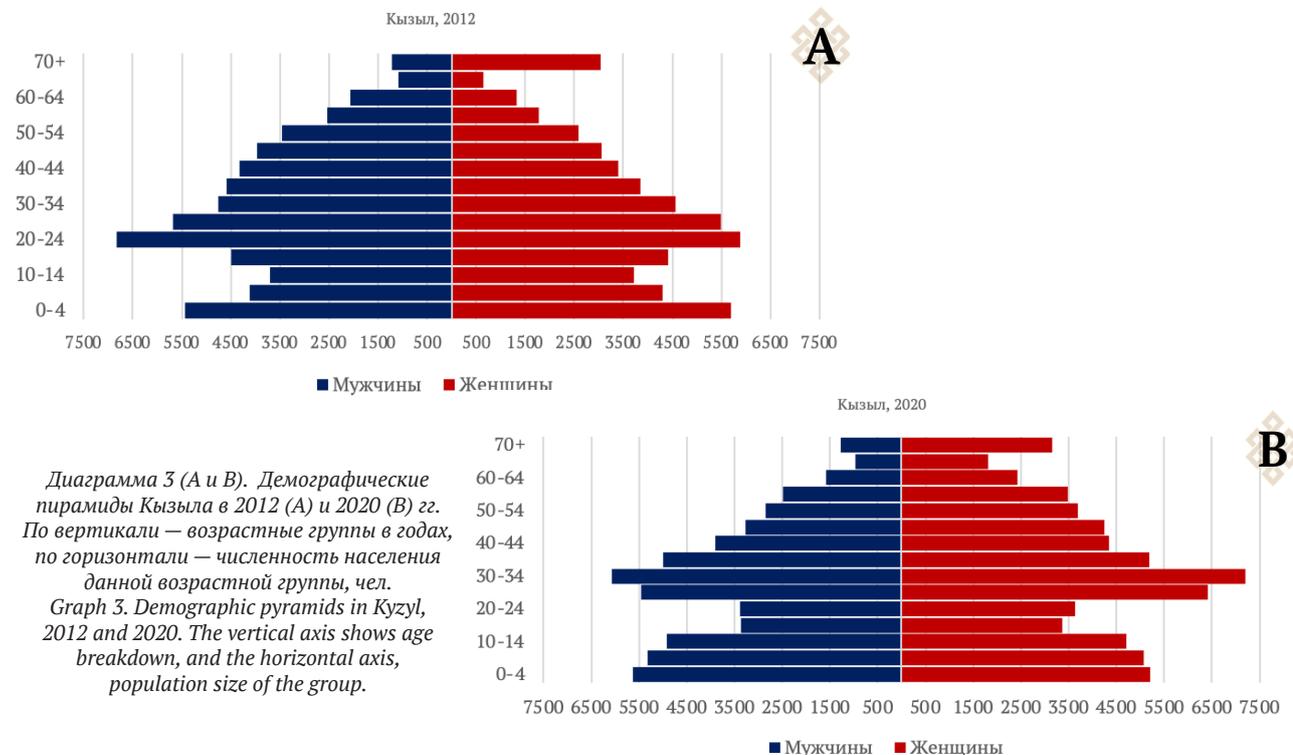

Диаграмма 3 (А и В). Демографические пирамиды Кызыла в 2012 (А) и 2020 (В) гг. По вертикали — возрастные группы в годах, по горизонтали — численность населения данной возрастной группы, чел.
Graph 3. Demographic pyramids in Kyzyl, 2012 and 2020. The vertical axis shows age breakdown, and the horizontal axis, population size of the group.

В свете реализующейся в настоящее время в России пенсионной реформы и для обеспечения боль-

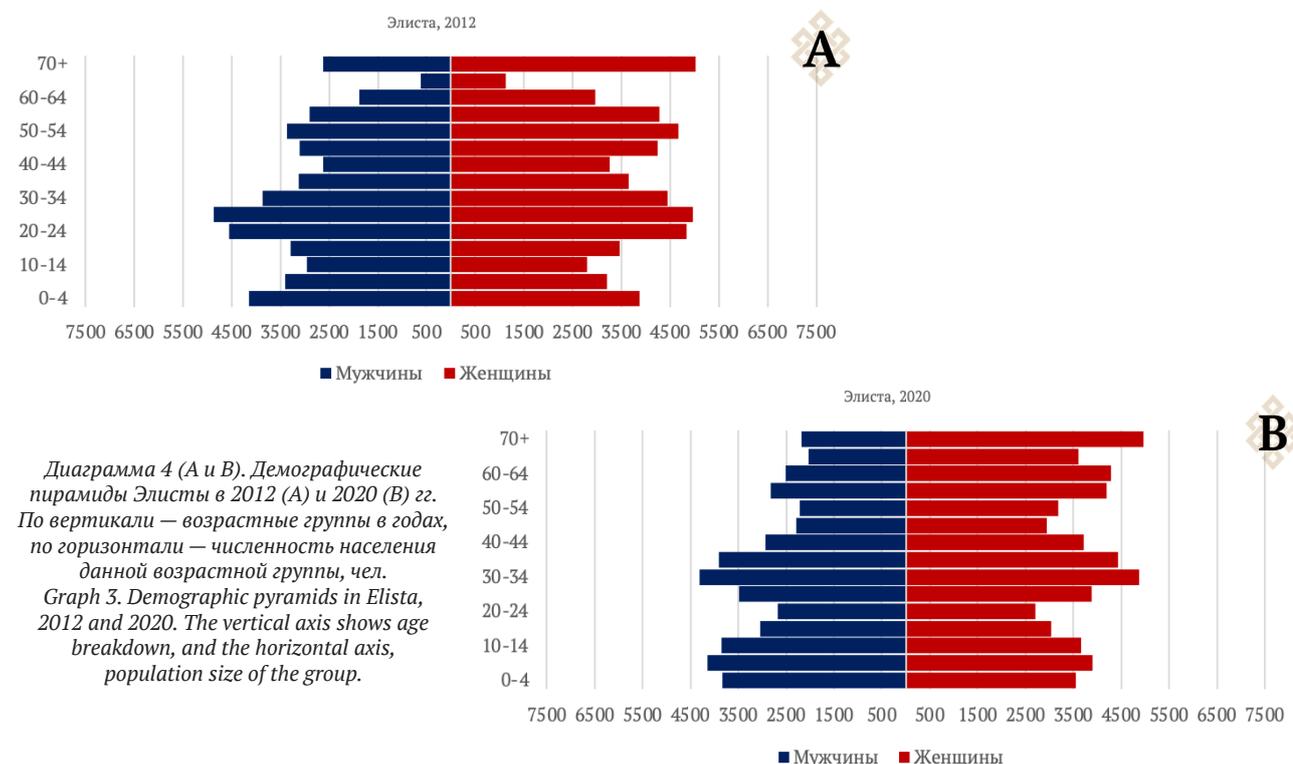

Диаграмма 4 (А и В). Демографические пирамиды Элисты в 2012 (А) и 2020 (В) гг. По вертикали — возрастные группы в годах, по горизонтали — численность населения данной возрастной группы, чел.
Graph 3. Demographic pyramids in Elista, 2012 and 2020. The vertical axis shows age breakdown, and the horizontal axis, population size of the group.

шей сопоставимости с международными стандартами расчетов показателей возрастной структуры и демографической нагрузки критерий выделения возраста старше трудоспособного определен единый для обоих полов — 60 лет и более (таблица 2). Определению порога для возрастной группы старше трудоспособного в 65 лет и более препятствует относительно высокая смертность и, соответственно, низкая продолжительность жизни в нашей стране. Также, в соответствии с международными стандартами, детские возраста определены не как 0–15 лет, а 0–14 лет включительно.

Таблица 2. Показатели возрастной и половой структуры Кызыла и Элисты в 2012 и 2020 гг.

Table 2. Breakdown of the population of Kyzyl and Elista by gender, 2012 and 2020.

Показатель	Кызыл		Элиста	
	2012	2020	2012	2020
Число женщин на 100 мужчин	92	115	120	123
Медианный возраст, лет	28,3	31,2	33,4	35,4
Индекс старения	34,8	36,4	69,9	85,3
Доля пожилых (60+ лет), в %	8,4	9,4	13,7	19,0
Коэффициент нагрузки детьми (0–14 лет), в ‰	357	399	293	378
Коэффициент нагрузки пожилыми (60+ лет), в ‰	124	145	205	322
Коэффициент общей нагрузки, в ‰	481	544	498	700

Основным показателем, характеризующим эволюцию возрастной структуры и старение населения, является доля пожилых. В Элисте к 2020 г. он существенно увеличился и стал вдвое выше, чем в Кызыле. Остальные меры возрастной структуры — индекс старения (число пожилых, приходящихся на 100 детей), медианный возраст (разделяющий население на равные группы, в которых половина людей младше данного возраста, а другая половина — старше) и коэффициент нагрузки пожилыми для Элисты также выше, как в 2012 г., так и в 2020 г.

При сходном коэффициенте нагрузки детьми в 2020 г., в Кызыле более чем вдвое ниже коэффициент нагрузки пожилыми, поэтому общий коэффициент демографической нагрузки (т. е. отношение непродуцирующего населения к числу лиц в рабочих возрастах) также существенно ниже, что потенциально может благоприятно сказываться на экономическом развитии города в кратко- и среднесрочной перспективе за счет высокой доли работающих в населении и относительно низких расходов на потенциальных иждивенцев.

Рождаемость

Одной из наиболее распространенных характеристик рождаемости является общий коэффициент рождаемости (ОКР), который рассчитывается как отношение числа родившихся на среднегодовую численность населения (диаграмма 5). Основными достоинствами ОКР, как и всех остальных общих коэффициентов, является простота расчета и пригодность для сравнения демографических процессов в разных по численности населенных пунктах.

ОКР в Кызыле значительно выше, чем в Элисте, но стоит отметить, что у данного показателя имеются существенные недостатки, перекрывающие все ранее перечисленные достоинства — он зависит не только от интенсивности процесса, но и от состава населения — полового и возрастного. В его знаменателе масса населения, которая в принципе не «продуцирует» рождаемость в прямом смысле: мужчины, а также женщины нерепродуктивных возрастов (младше 15 или старше 50 лет).

Для преодоления недостатков ОКР применяются другие показатели, которые уже не приводятся в БД ПМО. Первый из них — специальный коэффициент рождаемости (СпецКР) (диаграмма 6). Он рассчитывается как отношение числа родившихся на среднегодовую численность женщин в репродуктивных возрастах (15–49 лет включительно).

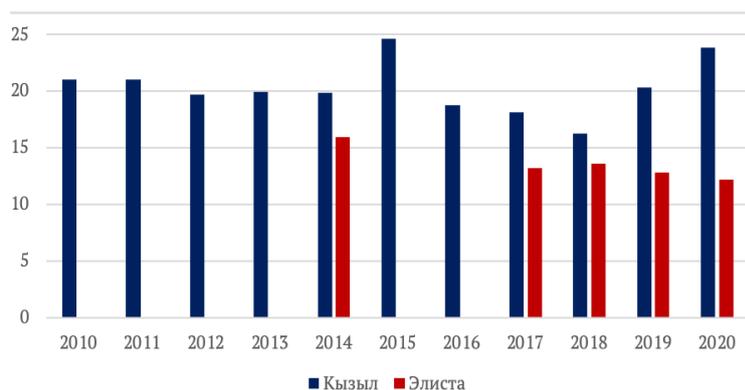

Диаграмма 5. Общий коэффициент рождаемости в Кызыле и Элисте по годам в период 2010–2020 гг., промилле.

Graph 5. Gross birth rate in Kyzyl and Elista by year, 2010–2020, ‰.

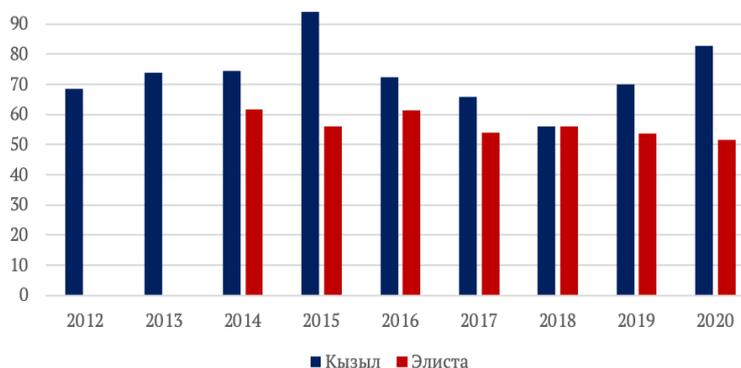

Диаграмма 6. Специальный коэффициент рождаемости в Кызыле и Элисте по годам в период 2012–2020 гг., промилле.

Graph 6. Live birth rates in Kyzyl and Elista by year, 2010–2020, ‰.

Тем не менее, данный показатель также является зависимым от возрастной структуры, пусть и в меньшей степени, чем ОКР. Репродуктивный интервал также весьма неоднороден, интенсивность рождаемости минимальна в самых младших и старших возрастах, а достигает максимума в 20–30 лет или чуть позже в случае, к примеру, европейских стран.

Более точными измерителями рождаемости являются возрастные коэффициенты рождаемости, а также рассчитанный на их основе коэффициент суммарной рождаемости (КСР), который в литературе имеет и другие названия: суммарный коэффициент рождаемости (СКР), либо англоязычное Total fertility rate (TFR)¹.

Для всех городов с населением от 100 тыс. чел. Росстат ежегодно рассчитывает, но не публикует оценки коэффициента суммарной рождаемости, а также ожидаемой продолжительности жизни (диаграмма 6; таблица 3). Исследователи могут получить подобные данные для изучаемых городов (с населением свыше 100 тыс. чел.) путем направления запросов в статистическое ведомство.

¹ Коэффициент суммарной рождаемости (КСР) — среднее число детей, которых родила бы одна женщина на протяжении всего репродуктивного периода (15–49 лет) при условии сохранения в каждой возрастной группе уровня рождаемости года, для которого вычислен данный показатель.

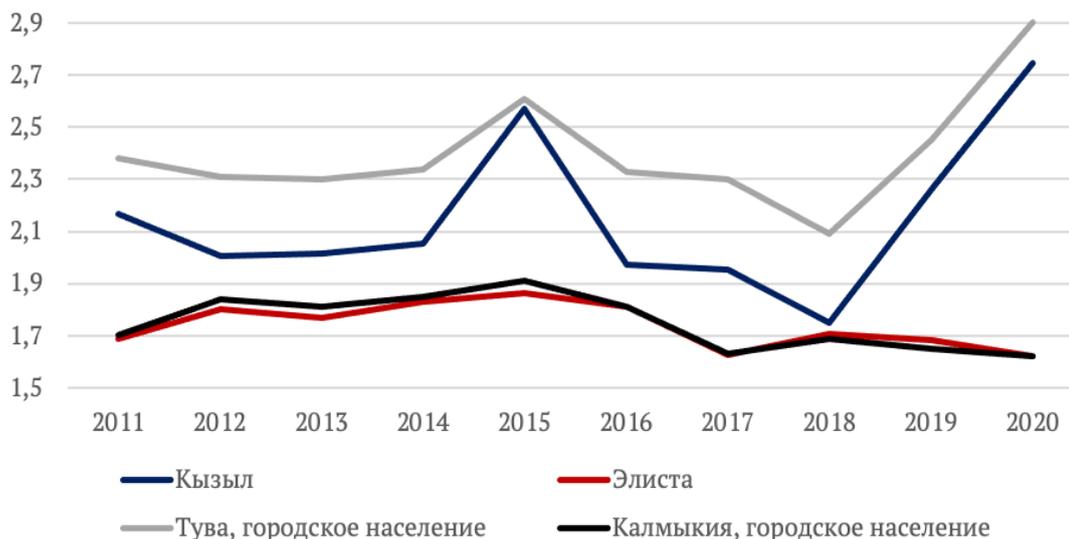

Диаграмма 7. Коэффициент суммарной рождаемости, рождений на 1 женщину, 2011–2020 гг.
Graph 7. Fertility rate per a woman, 2011–2020.

Для более полного сравнения в диаграмме 7 размещены также КСР для всего городского населения Тувы и Калмыкии. Рождаемость в Элисте и в городском населении относительно мало отличаются друг от друга и в целом ниже показателей не только Тувы, но и Кызыла. В Кызыле оценки КСР, даже по сравнению с оценками всего городского населения Республики Тыва, подвержены довольно сильным колебаниям, а в 2018–2020 гг. показатель необъяснимо «подскочил» с 1,705 до 2,748 детей на женщину.

Исследователи рождаемости отмечают, что с 2015 г. рождения стали преимущественно приписываться не к месту жительства родителей, а к месту наступления рождений (Захаров, 2017; Чудиновских, 2021). А. Н. Петросян отмечает, что наиболее значительный разрыв наблюдается именно в Туве и Калмыкии, в которых из-за недостаточного развития здравоохранения в сельской местности, повышается доля рождений (и, соответственно в определенной мере их регистраций) в региональных центрах при отсутствии других больших городов. И действительно, с 2015 г. КСР в Элисте даже чуть выше, чем в целом по Калмыкии. Другими возможными причинами высоких показателей рождаемости исследователь называет неполно учитываемую статистикой миграцию молодежи в столицы республик. Также в этой работе приводятся собственные оценки КСР для Кызыла (1,75–2,0) и Элисты (1,5–1,75) в 2018 г., которые в целом можно считать схожими с оценками Росстата.

Смертность

Как и при изучении рождаемости, для характеристики смертности абсолютные значения являются малоприменимыми для сопоставлений между регионами и муниципалитетами в силу разности численности населения. Одним из простейших относительных показателей является общий коэффициент смертности (ОКС). А на диаграмме 8 и в таблице 3 размещена информация о более точной характеристике смертности, не подверженной влиянию возрастной структуры — ожидаемой продолжительности жизни при рождении.

Сравнение показателей ОКС и ОПЖ для Кызыла и Элисты демонстрирует слабую информативность и малую пригодность использования и общих коэффициентов для анализа смертности (впрочем, как и для рождаемости) — несмотря на то, что в Элисте ОКС выше, ОПЖ для обоих полов, а также мужчин и женщин по отдельности, также выше. Чем дольше в среднем предстоит прожить новорожденному в населении, тем, соответственно, ниже смертность. ОКС в Кызыле ниже из-за менее возрастного, «молодого» населения. Определенные искажения в ОКС, также как и в ОПЖ тоже, происходят из-за «проблемы знаменателя», то есть погрешностей оценки как общей численности населения, так и ее возрастной структуры (Юмагузин, Винник, 2019).

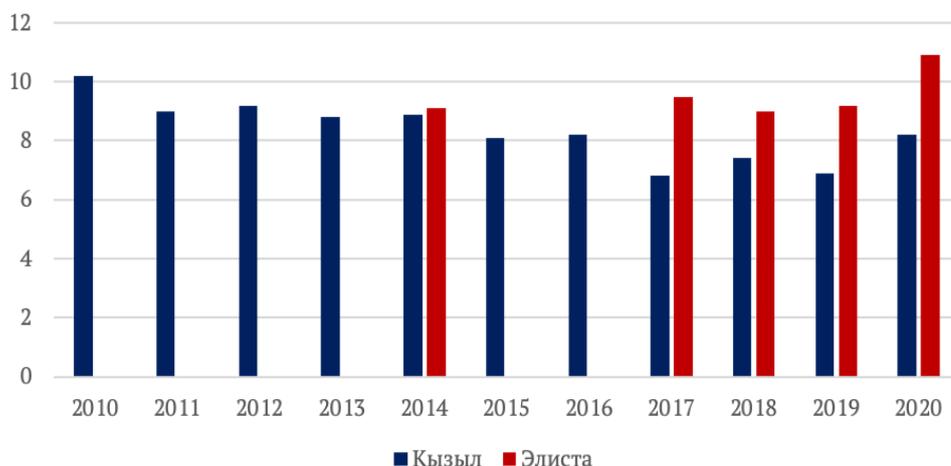

Диаграмма 8. Общий коэффициент смертности в Кызыле и Элисте, по имеющимся данным по годам за 2010–2020 гг., промилле.
Graph 8. Gross death rate in Kyzyl and Elista, according to data available for 2010–2020, ‰.

Сравнение стандартизованных коэффициентов смертности (СКС) и ОПЖ также демонстрирует, что в 2008–2012 гг. смертность в Кызыле была выше. У мужчин СКС равнялся 19,5–22,1‰ и ОПЖ около 60,1 лет (в Элисте — 12,6–16,1‰ и 66,0 лет), а у женщин более 11‰ (и ОПЖ ниже 69,2 лет), тогда как в Элисте СКС был всего лишь 6,8–7,8‰, а продолжительность жизни 76,9 лет. СКС в данном случае показывает, каким мог бы быть общий коэффициент смертности, если бы возрастная структура населения обоих городов была одинаковой (то есть с устранением различий в возрастной структуре) — как в стандарте Всемирной организации здравоохранения 1976 г. для Европы (Timonin et al., 2020).

Таблица 3. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в Кызыле и Элисте в 2011–2020 гг. по полу, лет

Table 3. Life expectancy at birth in years in Kyzyl and Elista, 2011–2020, sorted by gender.

Город	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Оба пола										
Кызыл	65,63	65,76	66,97	66,78	68,55	68,77	71,60	70,77	71,82	69,90
Элиста	71,93	71,65	72,72	73,22	73,03	74,11	73,77	75,14	75,23	73,01
Мужчины										
Кызыл	60,12	60,65	61,66	61,47	62,88	62,98	66,56	65,68	67,17	65,19
Элиста	65,42	64,94	65,99	67,68	65,49	68,03	67,70	69,27	68,97	68,01
Женщины										
Кызыл	70,79	70,50	71,70	71,68	73,50	74,11	75,93	75,14	75,69	74,06
Элиста	77,92	77,65	78,25	77,94	76,75	78,99	78,69	80,07	80,33	76,94

Помимо прочего, по таблице 3 можно оценить какой ущерб в 2020 г. понесли оба города в результате пандемии COVID-19: показатели ОПЖ «откатились» назад на уровни 5–6 летней давности, причем у мужчин сокращение продолжительности жизни выражено сильнее, чем у женщин.

Миграция населения

Как уже отмечалось выше, для обоих изучаемых городов характерна миграционная убыль, которая полностью или частично компенсируется естественным приростом. В таблицах 4 и 5 приведена структура миграционного прироста по направлениям миграции (внутрирегиональная, межрегиональная и международная), включая для каждого пола по отдельности для Кызыла и Элисты соответственно.

Таблица 4. Миграционный прирост в Кызыле по полу и направлениям, человек.
Table 4. Population growth in Kyzyl due to migration, sorted by gender and type.

Направление миграции	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
<i>Оба пола</i>										
Вся миграция	459	158	-605	-1046	-214	-1080	-346	-112	-56	-1237
Внутрирегиональная	1893	1660	955	123	910	-275	303	609	314	-329
Межрегиональная	-1469	-1536	-1563	-1269	-1101	-1022	-573	-841	-701	-752
Международная	35	34	3	100	-23	217	-76	120	331	-156
<i>Женщины</i>										
Вся миграция	418	316	-194	-622	84	-725	-113	24	-222	-796
Внутрирегиональная	1287	1169	716	132	690	-152	236	461	193	-302
Межрегиональная	-877	-860	-912	-772	-612	-604	-362	-475	-477	-436
Международная	8	7	2	18	6	31	13	38	62	-58
<i>Мужчины</i>										
Вся миграция	41	-158	-411	-424	-298	-355	-233	-136	166	-441
Внутрирегиональная	606	491	239	-9	220	-123	67	148	121	-27
Межрегиональная	-592	-676	-651	-497	-489	-418	-211	-366	-224	-316
Международная	27	27	1	82	-29	186	-89	82	269	-98

В обоих городах внутрирегиональный миграционный прирост за доступное для изучения время положительный, но межрегиональная миграция – отрицательная, поэтому весь миграционный прирост в сумме также отрицательный (за исключением Кызыла в 2011–2012 гг.).

Таблица 5. Миграционный прирост в Элисте по полу и направлениям, человек.
Table 5. Population growth in Elista due to migration, sorted by gender and type.

Направление миграции	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
<i>Оба пола</i>								
Вся миграция	-913	-384	-1082	-796	-1155	-1011	134	283
Внутрирегиональная	487	662	383	53	185	463	878	652
Межрегиональная	-1526	-1012	-1397	-800	-1296	-1462	-739	-372
Международная	126	-34	-68	-49	-44	-12	-5	3
<i>Женщины</i>								
Вся миграция	-498	-184	-456	-266	-450	-463	111	114
Внутрирегиональная	288	394	366	197	261	376	572	412
Межрегиональная	-847	-579	-789	-448	-687	-832	-456	-299
Международная	61	1	-33	-15	-24	-7	-5	1
<i>Мужчины</i>								
Вся миграция	-415	-200	-626	-530	-705	-548	23	169
Внутрирегиональная	199	268	17	-144	-76	87	306	240
Межрегиональная	-679	-433	-608	-352	-609	-630	-283	-73
Международная	65	-35	-35	-34	-20	-5	0	2

Международная миграция в случае Элисты довольно незначительная по размерам и преимущественно отрицательная, а в Кызыле значения международной миграции в среднем выше, но её характер неустойчивый, наблюдаются то положительные значения, то отрицательные. Если рассматривать по каждому полу отдельно, то женщины более активны как по притоку в изучаемые города в результате внутрирегиональной миграции, так и по оттоку в межрегиональной миграции. Что, возможно, отчасти объясняет «дефицит» женщин в демографической пирамиде Кызыла на начало 2012 г.

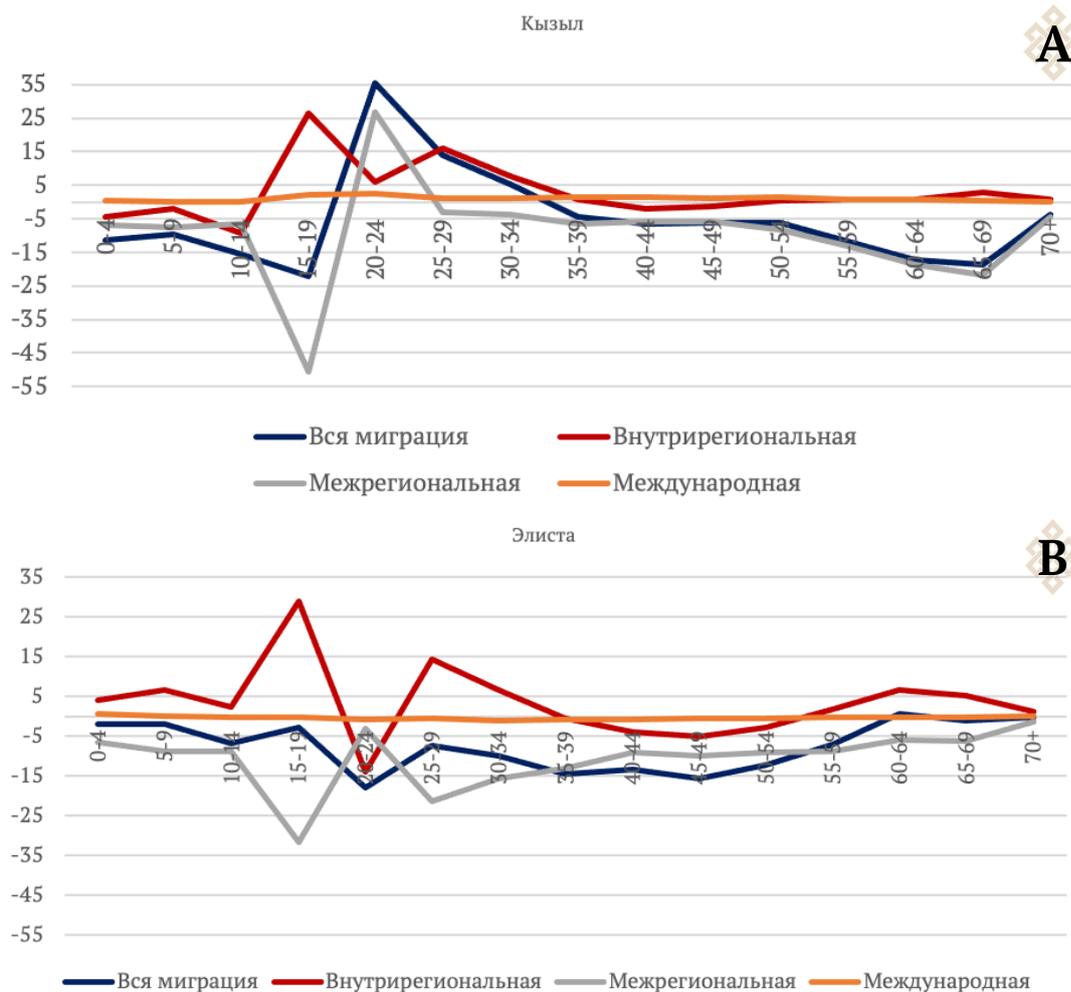

Диаграмма 9 (А В). Возрастные коэффициенты миграционного прироста в среднем за 2015–2019 гг. в Кызыле (А) и Элисте (В).

Diagram 9. Age -specific rates of migration-related population growth in Kyzyl and Elista, averages for 2015–2019.

На диаграмме 9 представлены возрастные коэффициенты миграции в среднем за 2015–2019 гг. Как и в других исследованиях (Rogers, Watkins, Woodward, 1990; Abylkalikov, Sazin, 2019; Karachurina, Mkrтчyan, 2020, 2021) самыми активными миграционными возрастными группами являются возрастные группы от 15–19 лет и далее, до 25–29 лет, с заметным снижением в следующих возрастных группах. То есть с начала получения профессионального образования и старта взрослой жизни. Четко выделяется некая «возвратная миграция» в возрастах 20–24 года. Эта возрастная группа примерно соответствует окончанию обучения в учебных заведениях (и регистрации в общежитиях вузов и ССУЗов). Как уже сказано выше, данных «возвращений» в реальности скорее всего не существует, они являются «виртуальными», существующими только на «бумаге» (Мкртчян, 2020).

По-видимому, положительному миграционному приросту во внутрирегиональной миграции почти во всех возрастных группах способствует до сих пор довольно высокая доля сельского населения в Туве

и особенно в Калмыкии, которая со временем будет только снижаться. Полный процесс урбанизации включает в себя изменение доли городского населения от 10% или менее, до 70% или более, а ближе к концу демографического перехода, в условиях снижения естественного прироста и даже перехода его к отрицательным значениям, именно миграция начинает выходить на роль основного источника роста городского населения (Abylkalikov, 2016).

В результате межрегиональной миграции из Кызыла уезжают люди предпенсионного и пенсионного возрастов, а в Элисте наоборот, небольшой приток. Как пишут исследователи, повышенную долю среди уезжающих из Кызыла пожилых составляют этнические русские (Анайбан, Губогло, Козлов, 1999; Гунаев, Бадмаева, Кованова, 2019; Анайбан, 2020), что приводит к сокращению их доли во всем населении республики.

Заключение

В последние годы со стороны исследователей растет интерес к демографическим процессам, происходящим на локальном — муниципальном и поселенческом уровнях. Но проведению исследований препятствует как отсутствие наиболее информативных демографических индикаторов, так и недостаточное владение методами анализа. В данном исследовании мы провели сравнительный анализ особенностей населения столиц двух братских республик. На первый взгляд, у Кызыла и Элисты много общего — сопоставимая численность, схожий этнический и конфессиональный состав. Но применение более специализированных показателей и методов анализа продемонстрировало, что также велики и различия.

У обоих изучаемых городов существуют определенные погрешности в оценке численности как населения в целом, так и его отдельных возрастных групп. По-видимому, для Кызыла эта проблема более существенна. При этом, согласно текущим допереписным оценкам, численность населения столицы Тувы в последнее десятилетие довольно быстро растет, тогда как Элисты — уже скорее стагнирует. В обоих городах естественный прирост сочетается с миграционной убылью (прежде всего, за счет отрицательной внутрироссийской межрегиональной миграции).

Как и предполагалось, рождаемость в Кызыле выше, чем в Элисте. Это подтверждают и оценки коэффициента суммарной рождаемости. Но более высокому числу рождений, а также общему и специальному коэффициентам рождаемости, способствует более молодая возрастная структура населения Кызыла. Разница в возрастной структуре искажает оценки смертности, если их проводить по общим коэффициентам может обманчиво показаться, что смертность выше в Элисте. Но применение показателя ожидаемой продолжительности жизни при рождении все расставляет по своим местам — и мужчины, и женщины, и все население в целом в столице Калмыкии живут дольше, соответственно, их смертность ниже, чем в Кызыле.

Оценки миграционного прироста по направлениям, включая по каждому полу по отдельности, а также возрастные профили миграционного прироста в изучаемых городах весьма схожи между собой. Тем не менее, выбытие лиц в возрастах старше трудоспособного из Кызыла дополнительно снижает и без того низкую нагрузку пожилыми на трудоспособное население и, гипотетически, способно содействовать экономическому развитию города за счет оптимизации возрастной структуры. Тогда как нагрузка детьми в последние годы в обеих столицах стала сопоставимой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абылкаликов, С. И. (2021) Особенности демографического развития Тувы: вклад миграции в демографический баланс // Новые исследования Тувы. № 4. С. 131–142. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.10>
- Анайбан, З. В. (2020) Современная миграционная ситуация в Республике Тыва // Sciences of Europe. № 49–4 (49). С. 62–66.
- Анайбан, З. В., Губогло, М. Н., Козлов, М. С. (1999) Формирование этнополитической ситуации. Т. 1. Очерки по истории постсоветской Тувы. М. : ЦИМО РАН. 412 с.
- Бадмаева, Н. В., Натсак, О. Д. (2021) Современная трудовая миграция из Калмыкии и Тувы: экономические, социокультурные и гендерные аспекты // Новые исследования Тувы. № 4. С. 186–205. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.14>

Вишневский, А. Г. (2014) Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида Homo sapiens // Демографическое обозрение. № 1(1). С. 6–33. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v1i1.1825>

Вишневский, А. Г. (2016) Демографические последствия Великой Отечественной войны // Демографическое обозрение. № 3(2) С. 6–42. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i2.1752>

Гунаев, Е. А., Бадмаева, Н. В., Кованова, Е. С. (2019) Индикаторы социального неблагополучия населения: этнорегиональная специфика Калмыкии, Бурятии и Тувы // Новые исследования Тувы. № 1. С. 190–201. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2019.1.14>

Денисенко, М. Б., Калмыкова, Н. М. (2009) Демография. М. : ИНФРА-М. 432 с.

Захаров, С. В. (2017) Потенциал структурных факторов роста рождаемости исчерпан? Часть первая [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. №. 731–732. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0731/tema01.php> (дата обращения: 20.02.2022).

Кашницкий, И. С. (2014) Что в возрасте тебе моем? [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. №. 581–582. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0581/tema01.php> (дата обращения: 20.02.2022).

Ламажаа, Ч. К., Намруева, Л. В. (2018) Субэтнические дифференциации российских этносов (на примере калмыков и тувинцев) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 206–226. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2018.2.11>

Мкртчян, Н. В. (2011) Динамика населения регионов России и роль миграции: критическая оценка на основе переписей 2002 и 2010 гг. // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 5. С. 28–41. DOI: <http://doi.org/10.1134/S2079970511030087>

Мкртчян, Н. В. (2020) Проблемы в статистике внутрirosсийской миграции, порожденные изменением методики учета в 2011 г. // Демографическое обозрение. № 7(1). С. 83–99. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i1.10821>

Петросян, А. Н. (2021) Рождаемость в муниципальных образованиях России в 2011–2019 гг. // Демографическое обозрение. Т. 8 № 3. С. 42–73. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v8i3.13266>

Тиникова, Е. Е. (2021) Урбанизация национальных республик Саяно-Алтая сквозь призму теории модернизации // Oriental Studies. № 14(2). С. 275–290. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2021-54-2-275-290>

Чудиновских, О. С. (2021) К вопросу о создании регистра населения и использовании административных данных для нужд государственной статистики // Вопросы статистики. № 28(1). С. 5–17. DOI: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2021-28-1-5-17>

Щур, А. Е. (2018) Города-миллионники на карте смертности России // Демографическое обозрение. Т. 5. № 4. С. 66–91. DOI: <http://doi.org/10.17323/demreview.v5i4.8663>

Юмагузин, В. В., Винник, М. В. (2019) Проблемы качества статистики смертности в России // ЭКО. № 10. С. 54–77. DOI: <http://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-10-54-77>

Ярмаркина, Г. М. (2019) Калмыки и тувинцы в русском дискурсе XX — начала XXI века // Новые исследования Тувы. № 4. С. 154–164. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2019.4.13>

Abylkalikov, S. (2016) Migration Activity and Adaptation of Russian Regional Populations // Regional Research of Russia. Vol. 6. No. 4. P. 357–365. DOI: <http://doi.org/10.1134/S207997051604002X>

Abylkalikov, S. I., Sazin, V. S. (2019) Migration in the Kaliningrad region reflected in the 1989–2015 censuses and microcensuses // Baltic Region. Vol. 11. No. 2. P. 32–50. DOI: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-2-3>

Dyson, T. (2011) The role of the demographic transition in the process of urbanization // Population and Development Review. Vol. 37. № 1. P. 34–54. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2011.00377.x>

Karachurina, L. B., Mkrтчyan, N. V. (2020) Age-specific Migration in Regional Centres and Peripheral Areas of Russia // Comparative Population Studies. № 44. P. 413–446. DOI: <http://doi.org/10.12765/CPoS-2020-12en>

Karachurina, L. B., Mkrтчyan, N. V. (2021) Intraregional Population Migration in Russia: Suburbs Outperform Capitals // Regional Research of Russia. Vol. 11. №. 1. P. 48–60. DOI: <http://doi.org/10.1134/S2079970521010068>

Rogers, A., Watkins, J. F., Woodward, J. A. (1990) Interregional Elderly Migration and Population Redistribution in Four Industrialized Countries A Comparative Analysis // Research on Aging. Vol. 12. № 3. P. 251–293.

Timonin, S., Jasilionis, D., Shkolnikov, V., Andreev, E. (2020) New perspective on geographical mortality divide in Russia: a district-level cross-sectional analysis, 2008–2012 // Journal of Epidemiology and Community Health. Vol. 74. № 2. P. 144–150. DOI: <http://doi.org/10.1136/jech-2019-213239>

Дата поступления: 21.02.2022 г.

REFERENCES

Abylkalikov, S. I. (2021) Osobennosti demograficheskogo razvitiia Tuvy: vklad migratsii v demograficheskii balans [Features of demographic development of Tuva: Contribution of migration to the demographic balance]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 131–142. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.10>

Anaiban, Z. V. (2020) Sovremennaia migratsionnaia situatsiia v Respublike Tyva [Contemporary migration situation in the Republic of Tuva]. *Sciences of Europe*, no. 49–4 (49), pp. 62–66. (In Russ.).

Anaiban, Z. V., Guboglo, M. N. and Kozlov M. S. (1999) *Formirovanie etnopoliticheskoi situatsii [Shaping the ethno-political situation]*. Moscow, Center for the Study of Interethnic Relations RAS. Vol. 1: Ocherki istorii postsovetsskoi Tuvy [Essays on the history of post-Soviet Tuva]. 420 p. (In Russ.).

Badmaeva, N. V. and Natsak, O. D. (2021) Sovremennaia trudovaia migratsiia iz Kalmykii i Tuvy: ekonomicheskie, sotsiokul'turnye i gendernye aspekty [Modern labor migration from Kalmykia and Tuva: economic, socio-cultural and gender aspects]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 186–205 (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.14>

Vishnevskii, A. G. (2014) Demograficheskaia revoliutsiia meniaet reproduktivnuiu strategiiu vida Homo sapiens [The demographic revolution is changing the reproductive strategy of *Homo sapiens*]. *Demographic Review*, no. 1(1), pp. 6–33. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v1i1.1825>

Vishnevskii, A. G. (2016) Demograficheskie posledstviia Velikoi Otechestvennoi voiny [Demographic consequences of the Great Patriotic War]. *Demographic Review*, no. 3(2), pp. 6–42. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i2.1752>

Gunaev, E. A., Badmaeva, N. V. and Kovanova, E. S. (2019) Indikatory sotsial'nogo neblagopoluchiiia naseleniia: etnoregional'naia spetsifika Kalmykii, Buriatii i Tuvy [Social insecurity indicators: ethnoregional specifics in Kalmykia, Buryatia and Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 190–201. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2019.1.14>

Denisenko, M. B. and Kalmykova, N. M. (2009) *Demografiia [Demographics]*. Moscow, INFRA-M. 432 p. (In Russ.).

Zakharov, S. V. (2017) Potentsial strukturnykh faktorov rosta rozhdaiemosti ischerpan? Chast' pervaiia [Is the potential of structural factors of fertility growth exhausted? Part one]. *Demoskop Weekly*, no. 731–732 [online] Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0731/tema01.php> (access date: 20.02.2022). (In Russ.).

Kashnitskii, I. S. (2014) Chto v vozraste tebe moem? [What's my age to you?]. *Demoskop Weekly*, no. 581–582 [online] Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0581/tema01.php> (access date: 20.02.2022). (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. and Namrueva, L. V. (2018) Subetnicheskie differentsiatsii rossiiskikh etnosov (na primere kalmykov i tuvintsev) [Sub-ethnic differentiations of Russian ethnic groups: the case of Kalmyks and Tuvans]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 206–226. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2018.2.11>

Mkrtchian, N. V. (2011) Dinamika naseleniia regionov Rossii i rol' migratsii: kriticheskaiia otsenka na osnove perepisei 2002 i 2010 gg. [Population dynamics of Russia's regions and the role of migration: Critical assessment based on the 2002 and 2010 censuses]. *Regional Research of Russia volume*, no. 5, pp. 28–41. (In Russ.). DOI: <http://doi.org/10.1134/S2079970511030087>

Mkrtchian, N. V. (2020) Problemy v statistike vnutrirossiiskoi migratsii, porozhdennye izmeneniiem metodiki ucheta v 2011 g. [Problems of statistics of internal Russian migration caused by changes in accounting methods in 2011]. *Demographic Review*, no. 7(1), pp. 83–99. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i1.10821>

Petrosian, A. N. (2021) Rozhdaemost' v munitsipal'nykh obrazovaniikh Rossii v 2011–2019 gg. [Birth rates at the municipal level in Russia, 2011–2019]. *Demographic Review*, vol. 8, no. 3, pp. 42–73. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v8i3.13266>

Tinikova, E. E. (2021) Urbanizatsiia natsional'nykh respublik Saiano-Altaiia skvoz' prizmu teorii modernizatsii [Urbanization in the Sayan-Altai republics: A perspective from modernization theory]. *Oriental Studies*, no. 14(2), pp. 275–290. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2021-54-2-275-290>

Chudinovskikh, O. S. (2021) K voprosu o sozdanii registra naseleniia i ispol'zovanii administrativnykh dannykh dlia nuzhd gosudarstvennoi statistiki [On the establishment of the Population Register and the use of administrative data for the benefit of public statistics]. *Voprosy statistiki*, no. 28(1), pp. 5–17. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2021-28-1-5-17>

Shchur, A. E. (2018) Goroda-millionniki na karte smertnosti Rossii [Million-plus cities on Russia's mortality map]. *Demographic Review*, vol. 5, no. 4, pp. 66–91. (In Russ.). DOI: <http://doi.org/10.17323/demreview.v5i4.8663>

Yumaguzin, V. V. and Vinnik, M. V. (2019) Problemy kachestva statistiki smertnosti v Rossii [Issues of quality of mortality statistics in Russia]. *EKO*, no. 10, pp. 54–77. (In Russ.). DOI: <http://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-10-54-77>

Yarmarkina, G. M. (2019) Kalmyki i tuvintsy v russkom diskurse XX — nachala XXI veka [Kalmyks and Tuvans in Russian discourse: 20th to early 21st centuries]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 154–164. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2019.4.13>

Abylkalikov, S. (2016) Migration Activity and Adaptation of Russian Regional Populations. *Regional Research of Russia*, vol. 6, no. 4, pp. 357–365. DOI: <http://doi.org/10.1134/S207997051604002X>

Abylkalikov, S. I., Sazin, V. S. (2019) Migration in the Kaliningrad region reflected in the 1989–2015 censuses and microcensuses. *Baltic Region*, vol. 11, no. 2, pp. 32–50. DOI: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-2-3>

Dyson, T. (2011) The role of the demographic transition in the process of urbanization. *Population and Development Review*, vol. 37, no. 1, pp. 34–54. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2011.00377.x>

Karachurina, L. B. and Mkrtchyan, N. V. (2020) Age-specific Migration in Regional Centres and Peripheral Areas of Russia. *Comparative Population Studies*, no. 44, pp. 413–446. DOI: <http://doi.org/10.12765/CPoS-2020-12en>

Karachurina, L. B. and Mkrtchyan, N. V. (2021) Intraregional Population Migration in Russia: Suburbs Outperform Capitals. *Regional Research of Russia*, vol. 11, no. 1, pp. 48–60. DOI: <http://doi.org/10.1134/S2079970521010068>

Rogers, A., Watkins, J. F. and Woodward, J. A. (1990) Interregional Elderly Migration and Population Redistribution in Four Industrialized Countries A Comparative Analysis. *Research on Aging*, vol. 12, no. 3, pp. 251–293.

Timonin, S., Jasilionis, D., Shkolnikov, V. and Andreev, E. (2020) New perspective on geographical mortality divide in Russia: a district- level cross- sectional analysis, 2008–2012. *Journal of Epidemiology and Community Health*, vol. 74, no. 2, pp. 144–150. DOI: <http://doi.org/10.1136/jech-2019-213239>

Submission date: 21.02.2022.

Миграционные процессы в национальных республиках с разным уровнем развития человеческого потенциала (на примере Башкортостана, Татарстана и Тувы)

Гульдар Ф. Ахметова

Башкирский государственный университет,
Российская Федерация

В статье представлен сравнительный анализ некоторых показателей миграции в российских республиках Башкортостан, Татарстан и Тува, которые рассматриваются как регионы с разным уровнем развития человеческого потенциала.

Условия в сфере человеческого развития в Татарстане можно рассматривать как притягивающие факторы миграции. Они способствуют стабильному миграционному приросту населения. В Туве присутствуют выталкивающие факторы, которые ведут к постоянной миграционной убыли. Башкортостан занимает промежуточное положение, может быть близок как к Туве (по характеру межрегионального обмена), так и к Татарстану (по некоторым показателям международной миграции).

Чем выше уровень развития человеческого потенциала в регионе, тем стабильнее и «спокойнее» миграционная ситуация. Наряду с положительными значениями миграционного прироста наблюдается относительно низкая интенсивность внутрорегионального и межрегионального обмена и высокая — международного. Отсутствуют сильные колебания показателей миграции при изменении внешних условий (имеется в виду ситуация с коронавирусной пандемией). Чем ниже уровень развития региона, тем сильнее выражена миграционная убыль населения, интенсивнее протекает обмен в пределах республики и с другими регионами, слабее — с другими странами; наблюдаются большие колебания в значениях миграции при изменении внешних условий. Первая тенденция больше проявляется в Татарстане; вторая — в Туве.

Направленность и интенсивность миграционных процессов зависит и от системы расселения. Это выражается в центрально-периферийном характере миграции — стягивании населения в крупные города и поселения, близкие к ним. Это больше проявляется в Башкортостане, отличающемся относительно высокой интенсивностью внутрорегиональной миграции. Отсутствие крупных городов и низкий уровень их социально-экономического развития способствуют активному оттоку населения за пределы республики (что находит выражение в Туве).

Направленность и интенсивность миграционных процессов зависит и от системы расселения. Это выражается в центрально-периферийном характере миграции — стягивании населения в крупные города и поселения, близкие к ним. Это больше проявляется в Башкортостане, отличающемся относительно высокой интенсивностью внутрорегиональной миграции. Отсутствие крупных городов и низкий уровень их социально-экономического развития способствуют активному оттоку населения за пределы республики (что находит выражение в Туве).

Ключевые слова: Башкортостан; Татарстан; Тува; миграция; миграционный процесс; внутрорегиональная миграция; межрегиональная миграция; международная миграция

Для цитирования:

Ахметова Г. Ф. Миграционные процессы в национальных республиках с разным уровнем развития человеческого потенциала (на примере Башкортостана, Татарстана и Тувы) // Новые исследования Тувы. 2022, № 2. С. 53-69. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.2.4>

Ахметова Гульдар Фаритовна — кандидат исторических наук, главный специалист Научной лаборатории социальных и демографических исследований Башкирского государственного университета. Адрес: Россия, 450076, г. Уфа, ул. К. Маркса 3/4. Эл. адрес: aguldar@yandex.ru

AKHMETOVA, Gul'dar Faritovna, Candidate of History, Chief Specialist, Scientific Laboratory of Social and Demographic Research, Bashkir State University. Postal address: 3/4 K. Marx St., 450076 Ufa, Russian Federation. E-mail: aguldar@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-9367-0246

Article

Migration processes in national republics with different levels of human development: the cases of Bashkortostan, Tatarstan and Tuva

Guldar F. Akhmetova

Bashkir State University, Russian Federation

Based on statistics for 2012–2021, the article provides a comparative analysis of some migration indicators in the republics of Bashkortostan, Tatarstan and Tuva. The selection was informed by different levels of human development.

In Tatarstan, the level of human development act as a migration attractor and contribute to stable population grown due to migrants. In Tuva, they have become a repulsive force and have led to a permanent population decline. While these two republics demonstrate two opposite types of migration processes, Bashkortostan occupies an intermediate position between them and can be linked to both Tuva (for example, by the nature of interregional exchange) and Tatarstan (by some indicators of international migration). Bashkortostan occupies the same intermediate position in terms of human development.

The higher the level of human development in the region, the more stable and «calmer» the migration situation gets. Firstly, along with the positive values of migration growth, there is a relatively low intensity of intraregional and interregional exchange and high levels of the international; secondly, migration indicators do not feature strong fluctuations when external conditions change, such as during the COVID-19 pandemic. And, vice versa, the lower the level of development of the region, the more pronounced the migration decline of the population gets, and the more intensive the exchange takes place within the republic and between it and other regions, while that with other countries gets progressively weaker. When external conditions change in an underdeveloped region, migration suffers huge fluctuations. The former trend is more evident in such regions as Tatarstan; while Tuva is an example of the latter.

The direction and intensity of migration processes are also influenced by the settlement system within a region. This can be seen in the center-periphery features of migration: the population is drawn into large cities and settlements adjacent to them. This trend, although common to all of republics in Russia, is most pronounced in Bashkortostan, which has a relatively high intensity of intraregional migration. In addition, the absence of large cities and the low level of their socio-economic development contribute to a vigorous outflow of population from the republic, as it happens in Tuva.

Keywords: *Bashkortostan; Tatarstan; Tuva; migration; migration process; intraregional migration, interregional migration, international labor exchange*

For citation:

Akhmetova G. F. Migratsionnye protsessy v natsional'nykh respublikakh s raznym urovnem razvitiia chelovecheskogo potentsiala (na primere Bashkortostana, Tatarstana i Tuvy) [Migration processes in national republics with different levels of human development: the cases of Bashkortostan, Tatarstan and Tuva]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 2, pp. 53-69. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.2.4>

Введение

Миграция — сложный и многогранный процесс, который можно рассматривать и как фактор, и как следствие развития человеческого потенциала¹. В первом случае речь идет о том, что миграция расширяет возможности людей в реализации своего потенциала, решении жизненных планов на пути к благополучию. Как отмечается в мировом Докладе о развитии человека за 2009 г., «человеческая мобильность может быть чрезвычайно эффективным средством расширения перспектив на полу-

¹Понятия «человеческий потенциал», «человеческое развитие» мы рассматриваем в соответствии с концепцией развития Программы развития ООН, согласно которой развитие человека — это процесс расширения выбора людей жить долгой, здоровой, творческой жизнью. Для измерения уровня развития человеческого потенциала используется интегральный индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), который включает в себя показатели, отражающие состояние здоровья людей (ожидаемая продолжительность жизни при рождении), образования (уровень грамотности взрослого населения, общая доля учащихся в начальной и средней школе и в высших учебных заведениях), а также уровня жизни (реальные доходы, выраженные через паритет покупательной способности) (Валиахметов, 2015; Человеческое развитие ..., 2008: 28).

чение более высокого дохода, медицинских услуг и образования»¹. Во втором, — о том, что характер и направленность миграционных процессов показывают, какие возможности и ограничения для развития человека существуют на той или иной территории. Не случайно, миграцию в научной литературе рассматривают как один из наиболее адекватных индикаторов социально-экономического благосостояния общества, так как миграционные потоки чаще всего направлены из менее развитых в более развитые страны и регионы (Рязанцев, 2014: 9).

Раскрытие второго аспекта — обусловленность миграции уровнем развития человеческого потенциала, представляет, на наш взгляд, бóльшую актуальность. В современных условиях, когда происходит активизация и усложнение миграционных процессов, формируются новые формы миграционного поведения людей², важно исследовать воздействие на них разных факторов — экономических социальных, социокультурных, которые, по сути, составляют понятие «человеческое развитие».

Данная проблема может быть раскрыта на основе сравнительного анализа основных показателей миграции в национальных республиках, которые имеют разные уровни развития человеческого потенциала. В России к ним можно отнести Башкортостан, Татарстан и Туву. Татарстан и Башкортостан расположены в Приволжском федеральном округе. Первый характеризуется как высокоразвитый регион с диверсифицированной экономикой, второй — как развитый, в основе экономики которой лежит добывающая промышленность. Тува, субъект Сибирского федерального округа, менее развитый регион, с преимущественно аграрной экономикой³. В рейтинге субъектов РФ Татарстан традиционно входит в первую десятку лидеров по ИРЧП, значения которого выше среднероссийского уровня. Позиции Башкортостана располагаются, как правило, в середине рейтинга, с более низким, чем по России ИРЧП. Тува ежегодно занимает последние места в рейтинге российских регионов⁴.

По многим параметрам социального и экономического развития, отражающим уровень человеческого развития, позиции республик находятся примерно в таком же соотношении, что можно увидеть из опубликованных статистических данных⁵.

Целью данной статьи, выполненной на основе демографического подхода, является выявление особенностей миграционных процессов в республиках с разным уровнем развития человеческого потенциала — Башкортостане, Татарстане, Туве. Исходя из этого, автором будет проведен сравнительный анализ: сложившейся в республиках системы городского расселения; интенсивности миграционного движения населения по отдельным потокам миграции (международной, межрегиональной, внутрирегиональной) через показатели миграционного прироста/убыли, а также прибытий и выбытий; уровня участия занятого населения в межрегиональной трудовой миграции.

Анализ показателей миграции проведен за период с 2012 по 2021 год⁶. Эмпирическую базу исследования составили материалы официальной статистики Росстата и его региональных отделений, которые находятся в открытом доступе и размещены на официальных сайтах органов статистики.

¹ Доклад о развитии человека 2009. Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие. М.: Изд-во «Весь Мир», 2009. С. 1.

² Население России 2019. Двадцать седьмой ежегодный демографический доклад / отв. ред. С. В. Захаров. М.: Издательский дом ВШЭ, 2022. С. 423.

³ Регионы России: цели, проблемы, достижения. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2006/2007 гг. / под общ. ред. С. Н. Бобылева и А. Л. Александровой. М.: Весь мир, 2007. С. 42, 89.

⁴ Индекс человеческого развития в России: региональные различия. Аналитическая записка. Декабрь 2021. М.: Аналитический центр при Правительстве РФ, 2021. С. 14–15 [Электронный ресурс] // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/analitika/2022/_2021_long.pdf (дата обращения: 22.02.2022).

⁵ См., например: Регионы России. Социально-экономические показатели. Стат. сб. М.: Росстат, 2021. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 22.01.2022).

⁶ Сопоставимый анализ показателей миграции целесообразно проводить в рамках данного периода, так как в России в 2011 г. были введены новые правила учета мигрантов. При анализе статистических данных мы допускаем, что они в силу ряда причин (частые случаи несоответствия фактического места проживания и регистрации; наличие «виртуальных» мигрантов, автоматически учтенных как возвратившиеся после временного пребывания и др.) не могут полностью отражать реальную ситуацию, связанную с миграционным движением населения.

Теоретико-методологические основы исследования

При анализе миграционных процессов мы опираемся на разработки отечественных ученых в области миграции (Карачурина, Мкртчян, 2010; Флоринская, Мкртчян, 2021; Рыбаковский, 2017; Рыбаковский, 2014; Рязанцев, 2014; и др.). Понятие «миграция населения» нами рассматривается в широком ее значении, как территориальные перемещения людей через административно-территориальные границы, которые могут иметь как возвратный, так и безвозвратный характер (Рыбаковский, 2017: 48). Все многообразие факторов миграции можно рассматривать в разных формах: экономические, социальные, демографические, политические, психологические, этнические, природные и географические (там же: 109). Общей тенденцией для миграционного обмена в масштабах России является стягивание населения страны в регионы–реципиенты федерального уровня; в так называемом «западном дрейфе», когда миграционные потоки направлены главным образом с восточных территорий в Центральный и Северо-Западный федеральные округа¹. В масштабах отдельных регионов наблюдается концентрация населения в крупных городах и в близлежащих к ним поселениях, что является отражением центрo-периферийного взаимодействия территорий (Карачурина, Мкртчян, 2010; Мкртчян, 2018).

Исходя из концепции центрo-периферийного взаимодействия, можно говорить о том, что система расселения как территориально целостная и функционально взаимосвязанная совокупность поселений² оказывает влияние на характер и направленность миграционных процессов. От того, какие типы городских поселений преобладают в регионе (крупные или малые³), каковы расстояния между поселениями, зависят интенсивность и направленность миграционных связей между ними.

Говоря о влиянии уровня развития человеческого потенциала на миграционные процессы, мы опираемся на концепцию «притяжения–выталкивания» (*pull/push*), основные идеи которой были изложены Э. Ли. Согласно ей, на каждой территории действует система факторов, которые притягивают или выталкивают население, побуждая их покинуть одну территорию и прибывать в другую. При этом одни и те же экономические или социальные условия могут играть роль как притягивающих, так и выталкивающих факторов как для разных территорий, так и для разных социальных групп населения. На миграцию оказывают влияние и так называемые «промежуточные препятствия» (расстояние между территориями прибытия и выбытия, определенные физические трудности для их преодоления и др.), а также личные факторы (индивидуальное восприятие, оценка факторов миграции и др.) (Lee, 1966).

Система расселения и уровень урбанизированности территорий

Среди рассматриваемых регионов по числу городских поселений лидирует Татарстан. В республике 24 города, среди которых, с одной стороны, представлен крупнейший город с миллионным населением г. Казань, который привлекает мигрантов не только из самой республики, но и из регионов Урало-Поволжья; с другой, — численно преобладают малые города и поселки городского типа (пгт) (всего — 15 малых городов и 17 пгт). Среди них значительное число городских поселений с численностью менее 10 тыс. человек (по 6 городов и пгт). Кроме этого, в республике представлены все остальные типы городских поселений: 1 крупный, 3 больших и 4 средних города⁴.

Несколько отличается сложившаяся система расселения Башкортостана, которая также формируется вокруг города-миллионника — г. Уфы. Однако в отличие от г. Казани, столица этого региона

¹ Население России 2019. Двадцать седьмой ежегодный демографический доклад / отв. ред. С. В. Захаров. М.: Издательский дом ВШЭ, 2022. С. 304.

² Система расселения // Демографическая энциклопедия / редкол.: А. А. Ткаченко, А. В. Алешкин, М. Б. Денисенко и др. М.: ООО «Издательство «Энциклопедия», 2013. С. 754.

³ Городские поселения могут быть представлены следующими типами: 1) крупнейшие города: более 1 млн человек; 2) крупные: 250 тыс. — 500 тыс.; 500 тыс. — 1 млн; 3) большие: 100 тыс. — 250 тыс.; 4) средние: 50 тыс. — 100 тыс.; 5) малые — до 10 тыс.; 10 тыс. — 20 тыс.; 20–50 тыс. человек (См.: СП 42.13330.2011. Свод правил. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений) [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система «Консультант-Плюс». URL: https://energy.midural.ru/images/Upload/2017/101/SPGR_28.12.2010.pdf (дата обращения: 20.01.22).

⁴ Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. Стат. сб. М.: Росстат, 2021 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13205> (дата обращения: 20.01.2022).

является миграционно привлекательной, в первую очередь, для жителей самой республики. Всего в Башкортостане 21 город, среди которых малых городских поселений значительно меньше, чем в Татарстане (всего 8 малых городов и 2 пгт); совсем нет малых городских поселений с численностью населения менее 10 тыс. человек. В республике также представлены 4 крупных, 1 большой и 6 средних городов¹. Два субрегиона (северный и северо-восточный) практически не урбанизированы и не имеют ни одного городского поселения.

По-иному сформирована система расселения в Туве. В республике незначительное число городских поселений — 1 большой (столица г. Кызыл) и 4 малых города, а также 1 пгт. Наиболее многочисленным является население столицы республики, в котором проживает примерно 120 тыс. человек. На втором месте идет его пригород — пгт Каа-Хем с численностью менее 20 тыс. человек. Остальные городские поселения являются малыми, с численностью жителей от 5 тыс. до 14 тыс. человек².

Соотношение городского и сельского населения в республиках выглядит следующим образом:

в Татарстане — 77% и 23%,

в Башкортостане — 62% и 38%;

в Туве — 54% и 44%³.

По степени урбанизированности территорий, коэффициент которого рассчитывается на основе нескольких показателей (доля городского населения, плотность населения городов, густота сети городов, средняя людность городов)⁴, Татарстан относится к регионам с высоким уровнем урбанизированности, Башкортостан — со средним, Тува — слабым (Балабейкина, Файбусович, 2018: 77).

На наш взгляд, указанные различия в системе расселения, наряду с особенностями социального и экономического развития, возможностями для развития человеческого потенциала, могут выступать как выталкивающие, так и притягивающие факторы миграции и влиять на направленность и характер миграционных процессов в регионах.

Показатели миграционного прироста/убыли долговременной миграции

Стабильный миграционный прирост в результате и межрегионального, и международного миграционного обмена наблюдается в Татарстане (диаграмма 1). Республика является реципиентом межрегионального уровня и наряду с Нижегородской и Самарской областями образует так называемый «Приволжский треугольник», куда стягивается население с соседних субъектов Приволжского федерального округа (Рыбаковский, 2014: 203). В республике взят курс на сохранение позиций миграционно привлекательного региона, который успешно конкурирует за население не только с соседями, но и с основными российскими центрами⁵. Такой явно выраженной и однозначно сформулированной задачи по усилению миграционных позиций региона, которая обозначена в Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 г., нет в аналогичных документах стратегического планирования других рассматриваемых нами республик.

¹ Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. Стат. сб. М.: Росстат, 2021 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13205> (дата обращения: 20.01.2022).

² Там же.

³ Численность и миграция населения Российской Федерации. Стат. бюлл., М.: Росстат, 2021 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13283> (дата обращения: 01.02.2022).

⁴ В научной литературе существуют разные методики оценки уровня урбанизированности территорий (см. об этом: Балабейкина, Файбусович, 2018; Тиникова, 2018: 239; Фомкина, 2014).

⁵ Закон Республики Татарстан от 17 июня 2015 года № 40-ЗРТ «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/428570021> (дата обращения: 25.01.2022).

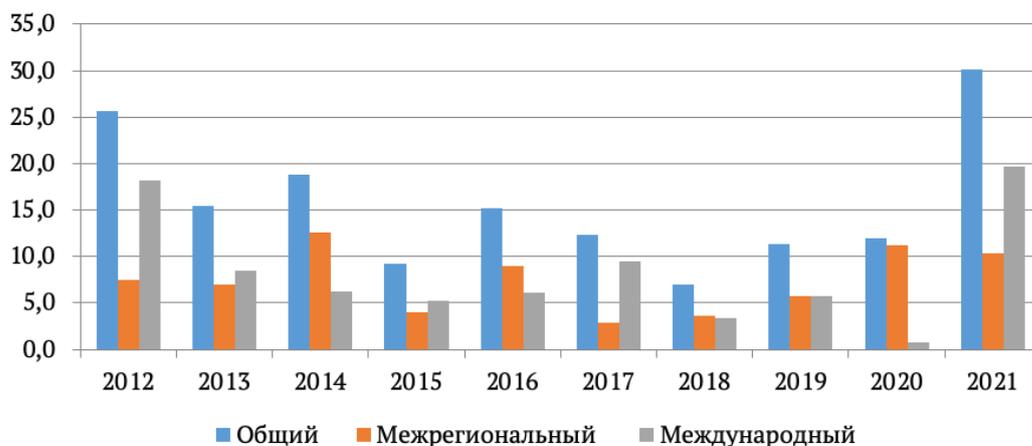

Диаграмма 1. Интенсивность миграционного прироста/убыли населения Татарстана по отдельным потокам, 2012–2021 гг., на 10 тыс. человек населения¹.
 Diagram 1. Intensity of population increase/decrease in Tatarstan by migration flows, 2012–2021, per 10000 population.

В Башкортостане и Туве протекают другие по своему характеру миграционные процессы: в них наблюдается общая миграционная убыль населения (исключением для Башкортостана были 2013 и 2021 гг., когда имел место прирост населения). При этом интенсивность убыли в Башкортостане значительно ниже (диаграмма 2), чем в Туве (диаграмма 3).

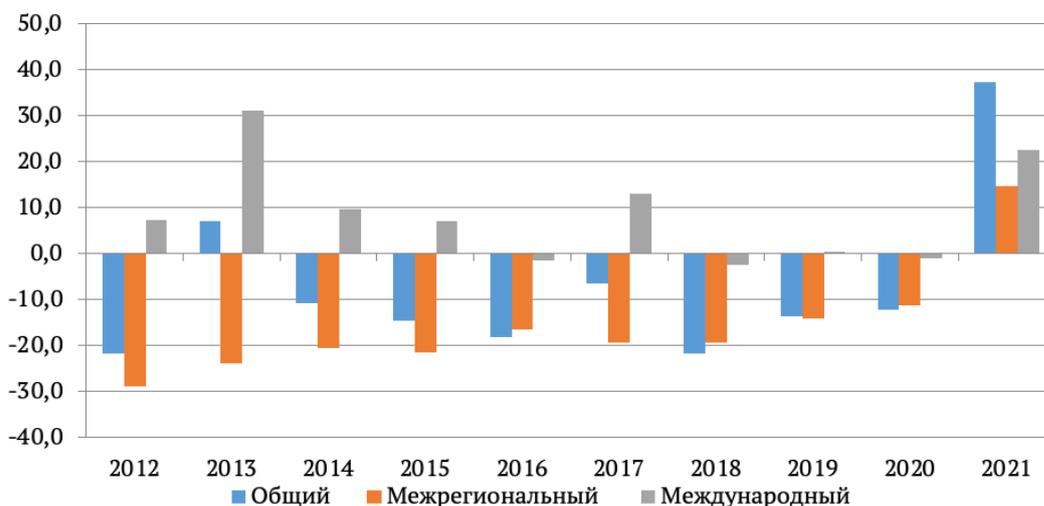

Диаграмма 2. Интенсивность миграционного прироста/убыли населения Башкортостана по отдельным потокам, 2012–2021 гг., на 10 тыс. человек населения.
 Diagram 2. Intensity of population increase/decrease in Bashkortostan by migration flows, 2012–2021, per 10000 population.

Положительный вклад в общие показатели миграционного прироста в обеих республиках вносит международная миграция, которая в течение рассматриваемого периода лишь в определенные

¹ Здесь и далее (в диаграммах 1–6 и таблицах 1, 2) приводятся расчеты автора по: Численность и миграция населения Российской Федерации. Стат. бюлл., М.: Росстат, 2012–2021 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13283> (дата обращения: 10.02.2022). За 2021 г. приводятся предварительные данные за январь–декабрь 2021 г. региональных отделений статистики рассматриваемых республик.

годы имела отрицательные значения. Миграционная убыль в сфере международной миграции во многом связана с тем, что с 2015 г. стали действовать новые, более жесткие, правила легализации международных мигрантов¹.

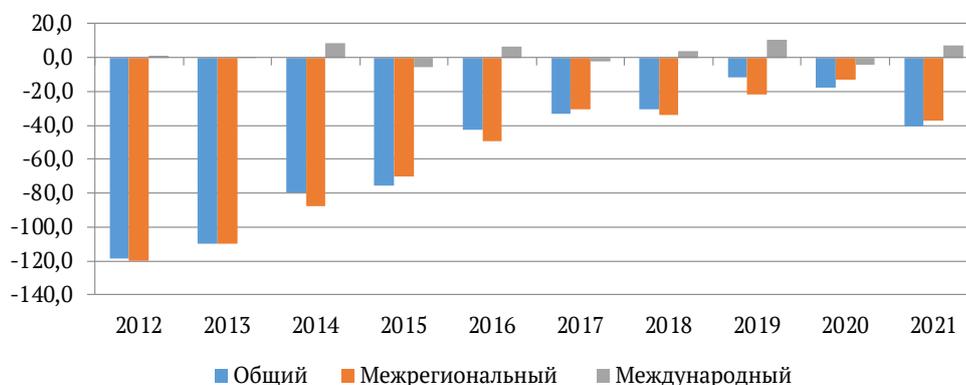

Диаграмма 3. Интенсивность миграционного прироста/убыли населения Тувы по отдельным потокам, 2012–2021 гг., на 10 тыс. человек населения.
 Diagram 3. Intensity of population increase/decrease in Tuva by migration flows, 2012–2021, per 10000 population.

В контексте межрегионального миграционного обмена Башкортостан можно отнести к так называемым «отдающим–принимающим» регионам, куда, с одной стороны, прибывает население из регионов–доноров, с другой — выбывает в регионы–реципиенты федерального значения. Туву, наряду со многими регионами Сибири, — к миграционным донорам, которые минимально компенсируют свои миграционные потери за счет международной миграции (Рыбаковский, 2014: 215, 225). Межрегиональная миграция в обеих республиках ведет к убыли населения.

Миграционные процессы на уровне города и села в рассматриваемых республиках имеют свои особенности (таблица 1). Если в Татарстане и в городе, и на селе наблюдается миграционный прирост, что отличает его не только от других рассматриваемых республик, но и от общей ситуации в России, где имеет место убыль сельского населения (убыль в селах Татарстана протекала в 2012–2014 гг., в городах — в 2019–2020 гг.), то в Туве происходит убыль и в городской, и в сельской местности (за исключением 2020 г.). В Башкортостане в селах складывается такая же картина, как и в Туве, а в городах нет явно выраженной одной тенденции: значения общего прироста могут быть и положительными, и отрицательными.

Таблица 1. Интенсивность общего миграционного прироста/убыли городского и сельского населения, 2012–2020 гг., на 10 тыс. человек населения.

Table 1. The intensity of total migration increase/decrease in urban and rural areas, 2012–2020, per 10000 population.

Годы	Россия		Регионы					
	Город	Село	Башкортостан		Татарстан		Тува	
			Город	Село	Город	Село	Город	Село
2012	43,6	-44,7	2,2	-59,2	37,2	-10,5	-21,2	-232,3
2013	44,4	-47,6	49,3	-60,0	26,2	-18,4	-69,4	-156,8
2014	37,7	-36,2	14,0	-50,7	25,0	-0,9	-55,8	-107,2

¹ Федеральный закон от 24 ноября 2014 г. № 357 «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Правовая электронная система «Гарант». URL: [http:// http://base.garant.ru/70804216/](http://base.garant.ru/70804216/) (дата обращения: 22.01.2022).

2015	26,9	-12,3	-17,7	-9,5	6,7	17,4	-30,5	-128,8
2016	27,4	-9,6	-18,8	-17,1	16,4	11,1	-59,8	-21,7
2017	23,7	-12,3	3,0	-21,8	15,1	3,0	-19,8	-48,5
2018	17,8	-18,6	-7,3	-45,7	2,6	21,9	-8,4	-56,1
2019	25,1	2,7	13,6	-58,6	-3,5	60,8	4,1	-30,5
2020	12,1	-2,1	-2,8	-29,7	-8,2	74,1	-53,4	24,6

Прим.: Данные за 2021 г. на момент написания статьи не были доступны.

В республиках на уровне отдельных городов и сельских районов наблюдается дифференциация показателей миграции, что во многом является следствием центрo-периферийного взаимодействия территорий. Города и районы, которые расположены рядом со столицами республик, являются наиболее миграционно привлекательными. Данная тенденция выявлена в Татарстане (Егоров, Николаев, 2019); Башкортостане, в котором, по расчетам Н. В. Мкртчяна, г. Уфа опережает другие города-миллионники по интенсивности миграционного прироста своих пригородов¹; Туве, где сельско-городская миграция направлена главным образом в г. Кызыл и его спутники — Сукпак, пгт Каа-Хем, а также дачные поселки административного центра (Хольшина, Кылгыдай, 2014).

Таким образом, положительные значения миграционного прироста, как по отдельным потокам, так и на уровне города и села, характерны только для Татарстана — региона с относительно высокими показателями человеческого развития. В Туве, где более низкий уровень развития человеческого потенциала, выражены негативные тенденции миграционной убыли, которые находят отражение как в городе, так и на селе. Башкортостан, уровень развития человеческого потенциала которого можно назвать средним, так же, как и Тува относится к регионам с миграционной убылью населения, однако в городе эта тенденция не является ярко выраженной и в определенные годы имеет положительные значения.

По нашему мнению, сложившиеся условия в сфере развития человеческого потенциала выступают в Татарстане как притягивающие факторы миграции; в Туве — как выталкивающие; в Башкортостане нет такого однозначного проявления факторов миграции.

Интенсивность прибытий и выбытий по отдельным потокам миграции

Как по России в целом, так и в рассматриваемых республиках, проявляется тенденция более активного участия населения во внутрирегиональном миграционном обмене, чем в межрегиональном и международном (диаграммы 4, 5, 6).

Из диаграммы 4 видно, что внутрирегиональная миграция наиболее интенсивно протекает в Башкортостане и Туве, как в республиках с высокой долей сельского населения, так как миграция в пределах региона чаще всего направлена из села в город. Однако в Туве, несмотря на то, что доля селян значительно больше, интенсивность внутрирегионального обмена ниже, чем в Башкортостане. Это, на наш взгляд, связано как со сложившейся системой городского расселения, так и с уровнем социально-экономического развития городов республик. Наличие в Башкортостане города-миллионника, крупных и средних городов, способствуют активной внутриреспубликанской миграции населения. Отсутствие в Туве крупных городов и небольшое число городских поселений, которые имеют низкий уровень социально-экономического развития, ведет к оттоку населения за пределы республики. Так, по интенсивности межрегиональных выбытий Тува опережает и Башкортостан, и Россию в целом (диаграмма 5).

¹ Республика Башкортостан. Демографический доклад. Выпуск 3 / под общей ред. Г. Ф. Хилажевой, Н. К. Шамсутдиновой. Уфа: Башк. Энцикл, 2018. С. 57–63 [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0815/biblio02.php> (дата обращения: 12.01.2022).

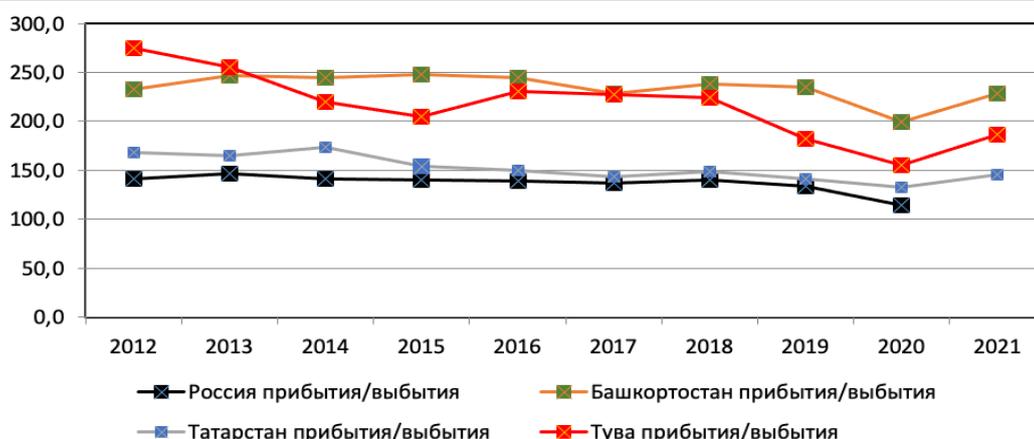

Диаграмма 4. Интенсивность прибытий и убытий, внутрирегиональная миграция, на 10 тыс. человек населения.
Diagram 4. Intensity of arrivals and departures, intraregional migration, per 10000 population.

Прим.: Значения прибытий и убытий во внутрирегиональном обмене являются равными.

Высокий миграционный отток населения Тувы во многом обусловлен низким социально-экономическим развитием республики (Анайбан, 2020: 63; Бадмаева, Натсак, 2021). Миграционная убыль населения наблюдается не только в селах, но и во всех городах Тувы (Тиникова, 2018: 248). В этой связи стоит отметить, что города Тувы, которые, как было отмечено выше, в основном представлены малыми городскими поселениями, не имеют ту поддержку в социально-экономическом развитии, как это наблюдается в двух рассматриваемых поволжских республиках. Например, в каждой из них по пять городов (в основном, малых и средних) получили статус территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР), что способствует их экономическому росту и, как следствие, миграционной привлекательности¹. В то же время в Стратегии социально-экономического развития Республики Тува до 2030 г. отмечается, что в перспективе на территории региона ожидается создание зон территориального развития².

В Татарстане, где меньше доля сельского населения, интенсивность внутрирегионального обмена ниже и близка к общероссийским показателям. В республике также наблюдается наиболее низкая интенсивность межрегионального обмена — прибытий и убытий.

Характерным и для России в целом, и для ее субъектов является низкая интенсивность международного миграционного обмена. В рассматриваемых республиках ее значения меньше общероссийских. Особенно низка интенсивность международных прибытий и убытий в Туве (диаграмма б).

Таким образом, миграционные процессы в трех республиках имеют свои особенности как по интенсивности, так и по характеру протекающих процессов. Среди трех направлений миграции население России и регионов намного активнее участвует во внутрирегиональном миграционном обмене, чем в межрегиональном и международном. При этом наибольшую активность в сфере внутрирегиональной миграции проявляют жители Башкортостана; межрегиональной — Тувы. На наш взгляд, в этом находит отражение влияние сложившейся системы городского расселения на

¹ В городах, получивших статус ТОСЭР, устанавливается особый правовой режим осуществления предпринимательской деятельности (более легкие условия налогового режима для предпринимателей-резидентов), активно привлекаются инвестиции, в целом обеспечивается ускоренное социально-экономическое развитие территорий, создаются комфортные условия для обеспечения жизнедеятельности населения (Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система «Консультант-Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/ (дата обращения: 25.01.22).

² Постановление Правительства Республики Тыва № 638 от 24.12.2018 г. «О Стратегии социально-экономического развития Республики Тыва до 2030 года» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативных технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550322563> (дата обращения 27.01.2022).

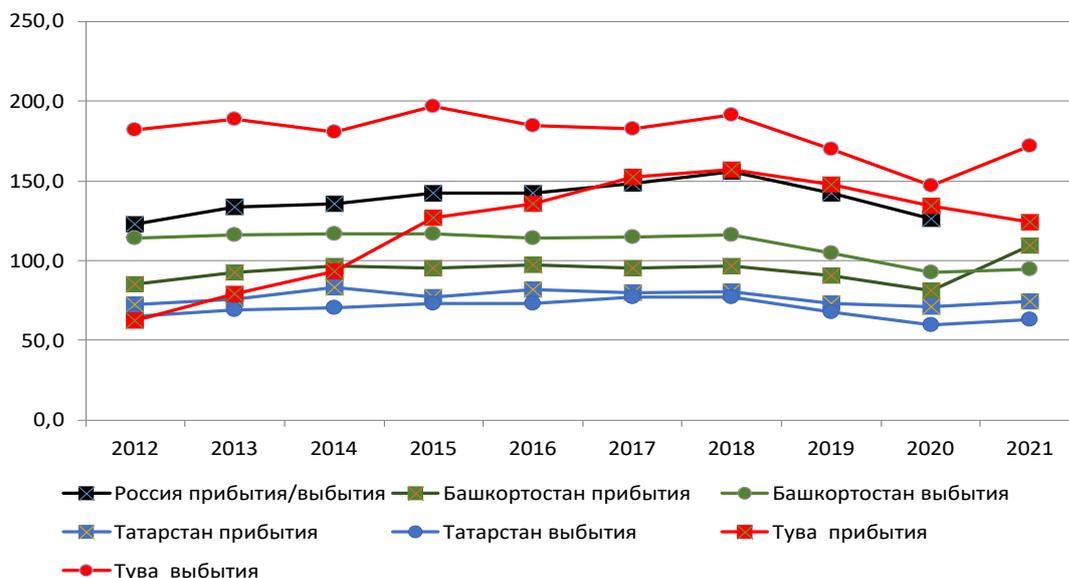

Диаграмма 5. Интенсивность прибытий и убытий, межрегиональная миграция, на 10 тыс. человек населения.
Diagram 5. Intensity of arrivals and departures, interregional migration, per 10000 population.

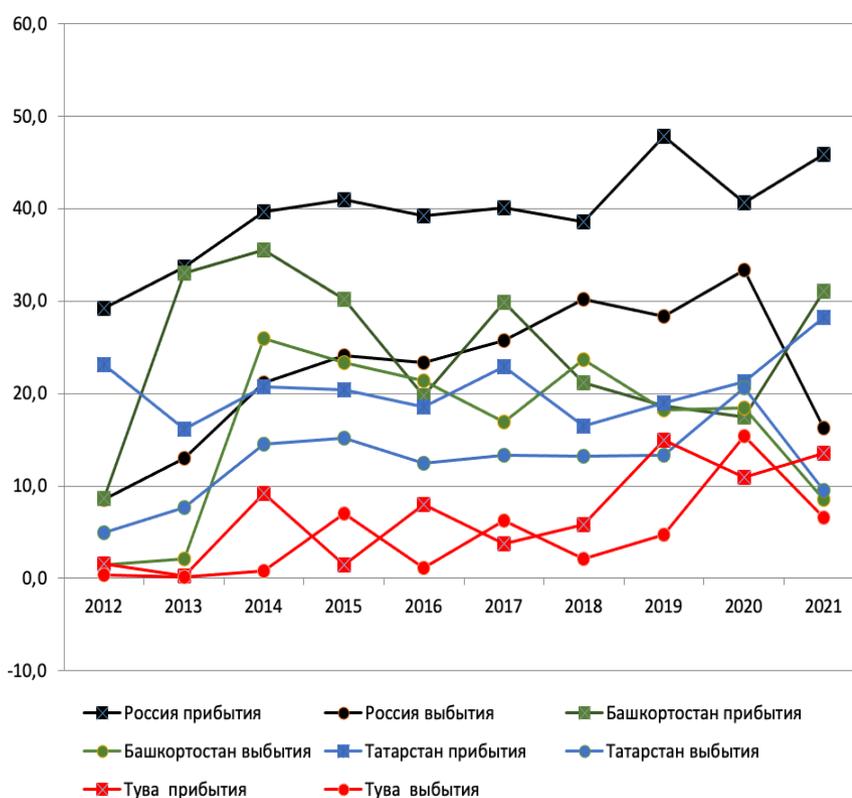

Диаграмма 6. Интенсивность прибытий и убытий, международная миграция, на 10 тыс. человек населения.
Diagram 6. Intensity of arrivals and departures, international migration, per 10000 population.

миграционное поведение населения регионов. Отсутствие крупных городов и низкий уровень их социально-экономического развития способствуют более активному оттоку населения Тувы за пределы республики.

Влияние пандемии на объемы миграций

В последние два-три года большое влияние на миграционные процессы оказала ситуация с коронавирусной пандемией. Снижение численности прибывших и выбывших мигрантов в условиях пандемии привело к значительному сокращению объемов миграции в 2020 г., когда были введены жесткие ограничительные меры¹. В то же время тенденция сокращения объемов внутрироссийской миграции в целом по стране стала проявляться еще в 2019 г. (Флоринская, Мкртчян, 2021: 58). В рассматриваемых республиках она также имела место, что выразилось в снижении интенсивности внутрирегионального и межрегионального обмена республик (диаграммы 4, 5).

В 2020 г. объемы внутрироссийских прибытий и выбытий сократились в целом по России на 15-16% по сравнению с предыдущими годами (со средними ежегодными значениями за 2017–2019 гг.) (таблица 2).

Таблица 2. Темпы роста/снижения объемов прибытий и выбытий в 2020 и 2021 гг. к предыдущему периоду/году, в %.

Table 2. Growth and decline rates of arrivals and departures in 2020 and 2021 as compared to the previous period/year, %.

Регионы	Годы	Общая миграция	В пределах России	В пределах региона	Из других регионов	Из-за пределов России
Прибывшие						
Россия	2020 к 2017–2019*	85,6	84,1	83,4	84,8	96
	2021 к 2020	103,5	101,9	-	-	112,4
Башкортостан	2020 к 2017–2019	84,3	85	84,8	85,6	74,5
	2021 к 2020	122,9	119,5	113,8	133,7	177,2
Татарстан	2020 к 2017–2019	93,3	91,9	92,3	91,2	109,5
	2021 к 2020	110,1	107,6	109,4	104,2	134,5
Тува	2020 к 2017–2019	82,1	80,9	74,8	89,5	135,3
	2021 к 2020	109	108,4	121,3	93,4	125,1
Выбывшие						
Россия	2020 к 2017–2019	87,2	84,1	83,4	84,8	118,5
	2021 к 2020	95,5	101,9	-	-	48,8
Башкортостан	2020 к 2017–2019	84,5	84	84,8	82,2	93,4
	2021 к 2020	106,2	110	113,8	101,7	46
Татарстан	2020 к 2017–2019	92,3	88,5	92,3	81,1	155,1
	2021 к 2020	102,2	108,5	109,4	106,3	43,3
Тува	2020 к 2017–2019	81,5	78,4	74,8	82,7	358,9
	2021 к 2020	115,8	119,6	121,3	117,7	42,9

Прим.: * – в среднем в год за 2017–2019 гг.; «-» означает, что исходные данные не опубликованы.

В Башкортостане примерно такими же темпами произошло снижение объемов внутренней миграции (внутрирегиональной и межрегиональной). С гораздо меньшими темпами они снизились в Татарстане (на 8–9% по двум потокам внутренней миграции) и достаточно сильно в Туве (особенно во внутрирегиональном миграционном обмене – на 25%, в межрегиональном – на 11–17%).

¹ Имеются в виду меры по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19), что привело к ограничению территориальных перемещений населения по всем направлениям (международным, меж- и внутрирегиональным, меж- и внутримunicipальным).

В последующий 2021 г., когда произошло некоторое смягчение ограничительных мер, объемы внутрироссийской миграции выросли. В целом по России рост был незначительным (около 2% для внутренней миграции с учетом меж- и внутрирегионального обмена). В рассматриваемых республиках темпы роста объемов внутрирегиональной миграции особенно высокими были в Туве (на 21%).

В сфере межрегионального миграционного обмена в исследуемых республиках проявились свои особенности, обусловленные их миграционным статусом — реципиента или донора. Так, если в Башкортостане и Татарстане в 2021 г. произошел рост числа прибытий из других российских регионов, то в Туве наблюдалась обратная картина. Число прибывших межрегиональных мигрантов в Башкортостане в 2021 г. выросло на 33%, в Татарстане — на 4%, в Туве — снизилось примерно на 7%.

Исключительная ситуация в сфере межрегионального обмена наблюдалась в 2021 г. в Башкортостане. Впервые за последние десятилетия в республике сложился положительный прирост в сфере межрегионального обмена. Это, на наш взгляд, во многом связано не только с эффектом реализации отложенных миграционных планов после смягчения ограничений, но и с более полным регистрационным учетом в республике на местах временных мигрантов (регистрация по месту пребывания). Так, согласно предварительным данным за январь-декабрь 2021 г., миграционный прирост в сфере межрегиональной миграции сложился в Башкортостане именно за счет этой категории мигрантов (зарегистрированных по месту пребывания)¹.

В 2021 г. значительный рост объемов произошел в сфере международной миграции. Одна из основных причин этого связана с ослаблением ограничений в отношении международных мигрантов по их пребыванию в России, что сказалось и на их регистрационном учете². В результате статистика показала значительный рост числа прибывших международных мигрантов и почти двукратное сокращение выбывших. Благодаря этому миграционный прирост в стране вырос более чем на 300 тыс. человек или почти в 4 раза, чем в 2020 г.³

Эта ситуация нашла отражение и в Татарстане, и в Башкортостане. В 2021 г. обе республики имели одни из высоких показателей международного миграционного прироста по сравнению с предыдущими годами. В Туве международный прирост также имел место, но не такой высокий.

Таким образом, во всех трех республиках в условиях коронавирусной пандемии (в 2020, 2021 гг.) произошли изменения в объеме миграционных потоков. Изменения объемов внутренней миграции в условиях коронавирусной пандемии сильнее проявились в Туве, слабее — в Татарстане. В Башкортостане они были близки к общероссийским значениям. Исходя из этого, можно сделать предварительные выводы о том, что чем выше уровень развития человеческого потенциала в регионе, тем «спокойнее» миграционная ситуация — отсутствуют сильные колебания показателей миграции при изменении внешних условий (как в случае с коронавирусной пандемией). И, наоборот, чем ниже уровень развития региона, тем большие колебания наблюдаются в значениях миграции при изменении внешних условий.

Участие занятого населения в межрегиональной трудовой миграции

Одним из способов адаптации населения к сложившимся социально-экономическим условиям является временная трудовая миграция, когда население трудится за пределами мест своего проживания и с определенной периодичностью возвращается домой.

¹ Население [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. URL: <https://bashstat.gks.ru/folder/25491> (дата обращения: 26.01.22). Мы не располагаем статистическими данными по двум другим республикам, чтобы сравнить, какой вклад внесли разные категории мигрантов (зарегистрированные по месту жительства и по месту пребывания) в межрегиональный прирост/убыль регионов.

² В частности, см.: Указ Президента РФ № 364 от 15.06.2021 г. «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в период преодоления последствий распространения новой коронавирусной инфекции (Covid-19)» [Электронный ресурс] // Правовая электронная система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/400895679/> (дата обращения: 15.01.2022).

³ Доклад «Социально-экономическое положение России». Январь 2022 г. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.r/bgd/regl/b22_01/Main.htm (дата обращения: 18.01.2022).

Согласно данным обследования рабочей силы Росстата, которые фиксируют лиц, временно работающих за пределами своих субъектов, в России в 2021 г. в межрегиональной трудовой миграции участвовало около 4% занятого населения страны или примерно 2,8 млн человек. Среди них около 1,8 млн человек составили те, кого можно отнести к вахтовым мигрантам (возвращаются домой один раз в неделю и реже) и около 1 млн человек — к маятниковым (совершают ежедневные поездки на работу)¹.

Рассматриваемые республики отличаются друг от друга по уровню вовлеченности во временную трудовую миграцию. Он высок в Башкортостане, который занимает третье место в РФ по абсолютной численности временных трудовых мигрантов (в 2021 г. — более 166 тыс. человек или около 9% занятого населения); низок в Татарстане и Туве, в которых выезжают на временные заработки в другие регионы примерно по 1% занятого населения (около 28 тыс. человек в Татарстане и 1 тыс. человек в Туве). При этом, если в Башкортостане участие занятого населения в межрегиональной трудовой миграции имеет стабильную восходящую динамику, то для двух других республик характерным является почти ежегодное колебание значений (таблица 3).

Таблица 3. Участие занятого населения в межрегиональной трудовой миграции, 2011–2021 гг.²

Table 3. Participation of employed population in interregional labor migration, 2011–2021.

Годы	Россия		Регионы					
			Башкортостан		Татарстан		Тува	
	Тыс. человек	Доля, %						
2011	1894,1	2,7	113,1	5,9	25,3	1,3	0,3	0,3
2012	2245,9	3,1	136,2	7,1	34,7	1,8	0,6	0,6
2013	2323,1	3,3	125,9	6,7	31,9	1,6	0,2	0,2
2014	2318,5	3,2	131,4	7	31,6	1,6	0,6	0,6
2015	2388,0	3,3	145,3	7,7	31,0	1,6	0,8	0,8
2016	2668,7	3,7	148,1	7,8	26,4	1,3	0,9	0,8
2017	2836,0	3,9	155,0	8,2	33,8	1,7	1,1	1,1
2018	3004,2	4,1	161,8	8,7	25,1	1,3	0,7	0,7
2019	2928,0	4,1	160,7	8,9	28,4	1,4	1,0	1,0
2020	2776,1	3,9	165,3	9,2	24,3	1,2	0,8	0,7
2021	2853,0	4,0	166,5	9,1	28,0	1,4	1,0	0,9

Разный уровень участия населения республик во временной трудовой миграции во многом обусловлен особенностями социально-экономического развития регионов. В Башкортостане развита нефтегазовая промышленность; ведется подготовка специалистов для данной отрасли, востребованных в северных регионах страны с аналогичной направленностью экономики. Это способствует активному участию населения в вахтовой миграции, в первую очередь, в Тюменскую область. По данным обследования Росстата, в Тюменской области временно трудятся более 109 тыс. жителей Башкортостана или более двух третей всех временных трудовых мигрантов республики. Они составляют около 30% вахтовых мигрантов, работающих в области³.

Наряду с этим в республике, особенно в сельской местности, остро стоят проблемы в сфере занятости, а также низкой оплаты труда, что вынуждает сельских жителей искать альтернативные

¹Итоги выборочного обследования рабочей силы. Стат. бюлл. Росстат. 2021 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения 25.01.2022).

² Составлено, рассчитано автором по: Итоги выборочного обследования рабочей силы. Стат. бюлл. Росстат. 2021 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения 25.01.2022).

³ Трудовая миграция жителей Республики Башкортостан / Пресс-выпуск от 02.04.2021 № 07-1-13/12. Уфа: Башкортостанстат, 2021.

формы занятости. Репрезентативные социологические исследования по Башкортостану показывают, что наибольшую долю вахтовых мигрантов составляют жители сел (более 60%) (Ахметова, 2021: 70).

В Татарстане низкий уровень занятости населения за пределами своей республики обусловлен широкими возможностями на региональном рынке труда. Республика сама является регионом, привлекающим трудовых мигрантов из других субъектов РФ. В 2021 г. численность прибывших временных трудовых мигрантов из-за пределов республики составила 34,5 тыс. человек, т. е. больше числа выезжающих (в Башкортостан прибыло 9,6 тыс.; Тува — 1,1 тыс. человек)¹.

В Туве слабая вовлеченность местного населения во временную трудовую занятость, которая является самой низкой в Сибирском федеральном округе, может быть обусловлена разными факторами: высоким уровнем неформальной занятости жителей региона (Валиахметов и др., 2021: 218); установками тувинского населения на традиционные виды хозяйственной деятельности (Кылгыдай, 2020), следствием чего может быть незначительная представленность в социально-профессиональной структуре населения квалифицированных рабочих, востребованных в условиях вахтовой занятости (в сферах нефтегазовой промышленности, строительства, транспорта и т. д.). В то же время в Туве наблюдается тенденция все большего вовлечения жителей во временную трудовую занятость (Абылкаликов, 2021: 139).

Участие населения во временной трудовой миграции может иметь как позитивные, так и негативные эффекты. Исследования по Республике Башкортостан показывают, что наряду с повышением доходов и улучшением материального положения семей, временная трудовая миграция, особенно вахтовая занятость, ведет к ухудшению здоровья ее участников, определенным трудностям в семейной жизни и является вынужденной мерой для большинства вовлеченных в нее семей (Хилажева, 2021).

Заключение

Башкортостан, Татарстан, Тува как регионы с разным уровнем развития человеческого потенциала, отличаются по многим показателям миграции. Во-первых, по интенсивности миграционного прироста/убыли. Татарстан, как регион с высокими показателями развития человеческого потенциала имеет стабильный миграционный прирост, в т. ч. городского и сельского населения, в отличие от Башкортостана и Тувы, в которых наблюдается убыль (вклад в который вносит межрегиональный миграционный обмен республик, интенсивность которой в Туве значительно выше, чем в Башкортостане).

Татарстан и Тува демонстрируют два противоположных характера миграционных процессов. По нашему мнению, во многом это обусловлено тем, что сложившиеся условия в сфере развития человеческого потенциала в Татарстане играют роль притягивающих факторов миграции, способствуя стабильному миграционному приросту населения; в Туве — выталкивающих факторов и ведут к миграционной убыли.

На направленность и интенсивность миграционных процессов влияет и система расселения республик. Это выражается в центрo-периферийном характере миграционных процессов — стягивании населения в крупные города и поселения, близкие к ним (данная тенденция, общая для республик, наиболее сильно проявляется в Башкортостане, который отличается высокой интенсивностью внутрирегиональной миграции). Кроме этого, отсутствие крупных городов и низкий уровень их социально-экономического развития способствуют активному оттоку населения за пределы республики (данная тенденция более выражена в Туве).

Во-вторых, проведенные нами расчеты интенсивности прибытий и выбытий как внутрирегиональных, так и межрегиональных, позволяют сделать предварительные выводы о том, что наиболее высокий уровень внутрироссийской миграционной активности проявляется в регионах с относительно низкими показателями развития человеческого потенциала (как в республиках Тува и Башкортостан), тогда как население благополучных регионов демонстрирует более низкий уровень миграционной активности (как в Республике Татарстан).

¹ Итоги выборочного обследования рабочей силы. Стат. бюлл. Росстат. 2021 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения 25.01.2022).

Обратная картина складывается в отношении международной миграции. Чем выше уровень развития региона, тем активнее он включен в международный миграционный обмен с зарубежными странами. И наоборот, чем ниже уровень развития региона, тем слабее в ней интенсивность международного миграционного обмена.

Дифференцированы и темпы изменения объемов миграции: чем слабее в социально-экономическом отношении субъект, тем более чутко он реагирует на изменения внешних условий, как это наблюдалось в условиях коронавирусной пандемии; более резким ростом или снижением объемов миграции (Республика Тува). Более стабильный в социально-экономическом отношении регион относительно спокойно реагирует в миграционном отношении на происходящие изменения (Республика Татарстан).

Уровень участия в межрегиональной трудовой миграции населения трех республик дифференцирован и обусловлен не только состоянием рынка труда, но и направленностью экономики и особенностями социально-профессиональной структуры населения и другими причинами.

Сделанные нами предварительные выводы требуют подтверждения на основе анализа более широкого статистического материала с формированием большей выборки российских регионов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абылкаликов, С. И. (2021) Особенности демографического развития Тувы: вклад миграции в демографический баланс // Новые исследования Тувы. № 4. С. 131–142. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.10>
- Анайбан, З. В. (2020) Современная миграционная ситуация в Республике Тыва // Sciences of Europe. № 49. С. 62–66.
- Ахметова, Г. Ф. (2021) Динамика трудовой миграции в Башкортостане // Вестник РУДН. Серия: Социология. № 2. С. 265–278. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-2-265-278>
- Бадмаева, Н. В., Натсак, О. Д. (2021) Современная трудовая миграция из Калмыкии и Тувы: экономические, социокультурные и гендерные аспекты // Новые исследования Тувы. № 4. С. 186–205. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.14>
- Балабейкина, О. А., Файбусович, Э. Л. (2018) Уровень урбанизированности территории Российской Федерации: региональный разрез // Географический вестник. № 1 (44). С. 72–82. DOI: <https://www.doi.org/10.17072/2079-7877-2018-1-72-82>
- Валиахметов, Р. М. (2015) Проблемы развития человеческого потенциала Республики Башкортостан // Социологические исследования. № 8. С. 50–55.
- Валиахметов, Р. М., Баймурзина, Г. Р., Туракаев, М. С., Самба, А. Д.-Б. (2021) Этносоциальные особенности занятости населения в республиках Тува и Башкортостан // Новые исследования Тувы. № 4. С. 206–222. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.15>
- Егоров, Д. О., Николаев, Р. С. (2019) Роль миграции в усилении поляризации расселения Республики Татарстан // Региональные исследования. № 1. С. 86–98.
- Карачурина, Л. Б., Мкртчян, Н. В. (2010) Центро-периферийные взаимодействия в регионах России — анализ на основе компонентов динамики численности населения низовых АТЕ за последний межпереписной период // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. Т. 8. С. 644–663.
- Кылгыдай, А. Ч. (2020) Роль традиционной занятости тувинцев в решении проблем рынка труда региона: новые подходы // Экономика. Профессия. Бизнес. № 1. С. 65–70. DOI: <https://www.doi.org/10.14258/epb201960>
- Мкртчян, Н. В. (2018) Региональные столицы России и их пригороды: особенности миграционного баланса // Известия РАН. Серия географическая. № 6. С. 26–38. DOI: <https://doi.org/10.1134/S2587556618060110>
- Рыбаковский, Л. Л. (2017) История и теория миграции населения : в 3 кн. М. : Изд-во «Экон-Информ». Кн. 2. Миграция населения: явление, понятие, детерминанты. 234 с.
- Рыбаковский, О. Л. (2014) Результативность межрегиональной миграции населения // Миграционные процессы в России / под. ред. В. В. Локосова, Л. Л. Рыбаковского. М. : Экон-информ. 383 с. С. 129–228.
- Рязанцев С. В. (2014) Понятийный аппарат и источники данных о миграционных процессах // Миграционные процессы в России / под. ред. В. В. Локосова, Л. Л. Рыбаковского. М. : Экон-информ. 383 с. С. 7–32.
- Тиникова, Е. Е. (2018) Трансформация городского расселения в национальных республиках Южной Сибири в середине XX — начале XXI века // Новые исследования Тувы. № 4. С. 235–257. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.4.13>

Флоринская, Ю. Ф., Мкртчян, Н. В. (2021) Миграция: основные тренды января — февраля 2021 г. // Экономическое развитие России. Т. 28. № 6. С. 58–61.

Фомкина, А. А. (2015) Слабоурбанизированные территории: критерии и особенности выделения // Вестник Тверского государственного университета. Серия: География и геоэкология. № 2. С. 72–79.

Хилажева, Г. Ф. (2021) Современная семья в контексте транслокальной миграции (на примере семей вахтовых мигрантов Башкортостана) // Женщина в российском обществе. № 1. С. 68–92. DOI: <https://www.doi.org/10.21064/WinRS.2021.1.6>

Хольшина, М. А., Кылгыдай, А. Ч. (2014) Территориальное различие внутренней миграции населения Республики Тыва // Перспективы науки. № 11 (62). С. 14–17.

Человеческое развитие: новое измерение социально-экономического прогресса (2008) / под ред. В. П. Колесова. М.: Права человека. 636 с.

Lee, E. S. (1966) A Theory of Migration // *Demography*. Vol. 3. No. 1. P. 47–57.

Дата поступления: 17.02.2022 г.

REFERENCES

Abylkalikov, S. I. (2021) Osobennosti demograficheskogo razvitiia Tuvy: vklad migratsii v demograficheskii balans [Features of the demographic development of Tuva: Contribution of migration to the demographic balance]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 131–142. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.10>

Anaiban, Z. V. (2020) Sovremennaia migratsionnaia situatsiia v Respublike Tyva [Contemporary migration situation in the Republic of Tuva]. *Sciences of Europe*, no. 49–4 (49), pp. 62–66. (In Russ.).

Akhmetova, G. F. (2021) Dinamika trudovoi migratsii v Bashkortostane [Dynamics of labor migration in the Republic of Bashkortostan]. *RUDN Journal of Sociology*, no. 2, pp. 265–278. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-2-265-278>

Badmaeva, N. V. and Natsak, O. D. (2021) Sovremennaia trudovaia migratsiia iz Kalmykii i Tuvy: ekonomicheskie, sotsiokul'turnye i gendernye aspekty [Contemporary labor migration from Kalmykia and Tuva: Economic, socio-cultural and gender aspects]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 186–205 (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.14>

Balabeikina, O. A. and Faibusovich, E. L. (2018) Uroven' urbanizirovannosti territorii Rossiiskoi Federatsii: regional'nyi razrez [The level of urbanization across the Russian Federation: regional aspect]. *Geographical bulletin*, no. 1 (44), pp. 72–82. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.17072/2079-7877-2018-1-72-82>

Valiakhmetov, R. M. (2015) Problemy razvitiia chelovecheskogo potentsiala Respubliki Bashkortostan [Problems of human development in the Republic of Bashkortostan]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 8, pp. 50–55. (In Russ.).

Valiakhmetov, R. M., Baimurzina, G. R., Turakaev, M. S., Samba, A. D.-B. (2021) Etnosotsial'nye osobennosti zaniatosti naseleniia v respublikakh Tuva i Bashkortostan [Ethnic and social aspects of employment in the Republics of Tuva and Bashkortostan]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 206–222 (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.15>

Egorov, D. O. and Nikolaev, R. S. (2019) Rol' migratsii v usilenii poliarizatsii rasseleniia Respubliki Tatarstan [The role of migration in polarizing the settlement pattern in the Republic of Tatarstan]. *Regional'nye issledovaniia*, no. 1, pp. 86–98. (In Russ.).

Karachurina, L. B. and Mkrтчian, N. V. (2010) Tsentro-periferiinye vzaimodeistviia v regionakh Rossii — analiz na osnove komponentov dinamiki chislennosti naseleniia nizovykh ATE za poslednii mezhperepisnoi period [Centre-periphery interactions in the regions of Russia: A study based on the components of the population dynamics of the grassroots ATE over the last inter-census period]. *Nauchnye trudy: Institut narodnokhoziaistvennogo prognozirovaniia RAN*, vol. 8, pp. 644–663. (In Russ.).

Kylgydai, A. Ch. (2020) Rol' traditsionnoi zaniatosti tuvintsev v reshenii problem rynka truda regiona: novye podkhody [Traditional employment among Tuvans and its role in solving the labor market problems of the region: new approaches]. *Economics Profession Business*, no. 1, pp. 65–70. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.14258/epb201960>

Mkrтчian, N. V. (2018) Regional'nye stolitsy Rossii i ikh prigorody: osobennosti migratsionnogo balansa [Regional capitals and their suburbs in Russia: Net migration patterns]. *Izvestiia RAN. Seriya geograficheskaya*, no. 6, pp. 26–38. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.1134/S2587556618060110>

Rybakovskii, L. L. (2017) *Istoriia i teoriia migratsii naseleniia [History and theory of population migration]: in 3 books*. Moscow, Ekon-Inform Publ. Book 2. Migratsiia naseleniia: iavlenie, poniatie, determinant [Population migration: phenomenon, concept, determinants]. 234 p. (In Russ.).

Rybakovskii, O. L. (2014) Rezul'tativnost' mezhregional'noi migratsii naseleniia [The efficiency of interregional migration. In: *Migratsionnye protsessy v Rossii [Migration processes in Russia]* / ed. by V. V. Lokosova and L. L. Rybakovskogo. Moscow, Ekon-inform. 383 p. Pp. 129–228. (In Russ.).

Riazantsev S. V. (2014) Poniatiinye apparat i istochniki dannykh o migratsionnykh protsessakh [Conceptual apparatus and data sources on migration processes]. In: *Migratsionnye protsessy v Rossii [Migration processes in Russia]* / ed. by V. V. Lokosova and L. L. Rybakovskogo. Moscow, Ekon-inform. 383 p. Pp. 7–32. (In Russ.).

Tinikova, E. E. (2018) Transformatsiia gorodskogo rasseleniia v natsional'nykh respublikakh Iuzhnoi Sibiri v seredine XX — nachale XXI veka [Transformation of urban settlement in the national republics of southern Siberia from mid-20th to early 21st century.]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 235–257. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.4.13>

Florinskaia, Yu. F. and Mkrtchian, N. V. (2021) Migratsiia: osnovnye trendy ianvaria — fevralia 2021 g. [Migration: main trends in January and February 2021]. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii*, vol. 28, no. 6, pp. 58–61. (In Russ.).

Fomkina, A. A. (2015) Slabourbanizirovannye territorii: kriterii i osobennosti vydeleniia [Under-urbanized territories: criteria and features of defining]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geografiia i geoekologiia*, no. 2, pp. 72–79. (In Russ.).

Khilazheva, G. F. (2021) Sovremennaia sem'ia v kontekste translokal'noi migratsii (na primere semei vakhtovykh migrantov Bashkortostana) [Contemporary family in the context of translocal migration: the case of shift migrants families in Bashkortostan]. *Woman in Russian Society*, no. 1, pp. 68–92. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.21064/WinRS.2021.1.6>

Khol'shina, M. A. and Kylgydai, A. Ch. (2014) Territorial'noe razlichie vnutrennei migratsii naseleniia Respubliki Tyva [Territorial differentiation of internal migration in the Republic of Tuva]. *Perspektivy nauki*, no. 11 (62), pp. 14–17. (In Russ.).

Chelovecheskoe razvitie: novoe izmerenie sotsial'no-ekonomicheskogo progressa [Human development: a new dimension of socio-economic progress] (2008) / ed. by V. P. Kolesova. Moscow, Prava cheloveka. 636 p. (In Russ.).

Lee, E. S. (1966) A Theory of Migration. *Demography*, vol. 3, no. 1, pp. 47–57.

Submission date: 17.02.2022.

DOI: 10.25178/nit.2022.2.5

Статья

Этноязыковая ситуация как фактор социального самочувствия региона в национальных республиках России (на примере Тувы, Башкортостана и Калмыкии)

Марсель С. Туракаев

Башкирский государственный университет, Российская Федерация

В статье определяется степень влияния некоторых показателей этноязыковой ситуации в республиках России на социальное самочувствие опрошенных местных жителей. Социальное самочувствие проявляется в оценках респондентов данных регионов жизни в республике и зависит от их мнения относительно условий сохранения и развития национального родного языка в республике, опыта столкновения с неуважительным дискриминационным отношением к своему национальному и (или) родному языку со стороны других людей в регионе, а также ценности сохранения национального языка и культуры. Анализ строится по результатам социологических опросов, проведенных в этих республиках Башкортостан, Тува и Калмыкия в период с декабря 2020 г. по январь 2022 г.

Выявлена взаимосвязь между мнением респондентов об условиях изучения и сохранения национального родного языка в республике и общей оценкой качества жизни в этих республиках по сравнению с другими субъектами РФ. Жизнь в регионе проживания оценивается респондентами выше, если они полагают, что условия изучения и сохранения национального родного языка за последние 10 лет улучшились. Респонденты из Тувы, которые ответили, что жители их республики живут лучше, чем жители других регионов страны, выше ценят сохранение национальной культуры и языка в своей республике (в других республиках данная зависимость не подтверждается). Неуважительное отношение к «своему» национальному и (или) родному языку не влияет на оценку респондентами жизни в республике.

Башкиры из Башкортостана, русские из Тувы и калмыки из Калмыкии чаще сталкивались с неуважительным отношением к своему национальному и (или) родному языку, нежели представители других этнических групп из данных республик. В Башкортостане это связано с языковыми спорами и другими недавними социально-политическими событиями в регионе. В Туве это связано с тем, что русских в структуре населения республики гораздо меньше, чем тувинцев. В Калмыкии гораздо чаще других о неуважительном отношении к своему языку заявляют калмыки. На это также влияет и языковая ситуация в республике, и сокращение количества людей, говорящих на национальном калмыцком языке.

Ключевые слова: языковая ситуация; социальное самочувствие; национальный язык; родной язык; Тыва; Башкортостан; Калмыкия; тувинцы; башкиры; калмыки

Для цитирования:

Туракаев М. С. Этноязыковая ситуация как фактор социального самочувствия региона в национальных республиках России (на примере Тувы, Башкортостана и Калмыкии) // Новые исследования Тувы. 2022, № 2. С. 70-84. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.2.5>

Туракаев Марсель Салаватович — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии и работы с молодежью Башкирского государственного университета. Адрес: 450076, Россия, г. Уфа, ул. Карла Маркса, д. 3/4. Тел.: +7 (965) 656-28-82. Эл. адрес: mturakayev@gmail.com

TURAKAYEV, Marcel Salavatovich, Candidate of Sociology, Senior Lecturer, Department of Sociology and Youth Work, Bashkir State University. Postal address: 3/4 Karla Marxa St., Ufa, Russian Federation 450076. Tel.: +7 (965) 656-28-82. E-mail: mturakayev@gmail.com

ORCID ID: 0000-0003-2449-6605

Ethno-linguistic situation as a factor in the social well-being of the Republics of Russia: the cases of Tuva, Bashkortostan and Kalmykia

Marsel S. Turakayev

Bashkir State University, Russian Federation

The article deals with the influence some aspects of ethnolinguistic situation in Russia's constituent republics have over the social well-being of local population. Opinion polls held in Bashkortostan, Tuva and Kalmykia between December 2020 to January 2022 are an important measuring tool of social well-being in the region. Respondents' assessments of protection and development of regional languages, experience of discrimination against their native and/or regional language by members of other ethnicities, as well as of understanding the importance of protecting native languages and cultures, are all important contributing factors to the general feeling of social well-being.

The article traces the correlation between what the respondents think of the conditions of learning and protecting the regional language of the republic and their opinion on the general quality of life in the republic as compared to other constituent regions of Russia. Quality of living gets a more positive assessment if respondents believe that learning and protecting the regional language have improved over the last 10 years. Respondents from Tuva who think that quality of living in the republic is higher than anywhere else in Russia, tend to value the protection of ethnic culture and language in the region higher. In other regions, however, the two opinions are not directly correlated. Those respondents who tend to undervalue their "own" regional and/or native tongue show no prevailing trends in assessing life in the region.

Bashkirs from Bashkortostan, Russians in Tuva and Kalmyks in Kalmykia, as polls reveal, have more experience of disrespect for their regional and/or native language than any other ethnic group in the three republics. The reasons are, however, region-specific. In Bashkortostan, this is due to disagreements on the use of official languages and a number of other social and political events in the region. In Tuva, the reason lies in the small number of Russians among the region's population. In Kalmykia, the problem has been influenced by the overall linguistic situation in the region and the decrease in the number of Kalmyks who can speak the Kalmyk language.

Keywords: *linguistic situation; social well-being; regional language; native language; Tuva; Bashkortostan; Kalmykia; Tuvans; Bashkirs; Kalmyks*

For citation:

Turakayev M. S. Etnoiazzykovaia situatsiia kak faktor sotsial'nogo samochuvstviia regiona v natsional'nykh respublikakh Rossii (na primere Tuvy, Bashkortostana i Kalmykii) [Ethno-linguistic situation as a factor in the social well-being of the Republics of Russia: the cases of Tuva, Bashkortostan and Kalmykia]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 2, pp. 70-84. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.2.5>

Введение

В Башкортостане, Туве и Калмыкии, как и в остальных российских регионах, разрабатываются государственные программы сохранения и развития национальных языков в целях сохранения этнической и социокультурной идентичности народов, проживающих в них, а также для снижения межэтнической напряженности и в целом положительного влияния на социальное самочувствие населения этих регионов (*Язык и идентичность ...*, 2021). В рассматриваемых трех республиках двухкомпонентная двуязычная языковая модель, которая предполагает функционирование государственного русского языка и республиканского государственного языка в республике (*Михальченко*, 2015: 26–28).

Как отмечает В. А. Тишков, одним из факторов, способствующих зарождению и формированию языковых проблем в республиках и в других регионах России является «склейка» языка и этничности. Многие представители национальных меньшинств в России не владеют родным языком или языком своего народа (этнической группы, национальности). Следовательно, многие жители республик, в т. ч. русские, представители коренных и других народов, не хотят в обязательном порядке изучать «национальные» языки. Это породило дискуссию и дальнейшую отмену обязательного изучения

«национальных» языков в России (в настоящее время можно выбирать какой язык изучать в качестве родного) (Тишков, 2019: 136–139).

В научной литературе особенности этноязыковой ситуации в регионах рассматриваются обычно отдельно: в Республике Калмыкия (Кованова и др., 2019; Намруева, 2018; Денисова Г., Денисова А., Намруева, 2016; Сусеева, 2018; Баранова, 2009, 2021; и др.), в Республике Тыва (Серээдар, 2018; Цыбенова, 2019; Боргоякова, Биткеева, 2020; Биткеева, 2019; Арефьев, Бахтикиреева, Синячкин, 2021; и др.), в Республике Башкортостан (Арутюнова, 2018, 2019; Хабибуллина, 2010; Хайруллина, Фаткуллина, 2020; Сафин, Халиулина, 2015; Хисамитдинова, Мухтаров, 2016; Искужина, 2017; Аюпова, Салихова, 2007; и др.).

Новизна исследования в статье заключается в рассмотрении аспектов языковой ситуации сразу в трех республиках как факторов социального самочувствия респондентов: а именно, субъективной оценки уровня жизни в регионе постоянного проживания в сравнении с другими регионами России. К тому же между этими республиками не проводились исследования языковой ситуации сравнительного плана по единой социологической методике.

Объекты исследования — языковая ситуация в республиках Башкортостан, Тыва и Калмыкия. Предмет исследования — особенности этноязыковой ситуации как факторы социального самочувствия населения данных республик.

Цель статьи — определение степени влияния некоторых показателей этноязыковой ситуации в республиках Башкортостан, Тыва и Калмыкия на социальное самочувствие опрошенных местных жителей. Задачи статьи: сравнить языковую ситуацию в республиках, опираясь на мнение основных этносов; определить в сравнительном плане степень влияния оценок респондентов условий изучения и сохранения национального родного языка в своих республиках на субъективную оценку жизни в своем регионе; выявить степень влияния факта неуважительного отношения к «своему» национальному и (или) родному языку на оценки жизни в своем регионе; определить степень влияния ценности сохранения национального языка и культуры в республиках на оценки респондентов этих республик жизни в своем регионе.

В статье используются данные социологических опросов проекта «Этнические особенности развития человеческого потенциала в экономиках республик Российской Федерации» (2020–2022 гг.) в республиках Башкортостан, Тыва и Калмыкия. Объем выборки в Республике Тыва составил 1176 чел., в Республике Калмыкия — 820 человек, в Республике Башкортостан — 1184 человека. В Республике Калмыкия опрос проводился с октября по декабрь 2021 г., в Республике Тыва периоды проведения опроса: 1) декабрь 2020 г. — январь 2021 г. и 2) май–июнь 2021 г., в Республике Башкортостан опрос был проведен в период с июня по сентябрь 2021 года. Метод сбора данных: анкетирование с помощью бумажных анкет и при помощи вебссылки на электронную анкету; платформа для опросов Simple Forms позволяла отслеживать поступающие анкеты и осуществлять контроль качества данных. Использовалась стратифицированная выборка по типу населенного пункта с квотированием по полу, возрасту, образованию и национальной принадлежности респондентов, что обеспечивает валидность и репрезентативность выборки.

Социальное самочувствие как зависимая переменная измеряется в статье на основании вопроса анкеты социологического опроса: «Как Вы считаете, жители республики живут лучше или хуже, чем в других регионах России?» В качестве независимых переменных (факторов) были взяты следующие вопросы анкеты: 1) мнение относительно условий сохранения и развития национального родного языка в республике («Скажите, пожалуйста, как изменились за последние 10 лет в республике условия и возможности для сохранения и развития Вашего национального родного языка?»); 2) опыт столкновения с неуважительным дискриминационным отношением к «своему» национальному и (или) родному языку со стороны других людей в республике (подвопрос «Неуважительное отношение к Вашему языку» вопроса «Приходилось ли Вам за последние три года сталкиваться с такими явлениями, как...?»); 3) ценность сохранения национальной культуры и языка (подвопрос «Сохранение национальной культуры, языка» вопроса «Оцените, пожалуйста, значимость следующих ценностей для Вас по 10-балльной шкале, где 1 — совершенно не важно, 10 — очень важно...») В первом вопросе речь идет о национальном родном языке, во втором вопросе — о «Вашем языке» и в последнем вопросе говорится о «национальной культуре, языке». Формулировки данных вопросов влияют на ответы респондентов, поэтому в этой статье в каждом разделе используется соответствующая терминология:

«национальный родной язык», «свой язык» и «национальный язык». Под национальным родным языком респонденты могли подразумевать и русский язык, и национальный родной язык другого этноса.

Гипотезы исследования: 1) оценка респондентами данных регионов уровня жизни в республике зависит от их мнения относительно условий сохранения и развития национального родного языка в республике; 2) оценка респондентами данных республик уровня жизни в республике зависит от опыта столкновения с неуважительным дискриминационным отношением к своему национальному и (или) родному языку со стороны других людей в регионе; 3) оценка респондентами данных республик уровня жизни в республике зависит от ценности сохранения национального языка и культуры.

Условия сохранения и развития национальных родных языков

Рассмотрим условия развития и сохранения национальных языков в ответах респондентов из трех республик. Доля респондентов, ответивших, что условия сохранения и развития национального родного языка за последние 10 лет улучшились, больше среди респондентов из Башкортостана и Тувы, чем среди опрошенных жителей Калмыкии (табл. 1). Среди башкир относительно больше как тех, кто считает, что условия для сохранения и развития национального родного языка улучшились, так и тех, кто полагает, что они ухудшились. В Республике Калмыкия именно калмыки в большей мере отмечают ухудшение условий для сохранения и развития национального родного языка в регионе за последние 10 лет. В Республике Тыва процентные различия небольшие, но русских, отметивших ухудшение условий сохранения и развития национального родного языка, чуть больше, чем тувинцев. В Башкортостане и Калмыкии русские достаточно нейтрально оценивают условия сохранения и развития национального родного языка, что связано прежде всего с тем, что русскому языку пока ничто не угрожает.

В целях проверки статистических гипотез в статье использовались непараметрические критерии для независимых выборок: Краскалла-Уоллеса, Манна-Уитни и Колмогорова-Смирнова. По критерию Краскалла-Уоллеса есть статистически значимые различия в ответах на вопрос «Скажите, пожалуйста, как изменились за последние 10 лет в республике условия и возможности для сохранения и развития Вашего национального родного языка?» между башкирами, русскими, татарами и другими этносами Республики Башкортостан на уровне $p < 0,05$. По критериям Манна-Уитни и Колмогорова-Смирнова ($p < 0,05$) есть различия в ответах между башкирами и русскими, русскими и татарами, но их нет между башкирами и татарами. Среди этнических групп Калмыкии и Тувы статистически значимых различий в ответах на данный вопрос на основании тех же критериев нет, что говорит о том, что различия в ответах респондентов из данных республик стоит интерпретировать осторожно.

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Как изменились за последние 10 лет в республике условия и возможности для сохранения и развития Вашего национального родного языка?» в соответствии с этнической принадлежностью по республикам Башкортостан, Тува и Калмыкия, % от всех ответивших по республике.

Table 1. Distribution of answers to the question «How have the conditions and opportunities for the preservation and development of your mother tongue changed over the past 10 years in your republic?» depending on the ethnicity, % of all replies in the republics of Bashkortostan, Tuva and Kalmykia.

Этническая принадлежность	Улучшились	Остались на том же уровне, что и 10 лет назад	Ухудшились	Затрудняюсь ответить	Всего по строке
<i>Башкортостан</i>					
Башкир (-ка)	36,7	19,4	29,9	14,0	100
Русский (-ая)	20,2	44,0	7,4	28,4	100
Татарин (-ка)	32,0	30,5	13,1	24,4	100
Другая	8,7	37,0	19,6	34,7	100
Все группы	27,7	33,0	15,8	23,5	100

Тува					
Тувинец (-ка)	30,3	26,2	21,9	21,6	100
Русский (-ая)	26,7	28,7	23,8	20,8	100
Другая	31,8	30,5	25,9	11,8	100
Все группы	30,0	27,0	22,4	20,6	100
Калмыкия					
Калмык (-чка)	23,5	37,7	20,5	18,3	100
Русский (-ая)	18,5	47,1	5,8	28,6	100
Другая	24,0	20,0	24,0	32,0	100
Все группы	21,7	40,5	15,3	22,5	100

Прим.: Хи-квадрат Пирсона по Башкортостану=150,122 (р-значение < 0,01), по Калмыкии=43,377 (р-значение < 0,01), по Туве=5,371 (р-значение > 0,05).

Опрошенные жители Калмыкии гораздо негативнее оценивают жизнь в своей республике по сравнению с другими субъектами РФ, чем респонденты из Башкортостана и Тувы (табл. 2)¹. В Башкортостане среди башкир и татар чуть больше доля позитивно оценивающих жизнь в своей республике, чем среди русских. В Калмыкии и Туве процентные различия между этносами не такие большие.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, жители республики живут лучше или хуже, чем в других регионах России?» в соответствии с этнической принадлежностью по республикам Башкортостан, Тува и Калмыкия, % от всех ответивших по республике.

Table 2. Distribution of answers to the question «In your opinion, do the inhabitants of the republic live better or worse than their counterparts in other regions of Russia?» depending on the ethnicity, % of all replies in the republics of Bashkortostan, Tuva and Kalmykia.

Этническая принадлежность	Живут лучше, чем в других регионах	Живут не лучше и не хуже, чем в других регионах	По сравнению с одними регионами лучше, а с другими – хуже	Живут хуже, чем в других регионах России	Затрудняюсь ответить	Всего по строке
Башкортостан						
Башкир (-ка)	10,4	31,3	37,6	13,1	7,5	100
Русский (-ая)	4,6	30,1	40,8	14,1	10,3	100
Татарин (-ка)	9,8	29,9	38,4	11,3	10,7	100
Другая	8,7	34,8	41,3	13,0	2,2	100
Все группы	7,9	30,6	39,3	13,0	9,3	100

¹Различия в ответах этнических групп Башкортостана на вопрос «Как Вы считаете, жители республики живут лучше или хуже, чем в других регионах России?» статистически значимы по критерию Краскалла-Уоллеса на уровне $p < 0,05$. Есть также статистически значимые различия в ответах башкир и русских по критерию Манна-Уитни. Ответы этнических групп Тувы и Калмыкии статистически не значимы по критериям Краскалла-Уоллеса, Манна-Уитни и Колмогорова-Смирнова.

Тува						
Тувинец (-ка)	6,7	23,7	14,7	42,6	12,3	100
Русский (-ая)	6,9	26,7	16,8	37,6	11,9	100
Другая	5,9	21,2	22,4	34,1	16,5	100
Все группы	6,7	23,8	15,6	41,3	12,6	100
Калмыкия						
Калмык (-чка)	1,1	20,3	31,2	41,8	5,7	100
Русский (-ая)	2,5	16,3	29,7	40,9	10,5	100
Другая	4,0	24,0	36,0	24,0	12,0	100
Все группы	1,7	18,9	30,8	40,9	7,6	100

Прим.: Хи-квадрат Пирсона по Башкортостану=17,880 (р-значение > 0,05), по Калмыкии=12,804 (р-значение > 0,05), по Туве=6,443 (р-значение > 0,05).

Стоит отметить, что опрошенные жители Тувы, Калмыкии и Башкортостана, которые считают, что за последние 10 лет в их республике условия и возможности для сохранения и развития национального родного языка улучшились, позитивнее оценивают жизнь в своем регионе, чем те, кто полагает, что касательно условий сохранения и развития национального родного языка ничего не изменилось или стало только хуже (табл. 3)¹. Это говорит о взаимовлиянии условий изучения и сохранения национального родного языка и общей оценки жизни в регионе.

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, жители республики живут лучше или хуже, чем в других регионах России?» в соответствии с ответами на вопрос «Скажите, пожалуйста, как изменились за последние 10 лет в республике условия и возможности для сохранения и развития Вашего национального родного языка?» по республикам Башкортостан, Тува и Калмыкия, % от всех ответивших по республике

Table 3. Distribution of answers to the question «In your opinion, do the inhabitants of your republic live better or worse than their counterparts in other regions of Russia?» depending on the answer to «How have the conditions and opportunities for the preservation and development of your mother tongue changed over the past 10 years in your republic?», % of all replies in the republics of Bashkortostan, Tuva and Kalmykia.

Изменения в условиях изучения языка	Живут лучше, чем в других регионах	Живут не лучше и не хуже, чем в других регионах	По сравнению с одними регионами лучше, а с другими – хуже	Живут хуже, чем в других регионах России	Затрудняюсь ответить	Всего по строке
Башкортостан						
Улучшились	13,1	34,5	36,0	8,2	8,2	100
Остались на том же уровне, что и 10 лет назад	6,7	33,0	44,0	12,0	4,3	100

¹ Различия в ответах на вопрос «Как Вы считаете, жители республики живут лучше или хуже, чем в других регионах России?» между группой респондентов, которые считают, что условия сохранения и развития национального родного языка в регионе «улучшились» и группой респондентов, ответивших, что эти условия «ухудшились», по Башкортостану, Калмыкии и Туве по критериям Манна-Уитни и Колмогорова-Смирнова статистически значимы на уровне $p < 0,05$.

Ухудшились	3,2	26,7	36,4	25,7	8,0	100
Затрудняюсь ответить	6,5	25,2	38,5	11,5	18,3	100
Все группы	7,9	30,6	39,3	13,0	9,2	100
<i>Тува</i>						
Улучшились	14,0	31,7	13,8	29,5	11,0	100
Остались на том же уровне, что и 10 лет назад	3,5	27,7	18,9	42,0	7,9	100
Ухудшились	4,0	22,6	18,3	46,0	9,1	100
Затрудняюсь ответить	2,4	14,5	13,3	41,5	28,3	100
Все группы	6,6	25,0	16,0	39,0	13,4	100
<i>Калмыкия</i>						
Улучшились	4,6	23,7	36,4	29,5	5,8	100
Остались на том же уровне, что и 10 лет назад	1,2	19,6	30,6	43,7	4,9	100
Ухудшились	0,8	13,6	24,2	57,6	3,8	100
Затрудняюсь ответить	0,5	16,6	26,7	38,0	18,2	100
Все группы	1,7	18,8	29,9	41,6	8,0	100

Прим.: коэффициент корреляции Пирсона по Башкортостану — 0,173, по Калмыкии — 0,206, по Туве — 0,229 (двусторонняя значимость < 0,01). Хи-квадрат Пирсона по Башкортостану=92,649 (р-значение < 0,01), по Калмыкии=68,047 (р-значение < 0,01), по Туве=133,167 (р-значение < 0,01).

В целом, респонденты Башкортостана чуть позитивнее респондентов из Калмыкии и Тувы оценивают изменения в языковой ситуации в своих республиках за последние 10 лет. Сопоставляя субъективные оценки жизни в своей республике этносов Тувы, Башкортостана и Калмыкии в сравнении с другими субъектами РФ, можно сделать вывод о том, что респонденты из Калмыкии сравнительно негативнее оценивают жизнь в своей республике в сравнении с другими субъектами РФ, чем респонденты из Башкортостана и Тувы. Если условия изучения и сохранения национального родного языка в своих республиках оцениваются респондентами выше, то и жизнь в своем регионе по сравнению с другими субъектами РФ оценивается опрошенными жителями данных республик выше.

Неуважительное дискриминационное отношение к национальным и (или) родным языкам

Опрошенные жители Калмыкии и Тувы сравнительно чаще отмечают неуважительное отношение к своему языку в своей республике со стороны других людей (табл. 4). Башкиры намного чаще сталкивались с неуважительным отношением к их языку (ответ на подвопрос «Неуважительное отношение к Вашему языку» вопроса «Приходилось ли Вам за последние три года сталкиваться с такими явлениями, как...?»), нежели представители других этнических групп Башкортостана. Это может быть связано с общественной дискуссией о преподавании башкирского языка в общеобразовательных школах Башкортостана¹. В Республике Тыва ситуация иная: доля русских, которые сталкивались с

¹ Языковой вопрос в Башкирии: «Здесь вам не Казахстан» [Электронный ресурс] // ИА REGNUM. 2017, 20 июня. URL: <https://regnum.ru/news/cultura/2290631.html> (дата обращения: 17.02.2022).

данной ситуацией, немного больше, чем тувинцев. В Туве русских намного меньше, чем тувинцев в данном регионе, что не может не сказываться на их социальном самочувствии. В Республике Калмыкия калмыки чаще заявляют о неуважительном отношении к своему языку, чем русские. Опираясь на данные имеющихся исследований, можно предположить, что это связано также с общественной дискуссией об обязательности или добровольности преподавания родного калмыцкого языка в школах (Биткеева, 2019). Кроме того, в Калмыкии наблюдается сокращение количества людей, говорящих на калмыцком языке.

В целом наблюдается такая зависимость: чем выше ценят свою этническую принадлежность (национальность) респонденты, тем чаще они отмечают дискриминацию в отношении своего языка. Так, 34% ответивших опрошенных жителей Башкортостана, которые сказали, что национальность «очень важна» и «скорее важна», — это те, кто сталкивался с неуважительным отношением к «их» языку. Среди тех, кто выбрал варианты ответа «скорее не важна» и «совсем не важна», отметивших неуважительное отношение к их языку — 14%. Среди респондентов Республики Калмыкия процент ответивших, что национальность для них «очень важна» и «скорее важна» и указавших факт неуважительного отношения к своему языку составляет 35%. А в группу «скорее не важна» и «совсем не важна» вошли 14% ответивших. По Республике Тыва разница меньше, но все же есть: 30% заявили о неуважительном отношении к их языку среди тех, для кого важна национальность, и 23% — среди тех, для кого она не важна.

Таблица 4. Положительные ответы на вопрос «Приходилось ли Вам за последние три года сталкиваться с такими явлениями, как...?» в соответствии с этнической принадлежностью по республикам Башкортостан, Тува и Калмыкия, % от всех ответивших по республике.

Table 4. Positive answers to the question «Over the past three years, have you encountered...?» depending on the ethnicity, % of all replies in the republics of Bashkortostan, Tuva and Kalmykia.

Этническая принадлежность	Неуважительное отношение к Вашему языку ¹	Неприязненные высказывания в отношении Вашей национальности	Прямое оскорбление Вашего национального достоинства	Отказ в приеме на работу или учебу из-за Вашей национальности	Насильственные действия на национальной почве	Не приходилось сталкиваться ни с чем из перечисленного
Башкортостан						
Башкир (-ка)	17,9	17,3	5,7	2,1	0,6	61,2
Татарин (-ка)	9,5	9,5	4,3	0,6	0,0	72,0
Русский (-ая)	5,5	6,1	2,7	0,6	0,8	78,7
Другая	15,2	23,9	4,4	0,0	0,0	63,0
Все группы	10,5	10,9	4,1	1,0	0,5	71,3

¹ По критерию Краскалла-Уоллеса есть статистически значимые различия в ответах башкир, русских, татар и других этносов Башкортостана на подвопрос «Неуважительное отношение к Вашему языку?» вопроса «Приходилось ли Вам за последние три года сталкиваться с такими явлениями, как...?» (уровень значимости $p < 0,05$). По критериям Манна-Уитни и Колмогорова-Смирнова различия в ответах башкир и русских статистически значимы на уровне $p < 0,05$. Также по критерию Манна-Уитни есть различия в ответах между башкирами и татарами и между татарами и русскими. Различия в ответах калмыков, русских и других этносов Калмыкии на этот же вопрос статистически значимы по критерию Краскалла-Уоллеса. Кроме того, наблюдаются и статистически значимые различия в ответах калмыков и русских по критериям Манна-Уитни и Колмогорова-Смирнова. Однако по этим критериям на вопрос о неуважении к своему языку не обнаружены статистически значимые различия в ответах этнических групп Тувы.

Тува						
Тувинец (-ка)	14,0	23,2	8,8	3,9	1,3	65,0
Русский (-ая)	17,7	24,0	8,3	5,2	2,1	64,6
Другая	12,1	20,5	6,0	3,6	1,2	62,7
Все группы	13,7	22,3	7,8	3,8	1,4	66,0
Калмыкия						
Калмык (-чка)	20,0	26,6	11,6	1,3	0,4	54,1
Русский (-ая)	6,5	9,1	2,5	1,8	0,7	69,6
Другая	16,0	28,0	8,0	0,0	4,0	52,0
Все группы	15,0	19,9	8,2	1,5	0,7	59,5

Прим.: в этом вопросе можно было выбрать больше одного ответа. Хи-квадрат Пирсона по Башкортостану=33,895 (р-значение < 0,01), по Калмыкии=24,127 (р-значение < 0,01), по Туве=1,148 (р-значение > 0,05).

Зависимости оценок респондентами социального самочувствия республики от факта столкновения с неуважительным отношением к «своему» языку не обнаружено (табл. 5)¹. Значение коэффициента корреляции Пирсона также низкое, и только в Туве он статистически значимый: в Башкортостане (0,04), в Калмыкии (-0,06), в Туве (0,08). В то же время те респонденты, которые сталкивались с неуважительным отношением к своему языку, чаще утверждают, что жители их республики живут хуже, чем жители других регионов страны. В Калмыкии связь обратная, либо она вообще отсутствует.

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, жители республики живут лучше или хуже, чем в других регионах России?» в соответствии с ответами на подвопрос «Неуважительное отношение к Вашему языку?» вопроса «Приходилось ли Вам за последние три года сталкиваться с такими явлениями, как...?» по республикам Башкортостан, Тува и Калмыкия, % от всех ответивших по республике.

Table 5. Distribution of answers to the question «In your opinion, do the inhabitants of your republic live better or worse than their counterparts in other regions of Russia?» depending on the answers to the sub-question «Disrespectful attitude to your language?» of the question «Over the past three years, have you encountered ...?», % of all replies in the republics of Bashkortostan, Tuva and Kalmykia.

Ответы	Живут лучше, чем в других регионах	Живут не лучше и не хуже, чем в других регионах	По сравнению с одними регионами лучше, а с другими – хуже	Живут хуже, чем в других регионах России	Затрудняюсь ответить	Всего по строке
Башкортостан						
Нет	7,4	31,4	39,3	12,3	9,6	100
Да	12,1	23,4	38,7	19,4	6,5	100
Все группы	7,9	30,6	39,3	13,0	9,3	100

¹ По критериям Манна-Уитни и Колмогорова-Смирнова нет статистически значимых различий на уровне $p < 0,05$ по Башкортостану, Туве и Калмыкии между ответами тех, кому приходилось за последние три года сталкиваться с неуважительным отношением к своему родному и (или) национальному языку и тех, кому не приходилось с этим сталкиваться.

Тува						
Нет	6,9	25,6	16,5	37,4	13,6	100
Да	4,5	21,4	13,0	49,4	11,7	100
Все группы	6,6	25,1	16,0	39,0	13,4	100
Калмыкия						
Нет	1,4	18,2	29,9	42,1	8,4	100
Да	3,5	22,8	29,8	38,6	5,3	100
Все группы	1,7	18,8	29,9	41,6	7,9	100

Прим.: Хи-квадрат Пирсона по Башкортостану=11,017 (р-значение < 0,05), по Калмыкии=5,124 (р-значение > 0,05), по Туве=8,352 (р-значение > 0,05).

Степень важности и ценности своей этнической принадлежности влияет на дискриминацию в отношении своего языка: чем выше ценность этнической принадлежности для респондентов, тем чаще они отмечают неуважительное отношение к своему языку. Это говорит о том, что неуважительное отношение к национальному и (или) родному языку («Вашему языку») взаимосвязано с ценностью своей этнической принадлежности.

Башкиры намного чаще сталкивались с неуважительным отношением к их языку, нежели русские и татары из Башкортостана. Это связано, как со сложившейся обстановкой в сфере национального языка, языковыми спорами, так и с обострением межнациональных отношений (башкиры гораздо чаще отмечают факты неприязненных высказываний по отношению к своей этнической принадлежности). В Туве русские чаще указывают на то, что сталкивались с неуважительным отношением к своему языку, чем тувинцы. Это может быть связано с тем, что русских в этнической структуре Тувы гораздо меньше, чем тувинцев. В Калмыкии калмыки чаще сталкиваются с неуважительным отношением к своему языку, чем русские. Это также может быть связано с дискуссией о добровольности преподавания калмыцкого языка в школах и сокращением доли калмыков, владеющих национальным родным языком. Кроме того, доля калмыков, указавших на неприязненные высказывания в отношении своей национальности, гораздо выше, чем эта доля среди русских Республики Калмыкия.

Оценки жизни в своем регионе по сравнению с другими регионами России респондентами из Тувы, Калмыкии и Башкортостана не зависят от факта неуважительного отношения к своему национальному и (или) родному языку.

Ценность сохранения национального языка и культуры

Сохранение национальной культуры и языка важнее для башкир, чем для татар и русских из Республики Башкортостан (табл. 6)¹. В Республике Калмыкия значимость сохранения национальной культуры и языка выше для калмыков, чем для русских. В Республике Тыва значимость национальной культуры и языка чуть выше для тувинцев, чем для русских. Видна общая тенденция, согласно которой для нерусских этносов, составляющих большинство или относительное большинство в своей республике, ценность сохранения национальной культуры и языка выше, чем для русских в этих республиках. Очевидно, это связано с тем, что русские сравнительно чаще идентифицируют себя с Россией, чем с республикой, в которой живут.

¹ Значение t-критерия при сравнении этносов Башкортостана для башкир и русских=6,643 (ст.св.=792,109, р-значение<0,01), башкир и татар=5,152 (ст.св.=617,000, р-значение<0,01), русских и татар=-0,911 (ст.св.=704,444, р-значение>0,05). Значение t-критерия при сравнении этносов Калмыкии для калмыков и русских=4,141 (ст.св.=425,547, р-значение<0,01). Значение t-критерия при сравнении этносов Тувы для тувинцев и русских=1,879 (ст.св.=121,052, р-значение>0,05). Только по Туве различия в средних значениях между основными этносами статистически не значимы.

В целом мы видим такую зависимость: респонденты из трех республик, полагающие, что жители своей республики живут лучше, чем жители других регионов страны, в среднем сравнительно выше ценят сохранение национальной культуры и национального языка в республике (табл. 7)¹. Однако эти различия статистически значимы только по Туве. Стоит отметить, что опрошенные жители Тувы и Калмыкии выше ценят сохранение национальной культуры и языка в своей республике, чем респонденты из Башкортостана.

Таблица 6. Средние значения ответов на подвопрос «Сохранение национальной культуры, языка» вопроса «Оцените, пожалуйста, значимость следующих ценностей для Вас по 10-балльной шкале, где 1 – совершенно не важно, 10 – очень важно...» в соответствии с этнической принадлежностью по республикам Башкортостан, Тува и Калмыкия.

Table 6. Average values of answers to the sub-question «Preservation of the national culture and language...» of the question «Please rate the significance of the following values for you on a 10-point scale, where 1 – not important at all, 10 – very important...» depending on the ethnicity in the republics of Bashkortostan, Tuva and Kalmykia.

Подвопрос «Сохранение национальной культуры, языка»			
Этническая принадлежность	Среднее значение	N	Стандартная отклонения
<i>Башкортостан</i>			
Башкир (-ка)	8,08	333	2,248
Русский (-ая)	6,87	469	2,866
Татарин (-ка)	7,06	321	2,759
Другая	6,76	46	2,798
Все группы	7,26	1169	2,717
<i>Тува</i>			
Тувинец (-ка)	8,80	740	2,067
Русский (-ая)	8,35	99	2,256
Другая	9,02	82	1,721
Все группы	8,77	921	2,064
<i>Калмыкия</i>			
Калмык (-чка)	9,23	455	1,723
Русский (-ая)	8,55	259	2,293
Другая	8,65	23	2,269
Все группы	8,97	737	1,983

Опрошенные русские в Башкортостане, Туве и Калмыкии сравнительно меньше ценят сохранение национальной культуры и языка, чем представители основных нерусских этносов в этих регионах страны. Этнические меньшинства чуть больше беспокоятся о национальном языке, что связано с тем, что миноритарные языки находятся под угрозой исчезновения. Те респонденты, которые ответили, что жители их республики живут лучше, чем жители других регионов России, сравнительно выше ценят сохранение национальной культуры и национального языка в своей республике (хотя только по Туве различия в средних значениях ответов респондентов статистически значимы).

¹ Значение t-критерия при сравнении групп «Живут лучше, чем в других регионах» и «Живут хуже, чем в других регионах России» по Башкортостану=1,195 (ст.св.=223,048, р-значение>0,05), значение t-критерия по этим же группам по Калмыкии=1,064 (ст.св.=14,554, р-значение>0,05) и по Туве=3,159 (ст.св.=132,090, р-значение<0,01). В итоге, только по Республике Тыва различия в средних значениях ответов респондентов статистически значимы.

Таблица 7. Средние значения ответов на подвопрос «Сохранение национальной культуры, языка» вопроса «Оцените, пожалуйста, значимость следующих ценностей для Вас по 10-балльной шкале, где 1 – совершенно не важно, 10 – очень важно...» в соответствии с ответами на вопрос «Как Вы считаете, жители республики живут лучше или хуже, чем в других регионах России?» по республикам Башкортостан, Тува и Калмыкия.

Table 7. Average scores of answers to the sub-question «Preservation of the national culture, language» of the question «Please rate the significance of the following values for you on a 10-point scale, where 1 – not important at all, 10 – very important...», depending on the answers to the question «In your opinion, do the inhabitants of the republic live better or worse than in other regions of Russia?» in the republics of Bashkortostan, Tuva and Kalmykia.

Ответы	Среднее значение	N	Стандартная отклонения
<i>Башкортостан</i>			
Живут лучше, чем в других регионах	7,64	88	2,224
Живут не лучше и не хуже, чем в других регионах	7,23	359	2,714
По сравнению с одними регионами лучше, а с другими – хуже	7,18	465	2,734
Живут хуже, чем в других регионах России	7,23	149	3,000
Все группы	7,24	1061	2,727
<i>Тува</i>			
Живут лучше, чем в других регионах	9,26	73	1,555
Живут не лучше и не хуже, чем в других регионах	8,93	281	1,790
По сравнению с одними регионами лучше, а с другими – хуже	8,83	179	1,906
Живут хуже, чем в других регионах России	8,59	434	2,305
Все группы	8,78	967	2,050
<i>Калмыкия</i>			
Живут лучше, чем в других регионах	9,38	13	1,193
Живут не лучше и не хуже, чем в других регионах	8,81	146	2,326
По сравнению с одними регионами лучше, а с другими – хуже	8,88	238	2,009
Живут хуже, чем в других регионах России	9,02	332	1,921
Все группы	8,94	729	2,026

Заключение

Определено, что социальное самочувствие респондентов Башкортостана, Тувы и Калмыкии, т. е. их мнение о жизни жителей своей республики в сравнении с жизнью жителей других регионов России (вопрос «Как Вы считаете, жители республики живут лучше или хуже, чем в других регионах России?») в наибольшей степени зависит от этноязыковой ситуации в регионе постоянного проживания. На социальное самочувствие респондентов также оказывает влияние ценность сохранения национального языка и культуры. Неуважительное дискриминационное отношение со стороны других людей к национальному родному языку опрошенных жителей данных республик не влияет на их мнение о жизни в регионе относительно остальных субъектов РФ.

Гипотеза о том, что оценка респондентами данных регионов уровня жизни в республике зависит от их мнения относительно условий сохранения и развития национального родного языка в республике – подтверждается. По результатам сравнительного исследования Башкортостана, Тувы и Калмыкии выявлена взаимосвязь между мнением респондентов об условиях изучения и сохранения национального родного языка в республике и общей субъективной оценкой жизни в этих республиках по сравнению с другими субъектами РФ. Если, по мнению респондентов, за последние 10 лет условия сохранения и развития национального родного языка улучшились, то жизнь в республике оценивается ими выше.

Гипотеза, согласно которой оценка респондентами данных республик уровня жизни в республике зависит от опыта столкновения с неуважительным дискриминационным отношением к «своему» национальному и (или) родному языку со стороны других людей в регионе — не подтверждается. Неуважительное отношение к «своему» национальному и (или) родному языку не влияет на оценку респондентами жизни в республике.

Гипотеза о том, что оценка респондентами данных республик уровня жизни в республике зависит от ценности сохранения национального языка и культуры подтверждается частично. Только по опросу в Туве различия в средних значениях ответов респондентов статистически значимы. Ценность сохранения национального языка и культуры для опрошенных жителей Тувы тем выше, чем выше их оценка уровня жизни в республике по сравнению с другими регионами России.

Сохранение национальных родных языков в республиках России — это один из факторов хорошего социального самочувствия местных этносов, в т. ч. и русских. Необходимо и дальше проводить языковую политику по сохранению и развитию национальных и родных языков в регионах страны. Основным ограничением данного исследования является тот факт, что национальные и родные языки не разграничивались методологически, а рассматривались в едином смысле, как национальные родные «свои» языки.

В будущих исследованиях следует анализировать влияние этноязыковой ситуации в российских регионах на социальное самочувствие местных жителей в других ракурсах: материальное положение, условия труда, карьерные и образовательные траектории, семья и личная жизнь, здоровье, сфера досуга и т. д. Помимо изучения республик в составе РФ, которые имеют право устанавливать свои государственные языки, необходимы сравнительные исследования с другими российскими субъектами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арефьев, А. Л., Бахтикиреева, У. М., Снячкин, В. П. (2021) Проблемы билингвизма в системе школьного языкового образования Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 1. С. 255–272. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.1.14>

Арутюнова, Е. М. (2018) Этноязыковые проблемы и перспективы в образовательной сфере российских республик (на примере Башкортостана) // Социологические исследования. № 4 (408). С. 25–35. DOI: <https://www.doi.org/10.7868/S0132162518040037>

Арутюнова, Е. М. (2019) Языковой конфликт в разных измерениях: кейсы Татарстана и Башкортостана // Социологический журнал. Т. 25. № 1. С. 98–120. DOI: <https://www.doi.org/10.19181/socjour.2018.25.1.6281>

Аюпова, Л. Л., Салихова, Э. А. (2007) Роль языковой компетенции и ценностных ориентаций индивида при описании языковой ситуации (исследования поддержаны грантом «РГНФ Урал» № 06-04-84403 А/У) // Вестник ВЭГУ. № 29–30. С. 14–23.

Баранова, В. В. (2009) Языковая ситуация в Калмыкии: социолингвистический очерк // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. 5. № 2. С. 22–41.

Баранова, В. В. (2021) «Какая речь может идти об акценте, если речь идет о сохранении языка?»: отношение к неполной языковой компетенции // Антропологический форум. № 49. С. 11–29. DOI: <https://www.doi.org/10.31250/1815-8870-2021-17-49-11-29>

Биткеева, А. Н. (2019) Калмыцкий язык: прошлое и настоящее // Перспективы и вызовы языковой политики и языковой ситуации в Крыму. Международный круглый стол (Москва, 05–06 ноября 2019 г.): Доклады и сообщения / отв. ред. М. Вингендер, А. Н. Биткеева, Э. В. Хилханова. М. : Институт языкознания РАН. 100 с. С. 72–81.

Боргоякова, Т. Г., Биткеева, А. Н. (2020) Тувинский язык в правовом и функциональном измерении // Новые исследования Тувы. № 1. С. 50–61. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.1.4>

Денисова, Г. С., Денисова, А. В., Намруева, Л. В. (2016) Этнокультурное образование в Республике Калмыкия: существует ли угроза формированию гражданской идентичности // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Т. 9. № 2 (24). С. 176–186.

Искужина, Н. Г. (2017) Языковая ситуация в Республике Башкортостан на современном этапе // Политическая лингвистика. № 5 (65). С. 194–199.

Кованова, Е. С., Бадмаева, Н. В., Удаев, Р. А., Алексеев, С. Г. (2019) Этнокультурная безопасность и проблемы сохранения языка в Калмыкии и Бурятии // Oriental Studies. Т. 12. № 6 (46). С. 1096–1106. DOI: <https://www.doi.org/10.22162/2619-0990-2019-46-6-1096-1106>

Михальченко, В. Ю. (2015) Языковая ситуация и языковая политика в современной России // Языковая ситуация в Европе начала XXI века: сборник обзоров / отв. ред. Н. Н. Трошина. М. : Институт научной информации по общественным наукам РАН. 179 с. С. 14–31.

Намруева, Л. В. (2018) Нужен ли учащейся молодежи Калмыкии калмыцкий язык (по материалам социологических исследований 2015 и 2017 гг.) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 143–152. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2018.1.12>

Сафин, Ф. Г., Халиулина, А. И. (2015) Роль русского языка в формировании общероссийской гражданской идентичности в полиэтничном регионе (на примере Башкортостана) // Социологические исследования. № 11 (379). С. 90–96.

Серээдар, Н. Ч. (2018) Тувинский язык как средство общения тувинцев: проблемы и перспективы // Новые исследования Тувы. № 1. С. 4–19. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2018.1.1>

Сусеева, Д. А. (2018) Калмыцкий язык и языковая ситуация в Калмыкии: прошлое и настоящее // Вестник Калмыцкого университета. № 1 (37). С. 105–120.

Тишков, В. А. (2019) Языковая ситуация и языковая политика в России (ревизия категорий и практик) // Полис. Политические исследования. № 3. С. 127–144. DOI: <https://www.doi.org/10.17976/jpps/2019.03.08>

Хабибуллина, А. Р. (2010) Сферы межэтнического взаимодействия в Республике Башкортостан на современном этапе // Вестник Челябинского государственного университета. № 15 (196). С. 103–111.

Хайруллина, Р. Х., Фаткуллина, Ф. Г. (2020) Родные и иностранные языки: равновесие или противостояние? // Вопросы этнополитики. № 2. С. 10–17. DOI: <https://www.doi.org/10.28995/2658-7041-2020-2-10-17>

Хисамитдинова, Ф. Г., Мухтаров, Т. Г. (2016) Функционирование языков в Республике Башкортостан: проблемы развития башкирского языка как государственного // Проблемы востоковедения. № 1 (71). С. 70–75.

Цыбенова, Ч. С. (2019) Социальная характеристика языковой ситуации в Республике Тыва // Oriental Studies. Т. 12. № 3 (43). С. 460–477. DOI: <https://www.doi.org/10.22162/2619-0990-2019-43-3-460-477>

Язык и идентичность: антропологическое исследование ситуации в России (2021) / М. Ю. Мартынова, В. А. Тишков, В. В. Степанов [и др.]. М. : Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. 620 с.

Дата поступления: 16.02.2022 г.

REFERENCES

Arefiev, A. L., Bakhtikireeva, U. M. and Sinyachkin, V. P. (2021) Bilingualism in language education in secondary schools of the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 255–272. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.1.14>

Arutiunova, E. M. (2018) Etnoiazykovye problemy i perspektivy v obrazovatel'noi sfere rossiiskikh respublik (na primere Bashkortostana) [Ethno-linguistic problems and prospects in the educational sphere of the Russian republics: the case of Bashkortostan]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 4 (408), pp. 25–35. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.7868/S0132162518040037>

Arutyunova, E. M. (2019) Yazykovoii konflikt v raznykh izmereniakh: keisy Tatarstana i Bashkortostana [Language conflict in various dimensions: The cases of Tatarstan and Bashkortostan]. *Sociological Journal*, vol. 25, no. 1, pp. 98–120. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.19181/socjour.2018.25.1.6281>

Aiupova, L. L. and Salikhova, E. A. (2007) Rol' iazykovoii kompetentsii i tsennostnykh orientatsii individa pri opisaniii iazykovoii situatsii (issledovaniia podderzhany grantom «RGNF Ural» № 06-04-84403 A/U) [The role of language competence and value orientations of an individual in describing a language situation (research supported by the grant “RGNF Ural” № 06-04-84403 A/Y)]. *Vestnik VEGU*, no. 29–30, pp. 14–23. (In Russ.).

Baranova, V. V. (2009) Yazykovaia situatsiia v Kalmykii: sotsiolingvisticheskii ocherk [The linguistic situation in Kalmykia: a sociolinguistic essay]. *Acta Linguistica Petropolitana*, vol. 5, no. 2, pp. 22–41. (In Russ.).

Baranova, V. V. (2021) «Kakaia rech' mozhet idti ob aktsente, esli rech' idet o sokhraneni iazyka?»: otnoshenie k nepolnoi iazykovoii kompetentsii [“how can we even talk about accents when it comes to preserving a language?”: attitudes towards partial linguistic competence]. *Antropologicheskij forum*, no. 49, pp. 11–29. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.31250/1815-8870-2021-17-49-11-29>

Bitkeeva, A. N. (2019) Kalmytskii iazyk: proshloe i nastoiashchee [Kalmyk language: past and present]. In: *Perspektivy i vyzovy iazykovoii politiki i iazykovoii situatsii v Krymu [Prospects and challenges of language policy and language situation in Crimea]*. International Round Table (Moscow, 05–06 November 2019): Reports and messages / ed. by M. Vingender, A. N. Bitkeeva and E. V. Khilkhanova. Moscow, Institut iazykoznaniia RAN. 100 p. Pp. 72–81. (In Russ.).

Borgoiakova, T. G. and Bitkeeva, A. N. (2020) Tuvinskii iazyk v pravovom i funktsional'nom izmerenii [Tuvan language in legal and functional aspect]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 50–61. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.1.4>

Denisova, G. S., Denisova, A. V. and Namrueva, L. V. (2016) Etnokul'turnoe obrazovanie v Respublike Kalmykia: su-shchestvuet li ugroza formirovaniu grazhdanskoi identichnosti [Ethno-cultural education in the republic of Kalmykia: is civil identity in danger?]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*, vol. 9, no. 2 (24), pp. 176–186. (In Russ.).

Iskuzhina, N. G. (2017) Yazykovaia situatsiia v Respublike Bashkortostan na sovremennom etape [The language situation in the Republic of Bashkortostan at the contemporary stage]. *Politicheskaiia lingvistika*, no. 5 (65), pp. 194–199. (In Russ.).

Kovanova, E. S., Badmaeva, N. V., Udaev, R. A. and Alekseev, S. G. (2019) Etnokul'turnaia bezopasnost' i problemy sokhraneniia iazyka v Kalmykii i Buriatii [Ethnocultural security and problems of language preservation in Kalmykia and Buryatia]. *Oriental Studies*, vol. 12, no. 6 (46), pp. 1096–1106. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.22162/2619-0990-2019-46-6-1096-1106>

Mikhal'chenko, V. Yu. (2015) Yazykovaia situatsiia i iazykovaia politika v sovremennoi Rossii [Language situation and language policy in contemporary Russia]. In: *Yazykovaia situatsiia v Evrope nachala XXI veka* [The language situation in Europe at the beginning of the XXI century]: a collection of reviews / ed. by N. N. Troshina. Moscow, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. 179 p. Pp. 14–31. (In Russ.).

Namrueva, L. V. (2018) Nuzhen li uchashcheisia molodezhi Kalmykii kalmytskii iazyk (po materialam sotsiologicheskikh issledovaniy 2015 i 2017 gg.) [Do the students of Kalmykia need Kalmyk language (according to sociological surveys of 2015 and 2017)?]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 143–152. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2018.1.12>

Safin, F. G. and Khaliulina, A. I. (2015) Rol' russkogo iazyka v formirovanii obshcherossiiskoi grazhdanskoi identichnosti v polietnichnom regione (na primere Bashkortostana) [The role of the Russian language in the formation of the All-Russian civic identity in a multiethnic region (on the example of Bashkortostan)]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 11 (379), pp. 90–96. (In Russ.).

Sereedar, N. Ch. (2018) Tuvinskii iazyk kak sredstvo obshcheniia tuvintsev: problemy i perspektivy [Tuvan language as means of communication among Tuvans: Problems and prospects]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 4–19. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2018.1.1>

Suseeva, D. A. (2018) Kalmytskii iazyk i iazykovaia situatsiia v Kalmykii: proshloe i nastoiashchee [Kalmyk language and language situation in Kalmykia: past and present]. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*, no. 1 (37), pp. 105–120. (In Russ.).

Tishkov, V. A. (2019) Iazykovaia situatsiia i iazykovaia politika v Rossii (reviziia kategorii i praktik) [Language situation and language policy in Russia: Revisiting categories and practices]. *Polis. Political Studies*, no. 3, pp. 127–144. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.17976/jpps/2019.03.08>

Khabibullina, A. R. (2010) Sfery mezhetnicheskogo vzaimodeistviia v Respublike Bashkortostan na sovremennom etape [Spheres of interethnic interaction in the Republic of Bashkortostan at the contemporary stage]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 15 (196), pp. 103–111. (In Russ.).

Khairullina, R. Kh. and Fatkullina, F. G. (2020) Rodnye i inostrannye iazyki: ravnovesie ili protivostoianie? [Native and foreign languages: balance or confrontation?]. *Issues of ethnopolitics*, no. 2, pp. 10–17. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.28995/2658-7041-2020-2-10-17>

Khisamitdinova, F. G. and Mukhtarov, T. G. (2016) Funktsionirovanie iazykov v Respublike Bashkortostan: problemy razvitiia bashkirskogo iazyka kak gosudarstvennogo [Functioning of languages in the Republic of Bashkortostan: problems of development of the Bashkir as the state language]. *Problemy vostokovedeniia*, no. 1 (71), pp. 70–75. (In Russ.).

Tsybenova, Ch. S. (2019) Sotsial'naia kharakteristika iazykovoi situatsii v Respublike Tyva [Language situation in the Republic of Tuva: Social characteristics]. *Oriental Studies*, vol. 12, no. 3 (43), pp. 460–477. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.22162/2619-0990-2019-43-3-460-477>

Yazyk i identichnost': antropologicheskoe issledovanie situatsii v Rossii [Language and identity: an anthropological study of the situation in Russia] (2021) / M. Yu. Martynova, V. A. Tishkov, V. V. Stepanov et al. Moscow, Institut etnologii i antropologii im. N. N. Miklukho-Maklaia RAN. 620 p. (In Russ.).

Submission date: 16.02.2022.

Оценка социально-экономического положения региона через призму этнической идентичности (по материалам социологического исследования в Республике Дагестан в 2020 г.)

Айрат Я. Зарипов

Башкирский государственный университет; Уфимский государственный авиационный технический университет,
Российская Федерация,

Абдурахман Г. Гусейнов

Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Российская Федерация,

Гаджи С. Малучиев

Дагестанский государственный университет, Российская Федерация

В статье анализируются результаты социологического опроса населения Республики Дагестан, проведенного в 2020 г. по итогам самооценки населением социально-экономической ситуации в пандемийный период. Особый интерес вызывает анализ мнений представителей основных этносов региона. Обобщены субъективные оценки населением своего экономического положения, семьи, условий достижения экономического успеха, возможностей для обеспечения работой, состояния медицинского обслуживания, так и в специфической этнической оценке аспектов бытия, выразившихся в мнениях представителей разных этносов к имеющимся экономическим и социальным проблемам, условиям и возможностям при реализации национальных языков в процессе получения образования, коммуникации, медицинского обслуживания, особенностей проявления этнического самосознания населения и этнической идентификации в кризисных ситуациях.

Выяснилось, что не все представители этносов оказались в одинаковом положении. Например, у аварцев, даргинцев, кумыков, которые и до пандемии занимали относительно доминирующее положение в общественной, экономической, политической сферах, позиции практически не изменились. У представителей малочисленных народов (русских, азербайджанцев) экономическое положение ухудшилось: возникли проблемы с трудовой занятостью, сложностями при устройстве на вакантные места по своей профессии или в соответствии со своей квалификацией, что привело к снижению уровня жизни и социального самочувствия.

Общая социально-экономическая ситуация в регионе самими жителями оценивается как не совсем удовлетворительная. Несмотря на то, что десятая часть опрошенных дагестанцев считает, что жители республики живут лучше, чем в других регионах России, а пятая часть уверена, что здесь жизнь хуже, чем в целом по РФ, почти 70% считают, что жизнь в РД такая же, как и в других районах РФ.

Ключевые слова: Дагестан; дагестанский этнос; этническое самосознание; этническая идентичность; социальное самочувствие; уровень жизни; пандемия

Для цитирования:

Зарипов А. Я., Гусейнов А. Г., Малучиев Г. С. Оценка социально-экономического положения региона через призму этнической идентичности (по материалам социологического исследования в Республике Дагестан в 2020 г.) // Новые исследования Тувы. 2022, № 2. С. 85-101. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.2.6>

Зарипов Айрат Янсурович — доктор философских наук, главный научный сотрудник Башкирского государственного университета; профессор кафедры философии и истории Уфимского государственного авиационного технического университета. Адрес: 450008, Россия, г. Уфа, ул. К. Маркса, д. 12. Тел.: +7 (908) 350-22-86. Эл. адрес: a-y-zaripov@yandex.ru

Гусейнов Абдурахман Гаджиевич — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Регионального центра этнополитических исследований Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук. Адрес: 367000, Россия, г. Махачкала, ул. Магомета Гаджиева, д. 45. Эл. адрес: guseinov_ag@mail.ru

Малучиев Гаджи Сафижullaевич — кандидат педагогических наук, доцент, директор центра социальных исследований в молодежной среде Дагестанского государственного университета. Адрес: 367000, Россия, г. Махачкала, ул. Магомета Гаджиева, д. 43-а. Эл. адрес: mgs11@yandex.ru

Socio-economic situation in the region through the prism of ethnic identity: materials of sociological research in the Republic of Dagestan in 2020

Airat Ya. Zaripov

Bashkir State University; Ufa State Aviation Technical University, Russian Federation,

Abdurakhman H. Huseynov

Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation,

Gadzhi S. Maluchiev

Dagestan State University, Russian Federation

The article examines the outcomes of a sociologic survey of the population of the Republic of Dagestan held in 2020 in order to investigate how people assessed the socio-economic situation in the region during the pandemic. A special focus was made on the opinions expressed by the members of the region's leading ethnic groups. We have summed up the opinions on the economic situation both individuals and families saw themselves in, as well as what respondents thought on how to reach economic success, get a job, provide decent healthcare — and also how life felt from specifically ethnic viewpoints. Members of a number of ethnicities reflected on the current social and economic problems, on the opportunities and conditions of using native languages in communication, education, healthcare, as well as on ethnic self-consciousness and ethnic identification in times of crisis.

Not all ethnicities shared identical feelings in this situations. Avars, Dargins and Kumyks, who had been relatively dominating in social, economic and political spheres before the pandemic, saw little change. On the contrary, smaller ethnic communities, such as Russians or Azerbaijanis, saw their economic conditions worsen, especially in employment, getting a new job in their professional field or in accordance with their specialization. This led to decreased welfare and worsened social status.

The people of the region saw the overall socioeconomic situation as a little worse than satisfactory. While 1/10 of the population are convinced that they live better than their counterparts in other regions of Russia, and 1/5, on the contrary, believe that their welfare is worse than the federal average, the overwhelming majority of 70% see no difference between living standards in Dagestan and Russia's other constituent regions.

Keywords: Dagestan; ethnicities in Dagestan; ethnic self-consciousness; ethnic identity; social well-being; living standard; pandemic

For citation:

Zaripov A. Ya., Huseynov A. H. and Maluchiev G. S. Otsenka sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniia regiona cherez prizmu etnicheskoi identichnosti (po materialam sotsiologicheskogo issledovaniia v Respublike Dagestan v 2020 g.) [Socio-economic situation in the region through the prism of ethnic identity: materials of sociological research in the Republic of Dagestan in 2020]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 2, pp. 85-101. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.2.6>

ZARIPOV, Airat Yansurovich, Doctor of Philosophy, Chief Researcher, Bashkir State University; Professor, Department of Philosophy and History, Ufa State Aviation Technical University. Postal address: 12 Karl Marx St., 450008 Ufa, Russian Federation. Tel.: +7 (908) 350-22-86. E-mail: a-y-zaripov@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-4649-3942

HUSEYNOV, Abdurakhman Hajievich, Candidate of Economics, Leading Researcher, Regional Center for Ethnopolitical Studies, Dagestan Federal Research Center, Russian Academy of Sciences. Postal address: 45 Magomed Hajiyev St., 367000 Makhachkala, Russia. E-mail: guseinov_ag@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-8485-7989

MALUCHIEV, Gadzhi Safizhullayevich, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Director, Center for Social Research in Youth, Dagestan State University. Postal address: 43a Magomed Gadzhiyev St., 367000 Makhachkala, Russia. Email: mgs11@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-0740-6658

Введение

Социально-экономическое положение в Республике Дагестан можно охарактеризовать следующим образом: экономическая нестабильность, безработица, повышенная криминогенность, коррупция (Адамов, 2018: Электр. ресурс; Гаджиева, 2017; Адиев, Бийжанова, 2019; Гасанов, 2020; Мудуев, 2018). Сохранение относительной (видимой) стабильности сопровождается внутренними противоречиями между представителями малочисленных и доминирующих этнических групп (всего здесь насчитывается более 100 народностей) по поводу представительства в органах власти, доступа к материальным и духовным благам, ростом разрыва уровня жизни сельских и городских жителей, повышенного оттока сельского населения в города в поисках работы и получения хоть какого-либо дохода.

Дагестан также считается трудоизбыточной территорией (Ашуралиева, 2019: 38), поскольку существует значительный дисбаланс между наличием и спросом на рабочую силу. Предложение здесь превышает спрос, что приводит к миграции экономически активного и молодого населения в центральные регионы РФ. В самой республике вследствие этого растет безработица¹, ухудшается экономическое состояние населения, расширяется сфера теневого бизнеса; отдельные сферы экономики становятся источником, ухудшающими криминальную ситуацию.

В кризисные периоды, экономические проблемы, отражаясь в общественном сознании, доминируют в нем и отодвигают этнические проблемы на второй план. Но тем не менее, для людей они не теряют своей актуальности. Несмотря на сложность экономических процессов, социальных ограничений, респонденты не индифферентны и к этническим проблемам.

Цель настоящей работы — анализ мнений и оценок населением Республики Дагестан экономической ситуации в регионе, социального самочувствия представителей различных этносов, наличия условий и возможностей для реализации представителями этносов, населяющих данный регион, своих этнических потребностей. Объектом изучения выступают представители основных крупных этносов, населяющих Республику Дагестан, а также представители малочисленных народов, постоянно проживающих на данной территории. Предмет изучения — влияние этничности на оценку населением собственного социально-экономического положения.

Эмпирической базой исследования стали официальные статистические данные государственных органов, материалы собственного социологического опроса, проведенных в декабре 2020 г. Вопросник анкеты и выборка исследования были подготовлены коллективом исследователей под руководством Р. М. Валиахметова в рамках проекта «Этнические особенности развития человеческого потенциала в экономиках республик Российской Федерации» по Программе фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности», 2020–2022 гг. (руководитель программы — В. А. Тишков). Выборка предусматривала стратификацию по типу населенного пункта, квотирование по полу, возрасту, образованию и национальной принадлежности, что обеспечило валидность и репрезентативность и выборки, и исследования. Опрос охватил жителей 9 городов и 37 районов республики. Всего было опрошено 910 человек².

Теоретико-методологическая база

Исследование, направленное на выявление сложных социальных, экономических и этнических проблем, предполагает сочетание различных методов и методологий, что нашло свое отражение и в анализе полученных результатов. Комплексный подход позволил реализовать основные цели и

¹ По статистическим данным, Республика Дагестан по занятости населения находится на предпоследнем месте из всех субъектов РФ, см.: Рейтинг регионов по уровню безработицы. Инфографика. [Электронный ресурс] // РИА Рейтинг. 2021, 1 ноября. URL: <https://riarating.ru/infografika/20211101/630211523.html> (дата обращения 17.01.2022).

² В том числе 52% мужчин и 48% женщин; жителей столицы 36% респондентов, в больших городах — 11%, в средних городах — 7%, в малом городе — 4%, и в селах — 42% респондентов. По этническому признаку респонденты представляли: аварцев — 29,2%, даргинцев — 20,8%, кумыков — 10,1%, лезгин — 11,9%, лакцев — 8%, табасаранцев — 4,2%, малочисленные народы южного Дагестана (агульцы — 0,8%, рутульцы — 1,5%, цахурцы — 0,4%), азербайджанцев — 1,9%, русских — 2,6%, армян — 0,1%, чеченцев — 0,6% и ногайцев 1%. Постоянно проживающих на территории Дагестана представителей недагестанских народов — 0,9%. И 6% не указали свою национальность.

задачи проекта. Диалектический подход и системный анализ способствовали выяснению причинно-следственных отношений современного состояния социально-экономического развития региона и его влияния на уровень жизни и социальное самочувствие населения. Выявлялись проблемные моменты, оказывающие негативное воздействие на интеграционные и межэтнические процессы в дагестанском обществе. Анкетный опрос и дескриптивный анализ позволили персонализировать и индивидуализировать проблемы на уровне личности, семьи и количественно их описать; структурный и сравнительный анализ — раскрыть базовые маркеры, оказывающие влияние на формирование социальных ожиданий населения и их несоответствий с действительностью.

Теоретической базой для данной работы послужили работы и исследования ведущих специалистов нашей страны по проблемам межэтнических исследований (Дробижева, 2017; Губогло, 2003; Сикевич, 2011; Тишков, 2010; Чешко, 2017) и региональных исследователей (Валиахметов, 2010; Абдулатипов, 2013; Габдрахманова, 2016; Ламажаа, 2016; и др.¹), в которых разработаны методологические подходы к проблемам этничности, этнических процессов, этнического самосознания, изучены региональные особенности формирования и проявления этнической идентичности, выявлена роль духовной культуры, языка на формирование этнических различий, отмечено влияние религии на состояние межэтнической коммуникации, определена взаимосвязь и взаимовлияние этнического с политическими, экономическими, социальными, экологическими процессами и движениями, раскрыты детерминанты, способствующие активизации этнических процессов и др.

Однако, нет работ, количественно и качественно описывающих экономическое и социальное самочувствие представителей этнических общностей в суперстрессовых ситуациях экономического кризиса и массовых социальных ограничений в связи с коронавирусной инфекцией.

Проведенное исследование имеет свою специфику, поскольку проводилось в условиях кризиса, вызванного пандемией коронавирусной инфекции. Кризис в экономике усугубился социальными ограничениями (отсутствие возможности для свободного передвижения, социального общения, активной экономической деятельности, изоляцией и самоизоляцией), что стало дополнительным триггером общественного недовольства, ухудшения социального и экономического самочувствия и положения каждой личности, семьи, социальных групп и общностей. В сложившейся ситуации проведение исследования было затруднительно, но тем не менее оно позволило: а) получить уникальный материал для анализа социально-экономического положения населения, оценку респондентами текущей экономической ситуации, выявить социальные ожидания населения; б) изучить экономическую ситуацию в регионе в условиях совпадения экономического кризиса и социальных ограничений и выявить реальную ситуацию как на индивидуальном, так и на коллективном уровне (семья); в) отразить этнические особенности восприятия экономической и социальной ситуации полиэтничного региона; г) обратить внимание на специфику этнических процессов в условиях обострения соперничества за достижение успеха в экономическом пространстве.

Экономическая ситуация в оценке респондентов

Экономическое благополучие является важным приоритетом внутренней политики любого государства. Экономическая стабильность гарантирует устойчивость и поддержку электората, его последовательность и доверие на определенный цикл. Особенно важным это является в условиях нестабильности, вызванных кризисными явлениями. Как выяснилось, проблема усугубляется в периоды введения социальных ограничений, в том числе общегосударственных локдаунов, которые были характерны в последние два года во всех странах мира. Они привели к резкому падению уровня жизни, экономического благополучия, сокращению экономической активности населения.

Проведенный социологический опрос в Республике Дагестан продемонстрировал такую связь. Сам регион и до пандемии коронавирусной инфекции испытывал очевидные затруднения в экономике, выразившихся в лидерстве по получению дотаций из федерального бюджета и в 2017, и в 2018-2019 гг.² Соответственными были и показатели занятости населения, уровень и качество жизни: в федеральных рейтингах Республика Дагестан занимала места в 5-х и 6-х десятках из всех субъектов

¹ Файзуллин Ф. С. Этнические интересы и национальная политика // Ватандаш. 2019, № 3 (270). С. 189–195.

² Дотационные регионы в России и их рейтинг [Электронный ресурс] // Статистика и показатели. Региональные и федеральные. URL: <https://rosinfostat.ru/dotatsionnye-regiony/> (дата обращения: 23.01.2022).

федерации. В 2020 г. показатели РД немного улучшились, но опять благодаря все тем же федеральным дотациям (49 место в федеральном рейтинге социально-экономического положения регионов¹). Однако, это не особенно повлияло на повышение жизненного уровня населения, т. к. введенные социальные ограничения, в связи с пандемией, ограничили экономическую активность населения. В постановлении правительства Республики Дагестан от 11.06.2021 за № 139 отмечается, что «введенные ограничительные мероприятия, связанные с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19), привели к определенному ухудшению ситуации на рынке труда. В республике начиная с марта 2020 года хозяйственная деятельность многих работодателей была приостановлена либо ограничена. В результате в 2020 году по сравнению с 2019 годом отмечается снижение на 95,3 тыс. чел. численности занятых в экономике региона при росте уровня общей безработицы (с 13,0 до 15,7 процента)²».

Собственно эти тенденции и нашли свое отражение в полученных данных при проведении опроса населения республики.

Анализ полученных данных по условно названному нами экономическому блоку анкеты показал, что из всего массива опрошенных лишь 47% имеют постоянную работу, 13,5% — временную, а более трети опрошенных (39,4%) позиционируют себя как безработные. Причинами отсутствия работы, среди тех, кто идентифицирует себя как безработный, были указаны: учеба в вузе или колледже (41%), нахождение на заслуженном отдыхе (15,5%). Только 4% участников опроса — официально зарегистрированы как безработные; 11% причисляли себя к безработным без достаточных оснований и 6% представились как незарегистрированные.

При анализе причин незанятости у трудоспособного населения наблюдается значительная разница в ответах в зависимости от национальной принадлежности. «Не могут найти работу по специальности» в среднем по Дагестану 6% респондентов. По этническому признаку ответы распределились следующим образом:

- лезгины — 5%,
- азербайджанцы — 50%,
- русские — 40%,
- среди респондентов аварской и даргинской национальностей таковых меньше — 2%.

Большой процент у представителей русского этноса связан, прежде всего с тем, что они в основном проживают в городах, где претендентов на вакансии значительно выше, конкуренция жестче. Следует учесть и то обстоятельство, что при устройстве на работу профессионализм может иметь и второстепенное значение, уступая место родственным, клановым, этническим связям или религиозной принадлежности (Магомедов, 2015: 63).

При ответе на вопрос «Если Вы трудоспособного, не пенсионного возраста, но не имеете постоянной работы, то по какой причине?» только 32% респондентов пояснили свой ответ. Выяснилось, что 12,7% из них не соглашались на низкую заработную плату, 10% желают работать только на себя, 6,2% отмечают, что не могут найти работу по специальности. Пятая часть респондентов не работает, т. к. не видит в этом экономической заинтересованности (считают себя обеспеченными), еще пятая часть не удовлетворена графиком работы, а каждый шестой не имеет подходящего здоровья.

Среди респондентов не могут найти работу с хорошей зарплатой в среднем по Дагестану 12%. По этническому признаку ответы распределились следующим образом:

- лезгины — 5%,
- азербайджанцы — 50%,
- русские — 40%.

Скорее всего, такая существенная разница в показателях зависит не от серьезных ошибок в профессиональном выборе, а заключается в том, что коренное население и, особенно лезгины, согласны на любую работу и довольствуются малым, в то время как более высокопрофессионально

¹ Рейтинг социально-экономического положения регионов [Электронный ресурс] // РИА-Новости. 2021, 31 мая. URL: <https://rosinfostat.ru/dotatsionnye-regiony/> (дата обращения: 23.01.2022).

² Постановление правительства Республики Дагестан от 11.06.2021 за № 39: Об утверждении региональной программы «Снижение доли населения с доходами ниже прожиточного минимума в Республике Дагестан [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0500202106160005> (дата обращения: 17.01.2022).

подготовленные русские, традиционно занятые в промышленности и связи, ищут высокооплачиваемую работу по специальности с достойным социальным пакетом.

Сфера занятости опрошенных тоже представляет определенный интерес, т. к. она может служить рейтинговым показателем наиболее популярных и распространенных видов экономической деятельности, которые дают возможность населению получать доходы. Отвечая на вопрос «К какой отрасли экономики относится основное место Вашей работы?» из почти 60% респондентов, ответивших на него, по 1/10 части заняты в образовании и торговле, по 6,5% трудятся в здравоохранении, сельском хозяйстве, транспорте, 5,9% в строительстве и 5,7% заняты в промышленности. Как видно из распределения ответов, основная масса респондентов представляет либо бюджетных работников, либо работников сферы услуг. Последняя особенно сильно пострадала в период пандемии.

В ходе исследования обнаружена значительная диспропорция в представительстве на руководящих должностях между представителями коренных и не коренных национальностей республики. Сравнивая иерархию по критерию «должность по основному месту работы», мы установили, что «руководителями низового уровня» представители коренных дагестанских народностей становятся в два раза реже, чем русские и азербайджанцы, а среди управленцев «работник без высшего образования с высокой и средней квалификацией» коренных дагестанцев в два раза меньше, чем представителей других народов. И обратная тенденция наблюдается по другому массиву. По показателю «специалист с высшим образованием, без управленческих функций» аварцы, даргинцы и кумыки трудятся в 1,24 раза чаще, чем русские, чеченцы и азербайджанцы (таб. 1).

Небезынтересным и необъяснимым остался такой факт, как то, что 95% респондентов, независимо от национальной принадлежности, предпочли не называть должность и работу, которую они занимают и выполняют. Лишь 2/3 респондентов указали свою должность. Согласно валидным данным, чаще всего, участники опроса являются специалистами с высшим образованием без управленческих функций — 29,9%; руководители среднего звена — 18,6%; 12% называют себя руководителями высшего уровня, что, впрочем, сомнительно, и, скорее всего, речь идет о малых предприятиях; еще 12% — это работники без какой-либо квалификации.

Таблица 1. Этническое представительство на руководящих должностях, в % от общего числа респондентов
Table 1. Ethnic representation in leadership positions, % of total

Ваша должность по основному месту работы	Более крупные дагестанские народы (аварцы, кумыки, даргинцы)	Не дагестанские народы (русские и др.)
Руководитель низового уровня	7,9	8,3
Руководитель среднего звена	19,4	25,0
Руководитель высшего уровня	12,0	25,0
Специалист с высшим образованием, без управленческих функций	32,1	16,7
Работник без высшего образования с высокой и средней квалификацией	9,1	25,0
Работник без квалификации	12,3	0
Другое	7,2	0

Каждому второму работающему респонденту удалось официально оформить взаимоотношения с работодателем с внесением записи о месте работы в трудовую книжку; 13% опрошенных трудятся по договору, но без оформления трудовой книжки; каждый шестой работает на основе устных договорённостей и почти 17% затруднились с ответом.

Люди русской, чеченской и азербайджанской национальности в 2,6 раза чаще работают по договору, но без записей в трудовой книжке. По остальным значениям критерия «оформления взаимоотношений с работодателями» существенных различий не установлено (таб. 2).

Таблица 2. Трудовые взаимоотношения, в % от общего числа респондентов
Table 2. Employer relations, % of total

Как оформлены Ваши взаимоотношения с работодателем по основному месту Вашей работы?	Более крупные дагестанские народы (аварцы, даргинцы, кумыки)	Не дагестанские народы (русские, азербайджанцы, чеченцы и др.)
Работа с оформлением в трудовой книжке	54,5	50,2
Работа по договору, по трудовому соглашению без оформления в трудовой книжке	12,3	21,1
Работа на основе устных договоренностей, без оформления в трудовой книжке	17,0	7,2
Другое	3,7	0
Затрудняюсь ответить	12,5	21,5

Несмотря на то, что М. К. Горшков называет значимым фактором устойчивости благосостояния населения в период кризиса квалификационный ресурс (Горшков, 2016: 32), ситуация в Дагестане иная. Большая часть опрошенных дагестанцев (две трети) согласны с мнением, что при потере работы многие не смогут найти вакансии по специальности, но каждый пятый (20%) респондент считает, что это в принципе возможно, а 16% затруднились с ответом.

Четверть опрошенных оптимистически оценили свои возможности нового трудоустройства в случае внезапной потери работы: более трети (38,2%) респондентов полагают, что поиск работы займет некоторое время; 17,4% ожидают долгий поиск работы после увольнения, и лишь 6,5% указали, что вообще не надеются найти новую работу. Остальные затруднились с ответом.

Теоретическую возможность устройства на работу для безработного «без всяких проблем» или «легко» отметил почти каждый второй респондент (47,5%), 37% выразили несогласие с этим предположением. Каждый шестой не смог определиться с ответом.

С предположением о трудностях поиска достойной работы с хорошей заработной платой и полным социальным пакетом согласны 68,3% опрошенных, остальные — 17,2% с таким предположением не согласны, либо не дали ответ.

Половина опрошенных дагестанцев уверена, что трудоустроиться в соответствии с Трудовым Кодексом возможно, в то же время с этим предположением не согласна ¼ часть респондентов.

У 12–14% кумыков и представителей других малочисленных народов РД в случае потери работы настроение в два раза пессимистичней по поводу перспектив «легко найти новую», чем у остальных народов — 25%. В целом, мнение «В настоящее время найти работу легко» встречает разную реакцию независимо от численности и исторического происхождения народов. Среди оптимистов — «Полностью согласен» — не дагестанские народы составили 50%, среди них чеченцы составили 40%, а русские — 11%. Среди пессимистов лакцы — 2,3%, аварцы — 5,9%, кумыки и русские 16,75%.

Половина опрошенных (51,3%) вполне удовлетворена возможностями для повышения квалификации, но для каждого восьмого повышение квалификации в настоящих условиях и жизненных обстоятельствах представляется невозможной. Каждый четвертый дагестанец не видит никаких перспектив для служебного роста, только 18% вполне удовлетворены своими потенциальными возможностями для карьеры.

По мнению большинства опрошиваемых, самыми неконкурентоспособными на рынке труда являются женщины и малолетние дети, поскольку их места за ту же оплату труда готово занять более сильное трудоспособное мужское население, мигрировавшее из сельской местности в города в поисках лучшей доли, либо потерявшие работу и др.

В целом, объективные статистические показатели и данные проведенного социологического опроса, близки по своим показателям. Экономическая ситуация в 2020 г. в Республике Дагестан, по оценке

респондентов, была достаточно сложной. Население с трудом справлялось с наложившимися друг на друга экономическим кризисом и социальными ограничениями на фоне пандемии коронавируса, снизился уровень жизни, реальные доходы населения упали, многие потеряли работу и испытали дискомфорт от неизвестности своего будущего.

Оценка финансового состояния, уровня жизни и экономических перспектив

Трудовая занятость является важным условием для жизнеобеспечения населения, т. к. напрямую влияет на финансовое положение и условия жизни, придает уверенность в завтрашнем дне. Поэтому понятна мотивация и заинтересованность людей трудоспособного возраста в обеспечении себя постоянной работой, как источника непрерывного дохода. Однако, в кризисных ситуациях не всем удастся удержаться на привычной работе, найти новую или поменять профессию, чтобы повысить уровень своего благосостояния. Важное значение имеет и сама процедура оплаты труда, поскольку официальная заработная плата влияет на размер будущей пенсии. Это понимание в обществе есть, и поэтому, как показал опрос, более половины опрошенных имеют официальное место работы, которое потенциально можно рассматривать как источник будущей пенсии. Та часть трудоспособного населения, которая таких трудовых договоров не имеет — перебивается случайными заработками, предпочитает «зарплату в конверте», «черный нал», т. е. живут «здесь и сейчас».

По официальным данным, средняя заработная плата в первом квартале 2020 г. в Дагестане составила 22,241 тыс. рублей¹. Наш опрос показал, что почти 41% дагестанцев имеют ежемесячный доход меньше 20 тысяч рублей. Лишь 2,4% респондентов имеют доход от 70 до 100 тысяч рублей и выше. Тем самым подтвердились предположения, что большинство дагестанцев достаточно бедны, а доля тех, кто может приравнять себя к населению со средним уровнем по достатку, крайне мала. Согласно опросу, среднемесячный доход семей респондентов составляет 60 тысяч рублей, но каждая четвертая семья имеет доход только в 27 тысяч рублей.

Данные по этническому признаку респондентов распределились следующим образом: среди респондентов чеченской национальности нет ни одного, у кого доход в семье меньше 25 т. р., у русских и азербайджанцев — 29,5%, у недагестанских народов — 22,2%, у аварцев — 16,9%, даргинцев и кумыков — по 15,6%, лакцев, лезгин, табасаранцев и представителей других малочисленных народов — по 11%. Доходы от 25 тыс. до 50 тыс. руб. в месяц, согласно опросу, чаще всего имеют представители малочисленных народов — 57,7%, русские — 50%, табасаранцы — 44,7%, чеченцы, даргинцы и кумыки — 32–34%, азербайджанцы и лезгины — по 29%, лакцы и аварцы — по 24%. В пределах 70 тыс. р. в месяц на семью зарабатывает треть чеченцев (33,3%), а также представители каждой пятой семьи русских, даргинцев и лакцев. Наименьшая доля мало зарабатывающих семей у аварцев — 14,3%, лезгин — 14% и табасаранцев — 10,5%. Учитывая, что в Республике Дагестан очень высокая рождаемость, то эти цифры, в перерасчете на каждого члена семьи, не столь и значительны.

Половина респондентов не сочла необходимым ответить на вопрос о том, сколько денег тратиться в семье в месяц на еду, а трое из четверых уверены, что семья тратит на еду около 14 тыс. рублей. В 58% русских семей пищевой бюджет находится в рамках 20–30 т. р. Такую же сумму денег на еду могут позволить 20% кумыкских семей, 16,7% семей из не дагестанских народов, 15,8% табасаранских, 13% аварских и лезгинских, 10% даргинских и 6,8% лакских семей. Только в 2% дагестанских семей на еду расходуют 40 тысяч рублей и более.

Оценивая материальное положение своей семьи, чуть более 7% респондентов признают его настолько бедственным, что им не хватает денег даже на пропитание; каждая шестая семья может только питаться, но одеваться и обуваться себе уже не позволяет; ровно треть семей живет более-менее сносно, позволяя себе питание и одежду. Но они отмечают, что приобретение крупной техники затруднительно; еще четверть опрошенных отметили свой материальный достаток и возможность приобретения любой техники, кроме автомобиля (таб. 3).

¹ В первом квартале 2021 года средняя зарплата возросла, но не значительно и составила 23 тысячи 411 рубль [Электронный ресурс] // Сетевое издание «Мир-Мол». 2021, 27 мая. URL: <https://mirmol.ru/jekonomika/dagstat-v-dagestane-na-5-vyrosli-srednedushveuye-dohody-naselenija/> (дата обращения: 19.01.2022).

Таблица 3. Оценка респондентами материального положения семьи, в % от общего числа респондентов.
Table 3. Respondents' assessment of the financial situation of the family.

Как бы Вы могли описать материальное положение Вашей семьи?	Распределение ответов
Денег не хватает даже на питание	7,2
Денег хватает на питание, но покупка одежды и обуви вызывает затруднения	14,4
Денег хватает на одежду и обувь, но было бы трудно купить новый холодильник или стиральную машину	31,1
Денег достаточно для покупки, например, холодильника или стиральной машины, но мы не можем купить новый автомобиль	28,5
Денег достаточно почти на все, за исключением покупки таких дорогих вещей, как квартира	12,1
Мы не испытываем финансовых затруднений. При необходимости можем купить квартиру	6,7

Согласно данным исследования, семей, где денег не хватает даже на питание больше всего среди чеченцев — 16%, дагестанских народов — 25%. Среди лакцев, малочисленных народов РД и русских доля таких семей от 8% до 12%, у кумыков, аварцев и даргинцев — от 4% до 6%.

В своих оценках материального положения семьи за прошедший 2020 г. 30% опрошенных отмечают улучшение. Чаще всего об улучшении материального положения семьи за отчетный год указали семьи чеченцев — 33%, табасаранцев — 18,4%, русских — 12,5% и 11% представителей дагестанских семей. Среди аварских, даргинских, кумыкских, лезгинских семей доля улучшивших свое материальное положение 7–9%. У лакцев таковых только 2,7%, что в четыре раза ниже среднего показателя.

Для 21,5% жизнь за год стала дороже и соответственно труднее. На значительное падение уровня жизни указали 41,6% русских, 38,9% представителей дагестанских народов, 28,1% кумыков, 26% лакцев, 24,3% лезгин, 21,2% даргинцев, 16,6% аварцев. Меньше всего данный показатель оказался у азербайджанцев — 5,9%. Для каждого второго опрошенного материальный уровень жизни за год не изменился.

В своих прогнозах на изменение материальной стороны жизни, четверть населения республики ожидает улучшение, каждый десятый предполагает ухудшение уровня жизни, почти половина затрудняется с ответом. Всего несколько лет назад, в 2013 г. оценивая уровень благосостояния своей семьи, респонденты в своем большинстве выбирали «средний уровень» — 81,3%, только 1,7% указали уровень благосостояния своей семьи, как низкий (Семедов, Малучиев, 2018: 80).

Как видно из диаграммы 1, почти половина респондентов уверена в своем будущем (в позитивных перспективах). Это 66% чеченцев, 48% даргинцев, 50% табасаранцев; еще одна треть заявила о своей неуверенности в завтрашнем дне (кумыки — 42,2%, дагестанские народы — 44,2%, русские и малочисленные народы Дагестана по 41,7%), почти четверть опрошенных затруднились с ответом.

Диаграмма 1. Степень уверенности респондентов в своем будущем.
Diagram 1. The degree of respondents' confidence in their future.

Уровень дохода влияет и на условия и качества жизни. Важным показателем служит и наличие собственного жилья, оснащенного необходимой бытовой техникой.

Каждый четвертый дагестанец проживает в отдельной собственной квартире, еще четверть живет в домах в сельской местности (часть из которых им досталась по наследству), значительно меньше тех, кто проживает в частном доме, расположенном в городе — таковых не более 15% и еще 16,2%, тех, кто живет в арендованной квартире многоквартирного дома. Чаще всего в служебных квартирах проживают семьи русских и представителей малочисленных народов РД; квартира в собственности достаточно распространена у азербайджанцев — у 50%, лакцев — 38,5% и не дагестанских народов — 37,5%, у русских — 33,3%. Также 20% русских и табасаранцев

проживают в арендованных квартирах, а аренда домов популярна у чеченцев — 16,7%. Остальные народы арендуют дома не часто 2–3%.

В ходе исследования установлена следующая оснащённость жилья респондентов бытовой техникой: три четверти дагестанцев имеют стиральную и посудомоечную машины, лишь в каждой четвертой семье — микроволновая печь; плазменным телевизором и персональным компьютером пользуются половина опрошенных дагестанцев. Фотоаппараты, как отдельные цифровые приборы, имеются лишь у 13% населения, цифровые видеокамеры встречаются еще реже, а специализированный домашний кинотеатр с качественной акустикой имеется лишь в каждой 20-й дагестанской семье.

Из всех ответивших на вопрос о наличии автомобиля — у 31% автовладельцев автомобили старше 2 лет и только у 12% автомобиль в возрасте от 1 до 2 лет. Инвестирование в какие-либо акции, приносящие доход в виде дивидендов, крайне непопулярны в республике — лишь 3% дагестанцев вкладывают сбережения в ценные бумаги.

Из всей совокупности ответов респондентов выяснилось, что 3–4% опрошенных дагестанцев не владеют какими-либо материальными ценностями, перечисленными выше.

Говоря о жилищных условиях, удовлетворительно оценивают качество своего жилья одна треть (33,8%) населения, еще чуть более трети населения (34,5%) сообщают, что частично удовлетворены жилищными условиями, о явном недовольстве своими жилищными условиями заявляют 13,2% опрошенных.

Социальное самочувствие населения

В 2020 г. введенные социальные ограничения наиболее ярко проявились в сфере образования — в переводе школьников и студентов на дистанционный формат обучения, что породило в обществе бурную дискуссию. Основная тревога родителей, педагогов и самих обучаемых была связана с качеством получаемого таким путем знаний, когда живое общение было заменено на виртуальное. Поскольку эта форма была введена впервые, возникли проблемы обеспечения населения, образовательных организаций и учреждений оборудованием, техникой и технологиями. Это заняло определенное время и нарушило учебные планы, время проведения занятий, затруднило контакты между обучаемыми и обучающими, проверку выполнения и усвоения материала.

Тревоги родителей и их сомнения в качестве полученного электронного образования подтвердились в ходе опроса. Особенно это коснулось школьников выпускных классов, которые должны были сдавать единый государственный экзамен — ЕГЭ. Родители старшеклассников выразили огромное сомнение в том, что их дети смогут успешно сдать ЕГЭ и набрать необходимые баллы для поступления в вузы. Для 14% родителей это стало настоящей катастрофой, т. к. они совершенно не готовы обеспечить детей необходимыми средствами для получения высшего образования. При этом другие 14% родителей отнеслись к данной проблеме спокойно. Что касается остальной части респондентов, то половина родителей так и не смогла определиться с точным ответом на поставленный вопрос об обучении детей в высших учебных заведениях, а оставшаяся часть респондентов только отметила то, что обучение должно быть за счет бюджета, т. к. платное обучение детей в вузе станет для них тяжким бременем.

Также следует отметить, что среди респондентов представлено очень много семей, где дети получают образование разного уровня. Студенты есть в каждой восьмой семье (12,5%), и каждая десятая семья имеет детей, не обучающихся в образовательных учреждениях. Почти 14% семей имеют детей, обучающихся в среднеспециальных учебных заведениях. Из всех семей, где есть дети, студенты вузов составляют большинство — 58%, которые получают высшее образование на бесплатной (бюджетной) основе.

Касательно самих участников опроса следует отметить, что среди них более 61% имеют высшее образование (чеченцы — 66,7%, малочисленные народы РД (агульцы, цахурцы) — 64%, русские — 58,3%, даргинцы — 54,3%, лезгины — 53,8%, кумыки — 50,0%, лакцы — 47,9%, азербайджанцы — 47,1%, аварцы — 40,7%); 14% трудится, имея среднеспециальное образование (треть азербайджанцев, т. е. 29,4%, каждый пятый русский — 20,8%, кумыки — 17,2%, лезгины — 16,1%, аварцы — 14,4%, лакцы — 13,7%, даргинцы — 12,2%, малочисленные народы РД (агульцы, цахурцы, рутульцы) — 8,0%); 8% неполное среднее образование (5–8 классов) (чеченцы составляют 16,7%, табасаранцы — 7,9%, лакцы — 6,8%,

азербайджанцы — 5,9%, даргинцы — 6,4%, малочисленные народы — 4,0%, аварцы — 4,2%, лезгины — 1,9%, кумыки — 1,6%).

Каждый второй имеющееся образование считает достаточным и не собирается получать какое-либо образование в ближайшее время, пятая часть посещает различные семинары, курсы и т. п. 16,2% опрошенных (в основном молодежь) планирует получить высшее образование. Одна треть опрошенных (37%) работает по той же специальности, которую получили в учебном заведении, а 35,5% имеют уже другую специальность. Каждый пятый планирует повысить профессиональное образование в рамках своей профессии или смежной (14,3% аварцев, 10,9% кумыков, 8,4% лезгин, 8,3 даргинцев, 8,2% лакцев, 7,7%, представителей малочисленных народов РД, 5,9% азербайджанцев и 5,3% табасаранцев), еще десятая часть планирует получить абсолютно новую профессию (по 16,7% русских и чеченцев, по 13,2% аварцев и табасаранцев, 11,8% азербайджанцев, 11,0% лакцев, 10,9% даргинцев, 7,8% кумыков, 7,5% лезгин), при том, что треть не планируют получать дополнительное образование (это более половины азербайджанцев — 58,8%, чеченцев — 50%, лакцев — 39,7%, кумыков — 34,4%, даргинцев — 33,7%, лезгин — 31,8%, табасаранцев — 31,6%, аварцев — 30,1%, русских — 25%, представители малочисленных народов — 23,1%).

Социальное самочувствие в немалой степени зависит и от состояния здоровья человека. Участники опроса солидарны с мнением, что здоровье человека основное его богатство и он сам должен о нем заботиться. Поэтому основным фактором, влияющим на состояние здоровья человека, респондентами признается «забота человека о своем здоровье» — 30,1%. К ним относятся 45,3% кумыков, 35,2% даргинцев, 34,2% аварцев, 33,3% чеченцев, по 26,3% табасаранцев и лезгин, 21,9% лакцев, по 16,7% русских и представителей не дагестанских народов. Но в то же время выясняется, что большая часть, особенно мужчины, обращаются к врачам лишь в самых крайних случаях. Отвечая на вопросы о состоянии здоровья, абсолютное большинство (80%) дагестанцев уверены, что заботятся о своём здоровье; 2/3 довольны состоянием своего здоровья и лишь один из шести признаёт его неудовлетворительным.

Как отмечают респонденты немаловажную роль на состояние здоровья оказывает природная среда (26,8%). Так считают 43,8% лакцев, 37,5% русских, 34,2% табасаранцев, 27,5% лезгин, 26,4% даргинцев, 25,6% аварцев, по 16,7% чеченцев и представителей не дагестанских народов, 11,8% азербайджанцев. Так же достаточно значимыми признаются «наследственность» (чеченцы — 33,3%, не дагестанские народы — 27,8%, кумыки и лезгины — по 14,1%, аварцы и табасаранцы — по 13,2%, лакцы и малочисленные народы РД — по 11,0%, русские — 8,3% и азербайджанцы — 5,9%), «условия жизни» (азербайджанцы — 29,4%, 22,2% не дагестанские народы, кумыки и чеченцы по 17%, табасаранцы, лезгины и малые народы РД по 15%, аварцы, даргинцы и лакцы по 8,5%). Качество медицинского обслуживания и вредные привычки воспринимаются ими как наименее важные условия, влияющие на здоровье.

Говоря о частоте посещения медицинских учреждений, установлено, что треть населения в течение последнего года к врачам не обращалась, еще четверть опрошенных посещает поликлинику 1–2 раза в год. Также, интересным является и другая крайность — каждый двадцатый опрошенный обращался в медицинское учреждение каждую неделю, что, очевидно, можно объяснить желанием принятия превентивных мер против коронавирусной инфекции. Дагестанцы примерно равными долями (по 1/3) обращаются к платной и бесплатной медицине. Более трети скорее довольны качеством оказанной медицинской помощи, и каждый шестой явно не удовлетворён ее качеством.

Негативные тенденции в социальной сфере, вызванные экономическими трудностями и ограничениями, отрицательно сказались на самочувствии людей. По оценке самих же опрошенных, произошло не просто падение уровня жизни, а катастрофа, поскольку оплата социальных потребностей семьи, в условиях понижающихся доходов, постоянно растет, а источники их пополнения стремятся к нулю. Но несмотря на эти трудности, 2/3 дагестанцев, принявших участие в опросе, выразили удовлетворенность своей жизнью, и только десятая часть населения отметила, что они своей жизнью недовольны.

Этнические проблемы полиэтничного региона

В полиэтничном регионе, где проживает огромное количество представителей различных этнических общностей, функционируют и конкурируют между собой множество языков, культур, религий, возникают определенные трудности с идентичностью. В этом плане в Республике Дагестан можно

выделить такие формы идентичностей как этническая, религиозная, региональная, территориальная, государственная (Авшалумова, Гусейнов, Османов, 2004; Шахбанова, Абдулагатов, 2016: 56; Адиев, 2021: 136). Как и на всем Кавказе эти формы идентичностей эксплуатируются представителями различных групп в зависимости от ситуации — в целях противопоставления или мобилизации определенных групп населения, политизируются в период выборов, сакрализируются и т. д. Смешанные браки тоже добавляют остроту в данный процесс, осложняя процесс этнической идентификации.

Не случайно, 20% респондентов затруднились при ответе о своей национальной принадлежности, выбрав не один, а несколько индикаторов — россиянин, дагестанец, мусульманин.

В тех районах, где компактно проживает моноэтническое население, таких проблем практически нет, поскольку формирование этнического самосознания происходит без затруднений и процесс этнической идентификации протекает без особых проблем (Зайлалов, Зарипов, 2017). При опросе, от 44% до 52% респондентов, идентифицировали себя как кумыки, лакцы, русские (проживающие в РД), чеченцы, даргинцы, аварцы. Брачная моногамность способствует не только сохранению и воспроизводству этноса, но и приводит к ранней ориентации на этничность. Ногайцы и жители южного Дагестана — лезгины, азербайджанцы, агульцы, табасаранцы — по этому показателю превосходят представителей остальных народов в опросе (61–75%).

Одним из важных факторов этнической идентификации является авторитет родителей. Ориентация на этничность одного из родителя зависит от конкретной этнической, исторической, политической, экономической ситуации. Авторитет отца для 85–95% опрошенных оказался более значим, и респонденты идентифицировали себя с его этнической принадлежностью. Только у русских этот показатель составил 62%. Очевидно, в данном случае респонденты представляли выходцев от смешанных браков русских с представителями других этнических общностей. Национальность матери оказалась более значимой для представителей таких этнических общностей как аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, лакцы. У 65–75% национальность респондентов и их матерей совпадает, а у народов южного Дагестана доля таковых в пределах 90%.

Еще одним значимым фактором идентификации человека является язык народа. Он создает специфическую картину восприятия мира индивидом, отражая в нем многовековую историю существования и развития народа, исторические особенности, материальные и духовные достижения. Опрос показал, что девять из десяти опрошенных дагестанцев считают своим родным языком тот, по которому происходит национальное самоопределение, каждый второй опрошенный утверждает, что свободно говорит, читает, пишет на родном языке и лишь 7% совсем не владеют родным языком (таб. 4).

Поскольку в регионе одновременно функционируют множество языков, средством межэтнического общения является русский, который одновременно для 35% дагестанцев является и основным языком общения в семье.

Таблица 4. Степень владения родным языком.
Table 4. Command of the native language.

Насколько хорошо Вы владеете родным языком?		Частота	Проценты	Валидный процент	Накопленный процент
Валидные	Свободно говорю, читаю, пишу	428	47,0	50,1	50,1
	Свободно говорю, но не читаю и не пишу	181	19,9	21,2	71,3
	Говорю с затруднениями	124	13,5	14,5	85,8
	Понимаю, но не говорю	60	6,6	7,1	92,9
	Не владею	61	6,7	7,1	100,0
	Всего	854	93,7	100,0	

Пропущенные	Системные	57	6,3		
Всего		911	100,0		

Билингвизм является необходимостью в полиэтнической среде. Однако, около 7% представителей коренных дагестанских народов отметили, что совершенно не владеют родным языком. «Лидерами» среди них являются лакцы: 17% представителей данного этноса отметили свое полное незнание родного языка. Из всех народов Дагестана наименьшая доля не знающих родной язык у лезгин — 3,2%. Доля не знающих родной язык и отождествляющих себя как дагестанцы/россияне — 23%.

Согласно данным таб. 5, 41,5% дагестанцев хотели бы повысить свой уровень владения родным языком, но 30,3% не собираются тратить время и силы на изучение родного языка. Лишь два процента родителей сообщают, что их дети в школе на уроках обучаются на родном языке, 38,5% затрудняются с точным ответом и 17,6% знают, что обучение их детей идет и на русском, и на родном языке. Каждый второй взрослый сообщает, что в школе его дети изучают родной язык.

Таблица 5. Стремление к повышению уровня владения родным языком, в % от общего числа респондентов.

Table 5. The desire to improve the level of proficiency in the native language, % of total.

Хотели бы Вы повысить Ваш уровень владения родным языком?	Ответы
Да, уже повышаю	16,4
Да, но нет условий	10,0
Да, но нет времени	15,1
Нет, потому что нет необходимости	24,0
Нет, потому что не хочу	6,3
Нет, потому что хорошо знаю этот язык	14,1
Затрудняюсь ответить	14,1

Прослеживается такая тенденция, что чем малочисленней народ, тем чаще его представители видят признаки неуважения к своему родному языку со стороны других народов. У представителей коренных дагестанских народов в среднем 6% населения считают, что при нем за последние 3 года проявляли неуважение к его родному языку: это отметили 25% агульцев, 15% табасаранцев. Значительно чаще обиду за родной язык высказывают опрошенные, не являющиеся коренными народами Дагестана: чеченцы — 25%, ингуши — 50%, узбеки — 100%. Неприятные высказывания в отношении своей национальности в среднем «слышали» 4%, однако у русских доля таковых респондентов составила 13,8%, 12,5% — у ногайцев и азербайджанцев.

С прямым оскорблением своего национального достоинства среди проживающих народов в Дагестане столкнулись 4,5% населения. При этом среди них представители наиболее многочисленных и влиятельных этносов — 9,2% аварцев, 4% даргинцев, 1% лезгин, 5,4% кумыков. У ногайцев и агульцев доля таковых по 12,5% и каждый четвертый представитель чеченского этноса.

Согласно данным опроса, в целом по Дагестану 4% населения получили отказ в приеме на работу или учебу из-за своей национальности (таб. 6). Наиболее часто о подобном явлении сообщали представители малочисленных народов: цахурцы — 25% и табасаранцы — 9,4%. Также 6,4% представителей русского этноса отметили данный факт, что вызывает удивление и, возможно, не соответствует действительности, т. к. по мнению всех коренных народов РД, русские находятся в привилегированном положении.

Таблица 6. Отношение к национальности, в % от общего числа респондентов.
Table 6. Attitudes towards ethnicity, % of total

Приходилось ли Вам за последние три года сталкиваться с такими явлениями, как...	%
Неуважительное отношение к Вашему языку	8,2
Неприязненные высказывания в отношении Вашей национальности	5,8
Прямое оскорбление Вашего национального достоинства	5,4
Отказ в приеме на работу или учебу из-за Вашей национальности	4,0
Насильственные действия на национальной почве	2,3
Нет ответа	11,1
Не приходилось сталкиваться ни с чем из перечисленного	63,2

Согласно данным диаграммы на рис. 2, в среднем 17,5% дагестанцев признают ухудшение условий для сохранения родного языка. У малочисленных и не коренных народов РД такой показатель достигает 50% и выше. Среди крупных этносов республики самый высокий показатель по данному маркеру отмечен у кумыков – 34,6%.

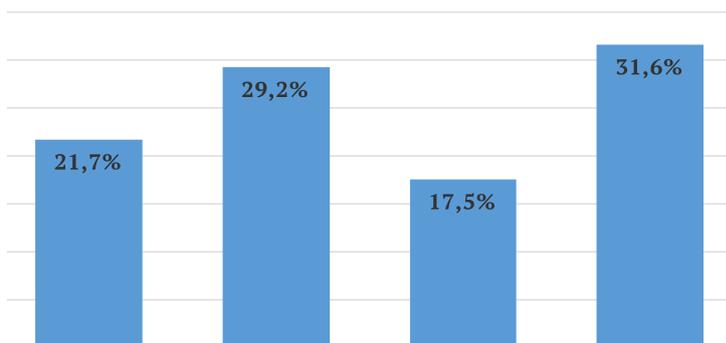

Диаграмма 2. Динамика изменений условий и возможностей для сохранения и развития родных языков за 10 лет
Diagram 2. Dynamics of changes in conditions and opportunities for the preservation and development of native languages over 10 years.

Большинство опрошенных (58%) отмечают, что не сталкивались с нарушениями при реализации права на пользование родным языком, при выборе языка общения, воспитания, обучения и творчества. ¼ часть респондентов затруднилась с ответом, но каждый десятый дагестанец сталкивался с данной проблемой, не пытаясь даже отстаивать свои права, а для 4,4% дагестанцев это закончилось неудачей. И только 3,7% опрошенных заверяет, что им удалось отстоять свое право на выбор языка общения и воспитания.

Заключение

Социально-экономическая ситуация в 2020 г. была сложной для всей страны. Более трети респондентов отнесли себя к категории безработных. Причинами отсутствия работы у трудоспособного населения выступали разнообразные факторы: низкая заработная плата на вакантных местах, желание работать на себя, не возможность найти работу по специальности, не видели в этом экономической целесообразности, не устраивал график работы или не позволяло здоровье. Если мужское население еще может решить проблемы с трудоустройством, то женщины и дети оказались самыми уязвимыми категориями населения в данном вопросе.

Интерес представляет и этнический срез данной части исследований. Как уже отмечалось, наиболее крупные этнические общности (аварцы, даргинцы, кумыки) в меньшей степени почувствовали влияние кризиса и пандемии, поскольку исторически они занимают более высокое положение в социальной иерархии. По сравнению с лакцами, табасаранцами и др. они имеют большее представительство в государственных органах, на руководящих должностях, обеспечены работой и, следовательно, выше трудовая занятость и возможность влиять на ситуацию. К тому же, численное превосходство над другими народами региона позволяет им выглядеть более презентабельно по многим статическим показателям.

Анализ данных социологического исследования среди жителей Республики Дагестан показал, что существуют этнические различия в восприятии социально-экономического положения как в целом по республике, так и оценок, значительно различающихся в зависимости от этнической принадлежности на экономику, образование, здравоохранение. Это позволяет сделать вывод о том, что необходимо совершенствовать государственную экономическую политику региона и ориентировать ее на реализацию неотложных мер помощи населению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдулатипов, Р. Г. (2013) *Мой дагестанский народ: историко-философские очерки*. 2-е изд., испр. и доп. Махачкала : Эпоха. 343 с.

Авшалумова, Л. Х., Гусейнов, А. Г., Османов, Г. Г. (2004) *Особенности этноконфессиональных конфликтов в условиях глобализации*. Махачкала : Юпитер. 160 с.

Адиев, А. З. (2021) *Общероссийская идентичность в Дагестане (по данным опросов 2016–2019 гг.)* // Социологические исследования. № 2. С. 137–142. DOI: <https://www.doi.org/10.31857/S013216250011312-6>

Адиев, А. З., Бийжанова, Э. К. (2019) *Миграционные процессы и демографический ресурс Дагестана: динамика и муниципальные особенности* // Власть. № 6. С. 172–178. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i6.6847>

Адамов, Н. А. (2018) *Дагестан: социально-экономические проблемы и пути их решения [Электронный ресурс]* // Российский экономический интернет-журнал. № 1. URL: <http://www.e-rej.ru/Articles/2018/Adamov.pdf> (дата обращения: 19.01.2022).

Ашуралиева, Д. Р. (2019) *Проблемы функционирования рынка труда в Дагестане* // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3. Общественные науки. Вып. 4. С. 38–41. DOI: <https://doi.org/10.21779/2500-1930-2019-34-4-38-41>

Валиахметов, Р. М. (2010) *Современные демографические тенденции и этносоциальные проблемы башкирского народа* // Проблемы демографического развития башкирского народа: сборник научных статей по итогам работы круглого стола, посвященного III Всемирному курултаю башкир / под ред. Р. М. Валиахметова, М. М. Кульшарипова. Р. З. Шакурова. Уфа : АН РБ, Гилем. 196 с. С. 22–30.

Габдрахманова, Г. Ф. (2016) *Об особенностях этнической идентичности татар* // Историческая этнология. Т. 1. № 1. С. 27–35.

Гасанов, А. С. (2020) *Социальная инфраструктура Республики Дагестан: современное состояние и проблемы развития* // Региональные проблемы преобразования экономики. № 9. С. 100–110. DOI: <https://doi.org/10.26726/1812-7096-2020-9-100-110>

Гаджиева, З. М. (2017) *Проблемы безработицы в Дагестане и пути их решения* // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Естественные и точные науки. Т. 11. № 1. С. 97–104.

Горшков, М. К. (2016) *Российский социум в условиях кризисного развития: контекстный подход (статья 1)* // Социологические исследования. № 12. С. 26–34.

Губогло, М. Н. (2003) *Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки*. М. : Наука. 764 с.

Дробижева, Л. М. (2017) *Динамика гражданской идентичности и ее ресурс в позитивных интеграционных процессах российского общества* // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 4. С. 7–22. DOI: <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2017.4.02>

Зайлалов, И. И., Зарипов, А. Я. (2017) *Этническое самосознание как исходный ориентир идентификации личности в процессе социальной адаптации в полиэтничном обществе* // Этносоциум и межнациональная культура. № 3 (105). С. 106–109.

Ламажаа, Ч. К. (2016) Тувинская этничность и социум в этнополитических и антропологических исследованиях // Новые исследования Тувы. № 2. С. 32–51.

Магомедов, Г. Н. (2015) Этнокультурные и этнополитические проблемы современного Дагестана // Власть. № 7. С. 62–67.

Мудуев, Ш. С. (2018) Современное состояние, проблемы социально-экономического развития Республики Дагестан и пути их решения // УЭПС: управление, экономика, политика, социология. № 2. С. 50–60.

Семедов, С. А., Малучиев, Г. С. (2018) Дагестанская свадьба как проявление философии «общества потребления» // Этносоциум и межнациональная культура. № 9 (123). С. 70–84.

Сикевич, З. В. (2011) Этнический фактор в российском обществе. Социологические очерки. Saarbrücken : Издательство «LAP LAMBERT Academic Publishing». 188 с.

Тишков, В. А. (2010) Национальная идентичность и духовно-культурные ценности российского народа. СПб. : СПбГУП. 36 с.

Шахбанова, М. М., Абдулагатов, З. М. (2016) Типы социальной идентичности в массовом сознании дагестанских народов: состояние и динамика // Экономика народонаселения и демография. № 7. С. 55–64.

Чешко, С. В. (2017) Российская нация // Вестник антропологии. № 1(37). С. 144–147.

Дата поступления: 15.02.2022 г.

REFERENCES

Abdulatipov, R. G. (2013) *Moi dagestanskii narod: istoriko-filosofskie ocherki [My people of Dagestan: historical and philosophical essays]*. 2nd ed. Makhachkala, Epokha. 343 p. (In Russ.).

Avshalumova, L. Kh., Guseinov, A. G. and Osmanov, G. G. (2004) *Osobennosti etnokonfessional'nykh konfliktov v usloviakh globalizatsii [Ethnoconfessional conflicts in the context of globalization]*. Makhachkala, Yupiter. 160 p. (In Russ.).

Adiev, A. Z. (2021) Obshcherossiiskaia identichnost' v Dagestane (po dannym oprosov 2016–2019 gg.) [Federal identity in Dagestan according to the surveys of 2016–2019]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 2, pp. 137–142. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.31857/S013216250011312-6>

Adiev, A. Z. and Biizhanova, E. K. (2019) Migratsionnye protsessy i demograficheskii resurs Dagestana: dinamika i munitsipal'nye osobennosti [Migration processes and demographic resources of Dagestan: Trends and features on the municipal level]. *Vlast'*, no. 6, pp. 172–178. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i6.6847>

Adamov, N. A. (2018) Dagestan: sotsial'no-ekonomicheskie problemy i puti ikh resheniia [Dagestan: socio-economic problems and their potential solutions]. *Rossiiskii ekonomicheskii internet-zhurnal*, no. 1 [online] Available at: <http://www.e-rej.ru/Articles/2018/Adamov.pdf> (access date: 19.01.2022). (In Russ.).

Ashuralieva, D. R. (2019) Problemy funktsionirovaniia rynka truda v Dagestane [Problems of functioning of the labor market of the Republic of Dagestan]. *Herald of Dagestan State University*, 3, issue 4, pp. 38–41. DOI: <https://doi.org/10.21779/2500-1930-2019-34-4-38-41>

Valiakhmetov, R. M. (2010) Sovremennye demograficheskie tendentsii i etnosotsial'nye problemy bashkirskogo naroda [Contemporary demographic trends and ethnosocial problems of the Bashkir people]. In: *Problemy demograficheskogo razvitiia bashkirskogo naroda [Problems of demographic development of the Bashkir people]* : a collection of papers presented at the round table dedicated to the III World Kurultai Bashkir / ed. by P. M. Valiakhmetov, M. M. Kul'sharipov and R. Z. Shakhurov. Ufa, AN RB, Gilem. 196 p. Pp. 22–30. (In Russ.).

Gabdrakhmanova, G. F. (2016) Ob osobennostiakh etnicheskoi identichnosti tatar [On the ethnic identity of the Tatars]. *Istoricheskaia etnologiia*, vol. 1, no. 1, pp. 27–35. (In Russ.).

Gasanov, A. S. (2020) Sotsial'naia infrastruktura Respubliki Dagestan: sovremennoe sostoianie i problemy razvitiia [Social infrastructure of the Republic of Dagestan: current state and development issues]. *Regional problems of transforming the economy*, no. 9, pp. 100–110. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.26726/1812-7096-2020-9-100-110>

Gadzhieva, Z. M. (2017) Problemy bezrobotitsy v Dagestane i puti ikh resheniia [Problems of unemployment in Dagestan and their potential solutions]. *Izvestiia Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Estestvennye i tochnye nauki*, vol. 11, no. 1, pp. 97–104. (In Russ.).

Gorshkov, M. K. (2016) Rossiiskii sotsium v usloviakh krizisnogo razvitiia: kontekstnyi podkhod (stat'ia 1) [Russian society in the conditions of crisis development: a contextual approach: Part 1]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 12, pp. 26–34. (In Russ.).

Guboglo, M. N. (2003) *Identifikatsiia identichnosti. Etnosotsiologicheskie ocherki [Identification of identity. Ethnosociological essays]*. Moscow, Nauka. 764 p. (In Russ.).

Drobizheva, L. M. (2017) Dinamika grazhdanskoi identichnosti i ee resurs v pozitivnykh integratsionnykh protsessakh rossiiskogo obshchestva [Dynamics of civic identity and its potential in positive integration processes in the Russian community]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 4, pp. 7–22. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2017.4.02>

Zailalov, I. I. and Zaripov, A. Ia. (2017) Etnicheskoe samosoznanie kak iskhodnyi orientir identifikatsii lichnosti v protsesse sotsial'noi adaptatsii v polietnicheskom obshchestve [Ethnic self-awareness as a starting point of personal identification in the process of social adaptation in a multiethnic society]. *Etnosotsium i mezhnatsional'naia kul'tura*, no. 3 (105), pp. 106–109. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2016) Tuvinskaia etnichnost' i sotsium v etnopoliticheskikh i antropologicheskikh issledovaniiaxh [Tuvan ethnicity and the society in ethnosociological and anthropological studies]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 32–51. (In Russ.).

Magomedov, G. N. (2015) Etnokul'turnye i etnopoliticheskie problemy sovremennogo Dagestana [Ethnocultural and ethnopolitical problems of modern Dagestan]. *Vlast'*, no. 7, pp. 62–67. (In Russ.).

Muduev, Sh. S. (2018) Sovremennoe sostoianie, problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Respubliki Dagestan i puti ikh resheniia [The current state, problems of socio-economic development of the Republic of Dagestan and ways to solve them]. *UEPS: upravlenie, ekonomika, politika, sotsiologiya*, no. 2, pp. 50–60. (In Russ.).

Semedov, S. A. and Maluchiev, G. S. (2018) Dagestanskaia svad'ba kak proiavlenie filosofii «obshchestva potrebleniia» [Dagestan wedding as a manifestation of the philosophy of “consumer society”]. *Etnosotsium i mezhnatsional'naia kul'tura*, no. 9 (123), pp. 70–84. (In Russ.).

Sikevich, Z. V. (2011) *Etnicheskii faktor v rossiiskom obshchestve. Sotsiologicheskie ocherki [The ethnic factor in Russian society. Sociological essays]*. Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publishing. 188 p. (In Russ.).

Tishkov, V. A. (2010) *Natsional'naia identichnost' i dukhovno-kul'turnye tsennosti rossiiskogo Naroda [National identity and spiritual and cultural values of the Russian people]*. St. Petersburg, SPbGUP. 36 p. (In Russ.).

Shakhbanova, M. M. and Abdulagatov, Z. M. (2016) Tipy sotsial'noi identichnosti v massovom soznanii dagestanskikh narodov: sostoianie i dinamika [Types of Social identity in the Mass consciousness of Dagestan peoples: state and dynamics]. *Ekonomika narodonaseleniia i demografiia*, no. 7, pp. 55–64. (In Russ.).

Cheshko, S. V. (2017) Rossiiskaia natsiia [The Russian Nation]. *Vestnik antropologii*, no. 1(37), pp. 144–147. (In Russ.).

Submission date: 15.02.2022.

DOI: 10.25178/nit.2022.2.7

Статья

Экологическая ситуация в современной Калмыкии: междисциплинарный анализ

Людмила В. Намруева

Башкирский государственный университет; Калмыцкий научный центр РАН,
Российская Федерация

В статье анализируются наиболее острые экологические проблемы Республики Калмыкия: деградация почвы, опустынивание, засухи, суховеи. Они не только ухудшают экологическую ситуацию в республике, которая является самым засушливым российским регионом, но и негативно сказываются на жизнедеятельности регионального сообщества. Анализ основан на систематизации научных исследований, материалов официальных документов республиканских властей, интервью экспертов, проведенных автором в 2021 г.

Автор отмечает, что не соблюдение правил разумного пользования природными ресурсами приводит к их истощению, деградации пастбищных угодий. Аграрно-промышленный комплекс Калмыкии сильно зависит от природно-климатических факторов: один благополучный год чередуется с двумя-тремя неблагоприятными. А 2020 г. стал самым засушливым годом, который принес огромные потери аграрной отрасли.

Состояние почв аридной зоны, отсутствие надежных водных ресурсов, учащение таких нежелательных явлений как пыльные бури, суховеи, усугубляющие засушливость климата, вызывают сильнейшую обеспокоенность республиканского сообщества.

Ключевые слова: Республика Калмыкия; аграрная отрасль; природный фактор; антропогенный фактор; животноводство; растениеводство; экологическая проблема; опустынивание; суховеи

Для цитирования:

Намруева Л. В. Экологическая ситуация в современной Калмыкии: междисциплинарный анализ // Новые исследования Тувы. 2022, № 2. С. 102-114. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.2.7>

Намруева Людмила Васильевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра Башкирского государственного университета; ведущий научный сотрудник отдела комплексного мониторинга и информационных технологий Калмыцкого научного центра РАН. Адрес: Россия, 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32; Россия, 358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8. Эл. адрес: lnamrueva@yandex.ru

NAMRUYEVA, Liudmila Vasilievna, Candidate of Sociology, Senior Research Fellow, Research Center, Innovation Department, Bashkir State University; Leading Research Fellow, Department of Comprehensive Monitoring and Information Technologies, Kalmyk Research Center, Russian Academy of Sciences. Postal address: 32 Zaki Validi St., 450076 Ufa, Russia; 8 Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation. Email: lnamrueva@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7805-8710

Environmental situation in contemporary Kalmykia: an interdisciplinary study

Liudmila V. Namrueva

Bashkir State University; Kalmyk Research Center, RAS,
Russian Federation

The article takes stock of the most urgent environmental issues in the Republic of Kalmykia, such as soil degradation, desertification, droughts and drywinds. They both aggravate the environment in the republic (Russia's most arid region) and take toll on the life of the regional community. Our study is based on systematized studies, official reports and documentation from regional authorities, as well as on expert interviews the author held in 2021.

The article proves that the ignoring the rules of reasonable use of natural resources leads to their depletion and to catastrophic deterioration of pasture lands. Kalmykia's agrobusiness is largely dependent on climatic factors, with a year of good harvest is followed by two or three years of failure. 2020 was the year of hardest draughts ever, which has caused great losses in agrobusiness.

The state of soils in the arid zones, the absence of reliable water resources and the increased number of dust storms and drywinds — all of these factors aggravate the aridization of the region and are of gravest concern for the regional community.

Keywords: Republic of Kalmykia; agrobusiness; natural factor; anthropogenic factor; livestock breeding; crop farming; environmental issue; desertification; drywind

For citation:

Namrueva L. V. Ekologicheskaiia situatsiia v sovremennoi Kalmykii: mezhdistsiplinaryi analiz [Environmental situation in contemporary Kalmykia: an interdisciplinary study]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 2, pp. 102-114. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.2.7>

Введение

Сельскохозяйственное природопользование в современной России изменяет характер агроэкологических проблем. Если в 1980-е гг. интенсификация аграрной сферы (использование удобрений, средств защиты растений, тяжёлой сельскохозяйственной техники и др.) усиливала экологические проблемы, то в настоящий период исследователи рассматривают проблемы, которые «характерны для отсталых в аграрном отношении стран, связанные с «проеданием» почвенного плодородия, деградацией почв, забрасыванием пахотных земель, упрощением агроценозов, монокультурой, низким уровнем агротехники, примитивными технологиями земледелия и животноводства» (Данилов-Данильян, Клюев, 2020: 128). Обозначенные тенденции проявляются и в засушливых территориях Калмыкии, где значительно ухудшилось состояние гидрогеологического режима, почвенного покрова, флоры и фауны. В данной статье мы рассмотрим экологическую ситуацию в Калмыкии, сложившуюся в результате нерационального природопользования в республике. Исследователи регулярно указывают на экологически ущербный подход в развитии агропромышленного комплекса республики, что усиливает такие отрицательные последствия антропогенного воздействия, как растущая нагрузка на почву, истощение природных ресурсов, эрозия почв, снижение их плодородия, безжизненные

солончаки, превращение некогда плодородных пастбищ в полупустыни и пустыни (Ташнинова, 2006: 58; *Традиционное природопользование ...*, 2006; Намруева, 2021; и др.).

Цель данной статьи — анализ и выявление основных проблем окружающей среды в современной Калмыкии, негативного влияния ее разрушения на жизнедеятельность регионального сообщества, проблематизация нерационального природопользования на засушливой территории. Одним из отрицательных последствий является перегрузка пастбищ скотом, ведущая к деградации почв. Задачи исследования касались выявления особенностей антропогенного воздействия на экосистему республики — опустыненных степей и северной пустыни, трансформации почвенного покрова.

Новизна работы заключается в междисциплинарном анализе объективных оценок, критических суждений ученых из различных научных областей, систематизации проблем рационального использования почвенных и водных ресурсов в Республике Калмыкия.

Источниковой базой исследования стала соответствующая научная литература, а также официальные документы правительства и профильных министерств Республики Калмыкия, многолетние авторские наблюдения, материалы интервью с экспертами, которые были выполнены в рамках проекта Башкирского госуниверситета «Этнические особенности развития человеческого потенциала в экономиках республик Российской Федерации» (опрос был проведен автором в Республике Калмыкия в ноябре 2021 г.; методом глубинного интервью по полуструктурированному гайду опрошено 16 экспертов; в данной статье использованы фрагменты отдельных интервью трех экспертов).

Научная исследованность

Библиография работ по теме экологической ситуации в современной Калмыкии достаточно обширна. Выделим работы Э. Б. Габунщиной, которая активно выступала по проблемам деградации калмыцких степей на научных конференциях по проблемам борьбы с опустыниванием (Габунщина, 1996). Известный эколог Л. Н. Ташнинова, рассматривая современное состояние ландшафтов Калмыкии, заостряла внимание на антропологической природе экологических проблем республики (Ташнинова, 2006).

Экономисты республики, анализируя социально-экономическое положение аграрного комплекса аридных территорий, останавливаются на взаимосвязи его с нерешенностью многих вопросов рационального природопользования (Курепина, Розен, 2006; Курепина, 2021).

Сотрудники Калмыцкого государственного университета регулярно проводят комплексные экспедиции по изучению проблем опустынивания, состояния водных ресурсов на территории районов республики. Известные исследователи по проблемам опустынивания В. А. Бананова, В. Г. Лазарева констатируют, что исчезновение комплексности почвенно-растительного покрова свидетельствует о деградации самой молодой новокаспийской террасы (Лазарева, Бананова, Нгуен, 2020). Исследователи заключают, что для сохранения продуктивности и видового разнообразия естественного растительного покрова необходима нормированная пастбищная нагрузка. Землепользование требует использования современных агротехнических приемов, социально-хозяйственного развития территорий (Бананова, Лазарева, Петров, 2021).

Осуществленные работы позволяют определить характер антропогенного воздействия на почвенный слой в исследуемых районах. Полученные исследователями результаты дают возможность оценки современного состояния процесса опустынивания, водного баланса (Сангаджиев и др., 2020).

В КалмНЦ РАН в 2006 г. была подготовлена и издана коллективная монография «Традиционное природопользование и степные экосистемы Калмыкии» (*Традиционное природопользование ...*, 2006) в рамках Программы фундаментальных исследований Отделения наук о Земле РАН «Развитие технологий мониторинга, экосистемное моделирование и прогнозирование при изучении природных ресурсов в условиях аридного климата». В ней дан обширный анализ исторического опыта кочевого пастбищного животноводства в аридной зоне Евразии, традиционных технологий и практических приемов, являющихся экологически целесообразными и малозатратными, включающих как свод эмпирических знаний и информации, так и специфические методы по улучшению окружающей среды, рационального управления природными ресурсами. Ученые этого же центра, выполняя в 2014 г. грант РФФИ «Интеграция гуманитарно-экологических и социально-политических действий в целях принятия управленческих решений», проанализировали причины бедственного экологического

положения в современной Калмыкии. Анкетный опрос (N=300) позволил исследователям собрать мнения населения республики по различным экологическим проблемам, оценить деятельности власти по их решению, уточнить степень информированности общественности о состоянии экосистемы¹.

А. А. Булуктаев, эколог КалмНЦ РАН, анализируя физико-химический состав почв нефтепромыслов в республике, отмечает повышенную концентрацию органического углерода техногенного происхождения (утечка нефти и нефтепродуктов) в окружающую среду, что ухудшает состояние почвенного покрова (Булуктаев, 2017). Изучение содержания тяжелых металлов в почвах 13 районов Калмыкии позволило выявить тенденцию увеличения меди, свинца и цинка, которые, накапливаясь в почвах, мигрируют в растения и попадают в живые организмы, отрицательно воздействуя на биологические системы исследуемых почв (Булуктаев, 2018). Проведенные экологические исследования свидетельствуют об увеличивающейся антропогенной нагрузке на территории республики.

Ученые биологи, географы из Института комплексных исследований аридных территорий РК проводят масштабные мониторинговые обследования по изучению почв, водных объектов, экотонной системы «вода-суша» и ее изменений, вызванных катастрофическим обмелением, влияющем на снижение биоразнообразия, уменьшение количества видов растений. Исследователи констатируют, что за 20-летний период на 60% исследованной территории ухудшилось состояние растительности с выпадением ценных в кормовом отношении видов (Маштыков, Дедова, 2020). Экологи постоянно отмечают наиважнейшее значение функции почвы как уникальной среды обитания различных растений (Ташнинова, 2020). Ученые ставят неутешительные диагнозы о том, что усиление аридизации климата, длительное накопление токсичных и биогенных веществ в условиях современного использования природных объектов приводит к уничтожению флоры и фауны (Уланова, 2020). Результаты долговременных экологических исследований публикуются в журнале «Вестник ИКИАТ» разделе «Экология и адаптивно-ландшафтное землепользование».

Представленный обзор позволяет утверждать, что ученые из разных научных областей многосторонне исследуют экологическую ситуацию в республике, активно публикуют результаты своих исследований. Однако, на наш взгляд, имеется определенная разрозненность исследований, их оторванность от управленческой деятельности, направленной на улучшение состояния окружающей среды. Данная статья, по нашему мнению, должна способствовать углублению научного знания, повышению экологического сознания населения, что, безусловно, впоследствии сыграет определенную роль на принятие эффективных решений вопросов, связанных с рисками нерационального природопользования в регионе.

Антропогенный фактор

Изменение форм собственности сельскохозяйственных предприятий Калмыкии (как и по всей России), происшедшее в начале 1990-х гг., негативно повлияло на экологическую ситуацию. Следует констатировать, что, к сожалению, владение землей не явилось определяющим фактором эффективного использования земли и повышения ее качества. В этой связи согласно разделяемому нами мнению специалистов, «в Калмыкии значительные площади не используются, зарастают сорной растительностью, резко упала культура земледелия, не соблюдается чередование культур в севооборотах и агротехнические требования возделывания сельскохозяйственных культур» (Курепина, Розен, 2006: 99). Об этом заявляют и ведущие географы страны: «Дегумификация, снижение почвен-

¹ Намруева Л. В. Преобразования в АПК Республики Калмыкия: проблемы и достижения // Современные тенденции регионального развития: баланс экономики и экологии. Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Махачкала: ИСЭИ ДНЦ РАН, 2014. С. 451–455; Намруева Л. В. Уровни экологизации населения аридного региона РФ (по итогам опроса 2014 г. в Республике Калмыкия) // Степи Северной Евразии. Мат-лы VII Междунар. симпозиума (г. Оренбург, 26–31 мая 2015 г.). / под ред. А. А. Чибилёва. Оренбург: ИС УрО РАН, Печатный дом «Димур», 2015. С. 569–571; Бадмаева Н. В., Иджаева Б. В. Качество жизни населения Калмыкии в условиях опустынивания // Современные тенденции регионального развития: баланс экономики и экологии. Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Махачкала: ИСЭИ ДНЦ РАН, 2014. С. 134–138; Бадмаева Н. В., Иджаева Б. В. Экологические проблемы степного региона в оценке населения (на примере Калмыкии) // Степи Северной Евразии. Мат-лы VII Междунар. симпозиума. (г. Оренбург, 26–31 мая 2015 г.) / под ред. А. А. Чибилёва. Оренбург: ИС УрО РАН, Печатный дом «Димур», 2015. С. 134–136.

ного плодородия, в свою очередь, ведут к снижению устойчивости почв к антропогенным нагрузкам» (Данилов-Данильян, Клюев, 2020: 122).

Экологи республики обеспокоены, что «изменения в структуре почвенно-растительных комплексов привели к неблагоприятным экологическим последствиям: снижению гумуса и уничтожению верхнего гумусового горизонта, образованию зон выдувания и аккумуляции песчаного материала, увеличению эродированных земель, ухудшению состава атмосферы и др.» (Ташнинова, 2006: 62).

Один из экспертов нашего опроса 2021 г. приводит конкретные данные, позволяющие понять тот ущерб, который наносят нашей земле те, кто мыслит лишь с позиций экономической выгоды:

«У нас только в двух районах, Городовиковском и Яшалтинском, 10% пахотнопригодной земли. В Ики-Бурульском и Сарпинском районах непахотнопригодная земля, которая дает урожай только тогда, когда будут благоприятные природно-климатические условия... Имеются солонцы в почве. У них высокая питательность, содержится гумус. Но в засуху они покрываются коркой, которая не дает возможность всхода зерновым культурам. На этих землях можно возделывать, но велика зависимость от природно-климатического фактора. Это нерентоносные земли, которые не могут приносить доходы. Система землеустройства разрушена, новая система не создана, поэтому и продолжается нерациональное использование земель» (ж., 69 лет, ученая).

Огорчает тот факт, что в 2010–2020-е гг. пастбищеоборот не соблюдается, не регулируются системы земледелия, ведения сельскохозяйственных работ. Специалисты их не контролируют, не анализируют состояние землепользования, не разрабатывают рекомендации для агропроизводителей, которые в свою очередь должны следовать им в своей деятельности. Об этом с тревогой говорила нам тот же эксперт:

«Было понимание, что монокультура — озимая пшеница, подсолнечник — приводят к заражению почвы, выводят почву из оборота. Спрос на пшеницу и подсолнечник в условиях рынка способствовал достижению цели любыми способами, в том числе и нарушающими агроэкологические требования. В итоге всё это привело к деградации почв» (ж., 69 лет, ученая).

Разумеется, как мы уже писали ранее, хищническое антропогенное воздействие приводит к деградации естественных кормовых угодий, дефляции почв республики (Намруева, 2006: 89). За этим неминуемо следуют потеря плодородия, снижение урожайности сельскохозяйственных культур. Собственные наблюдения позволяют нам констатировать, что, к сожалению, на землях рискованного земледелия засевают зерно, тем самым нарушая хрупкий баланс экосистемы аридных земель, ухудшая их состояние. Об этом также пишут исследователи, относя к основным причинам экологического неблагополучия, прежде всего, «искусственное смещение границы рискованного земледелия в засушливые области, «зерновую экспансию», распашку эродированных, солонцовых, засоленных и других неблагоприятных для земледелия почв» (Курепина, Розен, 2006: 98). В этой связи совершенно справедливо утверждение ученых Калмыцкого госуниверситета:

«Калмыкия является единственным местом на юго-востоке Европы, где находятся огромные пространства пустынь и полупустынь. Интенсивное развитие сельского хозяйства, мелиорации, начатое в начале 1920-х гг. и продолжающееся по настоящее время, привело к истощению земельных ресурсов. Образованные пустыни занимают все больше территории, которые с каждым годом разрастаются» (Сангаджиев и др., 2020: 101).

Безусловно, круглогодичный пастбищный выпас скота на территории Калмыкии оценивается как положительный фактор. В то же время бесконтрольная, нерациональная пастьба скота, увеличение его количества и превышение нагрузки на единицу площади образуют множество очагов опустынивания на всей территории республики. Об этом свидетельствует беспокойство экспертов о текущей экологической ситуации. Как сказал один из наших респондентов, «Если у нас в 1980-е годы работали программы федерального значения по закреплению песков, то в настоящее время такие масштабные программы не осуществляются» (м., 41 г., ученый).

Широкое развитие мелиорации, строительство оросительных каналов и других сельскохозяйственных зданий и сооружений привели к резкому увеличению нагрузки технических средств. Так, тракторы и автомобили весом более 10–15 тонн оставляют глубокие следы на почве, которая восстанавливается от таких последствий 90–120 лет (Сангаджиев и др., 2020: 103). Следует отметить, что хозяйствующие субъекты, игнорируя экологические основы землепользования (сезонность использования пастбищ, нормы содержания животных), значительно подрывают пастбищные ресурсы, тем самым способствуя увеличению площади локального опустынивания.

Для специалистов, исследовавших почвы, анализировавших ведение сельское хозяйство в прежние советские времена, болезненно воспринимается то, как оно ведётся в настоящее время. Опытный экономист сокрушался в беседе с автором:

«Раньше план земель любого хозяйства утверждался на районном Совете депутатов. Вся земля была в севообороте: после пшеницы — пар, потом — другая сельхозкультура. Всё было так, как и положено в земледелии. А что происходит сейчас?! Озимая пшеница — это монокультура, которая должна сменяться в севообороте, подсолнечник не должен быть каждый год на одном месте. Далее чересполосица. Есть очень много нерешенных вопросов, которые привели к нерациональному природопользованию» (ж., 69 лет, ученая).

Одним из нежелательных последствий такой бесхозяйственности, неразумного отношения к земле, стало продвижение пустыни в северные и западные районы Калмыкии, обнаруженное учеными. По их подсчетам, в течение одного-двух столетий пустыня достигнет границ Ергенинской возвышенности. Хищническое отношение к природе, земледелие там, где его не должно быть, неконтролируемое увеличение численности домашнего скота вблизи сельских населенных пунктов будут способствовать разрушению Ергеней, которые через четыре-пять веков сравняются с нулевой отметкой уровня океана (Сангаджиев и др., 2020: 103).

Известно, что в республике доминирует индивидуальный сектор, велико количество крестьянских подворий, личных подсобных хозяйств (ЛПХ). В экономически сложные 1990–2000-е гг. эти хозяйства обеспечили выживание населения региона. В то же время в этих мелкотоварных или практически нетоварных хозяйствах нет средств для усовершенствования технологии растениеводства и животноводства, внесения удобрений; используется тяжёлый примитивный труд. В хозяйствах населения количественный учет производится со слов владельца, что приводит к недостоверной информации в сторону занижения численности голов сельхозживотных. Сверхнормированное поголовье многократно увеличивает допустимую нагрузку на почву. Поэтому экологическое положение вокруг сельских населенных пунктов особенно плачевно: увеличивается площадь сбитых земель, песков, падает продуктивность пастбищ.

Отметим, что в рамках реализации Федеральной целевой программы (ФЦП) «Развитие мелиорации земель сельскохозяйственного назначения России на 2014–2020 годы» в республике осуществляются работы по восстановлению деградированных земель¹. В 2020 г. сельскохозяйственными товаропроизводителями Калмыкии проведены фитомелиоративные работы по закреплению песков на площади — 7 тыс. га, в том числе посадка джугуна 4244,6 га и терескена 1550 га, посев прутняка 1099 га и житняка 149 га². Однако выше приведено мнение одного из экспертов о том, что «в настоящее время такие масштабные программы не осуществляются».

Для того, чтобы иметь верное представление, как реально реализуются фитомелиоративные мероприятия по закреплению песков, каким образом распределяются субсидии из федерального бюджета бюджетам субъектов РФ, компенсирующие затраты сельскохозяйственных товаропроизводителей, необходим регулярный комплексный мониторинг, осуществляемый социологами, экологами, которые способны дать объективную картину рационального природопользования, в том числе расходования бюджетных средств на решение экологических проблем региона.

Среди специалистов республики есть понимание, что нерациональная хозяйственная деятельность вызывает такие агроэкологические проблемы как пастбищная дигрессия и опустынивание. Если ученые ведут разнообразные исследования хозяйственной деятельности человека, ее последствий на экосистему, с обеспокоенностью пишут, что при хищническом отношении к природе земля в скором времени превратится в безжизненную пустыню, то сельхозпроизводители, нацеленные на получение экономической выгоды, нарушают основные принципы рационального использования пастбищ: емкость и степень нагрузки на них, сохранение их ботанического состояния.

¹ ФЦП «Развитие мелиорации земель сельскохозяйственного назначения России на 2014–2020 годы», утверждена Постановлением Правительства РФ от 12.10.2013 г. № 922 [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/57419166/> (дата обращения: 12.01.2022).

² Доклад об экологической ситуации на территории Республики Калмыкия в 2020 году / Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Калмыкия. Элиста, 2020. С. 54.

Процессы опустынивания

Безусловно, благоприятные природно-климатические условия для пастбищного животноводства, востребованность калмыцкой породы скота, мясной продукции не только на отечественных рынках, но и на зарубежных, меры государственной поддержки сельхозтоваропроизводителей 2005–2010-е гг. способствовали развитию положительных тенденций импортозамещения в сельскохозяйственной отрасли и увеличению объемов производства аграрной продукции. Количественные показатели свидетельствуют о динамичном развитии исконной для степного края животноводческой отрасли, прежде всего — мясного скотоводства, мясного и тонкорунного овцеводства. Так численность крупного рогатого скота на 1 января 2017 г. составляла 475,2 тыс. голов (8 место в России). По численности и продуктивности крупного рогатого мясного направления Республика Калмыкия занимает первое место в Российской Федерации. поголовье овец и коз составляет 2,5 млн голов, республика находится на втором месте в России по их количеству, уступая лишь Республике Дагестан¹. В Стратегии социально-экономического развития Республики Калмыкия на период до 2030 г. отмечено, что «структура производимой в регионе валовой добавленной стоимости отличается от среднероссийской высокой долей сельского хозяйства, удельный вес которого в Республике Калмыкия (2016 г. — 31,9%) почти в шесть раз превосходит средний показатель по стране»².

В данной Стратегии указано, что 93% земельного фонда республики составляют земли сельскохозяйственного назначения. Однако оценка этих земель по условиям увлажнения, термическим ресурсам и солнечной радиации показала, что они непригодны для возделывания основных сельскохозяйственных культур. Сложившееся природопользование на территории Калмыкии обусловило сильные антропогенные нагрузки, в результате чего процессом опустынивания охвачено более 2 млн га³.

Проследим эти процессы на примере Черных земель (общая площадь земельных ресурсов более 3300 тыс. га), расположенных на территории республики. Они получили свое название по той причине, что в прошлом и в настоящий период в зимнее время не вся их территория покрывается снегом, что было удобно для выпаса скота. Вплоть до 1970-х гг. Черные земли были отгонными пастбищами не только для животноводов Калмыкии, но и Ставрополя, Грузии, Дагестана, Астраханской и Ростовской области. На них сначала зимы вплоть до апреля находились бесчисленные стада овец. Черные земли являлись уникальным местом для получения дешевой высококачественной продукции овцеводства (шерсть, мясо). К сожалению, в результате нерационального пользования земель границы пустыни постепенно расширяются на запад и север Республики Калмыкия (Сангаджиев и др., 2020: 103). Следует отметить, что от состояния ландшафта пастбищных территорий Черных земель зависит агро-и геоэкология региона, что непосредственно влияет на жизнедеятельность локального сообщества, здоровье населения, состояние растительности, почв, существование животных (домашних и диких).

Первая и единственная в Европе пустыня находится на территории Черных земель, она образовалась в результате разрушающего антропогенного воздействия в 1960–1980-е гг. Ведущие ученые-географы РАН пишут, что здесь «скачкообразное уменьшение поголовья скота в результате постсоветских кризисов и реформ, а также заметное уменьшение засушливости климата в регионе способствовали восстановлению растительного покрова в пустыне, антропогенной по происхождению. Хотя истощительные нагрузки на пастбища наблюдаются и ныне, но локально, вблизи населённых мест, что, правда, создаёт предпосылки нового “фронтального” опустынивания» (Данилов-Данильян, Ключев, 2020:128).

С начала 1990-х гг. процессам опустынивания на Черных землях уделялось большое внимание, была разработана генеральная схема борьбы с опустыниванием. Однако, не соблюдая нормы выпаса сельхозживотных, сельхозпроизводители многократно увеличивают нагрузку на земли, которые «эксплуатируются в условиях стихийного, нерегулируемого режима почв. Это — один из признаков

¹ Стратегия социально-экономического развития Республики Калмыкия на период до 2030 года: постановление Правительства Республики Калмыкия от 24.12.2019. No 388 С. 24. [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/561696558> (дата обращения: 12.01.2022).

² Там же. С. 21.

³ Там же. С. 11.

примитивизации отечественного сельского хозяйства (там же: 122). Таково же мнение одного из опрошенных нами экспертов:

«Республика недалеко ушла от феодального уклада, в том смысле, что все базируется на животноводстве, и как раньше, крестьянин или скотовод вырастил скотину, продал, на эти деньги живет. С тех пор что изменилось? У нас экстенсивно увеличивается количество скота, поэтому вытаптывается почва и ухудшается экологическая обстановка» (ж., 56 лет, управленец).

Сожаления другого участника опроса также связываются с примитивизацией в региональной аграрной отрасли: «Отлаженная система ЮЖНИИГИПРОЗЕМА¹ прекратила существовать, землеустройства нет, никто не отслеживает, как и по каким причинам ухудшается качество земель. Результатами гипотонических обследований почв, проведенных в 1980-х гг. пользуются до сих пор, так как нет новых данных» (ж., 69 лет, ученая).

2020 г. запомнится жителям Юга России не только засухой, но и сильной пыльной бурей, бушевавшей два дня (30 сентября и 1 октября). Исследователи отмечают следующие причины этой бури:

«атмосферная и почвенная засуха, чрезмерные пастбищные нагрузки, нашествие саранчи и устойчивые восточные и юго-восточные ветры скоростью более 20 м/с. Протяжённость бури превысила 700 км, а площадь — 11 млн га. В результате пылевой шлейф накрыл практически всю равнинную часть Ставропольского края, север Дагестана, западную половину Калмыкии и южную часть Ростовской обл., достигнув Восточной Украины» (Шинкаренко, Барталев, 2020: 270).

Пыльная буря многократно увеличила площади открытых песков и риск необратимого опустынивания данной территории. По мнению волгоградского исследователя А. Судакова, при таких сильных пыльных бурях, которые стали частыми, плодородный слой пашни выдувается на глубину до пяти сантиметров. Огромные массы плодородной почвы переносятся далеко за пределы указанных регионов².

Во время научной командировки 2020 г. в западные районы республики автор с коллегами-экологами КалмНЦ РАН оказалась в эпицентре пыльной бури. Все дни научной командировки стояла густая пыльная мгла, состоявшая из песчано-пылевых масс, поднятых мощным ветром с деградированных пастбищ юга Калмыкии, севера Дагестана и северо-востока Ставрополья. Воочию наблюдали, как буря препятствует перемещению на улице, проведению важных сельскохозяйственных работ. В последнее десятилетие помимо пыльных бурь участились продолжительные суховеи, которые высушивают почвы, вытягивая мизерный запас влаги из засушливой земли, что угрожает посевам.

По прогнозам, весьма пессимистическим, «глобальное потепление принесёт Нижнему Поволжью куда больше вреда, нежели пользы. Нижневолжские степи со временем превратятся в пустыни»³. Для аграрной отрасли аридных регионов, одним из которых является Калмыкия, подобные природные аномалии несут огромные потери. Пыльные бури выдувают богатый гумусом верхний слой почвы, которая теряет свои плодородные качества, истощается, постепенно становясь безжизненной. Происходящие климатические изменения приводят к тому, что территории постепенно становятся всё более засушливыми. При недостаточном финансировании экологических мероприятий лесополосы гибнут, водные источники исчезают, почвозащитные действия минимизируются. В совокупности это усиливает частоту и мощь таких негативных природных явлений как пыльная буря и суховеи.

В Докладе министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды РК, сделанном в 2020 г., констатируется, что «неблагоприятные климатические условия — сухость, ветреность, сильная жара почвенная засуха из-за отсутствия осадков, высокой температуры воздуха, достигавшей более +40 градусов, порывов ветра, достигавших более 20 м/с, способствовали образованию новых очагов открытых песков, снижению продуктивности скудных по кормоёмкости пастбищ»⁴.

¹ Южный научно-исследовательский и проектно-изыскательский институт по землеустройству.

² Волгоград станет пустыней. Как изменится климат региона до конца XXI века [Электронный ресурс] // Еженедельник Аргументы и Факты. АиФ-Нижнее Поволжье. 2015. № 20. 13 мая. URL: https://vlg.aif.ru/society/ecology/volgograd_prevratitsya_v_pustynnyu_kak_izmenitsya_klimat_regiona_do_konca_21_v (дата обращения: 12.01.2022).

³ Там же.

⁴ Доклад об экологической ситуации на территории Республики Калмыкия в 2020 году / Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Калмыкия. Элиста, 2020. С. 53.

Подобные природно-климатические ситуации, которые оцениваются как экологическое бедствие, прогнозируются в ближайшие десятилетия. Считаем, что катастрофические последствия природных явлений можно избежать при соблюдении принципов экологического императива, рационального природопользования.

Как видим, сложившееся землепользование в Калмыкии значительно ухудшило состояние хрупкой засушливой экосистемы. Для предотвращения дальнейшей деградации почвенного покрова, для борьбы с опустыниванием необходимы согласованные усилия всех субъектов хозяйственной деятельности. Важны также действия ученых и политиков по созданию и законодательному оформлению механизма рационального природопользования в аридной зоне, который содержал бы научно-обоснованные нормативы землепользования, систему контроля за деятельностью сельхозпроизводителей, комплекс мер восстановления плодородия пахотных земель, продуктивности пастбищ, сохранения их биологического разнообразия.

Проблема отсутствия воды

Калмыкия является самым засушливым, маловодным российским регионом, дефицит воды здесь ощущается повсеместно и круглогодично. Председатель правительства РФ М. Мишустин, посетивший Калмыкию 1 февраля 2021 г., заявил тогда о проблеме водообеспечения степного региона. На Ики-Бурульском водопроводе под его руководством прошло совещание, на котором глава правительства пообещал, что для решения насущного для населения республики вопроса будут приложены все усилия¹. Имеющиеся в регионе поверхностные водные ресурсы совершенно не пригодны для водоснабжения, однако жители используют их для питьевых нужд. Всего 7,4% населения республики обеспечены качественной питьевой водой из систем централизованного водоснабжения (тогда как в среднем по России — 85,5%). Дефицит воды является главным сдерживающим фактором развития народного хозяйства республики, в частности, его аграрной сферы².

По подсчетам исследователей, в среднем сельский житель потребляет не более восьми литров воды сутки. Для сравнения: уровень среднего потребления по России равняется 300 литрам (Сангаджиев, Онкаев, 2012: 20). Ики-Бурульский групповой водопровод, ставший долгостроем, позволил бы решить водные проблемы сельского населения (Санджиев, 2009: 78). Глава РК Алексей Орлов 28 августа 2015 г. отрапортовал президенту страны о том, что работы по строительству группового водопровода завершены³. Однако в 2019 г. объект признали недостроенным, было заведено уголовное дело о хищении почти 300 миллионов рублей из федеральной казны. Новое руководство республики в 2020 г. обратилось в федеральное правительство за финансовой поддержкой для ввода водопровода в эксплуатацию⁴.

Исследователи еще в 2009 г. писали, что «в сельские населенные пункты вода доставляется в основном автомобильным транспортом» (Санджиев, 2009: 79). Спустя 12 лет состояние водоснабжения, к сожалению, осталось неизменным. Отсутствие воды сказывается на всех сторонах сельской действительности: селяне не имеют возможности выращивать овощи, зелень в своих огородах, завести скотину в подворье, жить в комфортных условиях (Намруева, 2020: 1374). Главная причина в том, что многие села республики не обеспечены водой. Ее продолжают доставлять автотранспортом за десятки километров из крупных населенных пунктов. Сельские жители во время бесед с автором статьи признавались, что им не выгодно заниматься приусадебным участком, личным подворьем для своей семьи — дешевле приобрести овощи, фрукты в магазинах. Подвоз воды — дорогое удовольствие для селян, имеющих скромные бюджеты, он обходится от 400 до 1500 рублей (в ценах весны 2021 г.).

Отсутствие воды сказывается на развитии такой важной отрасли как кормопроизводство, которое необходимо для поступательного развития животноводства. В доперестроечный период калмыцкие

¹ Кузьмин В. Степь просит пить [Электронный ресурс] // Российская газета—Федеральный выпуск № 21(8372). 2021. 2 февраля. № 21. URL: <https://rg.ru/2021/02/02/reg-ufo/mishustin-v-kalmykii-izuchil-problemy-vodosnabzheniia-respubliki.html> (дата обращения: 12.01.2022).

² Алексеев С. Вода в Калмыкии: перезагрузка // Хальмгунн. 2021. 13 февраля. С. 3.

³ Встреча с главой Республики Калмыкия Алексеем Орловым [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50189> (дата обращения: 12.01.2022).

⁴ Кузьмин В. Степь просит пить ...

производители кормов в условиях сухой степи обеспечивали такими продуктивными культурами как люцерна и суданская трава не только республику, но и соседние регионы. Развитие орошения, кормопроизводства позволяет животноводам не зависеть от природно-климатического фактора. Использование поливных устройств на полях, внесение удобрений способствовало бы получению достаточных объемов корма для нужд животноводов. Однако, по мнению одного из наших экспертов,

«у самих фермеров не хватает финансовых средств заливать поля, образовывать лиманы. Тем более, что у нас нехватка воды. Также осадков очень мало, температура повышается, те же пески наступают» (м., 41 г., ученый).

В республике за последнее десятилетие наблюдается значительное потепление климата, специалисты отмечают повышение более чем на 8° по сравнению со среднесезонными значениями. Засуха, наблюдаемая в течение 8 лет, негативно отражается на развитии главной отрасли народного хозяйства, животноводстве (Адыев, Гольдварг, 2021: 132). В связи с этим ученые считают, что «только восстановление исторического опыта землепользования, т. е. сочетание пастбищного содержания с организацией высококачественного кормопроизводства, в том числе для откормочных комплексов и площадок, может стать переломным этапом в развитии животноводства» (там же).

Водоснабжение — жизненно важная проблема, которая долгие десятилетия остается не решенной в республике, что способствует снижению эколого-социально-экономического эффекта, который выражается в ухудшении жизнедеятельности населения аридного региона. Отсутствие, катастрофический недостаток воды препятствует стабильному, устойчивому развитию основных отраслей народного хозяйства Калмыкии — земледелия и животноводства.

Заключение

Республика Калмыкия, являясь самым засушливым регионом на юге европейской части России, входит в число территорий с неблагоприятными условиями для производства сельскохозяйственной продукции. Несмотря на это, стремление увеличить сельскохозяйственные показатели, решить продовольственные вопросы приводит к обострению экологических проблем — увеличению антропогенной нагрузки на природную экосистему, деградации почвенного покрова.

Отсутствие научного анализа взаимосвязи между природно-климатическими и социально-экономическими факторами препятствует не только принятию необходимых мер поддержки региона, развитию агропромышленного комплекса республики, но и предупреждению отрицательных последствий различных природных аномалий, своевременному адекватному реагированию на них. В данной статье проанализированы современные научные результаты, рассмотрены основные проблемы окружающей среды в Калмыкии, акцентировано внимание на негативном влиянии разрушения почв на жизнедеятельность регионального сообщества. Используемые источники позволили выявить особенности антропогенного воздействия на расширение опустыненных степей и северной пустыни, актуализировать проблемы нерационального природопользования на засушливой территории республики. Красной нитью по всей статье проходит мысль, что умное, рациональное использование природных ресурсов позволит сельхозпроизводителям сохранить сельские территории республики, успешно выращивать продукцию, тем самым обеспечивая весомое участие республики в реализации продовольственной безопасности страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адыев, С. Б., Гольдварг, Б. А. (2021) Основные направления кормовой базы в засушливых условиях Калмыкии // Известия Нижневолжского агроуниверситетского комплекса: наука и высшее профессиональное образование. № 1(61). С. 124–135. DOI: <https://www.doi.org/10.32786/2071-9485-2021-01-12>

Бананова, В. А., Лазарева, В. Г., Петров, К. М. (2021) Тенденции процессов опустынивания в северо-западной части Прикаспийской низменности // Геология, география и глобальная энергия. № 1(80). С. 77–86.

Булуктаев, А. А. (2017) Оценка степени загрязнения почв нефтепромыслов на территории юга-востока Республики Калмыкия // Полевые исследования. № 4. С. 101–110.

Булуктаев, А. А. (2018) Динамика содержания тяжелых металлов в почвах Республики Калмыкия // Полевые исследования. № 5. С. 90–106.

Габунщина, Э. Б. (1996) Экологические проблемы Калмыкии // Калмыкия: этнополитическая панорама. Очерки. Документы. Материалы: в 2 т. Сост.: Э.-Б. Гучинова, Г. А. Комарова. М.: ЦИМО ИЭА РАН. Т. II. 366 с. С. 108–131.

Данилов-Данильян, В. И., Клюев, Н. Н. (2020) Природно-ресурсная сфера России: тенденции развития и желательные стратегии // Вызовы и политика пространственного развития России в XXI веке / ред. В. М. Котляков, А. Н. Швецов, О. Б. Глезер. М.: Товарищество научных изданий КМК. 365 с. С. 111–147.

Курепина, Н. Л., Розен, Л. В. (2006) Социально-экономическое положение аграрного комплекса аридных территорий // Традиционное природопользование и степные экосистемы Калмыкии / отв. ред. Н. Г. Очирова. Элиста: АОр «НПП «Джангар». 112 с. С. 98–111.

Курепина, Н. Л. (2021) Социо-эколого-экономические угрозы экономической безопасности Прикаспийского региона // Caspium Securitatis. Журнал каспийской безопасности. № 1. С. 66–80. DOI: <https://www.doi.org/10.21672/2713-024X-2021-1-1-066-080>

Лазарева, В. Г., Бананова, В. А., Нгуен Ван Зунг (2020) Динамика современной растительности при пастбищном использовании в северо-западном Прикаспии // Аридные экосистемы. Т. 26. № 4(85). С. 26–34. DOI: <https://www.doi.org/10.24411/1993-3916-2020-10115>

Маштыков, К. В., Дедова, Э. Б. (2020) Мониторинг пастбищной дигрессии пустынной зоны республики Калмыкия // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. № 1(40). С. 47–52.

Намруева, Л. В. (2006) Локальные сообщества и угроза разрушения природной среды // Традиционное природопользование и степные экосистемы Калмыкии / отв. ред. Н. Г. Очирова. Элиста: АОр «НПП «Джангар». 112 с. С. 88–97.

Намруева, Л. В. (2020) Штрихи к портрету сельских территорий Калмыкии (по итогам научной экспедиции 2019 г.) // Oriental Studies. № 5. С. 1371–1377. DOI: <https://www.doi.org/10.22162/2619-0990-2020-51-5-1371-1377>

Намруева, Л. В. (2021) Влияние климата на риски развития аграрной отрасли (на примере аридного региона) // Региональная экономика. Юг России № 2. С. 152–161. DOI: <https://www.doi.org/10.15688/re.volsu.2021.2.15>

Сангаджиев, М. М., Онкаев, В. А. (2012) Вода Калмыкии — экология и современное состояние // Вестник Калмыцкого университета. № 3(15). С. 18–25.

Сангаджиев, М. М., Сангаджиева, Л. Х., Цатхлангова, Э. А., Мучкинова, Л. И., Горяева, Л. Х. (2020) Влияние Черных Земель на образование Сахельского пояса в Калмыкии // Астраханский Вестник экологического образования. № 5(59). С. 101–106.

Санджиев, Б. Ц. (2009) Проблема водоснабжения в сельском хозяйстве Калмыкии // Экономический журнал. № 2(9). С. 77–84.

Ташнинова, Л. Н. (2006) Современное состояние ландшафта и экологические проблемы Калмыкии // Традиционное природопользование и степные экосистемы Калмыкии / отв. ред. Н. Г. Очирова. Элиста: АОр «НПП «Джангар». 112 с. С. 45–75.

Ташнинова, А. А. (2020) Ценопопуляция лекарственных растений и среда их обитания как фрагмент биологического разнообразия балочных экосистемах Ергеней // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. № 1(40). С. 52–58.

Традиционное природопользование и степные экосистемы Калмыкии (2006) / отв. ред. Н. Г. Очирова. Элиста: АОр «НПП «Джангар». 112 с.

Уланова, С. С. (2020) Экологическая катастрофа на водохранилище Аршань-Зельмень: предпосылки и причины возникновения // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. № 2(41). С. 16–20.

Шинкаренко, С. С., Барталев, С. А. (2020) Последствия пыльных бурь на юге европейской части России в сентябре — октябре 2020 г. // Современные проблемы дистанционного зондирования Земли из космоса. Т. 17. № 7. С. 270–275. DOI: <https://www.doi.org/10.21046/2070-7401-2020-17-7-270-275>

Дата поступления: 15.02.2022 г.

REFERENCES

Ad'iaev, S. B. and Gol'dvarg, B. A. (2021) Osnovnye napravleniia kormovoi bazy v zasushliviikh usloviikh Kalmykii [Main directions of creating a fodder base in dry conditions of Kalmykia]. *Izvestiia Nizhnevolzhskogo agrouniversitetskogo kompleksa: nauka i vysshee professional'noe obrazovanie*, no. 1(61), pp. 124–135. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.32786/2071-9485-2021-01-12>

Bananova, V. A., Lazareva, V. G. and Petrov, K. M. (2021) Tendentsii protsessov opustynivaniia v severo-zapadnoi chasti Prikaspiiskoi nizmennosti [Trends of desertification in North-Western Caspian depression]. *Geologiya, geografiia i global'naia enerzhiia*, no. 1(80), pp. 77–86. (In Russ.).

Buluktaev, A. A. (2017) Otsenka stepeni zagriazneniia pochv neftepromyslov na territorii iuga-vostoka Respubliki Kalmykii [Assessment of the degree of soil contamination in oil fields in the south-east of the Republic of Kalmykia]. *Polevye issledovaniia*, no. 4, pp. 101–110. (In Russ.).

Buluktaev, A. A. (2018) Dinamika sodержaniia tiazhelykh metallov v pochvakh Respubliki Kalmykii [Dynamics of heavy metal content in the soils of the Republic of Kalmykia]. *Polevye issledovaniia*, no. 5, pp. 90–106. (In Russ.).

Gabunshchina, E. B. (1996) Ekologicheskie problemy Kalmykii [Environmental problems of Kalmykia]. In: *Kalmykii: etnopoliticheskaia panorama. Ocherki. Dokumenty. Materialy [Kalmykia: an ethnopolitical panorama. Essays. Documents. Materials]*: in 2 vol. Comp. by E.-B. Guchinova and G. A. Komarova. Moscow, TsIMO IEA RAN. Vol. II. 366 p. Pp. 108–131. (In Russ.).

Danilov-Danil'ian, V. I. and Kliuev, N. N. (2020) Prirodno-resursnaia sfera Rossii: tendentsii razvitiia i zhelatel'nye strategii [Natural resource sphere of Russia: development trends and desirable strategies]. In: *Vyzovy i politika prostranstvennogo razvitiia Rossii v XXI veke [Challenges and policy of spatial development of Russia in 21st century]* / ed. by V. M. Kotliakov, A. N. Shvetsov and O. B. Glezer. Moscow, Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK. 365 p. Pp. 111–147. (In Russ.).

Kurepina, N. L. and Rozen, L. V. (2006) Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie agrarnogo kompleksa aridnykh territorii [Socio-economic situation of the agricultural complex of arid territories]. In: *Traditsionnoe prirodopol'zovanie i stepnye ekosistemy Kalmyki [Traditional nature management and steppe ecosystems of Kalmykia]* / ed. by N. G. Ochirova. Elista, AOR «NPP «Dzhangar». 112 p. Pp. 98–111. (In Russ.).

Kurepina, N. L. (2021) Sotsio-ekologo-ekonomicheskie ugrozy ekonomicheskoi bezopasnosti Prikaspiiskogo regiona [Socio-environmental and economic threats to the economic security of the Caspian sea region]. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Security*, no. 1, pp. 66–80. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.21672/2713-024X-2021-1-1-066-080>

Lazareva, V. G., Bananova, V. A. and Nguen Van Zung (2020) Dinamika sovremennoi rastitel'nosti pri pastbishchnom ispol'zovanii v severo-zapadnom Prikaspii [Dynamics of modern vegetation in pasture use in the North-Western Caspian region]. *Aridnye ekosistemy*, vol. 26, no. 4(85), pp. 26–34. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.24411/1993-3916-2020-10115>

Mashtykov, K. V. and Dedova, E. B. (2020) Monitoring paskval'noi digressii pustynnoi zony respubliki Kalmykii [Monitoring of pascal digression of the desert zone of the Republic of Kalmykia]. *Vestnik Instituta kompleksnykh issledovaniy aridnykh territorii*, no. 1(40), pp. 47–52. (In Russ.).

Namrueva, L. V. (2006) Lokal'nye soobshchestva i ugroza razrusheniia prirodnoi sredy [Local communities and the threat of environmental destruction]. In: *Traditsionnoe prirodopol'zovanie i stepnye ekosistemy Kalmyki [Traditional nature management and steppe ecosystems of Kalmykia]* / ed. by N. G. Ochirova. Elista, AOR «NPP «Dzhangar». 112 p. Pp. 88–97. (In Russ.).

Namrueva, L. V. (2020) Shtrikhi k portretu sel'skikh territorii Kalmykii (po itogam nauchnoi ekspeditsii 2019 g.) [Rural Territories of Kalmykia: some perspectives from the outcomes of the 2019 Research Expedition]. *Oriental Studies*, no. 5, pp. 1371–1377. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.22162/2619-0990-2020-51-5-1371-1377>

Namrueva, L. V. (2021) Vliianie klimata na riski razvitiia agrarnoi otrasli (na primere aridnogo regiona) [Climate impact on risks in the agricultural sector exemplified by arid region]. *Regional'naia ekonomika. Iug Rossii*, no. 2, pp. 152–161. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.15688/re.volsu.2021.2.15>

Sangadzhiev, M. M. and Onkaev, V. A. (2012) Voda Kalmykii — ekologiia i sovremennoe sostoianie [Water in Kalmykia: ecology and current state]. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*, no. 3(15), pp. 18–25. (In Russ.).

Sangadzhiev, M. M., Sangadzhieva, L. Kh., Tsatkhlangova, E. A., Muchkinova, L. I. and Gorjaeva, L. Kh. (2020) Vliianie Chernykh Zemel' na obrazovanie Sakhel'skogo poiasa v Kalmykii [The influence of Black Lands on the formation of the Sahel Belt in Kalmykia]. *Astrakhanskii Vestnik ekologicheskogo obrazovaniia*, no. 5(59), pp. 101–106. (In Russ.).

Sandzhiev, B. Ts. (2009) Problema vodosnabzheniia v sel'skom khoziaistve Kalmykii [The problem of water supply in agriculture of Kalmykia]. *Ekonomicheskii zhurnal*, no. 2(9), pp. 77–84. (In Russ.).

Tashnina, L. N. (2006) Sovremennoe sostoianie landshafta i ekologicheskie problemy Kalmykii [The current state of the landscape and environmental problems of Kalmykia]. In: *Traditsionnoe prirodopol'zovanie i stepnye ekosistemy Kalmyki [Traditional nature management and steppe ecosystems of Kalmykia]* / ed. by N. G. Ochirova. Elista, AOR «NPP «Dzhangar». 112 p. Pp. 45–75. (In Russ.).

Tashninova, A. A. (2020) Tsenopopuliatsiia lekarstvennykh rastenii i sreda ikh obitaniia kak fragment biologicheskogo raznoobrazii balochnykh ekosistemakh Ergenei [Coenopopulations of medicinal plants and their habitat as a fragment of biological diversity in swamp ecosystems of Ergenei]. *Vestnik Instituta kompleksnykh issledovaniy aridnykh territorii*, no. 1(40), pp. 52–58. (In Russ.).

Traditsionnoe prirodopol'zovanie i stepnye ekosistemy Kalmyki [Traditional nature management and steppe ecosystems of Kalmykia] (2006) / ed. by N. G. Ochirova. Elista, AOr «NPP «Dzhangar». 112 p. (In Russ.).

Ulanova, S. S. (2020) Ekologicheskaya katastrofa na vodokhranilishche Arshan' Zel'men': predposylki i prichiny vozni-knoveniia [Ecological disaster at the Arshan Zelmen reservoir: prerequisites and causes of occurrence]. *Vestnik Instituta kompleksnykh issledovaniy aridnykh territorii*, no. 2(41), pp. 16–20. (In Russ.).

Shinkarenko, S. S. and Bartalev, S. A. (2020) Posledstviia pyl'nykh bur' na iuge evropeiskoi chasti Rossii v sentiabre — oktiabre 2020 g. [Consequences of dust storms in the south of the European part of Russia in September and October 2020]. *Sovremennye problemy distantsionnogo zondirovaniia Zemli iz kosmosa*, vol. 17, no. 7, pp. 270–275. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.21046/2070-7401-2020-17-7-270-275>

Submission date: 15.02.2022.

Проблемы развития геокультурного брендинга в Туве и Башкортостане

Галия Р. Гарипова, Екатерина А. Богдан

Башкирский государственный университет, Российская Федерация

В статье рассматриваются проблемы геокультурного брендинга объектов геокультурного значения: природных и культурных охраняемых территорий (заповедников, парков, биосферных заповедников, геопарков и пр.) Тувы и Башкортостана. Источниковой базой исследования выступили официальные документы регионов, контент сайтов, а также данные мониторинга общественного мнения относительно осведомленности о зонах отдыха, рекреации, санаторного лечения.

Предложения в сфере туризма в обоих республиках схожи, присутствуют варианты экотуризма, этнотуризма и геотуризма. Очевидна связь развития туристического потенциала с разработкой концепции социально-экономического развития региона. Органы регионального управления активно участвуют в оформлении статуса туристическо-рекреационных зон.

Очевидна проблема информационной закрытости, низкой осведомленности потенциальных потребителей — жителей региона и туристов из других регионов и стран о геокультурных особенностях и перспективах развития туризма в регионах. Это показывают результаты опроса населения. При этом научно-исследовательский интерес к перспективам развития туризма в Башкортостане явно больше.

Рассмотренные логотипы и образы ряда объектов (в Туве — биосферного заповедника «Убсунурская котловина», природного парка «Тыва», этнокультурного комплекса «Алдын-Булак»; в Башкортостане — геопарка «Янган-Тау», биосферного заповедника «Шульган-Таш», биосферного резервата «Башкирский Урал») отражают общую цель объектов геокультурного брендинга — сохранение и продвижение уникального геокультурного наследия (ландшафта, флоры и фауны, культурных памятников). Но есть проблемы в использовании этого важного компонента в продвижении туристических услуг. Такой инструмент как продвижение уникального предложения используется в регионах, но недостаточно.

Ключевые слова: Башкортостан; Тува; геокультурный брендинг; маркетинговые коммуникации; реклама; природный парк; биосферный заповедник; геопарк; имидж территории; рекреационно-культурная сфера; внутренний туризм

Для цитирования:

Гарипова Г. Р., Богдан Е. А. Проблемы развития геокультурного брендинга в Туве и Башкортостане // Новые исследования Тувы. 2022, № 2. С. 115-127. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.2.8>

Гарипова Галия Ризвановна — кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и связей с общественностью факультета философии и социологии Башкирского государственного университета. Адрес: 450076, Россия, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32. Тел.: +7 (347) 229-97-38, +7 (927) 311-76-37. Эл. адрес: gali@mail.ru

Богдан Екатерина Александровна — кандидат экономических наук, специалист Научно-образовательного центра «Новая среда для жизни», доцент кафедры геологии, гидрометеорологии и геоэкологии Башкирского государственного университета. Адрес: 450076, Россия, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32. Тел.: +7 (347) 229-97-38, +7 (927) 310-74-20. Эл. адрес: eavolkova@bk.ru

GARIPOVA, Galiya Rizvanovna, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Political Science and Public Relations, Faculty of Philosophy and Sociology, Bashkir State University. Postal address: 32 Zaki Validi St., Ufa, 450076, Russia. Tel.: +7 (347) 229-97-38, +7 (927) 311-76-37. E-mail: gali@mail.ru

BOGDAN, Ekaterina Aleksandrovna, Candidate of Economic Sciences, Specialist, Scientific and Educational Center «New Environment for Life», Associate Professor, Department of Geology, Hydrometeorology and Geoecology of Bashkir State University. Postal Address: 32, Zaki Validi str., Ufa, 450076, Russia. Tel.: +7 (347) 229-97-38, +7 (927) 310-74-20. Email: eavolkova@bk.ru

ORCID ID: 0000-0003-4284-292X

ORCID ID: 0000-0003-0566-2639

Developing geocultural branding in Tuva and Bashkortostan

Galia R. Garipova, Ekaterina A. Bodgan

Bashkir State University, Russian Federation

The article examines the problems of branding geoculturally important objects — natural and cultural protected areas, such as reserves, parks, geoparks or biosphere reserves in Tuva and Bashkortostan. For sources of our study, we relied on official documentation of regional governments, website content, as well as data from monitoring public opinion on recreation zones, health resorts, and awareness of services available there.

In both republics, tourism offers are quite similar, including environment, ethnic and geographical tourism. Tourist potential is clearly linked to the social and economic potential of the region, and regional authorities help set up and promote the status of tourist recreation zones.

An obvious issue is that of scarcity of information and low awareness of tourist services among their potential consumers in the respective region, throughout Russia and outside the country. They tend to know little about the geocultural specifics and the prospects of enhancing tourism in the region — a trend corroborated by opinion polls. Among researchers, interest in tourism is clearly higher in Bashkortostan.

The authors look at logos and visual imagery of a number of institutions: in Tuva, these are the Ubsunur Hollow biosphere reserve, the Tuva nature park, the Aldyn Bulak ethnocultural facility; and in Bashkortostan, the Yangan Tau geopark, the Shulgan Tash biosphere reserve and the Bashkirsky Ural wildlife reserve. All of these follow the general aim of geocultural branding, which is protecting and preserving unique geocultural heritage — landscape, flora and fauna, as well as monuments of culture. Another problem is how to account for this important component in promoting tourist services.

All in all, these unique opportunities do get some promotion in the two regions, but as yet, the coverage is insufficient.

Keywords: *Bashkortostan; Tuva; geocultural branding; marketing communications; advertising; natural park; biosphere reserve; geopark; image of a territory; recreation and culture; internal tourism*

For citation:

Garipova G. R. and Bodgan E. A. Problemy razvitiia geokul'turnogo brendinga v Tuve i Bashkortostane [Developing geocultural branding in Tuva and Bashkortostan]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 2, pp. 115-127. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.2.8>

Введение

Исследовательский интерес авторов лежит в области применения инструментов и методик брендинга по отношению к объектам рекреационного и социально-культурного значения, к которым относятся геопарки и другие природные и культурные охраняемые территории (заповедники, национальные парки и пр.), обсуждения их эффективности в реализации таких целей, как позиционирование обозначенных объектов и стимуляция роста регионального имиджа. Авторы полагают, что эти цели взаимосвязаны и потому стоит рассмотреть подробнее организационные, коммуникационные, маркетинговые усилия, предпринимаемые на отдельно взятых территориях — в Республике Башкортостан и Республике Тыва — в отношении предложения услуг в области рекреации и туризма.

На территории Башкортостана и Тувы локально расположены национальные парки, природные парки, биосферные заповедники, геопарки и другие объекты, которые являются природоохраняемыми зонами и имеют особый статус, согласно решениям правительств России и Республик Тува и Башкортостан. В данной работе рассматриваются в качестве объекта геокультурного брендинга некоторые из них, а именно — в Туве: биосферный заповедник ЮНЕСКО Убсунурская котловина, этнокультурный комплекс «Алдын-Булак», природный парк «Тыва», ааржаны и другие объекты гео-

культурного значения; и в Башкортостане: глобальный геопарк ЮНЕСКО «Янган-Тау», геопарк «Торатау», биосферный резерват ЮНЕСКО «Башкирский Урал» (включает заповедник «Шульган-Таш», национальный парк «Башкирия», природный парк «Мурадымовское ущелье» и природный заказник «Алтын-Солок»).

Авторы считают, что геокультурные объекты надо активно продвигать через инструменты интегрированных маркетинговых коммуникаций, рекламу и PR, например. Одним из перспективных объектов геокультурного брендинга, в полной мере демонстрирующим возможности этого инструмента как одного из методов позиционирования региона, области, края, страны в целом, считаются геопарки. В мире на сегодняшний день насчитывается 177 объектов, позиционированных как геопарки, в 46 странах¹. Процесс оформления статуса геопарка отслеживается ЮНЕСКО и сопровождается формальными процедурами и требованиями со стороны этой организации. В последние десятилетия, реализуя провозглашенную ЮНЕСКО концепцию сохранения реестра памятников культуры и природы, в России стали использовать формат геопарка как модель сохранения и использования элементов георазнообразия различных регионов². Для потенциально привлекательного сценария развития геопарка и превращения его в серьезный источник прибыли региону нужно искусственно его поддерживать за счет средств республиканского бюджета, как это нередко происходит с природными парками.

Тема геокультурного брендинга сегодня актуальна, поскольку в геокультурном пространстве России существует определенная конкуренция между субъектами федерации, региональными образованиями, областями и т. д., во-первых, за привлечение внимания федеральных органов власти, так как именно они субсидируют часть сохранения и воспроизводства услуг в области культуры и геокультурного наследия, а, во-вторых, за привлечение внимания потребителей услуг внутреннего туризма к объектам рекреационно-культурной сферы. В России, в отличие от других стран, активно развивающих коммерческие рекреационные и туристические услуги, финансирование этой сферы очень сильно зависит от административного контроля и не приходится говорить о большом интересе инвесторов к объектам туристической сферы в регионах. Оставшаяся от советского периода система санаторно-курортного отдыха и система культурно-оздоровительных центров (санаториев, оздоровительных курортов, детских лагерей, парков культуры и отдыха и пр.) остается сегодня основой для восстановления и организации этих услуг.

Цель данного исследования — анализ места и роли объектов геокультурного значения на отдельных территориях Тувы и Башкортостана с точки зрения геокультурного брендинга как инструмента продвижения.

В задачи работы входят: уточнение понятия и содержания геокультурного брендинга, исходя из существующих теоретических позиций; анализ туристических услуг и проблемы развития туристического бизнеса в Туве и Башкортостане; мониторинг текущего состояния и перспектив наращивания информационно-коммуникационного потенциала объектов геокультурного значения Тувы и Башкортостана; изучение фирменного стиля объектов геокультурного значения Тувы и Башкортостана; формулировка предложений в области эффективного использования коммуникативных инструментов с целью продвижения имиджа региона.

Источниковой базой исследования выступили официальные документы, научные исследования по проблеме, контент сайтов, а также данные мониторинга общественного мнения относительно

¹ UNESCO Global Geoparks (UGGp) [Электронный ресурс] // ЮНЕСКО. URL: <https://en.unesco.org/global-geoparks> (дата обращения: 14.05.2022).

² На сегодняшний день решениями субъектов Российской Федерации создано 4 геопарка: «Алтай» (Республика Алтай) в 2015 г., «Ундория» (Ульяновская область) в 2018 г., «Янган-Тау» в 2017 г., «Торатау» в 2018 г. (Республика Башкортостан). Готовятся проекты геопарков в Ленинградской области (геопарк «Ингермаландия»), Республике Северная Осетия-Алания (геопарк «Горы Осетии»), Республике Саха (Якутия) (геопарки «Мирный» и «Кембрий») и еще ряде регионов Российской Федерации. Единственный геопарк, вошедший в сеть глобальных геопарков ЮНЕСКО — это геопарк «Янган-Тау» (Республика Башкортостан). Кроме того, здесь функционирует и геопарк «Торатау». Правительством Республики Башкортостан выделено миллиард рублей на развитие этих геопарков, 500 млн из которых будет освоено в 2022 г. См.: В развитие двух геопарков в Башкирии планируют инвестировать 920 млн рублей [Электронный ресурс] // Коммерсант. 2020, 10 декабря. <https://www.kommersant.ru/doc/4605783> (дата обращения 25.01.2022).

осведомленности о зонах отдыха, рекреации, санаторного лечения по двум территориальным единицам Российской Федерации — Республике Башкортостан и Республике Тыва. В исследовании были использованы данные опроса жителей Тувы относительно развития объектов туристической и рекреационной сферы, который проходил 11–17 декабря 2021 г. в онлайн-формате среди пользователей популярных социальных сетей Instagram и Facebook¹, а также «ВКонтакте» и «Одноклассники». Его результаты были недавно опубликованы в местной газете «Тувинской правде»². В анкетировании приняло участие более 600 жителей Тувы в возрасте от 18 до 54 лет. Также авторами был проведен опрос жителей Башкортостана на базе ресурса anketolog.ru 15–16 февраля 2022 г. В нем приняло участие 175 чел. в возрасте от 18 до 65 лет из разных районов республики. В опросе приняли участие слушатели курсов повышения квалификации «Менеджмент в сфере культуры и искусства» Башкирского государственного университета (25 человек), а также участники опроса в рамках формирования стратегии развития геопарка «Торатау».

Геокультурный бренд, бренд территории или бренд дестинации?

Геокультурный брендинг — это проектно-сетевая деятельность, направленная на прикладное использование геокультуры территории и ее результатов — историко-культурного наследия, географических образов, локальных мифов, культурных ландшафтов в целях формирования и продвижения социально значимого и аттрактивного территориального образа³. Д. Н. Замятин утверждает, что геокультурный брендинг реализуется в «геометрической прогрессии медиапространства, наблюдаемой нами при переходе от физико- и культурно-географических слоев к метагеографическому» (Замятин, 2013: 12). Объектом геокультурного бренда являются наиболее значимые образы территории, которые взяты за основу измерения узнаваемости территории, ее имиджевых характеристик, мониторинга мнения общественности относительно характеристик этой территории, то есть всех коммуникационных ресурсов относительно данного объекта. Геокультурное пространство как объект геокультурного бренда в структуре имеет и географические показатели развития ландшафта, и социально-экономические характеристики развития общества, и культурно-историческую уникальность местности (Замятин, 2013; Дианова, Дианов, 2020).

Существует много исследовательских позиций по изучению брендинга территорий и инструментов его измерения. В частности, можно обратиться к работам С. Анхольта, который ввел понятие *Nation branding* 'национальный бренд', подразумевая под ним бренд конкретной территории, страны в целом (Anholt, 2005, 2008). Территориальный бренд больше ориентирован на социально-экономические показатели развития региона, на достижение поставленных местным менеджментом задач.

Необходимо также подчеркнуть, что кроме понятия территориальный бренд существует еще понятие «дестинация», или «туристическая дестинация» как объект маркетинга территорий. Оно подразумевает под собой объекты внимания туристической целевой аудитории. А. М. Гогленков подчеркивает существенную разницу между понятиями: «Территория (place) — это страна, регион или город с четкими административными границами, в то время как дестинация — это цель поездки туриста, которая может быть и трансграничной в политическом и административном отношении»⁴.

Взяв за основу имеющиеся подходы к определению брендинга территории, дестинации, геокультурного пространства, мы пришли к выводу, что, несмотря на явную близость этих понятий, есть существенное отличие и в цели продвижения, и в содержании деятельности по продвижению в каждом отдельном случае.

При оценке регионального бренда можно использовать инструменты оценки интегрированных маркетинговых коммуникаций по следующим показателям: по мониторингу количества обращений и обратной связи в интернет-пространстве (сайт компании, страницы в социальных сетях, чаты в

¹ Компании Meta (США), признанной в РФ с 21 марта 2022 г. экстремистской и запрещенной в стране. — ред.

² ЦУР: 74% респондентов считают реализацию ИПСЭР Тувы эффективной, но мало освещенной [Электронный ресурс] // Тувинская правда. 2022, 11 февраля. URL: <https://tuvpravda.ru/novosti/tsur-74-respondentov-schitaiut-realizatsiiu-ipser-tuvy-effektivnoi-no-malo-osveshchennoi/> (дата обращения: 15.02.2022).

³ Замятин Д. Н. Мировое комплексное регионоведение. Введение в специальность: учебник / под ред. А. Д. Воскресенского. М.: Магистр; ИНФРА-М, 2015. С. 410.

⁴ Гогленков А. М. Брендинг туристских дестинаций как направление территориального брендинга // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 7–2(47). С. 82.

мессенджерах и др.); по увеличению притока туристов в обозначенные зоны рекреационной деятельности конкретной местности; по увеличению дохода в сезон активности туристической деятельности от сферы ресторанного бизнеса и т. п.

Таким образом, взяв за основу инструментарий брендинга, мы можем оценить эффективность основных коммуникационных каналов продвижения объектов геокультурного значения на отдельных территориях. Базой исследования для подобной оценки в работе явились территории Республики Тыва и Республики Башкортостан.

Туризм Тувы и Башкортостана

Для наглядной демонстрации потенциала развития геокультурного брендинга на территории Башкортостана и Тувы необходимо обратиться к характеристике туристического потенциала этих регионов, так как развитие геокультурного брендинга должно основываться на туристической привлекательности региона. Без потребителей услуг геокультурного брендинга нельзя построить успешную модель продвижения территории.

В обеих республиках развитие туризма определяется особым природным ландшафтом — наличием уникальных природных объектов, памятников истории, культуры и искусства, а также развивающейся туристической инфраструктурой в виде гостиниц, кемпингов, санаториев, горнолыжных курортов российского и международного значения.

К.-Д. К. Ооржак справедливо отмечает, что «Республика Тыва — уникальный регион, родина одной из крупнейших рек России и самой полноводной реки Восточной Сибири — Енисея. Выгодное геополитическое положение, первозданная природа, значительная минерально-сырьевая база, большое количество природных и археологических памятников, обширные охотничьи угодья, высокий культурный потенциал Тувы — основа для развития российского и международного туризма» (Ооржак, 2019: 27). На территории Тувы расположены 2 заповедника (включая биосферный заповедник ЮНЕСКО «Убсунурская котловина»), природный парк «Тыва», 14 государственных природных заказников, 15 памятников природы, 34 группы минеральных источников и 11 солено-грязевых озер¹. М. С. Маадыр пишет о примерно 100 источниках различного лечебного свойства (Маадыр, 2013).

Что касается уникальных предложений в сфере туризма Тувы, то к ним можно отнести этнотуризм (Мадюкова, 2018: 73) и глэмпинг-туризм («быстровозводимый» с возможностью временного размещения зоны отдыха). Как отмечает Е. О. Малышева, «Тыва как привлекательная дестинация имеет множество локаций, подходящих для глэмпинг-туризма. Это Тере-Хольский район, где находится объект всемирного наследия ЮНЕСКО на одноименном озере — крепость «Пор-Бажын», Каа-Хемский район, Тоджинский район — озеро Азас, Эрзинский район — озеро Торе-Холь и т. д.» (Малышева, 2020: 35).

Но существуют следующие проблемы: неразвитость инфраструктуры туризма, отсутствия предложения на имеющийся спрос на услуги в области новых туристических услуг (маршруты, кемпинги, экскурсоводческое мастерство, наличие материальной базы и т. п.); отсутствие инвестиций в эту область, что неудивительно — без грамотной информационной кампании и *invest relations* (инвестиционных мероприятий) трудно привлечь инвестора в сферу, о которой он не знает ничего; необходимость повышения квалификации персонала, обслуживающего объекты туристического бизнеса; сезонность предложений в сфере туризма (Ооржак, 2019: 27).

На территории Республики Башкортостан также активно начинает развиваться такая форма рекреации как этнотуризм. Погружение в быт башкирской деревни (этно-деревни, этнофермы и т. д.), участие в национальных праздниках (сабантуй, каргатуй и др.), выездные фольклорные фестивали помогают туристу ощутить национальный колорит республики и являются, несомненно, уникальным предложением.

Если коснуться наиболее известных объектов туристического и санаторно-курортного отдыха в республике, то можно сначала упомянуть санатории с разнообразными предложениями в сфере

¹ Стратегии развития туризма в Республике Тыва на период до 2030 года [Электронный ресурс] // Официальный портал Правительства Республики Тыва. URL: <http://www.npa.rtyva.ru/page/2544.html> (дата обращения: 18.02.2022).

оздоровления (грязелечение, минеральные источники и пр.). Р. Р. Шайахметов отмечает, что наиболее популярными с точки зрения санаторно-курортного лечения являются санатории Красноусольский и Янган-Тау (Шайахметов, 2019: 317–318), общая доля дохода от которых составляет 44% от общей прибыли от санаторно-курортного лечения в республике. При этом есть предложения уникальных услуг в области оздоровления от других учреждений, которые не находят должного внимания со стороны потребителей — это такие санатории как Юматово, Красный Ключ, Ассы и др. В этой же работе отмечается недостаточное внимание в республике к исследованию рынка санаторно-курортного лечения для более интенсивного развития этой перспективной отрасли экономики.

Из горнолыжных курортов наиболее известным является курорт Абзаково, оснащенный по самым высоким стандартам необходимым оборудованием и имеющий большую территорию. Другие горнолыжные курорты менее развиты и не известны за пределами республики. Здесь, скорее, проблема заключается в недостаточных инвестициях в эти курорты и отсутствии предпринимательского интереса местного населения.

Как отмечает Н. Э. Хайретдинова, сегодня существуют проблемы недостаточного информационного освещения туристических услуг в республике и для успешного развития туризма вообще, и геотуризма в частности, в Башкортостане и за пределами республики необходимы более планомерные усилия в области укрепления региональных брендов, создания более насыщенной информационной платформы продвижения объектов геотуризма, в частности, она пишет, что «требуется большая работа с федеральными СМИ, грамотное “вторжение” в интернет-пространство и пр.» (Хайретдинова, 2018: 50).

В 2017 г. начала свою работу рабочая группа по созданию туристического бренда Республики Башкортостан «Терра Башкирия», которая поставила своей целью идею продвижения бренда за пределы республики и страны в целом. Проект был успешно реализован в 2018 г. и получил множество наград¹. Благодаря «Терра Башкирия» о республике узнали за рубежом как об единственном месте в России, где все еще сохранилось бортничество (сбор меда диких пчел), где есть пещера Шульган-Таш, в которой сохранились наскальные рисунки эпохи палеолита (их в Евразии всего три) и других уникальных предложениях в сфере туризма и рекреации, информация о которых постоянно обновляется на сайте проекта.

Так, предложения в сфере туризма в обоих республиках очень схожи — это такие виды как экотуризм, этнотуризм и геотуризм. Очевидна связь развития туристического потенциала с разработкой концепции социально-экономического развития региона. Органы регионального управления активно участвуют в оформлении статуса туристическо-рекреационных зон. Есть отличия, связанные с наличием или отсутствием геопарков, о чем речь пойдет ниже.

Информационная открытость

Информационная доступность объектов геокультурного пространства региона — важнейшее условие его эффективного продвижения. Без должной коммуникационной стратегии сложно продвигать любой товар, тем более такой сложный в определении, как геопарк (Keller, 1999: 103).

С одной стороны, существует конкретный объект, который имеет несомненную привлекательность с точки зрения рекреации и туризма и может быть конкурентоспособным на рынке аналогичных услуг наряду с признанными мировыми рекреационными зонами. С другой стороны, политику открытой коммуникации больше всего тормозят не запреты или недостаток резервных услуг, а именно недостаточная информированность потребителя в необходимости и уникальности этих услуг. Например, отсутствие информации о турах, сервисе и сопровождающих элементах гостеприимства (о наличии мест для кемпинга и пунктов быстрого питания, об особенностях местной кухни и т. п.) сдерживает потребительский интерес туристов в отношении этого направления предложений.

Для российских территорий, занятых формированием перспективного туристического кластера, очевидна проблема информационной закрытости, низкой осведомленности потенциальных по-

¹ Терра Башкирия [Электронный ресурс] // Рахим итегез. Уфа и Башкортостан в цифрах. 2018, 26 апреля. URL: <http://rahimitegez.ru/terra-bashkiria/> (дата обращения 9.02.2022); Мы трехкратные чемпионы! [Электронный ресурс] // Terra Bashkiria. 2021, 15 ноября. URL: <https://terrabashkiria.ru/novosti/my-troekratnye-chempiony/> (дата обращения 9.02.2022).

требителей — жителей региона и туристов из других регионов и стран о геокультурных особенностях и перспективах развития туризма в регионах. Эта ситуация характерна для всех регионов, где есть предложение, но спрос не активирован.

Например, жители Тувы в опросе 2021 г. отметили недостаток информации по вопросам, связанным с наличием или обновлением мест для рекреации и оздоровления¹. Подобная ситуация наблюдается и в осведомленности населения Башкортостана о геопарке «Янган-Тау» на территории Салаватского района республики. Восприятие геопарка традиционно связано с санаторием «Янган-Тау» и уникальными целебными свойствами источников, находящихся на его территории, а не с действующими объектами геопарка, такими как музей, туристические маршруты и пр. Опрос жителей разных районов Республики Башкортостан 2022 г. показал, что имеют представление о том, что такое геопарк, большинство опрошенных — 70,8% ответили верно. 29% ответили, что это образ территории, а не визит-центр под открытым небом.

На вопрос о том, необходимы ли региону геопарки и дают ли они ощутимый эффект для роста имиджа региона, положительно ответили 87,5%, только 4% сочли, что никакого эффекта нет. Половина опрошиваемых (50%), кроме геопарка «Янган-Тау», смогла опознать и определить как российский геопарк «Алтай». Результат говорит о том, что жители Республики Башкортостан не знают какие есть в России геопарки, сколько их всего.

Похожая картина осведомленности населения о развитии туристической и рекреационной сферы региона наблюдается и в Республике Тыва. Согласно данным опроса февраля 2021 г., жители республики достаточно хорошо осведомлены о возможностях развития туристического бизнеса в регионе и хотели бы, чтобы известные здравницы и санатории, такие как курортно-санаторный комплекс «Чедер», были восстановлены и получили финансовую поддержку. На вопрос «Поддерживаете ли вы или нет развитие сферы туризма в республике?» подавляющее большинство респондентов (90%) ответило положительно. На вопрос об определении основных форм туристического развития и необходимости их развития затруднились ответить 81% респондентов, далее по убывающей были названы следующие объекты туристического внимания — озеро Чедер (5%), горнолыжный спорт (4%), экотуризм (3%), экофермы (3%), фестивали живой музыки (2%) и развитие автокемпингов (1%). Данные опроса свидетельствуют о недостаточной осведомленности опрошиваемых относительно развития брендов региона или об отсутствии альтернативных ответов в опроснике².

В Республике Башкортостан в период с 2015 г. по настоящее время наблюдается интерес к теме создания и развития геопарков на территории республики, и не в последнюю очередь это было связано не только с усилиями местного географического сообщества, но и со стремлением руководящих органов (местных и республиканских) способствовать росту территориального имиджа. За этот период только по данным Научной электронной библиотеки (elibrary.ru) насчитывается порядка 200 работ научно-исследовательского характера по теме развития геопарков в Республике Башкортостан. Надо отметить, что это показатель интереса научного сообщества, который свидетельствует о росте популярности темы развития геопарков и теоретическому обоснованию целесообразности такой работы (напр.: Акбашев и др., 2018; Ардисламов, 2017; Фахрутдинов и др., 2018; и др.).

Работ научно-исследовательского характера по тувинскому туризму, в том числе различным объектам, геопаркам, в базе Научной электронной библиотеки (elibrary.ru) за этот период гораздо меньше (напр.: Малышева, 2020; Ооржак, 2019; Мадюкова, 2018; и др.).

Мы видим, что проблемы у обоих регионов достаточно схожие: отсутствие должного информационного освещения, недоступность информации и пр.

Фирменный стиль

Бренд — это видимый образ, узнаваемый потребителями и в перспективе создающий устойчивую лояльность к продукту / услуге (Keller, 1999: 102). Визуализация в форме фирменного стиля хорошо знакома потребителям по мировым брендам, широко распространяемым СМИ в форме рекламы. Брендирование является уже следующим этапом по целенаправленному формированию комплекса

¹ ЦУР: 74% респондентов считают реализацию ИПСЭР Тувы эффективной, но мало освещенной [Электронный ресурс] // Тувинская правда. 2022, 11 февраля. URL: <https://tuvpravda.ru/novosti/tsur-74-respondentov-schitaiut-realizatsiiu-ipser-tuvy-effektivnoi-no-malo-osveshchennoi/> (дата обращения: 15.02.2022).

² Там же.

представлений о каких-то объектах природы или культуры. Сначала эти представления складываются историческим образом, базируются на мифологии, истории данной территории, как в случае с брендами геопарков, и лишь потом профессионально закрепляются на материальных носителях (в символике, логотипе, фирменном стиле и пр.). Возможно, в самом начале своего развития это были места поклонения, места, с которыми связывали определенные события в историческом и культурном аспектах. Сейчас же в большинстве своем геопарк — это сложный симбиоз образов, которые, наслаиваясь, представляют единый объект с точки зрения и географической, и культурной, и исторической, и мифологической.

В современном представлении продвижение объекта рекреационно-туристической сферы должно осуществлять планомерное, системное воздействие на потребителя (массово — это посетители, единично — это инвесторы, возможно, ученые) таким образом, чтобы сложилась устойчивая ассоциация с обозначенными символами — фирменным стилем. Последний трактуется нами как единство элементов стиля, которые идентифицируют принадлежность к конкретной организации всего, на чем размещается информация об объекте изучения (товары, средства коммуникации, например, оформление деловых коммуникаций, шаблоны презентаций; коммуникационные сообщения — сообщения в СМИ, реклама, информационные стенды; визуальное оформление — логотип, товарный знак, интерьер, экстерьер). При этом, конечно, надо находить такие параллели ассоциаций, которые напрямую указывали бы на объект бренда, либо отражали бы сущность уникальных условий деятельности объекта геокультурного значения.

Стоит рассмотреть элементы того, что является фирменным стилем некоторых из объектов рекреационной и туристической деятельности, или может стать таковым.

На территории Тувы есть биосферный заповедник ЮНЕСКО и одновременно объект всемирного природного наследия ЮНЕСКО «Убсунурская котловина»¹.

В его символике — логотипе в официальных СМИ, социальных сетях, на флаге, вымпеле (рис. 1) — отражается уникальность природного ландшафта. Здесь расположен так называемый «парад ландшафтов», когда одновременно на низменности находятся глинистые и песчаные пустыни, на подгорных равнинах — сухие степи, на верхней его части по склонам гор

степи переходят в лесостепи, затем — в лиственничные и кедровые леса, еще выше — альпийские тундры и ледники. Соответственно цветное оформление: желтая полоса символизирует степные и пустынные, зеленая — таежные, синяя — горы с белыми вершинами-ледниками — высокогорья. То есть логотип символизирует все природные зоны — от степей и пустынь до тайги и вечных снегов, озеро Убсу-Нур, а также демонстрирует обитателя мест — козерога, стоящего на фоне заснеженных гор.

Природный парк «Тыва» в качестве логотипа использует изображение снежного барса — ирбиса в обрамлении снежных вершин². Снежный барс является мифологическим животным, священным для народа, проживающего на данной территории. Логотип органично отражает уникальность парка, в котором можно встретить не только этого представителя фауны Тувы, но и многие виды редких исчезающих животных и птиц (рис. 2).

Рис. 1. Логотип природного биосферного заповедника «Убсунурская котловина», с главной страницы официального сайта заповедника.

Fig. 1. The Ubsunur Hollow Natural Reserve: the logo from the reserve's official website.

Рис. 2. Логотип природного парка «Тыва», с сайта администрации Кызылского кожууна.

Fig. 2. The Tuva Nature Park logo, from the website of the Kyzyl Kozhuun regional authority.

¹ Убсунурская котловина. Государственный природный биосферный заповедник. Официальный сайт: <https://ubsunurtuva.ru/>

² РГБУ «Природный парк «Тыва» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Администрации Кызылского кожууна. 2018, 14 декабря. URL: <https://kuzulsky.rtyva.ru/events/4307/> (дата обращения 9.02.2022).

Рис. 3. Вид на этнокультурный комплекс «Алдын Булак». Фото А. Папына, 2014 г.
Fig. 3. A view over the Aldyn Bulak ethnocultural facility, photo by A. Papyn, 2014.

Этнокультурный комплекс «Алдын-Булак», выстроенный в 2011 г. на берегу Енисея, изначально несет в себе оригинальное решение фирменного стиля в виде макета движения планет в солнечной системе и содержит в себе отсылку к восточному учению Фэн-шуй. Живописное расположение юрт с национальным тувинским орнаментом на высокой площадке отразилось и в фирменной символике, в информационных сообщениях, где присутствует изображение этого комплекса, статуи Будды, знамен «Сульде» и др. Комплекс удачно сочетает в себе современное решение визуализации туристических услуг через связь с национальной культурой.

Рассмотрим также элементы фирменного стиля геокультурных объектов Башкортостана.

Рис. 4. Логотип геопарка «Янган-Тау» с официального сайта геопарка.
Fig. 4. The Yangan Tau Geopark logo, from the park's official website.

Геопарк «Янган-Тау»¹, это в первую очередь устойчивая территория, где можно увидеть все пласты геологической истории и их связь с культурным наследием. Это отражается в уже сложившемся фирменном стиле геопарка, в том числе логотипе (см. рис. 4). В оформлении сайта и социальных страниц присутствуют прообразы наскальных рисунков, отражена природная красота ландшафта.

При разработке фирменного стиля для продвижения государственного природного биосферного заповедника «Шульган-Таш»² разработчики обратились к геологическому и археологическому прошлому этой местности и его результатам — наскальным рисункам в пещере Шульган-Таш (см. рис. 5). Символика заповедника основана на образцах наскальных рисунков, что имеет прямую ссылку на объект имиджирования.

На логотипе биосферного резервата ЮНЕСКО «Башкирский Урал» изображена уникальная природа Башкортостана (рис. 6)³. В обращении к посетителям парка на сайте указано, что «чистый воздух, зеленые горы, прозрачно-голубые реки — все это природное наследие мы должны сохранить совместными усилиями»⁴.

¹ Официальный сайт геопарка «Янган тау»: <http://geopark-yangantau.ru/>

² Официальный сайт природного биосферного заповедника «Шульган-Таш»: <https://shulgan-tash.ru/>

³ Башкирский Урал [Электронный ресурс] // Заповедники и Национальные парки мира. URL: <http://reserves-park.ru/zapovedniki/biosfernye/100-bashkirskij-ural.html> (дата обращения: 11.01.2022).

⁴ Утвержден логотип биосферного резервата «Башкирский Урал» [Электронный ресурс] // Башинформ. 2013, 12 декабря. URL: <https://www.bashinform.ru/news/economy/2013-12-12/utverzhdn-logotip-biosfernogo-rezervata-bashkirskij-ural-2195936> (дата обращения: 11.01.2022).

Рис. 5. Логотип Государственного природного биосферного заповедника «Шульган-Таш», с официального сайта заповедника.
Fig. 5. The logo of the Shulgán Tash State Biosphere Reserve, from the reserve's official website.

Рис. 6. Логотип биосферного резервата ЮНЕСКО «Башкирский Урал», с сайта «Заповедники и национальные парки мира».
Fig. 6. The logo of the Bashkirsky Ural UNESCO wildlife reserve, from the «Reserves and national parks of the world» website.

На наш взгляд, рассмотренные в исследовании части визуального отображения фирменного стиля именно в логотипе отражают общую цель объектов геокультурного брендинга — сохранения и продвижения уникального геокультурного наследия — ландшафта, флоры и фауны, культурных памятников. Логотипы представленных объектов удачно отражают эту специфику, но, как нам кажется, есть проблема в использовании этого важного компонента в продвижении туристических услуг. Логотипы чаще всего размещены на официальном сайте или даже на сторонних ресурсах, аккумулирующих информацию по предложениям в сфере туризма, но не более того. Необходимо более полномасштабное использование визуальных элементов фирменного стиля в СМИ и на информационных носителях (стенды, плакаты, реклама, официальные документы и т.д.). Широкомасштабное использование единой символики продвигаемого объекта помогает идентифицировать потребителю туристических услуг эти объекты только по изображению логотипа, например.

От удачного фирменного стиля, частью которого является логотип, многое зависит. Фирменный стиль — это маркетинговый продукт. Он должен не только закрепить уникальность предложения в сознании потребителей, туристических услуг, к примеру. Он должен вызывать положительный отклик и интерес, перерастающий в постоянный спрос на подобные услуги. Если посетители парка с удовольствием делятся снимками в социальных сетях, точкой географического расположения на картах, при этом указывая ссылку на сайт компании или другие информационные ресурсы, у них постоянно должна «всплывать» картинка с логотипом компании для идентификации продукта/услуги с фирменным стилем.

Создание уникального торгового предложения

Для эффективного продвижения туристических услуг необходимо использовать такой инструмент как уникальное предложение. В случае с геопарками идея уникальности заложена в само его существование как условие присвоения статуса геопарка. Это обязательно определенное сочетание различных характеристик, требуемых для его функционирования: климатическая зона, природные ресурсы, особый ландшафт, присутствие уникальных геологических объектов, наличие культурных памятников и др. Поэтому авторы особенно отмечают важность развития геопарков.

Продвижение туристических услуг предполагает активное развитие сферы обслуживания. Для функционирования объекта геокультурного брендинга мало того, чтобы все о нем знали, необходимо, чтобы была возможность познакомиться с этим объектом, почувствовать все его преимущества. И тут на первый план выходит его маркетинговая привлекательность — будет ли окупаемой эта сфера деятельности?

Так, геопарки Китая интенсивно развиваются, поскольку инвесторы видят в них прежде всего источник прибыли. Инвесторы в данном случае видят перспективу вложения средств в саму инфраструктуру геопарков, которая предполагает создание и расширение новых услуг в сфере туристического бизнеса. Это могут быть новые туристические маршруты, тематически связанные с историей или мифологией края, новая программа сезонного отдыха, новые виды экстремального

спорта, реализуемые на территории геопарка и пр. Для эффективного продвижения новых услуг — будь то новый маршрут или новый туристический комплекс, новый аттракцион в геопарке, управляющие структуры геопарка проводят активные рекламные и PR-кампании через СМИ. К сожалению, такой согласованности действий между бизнесом и руководством геокультурных объектов в России пока нет.

Этот сценарий можно пройти последовательно с геопарками на территории России. Для начала необходимо найти уникальный для этой сферы объект.

Например, геопарк «Торатау» в Республике Башкортостан — это пересечение практически всех видимых геологических пластов, он располагается на границе четырех административных районов республики и имеет на своей территории разнообразные памятники (геологический разрез Усолка — эталон («золотой гвоздь») сакмарского яруса пермской системы Международной стратиграфической шкалы, шиханы Торатау, Юрактау, Куштау, гора Мамбет, Киндерлинская пещера, водопад Кук-Караук). Для более эффективного продвижения услуг геопарка в данном случае, необходимо вести активную информационную политику через СМИ. Причем сотрудничать необходимо не только с отраслевыми изданиями, но и с туристическими фирмами, участвовать в выставках и конференциях с целью позиционирования и геопарка и его услуг.

Этнокультурный комплекс «Алдын булак» в Туве довольно активно ведет свою информационную политику через СМИ, став одним из пионеров этнокультурного направления в сибирском регионе. Об этом свидетельствует тот факт, что по запросу о комплексе в Интернете выходит большое количество предложений в сфере коммерческих услуг — как туристического характера, так и услуг ресторанного, гостиничного бизнеса, по подготовке и проведению специальных мероприятий.

На наш взгляд, уникальное торговое предложение в объектах геокультурного значения — парках, геопарках и других объектах Тувы и Башкортостана уже появилось и развивается. Есть проблема, выраженная в недостаточных усилиях в деле продвижения этих услуг — туристического, рекреационного, социально-культурного характера. В плане мероприятий, которые проводят администрации объектов геокультурного значения, заложены и услуги по прокладыванию и освоению новых туристических маршрутов и культурно-массовые мероприятия (семинары, фестивали и пр.). Об этом свидетельствуют информационные площадки — сайты, страницы в социальных сетях. Также есть предпосылки для создания мест досугового характера — спортивных лагерей, гостиниц и ресторанов с национальным меню и культурой гостеприимства.

Заключение

Рассмотренный опыт формирования брендов геокультурных объектов республик Тыва и Башкортостан показывает, что, представленные данные сравнительного анализа в рамках исследования относительно развития туристического бизнеса в республиках испытывают практически идентичные проблемы — нехватку инвестиций, информационную изолированность от СМИ, проблему продвижения фирменного стиля и пр. Как нам кажется, одной из практик решения подобных проблем могло бы стать переформатирование объектов геокультурного значения под образец геопарка, обоснованием является то, что геопарк также является более прибыльным проектом по сравнению с другими формами организации геокультурных объектов. Перспективы развития геокультурного брендинга в России видятся нам как самые позитивные, так как в последнее время заметно возрос интерес к внутреннему туризму в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акбашев, А. Р., Абдрашитов, Р. Х., Ардисламов, Ф. Р., Белан, Л. Н., Богдан, Е. А., Полежанкина, П. Г., Фархутдинов, И. М., Фархутдинов, А. М. (2018) Геопарк «Янган-тау» // Геологический вестник. № 1. С. 3–12. DOI: <https://doi.org/10.31084/2619-0087/2018-1-1>

Ардисламов, Ф. Р. (2017) Геологические памятники природы и меры по их охране и рациональному использованию в Республике Башкортостан // Вестник Башкирского университета. Т. 22. № 2. С. 418–423.

Дианова, Ю. В., Дианов, С. А. (2020) Ярмарочное прошлое и настоящее для геокультурного брендинга уральских городов // Человек и культура. № 3. С. 60–72. DOI: <https://www.doi.org/10.25136/2409-8744.2020.3.32836>

Замятин, Д. Н. (2013) Геокультурный брендинг территорий: концептуальные основы // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. № 5. С. 11–23.

Маадыр, М. С. (2013) Аржааны Тувы в контексте развития туристско-рекреационных зон // Новые исследования Тувы. № 4. С. 151–154.

Мадюкова, С. А. (2018) Ментальные и этнопсихологические особенности тувинцев в системе детерминант развития Республики Тыва (на примере этнотуризма) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 72–94. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.4>

Мальшева, Е. О. (2020) Этнокультурный туризм в туристской дестинации (на примере Республики Тыва) // Сервис plus. Т. 14. № 3. С. 31–37. DOI: <https://doi.org/10.24411/2413-693X-2020-10304>

Ооржак, К.-Д. К. (2019) Кластерный потенциал развития туризма в Республике Тыва // Вестник Тувинского государственного университета. № 1(40). С. 26–36.

Фархутдинов, И. М., Белан, Л. Н., Фархутдинов, А. М., Исмагилов, Р. А., Богдан, Е. А. (2018) Геопарк ЮНЕСКО как потенциал культурного и экономического развития // Разведка и охрана недр. № 4. С. 50–54.

Хайретдинова, Н. Э. (2018) Геотуризм в Башкортостане: анализ материалов СМИ и некоторые выводы // Экономика Центральной Азии. Т. 2. № 1. С. 43–54. DOI: <https://doi.org/10.18334/asia.2.1.39074>

Шайахметов, Р. П. (2019) Лечебно-оздоровительный туризм в Башкортостане, проблемы эффективности и аспекты территориального развития // Азимут научных исследований: экономика и управление. Т. 8. № 2(27). С. 371–373. DOI: <https://doi.org/10.26140/anie-2019-0802-0093>

Anholt, S. (2005) Anholt nation brands index: How does the world see America? // Journal of Advertising Research. № 45. P. 296–304.

Anholt, S. (2008) Editorial Place branding: Is it marketing, or isn't it? // Place Branding and Public Diplomacy. Vol. 4, no. 1. P. 1–6. DOI: <https://doi.org/10.1057/palgrave.pb.6000088>

Keller, K. L. (1999) Managing Brands for the Long Run: brand reinforcement and revitalization strategies // California management review. Vol. 41. No. 3. Spring. P. 102–124.

Дата поступления: 17.02.2022 г.

REFERENCES

Akbashev, A. R., Abdrashitov, R. Kh., Ardislamov, F. R., Belan, L. N., Bogdan, E. A., Polezhankina, P. G., Farkhutdinov, I. M. and Farkhutdinov, A. M. (2018) Geopark «Iangan-tau» [The Yangan Tau Geopark]. *Geologicheskii vestnik*, no. 1, pp. 3–12. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31084/2619-0087/2018-1-1>

Ardislamov, F. R. (2017) Geologicheskie pamiatniki prirody i mery po ikh okhrane i ratsional'nomu ispol'zovaniuu v Respublike Bashkortostan [Geological monuments of nature and measures for their protection and rational use in the Republic of Bashkortostan]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, vol. 22, no. 2, pp. 418–423. (In Russ.).

Dianova, Yu. V. and Dianov, S. A. (2020) Iarmarochnoe proshloe i nastoiashchee dlia geokul'turnogo brendinga ural'skikh gorodov [Past and present of the fair in geocultural branding of Ural cities]. *Man and Culture*, no. 3, pp. 60–72. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25136/2409-8744.2020.3.32836>

Zamiatin, D. N. (2013) Geokul'turnyi brending territorii: kontseptual'nye osnovy [Geocultural branding of territories: conceptual foundations]. *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy*, no. 5, pp. 11–23. (In Russ.).

Maadyr, M. S. (2013) Arzhaany Tuvy v kontekste razvitiia turistsko-rekreacionnykh zon [Tuvan arzhaans in context of developing the touristic and recreation zones]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 151–154. (In Russ.).

Madiukova, S. A. (2018) Mental'nye i etnopsikhologicheskie osobennosti tuvintsev v sisteme determinant razvitiia Respubliki Tyva (na primere etnoturizma) [Mental and ethno-psychological features of Tuvans within the system of development determinants of the Republic of Tuva: the case of ethno-tourism]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 72–94. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.4>

Malysheva, E. O. (2020) Etnokul'turnyi turizm v turistskoi destinatsii (na primere respubliki Tyva) [Ethno-cultural tourism in tourist destination (On the example of the Republic of Tuva)]. *Servis plus*, vol. 14, no. 3, pp. 31–37. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24411/2413-693X-2020-10304>

Oorzhak, K.-D. K. (2019) Klasternyi potentsial razvitiia turizma v respublike Tyva [Cluster potential of tourism development in the Republic of Tyva]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1(40), pp. 26–36. (In Russ.).

Farkhutdinov, I. M., Belan, L. N., Farkhutdinov, A. M., Ismagilov, R. A. and Bogdan, E. A. (2018) Geopark YuNESKO kak potentsial kul'turnogo i ekonomicheskogo razvitiia [The UNESCO geopark as a potential of cultural and economic development]. *Razvedka i okhrana nedr*, no. 4, pp. 50–54. (In Russ.).

Khairtdinova, N. E. (2018) Geoturizm v Bashkortostane: analiz materialov SMI i nekotorye vyvody [Geotourism in Bashkortostan: analysis of media materials and some conclusions]. *Ekonomika Tsentral'noi Azii*, vol. 2, no. 1, pp. 43–54. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.18334/asia.2.1.39074>

Shaiakhmetov, R. R. (2019) Lechebno-ozdorovitel'nyi turizm v Bashkortostane, problemy effektivnosti i aspekty territorial'nogo razvitiia [Medical and health tourism in Bashkortostan, efficiency problems and territorial development aspects]. *Azimut nauchnykh issledovani: ekonomika i upravlenie*, vol. 8, no. 2(27), pp. 371–373. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.26140/anie-2019-0802-0093>

Anholt, S. (2005) Anholt nation brands index: How does the world see America? *Journal of Advertising Research*, no. 45, pp. 296–304.

Anholt, S. (2008) Editorial Place branding: Is it marketing, or isn't it? *Place Branding and Public Diplomacy*, vol. 4, no. 1, pp. 1–6. DOI: <https://doi.org/10.1057/palgrave.pb.6000088>

Keller, K. L. (1999) Managing Brands for the Long Run: brand reinforcement and revitalization strategies. *California management review*, vol. 41, no. 3, Spring, pp. 102–124.

Submission date: 17.02.2022.

DOI: 10.25178/nit.2022.2.9

Статья

Этнодемографические характеристики молодежи в республиках Тыва и Башкортостан

Андрей Ю. Гайфуллин

Башкирский государственный университет, Российская Федерация

В статье представлены результаты сравнительного анализа этнодемографических характеристик молодежи (14–35 лет) Республики Тыва и Республики Башкортостан. Анализ включает рассмотрение статистических данных, результатов переписи 2010 г., а также результатов социологического исследования в 2021 г., проведенного на территориях республик Тыва и Башкортостан.

Установлено, что республиках наблюдается общероссийская тенденция снижения доли молодежи в общей численности населения. Территориальное расселение молодежи в республиках имеет выраженную отличительную особенность: высока доля молодежи, проживающей в сельской местности. В то же время Республика Тыва, в отличие от Республики Башкортостан, характеризуется более высокой долей молодежи, более высокими показателями рождаемости среди молодежи и увеличением с 2018 г. численности молодежи.

Отмечается размывание чувства национальной принадлежности под воздействием полиэтничного характера проживания, т. е. соседства одного этноса с другими равночисленными этническими группами. Повышение социального капитала, получение социальных гарантий и реализацию своих возможностей также определяется национальной принадлежностью.

Ключевые слова: молодежь; этнодемографическая характеристика; рождаемость; этническая принадлежность; Республика Тыва; Республика Башкортостан

Для цитирования:

Гайфуллин А. Ю. Этнодемографические характеристики молодежи в республиках Тыва и Башкортостан // Новые исследования Тувы. 2022, № 2. С. 128–142. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.2.9>

Гайфуллин Андрей Юрьевич — кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и работы с молодежью Башкирского государственного университета. Адрес: 450076, Россия, г. Уфа, ул. Карла Маркса, д. 3/4. Тел.: +7(903) 355-42-70. Эл. адрес: gayfullin_a@mail.ru

GAYFULLIN, Andrey Yuryevich, Candidate of Sociology, Associate Professor, Head, Department of Sociology and Youth Work, Bashkir State University. Postal address: 3/4 Karl Marx St., 450076 Ufa, Russian Federation. Tel.: +7(903) 355-42-70. E-mail: gayfullin_a@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-1583-6009

Ethnodemographics of youth in the republics of Tuva and Bashkortostan

Andrey Yu. Gaifullin

Bashkir State University, Russian Federation

The article presents the outcomes of a comparative analysis of youth ethnodemographics (14 to 35 years) in the Republics of Tuva and Bashkortostan, building on statistical data from the 2010 census and a sociological survey held in 2021 in both republics.

Our study has found that both regions feature the general trend of decreased share of youth in the total population breakdown. Territorially, youth in both republics is largely living in the rural areas. Unlike Bashkortostan, though, the Republic of Tuva has a larger share of youth in the age breakdown, higher fertility rate among youth, and, since 2018, an increase in the number of youth.

Also noted is the erosion of the feeling of ethnic identity under the influence of the region's multiethnicity, i. e. living in close neighborhood with other ethnic groups of similar size. It is ethnic identity which also accounts for the rise in social capital, the access to social benefits and self-actualization.

Keywords: youth; ethnodemographics; fertility rates; ethnic identity; Republic of Tuva; Republic of Bashkortostan

For citation:

Gaifullin A. Yu. Ethnodemograficheskie kharakteristiki molodezhi v respublikakh Tyva i Bashkortostan [Ethnodemographics of youth in the republics of Tuva and Bashkortostan]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 2, pp. 128-142. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.2.9>

Введение

Молодежь является особой социально-демографической группой в обществе, во многом определяющей современное состояние и, в наибольшей степени, будущее социально-экономического, общественно-политического и духовно-культурного развития любого общества. В нашей стране молодое поколение граждан всегда было и остается наиболее инициативной и мобильной частью социума, однако в каждом региональном сообществе молодежь имеет свои особые этнодемографические характеристики, которые обуславливают ее место в обществе и потенциал развития.

Статья посвящена сравнительному анализу этнодемографических характеристик молодежи двух национальных республик Российской Федерации — Тувы и Башкортостана.

Республика Тыва является одним из наиболее своеобразных регионов Российской Федерации, отличающихся от остальных, в том числе от Республики Башкортостан, показателями рождаемости, смертности, естественного прироста, миграции и других. Тем не менее, и Республика Тыва, и Республика Башкортостан являются регионами с титульным этносом и обладают выраженными этнодемографическими характеристиками развития. Население Республики Башкортостан формируют, в основном, три наиболее многочисленные этнические группы (башкиры, русские, татары), а также множество других славянских, тюркских и финно-угорских народностей. Таким образом, в

Республике Башкортостан межэтнические отношения имеют ярко выраженный полинациональный характер. Республика Тыва, наоборот, характеризуется моноэтнической средой, с невысоким уровнем этнокультурного и языкового многообразия и дифференциацией в пределах субэтнической группы тувинцев.

Целью исследования является анализ этнодемографических характеристик молодежи в республиках Тыва и Башкортостан, определение общего и отличительного в данных характеристиках, выявление наличия взаимосвязи между этническими особенностями региона и этнодемографическими характеристиками молодежи в данном регионе.

Изучение численности и структуры молодежи необходимо для своевременного выявления «слабых мест» в демографическом развитии региона, прогнозирования негативного развития демографической ситуации, определения и разработки путей и направлений развития молодежи и решения ее актуальных проблем.

Объектом исследования является молодежь в возрасте 14–35 лет. Предмет исследования — этнодемографические характеристики молодежи Тувы и Башкортостана.

Автором предлагается следующий набор основных показателей для анализа этнодемографических характеристик молодежи на уровне региона: общая численность молодежи; доля молодежи в общей численности населения; структура молодежи по полу; структура молодежи по возрасту; территориальное расселение молодежи; рождаемость среди молодежи; показатели смертности среди молодежи; показатели брачности и разводимости среди молодежи; участие молодежи в миграционных процессах; структура молодежи по национальному признаку, этническая принадлежность молодежи и вопросы этнической самоидентификации.

Информационной базой для исследования выступают данные официальной статистики в динамике за 2012–2021 гг., а также данные Всероссийской переписи населения 2010 г. Также используются результаты социологического исследования «Этнические особенности развития человеческого потенциала в экономиках республик Российской Федерации», проведенного в 2021 г. исследователями Башкирского государственного университета в рамках всероссийской Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» (2020–2022 гг.). Объем выборки в Республике Тыва составил 1176 чел., в Республике Башкортостан 1184 чел., в том числе была молодежь: в Тыве — 580 чел., Башкортостану — 569 чел. Метод сбора данных: анкетирование с помощью бумажных и электронных анкет через платформу для опросов Simple Forms, позволяющей отслеживать поступающие анкеты и осуществлять контроль качества данных. Выборка — стратифицированная по типу населенного пункта с квотированием по полу, возрасту, образованию и национальности респондентов, что обеспечивает валидность и репрезентативность выборки. Ошибка выборки при заданном уровне значимости в 95% не превысила 5%.

Обзор литературы

Теоретико-методологическая база исследования основывается на работах И. С. Кона, в которых решаются методологические проблемы изучения молодежи как социально-демографической группы. Он рассматривал молодежь «как социально-демографическую группу, выделяемую на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных тем и другим социально-психологических свойств»¹.

Среди отечественных исследователей, развивших подход к молодежи как социально-демографической группе, следует выделить исследования В. А. Ядова, И. М. Ильинского, Вал. А. Лукова, В. И. Чупрова, Ю. А. Зубок, Ю. Р. Вишневого, В. Т. Шапка, В. Т. Лисовского и многих других, в которых развиваются методологические основы изучения молодежи как особой социально-демографической и социокультурной группы, анализируется социально-воспроизводственная функция молодежи и пр. вопросы (Социология в России, 1998; Ильинский, 2003; Чупров, 2019; Молодежь и молодежная ..., 2019; Лисовский, 1998; Луков, 2012; и др.²).

¹ Кон И. С. Молодежь // Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. / гл. ред. А. М. Прохоров. М.: Сов. энциклопедия, 1974. Т. 16. С. 478.

² Вишневский Ю. Р., Шапка В. Т. Социология молодежи: учебное пособие. Нижний Тагил: Издательство Нижнетагильского государственного педагогического института, 1995. 311 с.

В современных условиях развития общества важно изучать не только социально-демографические, но и этнодемографические характеристики региона, под которыми понимаются социально-демографические показатели этнических групп региона. В подобных исследованиях анализируются следующие этнодемографические показатели регионов: показатели численности, рождаемости, смертности, брачности и разводимости, миграции в регионе (Жуков, 2017; Уварова, Шемберко, 2019).

Исследователями накоплен определенный опыт в изучении этнических, этносоциальных и демографических процессах в различных национальных республиках Российской Федерации, в том числе в Республике Тыва и Республике Башкортостан. Отдельные аспекты изучения этничности, этносоциальных групп и демографических показателей в Республике Тыва, в том числе у молодежи, рассматриваются в работах З. В. Анайбан, Ч. К. Ламажаа, В. С. Кан и др. (Анайбан, 2008, 2016, 2020; Балакина, Анайбан, 1995; Ламажаа, 2015, 2016; Кан, 2015, 2016; Абылкаликов, 2021; Гусаков, 2019; Бадмаева, Натсак, 2021; Валиахметов и др., 2021; и др.). На сегодня до сих пор единственной крупной междисциплинарной работой в исследовании молодежи Тувы остается работа коллектива авторов советского времени (*Молодежь Тувы ...*, 1988). Ч. К. Ламажаа опубликовала обстоятельный обзор исследований в области социологии молодежи Тувы, отмечая это (Ламажаа, 2015). В развитие молодежной проблематики продолжает работу З. В. Анайбан (Анайбан, 2016, 2017, 2018), которая в том числе сравнивает этнодемографические характеристики молодежных групп в Тыве и Хакасии.

Особенности этносоциальных и демографических процессов в Республике Башкортостан обсуждаются в работах Г. Т. Галиева, Дж. М. Гилязетдинова, Р. И. Ирнарарова, Ф. С. Файзуллина, Р. М. Валиахметова и др. (Галиев, Гилязетдинов, Латыпова, 1994; Ирнараров, 2015; Файзуллин Ф., Файзуллин Т., 2014; и др.¹). Исследования молодежи в регионе проводились коллективами авторов под руководством Дж. М. Гилязетдинова, Ю. Н. Дорожкина (Гилязетдинов, Давлетова, Дорожкин, 2001; Ахметьянова и др., 2005), а также Р. Т. Насибуллина, А. Ю. Гайфуллина (*Молодежь Башкортостана: ...*, 2006) и других.

Несмотря на активное внимание исследователей к этносоциальным и демографическим процессам в регионах, исследования этнодемографических характеристик различных социальных групп, в особенности молодежи, представлены недостаточно. Кроме того, почти отсутствуют сравнительные региональные исследования, в частности между Республикой Тыва и Республикой Башкортостан, что определяет новизну данной работы.

Общая численность молодежи и доля молодежи в общей численности населения

По состоянию на 01.01.2021 г. молодежь в возрасте 14–35 лет насчитывала в Республике Тыва 103 тыс. человек, или 31,1% от общей численности населения. Это один из самых высоких показателей среди регионов России. В Республике Башкортостан численность молодежи составляет 1108 тыс. человек, или 27,6% от всего населения, что на 0,9% выше среднероссийского показателя (*табл. 1*).

В числе негативных тенденций следует отметить сокращение абсолютной численности молодежи: за 2012–2020 гг. численность молодежи в Тыве сократилась на 8118 чел. (или на 7,3%), а в Башкортостане на 205284 чел. (или на 15,6%). При этом в Республике Тыва наметился рост численности молодежи с 2017 г.

Безусловно, обе рассматриваемые республики можно уверенно отнести к «молодежным» регионам страны, при этом Тыва значительно опережает Башкортостан по данному показателю. Об этом наглядно свидетельствует показатель среднего возраста жителей. Так, на 1 января 2021 г. в Республике Башкортостан он составил 39,4 года, а в Республике Тыва — всего 30,0 лет.

¹ Труд, занятость и человеческое развитие: Доклад о развитии человеческого потенциала в республике Башкортостан / Р. М. Валиахметов, А. М. Аллаярова, М. В. Артамонова и др. Уфа: Восточная печать, 2015. 360 с.

Таблица 1. Динамика численности и доли молодежи в возрасте 14–35 лет общей численности населения в 2012–2021 гг.¹

Table 1. Dynamics of the number and share of youth aged 14–35 in the total population, 2012–2021.

Наименование	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Численность молодежи, тыс. чел.										
Российская Федерация	46 100	45 346	44 563	44 430	43 560	42 631	41 898	41 030	40 088	39 093
Республика Тыва	111,0	107,8	104,8	102,8	100,8	100,6	101,0	101,6	102,2	102,9
Республика Башкортостан	1 313	1 290	1 271	1 249	1 226	1 203	1 184	1 161	1 133	1 108
Доля молодежи 14–35 лет в общей численности населения, %										
Российская Федерация	32,2	31,6	31,0	30,4	29,7	29,0	28,5	28,0	27,3	26,7
Республика Тыва	35,9	34,7	33,6	32,8	31,9	31,6	31,4	31,3	31,2	31,1
Республика Башкортостан	32,3	31,8	31,2	30,7	30,1	29,6	29,1	28,7	28,0	27,6

Половозрастная структура молодежи

В структуре молодежи России по гендерному распределению на протяжении последнего десятилетия чуть выше доля мужчин (50,8% в 2021 г.) с постепенным повышением их доли в общей численности молодежи (+0,4% с 2012 г.). В республиках Тува и Башкортостан до 2013 г. и 2014 г. преобладала доля женщин, а в дальнейшем, также как и в Российской Федерации в целом, стали преобладать мужчины (табл. 2).

Таблица 2. Структура молодежи по полу и возрасту в 2012–2021 гг., в %²

Table 2. Age and gender breakdown of youth, 2012–2021, %.

Наименование	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Российская Федерация										
- мужчины	50,4	50,4	50,5	50,6	50,6	50,6	50,7	50,7	50,8	50,8
- женщины	49,6	49,6	49,5	49,4	49,4	49,4	49,3	49,3	49,2	49,2
- 14–19 лет	19,4	18,7	18,5	18,5	18,5	19,1	19,8	20,6	21,6	22,4
- 20–24 лет	25,2	23,9	22,4	20,9	19,4	18,4	17,5	17,3	17,2	17,3
- 25–29 лет	26,7	27,7	28,1	28,4	28,5	27,9	26,5	24,9	23,5	22,0
- 30–35 лет	28,7	29,7	31,1	32,2	33,6	34,7	36,1	37,2	37,7	38,3
Республика Тыва										
- мужчины	49,3	49,6	49,9	50,4	50,4	50,6	50,6	50,6	50,7	50,7
- женщины	50,7	50,4	50,1	49,6	49,6	49,4	49,4	49,4	49,3	49,3
- 14–19 лет	25,3	25,6	25,5	25,1	24,7	24,9	26,1	26,8	27,8	29,0
- 20–24 лет	23,3	20,8	19,2	18,4	18,1	18,9	19,4	19,2	19,0	18,7
- 25–29 лет	25,4	26,6	27,1	27,0	26,9	25,0	22,7	22,0	21,8	21,8
- 30–35 лет	25,9	27,0	28,3	29,5	30,3	31,2	31,9	32,0	31,3	30,6
Республика Башкортостан										
- мужчины	49,8	49,9	50,2	50,3	50,3	50,3	50,5	50,5	50,5	50,5
- женщины	50,2	50,1	49,8	49,7	49,7	49,7	49,5	49,5	49,5	49,5
- 14–19 лет	21,9	21,2	20,7	20,4	20,3	20,6	21,0	21,4	22,3	23,0
- 20–24 лет	25,8	24,3	22,7	21,3	20,0	19,1	18,3	18,2	17,8	17,9
- 25–29 лет	26,3	27,6	28,2	28,6	28,5	27,7	26,4	24,8	23,7	22,4
- 30–35 лет	26,0	26,9	28,4	29,7	31,2	32,6	34,3	35,6	36,2	36,7

¹ Составлено автором по данным: Демографический ежегодники России [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения 12.02.2022).

² Составлено автором по тому же источнику.

Возрастная структура молодежи Тувы и Башкортостана одинаково характеризуется превалированием младшей (14–19 лет) и старшей (30–35 лет) групп. С одной стороны, это свидетельствует о том, что в ближайшие годы продолжится наблюдаемое снижение численности молодежи. С другой стороны — позволяет строить оптимистические долгосрочные прогнозы по увеличению доли молодежи в возрастной структуре населения рассматриваемых регионов.

При этом необходимо отметить, что Тува имеет лучшие шансы по удержанию и наращиванию высокой доли молодежи в общей численности населения. В Республике Тыва по сравнению с Республикой Башкортостан доля 14–19-летних граждан в настоящее время больше на 6,0%, в то время как десять лет назад эта разница составляла 3,4%. В целом же по России темп роста за это время составил 3,0%.

Территориальное расселение молодежи

Территориальное расселение молодежи Республики Тыва и Республики Башкортостан имеет сходную, весьма выраженную отличительную особенность. Туву и Башкортостан, и это подтверждают статистические данные, за последние десять лет можно отнести к регионам с высокой долей молодежи, проживающей в сельской местности. При этом сельская местность в отличие от городской является наиболее благоприятной средой для трансляции национальных культуры и традиций проживающих этнических групп. Если в Башкортостане доля сельской молодежи на начало 2021 г. составила 33,6%, то в Тыве 41,8% (табл. 3).

Таблица 3. Структура молодежи в возрасте 14–35 лет по месту проживания в 2012–2021 гг., %¹
Table 3. Breakdown of youth aged 14–35 years by place of residence, 2012–2021, %.

Наименование	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Российская Федерация										
- городское население	75,9	76,1	76,3	76,2	76,2	76,1	76,1	76,0	75,9	75,7
- сельское население	24,1	23,9	23,7	23,8	23,8	23,9	23,9	24,0	24,1	24,3
Республика Тыва										
- городское население	57,9	59,1	59,7	60,0	60,6	60,0	59,9	59,8	59,3	58,2
- сельское население	42,1	40,9	40,3	40,0	39,4	40,0	40,1	40,2	40,7	41,8
Республика Башкортостан										
- городское население	65,7	66,1	66,8	67,2	67,2	66,9	66,8	66,8	66,8	66,4
- сельское население	34,3	33,9	33,2	32,8	32,8	33,1	33,2	33,2	33,2	33,6

Надо сказать, что для Тувы характерен существенно низкий уровень урбанизации в целом. При этом и в Республике Тыва, и в Республике Башкортостан наблюдается за десятилетний период незначительный рост доли городской молодежи (+0,3% в Тыве и + 0,7% в Башкортостане). Если в дальнейшем среди молодежи распространение урбанистического типа культуры будет продолжено с большей интенсивностью, то результатом этого может стать снижение уровня рождаемости и размера молодых семей, а это в свою очередь усилит трансформационные процессы в демографической структуре населения страны в целом и национальных республик в частности.

Показатели рождаемости среди молодежи

Показателем, отражающим интенсивность рождаемости, является суммарный коэффициент рождаемости. Научно обоснованное значение данного показателя, достаточного для простого воспроизводства населения — 2,15 в расчете на 1 женщину. За 2020 г. суммарный коэффициент рождаемости по Республике Башкортостан составил 1,52 (по России — 1,5), в то время как в Республике Тыва он был значительно выше — 2,97. При этом региональные показатели претерпевают снижение, что характерно для общероссийской динамики в целом (табл. 4).

¹ Составлено автором по данным: Демографические ежегодники России [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения 12.02.2022).

Таблица 4. Коэффициенты рождаемости среди молодежи в 2012–2020 гг.¹

Table 4. Fertility rates among young people in 2012–2020.

Наименование	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Суммарный коэффициент рождаемости (единица)									
Российская Федерация	1,69	1,71	1,75	1,78	1,76	1,62	1,58	1,5	1,5
Республика Тыва	3,35	3,42	3,48	3,39	3,35	3,19	2,97	2,72	2,97
Республика Башкортостан	1,86	1,89	1,95	1,94	1,86	1,7	1,65	1,51	1,52
Коэффициенты рождаемости среди молодежи в возрасте 15–34 года (промилле (0,1 процента))									
Российская Федерация	299,5	300,3	305,8	309,6	304,6	276,9	267,1	252,2	251,1
Республика Тыва	574	593	605	591	579	545	500	457	491,2
Республика Башкортостан	326	330	339	338	321	290	279	253	252

Негативной тенденцией в Республике Башкортостан, как и в целом по Российской Федерации, является снижение рождаемости среди молодежи, снижение доли детей, рожденных у матерей в возрасте 18–34 лет, рост числа рождения у детей в старшем возрасте. При этом за 2018–2020 г. численность детей, родившихся у матерей в возрасте 18–35 лет в Республике Башкортостан снизилась на 6250 человек (на 15,3%), а в Республике Тыва только на 21 человек (на 0,4%) (табл. 5).

Таблица 5. Рождение детей у матерей в возрасте 18–35 лет²

Table 5. Childbirth in mothers aged 18–35.

Наименование	2018	2019	2020
Число родившихся детей, всего			
Российская Федерация	1 604 344	1481074	1436514
Республика Тыва	6 537	6 046	6 654
Республика Башкортостан	47010	41767	41 043
Число родившихся детей у матерей в возрасте 18–35 лет, чел.			
Российская Федерация	1 376 909	1 251 793	1 197 796
Республика Тува	5 657	5 171	5 636
Республика Башкортостан	40 909	35 815	34 659
Доля детей, рожденных у матерей в возрасте 18–35 лет, %			
Российская Федерация	85,8	84,5	83,4
Республика Тува	86,5	85,5	84,7
Республика Башкортостан	87,0	85,7	84,4

Резонно встает вопрос, чем же обусловлен высокий коэффициент рождаемости в Республике Тыва, и равный среднероссийскому в Республике Башкортостан в таком же полиэтничном регионе? Ответ на него, на наш взгляд, заключается не только в успешности реализации демографической политики и стимулировании деторождения социальными благами, но особенностях этнических черт молодежи. Как пишут тувинские исследователи, высокий удельный вес молодежи в возрастной структуре населения в Республике Тува обусловлен традиционной многодетностью коренного населения (Балакина, Кылгыдай, 2016; Ламажаа, 2021).

¹ Составлено автором по данным: Демографические ежегодники России [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения 12.02.2022).

² Составлено автором по данным: Число родившихся по возрасту матери и очередности рождения [Электронный ресурс] // Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59992> (дата обращения 16.02.2022).

Уровень рождаемости зависит от основных переменных: место проживания, образование женщин, материальных условий семьи, структурных изменений семьи. Как правило, рождаемость выше в сельской местности, в семьях с более низким уровнем материального достатка и образования матери (Архангельский, Зинькина, Шульгин, 2019), наиболее репродуктивной возрастной группой среди женщин является возраст от 20 до 29 лет, в полных, простых семьях, находящихся в состоянии брака (Трошкина, Карашпай, Сат, 2020).

Этническая идентичность молодежи

Согласно данным переписи населения России в 2010 г., в Республике Башкортостан на три наиболее многочисленных этноса приходится 90,9% населения (русские — 36,1%, башкиры — 29,5%, татары — 25,4%). Республика Тыва по своему этническому составу более моноэтническая с существенным преобладанием тувинцев (82%), на долю второй по численности нации — русских, приходится 16,3%. Всего в Тыве и Башкортостане проживают представители 85 и 116 национальностей соответственно¹.

По результатам проведенного нами социологического опроса в Республике Тыва и Республике Башкортостан следует, что для молодежи Тывы в большей степени важна национальность и национальная принадлежность. Доля таковых в Тыве составила 61,6% (по сумме ответов «очень важна» — 38,2% и «скорее важна, чем не важна» — 23,4%), что в два раза превышает показатель по Башкортостану, где он равен только 30,3% (по сумме ответов «очень важна» — 12,5% и «скорее важна, чем не важна» — 17,8%) (табл. 6).

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос «Насколько для Вас важна Ваша национальность, национальная принадлежность?» в зависимости от этнической принадлежности в Тыве и Башкортостане, % от числа респондентов 18–35 лет.

Table 6. Distribution of answers to the question «How important is your ethnicity for you?» depending on ethnicity, % of respondents aged 18–35 in the republics of Bashkortostan and Tuva.

Регион/Национальность	Очень важна	Скорее важна, чем не важна	И важна, и не важна примерно равно	Скорее не важна	Совершенно не важна	Затрудняюсь ответить	Итого
Тыва							
Тувинец (-ка)	39,1	24,1	11,7	6,2	13,2	5,7	100,0
Русский (-ая)	20,6	11,8	29,4	8,8	26,5	2,9	100,0
Другая	44,7	26,3	15,8	2,6	5,3	5,3	100,0
Всего	38,2	23,4	13,3	6,1	13,5	5,5	100,0
Башкортостан							
Башкир (-ка)	24,2	22,8	18,1	6,7	19,5	8,7	100,0
Русский (-ая)	7,7	13,7	35,5	12,1	28,6	2,4	100,0
Татарин (-ка)	6,4	20,6	30,5	14,2	26,2	2,1	100,0
Другая	22,6	12,9	9,7	3,2	41,9	9,7	100,0
Всего	12,5	17,8	28,3	10,7	26,4	4,4	100,0

Если провести анализ ответов молодых представителей коренных этносов двух республик, то можно увидеть отличительную особенность, выраженную в размывании чувства национальной принадлежности под воздействием присутствия других многочисленных этнических групп на территории республик. Так, если среди тувинцев важность национальной принадлежности высказали 63,2% респондентов, то среди башкир — только 47,0%.

¹ Составлено автором по данным: Социально-демографический портрет России: по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года / Федер. служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. 183 с. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/portret-russia.pdf С. 97, 100 (дата обращения: 22.01.2022).

В то же время для молодежи русской национальности, несмотря на значительно отличающуюся их долю в общей структуре населения рассматриваемых республик, национальная принадлежность одинаково не важна. В Туве доля таковых составила 35,3% (по сумме ответов «совершенно не важна» — 26,5% и «скорее не важна, чем важна» — 8,8%), в Башкортостане — 40,7% (по сумме ответов «совершенно не важна» — 28,6% и «скорее не важна, чем важна» — 12,1%).

Еще одним подтверждением влияния этнической структуры на наличие чувства национальной принадлежности является доля молодежи республик, для которой национальность имеет нейтральный статус (и важна и не важна примерно в равной степени). Если в Туве в целом доля таковых составила 13,3%, то в Башкортостане — 28,3%. Среди тувинцев — 11,7%, среди башкир — 18,1%. Среди русских в Туве — 29,4%, русских в Башкортостане — 35,5%.

Одно дело наличие чувства национальной идентичности с представителями своего этноса, поддержание и развитие языковых навыков общения, трансляция духовных ценностей и культурных обычаев своего народа, другое дело — ощущение зависимости получения социальных гарантий и возможностей для полноценного развития и реализации своего потенциала от принадлежности в той или иной национальности.

Национальность и социальные перспективы

Молодежь Тувы и Башкортостана имеют отличные взгляды на влияние национальной принадлежности на получение социальных гарантий и реализацию своих возможностей. В целом, 41,3% молодежи Тувы считают, что национальная принадлежность оказывает влияние на различные стороны и возможности жителей республики (по сумме ответов «влияет значительно» — 22,7% и «влияет не значительно» — 18,6%), что соотносится с долей тех, кто придерживается противоположной точки зрения (41,1% — «не влияет»). Молодежь Башкортостана также ощущает роль национальной принадлежности в рассматриваемых сферах, но их доля составляет 36,3% (по сумме ответов «влияет значительно» — 16,0% и «влияет не значительно» — 20,3%), что на 8,5% меньше доли тех, кто считает иначе (табл. 7).

Необходимо отметить, что для молодежи Тувы влияние национальной принадлежности в равной степени распространяется на получение социальных гарантий и реализацию собственных возможностей, о чем свидетельствуют данные опроса по отдельным сторонам жизни. Так, о влиянии национальности на получение качественной медицинской помощи ответили 42,7%, возможности занимать высокие посты в органах власти — 38,8% респондентов.

Среди молодежи Тувы все еще существенная доля приходится на молодежь, которая нигде не работает и по многим показателям относится к социальной группе риска. Высокая безработица среди молодежи может привести к усилению девиантного поведения среди молодых людей и повышению уровня преступности.

Молодежь Башкортостана отмечает меньшее влияние национальной принадлежности в получении социальных гарантий (например, в получении качественной медицинской помощи влияние национальности отметили только 27,2% респондентов) и значительное влияние в реализации своих возможностей в трудовой сфере, в частности в получении хорошо оплачиваемой работы (41,1%) и занятии высоких постов в органах власти (43,8%), значение которых соотносится с данными по Туве.

Для молодежи Республики Башкортостан, полиэтнического региона с несколькими многочисленными этническими группами, вопросы трудоустройства молодежи также актуальны, но в получении более высокооплачиваемых и статусных мест, по мнению респондентов, не последнюю роль играет национальная принадлежность.

Тувинцы в отличие от башкир большее влияние национальной принадлежности видят в получении качественного образования (39,6% против 15,4%), медицинской помощи (41,0% против 25,5%), возможности получить хорошо оплачиваемую работу (41,8% против 30,3%). Башкиры видят значимость национальности в возможности открыть свое дело (40,2% против 39,8%) и занять высокий пост в органах власти (42,9% против 38,6%). Что касается русского населения, в Туве и Башкортостане, то значимость национальной принадлежности имеет для их представителей примерно такое же соотношение, как и у титульных наций. В то же время можно отметить более выраженную дифференциацию взглядов молодежи русской национальности Тувы и Башкортостана в вопросах получения качественной медицинской помощи (+10,0%), и возможности занимать высокие посты в органах власти (–15,0%).

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, влияет ли национальная принадлежность в Вашей республике на получение социальных гарантий и реализацию собственных возможностей?» в зависимости от этнической принадлежности в Туве и Башкортостане, % от числа респондентов 18–35 лет.

Table 7. Distribution of answers to the question «Do you think that ethnicity in your republic affects the social guarantees and self-realization?» depending on ethnicity, % of respondents aged 18–35 in the republics of Bashkortostan and Tuva.

Регион/ Национальность	Влияет значительно	Влияет незначительно	Не влияет	Затрудняюсь ответить	Итого
Получение качественного образования					
Тува					
Тувинец (-ка)	22,4	17,2	46,3	14,2	100,0
Русский (-ая)	14,7	23,5	44,1	17,6	100,0
Другая	34,2	31,6	21,1	13,2	100,0
Всего	22,8	18,8	44,1	14,3	100,0
Башкортостан					
Башкир (-ка)	15,4	20,1	58,4	6,0	100,0
Русский (-ая)	12,1	21,8	56,5	9,7	100,0
Татарин (-ка)	14,9	17,7	62,4	5,0	100,0
Другая	22,6	19,4	51,6	6,5	100,0
Всего	14,2	20,2	58,2	7,4	100,0
Получение качественной медицинской помощи					
Тува					
Тувинец (-ка)	23,6	17,4	44,0	14,9	100,0
Русский (-ая)	14,7	23,5	44,1	17,6	100,0
Другая	39,5	23,7	28,9	7,9	100,0
Всего	24,3	18,4	42,8	14,6	100,0
Башкортостан					
Башкир (-ка)	8,1	17,4	68,5	6,0	100,0
Русский (-ая)	10,5	17,7	60,5	11,3	100,0
Татарин (-ка)	12,1	13,5	70,2	4,3	100,0
Другая	22,6	12,9	58,1	6,5	100,0
Всего	10,9	16,3	64,9	7,9	100,0
Возможность получить хорошо оплачиваемую работу					
Тува					
Тувинец (-ка)	24,9	16,9	40,8	17,4	100,0
Русский (-ая)	20,6	17,6	35,3	26,5	100,0
Другая	39,5	18,4	26,3	15,8	100,0
Всего	25,7	17,1	39,2	17,9	100,0
Башкортостан					
Башкир (-ка)	14,8	25,5	52,3	7,4	100,0
Русский (-ая)	17,7	26,2	44,4	11,7	100,0
Татарин (-ка)	22,7	13,5	58,2	5,7	100,0
Другая	16,1	35,5	41,9	6,5	100,0
Всего	18,1	23,4	49,7	8,8	100,0
Возможность открыть и вести свое дело					
Тува					
Тувинец (-ка)	21,9	17,9	43,8	16,4	100,0
Русский (-ая)	14,7	17,6	44,1	23,5	100,0
Другая	18,4	36,8	23,7	21,1	100,0
Всего	21,1	19,4	42,2	17,2	100,0
Башкортостан					
Башкир (-ка)	10,7	29,5	53,0	6,7	100,0
Русский (-ая)	14,1	18,5	54,4	12,9	100,0
Татарин (-ка)	12,1	19,1	61,0	7,8	100,0
Другая	22,6	12,9	51,6	12,9	100,0
Всего	13,2	21,3	55,5	10,0	100,0
Возможность занимать высокие посты в органах власти					
Тува					
Тувинец (-ка)	19,8	18,8	38,0	23,5	100,0
Русский (-ая)	20,6	8,8	41,2	29,4	100,0
Другая	18,4	31,6	26,3	23,7	100,0
Всего	19,7	19,1	37,3	23,9	100,0
Башкортостан					
Башкир (-ка)	17,4	25,5	46,3	10,7	100,0
Русский (-ая)	25,0	19,4	43,1	12,5	100,0
Татарин (-ка)	23,4	17,0	48,9	10,6	100,0
Другая	38,7	19,4	29,0	12,9	100,0
Всего	23,4	20,4	44,6	11,6	100,0

Сравнение этнодемографических характеристик

Общая картина сравнительного анализа этнодемографических характеристик молодежи двух регионов и общероссийских показателей представлена в таб. 8.

Таблица 8. Сравнение этнодемографических характеристик молодежи в Российской Федерации, в республиках Тува и Башкортостан.

Table 8. Comparison of youth ethnodemographics: average for the Russian Federation, and the Republics of Tuva and Bashkortostan.

Критерий сравнения	Российская Федерация	Республика Тыва	Республика Башкортостан
Абсолютная численность молодежи в возрасте 14–35 лет	Снижение 2012–2020 гг.	Снижение 2012–2017 гг. Рост 2018–2020 гг.	Снижение 2012–2020 гг.
Доля молодежи в общей численности населения (на 01.01.2021)	26,7%	31,1%	27,6%
Динамика доли молодежи в общей численности населения (2012–2020 гг.)	Снижение (на 5,5%)	Снижение (на 4,7%)	
Возрастная структура молодежи	Существенный рост доли более «взрослой» молодежи (в возрасте 30–35 лет), незначительный рост «молодой» молодежи (в возрасте 14–19 лет), снижение доли молодежи в возрасте 20–29 лет		
Гендерная структура молодежи	Преобладание молодых мужчин, рост доли мужчин		
Территориальное расселение молодежи	Преобладание доли городской молодежи		
	(75,7% на 01.01.2021)	(58,2% на 01.01.2021)	(66,4% на 01.01.2021)
Национальный состав населения	русские 80,9% татары 3,87% украинцы 1,41% башкиры 1,15% чуваши 1,05% другие национальности 11,62%	тувинцы 82% русские 16,3% другие национальности 1,7%	русские 36,1% башкиры 29,5% татары 25,4% чуваши 2,7% другие национальности 6,3%

Общими в этнодемографических показателях в Республике Тыва и Республике Башкортостан являются:

— снижение абсолютной численности молодежи (за 2012–2020 гг. в Республике Тыва на 8118 чел., или 7,3% в Республике Башкортостан — на 205284 чел., или 15,6%);

— сохранение более высокой доли молодежи в общей численности населения по сравнению с Российской Федерации в целом (на 01.01.2021 в Российской Федерации в целом 26,7%, в Тыве 31,1%, в Башкортостане 27,6%);

— снижение рождаемости среди молодежи;

— снижение уровня детности, сокращение размера семьи.

Отличительным в этнодемографических показателях в республиках являются:

— рост численности молодежи в Республике Тыва с 2018 г.;

— намного более высокая доля молодежи в общей численности населения в Республике Тыва;

— более высокие показатели рождаемости среди молодежи в Республике Тыва (491,2 промилле в 2020 г.), в 2 раза превышающие среднероссийские показатели и значения показателей в Республике Башкортостан.

Заключение

Сравнительный анализ этнодемографических показателей развития молодежи двух национальных республик Российской Федерации — Тувы и Башкортостана — показал следующее.

Несмотря на существенные различия по географическому положению, социально-экономическому развитию и уровню человеческого потенциала в рассматриваемых регионах есть ярко выраженные общее и отличительные этнические особенности, оказывающие влияние на демографические характеристики молодежи регионов. Установлено, что на фоне снижения доли молодежи в общей численности населения, трансформации половозрастной структуры молодежи в рассматриваемых регионах наблюдается ряд положительных демографических тенденций.

Удерживание в рассматриваемых республиках на протяжении последнего десятилетия доли молодежи выше среднероссийского показателя, а в Туве он один из самых высоких в стране, безусловно, способствует сохраняющийся там высокий уровень рождаемости. Также Туву и Башкортостан смело можно отнести к регионам с высокой долей молодежи, проживающей в сельской местности, являющейся носителями образцов национальных культуры и традиций своего этноса, в том числе в вопросах семьи, брака и рождения детей.

Результаты проведенного в 2021 г. социологического опроса в том числе среди молодежи Тувы и Башкортостана свидетельствуют о высокой значимости для этой группы их национальной принадлежности. При этом отмечается размывание чувства национальной принадлежности под воздействием полиэтничного характера проживания, т. е. соседства одного этноса с другими равночисленными этническими группами. Повышение социального капитала, получение социальных гарантий и реализацию своих возможностей также определяется национальной принадлежностью, о чем высказала в ходе пороса значительная часть молодежи исследуемых республик.

Все это еще раз подтверждает тезис о том, что этническая структура и численность представителей разных национальностей тесно взаимосвязаны с особенностями и перспективами социального развития территорий.

Благодарности

Автор выражает благодарность за консультации кандидату исторических наук Валерии Сергеевне Кан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абылкаликов, С. И. (2021) Особенности демографического развития Тувы: вклад миграции в демографический баланс // Новые исследования Тувы. № 4. С. 131–142. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.10>
- Анайбан, З. В. (2008) История этносоциологических исследований в Туве // Этносоциология и этносоциологи. Исследования, поиски, воспоминания / сост.: Н. А. Дубова, Л. В. Остапенко, И. А. Субботина. М. : Старый сад. 360 с. С. 243–249.
- Анайбан, З. В. (2016) Современные этнодемографические характеристики молодежных групп Тувы и Хакасии // Новые исследования Тувы. № 2. С. 90–104.
- Анайбан, З. В. (2017) Молодежь Тувы и Хакасии в XXI в. Этносоциологические очерки. М. : Институт востоковедения РАН. 240 с.
- Анайбан, З. В. (2018) Трудовая занятость и социально-профессиональные ориентации молодежи современной Тувы // Новые исследования Тувы. № 2. С. 112–131. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2018.2.6>
- Анайбан, З. В. (2020) Динамика развития этнодемографических процессов в постсоветской Туве // Вестник Института востоковедения РАН. № 2. С. 284–293. DOI: <https://www.doi.org/10.31696/2618-7302-2020-2-284-293>
- Архангельский, В. Н., Зинькина, Ю. В., Шульгин, С. Г. (2019) Рождаемость у женщин с разным уровнем образования: текущее состояние и прогнозные сценарии // Народонаселение. Т. 22. № 1. С. 21–39. DOI: <https://doi.org/10.19181/1561-7785-2019-00002>
- Ахметьянова, Р. А., Бородина, А. В., Гилязитдинов, Дж. М., Дорожкин, Ю. Н. (2005) Духовный облик молодежи в начале третьего тысячелетия. Молодежь Башкортостан в начале третьего тысячелетия. Уфа : Восточный университет. 152 с.

Бадмаева, Н. В., Натсак, О. Д. (2021) Современная трудовая миграция из Калмыкии и Тувы: экономические, социокультурные и гендерные аспекты // Новые исследования Тувы. № 4. С. 186–205. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.14>

Балакина, Г. Ф., Анайбан, З. В. (1995) Современная Тува: социокультурные и этнические процессы. Новосибирск : Наука. 137 с.

Балакина, Г. Ф., Кылыгдай, А. Ч. (2016) Особенности адаптации этнических групп Тувы к рыночной экономике // Новые исследования Тувы. № 2. С. 73–89.

Валиахметов, Р. М., Баймурзина, Г. Р., Туракаев, М. С., Самба, А. Д.-Б. (2021) Этносоциальные особенности занятости населения в республиках Тува и Башкортостан // Новые исследования Тувы. № 4. С. 206–222. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.15>

Галиев, Г. Т., Гилязитдинов, Дж. М., Латыпова, Ф. Б. (1994) Этническая стратификация и ее влияние на меж-национальные отношения. Уфа : Салаватская городская типография Минпечати Республики Башкортостан. 40 с.

Гилязитдинов, Дж. М., Давлетова, К. Ж., Дорожкин, Ю. Н. (2001) Молодежь Башкортостана на рубеже тысячелетий. Уфа : Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации. 211 с.

Гусаков, Т. Ю. (2019) Многоукладность современного этнического региона России: архаизация, аграризация и миграции (на примере Республики Тыва) // Крестьяноведение. Т. 4. № 4. С. 76–95. DOI: <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2019-4-4-76-95>

Жуков, В. И. (2017) Социально-демографический НАБАТ. М. : Изд-во «ВИПО». 379 с.

Ильинский, И. М. (2003) Молодежь и молодежная политика. Философия. Теория. История. М. : Голос. 277 с.

Ирназаров, Р. И. (2015) К вопросу о дифференциации этносов в Башкортостане // Социологические исследования. № 8. С. 56–60.

Кан, В. С. (2015) Основные тенденции этносоциального развития Тувы // Этносоциальные процессы в Сибири. Вып. 10 / отв. ред. Ю. В. Попков. Новосибирск : Изд-во СО РАН. 231 с. С. 128–133.

Кан, В. С. (2016) Этносоциальный профиль тувинцев // Новые исследования Тувы. № 2. С. 52–72.

Ламажаа, Ч. К. (2015) Социология молодежи Тувы // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 340–348. DOI: [10.17805/zpu.2015.3.30](https://doi.org/10.17805/zpu.2015.3.30)

Ламажаа, Ч. К. (2016) Тувинская этничность и социум в этносоциологических и антропологических исследованиях // Новые исследования Тувы. № 2. С. 32–51.

Ламажаа, Ч. К. (2021) Дети для тувинцев: изменения отношения в социокультурных трансформациях // Новые исследования Тувы. № 4. С. 57–75. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.5>

Лисовский, В. Т. (1998) Динамика социальных изменений (опыт сравнительных социологических исследований российской молодежи) // Социологические исследования. № 5. С. 99–105.

Луков, Вал. А. (2012) Теории молодежи: Междисциплинарный анализ. М. : Канон+ ; РООИ «Реабилитация». 528 с.

Молодежь Башкортостана: социально-экономический портрет (2006) / Р. Т. Насибуллин и др. Уфа : Издательство «Гилем». 147 с.

Молодежь и молодежная политика: новые смыслы и практики (2019) / под редакцией С. В. Рязанцева, Т. К. Ростовской, Ю. А. Зубок. М. : Изд-во «Экон-информ». 325 с.

Молодежь Тувы. Социальный портрет (1988) / З. В. Анайбан, В. С. Золототрубов, В. А. Кочергин и др. Новосибирск : Наука; Сиб. отд-ние. 194 с.

Социология в России (1998) / под ред. В.А. Ядова. 2-е изд., перераб. и дополн. М. : Издательство Института социологии РАН. 696 с.

Трошкина, И. Н., Карашпай, С. М., Сат, А. В. (2020) Динамика структуры семьи как ведущий фактор снижения уровня рождаемости (на примере республик Тыва и Хакасия) // Социодинамика. № 6. С. 1–18. DOI: <https://www.doi.org/10.25136/2409-7144.2020.6.32986>

Уварова, Т. Б., Шемберко, Л. В. (2019) Современные этнодемографические трансформации регионов России: тенденции и прогнозы // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 2. Ч. 2. Материалы XVIII Международной научной конференции в рамках Общественно-научного форума «Россия: ключевые проблемы и решения» / отв. ред. В. И. Герасимов. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН. 1040 с. С. 981–985.

Файзуллин, Ф. С., Файзуллин, Т. Ф. (2014) Региональные особенности социального развития этнических общностей // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. Т. 19. № 3. С. 67–75.

Чупров, В. И. (2019) Отечественная школа социологии молодежи: обзор 50-летней истории // Социологические исследования. № 10. С. 107–118. DOI: <https://www.doi.org/10.31857/S013216250007105-8>

Дата поступления: 01.03.2022 г.

REFERENCES

Abylkalikov, S. I. (2021) Osobennosti demograficheskogo razvitiia Tuvy: vklad migratsii v demograficheskii balans [Features of the demographic development of Tuva: Contribution of migration to the demographic balance]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 131–142. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.10>

Anaiban, Z. V. (2008) Istoriia etnosotsiologicheskikh issledovaniy v Tuve [History of ethnosociological research in Tuva]. In: *Etnosotsiologiya i etnosotsiologi. Issledovaniia, poiski, vospominaniia [Ethnosociology and ethnosociologists: studies, searches, memories]* / comp. by N. A. Dubova, L. V. Ostapenko and I. A. Subbotina. Moscow, Staryi sad. 360 p. Pp. 243–249. (In Russ.).

Anaiban, Z. V. (2016) Sovremennye etnodemograficheskie kharakteristiki molodezhnykh grupp Tuvy i Khakasii [Contemporary ethnodemography of youth in Tuva and Khakassia]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 90–104. (In Russ.).

Anaiban, Z. V. (2017) *Molodezh' Tuvy i Khakasii v XXI veke. Etnosotsiologicheskie ocherki [Young people of Tuva and Khakassia in the twenty-first century: Ethno-sociological essays]*. Moscow, Izdatel'stvo MBA. 240 p. (In Russ.).

Anaiban, Z. V. (2018) Trudovaia zaniatost' i sotsial'no-professional'nye orientatsii molodezhi sovremennoi Tuvy [Employment and socio-professional orientations of contemporary Tuva's youth]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 112–131. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2018.2.6>

Anaiban, Z. V. (2020) Dinamika razvitiia etnodemograficheskikh protsessov v postsovetsoi Tuve [The dynamics of ethnodemographic processes in Post-Soviet Tuva]. *Vestnik Instituta vostokovedeniia RAN*, no. 2, pp. 284–293. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.31696/2618-7302-2020-2-284-293>

Arkhangel'skii, V. N., Zin'kina, Iu. V., Shul'gin, S. G. (2019) Rozhdaemost' u zhenshchin s raznym urovnem obrazovaniia: tekushchee sostoianie i prognozne stsenarii [Fertility differentiation according to female education levels in Russia: current situation and forecasts]. *Population*, vol. 22, no. 1, pp. 21–39. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/1561-7785-2019-00002>

Akhmet'ianova, R. A., Borodina, A. V., Giliazitdinov, Dzh. M., Dorozhkin, Iu. N. (2005) *Dukhovnyi oblik molodezhi v nachale tret'ego tysiacheletia. Molodezh' Bashkortostan v nachale tret'ego tysiacheletia [The spirituality of youth at the beginning of the third millennium. Bashkortostan youth at the beginning of the third millennium]*. Ufa, Vostochnyi universitet. 152 p. (In Russ.).

Badmaeva, N. V. and Natsak, O. D. (2021) Sovremennaia trudovaia migratsiia iz Kalmykii i Tuvy: ekonomicheskie, sotsiokul'turnye i gendernye aspekty [Modern labor migration from Kalmykia and Tuva: economic, socio-cultural and gender aspects]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 186–205 (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.14>

Balakina, G. F. and Anaiban, Z. V. (1995) *Sovremennaia Tuva: sotsiokul'turnye i etnicheskie protsessy [Contemporary Tuva: Socio-cultural and ethnic processes]*. Novosibirsk, Nauka Publ. 137 p. (In Russ.).

Balakina, G. F. and Kylgydai, A. Ch. (2016) Osobennosti adaptatsii etnicheskikh grupp Tuvy k rynochnoi ekonomike [Ethnic groups in Tuva and their adaptation to market economy]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 73–89. (In Russ.).

Valiakhmetov, R. M., Baimurzina, G. R., Turakayev, M. S. and Samba, A. D.-B. (2021) Etnosotsial'nye osobennosti zaniatosti naseleniia v respublikakh Tuva i Bashkortostan [Ethnic and social features of employment in the Republics of Tuva and Bashkortostan]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 206–222 (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.15>

Galiev, G. T., Giliazitdinov, Dzh. M. and Latypova, F. B. (1994) *Etnicheskaia stratifikatsiia i ee vliianie na mezhnatsional'nye otnosheniia [Ethnic stratification and its impact on interethnic relations]*. Ufa, Salavat City Printing House of the Ministry of Printing of the Republic of Bashkortostan. 40 p. (In Russ.).

Giliazitdinov, Dzh. M., Davletova, K. Zh. and Dorozhkin, Yu. N. (2001) *Molodezh' Bashkortostana na rubezhe tysiacheletii [The youth of Bashkortostan at the turn of the millennium]*. Ufa, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 211 p. (In Russ.).

Gusakov, T. Yu. (2019) Mnogoukladnost' sovremennoego etnicheskogo regiona Rossii: arkhazatsiia, agrarizatsiia i migratsiia (na primere Respubliki Tyva) [Complex structure of a contemporary ethnic region in Russia. Archaization, agrari-

anization and migration: the case of the Republic of Tuva]. *Russian Peasant Studies*, vol. 4, no. 4, pp. 76–95. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2019-4-4-76-95>

Zhukov, V. I. (2017) *Sotsial'no-demograficheskii NABAT [Socio-demographic ALARM]*. Moscow, VIPO. 379 p. (In Russ.).

Il'inskii, I. M. (2003) *Molodezh' i molodezhnaia politika. Filosofii. Teorii. Istorii [Youth and youth policy. Philosophy. Theory. History]*. Moscow, Golos. 277 p. (In Russ.).

Irnozarov, R. I. (2015) K voprosu o differentsiatsii etnosov v Bashkortostane [On the issue of differentiation of ethnic groups in Bashkortostan]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 8, pp. 56–60. (In Russ.).

Kan, V. S. (2015) Osnovnye tendentsii etnosotsial'nogo razvitiia Tuvy [Main trends of ethnic and social development of Tuva]. In: *Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri [Ethnosocial processes in Siberia]: a thematic collection / ed. by Yu. V. Popkov*. Novosibirsk, SO RAN Publ. Vol. 10. 231 p. Pp. 128–133. (In Russ.).

Kan, V. S. (2016) Etnosotsial'nyi profil' tuvintsev [Ethnosocial profile of Tuvans]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 52–72. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2015) Sotsiologiia molodezhi Tuvy [Sociology of youth in Tuva]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 3, pp. 340–348. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17805/zpu.2015.3.30>

Lamazhaa, Ch. K. (2016) Tuvinskaia etnichnost' i sotsium v etnosotsiologicheskikh i antropologicheskikh issledovaniakh [Tuvan ethnicity and the society in ethnosociological and anthropological studies]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 32–51. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Deti dlia tuvintsev: izmeneniia otnosheniia v sotsiokul'turnykh transformatsiia [Tuvans' views on children: Changes in the Attitudes in sociocultural transformations]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 57–75. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.5>

Lisovskii, V. T. (1998) Dinamika sotsial'nykh izmenenii (opyt sravnitel'nykh sotsiologicheskikh issledovaniia rossiiskoi molodezhi) [Dynamics of social changes: comparative sociological studies of Russian youth]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 5, pp. 99–105. (In Russ.).

Lukov, Val. A. (2012) *Teorii molodezhi: Mezhdistsiplinarnyi analiz [Theories of youth: Interdisciplinary analysis]*. Moscow, Kanon+; ROOI «Reabilitatsiia». 528 p. (In Russ.).

Molodezh' Bashkortostana: sotsial'no-ekonomicheskii portret [Bashkortostan youth: socio-economic portrait] (2006) / R. T. Nasibullin et al. Ufa, Gilem. 147 p. (In Russ.).

Molodezh' i molodezhnaia politika: novye smysly i praktiki [Youth and youth policy: new meanings and practices] (2019) / ed. by S. V. Riazantsev, T. K. Rostovskaya and Yu. A. Zubok. Moscow, Ekon-inform. 325 p. (In Russ.).

Molodezh' Tuvy. Sotsial'nyi portret [The Youth of Tuva: A social portrait] (1988) / ed. by Yu. L. Aranchyn. Novosibirsk, Nauka. 194 p. (In Russ.).

Sotsiologiia v Rossii [Sociology in Russia] (1998) / ed. by V.A. Yadov. 2nd ed. Moscow, Publishing House of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. 696 p. (In Russ.).

Troshkina, I. N., Karashpai, S. M. and Sat, A. V. (2020) Dinamika struktury sem'i kak vedushchii faktor snizheniia urovnia rozhdaemosti (na primere respublik Tyva i Khakassii) [Dynamics of the family structure as a leading factor in reducing birth rate: the case of the Republic of Tyva and Khakassia]. *Sotsiodinamika*, no. 6, pp. 1–18. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25136/2409-7144.2020.6.32986>

Uvarova, T. B. and Shemberko, L. V. (2019) Sovremennye etnodemograficheskie transformatsii regionov Rossii: tendentsii i prognozy [Contemporary ethnodemographic transformations of Russian regions: trends and forecasts]. In: *Bol'shaia Evraziia: Razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo [Greater Eurasia: Development, security, cooperation. Yearbook]*. Issue 2. Part 2. Materials of the 18th International Research Conference within the framework of the Public Scientific Forum “Russia: key problems and solutions” / ed. by V. I. Gerasimov. Moscow, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. 1040 p. Pp. 981–985. (In Russ.).

Faizullin, F. S. and Faizullin, T. F. (2014) Regional'nye osobennosti sotsial'nogo razvitiia etnicheskikh obshchnostei [Regional peculiarities of social development of ethnic communities]. *Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan*, vol. 19, no. 3, pp. 67–75. (In Russ.).

Chuprov, V. I. (2019) Otechestvennaia shkola sotsiologii molodezhi: obzor 50-letnei istorii [Russian School of the Sociology of Youth: Summarizing 50 Years of History]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 10, pp. 107–118. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.31857/S013216250007105-8>

Submission date: 01.03.2022.

Мотивации дифференцированного маркирования прямого объекта в тувинском языке

Чойган Г. Ондар

Национальный музей имени Алдан-Маадыр Республики Тыва;
Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук,
Российская Федерация

В исследовании рассматривается явление дифференцированного маркирования прямого объекта, зафиксированное во многих языках мира. Правила выбора того или иного падежного показателя прямого объекта в различных языках неоднородны и обусловлены семантическими, синтаксическими и прагматическими факторами. Прямой объект в тувинском языке может принимать форму неопределенного, винительного или исходного падежей. Принято считать, что основным параметром, определяющим выбор того или иного падежного показателя, является категория определенности / неопределенности. Однако, в типологических работах последних десятилетий показывается, что вариативное маркирование прямого объекта в разных языках является сложным и многофакторным явлением. Оно требует детального описания в каждом конкретном языке. В данной работе на материале тувинского языка дифференцированное маркирование прямого объекта в тувинском языке характеризуется через два релевантных фактора одушевленности и определенности.

Материалом исследования послужили 3200 предложений с 4780 прямыми дополнениями в тувинском языке, взятых из стилистически разнородных текстов. Для анализа использовались описательный и статистический методы, компонентный (семный) анализ.

Показано, что явление дифференцированного маркирования прямого объекта в тувинском языке мотивировано двумя основными функциями категории падежа: различения и идентификации. Суть функции различения состоит в том, что падежная маркировка служит для противопоставления двух основных актантов переходного предложения с учетом их прототипических признаков. Роль фактора одушевленности в явлении дифференцированного маркирования прямого объекта в тувинском языке можно объяснить через его отношение к стратегии различения. Функция идентификации падежного маркирования связана с семантико-прагматической информацией об именной группе. Аккузативный показатель прямого объекта, реализуя стратегию идентификации, служит для указания на определенность, а номинатив — для указания на неопределенность или нереферентность именной группы.

Ключевые слова: тувинский язык; дифференцированное маркирование объекта; аккузатив; номинатив; прототипичность; одушевленность; определенность

Для цитирования:

Ондар Ч. Г. Мотивации дифференцированного маркирования прямого объекта в тувинском языке // Новые исследования Тувы. 2021, № 2. С. 143-165. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.2.10>

Ондар Чойган Геннадиевич — ученый секретарь Национального музея имени Алдан-Маадыр Республики Тыва; соискатель ученой степени кандидата филологических наук Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Титова, д. 30; 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. Тел.: +7 (394) 222-28-00; +7 (383) 330-15-18. Эл. адрес: choygandi@mail.ru. Научный руководитель — д. филол. н. н. Б. Кошкарева.

ONDAR, Choigan Gennadievich, Academic Secretary, Aldan Maadyr National Museum of the Republic of Tuva, Candidate of Philology Student, Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: 30 Titov St., 667000 Kyzyl; 8 Nikolaev St., 630090 Novosibirsk, Russian Federation. Tel.: +7 (394) 222-28-00; +7 (383) 330-15-18. Email: choygandi@mail.ru. Research Supervisor: Doctor of Philology N. B. Koshkaryova.

ORCID ID: 0000-0001-5779-4217

Мотивации дифференцированного маркирования прямого объекта в тувинском языке

Choigan G. Ondar

*Aldan Maadyr National Museum, Republic of Tuva;
Institute of Philology, Siberian branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

The study examines the phenomenon of differentiated marking of a direct object, known in many languages of the world. The rules for choosing one or another case form of a direct object in different languages are heterogeneous and are determined by semantic, syntactic and pragmatic factors. The direct object in Tuvan can take the form of an indefinite, accusative, or ablative case. It is generally accepted that the main parameter determining the choice a case form is the category of certainty / uncertainty. However, typological works written in recent decades show that the variable marking of a direct object can be a complex and multifactor phenomenon in a number of languages. In each language, it takes an in-depth description. This study, focusing on Tuvan language, traces the direct object through two relevant factors of animateness and definiteness.

The study makes use of 3200 sentences with 4780 direct objects in the Tuvan language taken from stylistically heterogeneous texts. The author relied on descriptive and statistical methods for the study.

The article shows that the phenomenon of differentiated marking of the direct object in the Tuvan language is motivated by two main functions of the case as a category: differentiation and identification. In essence, differentiation as a function means that case marking serves to express the opposition between the two main actants of the transitional sentence, taking into account their prototypical features. The role of animateness as a factor in the phenomenon of differentiated marking of the direct object in Tuvan can be explained through its relation to the strategy of differentiation. The identification function of case marking is associated with semantic and pragmatic information about the noun phrase. The accusative indicator of the direct object, implementing the identification strategy, serves to indicate certainty, while the nominative form aims to indicate the indefiniteness or non-referentiality of the noun phrase.

Keywords: *Tuvan language; differentiated marking of the object; accusative case; nominative case; prototypicality; animateness; definiteness*

For citation:

Ondar Ch. G. Motivatsii differentsirovannogo markirovaniia priamogo ob»ekta v tuvinskom iazyke [Motivations for differentiated marking of direct object in Tuvan language]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 2, pp. 143-165. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.2.10>

Введение

В данной статье речь пойдет о вариативности падежного маркирования именной группы (далее — ИГ) в позиции прямого объекта (далее — ПО) в тувинском языке, где она может быть выражена номинативом, аккузативом или аблативом. Вариативное маркирование ПО (*Differential Object Marking*) заключается в том, что часть ИГ в позиции ПО обязательно или более вероятно получает одно падежное маркирование, в то время как остальные ИГ в той же позиции маркируются другим падежом (или не маркируются) (Bossong, 1985).

На материале разных языков мира выявлен целый ряд семантических, синтаксических и прагматических факторов, определяющих выбор того или иного маркирования ПО. К наиболее значимым семантическим факторам относится агентивность, одушевленность, вовлеченность, количественность референта ИГ, а также морфологические и семантические свойства управляющего глагола; к прагматическим факторам относятся референциальный, коммуникативный и дискурсивный статус ИГ; к синтаксическим факторам — финитность клаузы, структурный тип ИГ, порядок слов в предложении (Bossong, 1985; de Swart, 2007; Муравьева, 2008; Dalrymple, Nikolaeva, 2011; Сердобольская, Толдова, 2012; и др.).

Перечень и роль релевантных факторов, определяющих выбор того или иного падежного показателя ПО, в языках различны. Как показывает обширный типологический материал, ограничения, на-

кладываемые данными факторами на выбор того или иного падежа ПО, могут быть абсолютными или в различной степени вероятностными (Aissen, 2003). Поэтому необходимо детальное изучение вариантов маркирования ПО на материале конкретных языков.

В тюркологии изучение проблемы вариативного падежного оформления ПО имеет сложную и длительную историю (Казем-бек, 1846; Майзель, 1957; Исхаков, Пальмбах, 1961; Johanson, 1977; Nilsson, 1978; Тыбыкова, 1985; Убрятова, 2006; Муравьева, 2008; Серээдар, 2009; Лютикова, 2014; и др.). Так, выбор падежного аффикса при оформлении прямого объекта в тюркских языках связывается с рядом факторов:

1. с категорией определенности/ неопределенности. ИГ, имеющие определенный референциальный статус, т. е. в полной мере известные участникам речевой ситуации, оформляются аккузативом, а неопределенные — номинативом. Этот фактор по многим причинам позиционируется как главный, определяющий;
2. со структурным типом именной группы. Всегда оформляются аккузативом определенные группы местоимений, изафетная конструкция 3-го типа, ИГ, содержащие исчерпывающие определения;
3. с отношением глагола и дополнения. Если внимание сконцентрировано на глаголе, а дополнение сливается с глаголом-сказуемым, то оно не получает эксплицитного оформления. Если действие и объект четко разграничиваются, то аккузативное оформление обязательно;
4. с порядком слов в предложении. ПО употребляется в номинативе только в позиции непосредственно перед сказуемым, если между ними оказывается какой-нибудь другой член предложения, то аккузативное оформление обязательно;
5. с коммуникативной структурой высказывания. Если ПО находится в теме высказывания, то оно всегда оформляется аккузативом; ПО в реме, имея такой же коммуникативный статус, что и сказуемое, не получает эксплицитного падежного оформления;
6. с дискурсивной значимостью ИГ. Аккузативное оформление получают ИГ, имеющие высокую значимость с точки зрения всего дискурса.

Таким образом, применительно к тюркским языкам выявлено много факторов, влияющих на выбор падежного оформления ПО. Однако, имеется целый ряд исключений, требующих других объяснений.

Цель настоящей статьи — охарактеризовать дифференцированное маркирование ПО в тувинском языке на основе двух релевантных факторов одушевленности и определенности. На наш взгляд, дифференцированное маркирование ПО в тувинском языке мотивировано двумя основными функциями категории падежа, выделяемыми в рамках функционально-типологического подхода: функцией различения (*distinguishing*) и функцией идентификации (*identifying*) (Mallinson, Blake, 1981; Kibrik, 1985; Comrie, 1989).

Суть стратегии различения (*distinguishability*) состоит в том, что падежная маркировка служит для различения двух основных актантов переходного предложения (de Swart, 2007; de Hoop, Malchukov, 2008) с опорой на их прототипические признаки, или прототипичность. Прототипичность понимается как степень соответствия свойств ИГ семантическим, прагматическим и синтаксическим «таксономическим» признакам, лежащим в основе категориальных различий субъекта-Агенса и объекта-Пациенса (Бондарко, 1992; Болдырев, 2002). В реальном высказывании объект-Пациенс может иметь прототипические признаки субъекта-Агенса (например, быть одушевленным), что может привести к двусмысленной интерпретации высказывания. Для устранения потенциальной неоднозначности толкования смысла высказывания ПО маркируется аккузативом. Такое явление возможно в языках, где базовым способом маркировки и субъекта-Агенса, и объекта-Пациенса является номинатив, тем самым показатель номинатива служит одновременно маркером агентивности субъекта-Агенса и маркером пациентивности прямого объекта, а показатель аккузатива — это маркер пациентивности ПО с критическим набором прототипических признаков субъекта-Агенса. При этом аккузативная маркировка ПО ограничивается только теми ситуациями, в которых может возникнуть неоднозначность.

Стратегия идентификации (*identifying*) «использует падежное маркирование для кодирования конкретной семантической или прагматической информации о рассматриваемом аргументе» (de Hoop, Malchukov, 2008: 567). По сути, речь идет о грамматикализации семантико-прагматических языковых категорий.

На наш взгляд, дифференцированное маркирование ПО в тувинском языке обусловлено этими двумя стратегиями падежного маркирования. Такой подход к проблеме дифференцированного маркирования ПО не отменяет значимости результатов предшествующих исследователей, а, наоборот, объясняет, почему именно этот набор факторов является релевантным для выбора морфосинтаксического оформления ПО.

Для исследования использовано 3200 предложений на тувинском языке, соответствующих структурной модели $N_{\text{Nom}} N_{\text{Acc}} V_f$ (Черемисина, Озонова, Тазранова, 2008: 121), в которых представлено 4780 примеров употребления прямых объектов. Источником материала послужили стилистически разнородные тексты. 800 предложений взяты из текстов тувинской прозы (романы, повести, рассказы)¹, 800 предложений — из текстов пьес² в качестве иллюстрации разговорного стиля, 800 предложений — из фольклорных текстов³, 800 предложений — из публицистических текстов (газетные очерки, статьи)⁴. Сбор материала проводился методом сплошной выборки предложений, в которых содержатся ПО в аккумулятиве и номинативе. Факторы, определяющие аблативное оформление ПО, будут рассматриваться в отдельной работе.

Методологической основой исследования послужили прототипический подход к категоризации языка, а также современное понимание обусловленности синтаксической структуры высказывания семантическими и прагматическими факторами. Для анализа материала использованы описательный и статистический методы, компонентный (семный) анализ. Для облегчения понимания содержания приведенных примеров на тувинском языке проведено глоссирование (поморфемный перевод) и перевод на русский язык.

Определение прототипичности

Понятие «прототипичности» сформулировано в контексте прототипического подхода или теории прототипов (Rosch et al., 1976; Лакофф, 1988; Витгенштейн, 1994). В современной отечественной когнитивной лингвистике прототип понимается как «концепт, лежащий в основе формирования категории и определяющий ее содержание» (Болдырев, 2002: 58). Прототипичность трактуется как степень соответствия члена категории ее прототипическим признакам.

На основе идеи прототипичности Б. Примус высказала гипотезу о том, что эксплицитное падежное маркирование получает ПО, обладающий свойствами прото-Агенса (Primus, 2007). Эта гипотеза в целом согласуется с идеей Б. Комри о том, что дифференцированное маркирование ПО служит для устранения «омонимии» субъекта и объекта (Comrie, 1989), т. е. эксплицитное падежное оформление получают такие ПО (Пациенсы), которые в большей степени напоминают Агенс. Б. Комри объясняет это следующим образом: «... в естественных языках, определённые грамматические отношения имеют тенденцию характеризоваться определёнными признаками, в частности, субъект склонен быть определённым, одушевлённым и топикализованным, в то время как прямые объекты склонны быть неопределёнными, неодушевлёнными и быть ремой» (там же: 19). Мы частично разделяем позицию ученого. Но в целом, прототипичность не отменяет бытование нетипичных случаев.

Понятие семантических ролей предложено американским лингвистом Ч. Филлмором (Филлмор, 1981). Оно объясняет, какое отношение имеет участник ситуации к самой ситуации. Основными

¹ Даржай А. А. Чурттаарын күзезиңзе ... [Если хочешь жить ...]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1984; Кенин-Лопсан М. Б. Читкен уруг [Исчезнувшая девушка]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2000; Кудажы К.-Э. К. Уйгу чок Улуг-Хем [Неугомонный Улуг-Хем]. Красный том. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2002; Кудажы К.-Э. К. Ыржым булуң [Тихий уголок]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1965; Монгуш В. Б.-Х. «Кадайыңга ынак сен бе?» [«Любишь ли ты свою жену?»]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2012; Куулар Н. Ш. Улуг ховунуң сактыышкыннары [Воспоминания Великой степи]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2013; Тока С. К. Аратың сөзү [Слово арата]. Кызыл: Издательство Тувинской АО, 1951.

² Бюрбю С. Б. Ынакшылды камнаар херек [Любовь надо беречь] // Чогаалдар чындзызы [Собрание сочинений]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1973; Серен-оол В. С. Оруктар, оруктар [Дороги, дороги] // Сөөскен-нер чечектелип турда [В пору цветения таволги]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1995.

³ Тувинские народные сказки. Новосибирск: ВО «Наука», Сибирская издательская фирма, 1994; Тыва улустуң тоодары [Тувинские народные сказки]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2012.

⁴ Ооржак С. Ы. Мөгөң оруу [Путь борца]. Кызыл: Республиканская типография, 2006; Шын солун (газета «Шын»). № 74–80 (18501–18507), 17 июня — 8 июля 2014 г.

участниками семантико-синтаксической структуры переходного предложения являются Агенс (активный участник ситуации, производящий действие) и Пациенс (участник, на которого направлено действие) (Плунгян, 2003). А прото-ролевые признаки, согласно определению Д. Даути, «это те семантические признаки, которые релевантны для выбора аргумента (субъекта или объекта)» (Dowty, 1991: 561).

К прототипическим характеристикам Агенса Д. Даути относит:

1) X совершает сознательный волеитивный акт (акт действия зависит от воли X'a) (пример: Андрей женился на Марии);

2) X воспринимает (посредством органов чувств) другого участника ситуации (Андрей смотрит на Марию);

3) X вызывает изменения в состоянии другого участника (Андрей разбил кружку);

4) X обладает способностью перемещаться (Андрей идет в баню);

5) X — посессор другого объекта (Андрей владеет земельным участком).

К характеристикам прото-Пациенса относятся:

1) X претерпевает изменение в своём состоянии (Андрей разбил кружку);

2) X — инкрементальная тема (Андрей переходит дорогу. Андрей наполнил бокал);

3) на X оказывается воздействие другим участником (другой участник является причиной изменения X) (Андрей починил стул);

4) X неподвижен, не перемещается относительно другого участника (Андрей наехал на столб);

5) X не существует независимо от события (Андрей построил дом) (там же: 572)¹.

Так, ИГ, обладающая наибольшим количеством свойств прото-Агенса, потенциально имеет большую вероятность быть субъектом действия, а ИГ с наибольшим количеством свойств прото-Пациенса — прямым объектом (Dowty, 1991; Ackerman, Moore, 2001). При этом прото-Агенс и прото-Пациенс — это понятия более абстрактного содержания, чем Агенс и Пациенс.

Такая интерпретация близка к пониманию прототипичности в традиции отечественной лингвистики в рамках когнитивного подхода, где в определении семантических категорий субъекта-Агенса и объекта-Пациенса выделяется набор прототипических категориальных признаков (Бондарко, 2000; Болдырев, 2002: 64–65). К наиболее существенным семантическим прототипическим признакам субъекта-Агенса относят «одушевленность», «энергетическую активность», «волеитивность», «каузативность», «контролируемость», а также «креативность предикативного признака» (Болдырев, 2002: 64). К прототипическим признакам объекта-Пациенса относят «инактивность», «претерпевание видоизменения» и «вовлеченность в предикативный признак», или «комплетивность» («в том смысле, что без объекта предикативный признак остается семантически недостаточным» (там же: 72), «в семантической структуре предложения объект и предикат образуют единый комплекс с той или иной степенью спаянности элементов» (Арутюнова, 1976: 125)).

Кроме того, в теории прототипов и системе прото-ролей Д. Даути (Dowty, 1991) допускается возможность наличия смешанных прото-свойств у члена категории. В конкретном высказывании ИГ, имеющая внушительный набор прото-субъектных признаков, может стоять и в позиции ПО, т. е. иметь определенный набор прото-объектных признаков: одушевленный референт ИГ необязательно выполняет роль субъекта, он может быть и объектом. Кроме того, определенные семантические классы переходных глаголов требуют наличия при них одушевленных объектов, например, глаголы *убивать*, *ранить*, *покалечить* и т. п. И наоборот, неодушевленный объект может выступать в роли субъекта-Агенса. Таким образом, прототипические признаки, за исключением центральных, носят не абсолютный, а скорее вероятностный характер, поэтому в случае с дифференцированным маркированием ПО решающую роль играет чаще всего не один фактор, а их определенная комбинация.

Центральным семантико-синтаксическим признаком категории субъекта-Агенса является агентивность — характеристика непосредственного производителя намеренного или ненамеренного действия. Этот признак делает субъектом-Агенсом даже самого нетипичного агентивного участника. Например, в высказывании *Андрея задел камень*, ИГ *камень* обладает признаком агентивности. «Пациентивность» (Григорян, 2014) как центральный признак объекта-Пациенса является русским эквивалентом стандартного и широко распространенного английского *affectedness* (приблизительно «затронутость действием» или «изменение под воздействием», «страдательность»), обозначающего

¹Примеры адаптированы автором статьи.

в широком смысле признак объекта действия (Klaiman, 1988). Агентивность / пациентивность понимаются как признаки семантико-синтаксических ролей: ИГ приобретает такой признак в контексте, в конкретном употреблении. В отличие от других признаков, агентивность не может быть признаком объекта-Пациенса, а пациентивность — субъекта-Агенса.

Таким образом, суть прототипического подхода к дифференцированному маркированию прямого объекта можно выразить следующим образом: показатель номинатива является базовым маркером агентивности субъекта-Агенса и пациентивности объекта-Пациенса, а показатель аккузатива — маркером пациентивности прямого объекта с критическим набором прототипических признаков субъекта-Агенса во избежание двусмысленности.

Одушевленность / неодушевленность

На обширном типологическом материале установлено, что одним из значимых параметров, от которого зависит маркирование ПО в языках мира, является фактор одушевленности / неодушевленности. Например, в испанском языке одушевленность / неодушевленность является практически единственным фактором, определяющим маркирование ПО: в позиции ПО эксплицитное маркирование, получают одушевленные ИГ, а неодушевленные ИГ специального маркирования не получают (Moravcsik, 1978). Однако чаще одушевленность является не единственным, а одним из многих факторов, определяющих выбор в пользу маркирования ПО (Сердобольская, 2019). Соответственно, в разных языках релевантность факторов в явлении дифференцированного маркирования прямого объекта имеет разные степени. В этом смысле интересно исследование релевантности данных факторов для выбора морфосинтаксического оформления ПО в тюркских языках, где роль категории одушевленности в дифференцированном маркировании объекта не считалась релевантной и исследуется с недавних пор (Yarar, 2018; Ондар, 2021).

В соответствии с иерархией одушевленности объекты, занимающие высокие позиции, получают эксплицитное маркирование, в то время как неодушевленные объекты остаются немаркированными (Silverstein, 1976; Dixon, 1994; Aissen, 2003; Сердобольская, Толдова, 2012):

Личные местоимения 1-го л. > Личные местоимения 2-го л. > Указательные местоимения, личные местоимения 3-го л. > Имена собственные > Имена, обозначающие людей > Одушевленные имена > Неодушевленные имена.

В тувинском языке категория одушевленности / неодушевленности в формальной грамматике не выделяется, но существует как скрытая категория. Вопрос *кым?* ‘кто’ можно задать только к человеку (к личности), а вопрос *чүү?* ‘что?’ к остальным именным классам (Исхаков, Пальмбах, 1961: 225). Таким образом, внутри семантической категории одушевленности / неодушевленности тувинского языка, которая определяется на основе лексико-семантического критерия, возможно выделение оппозиции «личность / неличность», находящей выражение в вопросительных, определительно-отрицательных (*кым-даа* ‘никто, кто-нибудь’, *чүү-даа* ‘ничто, что-нибудь’) и неопределенных (*кым-бир киж* ‘кто-то’, *кайы-бир чүве* ‘что-то’) местоимениях.

В наших материалах одушевленность характерна для 96% (2974 примеров) субъектов-Агентов¹.

(1) *Сени манагзааш шаг болдувус*².

се=ни	манагза=аш	шаг=Ø ³	бол=ду=вус
ты=ACC ⁴	ждать=CV3 ⁵	время =NOM ⁶	быть=PAST ⁷ =1PL ⁸

‘Мы тебя заждались’.

¹ Примечательно, что близкие результаты получены на материале норвежского языка в выборке из 1000 предложений переходного типа, где одушевленными оказались референты более 97% подлежащих (Øvreliid, 2004).

² Кенин-Лопсан М. Б. Читкен уруг [Исчезнувшая девушка]. Кызыл, 2000. С. 6.

³ Нулевая форма.

⁴ Accusative case, форма винительного падежа.

⁵ Converb3, форма прошедшего деепричастия.

⁶ Nominative, форма неопределенного падежа.

⁷ Past, форма прошедшего категорического времени.

⁸ Plural, форма 1-го лица множественного числа

ИГ с неодушевленным референтом в позиции субъекта-Агенса встречаются только в 4% (132 единиц).

(2) < ... > ол көрүш чүректи шуут өдүп турар¹.

ол	көрүш=Ø	чүрек=ти	шуут	өд=үп	тур=ар
этот	взгляд=NOM	сердце=ACC	насквозь	пронизывать CV1 ²	AUX ³ = PRS2 ⁴

‘... этот взгляд насквозь пронизывает сердце’.

96% одушевленных субъектов-Агентов (2859 из 2974) выражены ИГ, обозначающими людей. Такой высокий процент «субъектов-личностей», на наш взгляд, подтверждает прочные связи признака «личность» и категории субъекта-Агенса, что исходит из основной характеристики агентивного участника — иметь волю, быть способным производить действие, описываемое предикатом (Primus, 2007).

В рамках концепции элементарного простого предложения личность признается прототипическим признаком субъекта-Агенса. «Первый актант, производитель действия (эту семантическую роль называют актором или агенсом) занимает синтаксическую позицию подлежащего в морфологической форме неопределенного падежа. Рассматриваемая модель (N_{Nom} N_{Acc} V_r) предъявляет жесткие требования к словам в этой позиции: они должны заключать в себе сему активности, способности действовать. Естественно, что этому требованию удовлетворяют прежде всего слова, обозначающие людей или указывающие на них: лично-указательные местоимения, существительные, личные имена, термины родства и другие личные нарицательные существительные. Только человек в полной мере способен целенаправленно воздействовать на окружающий мир» (Черемисина, Озонова, Тазранова, 2008: 122). Такое объяснение согласуется с иерархией одушевленности, представленной выше и именно по этой причине, вероятно, в тюркских языках вопрос *кым?* ‘кто?’ задается только по отношению к человеку.

Форму винительного падежа принимают прежде всего лексемы, обладающие прототипическим признаком «личности»: личные местоимения, возвратно-определятельное местоимение *бот* ‘сам’, вопросительное местоимение *кым?* ‘кто?’, определятельно-отрицательное *кым-даа* ‘всякий, никто’, антропонимы.

(3) Мени өлүрбейн көр⁵.

ме=ни	өл=үр=бейн	көр=Ø
я=ACC	умирать=CAUS ⁶ =NEG.CV ⁷	смотреть=IMP/2Sg ⁸

‘Пожалуйста, не убивай меня’.

На наш взгляд, обязательная аккузативная маркированность личных местоимений в позиции ПО исходит из положения, что они обычно являются главными действующими лицами ситуации. А одним из ключевых признаков прототипа является то, что по сравнению с «нетипичными» представителями категории они характеризуются большей частотностью употребления (Rosch, Mervis, 1975). Таким образом, такая «активная позиция» является одним из важных сигналов их субъектной прототипичности, и именно поэтому они занимают вершину иерархии одушевленности.

Семантически к личным местоимениям 3-го лица близко возвратно-определятельное местоимение *бот* ‘сам’, которое в позиции ПО также всегда оформляется аккузативом.

¹ Куулар Н. Ш. Улуг ховунуң сактыышкыннары [Воспоминания Великой степи]. Кызыл, 2013. С. 7.

² Converb1, форма соединительного деепричастия.

³ Auxiliary, вспомогательный глагол.

⁴ Present2, форма настоящего времени.

⁵ Тос шилги аъттыг Өскүс-оол [Оскюс-оол с девятью рыжими конями] // Тувинские народные сказки. Новосибирск: Наука, 1994. С. 252.

⁶ Causative, понудительный залог.

⁷ Negative converb, отрицательное деепричастие.

⁸ Imperative, повелительное наклонение.

(4) Бодун бодаттынын көөрге, мүн-не оттуп келген болган¹.

бод=у=н	бода=ттын=ып	кө=өр=ге	
сам=POSS/3 ² =ACC	думать=REFL ³ =CV1	смотреть=PRS4 ⁴ =DAT ⁵	
мүн=не	отту=п	кел=ген	бол=ган
действительно=part ⁶	просыпаться=CV1	приходить=PAST1 ⁷	быть=PAST1

‘Подумал про себя, и оказалось, что это не сон’.

Показательным является обязательность аккузативного маркирования вопросительного местоимения *кым?* ‘кто?’ и определительно-отрицательного местоимения *кым-даа* ‘всякий, кто угодно, кто-нибудь, никто’. Л. Йохансен писал об обязательной аккузативной маркированности неопределенного вопросительного местоимения *kim?* ‘кто?’ в турецком языке как исключения из «правила определенности» (Johanson, 1977). И насколько нам известно, практически единственной работой, посвященной роли фактора одушевленности в тюркских языках, является недавняя статья Э. Йарар (Yarar, 2018). Имея в своем значении сему абстрактной неопределенности, данные классы местоимений используются только при указании на человека. Центральным в семантике данных местоимений является прототипический признак субъекта-Агенса — «личность», который, вероятно, и определяет аккузативное маркирование.

(5) Салым-чол ам аңаа удур кымны салыптар деп?⁸

салым-чол=Ø	ам	аң=аа	удур	кым=ны	сал=ыпт=ар	деп
судьба=NOM	сейчас	он=DAT	против	кто=ACC	ставить=PFV ⁹ =FUT ¹⁰	part

‘Кого же судьба выставит против него?’.

Следующая ИГ, обязательно маркируемая аккузативом, — это имена собственные. Они абстрагированы от конкретных лиц или объектов, а в коммуникативной ситуации максимально индивидуализированы и актуализируют знания участников речевого акта о называемом объекте. Являясь непосредственными наименованиями конкретных референтов, они выражают максимальную определенность, поскольку они близки к дейктическому потенциалу местоимений. Также референт, называемый именем собственным, имеет высокую дискурсивную значимость. Антропонимы, в отличие от других онимов, обладают семой «личность», антропонимы и зоонимы — «одушевленность». Общим в семантике имен собственных является «определенность» и категориальная сема «ненарицательность».

(6) Ол келген дораан Буянны хары-буру чок буруудадып-ла эгелэн¹¹.

ол=Ø	кел=ген	дораан	Буян=ны	хары-буру=Ø	чок
он=NOM	приходить=PAST1	сразу	pers=ACC	вина=NOM	postp ¹²
бурууда=д=ып=ла			эгелэ=эн		
быть виновным=CAUS=CV1=part			начать=PAST1		

‘Он как пришел, сразу начал винить Буяна’.

¹ Тос шилги аъттыг Өскүс-оол [Оскюс-оол с девятью рыжими конями] // Тувинские народные сказки. Новосибирск: Наука, 1994. С. 256.

² Possessive, притяжательный аффикс 3-го лица.

³ Reflective, форма возвратного залога.

⁴ Present4, форма настоящего времени в значении прошедшего.

⁵ Dative, форма дательного падежа.

⁶ Particle, частица.

⁷ Past1, форма прошедшего неопределенного времени.

⁸ Ооржак С. Ы. Мөгениң оруу [Путь борца]. Кызыл, 2006. С. 21.

⁹ Perfect view, законченный вид.

¹⁰ Future, форма будущего времени.

¹¹ Кудажи К.-Э. К. Уйгу чок Улуг-Хем [Неугомонный Улуг-Хем]. Красный том. Кызыл, 2002. С. 12.

¹² Postposition, послелог.

Нарицательные имена, обозначающие людей, в позиции ПО в наших материалах получают аккузативное маркирование в 80% случаев (145 примеров из 181). Процент маркировки «ИГ-личностей» в позиции ПО аккузативом очень высок.

(7) *Ол черле чейзеңни өлүрер дивээн, <... >*¹

ол=Ø	черле	чейзең=ни	өлүр=ер	ди=вээн
он=NOM	все-таки	чейзен=ACC	убить=INF ²	говорить=PAST1.NEG

‘Она все-таки не хотела убивать чейзена⁵...’

Нарицательные имена существительные получают аккузативное оформление, если имеют сему «личность». Если в примере (8) убрать аккузативное маркирование ИГ *тывалар* ‘тувинцы’, то суть высказывания кардинально изменится: получится, что начали убивать тувинцы, а не наоборот.

(8) *Ынаар Хемчикте тываларны өлүрүп эгелей берген дидир*⁴.

ынаар	Хемчик=те	тыва=лар=ны	өлүр=үп	эгеле=й	бер=ген
там	Хемчик=LOC	тувинец=PL=ACC	убивать=CV1	начать=CV2	AUX=PAST1

дид=ир
говорить=PRS2

‘Поговаривают, что в Хемчике⁵ начали убивать тувинцев’.

ИГ, обозначающие людей, часто имеют определенный референциальный статус, даже если обозначают обобщенные признаки.

Примеры (9) и (10), идущие в тексте непосредственно друг за другом, демонстрируют роль фактора референциальной определенности. В примере (9) девочка впервые упоминается в дискурсе, а в примере (10) — во второй раз. Как видно, во втором случае ИГ получает аккузативное оформление.

(9) *Угбам Албынчы уруг божаан*⁶.

угба=м=Ø	Албынчы=Ø	уруг=Ø	божа=ан
сестра=POSS/1Sg ⁷ =NOM	Pers ⁸ =NOM	девочка=NOM	рожать= PAST1

‘Сестра Албынчы родила девочку’.

(10) *Уругну Сүрүңмаа деп адап алганнар*⁹.

уруг=ну	Сүрүңмаа=Ø	деп	ада=п	ал=ган=нар
девочка=ACC	Pers=NOM	так	называть=CV1	AUX=PAST1=3PL

‘Девочку назвали Сурунмаа’.

¹ Кудажы К.-Э. К. Уйгу чок Улуг-Хем [Неугомонный Улуг-Хем]. Красный том. Кызыл, 2002. С. 7.

² Infinitive, форма инфинитива.

³ Название титула в дореволюционной Туве.

⁴ Бюрбю С. Б. Ынакшылды камнаар херек [Любовь надо беречь] // Чогаалдар чыындызы [Собрание сочинений]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1973. С. 548.

⁵ Название реки в западной Туве.

⁶ Тока С. К. Араттың сөзү [Слово арата]. Кызыл, 1951. С. 9.

⁷ Possessive, притяжательный аффикс 1-го лица единственного числа.

⁸ Person, антропоним.

⁹ Тока С. К. Араттың сөзү [Слово арата]. Кызыл, 1951. С. 9.

Маркированность неопределенного одушевленного ПО может быть связана с актуальным членением предложения. Однако есть случаи, и достаточно многочисленные, когда аккузативное оформление получают неиндивидуализированные и рематизированные ИГ, обозначающие людей. Такие примеры составляют почти 10% нашей выборки (14 из 145 единиц).

В примере (11) продемонстрирован случай, где аккузативное оформление ПО служит цели различения субъекта-Агенса и ПО, так как ИГ *кижилер* 'люди' в данной ситуации может быть потенциальным субъектом в силу обладания семей «личность».

(11) [Ол таварылгаларда]_{тема} [машина-балгаттыг кижилерни дилээр¹]_{рема}

ол	таварылга=лар=да	машина-балгат=тыг	кижи=лер=ни	дилэ=эр
тот	случай=PL=LOC	транспорт=ADJLZ ²	человек=PL=ACC	просить=PRS2

‘В таких случаях просят людей с транспортным средством’.

Вероятно, ситуаций, когда требуется формальное разграничение субъекта-Агенса и объекта-Пациенса в силу одушевленности референта объекта-Пациенса, больше, чем указано выше. Но сложности при подсчетах вызывают случаи, в которых трудно определить какой фактор является определяющим — определенность, коммуникативный статус или одушевленность. Такова роль одушевленности и в бесермянском диалекте удмуртского языка, где этот фактор «не налагает строгих ограничений», но имеет «крайне важное значение» наряду с референциальным и коммуникативным статусом ИГ (Сердобольская, 2019: 212). В таком случае «должны учитываться разные комбинации значений данных факторов, т. к. для них действуют правила разной степени строгости» (там же: 213).

Роль фактора личности, как и практически всех факторов, определяющих дифференцированное маркирование объекта, не носит абсолютного характера, т. е. не все ИГ, обозначающие людей, в позиции ПО получают аккузативное маркирование, что обусловлено тем, что не всегда возникает такая неоднозначность.

(12) Мен барып, эмчи чалап кэйн³.

мен=Ø	бар=ып	эмчи=Ø	чала=п	кэ=эйн
я=NOM	идти=CV1	врач=NOM	вызывать=CV1	AUX=IMP/1Sg

‘Я вызову врача’.

В примере (12) немаркированность ПО, во-первых, связана с неопределенным референциальным статусом референтов ИГ *эмчи* ‘доктор’, во-вторых, между предикатом *чала* ‘приглашать, вызывать’ и объектом-Пациентом *эмчи* ‘врач’ устанавливается тесная взаимосвязь, так как данное существительное регулярно используется в качестве объекта-Пациенса при этом глаголе. Такое явление описывается как «вовлеченность в предикативный признак» (Болдырев, 2002: 72). Прототипический признак объекта-Пациенса «вовлеченность» предотвращает возможность неоднозначной интерпретации.

Следующий класс имен, рассматриваемый в контексте одушевленности, — это существительные, обозначающие животных и других живых существ⁴, не являющихся людьми. Особое выделение данной группы продиктовано необходимостью проверки релевантности семы «одушевленность». В наших материалах существительные, обозначающие живых существ, не являющихся людьми, в качестве субъекта-Агенса встретились всего 115 раз в 3106 прототипических переходных клаузах, что составляет 3,7%.

¹ Тес-Хемчилерге эмчилер четкен // Шын. 26 июня 2014, № 76. С. 2.

² Adjectivizator, аффикс, образующий прилагательное.

³ Бюрбю С. Б. Ынакшылды камнаар херек [Любовь надо беречь] // Чогаалдар чындзызы [Собрание сочинений]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1973. С. 437.

⁴ Например, существа потустороннего мира в примерах из тувинских сказок.

(13) *Ыт силерниң чүңерни канчапкан?*¹

ыт=Ø	силер=ниң	чү=ңер=ни	канча=п=кан
собака=NOM	вы=GEN ²	что=POSS/2PL	делать=PFV=PAST1

‘Собака Вам что сделала?’

Данный класс существительных в позиции ПО получает аккузативное маркирование примерно в половине случаев — 52% (51 из 99 примеров).

(14) *Ынчан сен семис тарбаганны союп ордуң.*³

ынчан	сен=Ø	семис	тарбаган=ны	сой=уп	ор=ду=ң
тогда	ты=NOM	жирный	тарбаган=ACC	свежевать=CV1	сидеть=PAST=2Sg

‘Тогда ты сидел и свеживал жирного тарбагана’.⁴

(15) *Мергенниң ол чарыында шыргай аразынга койгун, торлаа дузактаан болза.*⁵

Мерген=ниң	ол	чары=ын=да	шыргай=Ø	ара=зын=га
Pers=GEN	тот	сторона=POSS/3=LOC ⁶	дебри=NOM	промежуток=POSS/3=DAT
койгун=Ø	торлаа=Ø	дузакта=ан		болза
заяц=NOM	куропатка=NOM	ловить_на_петлю=PAST1		postp

‘Как было бы здорово на том берегу Мергена ловить на петлю зайцев и куропаток’.

В позиции ПО неодушевленные имена существительные маркируются аккузативом в 41% случаев (362 примера из 884). В примерах (16) и (17) представлены кореферентные ИГ, отличающиеся определенностью и неопределенностью.

(16) *{Таалыңның бир талазынче холдааш,} пөс хаптан кадарлыг ээги уштуп келген.*⁷

пөс	хап=тан	кадарлыг	ээги=Ø	ушту=п	кел=ген
тканевый	мешок=ABL	высохший	ребро=NOM	вынуть=CV1	AUX=PAST1

‘{Засунув руку в одну часть переметной сумы,} вытащил оттуда засохшее ребрышко’.

(17) *Соок эьтти дайнагылаан.*⁸

соок	ЭЬТ=ТИ	дайна=гыла=ан
холодный	мясо=ACC	жевать=ITER ⁹ =PAST1

‘Пожевал холодное мясо’.

¹ Бюрбю С. Б. Ынакшылды камнаар херек [Любовь надо беречь] // Чогаалдар чыындызы [Собрание сочинений]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1973. С. 551.

² Genitive, форма родительного падежа.

³ Кенин-Лопсан М. Б. Читкен уруг [Пропавшая девочка]. Кызыл, 2000. С. 6.

⁴ Млекопитающее из рода сурков.

⁵ Тока С. К. Араттың сөзү [Слово арата]. Кызыл, 1951. С. 9.

⁶ Locative, форма местного падежа.

⁷ Кудажы К.-Э. К. Ыржым булуң [Тихий уголок]. Кызыл, 1965. С. 5.

⁸ Там же.

⁹ Iterative, форма многократного вида.

Таким образом, в тувинском языке дифференцированное маркирование одушевленных и неодушевленных ИГ в позиции ПО в целом соответствует иерархии одушевленности: ИГ, референты которых занимают в иерархии одушевленности более высокие позиции, получают аккузативное маркирование, в то время как неодушевленные объекты остаются чаще немаркированными.

Личные местоимения 1-го л. (100%) > Личные местоимения 2-го л. (100%) > Указательные местоимения, личные местоимения 3-го л. (100%) > Имена собственные (100%) > ИГ, обозначающие людей (80%) > Одушевленные ИГ (51%) > Неодушевленные ИГ (41%).

Субъекты-Агенты почти всегда обозначают лица, тогда как одушевленные ИГ, называющие нечеловеческие существа, и неодушевленные ИГ очень редко выступают в роли субъекта-Агента, хотя строгого запрета нет. ИГ, обозначающие живых существ, и неодушевленные ИГ в позиции ПО маркируются аккузативом значительно реже, чем ИГ, обозначающие людей. Это показывает релевантность признака «личность» и как прототипического признака категории субъекта-Агента, и как фактора, определяющего аккузативное маркирование ПО, что, вероятнее всего, указывает на тесные связи между прототипичностью и дифференцированным маркированием ПО.

Аккузативное маркирование ПО в тувинском языке не является средством указания на одушевленность (или личность) референта ИГ, а немаркированность не связана с неодушевленностью (или неличностью) референта ИГ непосредственно. Роль одушевленности для дифференцированного маркирования ПО в тувинском языке можно объяснить только через его отношение к стратегии различения субъекта и объекта для предотвращения потенциальной двусмысленности высказывания. Если бы аккузативное маркирование служило грамматикализации категории одушевленности / неодушевленности (личности / неличности), то мы видели бы более последовательное аккузативное маркирование одушевленных и немаркирование неодушевленных ИГ. Фактически фактор одушевленности вступает в силу лишь в тех случаях, когда требуется разграничение субъекта-Агента и объекта-Пациенса.

Определенность / неопределенность

Референциальный статус ИГ играет ключевую роль в выборе морфосинтаксического оформления ПО не только в тюркских (Майзель, 1957; Дмитриев, 1960; Исхаков, Пальмбаха, 1961; Nilsson, 1978; Убрятова, 2006; Муравьева, 2008; и др.), но и в других языках, например, в современном иврите (Aissen, 2003), во многих финно-угорских (Сердобольская, Толдова, 2012) и в других языках (de Swart, 2007). Референциальный статус ИГ — это её обязательная семантико-прагматическая характеристика (Падучева, 2010). В языках мира референциальный статус может передаваться посредством определенных и неопределенных артиклей, однако тюркские языки не имеют артиклей, хотя числительное *бир* 'один' иногда выполняет роль неопределенного члена (артикля) (Исхаков, Пальмбаха, 1961: 249).

По определению Е. В. Падучевой, референция — это «соотнесение и соотнесенность языковых выражений с внеязыковыми объектами и ситуациями» (Падучева, 2010: 79). Референциальный статус ИГ определяется соотнесенностью с референтом, т. е. тем или иным индивидуальным объектом внеязыковой действительности (там же: 83). Референциальные статусы, таким образом, подразделяются на референтные и нереферентные. Далее, референтные ИГ делятся на определенные, слабо определенные и неопределенные. ИГ осмысливается как определенная, если говорящий уверен, что её референт однозначно устанавливается слушающим. Слабо определенные ИГ указывают на объекты, «известные говорящему, но предполагаются неизвестными слушающему». А неопределенная референтная ИГ — это объекты, которые неизвестны ни говорящему, ни слушающему (там же: 86–93). Нереферентные ИГ «не обозначают никаких индивидуализированных объектов» (там же: 94). Похожей трактовки референциального статуса ИГ придерживался Т. Гивон (Givon, 1983): референтными являются ИГ, которые признаются говорящим существующими в рамках данного дискурса. Определенными, по Т. Гивону, являются референтные ИГ, про которые говорящий имеет все основания полагать, что слушающий может каким-то образом сопоставить ей уникального референта (там же).

Аналогично иерархии одушевленности в типологической литературе выстроена иерархия определенности (Givon, 1983: 407; Comrie, 1989: 134–136; Aissen, 2003):

Личные местоимения > Имена собственные > Определенные ИГ > Неопределенные референтные ИГ > Нереферентные ИГ

Верхние позиции этой иерархии частично перекликаются с приведенной выше иерархией одушевленности. Чем выше ИГ в иерархии, тем больше вероятность ее эксплицитного маркирования в позиции ПО, соответственно, чем ниже, тем больше вероятность остаться немаркированной (Aissen, 2003).

Приведем количественные данные, характеризующие определенность / неопределенность субъектов-Агенсов по нашим материалам (табл. 1). Субъекты-Агенсы оказались определенными в 2694 случаях из 3106, что составляет 87%; неопределенные субъекты-Агенсы отмечены в 412 примерах (13%). Важно отметить, что в выборку включены неопределенно-личные переходные предложения, которые преимущественно и составляют весь массив неопределенных субъектов-Агенсов.

Для объектов-Пациенсов результаты следующие (табл. 1): из 4431 употребления определенный референциальный статус имеют 3270 (74%), неопределенный статус – 1161 (26%), из которых 851 (19%) – неопределенные референтные, 310 (7%) – нереферентные.

Таблица 1. Результаты статистического подсчета распределения признака референциального статуса.

Table 1. Statistical computation of the distribution of the referential status sign.

Признак	Роль	
	Субъект-Агенс	Объект-Пациенс
Определенность	87% (2694)	74% (3270)
Неопределенность	13% (412)	19% (851)
Нереферентность		7% (310)

Таким образом, признак определенности вряд ли является прототипическим для субъекта-Агенса или объекта-Пациенса. И субъект-Агенс, и объект-Пациенс примерно с одинаковой частотой характеризуются определенным референциальным статусом, хотя наблюдается небольшая разница в пользу субъекта-Агенса.

В табл. 2 представлена зависимость формы выражения ПО номинативом или аккузативом в зависимости от определенности / неопределенности и референтности ИГ.

Таблица 2. Маркированность ПО и референциальный статус ИГ.

Table 2. Marking of the direct object and the referential status of the IG.

Маркировка	Референциальный статус ИГ		
	Определенные ИГ	Неопределенные референтные ИГ	Нереферентные ИГ
ACC	96% (3270)	39% (332)	29% (90)
NOM	4% (131)	61% (519)	71% (220)

В категорию определенных ИГ мы включили следующие:

1. ИГ, о референте которых речь уже шла и еще живо хранящиеся в памяти участников ситуации;
2. Личные местоимения;
3. Возвратно-определятельные местоимения (бот 'сам');
4. Указательные местоимения и ИГ, определяемые указательными местоимениями;
5. Определятельные местоимения и ИГ, определяемые определятельными местоимениями (шупту 'все', шупту кижилер 'все люди');
6. Имена собственные;
7. Изафетные конструкции 3-го типа, передающие определенность (Буянның авды 'лошадь Буяна', мээң номум 'моя книга').

Во-первых, это определенные ИГ, определенный референциальный статус которых понятен из контекста без помощи актуализаторов и модификаторов.

(18) *Дүрген, аътты ал!*¹

дүрген	аът=ты	ал=Ø
быстро	лошадь=АСС	братъ= IMP

‘Быстро, бери лошадь!’

Об обязательном маркировании личных и возвратно-определяющего местоимений в позиции ПО в тувинском и других тюркских языках мы говорили с точки зрения релевантности признака личность, но когда речь идет о роли фактора определенности / неопределенности, то здесь на передний план выходит значение «персональной дейктивности» в семантике личных местоимений. Именно указание на референтного и определенного участника речевой ситуации определяет их обязательное аккузативное маркирование в позиции ПО. Л. Йохансон писал, что основная функция аккузативного оформления ПО — быть анафоро-дейктическим средством, обеспечивающим идентификацию объекта (Johanson, 1977).

(19) *Кызылчылар бисти дыка чылыг хүлээп алды!*².

кызылчы=лар=Ø	бис=ти	дыка	чылыг	хүлээ=эп	ал=ды
кызылчанин=PL=NOM	мы=АСС	очень	тепло	принимать=CV1	AUX=PAST

‘Кызылчане очень тепло встретили нас’.

На основании дейктической определенности обязательно маркируются аккузативом в позиции ПО также и указательные местоимения: они, как правило, передают значение определенности, так как выражают пресуппозицию существования уникального объекта в общем «поле зрения» говорящего и слушающего. Так, семантику указательных местоимений практически полностью составляет «дейктическое» и «анафорическое» значения:

(20) *Ону харын дүрген сөглө!*³.

о=ну	харын	дүрген	сөглө=Ø
он=АСС	напротив	быстро	говорить=IMP

‘Лучше об этом быстрее говори’.

(21) ... *демги бөрүнү-даа сүрбейн чорупкан!*⁴.

демги	бөрү=нү=даа	сүр=бейн	чор=уп=кан
тот	волк=АСС=part	гнать=NEG-CV	идти=PFV=PAST1

‘...поехал, не преследуя того волка’.

Следующий класс местоимений, обязательно маркируемых аккузативом, это определяющие местоимения. К ним относятся: *бүгү* ‘весь’, *бүгүдө* ‘все’, *хамык* ‘весь’, *шупту* ‘все, всё’, *дөгере* ‘всё, целиком,

¹ Кудажы К.-Э. К. Ыржым булуң [Тихий уголок]. Кызыл, 1965. С. 7.

² Россия хүнү — Арат шөлүндө // Шын. 17 июня 2014, № 74. С. 4.

³ Серен-оол В. С. Оруктар, оруктар ... [Дороги, дороги ...] // Сөөскеннер чечектелип турда [В пору цветения таволги]. Кызыл, 1995. С. 10.

⁴ Тос шилги аъттыг Өскүс-оол [Оскюс-оол с девятью рыжими конями] // Тувинские народные сказки. Новосибирск: Наука, 1994. С. 252.

полностью' и др. (Исхаков, Пальбмах, 1961: 239). Семантически они выражают совокупность всех предметов или коллектива людей, определяют группу предметов и людей или отдельные предметы и индивидуумы (там же: 244). Они в позиции определения, выполняя адъективную функцию, в составе ИГ, выступающего в позиции ПО (23). Определительные местоимения, названные в литературе исчерпывающими кванторными словами (Лютикова, 2014), отсылают либо к известному множеству или объекту, либо ко всем объектам данного класса, выражая в обоих случаях универсальную определенность.

(22) <...> өске-даа хөй-хөй аас чогаал күүселделери хамыкты кайгаткан¹.

өске-даа	хөй-хөй	аас_чогаал=∅	күүселде=лер=и=∅
другой	много	фольклор=NOM	исполнение=PL=POSS3=NOM
хамык=ты	кайгат=кан		
все=ACC	удивлять=PAST1		

'<...> и много других фольклорных исполнений удивило всех'.

(23) Хамык күштү октаар бис².

хамык	күш=тү	окта=ар	бис
все	сила=ACC	бросать=FUT	1PL

'Бросим все силы'.

Обязательного маркирования требуют все имена собственные. С точки зрения структуры лексического значения «сигнификат — денотат — коннотат» для имен собственных и местоимений характерно отсутствие ярко выраженного сигнификативного значения, т. е. понятийное ядро значения отсутствует. Они обретают и реализуют свое значение только в рамках дискурса, т. е. всегда являются референтными. Видимо, именно референциальный статус имен собственных определяет обязательность их аккузативного маркирования.

(24) Бай-Тайгадан баткаш, Барыынны эрткеш, Чадаанга чоокшулап кел чыткан бис³.

Бай-Тайга=дан	бат=каш	Барыын=ны	эрт=кеш	Чадаан=га
Бай-Тайга=ABL	спускаться=CV3	Барыын=ACC	проезжать=CV3	Чадаан=DAT
чоокшула=п	кел=∅	чыт=кан	бис	
приближаться=CV1	приезжать=∅	AUX=PAST1	1PL	

'Выехав из Бай-Тайги, проехав Барыын, мы подъезжали к Чадану'.

Следующий тип определенных ИГ — это изафетные конструкции 3-го типа (ИК3). В 3-м лице они всегда маркируются аккузативом.

(25) Май-оолдуң бажын төөредип тур сен бе, Чечек?⁴

Май-оол=дуң	быж=ы=н	төөред=ип	тур	сен	бе	Чечек=∅
Pers=GEN	голова=POSS3=ACC	морочить=CV1	AUX	1Sg	part	Pers=NOM

'Ты морочишь голову Май-оола, Чечек?'

¹ Россия хүнү — Арат шөлүндө // Шын. 17 июня 2014, № 74. С. 4.

² Кудажы К.-Э. К. Ыржым булуң [Тихий уголок]. Кызыл, 1965. С. 39.

³ Монгуш В. Б.-Х. «Кадайыңга ынак сен бе?» [«Любишь ли ты свою жену?»]. Кызыл, 2012. С. 6.

⁴ Там же. С. 19.

Однако только примерно половина случаев употребления ИКЗ 1-го и 2-го лица получают аккузативную маркировку в позиции ПО, хотя они всегда референтны и определены через отношение к говорящему и слушающему. Причиной тому, вероятно, является то, что посессивные аффиксы 1-го и 2-го лица уже передают определенность, поэтому показатель аккузатива здесь избыточен. Они составляют большую часть тех 4% определенных ИГ, которые не получают аккузативного маркирования в позиции ПО.

(26) *Мен дуңмаларым эдертип алгааш, чээргеннеп чоруптум*¹.

мен=Ø	дуңма=лар=ым	эдерт=ип	ал=гааш
я=NOM	младший_брат_(сестра)=PL=POSS/1Sg	брат_с_собой=CV1	AUX=CV3
чээрген=не=п	чору=пт=ум		
щепка=VRBLR ²	уходить=PFV=1Sg		

‘Взяв с собой своих младших братьев и сестер, пошла за щепками’.

Встречаются случаи, когда имена собственные, имеющие посессивные аффиксы 1-го и 2-го лица, не маркируются.

(27) ... *дораан-на төрээн Мергеним көрген мен*³.

дораан=на	төрээн	Мерген=им=Ø	көр=ген	мен
сразу=part	родной	Мерген=POSS/1Sg=NOM	смотреть=PAST1	1Sg

‘... сразу же я увидел свой родной Мерген’⁴.

В случаях, где ИКЗ 1-го и 2-го лица все же получают аккузативное маркирование, определяющую роль играют другие факторы, отличные от определенности / неопределенности. Поэтому данный тип ИГ заслуживает отдельного рассмотрения.

Часто аккузативом не маркируются определенные ПО, характеризующиеся прототипическим признаком объекта-Пациенса, который называют «вовлеченностью в предикативный признак».

(28) {От салып, шай чылыда бээр⁵. < ... >} *Шай кудар*⁶.

шай=Ø	куд=ар
чай=NOM	наливать=PRS2

‘{Затопив печь, разогревает чай.} < ... > Наливает чай’.

В примере (28) речь идет о чае, который один из участников ситуации только что разогрел. Сочетание *шай кудар* ‘наливать чай’ относится к разряду устойчивых, высказывание носит общеинформативный характер: отвечает на вопрос: *что делает?*, ПО и предикат находятся в реме.

Немаркированность определенной ИГ *турлаг* ‘лагерь’ в примере (29) может быть объяснена также общим рематизированным коммуникативным статусом ПО и предиката.

¹ Кенин-Лопсан М. Б. Читкен уруг [Пропавшая девочка]. Кызыл, 2000. С. 8.

² Verbalizator, глаголообразующий аффикс.

³ Тока С. К. Араттың сөзү [Слово арата]. Кызыл, 1951. С. 5.

⁴ Гидроним.

⁵ Бюрбю С. Б. Ынакшылды камнаар херек [Любовь надо беречь] // Чогаалдар чыындызы [Собрание сочинений]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1973. С. 544.

⁶ Там же. С. 545.

(29) {... кагаан ону төп өргээ-турлагны кадарар сен дээш каапкан¹. < ... >} [А Күл-тегин]_{тема} [хөй эвес шериг-биле турлаг кадарып артып калган]_{рема}².

а	Күл-Тегин=Ø	хөй	эвес	шериг-биле	турлаг=Ø	кадар=ып
conj	Pers=NOM	много	part.NEG	армия-postp	стоянка=NOM	охранять=CV1
	арт=ып	кал=ган				
	оставаться=CV1	AUX=PAST1				

{... каган его оставил охранять центральный лагерь. } < ... > А Кюль-Тегин с небольшим военным отрядом остался охранять лагерь’.

Вариант с аккузативной маркировкой здесь возможен только в случаях, когда ПО и предикат имеют разный коммуникативный статус, когда рематизированным является только предикат. В таком случае данный ПО получает маркированность как определенная ИГ.

Немаркированность ПО с определенным референтом также связана с явлением, когда слово *кижи* ‘человек’ в тувинском языке применяется к самому говорящему, к 1-му лицу, т. е. референт ИГ в данном случае — это сам говорящий.

(30) Ой, кижы үзе шааптың, Өскүс-оол³.

ой	кижи=Ø	үз=е	шаа=п=ты=ң	Өскүс-оол=Ø
Interj	человек=NOM	отрезать=CV2	AUX=PFV=PAST=2Sg	Pers=NOM

‘Ой, смотри, не отрежь меня, Оскюс-оол’.

(31) Кижы дыка сүртетпе⁴.

кижи=Ø	дыка	сүрте=т=пе
человек=NOM	сильно	волноваться=CAUS=IMP-NEG

‘Не заставляй меня сильно волноваться’.

Данное явление в тувинском языке достаточно распространено и реализуется обычно в прямой речи. Слово *кижи* употребляется здесь в качестве эвфемизма, смягчающего конкретизацию. В тувинском языке есть и другие аналогичные ситуации, когда в определенных прагматических условиях осуществляется замена определенной ИГ на неопределенную (Сат, 1993).

Референтная, но неопределенная ИГ, находящаяся обязательно в *реме* высказывания отдельно или вместе с предикатом, обычно не получает аккузативного маркирования. ИГ данного типа часто сопровождаются числительным *бир* ‘один’ в качестве неопределенного артикля.

(32) <...> уруг Эресче бир-ле саазын сунган⁵.

уруг=Ø	Эрес=че	бир-ле	саазын=Ø	сун=ган
девушка=NOM	Pers=LAT	один	бумага=NOM	протягивать=PAST1

‘<...> девушка протянула Эресу какую-то бумагу’.

¹ Куулар Н. Ш. Улуг ховунуң сактышкыннары [Воспоминания Великой степи]. Кызыл, 2013. С. 6.

² Там же. С. 8.

³ Тос шилги аъттыг Өскүс-оол [Оскюс-оол с девятью рыжими конями] // Тувинские народные сказки. Новосибирск: Наука, 1994. С. 260.

⁴ Бюрбю С. Б. Ынакшылды камнаар херек [Любовь надо беречь] // Чогаалдар чыындызы [Собрание сочинений]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1973. С. 393.

⁵ Кудажи К.-Э. К. Ыржым булуң [Тихий уголок]. Кызыл, 1965. С. 21.

Далее в примере (33) показана нереперентная ИГ, существительное *акша* ‘деньги’ употребляется в самом общем смысле, как родовое понятие в своем сигнификативном значении.

(33) *Солдаттардан акша албас улус бис*¹.

солдат=гар=дан	акша=Ø	ал=бас	улус=Ø	бис
солдат=PL=ABL	деньги=NOM	брать=PrP.NEG	люди=NOM	1PL

‘Мы не берем денег у солдат’.

Типы ИГ, которые обычно не получают эксплицитного падежного оформления, описывались как «придаток, характеризующий действие» (Убрятова, 2006: 122), «предмет, выражаемый именем нарицательным, о котором речь идет впервые», «предмет как представитель целого рода или вида» (Майзель, 1957: 42), «слово, стоящее в позиции прямого дополнения, не отождествлено, не соотносено с конкретным предметом данного класса и имеет значение родового наименования данного класса предметов, в этом случае действие как бы не переходит на объект, а лишь характеризуется со стороны объекта, определяется объектом» (Гаджихмедов, 2000: 85).

Аккузативное маркирование неопределенных и нереперентных ИГ в связи с особенностями порядка слов, актуального членения предложения и дискурсивной значимости будут описаны в отдельной работе.

Итак, мы рассмотрели условия, влияющие на маркированность и немаркированность определенных и неопределенных ИГ в позиции ПО. Во-первых, в тувинском языке дифференцированное маркирование определенных и неопределенных ИГ в позиции ПО подчиняется типологической иерархии определенности: ИГ, референты которых занимают более высокие позиции в иерархии определенности, более вероятно получают аккузативное маркирование, в то время как неопределенные объекты остаются чаще немаркированными:

Личные (указательные) местоимения (100%) > Имена собственные (~99%) > Определенные ИГ (96%) > Неопределенные референтные ИГ (39%) > Нереперентные ИГ (29%).

Во-вторых, судя по статистическим данным, показавшим невысокое и практически равное распределение признака определенности и для субъектов-Агенсов (87%), и для объектов-Пациенсов (74%), нет явного указания на прототипичность данного признака для субъекта-Агенса. Поэтому, как нам представляется, аккузативное маркирование, служит скорее для указания на семантико-прагматический признак определенности, реализуя стратегию идентификации, а номинатив — для указания на неопределенность или нереперентность ИГ.

Заключение

Маркировка ПО является эффективным способом, позволяющим избежать двусмысленности семантико-синтаксических отношений в случаях, где такая необходимость возникает в силу наличия очевидных прототипических признаков субъекта-Агенса в семантико-синтаксическом значении ПО. В тувинском языке одним из таких прото-признаков субъекта-Агенса является степень одушевленности (личности) референта ИГ, который наряду с другими факторами влияет на аккузативное маркирование ПО, а немаркированность ПО очень часто определяется признаком вовлеченности, относящимся к прототипическим признакам объекта-Пациенса. Чем выше степень вовлеченности ПО в предикативный признак, тем меньше вероятность двусмысленной интерпретации грамматических отношений между компонентами переходной конструкции, и, соответственно, тем меньше вероятность эксплицитного маркирования ПО.

Маркировка ПО в тувинском языке служит средством указания на семантические и прагматические свойства ИГ: аккузативное оформление ПО, очевидно, указывает на его пациентивность, а также свидетельствует об определенности ИГ; номинатив указывает на неопределенность или нереперентность ИГ.

¹ Кудажы К.-Э. К. Ыржым булуң [Тихий уголок]. Кызыл, 1965. С. 30.

Таким образом, дифференцированное маркирование ПО в тувинском языке может быть обусловлено двумя функциями падежного маркирования — различения и идентификации. В дальнейшем через определение функции необходимо раскрыть мотивацию для каждого фактора, влияющего на дифференцированное маркирование ПО, и составить иерархию релевантности факторов для каждой стратегии отдельно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова, Н. Д. (1976) Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М. : Наука. 383 с.
- Болдырев, Н. Н. (2002) Инварианты и прототипы в системной и функциональной категоризации английского глагола // Проблемы функциональной грамматики. Семантическая инвариантность / вариативность / отв. ред. А. В. Бондарко и др. СПб. : Наука. 366 с. С. 57–74.
- Бондарко, А. В. (2000) Понятия «инвариант» и «прототип» в системе анализа грамматической семантики // Когнитивная семантика: Материалы Второй международной школы-семинара по когнитивной лингвистике (11-14 сентября 2000 г.) : в 2 ч. / отв. ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов : Издательство Тамбовского государственного университета. Ч. 2. 261 с. С. 166–169.
- Бондарко, А. В. (1992) Субъектно-предикатно-объектные ситуации // Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность / отв. ред. А. В. Бондарко. СПб. : Наука. 304 с. С. 29–70.
- Витгенштейн, Л. (1994) Философские работы. Ч. I / пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева; сост. М. С. Козлова. М. : Гнозис. 612 с.
- Гаджихмедов, Н. Э. (2000) Словоизменительные категории имени и глагола в кумыкском языке (сравнительно с другими тюркскими языками). Махачкала : Юпитер. 382 с.
- Григорян, Е. Л. (2014) Семантическая категория пациентивности (affectedness) и ее синтаксические реализации // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Вып. 2. С. 28–35.
- Дмитриев, Н. К. (1960) Турецкий язык. М. : Издательство восточной литературы. 95 с.
- Исхаков, Ф. Г., Пальмбаха, А. А. (1961) Грамматика тувинского языка: фонетика и морфология / отв. ред. Е. И. Убрятова. М. : Издательство восточной литературы. 472 с.
- Казем-бек, А. К. (1846) Грамматика турецко-татарского языка. Казань : Типография Казанского университета. 2-е изд. 497 с.
- Лакофф, Дж. (1988) Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике / ред. В. В. Петров В. И. Герасимов. Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка. М. : Прогресс. 318 с. С. 12–51.
- Лютикова, Е. А. (2014) Падеж и структура именной группы: вариативное маркирование объекта в мишарском диалекте татарского языка // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. № 4. С. 50–70.
- Майзель, С. С. (1957) Изафет в турецком языке. М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР. 187 с.
- Муравьева, И. А. (2008) О трактовке неформленного имени в тюркских языках // Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе / отв. ред. В. А. Плунгян. М. : Гнозис. 487 с. С. 321–420.
- Ондар, Ч. Г. (2021) Категория одушевленности и дифференцированное маркирование объекта в тувинском языке // Универсальное и специфичное в вербальных традициях народов современной России: Тезисы Всероссийской научной конференции с международным участием «Языки народов Сибири и сопредельных регионов: Универсальное и специфичное в вербальных традициях народов современной России» / отв. ред. Е. В. Тюттешева. Новосибирск : Академиздат. 168 с. С. 107–110.
- Падучева, Е. В. (2010) Высказывание и его соотнесенность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений / отв. ред. В. А. Успенский. Изд. 6-е, испр. М. : Издательство ЛКИ. 296 с.
- Плунгян, В. А. (2003) Общая морфология: Введение в проблематику: учебное пособие. Изд. 2-е, испр. М. : Едиториал УРСС. 384 с.
- Сат, Ш. Ч. (1993) Сөстөр дугайында кыска демдеглелдер [Краткие заметки о словах] // Тыва дыл болгаш чугаа культуразы [Тувинский язык и культура речи] / отв. ред. К. А. Бичелдей. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 103 с. С. 7–18. (На тув. яз.).
- Сердобольская, Н. В. (2019) Одушевленность и маркирование прямого дополнения в бессермянском корпусе // Ежегодник финно-угорских исследований. Т. 13. № 2. С. 205–215. DOI: <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2019-13-2-205-215>

Сердобольская, Н. В., Толдова, С. Ю. (2012) Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках // Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы / отв. ред. А. Кузнецова. М. : Studia Philologica. 880 с. С. 59–142.

Серээдар, Н. Ч. (2009) Значения прямого объекта в модели действия в тувинском языке // Новые исследования Тувы. № 4. С. 189–202.

Тыбыкова, А. Т. (1985) Безаффиксальная форма имени существительного в роли прямого дополнения в алтайском языке // Морфология тюркских языков Сибири / отв. ред. М. И. Черемисина. Новосибирск : Институт истории, филологии и философии СО РАН.. 155 с. С. 75–86.

Убрятова, Е. И. (2006) Исследования по синтаксису якутского языка . Новосибирск : Наука. 618 с.

Филлмор, Ч. (1981) Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике / отв. ред. В. А. Звегинцев. М. : Прогресс. Вып. X. 68 с. С. 369–495.

Черемисина, М. И., Озонова, А. А., Тазранова, А. Р. (2008) Элементарное простое предложение с глагольным сказуемым в тюркских языках Южной Сибири / отв. ред. Е. К. Скрибник. Новосибирск : Издательство «Любава». 205 с.

Ackerman, F., Moore J. (2001) Proto-properties and Grammatical Encoding: A Correspondence Theory of Argument Selection. Stanford : CSLI Publications. 197 p.

Aissen, J. (2003) Differential Object Marking: Iconicity vs. Economy // Natural Language and Linguistic Theory. Vol. 21. P. 435–483.

Bossong, G. (1985) Differentielle Objektmarkierung in den Neuiranischen Sprachen. Tübingen : Günter Narr Verlag. 187 p. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.4697660>

Comrie, B. (1989) Language universals and linguistic typology. 2nd ed. Chicago : University of Chicago Press. 264 p.

Dalrymple, M., Nikolaeva, I. (2011) Objects and Information Structure. Cambridge : Cambridge University Press. 247 p.

de Hoop, H., Malchukov, A. L. (2008) Case-Marking Strategies // Linguistic Inquiry. Vol. 39, Iss. 4. P. 565–587. DOI: <https://doi.org/10.1162/ling.2008.39.4.565>

de Swart, P. J. F. (2007) Cross-linguistic variation in object marking. Utrecht : LOT. 234 p.

Dixon, R. (1994) Ergativity. Cambridge : Cambridge University Press. 271 p.

Dowty, D. R. (1991) Thematic Proto Roles and Argument Selection // Language. Vol. 67. No. 3. P. 547–619.

Givón, T. (1983) Topic Continuity in Discourse: A Quantitative Cross-Language Study. Amsterdam & Philadelphia : John Benjamins. 492 p.

Johanson, L. (1977) Bestimmtheit und Mitteilungsperspective im türkischen Satz // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Supplement III, 2. XIX. Deutscher Orientalistentag. Wiesbaden : Harrassowitz. 1847 p. P. 1186–1203.

Kibrik, A. E. (1985) Toward a typology of ergativity // Grammar inside and outside the clause: Some Approaches to Theory from the Field / ed. by J. Nichols, A. C. Woodbury. Cambridge : Cambridge University Press. 432 p. Pp. 268–323.

Klaiman, M. H. (1988) Affectedness and control: a typology of voice systems // Typological studies in language / ed. by M. Shibatani. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company. Vol. 16. 706 p. P. 25–84.

Mallinson, G., Blake B. (1981) Language Typology: Cross-cultural studies in syntax. Amsterdam : North-Holland Publishing Company. 486 p.

Moravcsik, E. (1978) On the Case Marking of Objects // Universals of human language. Vol. 4: Syntax. Stanford: Stanford University Press. 667 p. P. 249–289.

Nilsson, B. (1978) Definiteness and reference in relation to the Turkish accusative // Orientalia suecana. Vol. 27–28. P. 118–131.

Øvrelid, L. (2004) Disambiguation of grammatical functions in Norwegian: Modeling variation in word order interpretations conditioned by animacy and definiteness // Proceedings of the 20th Scandinavian Conference of Linguistics / Ed. by Karlsson F. Helsinki : University of Helsinki. 290 p. P. 1–17.

Primus, B. (2007) Animacy, generalized semantic roles, and differential object marking // Case, word order, and prominence. Interacting Cues in Language Production and Comprehension. Lamers, M. and de Swart P. (eds.). Dordrecht : Springer. 348 p. P. 65–90.

Rosch, E., Mervis, C.B., Gray, W., Johnson, D, Boyes-Braem P. (1976) Basic Objects in Natural Categories // Cognitive Psychology. No. 8. Issue 3. 440 p. P. 382–436.

Rosch, E., Mervis, C. B. (1975) Family Resemblances: Studies in the Internal Structure of Categories // Cognitive Psychology. № 7. P. 573–605.

Silverstein, M. (1976) Hierarchy of features and ergativity // Dixon R. M. W. (ed.) Grammatical categories in Australian languages. Canberra : Australian Institute of Aboriginal Studies. 776 p. P. 112–171.

Yarar, E. (2018) Differential case marking in Turkish wh-object phrases // SOAS Working Papers in Linguistics / ed. by M. Weidl, S. Goodchild. Vol. 19. London : University of London. 154 p. P. 29–46.

Дата поступления: 10.11.2021 г.

REFERENCES

Arutiunova, N. D. (1976) *Predlozhenie i ego smysl: Logiko-semanticheskie problemy [Sentence and its meaning: Logical and semantic problems]*. Moscow, Nauka. 383 p. (In Russ.).

Boldyrev, N. N. (2002) Invarianty i prototypy v sistemnoi i funktsional'noi kategorizatsii angliiskogo glagola [Invariants and prototypes in the system and functional categorization of the English verb]. In: Problemy funktsional'noi grammatiki. Semanticheskaiia invariantnost' / variativnost' [Problems of functional grammar. Semantic invariance] / ed. by A. V. Bondarko et al. St. Petersburg, Nauka. 366 p. Pp. 57–74. (In Russ.).

Bondarko, A. V. (2000) Poniatiia «invariant» i «prototip» v sisteme analiza grammaticheskoi semantiki [The concepts of “invariant” and “prototype” in the system of grammatical semantics analysis]. In: *Kognitivnaia semantika [Cognitive Semantics]: Materials of the Second International Cognitive Linguistics Seminar (September 11–14, 2000): in 2 parts* / ed. by N. N. Boldyrev. Tambov, Tambov State University Publishing House. Part 2. 261 p. Pp. 166–169. (In Russ.).

Bondarko, A. V. (1992) Sub'ektno-predikatno-ob'ektnye situatsii [Subject-predicate-object situations]. In: *Teoriia funktsional'noi grammatiki. Sub'ektnost'. Ob'ektnost'. Kommunikativnaia perspektiva vyskazyvaniia. Opredelennost' / neopredelennost' [Theory of functional grammar. Subjectness. Objectness. The communicative perspective of the utterance. Certainty / uncertainty]* / ed. by A. V. Bondarko. St. Petersburg, Nauka. 304 p. Pp. 29–70. (In Russ.).

Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty [Philosophical works]*. Part I / transl. from Germ. by M. S. Kozlovoi and Yu. A. Aseeva; comp. by M. S. Kozlova. Moscow, Gnozis. 612 p. (In Russ.).

Gadzhikhmedov, N. E. (2000) *Slovoizmenitel'nye kategorii imeni i glagola v kumykskom iazyke (sravnitel'no s drugimi tiurkskimi iazykami) [Inflectional categories of the name and verb in the Kumyk language as compared with other Turkic languages]*. Makhachkala, Yupiter. 382 p. (In Russ.).

Grigorian, E. L. (2014) Semanticheskaiia kategoriia patsientivnosti (affectedness) i ee sintaksicheskie realizatsii [The semantic category of affectedness and its syntactic implementations]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*, issue 2, pp. 28–35. (In Russ.).

Dmitriev, N. K. (1960) *Turetskii iazyk [Turkish language]*. Moscow, Izdatel'stvo vostochnoi literatury. 95 p. (In Russ.).

Iskhakov, Ph. G. and Pal'mbakh, A. A. (1961) *Grammatika tuvinskogo iazyka. Fonetika i morfologiya [A grammar of the Tuvan language. Phonetics and morphology]*. Moscow, Vostochnaia literature Publ. 472 p. (In Russ.).

Kazem-bek, A. K. (1846) *Grammatika turetsko-tatarskogo iazyka [A grammar of the Turkish-Tatar language]*. Kazan', Tipografiia Kazanskogo universiteta. 2nd ed. 497 p. (In Russ.).

Lakoff, Dzh. (1988) Myshlenie v zerkale klassifikatorov [Thinking in the Mirror of Classifiers]. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike [New developments in foreign linguistics]* / ed. by V. V. Petrov and V. I. Gerasimov. Issue XXIII: Kognitivnye aspekty iazyka. Moscow, Progress. 318 p. Pp. 12–51. (In Russ.).

Liutikova, E. A. (2014) Padezh i struktura imennoi gruppy: variativnoe markirovanie ob'ekta v misharskom dialekte tatarskogo iazyka [Case and structure of the nominal group: variable marking of an object in the Mishar dialect of the Tatar language]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M. A. Sholokhova. Filologicheskie nauki*, no. 4, pp. 50–70. (In Russ.).

Maizel', S. S. (1957) *Izafet v turetskom iazyke [Izafet in Turkish]*. Moscow, Leningrad, Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 187 p. (In Russ.).

Murav'eva, I. A. (2008) O traktovke neformlennogo imeni v tiurkskikh iazykakh [On the interpretation of an unformulated name in the Turkic languages]. In: *Issledovaniia po teorii grammatiki. Vyp. 4: Grammaticheskie kategorii v diskurse [Research on the theory of grammar. Issue 4: Grammatical categories in discourse]* / ed. by V. A. Plungian. Moscow, Gnozis. 487 p. Pp. 321–420. (In Russ.).

Ondar, Ch. G. (2021) Kategoriia odushevlenosti i differentsirovannoe markirovanie ob'ekta v tuvinskom iazyke [The category of animateness and differentiated marking of an object in the Tuvan language]. In: *Universal'noe i spetsifichnoe v verbal'nykh traditsiiakh narodov sovremennoi Rossii [Universal and specific in the verbal traditions of the peoples of modern*

Russia]: Abstracts of the All-Russian Research Conference with international participation “Languages of the peoples of Siberia and adjacent regions: Universal and specific in the verbal traditions of the peoples of modern Russia” / ed. by E. V. Tiuntseva. Novosibirsk, Akademizdat. 168 p. Pp. 107–110. (In Russ.).

Paducheva, E. V. (2010) *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'iu: referentsial'nye aspekty semantiki mestoimenii [Utterance and its correlation with reality: referential aspects of pronoun semantics]* / ed. by V. A. Uspenskii. 6nd ed. Moscow, LKI Publ. 296 p. (In Russ.).

Sat, Sh. Ch. (1993) Söster dugaiynda kyska demdeglelder [Brief notes on words]. In: Tyva dyl bolgash chugaa kul'turazy [Tuvan language and speech culture] / ed. by K. A. Bicheldei. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 103 p. Pp. 7–18. (In Tuv).

Serdobol'skaia, N. V. (2019) Odushevlennost' i markirovanie priamogo dopolneniia v bessermianskom korpuse [Animacy and direct object marking in the Beserman corpus]. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*, vol. 13, no. 2, pp. 205–215. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2019-13-2-205-215>

Serdobol'skaia, N. V. and Toldova, S. Yu. (2012) Differentsirovannoe markirovanie priamogo dopolneniia v finno-ugorskikh iazykakh [Differentiated marking of direct complement in Finno-Ugric languages]. In: *Finno-ugorskie iazyki: fragmenty grammaticheskogo opisaniia. Formal'nyi i funktsional'nyi podkhody [Finno-Ugric languages: fragments of grammatical description. Formal and functional approaches]* / ed. by A. Kuznetsova. Moscow, Studia Philologica. 880 p. Pp. 59–142. (In Russ.).

Sereedar, N. Ch. (2009) Znacheniiia priamogo ob'ekta v modeli deistviia v tuvinskom iazyke [The meaning of a direct object in the model of action in Tuvan]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 189–202. (In Russ.).

Tybykova, A. T. (1985) Bezaffiksnaia forma imeni sushchestvitel'nogo v roli priamogo dopolneniia v altaiskom iazyke [The suffixless form of the noun as a direct complement in the Altai language]. In: *Morfologiya tiurkskikh iazykov Sibiri [Morphology of the Turkic languages of Siberia]* / ed. by M. I. Cheremisina. Novosibirsk, Institute of History, Philology and Philosophy SB RAS. 155 p. Pp. 75–86. (In Russ.).

Ubriatova, E. I. (2006) *Issledovaniia po sintaksisu iakutskogo iazyka [Research on the syntax of the Yakut language]*. Novosibirsk, Nauka. 618 p. (In Russ.).

Fillmor, Ch. (1981) Delo o padezhe [The case of the case]. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike [New in foreign linguistics]* / ed. by V. A. Zvegintsev. Moscow, Progress. Issue X. Pp. 369–495. (In Russ.).

Cheremisina, M. I., Ozonova, A. A. and Tazranova, A. R. (2008) *Elementarnoe prostoe predlozhenie s glagol'nyim skazuemym v tiurkskikh iazykakh Iuzhnoi Sibiri [An elementary simple sentence with a verb predicate in the Turkic languages of Southern Siberia]* / ed. by E. K. Skribnik. Novosibirsk, Liubava. 205 p. (In Russ.).

Ackerman, F. and Moore J. (2001) *Proto-properties and Grammatical Encoding: A Correspondence Theory of Argument Selection*. Stanford, CSLI Publications. 197 p.

Aissen, J. (2003) Differential Object Marking: Iconicity vs. Economy. *Natural Language and Linguistic Theory*, vol. 21, pp. 435–483.

Bossong, G. (1985) *Differentielle Objektmarkierung in den Neuiranischen Sprachen*. Tübingen, Günter Narr Verlag. 187 p. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.4697660>

Comrie, B. (1989) *Language universals and linguistic typology*. 2nd ed. Chicago, University of Chicago Press. 264 p.

Dalrymple, M. and Nikolaeva, I. (2011) *Objects and Information Structure*. Cambridge, Cambridge University Press. 247 p.

de Hoop, H. and Malchukov, A. L. (2008) Case-Marking Strategies. *Linguistic Inquiry*, vol. 39, issue 4, pp. 565–587. DOI: <https://doi.org/10.1162/ling.2008.39.4.565>

de Swart, P. J. F. (2007) *Cross-linguistic variation in object marking*. Utrecht, LOT. 234 p.

Dixon, R. (1994) *Ergativity*. Cambridge, Cambridge University Press. 271 p.

Dowty, D. R. (1991) Thematic Proto Roles and Argument Selection. *Language*, vol. 67, no. 3, pp. 547–619.

Givón, T. (1983) *Topic Continuity in Discourse: A Quantitative Cross-Language Study*. Amsterdam & Philadelphia, John Benjamins. 492 p.

Johanson, L. (1977) Bestimmtheit und Mitteilungsperspective im türkischen Satz. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. Supplement III, 2. XIX. Deutscher Orientalistentag. Wiesbaden, Harrassowitz. 1847 p. Pp. 1186–1203.

Kibrik, A. E. (1985) Toward a typology of ergativity. In: *Grammar inside and outside the clause: Some Approaches to Theory from the Field* / ed. by J. Nichols and A. C. Woodbury. Cambridge, Cambridge University Press. 432 p. Pp. 268–323.

Klaiman, M. H. (1988) Affectedness and control: a typology of voice systems. In: *Typological studies in language* / ed. by M. Shibatani. Amsterdam, John Benjamins Publishing Company. Vol. 16. 706 p. P. 25–84.

Mallinson, G. and Blake B. (1981) *Language Typology: Cross-cultural studies in syntax*. Amsterdam, North-Holland Publishing Company. 486 p.

Moravcsik, E. (1978) On the Case Marking of Objects. *Universals of human language*, vol. 4: Syntax. Stanford: Stanford University Press. 667 p. P. 249–289.

Nilsson, B. (1978) Definiteness and reference in relation to the Turkish accusative. *Orientalia suecana*, vol. 27–28, pp. 118–131.

Øvrelid, L. (2004) Disambiguation of grammatical functions in Norwegian: Modeling variation in word order interpretations conditioned by animacy and definiteness. In: *Proceedings of the 20th Scandinavian Conference of Linguistics* / Ed. by Karlsson F. Helsinki, University of Helsinki. 290 p. P. 1–17.

Primus, B. (2007) Animacy, generalized semantic roles, and differential object marking. In: *Case, word order, and prominence. Interacting Cues in Language Production and Comprehension*. Lamers, M. and de Swart P. (eds.). Dordrecht, Springer. 348 p. Pp. 65–90.

Rosch, E., Mervis, S.B., Gray, W., Johnson, D. and Boyes-Braem P. (1976) Basic Objects in Natural Categories. *Cognitive Psychology*, no. 8, issue 3, pp. 382–436.

Rosch, E. and Mervis, C.B. (1975) Family Resemblances: Studies in the Internal Structure of Categories. *Cognitive Psychology*, no. 7, pp. 573–605.

Silverstein, M. (1976) Hierarchy of features and ergativity. Dixon R. M. W. (ed.) *Grammatical categories in Australian languages*. Canberra, Australian Institute of Aboriginal Studies. 776 p. Pp. 112–171.

Yarar, E. (2018) Differential case marking in Turkish wh-object phrases. In: *SOAS Working Papers in Linguistics* / ed. by M. Weidl, S. Goodchild. Vol. 19. London, University of London. 154 p. Pp. 29–46.

Submission date: 10.11.2021.

DOI: 10.25178/nit.2022.2.11

ТУВА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Статья

Новый взгляд на старую крепость: использование данных дистанционного зондирования для изучения фортификационных сооружений Тувы

Евгений В. Водясов, Ольга В. Зайцева

Томский государственный университет, Российская Федерация

Статья посвящена возможностям использования данных дистанционного зондирования для изучения фортификационных сооружений Тувы на примере крепости Шагонар–III (Улуг-Хемский район). Выполненная нами в 2020 г. аэрофотосъемка с помощью БПЛА Phantom 4 Pro и последующая обработка данных позволили существенно скорректировать старые измерения крепости.

Как показало сравнение с предыдущими археологическими описаниями Л. Р. Кызласова, размер и площадь крепости и внутренней цитадели, количество оборонительных башен и рвов были измерены не точно. Подобная картина характерна и для соседней крепости Шагонар–IV. Поиск аналогичной Шагонару–III квадратной крепости с внутренней цитаделью привел к монгольским фортам киданьской империи Ляо, существовавшей в 907–1125 гг. Не исключено, что существующая датировка крепости Шагонар–III периодом Уйгурского каганата может быть не верна.

В статье поднимается вопрос о перспективах проведения аэрофотосъемки и построения трехмерных моделей других крепостей Тувы, поскольку и там, вероятно, ожидаются существенные расхождения с имеющимися данными об их размерах и архитектурных особенностях. Также сделан вывод о давно назревшей необходимости новых исследований, направленные на установление абсолютной хронологии тувинских городищ-крепостей.

Ключевые слова: Тува; средневековая крепость; Шагонар–III; дистанционное зондирование; аэрофотосъемка; трехмерное моделирование; Уйгурский каганат; киданьская империя Ляо

Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

Для цитирования:

Водясов Е. В., Зайцева О. В. Новый взгляд на старую крепость: использование данных дистанционного зондирования для изучения фортификационных сооружений Тувы // Новые исследования Тувы. 2022, № 2. С. 166-176. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.2.11>

Водясов Евгений Вячеславович — кандидат исторических наук, заведующий лабораторией междисциплинарных археологических исследований «Артефакт» Томского государственного университета. Адрес: 634050, Россия, г. Томск, пр. Ленина, д. 36. Эл. адрес: vodiasov_ev@mail.ru

Зайцева Ольга Викторовна — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой антропологии и этнологии факультета исторических и политических наук Томского государственного университета. Адрес: 634050, Россия, г. Томск, пр. Ленина, д. 36. Эл. адрес: smori76@mail.ru

A new look at the old fortress: Using remote sensing data in the study of fortified sites in Tuva

Yevgeny V. Vodyasov, Olga V. Zaitseva
Tomsk State University, Russian Federation

The article examines the capabilities that remote sensing data can offer for the study of medieval fortifications in Tuva. Our case in point is the Shagonar III site in Ulug-Khem rayon. Previous measurings of the site were largely corrected and improved in 2020, when we aerosurveyed the area with the help of Phantom 4 Pro UAV.

Comparing the processed data with the archeological description made by L. R. Kyzlasov shows that the overall size and square of the site and its internal citadel has not been measured correctly. The same is true for the number of its defensive towers and ditches, and similar mistakes have been made when measuring the neighboring site of Shagonar IV. A search for any counterpart of Shagonar III, a square-shaped fortress with an internal citadel, led us to considering Mongol forts of the Khitan Liao empire which existed from 907 to 1125 CE. The current dating of Shagonar III as built during the Uighur Khaganate thus can be wrong.

The article brings up the issue of the prospects of future aerial surveying and 3D modeling of other fortresses in Tuva, since in their cases corrections of their sizes and architectural details can also be expected. We also conclude that new studies are needed in order to improve absolute chronology of Tuvan fortress sites.

Keywords: Tuva; medieval fortress; Shagonar III; remote sensing; aerial surveying; 3D modeling; Uighur Khaganate; Khitan Liao empire

The results were obtained as part of the implementation of the state task of the Ministry of Education and Science of Russia, project No. 0721-2020-0042.

For citation:

Vodyasov Ye. V. and Zaytseva O. V. Novyi vzgliad na staruiu krepost': ispol'zovanie dannykh distantsionnogo zondirovaniia dlia izucheniia fortifikatsionnykh sooruzhenii Tuvy [A new look at the old fortress: Using remote sensing data in the study of fortified sites in Tuva]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 2, pp. 166-176. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.2.11>

VODYASOV, Yevgeny Vyacheslavovich, Candidate of History, Head, Artefact Laboratory of Interdisciplinary Archaeological Studies, Tomsk State University. Postal address: 36 Lenin St., 634050 Tomsk, Russian Federation. Email: vodiasov_ev@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-2277-2274

ZAITSEVA, Olga Viktorovna, Candidate of History, Head, Department of Anthropology and Ethnology, Faculty of Historical and Political Studies, Tomsk State University. Postal address: 36 Lenin St., 634050 Tomsk, Russian Federation. Email: smori76@mail.ru

Введение

Среди богатого археологического наследия Республики Тыва особое место занимают городища-крепости. Они образуют уникальную протяженную цепь фортификационных сооружений, выстроенных вдоль южных берегов Енисея и Хемчика на расстояние более 500 км. Традиционно большинство таких крепостей археологи относят к Уйгурскому каганату, существовавшему в 745–840 гг. (Кызласов, 1969; Тулуш, 2011, 2016, 2019, 2020). Развитая городская инфраструктура со сложной сетью городов и крепостей, письменность, распространение манихейства, ирригационное земледелие — эти и многие другие факторы позволили ряду ученых говорить об Уйгурском каганате как о степной цивилизации, отличной от других кочевых империй Центральной Азии в I тыс. н. э. (Дробышев, 2009; Васютин, 2011).

Начальный период археологических исследований тувинских городищ охватывает экспедиции Д. А. Клеменца в 1885–1891 гг. на территории Тувы и Монголии, в ходе которых осмотренные крепости впервые документируются и попадают в поле зрения ученых (Клеменц, 1895; Вайнштейн, 1964; Кызласов, 1969: 9; Тулуш, 2020: 18–19).

Благодаря многочисленным археологическим разведкам, проведенным различными учеными с конца XIX в. по настоящее время, сегодня в Туве известно 21 городище и 2 наблюдательных пункта. Д. К. Тулуш упоминает о еще 6 городищах, известных по работам Л. Р. Кызласова, С. И. Вайнштейна и А. Д. Грача, но эти крепости обнаружить пока не удалось (Тулуш, 2020: 38).

В советский период (1950–1970-е гг.) осуществляются первые раскопки фортификационных сооружений (Вайнштейн, 1964; Кызласов, 1969, 1979; Щетенко, 1983). Исследования памятников Пор-Бажын, Бажын-Алаак и городищ близ г. Шагонара позволили датировать их периодом Уйгурского каганата. После этого в изучении городищ Тувы наступает большой перерыв практически на 30 лет, и только в 2007–2008 гг. работы возобновляются. В это время под руководством Ю. С. Соловьева, Т. К. Мкртычева и И. А. Аржанцевой проводится крупнейшая в новейшей истории комплексная археологическая экспедиция по раскопкам крепости Пор-Бажын (Тулуш, 2011, 2016, 2020).

Подробная история исследований тувинских городищ, а также их типология и детальный анализ фортификаций изложены в недавно вышедшей монографии Д. К. Тулуша «Древние города Тувы» (Тулуш, 2020), поэтому здесь мы лишь позволим себе добавить, что средневековые крепости обладают огромным потенциалом не только для археологического изучения, но для и развития культурно-образовательного туризма в Туве. Оборонительные сооружения хорошо выражены в степном рельефе в виде возвышающихся валов и визуально весьма эффектны. Перспективность их использования в качестве музеев под открытым небом хорошо раскрыта в отдельной статье Д. К. Тулуша (Тулуш, 2019).

В данной работе мы продемонстрируем эффективность применения аэрофотосъемки для первичного описания и документирования средневековых крепостей. Использование воздушной фотограмметрии и аэрофотосъемки на территории Тувы в последние годы набирает обороты и дает замечательные научные результаты (Садыков, 2020; Vavulin et al., 2021). Данной статьей хочется продолжить этот положительный тренд.

Материалы и методы

В качестве объекта исследования и апробации фотограмметрического метода мы выбрали городище «Шагонар–III» по ряду причин.

Во-первых, данная крепость — одна из немногих в Туве, где проводились археологические раскопки, в ходе которых выявлены особенности укрепления основания ворот, башен и каркасно-столбовых конструкций центрального здания с черепичной крышей (Кызласов, 1979; Тулуш, 2016: 109).

Во-вторых, в предложенном в 2019 г. плане по музеефикации комплекса Д. К. Тулушем указаны раскопки городища Шагонар–III, а в последствии — реконструкция дворца и стеновых сооружений. Если планируемые мероприятия претворятся в жизнь, то 3D-моделирование крепости на основе аэрофотограмметрии, конечно, необходимо проводить до раскопочных и конструкторских работ.

В-третьих, к выбранному городищу имеется хороший подъезд с главной трассы, что делает крепость легко достигаемой в случае развития туризма.

Для проведения детальной съемки рельефа в районе расположения городища-крепости Шагонар–III в 2020 г. нами был использован беспилотник Phantom 4 Pro. Обработка данных для создания трехмерной модели рельефа проводилась в программных обеспечениях Agisoft Photoscan (v. 1.4.4) и

QGIS. Всего получено 63 фотоснимка за 12 минут полета. Высота полета составила 60–115 м. Координаты для привязки трехмерной модели были получены из бортового навигационного приемника. На основе плотного облака точек построена карта высот с различными отображениями, что в свою очередь стало основой для анализа фортификационных деталей крепости.

Результаты и обсуждение

Шагонар–III расположен в Улуг-Хемском районе Республики Тыва в 6 км к западу от г. Шагонар и 4 км к югу от р. Енисей (рис. 1, 2).

Рис. 1. Космоснимок Google Earth июня 2020 г. с указанием расположения городищ-крепостей и оборонительных валов у г. Шагонар.

1 – Шагонар–I, 2 – Шагонар–II, 3 – Шагонар–III, 4 – Шагонар–IV.

Fig. 1. A Google Map satellite view (June 2020) showing the locations of fortified sites and defensive earthworks near the town of Shagonar: 1 – Shagonar I; 2 – Shagonar II, 3 – Shagonar III, 4 – Shagonar IV.

Прим.: оборонительные валы нанесены по данным космоснимков и не верифицированы в ходе наземного обследования.

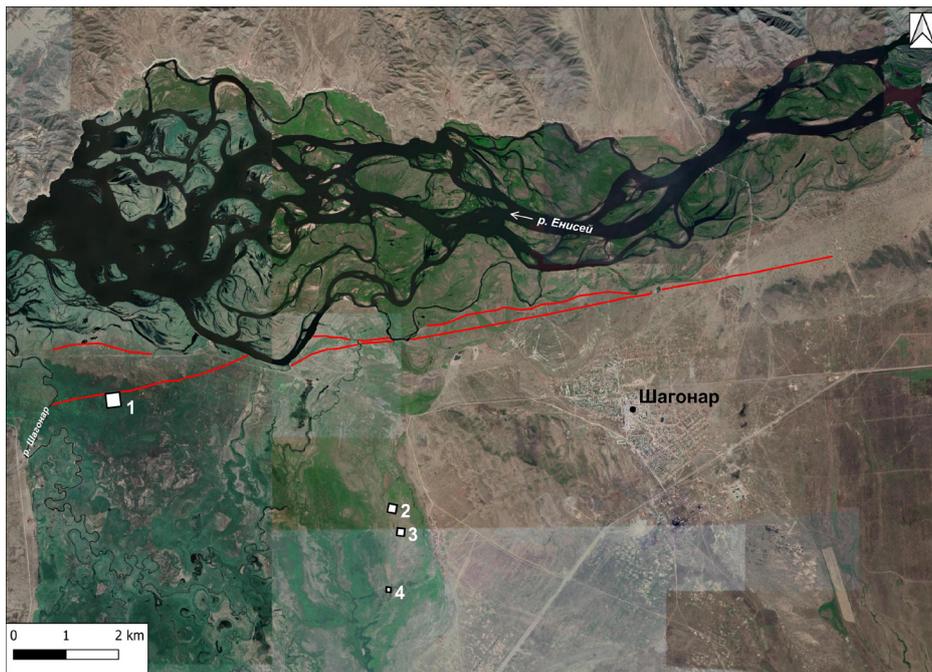

Рис. 2. Крепость Шагонар–III 10 сентября 2020 г. Вид с северо-востока. Фото Е. В. Водясова.

Fig. 2. Shagonar III site, September 10, 2020. A view from the north-east, photo by Ye. V. Vodyasov.

Крепость входит в группу из 4 городищ с высокими валами (Шагонар–I, –II, –III, –IV), тянущихся цепочкой вдоль нижнего течения р. Чааты, впадающей с юга в Енисей (рис. 1). От северной стены самой северной и крупной крепости Шагонар–I отходит оборонительная стена (Тулуш, 2020: 52), защищая обитателей шагонарских крепостей от возможных вторжений с долины Енисея. Общая протяженность

укреплений в окрестностях Шагонара составляет около 20 км, хотя эти данные предварительные, так как валы изображены по космоснимкам и нуждаются в дальнейшей археологической верификации на месте.

Памятник Шагонар–III представляет собой квадратную крепость с дополнительно укрепленной цитаделью внутри (рис. 2). Впервые план крепости снял С. А. Теплоухов в 1927 г., но не опубликовал (Тулуш, 2020: 20).

В 1959–1960 гг. Л. Р. Кызласов провел здесь ограниченные по площади раскопки и предположил, что изначально крепостные стены, сооруженные из необожженного сырцового кирпича, были высотой 4,5 м (Кызласов, 1979: 150–157; Тулуш, 2011: 42; Тулуш, 2016: 109). С тех пор крепость не подвергалась раскопкам, и лишь в 2019 г. вопрос о необходимости продолжения раскопок в рамках музеефикации прозвучал в научных кругах (Тулуш, 2019). Эти обстоятельства и побудили нас провести аэрофотосъемку крепости и оценить эффективность метода при изучении и реконструкции данного памятника.

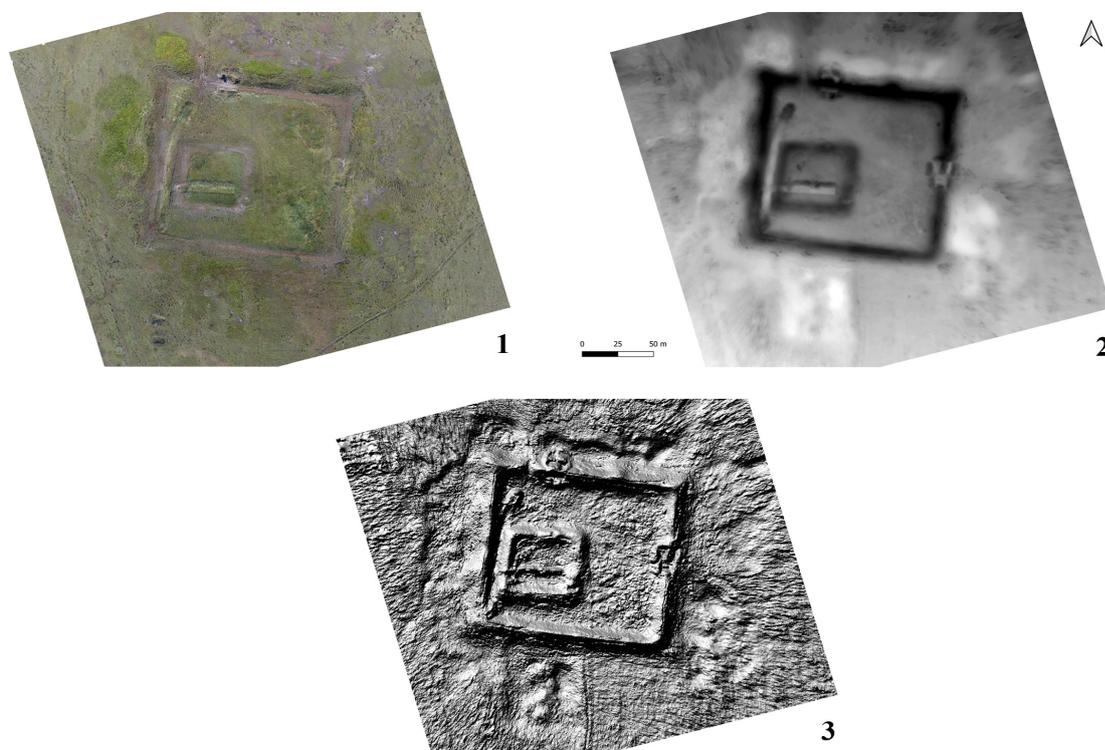

Рис. 3. Крепость Шагонар–III: 1 — ортофотоплан; 2 — теневая отмывка рельефа; 3 — градиент карты высот.

Данные 2020 г. Автор Е. В. Водясов.

Fig. 3. Shagonar III site: 1 — orthophotomap; 2 — shaded relief image; 3 — height map gradient.

Data as of 2020, compiled by Ye. Vodyasov.

Анализ трехмерной модели микрорельефа, карт высот и ортофотоплана позволил скорректировать ряд сделанных ранее описаний крепости, а также выявить новые детали, плохо различимые или вовсе не видимые с земли (рис. 3, 4).

Л. Р. Кызласов указывал, что крепость имеет размеры 126×119 м, а цитадель внутри — 47×45 м (Кызласов, 1969: 61). Однако по данным проведенной съемки, размер крепости по внешнему основанию стен составляет 140×140 м, то есть она относится к типу квадратных крепостей. Высота сохранившихся стен — около 2–2,5 м. Размер цитадели внутри — 57×57 м. Стены цитадели сохранились на высоту 1,5–2 м. Таким образом, площадь этого хорошо укрепленного форта равняется 1,96 га, а не 1,5 га, как считалось ранее (Кызласов, 1969: 61; Тулуш, 2011: 42; Тулуш, 2020: 52).

Симптоматично, что параметры расположенной по соседству крепости Шагонар–IV, также были недавно скорректированы. Л. Р. Кызласов приводил размеры 80×80 м и изображал ее в форме

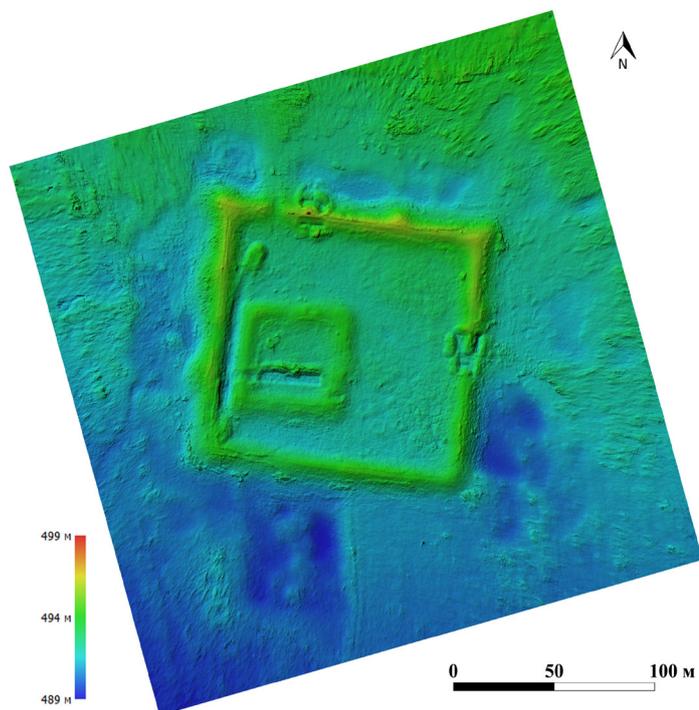

Рис. 4. Городище-крепость Шагонар–III, 2020 г. Карта высот.

Автор Е. В. Водясов.

Fig. 4. Shagonar III fortified site. A height map, 2020. Drawn by Ye. V. Vodyasov.

правильного квадрата. Однако, судя по недавно опубликованному ортофотоплану, полученному в ходе аэрофотосъемки (Садыков, 2020: рис. 3), городище-крепость Шагонар–IV имеет форму **неправильного** квадрата с размером сторон 90 м, что отличает ее от других шагонарских крепостей. Таким образом, назрела необходимость уточнения размеров и других крепостей Тувы с помощью современных методов.

По Л. Р. Кызласову, валы Шагонара–III имеют четко очерченные остатки от 10 башен и двух ворот с въездами (Кызласов, 1969: 61). Действительно, в микрорельефе шагонарской крепости заметны 2 въезда (северный и восточный) с остатками мостов-«перемычек» и башен в виде выраженных выступов на стенах (рис. 3, 4), однако их количество расходится с описаниями Л. Р. Кызласова. На карте высот хорошо читаются остатки 8 башен, причем 7 из них расположены на северной и западной сторонах, и одна — у восточных ворот (рис. 3 (2) и 4). Примечательно, что оплывшие рвы шириной до 32 м и глубиной до 1 м также примыкают к северным и западным стенам, а с юга и востока ров нет (рис. 4, 5). Расположенные здесь понижения рельефа в виде аморфных подквадратных котлованов вряд ли связаны с фортификацией. Вполне вероятно, такие впадины могли остаться от изъятия грунта для возведения и укрепления оборонительных стен.

Расположение башен и ров на северной и западной сторонах не случайно и указывает на территорию, откуда исходила военная угроза — с Енисея и широкой долины нижнего течения рек Чааты, Торгалык и Шагонар.

Примечательно, что широкий ров с западной стороны крепости не был описан исследователями ранее, так как он плохо «читается» с земли, но хорошо виден на трехмерной модели. Это еще раз показывает перспективность применения цифровой фотограмметрии в изучении тувинских оборонительных памятников.

Другой интересной деталью крепости, также не замеченной исследователями ранее с земли, является возвышенная прямоугольная площадка размером 40×28 м и высотой около 1 м в северо-восточном углу крепости (рис. 3–5). Эта площадка-платформа хороша видна как на ортофото, так и на теневой

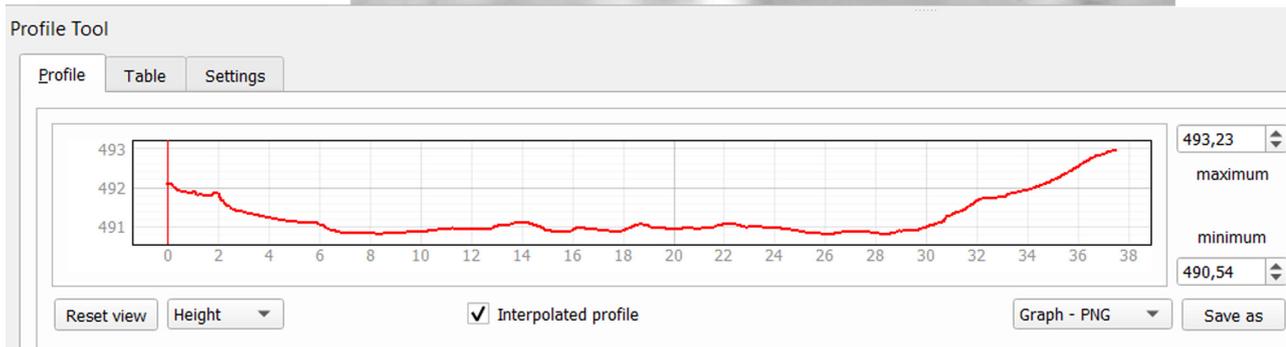
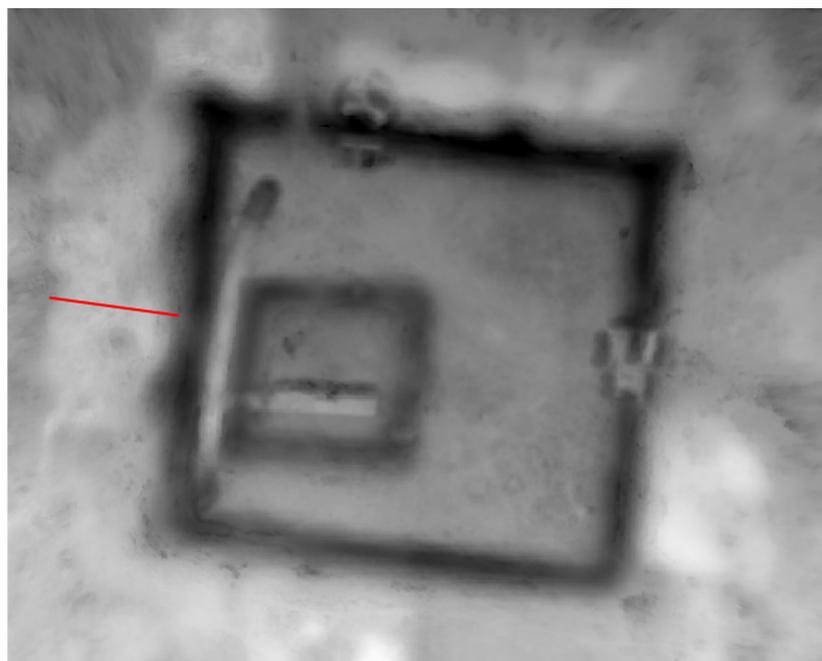

Рис. 5. Крепость Шаганар–III, 2020 г. Профиль рва у западной стены.

Автор Е. В. Водясов.

Fig. 5. Shaganar III, 2020. Profile of ditch by the western wall. Drawn by Ye. V. Vodyasov.

отмывке рельефа и карте высот (рис. 3, 4). Возможно, она как-то связана с системой фортификации и доступом к оборонительным башням на северной стене, хотя точные выводы можно сделать только после раскопок и сравнения с оборонительными системами других крепостей Тувы.

Как отмечалось выше, подобные крепости в Туве датированы, как правило, временем Уйгурского каганата (Кызласов, 1969; Тулуш, 2020). При этом их подавляющее большинство раскопками не исследовано, а сами крепости часто отнесены к уйгурскому наследию либо по форме и наличию глинобитных стен, возведенных по технологии «хан-ту» (Тулуш, 2020: 58, 81, 85), либо вообще бездоказательно. Так, Ю. С. Худяков прямо указывал, что Л. Р. Кызласов без разбора отнес все тувинские городища к уйгурскому времени (Худяков, 1999: 105). Д. К. Тулуш часто датирует обследованные крепости временем Уйгурского каганата на основании использования в строительстве древнекитайской технологии «хант-ту», заключающейся в возведении стеновых конструкций глинобитным способом с использованием опалубки и последующим выравниванием каждого слоя (Тулуш, 2020: 85). Однако остается не ясным, почему древнекитайская технология «хан-ту», известная в городских культурах Китая с эпохи бронзы, должна была применяться в Туве только в короткий период Уйгурского господства и не использоваться в любое другое время? Например, Д. К. Тулуш пишет про крепость Малгаш-Бажын: «Отсутствие в разрезе стены следов технологии «хан-ту» не позволяет автоматически отнести Малгаш-Бажын к группе древнеуйгурских городищ» (там же: 58). С такой формулировкой

сложно не согласиться, однако несколькостораживает «автоматическое» отнесение городищ к уйгурскому периоду в обратном случае — если технология «хан-ту» выявляется.

Другой проблемный случай связан с датировкой крепости Бажын-Алаак 2 в низовьях р. Чаа-Холь. А. Я. Щетенко датировал крепость VIII–IX вв., однако на ней были найдены как находки уйгурского периода, так и более ранние, относимые к хуннскому времени и даже эпохе бронзы (Щетенко, 1983). Если шлифованные каменные топоры II тыс. до н. э. объяснены наличием здесь поселения в эпоху палеометалла, на месте которого в последствии была возведена уйгурская крепость, то находки хуннской керамики, как верно указывает Д. К. Тулуш, остались без внимания и объяснения (Тулуш, 2020: 53).

Общую проблему датировки тувинских крепостей усугубляет еще и тот факт, что внешние параметры крепостей, как убедительно показывает современная аэрофотосъемка, могли быть измерены не точно, а отсюда возникает проблема хронологической интерпретации. Так, новые данные о размерах и форме крепости Шагонар–IV, расположенной рядом с Шагонаром–III, дали основания Т. Р. Садыкову усомниться в ее традиционной датировке эпохой Уйгурского каганата (Садыков, 2020: 250).

Шагонар–III также отличается от всех известных тувинских крепостей, но не формой, а наличием квадратной цитадели внутри оборонительных стен. Такие сооружения не известны в Туве, но находят точные аналоги в Монголии (рис. 6 (2–3)), где квадратные крепости с подобным устройством внутренней цитадели приурочены к оборонительному валу длиной более 750 км и датированы керамическим материалом временем киданьской империи Ляо (907–1125) (Великая киданьская ..., 2019: рис. 67–68). Есть также версия о чуть более поздней датировке вала и приуроченных к нему крепостей в рамках XI–XIII вв. (Shelach-Lavi et al., 2020: fig. 6).

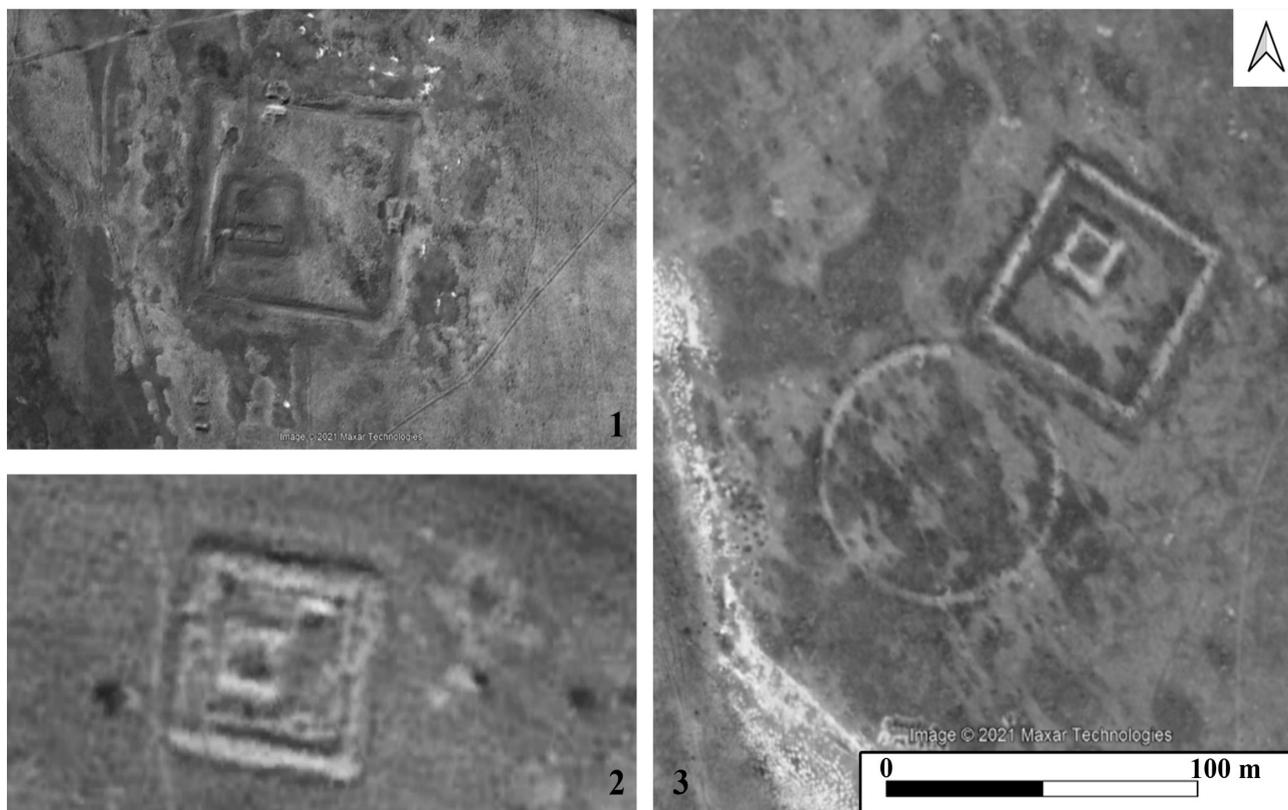

Рис. 6. Квадратные крепости Тувы и Монголии с цитаделью внутри. Использованы космоснимки Google Earth, сентябрь 2018 г.: 1 — Шагонар–III; 2 — Хара-нур–1; 3 — Хэрстийн-хундий–1.

Fig. 6. Square fortifications with a citadel inside, Tuva and Mongolia. Google Earth satellite views, September 2018: 1 — Shagonar III; 2 — Khara Nur I; 3 — Herstiin Hundii I.

Тувинскую и монгольские крепости сближают не только форма и размеры оборонительных стен, но также устройство квадратной цитадели в западной части форта. Не менее показательно и то, что крепость Хара-нур-1 отклонена от оси север-юг на 8°, т. е. практически в точности как Шагонар-III (рис. 6 (1-2)). Другое сходство — наличие длинных оборонительных валов, к которым приурочены подобные крепости. Вряд ли такие совпадения случайны. В любом случае, необходимы новые исследования, направленные на установление абсолютной хронологии тувинских городищ-крепостей. Как показывают археологические материалы Монголии, не все из них можно с полной уверенностью относить к Уйгурскому каганату. С другой стороны, если в будущем всё же подтвердится датировка Шагонара-III уйгурским временем, то тогда резонно проверить — действительно ли подобные монгольские крепости с цитаделью внутри относятся к империи Ляо.

Заключение

Проведенная аэрофотосъемка позволила получить новые данные об устройстве крепости Шагонар-III. Как показало сравнение с предыдущими археологическими описаниями, размер крепости и внутренней цитадели, количество оборонительных башен и рвов были измерены не точно. Подобная картина характерна и для соседней крепости Шагонар-IV, где недавние исследования с помощью аэрофотограмметрии также выявили иные размеры и форму крепости (Садыков, 2020).

Сегодня мы можем ставить вопрос о необходимости проведения аэрофотосъемки и построения трехмерных моделей других крепостей Тувы. Вероятно, и там нас будут ждать большие сюрпризы и существенные расхождения с имеющимися данными.

Поиск аналогичной Шагонару-III квадратной крепости с внутренней цитаделью привел к монгольским фортам киданьской империи Ляо, существовавшей в 907–1125 гг. Не исключено, что предложенная ранее датировка крепости Шагонар-III периодом Уйгурского каганата может быть не верна. Суммируя всё вышесказанное, следует признать, что тувинские крепости остаются практически неизученными и ждут новых современных методов фиксации и определения абсолютной хронологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вайнштейн, С. И. (1964) Древний Пор-Бажин // Советская этнография. № 6. С. 103–114.
- Васютин, С. А. (2011) Уйгурский каганат — цивилизационная альтернатива пасторальным империям Центральной Азии I тыс. н. э. // Вестник Томского государственного педагогического университета. № 11 (113). С. 28–34.
- Великая киданьская стена: Северо-восточный вал Чингис-хана (2019) / Н. Н. Крадин, А. В. Харинский, С. Д. Проккопцев, А. Л. Ивлиев, Е. В. Ковычев, Л. Эрдэнэболд; отв. ред. Н. Н. Крадин. М.: Наука, Восточная литература. 168 с.
- Дробышев, Ю. И. (2009) Уйгурский каганат — нетипичная кочевая империя // Восток (Oriens). № 3. С. 17–26.
- Клеменц, Д. А. (1895) Археологический дневник поездки в Среднюю Монголию в 1891 г. // Сборник трудов Орхонской экспедиции. СПб.: Типография Императорской Академии Наук. Т. II. 78 с. С. 48–59.
- Кызласов, Л. Р. (1969) История Тувы в средние века. М.: МГУ. 212 с.
- Кызласов, Л. Р. (1979) Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: МГУ. 208 с.
- Садыков, Т. Р. (2020) Возможности получения дополнительной информации из давно исследованных памятников на дне Тувинского моря // Археологические вести. Вып. 26. С. 248–259.
- Тулуш, Д. К. (2011) Средневековые городища-крепости Тувы // Вестник Кемеровского государственного университета. № 2 (46). С. 39–44.
- Тулуш, Д. К. (2016) Фортификационные сооружения Тувы в контексте истории центральноазиатского региона // Ойкумена. Регионоведческие исследования. № 4 (39). С. 107–113.
- Тулуш, Д. К. (2019) Перспективы использования археологических памятников фортификационного типа в качестве музеев под открытым небом (на примере Республики Тыва) // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. № 2 (34). С. 168–176.
- Тулуш, Д. К. (2020) Древние города Тувы. Новосибирск: Арсенал. 162 с.
- Худяков, Ю. С. (1999) К вопросу об укрепленных поселениях и оборонительных сооружениях в Южной Сибири // Кузнецкая старина. Вып. 4. С. 104–119.

Щетенко, А. Я. (1983) Раскопки средневекового городища Бажын-Алаак // Древние культуры евразийских степей (по материалам археологических работ на новостройках) / отв. ред. В. М. Массон. Ленинград : б. и. 113 с. С. 45–47.

Shelach-Lavi, G., Wachtel, I., Golan, D., Batzorig, O., Amartuvshin, C., Ellenblum, R., Honeychurch, W. (2020) Medieval long-wall construction on the Mongolian Steppe during the eleventh to thirteenth centuries AD // *Antiquity*. № 94 (375). P. 724–741. DOI: <https://doi.org/10.15184/aqy.2020.51>

Vavulin, M. V., Chugunov, K. V., Zaitceva, O. V., Vodyasov, E. V., Pushkarev, A. A. (2021) UAV-based photogrammetry: Assessing the application potential and effectiveness for archaeological monitoring and surveying in the research on the ‘valley of the kings’ (Tuva, Russia) // *Digital Applications in Archaeology and Cultural Heritage*. Vol. 20. e00172. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.daach.2021.e00172>

Дата поступления: 07.02.2022 г.

REFERENCES

- Weinstein, S. I. (1964) Drevnii Por-Bazhin [Por-Bazhin of Old]. *Sovetskaiia etnografiia*, no. 6, pp. 103–114. (In Russ.).
- Vasiutin, S. A. (2011) Uigurskii kaganat — tsivilizatsionnaia al'ternativa pastoral'nym imperiiam Tsentral'noi Azii I tys. n. e. [Uighur Khaganate as a civilizational alternative to the pastoral empires of Central Asia in 1st millennium AD]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 11 (113), pp. 28–34. (In Russ.).
- Velikaia kidan'skaia stena: Severo-vostochnyi val Chingis-khana [The Great Khitan Wall: The North-eastern rampart of Genghis Khan] (2019) / N. N. Kradin, A. V. Kharinskii, S. D. Prokopets, A. L. Ivliev, E. V. Kovychev and L. Erdenebold; ed. by N. N. Kradin. Moscow, Nauka, Vostochnaia literatura. 168 p. (In Russ.).
- Drobyshev, Yu. I. (2009) Uigurskii kaganat — netipichnaia kochevaia imperiia [The Uighur Khaganate as an atypical nomadic empire]. *Vostok (Oriens)*, no. 3, pp. 17–26. (In Russ.).
- Klements, D. A. (1895) Arkheologicheskii dnevnik poezdki v Sredniuiu Mongoliiu v 1891 g. [An archaeological diary of a trip to Central Mongolia in 1891]. In: *Sbornik trudov Orkhonskoi ekspeditsii*. St. Petersburg, Tipografiia Imperatrskoi Akademii Nauk. Vol. II. 78 p. Pp. 48–59. (In Russ.).
- Kyzlasov, L. R. (1969) *Istoriia Tuvy v srednie veka [History of Tuva in the Middle Ages]*. Moscow, MGU. 212 p. (In Russ.).
- Kyzlasov, L. R. (1979) *Drevniaia Tuva (ot paleolita do IX v.) [Ancient Tuva from the Paleolithic to 9th century]*. Moscow, MGU. 208 p. (In Russ.).
- Sadykov, T. R. (2020) Vozmozhnosti polucheniia dopolnitel'noi informatsii iz davno issledovannykh pamiatnikov na dne Tuvinskogo moria [Capabilities of retrieving additional information from sites previously investigated on the bottom of the Tuva Sea]. *Arkheologicheskie vesti*, no. 26, pp. 248–259. (In Russ.).
- Tulush, D. K. (2011) Srednevekovye gorodishcha-kreposti Tuvy [The medieval fortress sites in Tuva]. *Vestnik KemGU*, no. 2 (46), pp. 39–44. (In Russ.).
- Tulush, D. K. (2016) Fortifikatsionnye sooruzheniia Tuvy v kontekste istorii tsentral'noaziatskogo regiona [Fortifications in Tuva in the context of the history of Central Asia]. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniia*, no. 4 (39), pp. 107–113. (In Russ.).
- Tulush, D. K. (2019) Perspektivy ispol'zovaniia arkheologicheskikh pamiatnikov fortifikatsionnogo tipa v kachestve muzeev pod otkrytym nebom (na primere Respubliki Tyva) [The prospects of using medieval fortification sites as open-air museums: the case of the Republic of Tyva]. *Vestnik Buriatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk*, no. 2 (34), pp. 168–176. (In Russ.).
- Tulush, D. K. (2020) *Drevnie goroda Tuvy [Old cities of Tuva]*. Novosibirsk, Arsenal. 162 p. (In Russ.).
- Khudiakov, Yu. S. (1999) K voprosu ob ukreplennykh poseleniiakh i oboronitel'nykh sooruzheniiakh v Iuzhnoi Sibiri [On fortified settlements and defensive constructions in southern Siberia]. *Kuznetskaia starina*, no. 4, pp. 104–119. (In Russ.).
- Shchetenko, A. Ya. (1983) Raskopki srednevekovogo gorodishcha Bazhyn-Alaak [Excavations of the medieval settlement of Bazhyn-Alaak]. In: *Drevnie kul'tury evraziiskikh stepei (po materialam arkheologicheskikh rabot na novostroiakh)*

[*Ancient cultures of the Eurasian steppes: excavated in archaeological works on redevelopment sites*] / ed. by V. M. Masson. Leningrad, s. n. 113 p. Pp. 45–47. (In Russ.).

Shelach-Lavi, G., Wachtel, I., Golan, D., Batzorig, O., Amartuvshin, C., Ellenblum, R. and Honeychurch, W. (2020) Medieval long-wall construction on the Mongolian Steppe during the eleventh to thirteenth centuries AD. *Antiquity*, no. 94 (375), pp. 724–741. DOI: <https://doi.org/10.15184/aqy.2020.51>

Vavulin, M. V., Chugunov, K. V., Zaitceva, O. V., Vodyasov, E. V. and Pushkarev, A. A. (2021) UAV-based photogrammetry: Assessing the application potential and effectiveness for archaeological monitoring and surveying in the research on the ‘valley of the kings’ (Tuva, Russia). *Digital Applications in Archaeology and Cultural Heritage*, vol. 20, e00172. <https://doi.org/10.1016/j.daach.2021.e00172>

Submission date: 07.02.2022.

Почтовые марки периода Тувинской Народной Республики как отражение эволюции общественного сознания тувинцев

Роман М. Воронин

Рязанский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова,
Российская Федерация

Почтовые марки являются объектами, обладающими уникальными свойствами, отличающими их от других исторических документов. Изображения на марках несут, помимо важной исторической информации, эмоциональный след ушедшей эпохи, запечатленный художниками, которые существовали и творили в конкретном культурно-историческом пространстве. Целью настоящей работы явилось исследование почтовых марок Тувинской Народной Республики с точки зрения отражения эволюции общественного сознания тувинцев. Представлено описание наиболее значимых марок, позволяющих оценить важнейшие этапы развития тувинского общества 1920-х — 1940-х годов.

Первые выпуски марок ТНР подчеркивают теснейшую культурную, религиозную, экономическую связь молодой республики с Монголией: номиналы в мунгу и тугриках, надписи старомонгольским алфавитом, изображение буддийского колеса «хорлоо», которое также присутствует на первом гербе нового государства. По мере формирования национального мышления, становления государственности в сознании тувинцев, происходит эволюция изображения герба на марках: буддийское колесо «хорлоо» (1926 г.) сменяют колосья, красная звезда, серп и молот (1943 г.). Изображение государственной границы ТНР также трансформируется: от условного пунктира по монгольской территории в 1927 г. до четкой жирной линии на марках 1935 г.

Важным фактором стал процесс возникновения национальной письменности и валюты. Марки 1932 г. с надписями на трех языках (старомонгольском, тувинской латинице и английском) иллюстрируют период до введения кириллического письма в 1941 г., естественным образом помещающего Туву в культурное пространство Советского Союза. Уникальная марка 1934 г. с номиналом сразу в двух денежных единицах — в рублях, и в никогда не существовавших тувинских тугриках, предвосхищает мечту о национальной валюте, позднее воплотившуюся в акша.

Очевидно, что марки являются инструментом пропаганды, фактором влияния, внедряющим определенные культурно-смысловые коды в общество. Но этот инструмент не мог эффективно функционировать без опоры на уже сложившиеся общественные отношения. Создатели марок вынуждены были считаться с реальным положением дел в республике, должны были отражать насущные чаяния тувинского народа.

Ключевые слова: Тувинская Народная Республика; история Тувы; знак почтовой оплаты; тувинская марка; общественное сознание; тувинцы; общественное самосознание

Для цитирования:

Воронин Р. М. Почтовые марки периода Тувинской Народной Республики как отражение эволюции общественного сознания тувинцев // Новые исследования Тувы. 2022, № 2. С. 177-187. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.2.12>

Воронин Роман Михайлович — доктор медицинских наук, профессор кафедры медицины катастроф и скорой медицинской помощи Рязанского государственного медицинского университета имени академика И. П. Павлова Минздрава России. Адрес: 390026, Россия, г. Рязань, ул. Высоковольтная, д. 9. Тел.: +7 (910) 906-77-55. Эл. адрес: rmvoronin@mail.ru

VORONIN, Roman Mikhailovich, Doctor of Medicine, Professor, Department of Disaster and Emergency Medicine, I.P. Pavlov Ryzan State Medical University. Postal address: 9 Vysokovoltnaya St., 390026 Ryazan, Russian Federation. Tel.: +7 (910) 906-77-55. Email: rmvoronin@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-9794-972X

Postage stamps of the Tuvan People's Republic as a reflection of evolving public consciousness of the Tuvan people

Roman M. Voronin

I. P. Pavlov Ryazan State Medical University, Russian Federation

Postage stamps have a unique value of their own which sets them apart from other historical documents. Imagery appearing on stamps do more than just preserve important historical information — they bear an emotional footprint of a bygone period — a trace imagined by artists who lived and worked within a certain cultural and historical space. This study examines postage stamps of Tuvan People's Republic (TPR) aiming to outline the evolution of the public consciousness of the Tuvan people as it was emerging with a statehood of their own. We provide a description of the most significant postage stamps which can help assess the major stages of the development of Tuvan society from 1920s to 1940s.

The early issues of TPR's postage stamps reveal the closest cultural, religious and economic links the nascent state had with Mongolia: the stamps were valued in the *mungu* and *tögrög*, used Old Mongolian writing, featured the image of the horloo, a Buddhist wheel, which also appeared on the first version of the new country's arms. As the new public consciousness took root and Tuvans got used to their statehood, the emblem has evolved: the 1926 horloo gives way to the hammer and sickle, red star and heads of wheat in 1943. The way state borders are shown also gets a revamp: the conventional dashed line across Mongolian territory (1927) gives way to a clear bold line on the 1935 stamps.

The rise of a national writing system and currency has become another key factor. Stamps issued in 1932 have text in three languages — Old Mongolian, Tuvan (Latin script) and English. This was typical before the introduction of the Cyrillic script in 1941 which immediately made Tuvan part of the Soviet cultural space. A unique 1934 stamp was nominated in two currencies — the rouble and the never-existent Tuvan *tögrög*, anticipating the dream of a national currency which later materialized as the *aksha*.

It is evident that postage stamps can be seen as instruments of propaganda and drivers of certain cultural codes within the society. But to function efficiently, they have to rely on the existing network of social relations. Creators and designers of postage stamps had to take the current state of affairs within the republic into account, thus reflecting the hopes and aspirations of the Tuvan people.

Keywords: Tuvan People's Republic; history of Tuva; postage object; postage stamps of Tuva; public consciousness; Tuvans; social self-consciousness

For citation:

Voronin R. M. Pochtovyie marki perioda Tuvinskoj Narodnoj Respubliki kak otrazhenie evoliutsii obshchestvennogo soznaniia tuvintsev [Postage stamps of the Tuvan People's Republic as a reflection of evolving public consciousness of the Tuvan people]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 2, pp. 177-187. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.2.12>

Введение

Период 1920-х гг. является крайне интересным периодом в мировой истории, в том числе истории России и истории Тувы. Именно это время является своеобразным рубежом: окончание Первой Мировой войны, время революций, слом старых обществ, создание новых, чрезвычайно динамичных отношений в политике, экономике, культуре. *Roaring Twenties* 'ревущие двадцатые', так называют эти годы в англоязычной литературе. Тувинская Народная Республика (далее — ТНР) за свое недолгое существование в качестве независимого государства с 1921 по 1944 гг., стала ярким, важным этапом формирования нового общественного сознания тувинцев.

Имеется множество документальных свидетельств, воспоминаний очевидцев, достаточно полно описывающих эпоху. Но вместе с тем, существует много направлений, делающих исследовательскую работу практически неисчерпаемой, и даже придающих ей особенную актуальность. Изучение почтовых марок ТНР является одним из таких направлений, позволяющим получать значимую информацию, практически недоступную с помощью других возможностей исторического исследования (Бакаютова, 2018: 59).

На наш взгляд, почтовые марки являются объектами, обладающими уникальными свойствами, отличающими их от других исторических свидетельств.

Во-первых, сюжеты марок, как правило, аккуратнейшим образом фиксируют все значимые события, личности, памятные даты, тем или иным образом, влияющие на жизнь общества. В этом их

сходство с архивными документами. Но, помимо этого, марки, несомненно, обладают достоинством мемуаров, воспоминаний очевидцев, то есть отражают личные впечатления (предпочтения) участников событий, посредством сюжета, композицией, красками, используемыми шрифтами. Таким образом, сочетая в себе сухость архивных документов, и часто очень субъективный характер мемуаров, почтовые марки могут предоставить ценную историческую информацию.

Во-вторых, марки являются знаком почтовой оплаты, то есть официальным документом, который соответствует строгим параметрам, определяемыми государством. Поэтому, разнообразные признаки почтовой марки, такие как: ее номинал, качество используемой бумаги, наличие водяных знаков, надпечатки и так далее, позволяют оценить условия, в которых развивалось общество. Сюжет марки также часто выступает предметом строгой регламентации.

В-третьих, очень специфичным признаком является тираж почтовых марок, часто — большой. Это означает, что они практически не могут быть полностью уничтожены, например, в зависимости от изменения политической ситуации или при пожаре. Более того, на конвертах они разлетаются по миру, оседают в архивах учреждений, попадают в коллекции. Можно утверждать, что та информация, которая попала на марки, остается навсегда.

В-четвертых, почтовая марка является культурным объектом, миниатюрным художественным полотном, представляющим особую ценность, возрастающую год от года. Описания быта, флоры и фауны, общественно-политических реалий, несут яркий эмоциональный след ушедшей эпохи, запечатленный художниками, которые жили и творили в конкретном культурно-историческом поле. Регулярные выпуски марок позволяют проследить, каким было мировоззрение людей и как оно менялось, какие проблемы их волновали, что являлось для них главным, а что — второстепенным.

Следует отметить, что почтовые марки Тувинской Народной Республики достаточно хорошо исследованы (Блехман, 1976; Устиновский, 2000; и др.). Этому есть несколько причин. Прежде всего, они очень красивы: разнообразной формы, с интересными сюжетами, включающие в себя и религиозные символы, и богатую тувинскую природу, и сцены быта и т. д. Марки создавались талантливыми советскими художниками (О. Ф. Амосовой, В. В. Завьяловым, В. Ф. Деминим и др.) в пределах заданной тематики заказчика — Правительства ТНР. Определенная свобода творчества в выборе формы (ромб, треугольник) и содержания позволила создать оригинальные, неповторимые миниатюры. Кроме того, эти марки — закрытый объект коллекционирования, выпускались только с 1926 по 1944 г., и, значит, существует реальная возможность собрать полную коллекцию.

Однако, несмотря на наличие работ, посвященных почтовым маркам ТНР, остаются серьезные пробелы в данном научном поле. Так, К. А. Бичелдей выделяет и конкретизирует достаточное количество перспективных направлений для исследований (Бичелдей, 2016: 117). В большей степени эти направления касаются изучения филателистических признаков, открывающих новые неизвестные страницы истории Тувы. В нашей работе марки служат лишь вспомогательным средством, документальной летописью всего периода существования ТНР, неразрывно связанной с изменениями в мировоззрении, самосознании, самоощущении тувинского народа. Таким образом, целью нашей работы явилось исследование почтовых марок Тувинской Народной Республики с точки зрения отражения эволюции общественного сознания тувинцев.

Источниками при обзоре выпусков марок являлись марки Тувинской Народной Республики из личной коллекции автора (108 экз.). В анализе автор опирался на работы С. М. Блехмана «История почты и знаки почтовой оплаты Тувы» (Блехман, 1976) и В. Н. Устиновского «Тува. Знаки почтовой оплаты» (Устиновский, 2000), являющимися, на сегодняшний день, наиболее полными и значимыми исследованиями по данной теме.

Государственная символика и марки

Необходимо отметить, что обширные территории Южной Сибири исторически являлись зоной интересов трех крупных государственных образований — Китая, Монголии и России (История Тувы, 2001). Многочисленные народы, населявшие эти территории, на протяжении большого исторического периода входили в состав образующихся и распадающихся империй, находились в зоне экономического, политического, культурного, религиозного влияний, которые, во многом, формировали их общественное сознание.

И если под воздействием культурных и религиозных факторов тувинцы должны были бы однозначно тяготеть к Монголии, то исходя из политических и экономических реалий, все было не так определено (Ондар, 2016: 158). Не случайно, история Тувы начала XX века наполнена серьезными внутренними противостояниями в связи с вопросами независимости или же присоединения к России или к Монголии (Кузьмин, 2018: 2). Несомненно, в сознании тувинцев Монголия продолжала занимать особое место, даже после провозглашения нового государства Народной Республики Танну-Тува в 1921 г. За все время своего существования самостоятельное государство так и не было признано ни одной страной в мире, кроме Советского Союза и Монголии. СССР первый подписал договор о независимости ТНР в 1925 г., Монголия — в 1926 г. Такое промедление определялось достаточно сложной международной обстановкой, вызванной резко отрицательным отношением Китая к молодой республике, который не признал ее суверенитет, продолжая считать ее своей территорией.

16 августа 1926 г. был заключен договор между монгольским и тувинским народами, а в октябре этого же года вышел первый выпуск марок ТНР с буддийскими и монгольскими атрибутами (рисунки 1). На 10 разноцветных марках изображено колесо *хорлоо* — древний буддийский символ круговорота жизни, перевитый лентой *хадак*, символом счастья и гостеприимства. Их номинал указан в монгольских денежных единицах (1, 2, 5, 8, 10, 30, 50 мунгу и 1, 3, 5 тугриков). Все надписи, включая цифры, выполнены старомонгольским алфавитом.

Рис. 1. Две почтовые марки ТНР первого выпуска (1926 г.). Из личной коллекции автора.
Fig. 1. Two stamps of Tuva People's Republic's first issue (1926); from the author's personal collection.

Очень вероятно, что использование буддийской символики, монгольского алфавита и монгольской денежной системы было связано с подъемом национального самосознания, которое, как правило, сопутствует начальному периоду государственного строительства. И, конечно, монгольская культура являлась более близкой тувинцам, в отличие от русской и китайской, также имеющих значительное присутствие в регионе.

Рисунок первых марок стал составной частью герба нового государства. В 1926 г. Великим Хуралом был утвержден герб ТНР с широко известными атрибутами народного государства — земной шар в лучах солнца, перекрещенные серп и грабли, колосья с лентой, красная звезда, и все это находилось внутри буддийского колеса «хорлоо»¹.

Однако, уже в 1930 г., на волне борьбы с религиозными культурами, буддийский символ был удален с герба, а вместо него появилась надпись: «Пролетарии всех стран и угнетенные народы Востока, соединяйтесь!» Как мы видим, коммунистический лозунг специально адаптирован и больше «подходил» к еще «не окрепшему» сознанию «новых» тувинцев.

¹ Конституции Тувы 1921–1993 гг.: сборник к 55-летию принятия Тувы в состав СССР и РСФСР / сост. В. А. Дубровский. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1999. 216 с.

Также обращает на себя внимание уж слишком явное сходство герба независимого государства Тувинской Народной Республики с гербом СССР. Все-таки герб является важнейшим атрибутом государственности и должен отражать уникальные национальные особенности народа. Возможно, это соображение и стало основанием для появления в 1935 г. нового герба (Бичелдей, Монгуш, 2019). И в 1936 г. выходит 12-й выпуск почтовых марок, посвященный 15-летию Тувинской Народной Республики, где имеется однокопеечная марка с его изображением (рисунки 2А).

Рис. 2. Почтовые марки 1936 (А) и 1943 (В) гг. с гербом ТНР. Из личной коллекции автора.

Fig. 2. The 1936 (A) and 1943 (B) stamps featuring the arms of Tuvan People's Republic; from the author's personal collection.

Надо сказать, что изображение герба 1930 г. имеется только в виде нечетких фрагментов оттисков печатей на документах, а гербом 1935 г. мы можем любоваться благодаря большому тиражу почтовых марок. Новый герб кардинально отличается от старого. Он состоит из пятиконечной тупой звезды, карты республики на ее фоне, всадника-арата с шестом в руках. Надпись вновь изменена «Пролетарии всех стран и угнетенные народы всего мира, соединяйтесь!» Видимо, по мнению создателей герба, за годы независимости самосознание тувинцев выросло для отождествления себя с народами всего мира. В 1939 г. в герб были внесены очередные изменения. Теперь лозунг звучал традиционно «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Отдельные исследователи считают, что общая композиция в изображении гербов 1935 и 1939 гг. соответствует традиционным буддийским представлениям о мироустройстве, проводя аналогию с «мандалой» (Монгуш, 2016: 58). Советская красная звезда была удалена, а вместо нее был привнесен пятилепестковый щит, пятиконечная тупая звезда, в которой, как в круге, был заключен весь герб. По сути, это была попытка примерить национальное и советское.

В 1941 г. был принят новый герб ТНР, который присутствует на марке 20-го выпуска 1943 г., посвященного 22-й годовщине Тувинской Народной Республики (рисунки 2В). Здесь появляются традиционные колосья, красная звезда, серп и молот, земной шар, однако остается всадник-арат, который скачет уже не на восток, как на ранних гербах, а на запад, в сторону Москвы, что очень символично. Знаменательно, что герб окаймлен флагами союзных республик. Через год ТНР войдет в состав Советского Союза, и символика предвосхищает это событие.

Так, за 16 лет в Тувинской Народной Республике было утверждено 4 оригинальных герба, не считая внесение небольших изменений (надписи, цветовая палитра). Достаточно наглядно этот процесс становления молодой республики отображен на почтовых марках того периода как противостояние буддийской религиозной и советской символики. В эволюции национальной символики четко прослеживается становление нового сознания тувинского народа. Во многом это был достаточно болезненный процесс, сопровождающийся определенной утратой своей «восточной», «монгольской», может быть «местечковой» идентичности, и приобретением новой «советской», вхождением в большую

семью народов СССР. Этот этап был сложным, даже учитывая огромное влияние Советского Союза на все стороны жизни Тувы. Можно утверждать, что сама Тувинская Народная Республика в сознании населения первоначально не воспринималась в роли суверенного государства.

В 1927 г. (то есть через шесть лет после создания ТНР) был осуществлен третий этнографический выпуск почтовых марок. На восьмикопеечной марке этого выпуска изображена карта, где граница СССР с Монголией, и СССР с ТНР четко выделена жирной линией, а сама ТНР условно обозначена пунктиром и находится на территории Монголии (рисунок 3А).

Рис. 3. Государственная граница ТНР на почтовых марках 1927 (А) и 1935 (В) гг. Из личной коллекции автора.
Fig. 3. Border of the Tuvan People's Republic as it appears on 1927 and 1935 stamps; from the author's personal collection.

Границы республики нанесены весьма произвольно, наглядно демонстрируя некую условность данного предмета. А вспомнив народные волнения 1923–1924 гг. по вопросу о вхождении в состав Монголии (Кузьмин, 2018: 7), и наличие территориальных споров между странами, которые не были урегулированы вплоть до вхождения Тувы в состав СССР в 1944 г., не остается сомнений в значительном монгольском влиянии на сознание тувинцев. Но уже в 1935 г., в десятом выпуске, на однокопеечной марке, границы ТНР нанесены четкой жирной линией, как и подобает независимому государству (рисунок 3В). За 15 лет произошло становление государственности не только на бумаге, но и в сознании, не только юридически, но и ментально.

Письменность, деньги и марки

Важнейшим вопросом национальной самоидентификации является наличие у народа собственной письменности. Почтовые марки Тувинской Народной Республики позволяют, как никакие другие исторические документы, увидеть постепенный процесс перехода на национальный алфавит.

Как уже отмечалось, в первом выпуске марок 1926 г. все надписи были выполнены с помощью старомонгольской письменности. Помимо того, что в те годы процент грамотных в республике был крайне незначительным, так это еще и не соответствовало требованию Всемирного почтового союза, согласно которому надписи на почтовых марках должны были быть на европейских языках (Блехман, 1976: 57). Поэтому, уже на марках 1927 г. третьей этнографической серии, надписи на старомонгольском были продублированы на английском, а номинал указан только арабскими цифрами, что отвечало практическим целям осуществления почтовых отправлений. В дальнейшем, в стандартных выпусках, старомонгольский уже не использовался, и еще до появления в 1930 г. национальной письменности на основе латинского алфавита, все надпечатки на марках выполнялись латиницей, которая мирно соседствовала со старомонгольскими буквами. Так, после введения национального алфавита, появляются достаточно своеобразные марки четвертого временного выпуска (1932 г.) где имеются надписи на трех языках: старомонгольском, тувинском («ТЬВА», «РОҢТА», «КӨР») и английском («TOUVA», «POSTAGE») (рисунок 4).

Интересно, что сегодня, на филателистических сайтах, весьма распространено описание седьмого выпуска 1934 г., согласно которому, надпись «ТЬВА» выполнена кириллическими буквами. Однако, эта надпись выполнена не кириллицей, а тувинским алфавитом на основе латиницы. В этом алфавите

Рис. 4. Почтовая марка ТНР четвертого временного выпуска 1932 г.

Из каталога марок <http://katalog.sampsportal.ru/tuva>

Fig. 4. A postage stamp of the Tuvan People's Republic, 4th issue, 1932.

From the catalogue at <http://katalog.sampsportal.ru/tuva>

имелись буквы нехарактерные для традиционного латинского алфавита, обозначающие некоторые специфичные звуки тувинской речи. А некоторые латинские буквы могли читаться особенным образом. В частности, буква «Ь», была заимствована из кириллицы и произносилась примерно, как звук «ы», а буква «В», в зависимости от ее местоположения в слове, могла произноситься примерно, как звук «вэ» (Поппе, 1929: 49). В общем-то, это заблуждение является отголоском старой проблемы адекватности передачи произношения слов в восточных языках европейскими буквами.

Появление национального алфавита способствовало распространению грамотности. Если в 1920-х гг. грамотных в Туве насчитывалось не более 1,5%, то к 1940 г. их число выросло почти до 85% (Бичелдей, 2010: 225). И это закономерно, учитывая активные мероприятия по искоренению безграмотности, обучение детей и взрослых. Кроме того, широкое распространение бытовавшей ранее старомонгольской письменности было невозможно, так как основная масса тувинцев не знала монгольского и разговаривала на родном языке. Использование собственной тувинской письменности закономерно приводило к росту национального самосознания, резко ограничивая монгольское влияние. Вместе с тем, переход в 1941 г. на кириллический алфавит естественным образом вводил ТНР в культурное поле Советского государства. Надо отметить, что исторически тувинская письменность на основе кириллицы появилась раньше, чем на основе латиницы. Первый тувинский букварь с кириллическим алфавитом был издан в г. Москве еще в 1927 г. тиражом в 4 тысячи экземпляров, но по политическим соображениям предпочтение тогда было отдано другому варианту (там же: 218).

В 1942 г. выходит девятнадцатая юбилейная серия почтовых марок «21-я годовщина провозглашения Тувинской Народной Республики», где все надписи выполнены уже новым кириллическим алфавитом. Примечательно, что название страны указано по-тувински «ТЫВА», кроме марки номиналом 25 копеек «Сельскохозяйственная выставка в Кызыле», где имеется русская надпись «ТУВА», которая абсолютно не выглядит чужеродным элементом, что могло бы быть достаточно странным, учитывая ее государственную принадлежность. Этот небольшой нюанс можно рассматривать как важный признак постепенного вхождения ТНР в советское культурно-смысловое пространство.

Внимательное изучение почтовых марок Тувинской Народной Республики позволяет глубже понять реалии того времени. На наш взгляд, одним из наиболее значимых признаков становления государственности ТНР является их номинальная стоимость, естественным образом присутствующая на каждой марке, как на знаке почтовой оплаты. И даже не сама стоимость, а используемые при ее определении различные денежные единицы. Этот важнейший атрибут государственности позволяет не только уточнить, какие деньги находились в обращении в молодой республике (в данном случае более информативной будет нумизматика), но и установить легитимность каждой из валют, ее роль в определенный исторический период.

Известно, что первые годы в Тувинской Народной Республике в свободном обращении были различные денежные единицы: китайские ляны и фыни, монгольские тугрики и мунгу, советские рубли и копейки, а также боны ТНР (царские рубли со штемпелем тувинского правительства) (Харунова, Харунов, Санчай, 2019: 107). И номинал почтовых марок первого выпуска (1926 г.) был указан в монгольской валюте — тугриках и мунгу, также, как и присутствующая буддийская символика и старомонгольский алфавит, подчеркивающие существенную зависимость Тувы от Монголии как в культурном, так и в бытовом отношениях. Хотя известно, что еще с 1925 г., по соглашению между СССР и ТНР, официальным платежным средством в республике были советские копейки и рубли, а в дальнейшем — тувинские копейки и проштампованные рубли.

Вместе с тем, очевидно, что для любого государства крайне важно иметь собственную валюту, являющуюся значимым признаком независимости. И несмотря на политические и экономические трудности, руководство Тувинской Народной Республики, по всей видимости, давно мечтало о введении национальной валюты. Нам не известны достоверные исторические документы, подтверждающие наше предположение. Однако, почтовые марки, однозначно, указывают на это.

Так, некоторое удивление вызывает появление в 1934 г. (восьмой выпуск) и в 1935 г. (одиннадцатый выпуск) номиналов марок в один, два, три и пять тугриков. Что достаточно странно, учитывая, что никаких тугриков в широком обороте уже не было, к 1929 г. практически все денежные знаки, кроме копеек и рублей, были изъяты из обращения. Однако, если допустить существование планов по созданию национальной валюты и принять во внимание реалии того времени, то появление на почтовых марках тугриков, еще до поступления новой денежной единицы в обращение, представляется вполне логичным. Так, печать марок была достаточно сложным и затратным мероприятием. Они печатались в Москве, на фабрике «Госзнак», непосредственно в Туве делались надпечатки, исходя из оперативных потребностей молодой республики. Поэтому за 18 лет независимости оригинальных стандартных выпусков было всего десять. И вполне оправданным представляются мероприятия по заблаговременному заказу почтовых марок с номиналом в национальной, пока не существующей, денежной единицы. По всей видимости, в 30-х годах XX века монгольское слово *тугрик* представлялось более близким для тувинского национального самосознания, чем русское — *рубль*.

Вообще, за все годы существования ТНР была выпущена только одна почтовая марка с рублевым номиналом. Это однорублевая марка «Оленеводы» третьего выпуска (1927 г.) этнографической серии. Стоимость рубля в это время была достаточно высока, поэтому требовались более мелкие номиналы.

Каким же образом мог происходить процесс введения новой валюты? В восьмом выпуске представлена уникальная марка, где имеются надписи «2 TUG» и «2 RUB» (рисунк 5А). То есть, это марка переходного периода, демонстрирующая предполагаемый курс новой валюты: один рубль равен одному тугрику. Это особенно примечательно тем, что тувинский тугрик так никогда и не был введен в денежное обращение.

Рис. 5. Отметки денежных единиц ТНР на почтовых марках 1934 (А) и 1936 (В) гг.

Из личной коллекции автора.

Fig. 5. Indication of value (in PRT's currency) on its 1934 (A) and 1936 (B) postage stamps; from the author's personal collection.

Но мечта о национальной валюте все-таки реализовалась в 1935 г. в результате денежной реформы. Но не в образе тугрика, название которого все-таки тесно ассоциировалось с Монголией, а в образе новой, действительно национальной, денежной единицы — *акша*. И в 1936 г., в двенадцатом и тринадцатом выпусках, посвященных 15-летию Тувинской Народной Республики, появляются марки с номиналом 1, 2, 3 и 5 *акша* (рисунки 5В). Эти выпуски являются единственными, где присутствуют марки с этой валютой, в дальнейшем *акша* для обозначения номиналов не использовалась.

Говоря об эволюции общественного сознания периода Тувинской Народной Республики, нельзя не упомянуть, в каких тяжелейших условиях происходило становление государственности. Как и Советский Союз, и Монголия, Тувинская Народная Республика не избежала массовых политических репрессий в конце 1930-х годов (Доржу, Иргит, 2017: 32). Становление «нового» и слом «старого» сознания вылились в жестокую борьбу за власть в республике, борьбу с инакомыслием. Кульминацией этого процесса явилось резонансное судебное дело 1938 г., в результате которого Чрезвычайный открытый суд Президиума Малого Хурала вынес приговор — смертную казнь девяти виднейшим государственными деятелями ТНР. Их реабилитировали только через десятилетия. Особенностью «массовых чисток» являлось то, что все упоминания об осужденных «врагах народа» пытались стереть из людской памяти. Уничтожались документы, фотографии, книги, все, где могло встречаться имя репрессированного. Весьма показательно, что денежная реформа 1940 г. по замене *акша* 1935 г. на новые банкноты, была инициирована судом над министром финансов и председателем Тувинского торгово-промышленного банка Оюном Танчаем (Харунова, Харунов, Санчай, 2019: 109). Дело в том, что на деньгах стояла его подпись, подпись расстрелянного «врага народа». Поэтому на новых банкнотах не стали ставить ничьей подписи, на всякий случай. Сегодня подлинные банкноты ТНР 1935 г. практически не встречаются, все они были уничтожены.

На марке двенадцатого выпуска 1936 г. мы можем видеть портрет, впоследствии осужденного по «делу девяти», председателя Совета министров и министра иностранных дел ТНР Сата Чурмит-Дажы. Эта марка не является редкой. Более того, не имеется свидетельств о мероприятиях по ее изъятию или уничтожению, не встречается также марок со следами умышленной порчи. Разлетевшись почтовыми отправлениями по всему миру, марка сохранила единственный портрет политического и государственного деятеля ТНР на знаке почтовой оплаты, внесшего свой посильный вклад в развитие Тувы и, соответственно, память о тех сложных временах.

Заключение

Таким образом, почтовые марки Тувинской Народной Республики являются важнейшими документами, позволяющими взглянуть на историю республики с уникального ракурса. Регулярные выпуски позволяют проследить поэтапную эволюцию сознания населения Тувы в пределах значимого исторического периода. Почтовая марка, очевидно, является инструментом пропаганды, фактором влияния, внедряющим определенные культурно-смысловые коды в общество. Но этот инструмент не может эффективно функционировать без опоры на уже сложившиеся общественные отношения.

Создатели марок вынуждены были считаться с реальным положением дел в республике, должны были отражать насущные чаяния тувинского народа. И этот процесс взаимовлияния, как нельзя лучше, отражает трансформацию сознания человека, стоящего на сломе эпох. Болезненный переход от буддийского «хорлоо» до земного шара и красных знамен, от всадника-арата до человека новой формации, навеки, хронологически беспристрастно, зафиксирован в удивительном историческом документе — почтовой марке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бакаютова, Л. Н. (2018) Филателия в пространстве музея: культурологический ракурс // Музей. Памятник. Наследие. № 1 (3). С. 59–70.
- Бичелдей, К. А. (2010) 80 лет тувинской письменности: становление, развитие, перспективы // Новые исследования Тувы. № 4. С. 210–229.
- Бичелдей, К. А. (2016) Коллекция тувинских марок 1926–1943 гг. в фондах Национального музея Республики Тыва и перспективы развития тувинской филателии // Новые исследования Тувы. № 3. С. 114–121.

Бичелдей, К. А., Монгуш, Б. Б. (2019) Государственные символы Тувы. Герб, флаг и гимн. Денежные и почтовые знаки. Кызыл : Тувинское книжное издательство им. Ю. Ш. Кюнзегеша. 112 с.

Блехман, С. (1976) История почты и знаки почтовой оплаты Тувы. М. : Связь. 112 с.

Доржу, З. Ю., Иргит, О. Ю. (2017) «Дело девяти»: судебный процесс 1938 года над государственными деятелями Тувинской Народной Республики в годы политических репрессий // Вестник КалмГУ. № 2 (34). С. 32–39.

История Тувы (2001): в 3 т. 2-е изд., перераб. и доп. / под общ. ред. С. И. Вайнштейна, М. Х. Маннай-оола. Новосибирск : Наука. Т. 1. 367 с.

Кузьмин, С. Л. (2018) Урянхайский вопрос и монголо-тувинские отношения в начале XX в. // Oriental Studies. № 3 (37). С. 2–14. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2018-37-3-2-14>

Монгуш, Б. Б. (2016) Герб тувинской Народной республики 1935–1939 гг.: отражение в символике традиционных космологических представлений тувинцев // Новые исследования Тувы. № 3. С. 54–64.

Ондар, Е. М. (2016) К вопросу об особенностях политического развития Тувинской Народной Республики в 1920–1930-е годы // Вестник Томского государственного педагогического университета. № 12 (177). С. 158–164.

Поппе, Н. Н. (1929) Заметки по фонетике танну-тувинского языка в связи с вопросом об алфавите // Культура и письменность Востока. Баку : Издание ИЦК НТА. Кн. IV. 220 с. С. 49–61.

Устиновский, В. Н. (2000) Тува. Знаки почтовой оплаты. М. : б. и. 204 с.

Харунова, М. М.-Б., Харунов, Р. Ш., Санчай, Ч. О. (2019) Деньги Тувинской Народной Республики в коллекциях Национального музея Тувы // Новые исследования Тувы. № 2. С. 105–114. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.2.9>

Дата поступления: 01.02.2022 г.

REFERENCES

Bakaiutova, L. N. (2018) Filateliia v prostranstve muzeia: kul'turologicheskii rakurs [Philately in the space of a museum: a view from cultural theory]. *Museum. Monument. Heritage*, no. 1 (3), pp. 59–70. (In Russ.).

Bicheldei, K. A. (2010) 80 let tuvinskoi pis'mennosti: stanovlenie, razvitie, perspektivy [To the 80th anniversary of the Tuvan written language: formation, development, perspectives]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 210–229. (In Russ.).

Bicheldei, K. A. (2016) Kolleksiia tuvinskikh marok 1926–1943 gg. v fondakh Natsional'nogo muzeia Respubliki Tyva i perspektivy razvitiia tuvinskoi filatelii [A collection of Tuvan stamps (1926–1943) in the National Museum of the Republic of Tuva and the prospects of philately in Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 114–121. (In Russ.).

Bicheldei, K. A. and Mongush, B. B. (2019) *Gosudarstvennye simvolyy Tuvy. Gerb, flag i gimn. Denezhnye i pochtovye znaki* [State symbols of Tuva. Coat of arms, flag and anthem. Money and postage]. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 112 p. (In Russ.).

Blekhman, S. (1976) *Istoriia pochty i znaki pochtovoi oplaty Tuvy* [The history of mail and postage stamps of Tuva]. Moscow, Sviaz'. 112 p. (In Russ.).

Dorzhu, Z. Yu. and Irgit, O. Yu. (2017) «Delo devyati»: sudebnyi protsess 1938 goda nad gosudarstvennymi deiateliami Tuvinskoi Narodnoi Respubliki v gody politicheskikh repressii [“The Case of the Nine”: the 1938 trial of the statesmen of the Tuvan People's Republic during the years of political repression]. *Vestnik KalmGU*, no. 2 (34), pp. 32–39. (In Russ.).

Istoriia Tuvy [The History Of Tuva] (2001) : in 2 vols. 2nd ed / ed. by S. I. Vanshtein and M. Kh. Mannai-ool. Novosibirsk, Nauka. Vol. I. 367 p. (In Russ.).

Kuz'min, S. L. (2018) Uriankhaiskii vopros i mongolo-tuvinskie otnosheniia v nachale XX v. [The Uriankhai Issue and Mongolian-Tuvan Relations in early 20th Century]. *Oriental Studies*, no. 3. (37), pp. 2–14. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2018-37-3-2-14>

Mongush, B. B. (2016) Gerb tuvinskoi Narodnoi respubliky 1935–1939 gg.: otrazhenie v simbolike traditsionnykh kosmologicheskikh predstavlenii tuvintsev [Elements of traditional Tuvan cosmology in the state emblem of the People's Republic of Tuva, 1935–1939]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 54–64. (In Russ.).

Ondar, E. M. (2016) K voprosu ob osobennostiakh politicheskogo razvitiia Tuvinskoi Narodnoi Respubliki v 1920–1930-e gody [On the peculiarities of the political development of the Tuvan People's Republic in the 1920s and 1930s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 12 (177), pp. 158–164. (In Russ.).

Poppe, N. N. (1929) Zametki po fonetike tannu-tuvinskogo iazyka v sviazi s voprosom ob alfavite [Notes on the phonetics of the Tannu-Tuvan language in connection with the issue of the alphabet]. In: *Kul'tura i pis'mennost' Vostoka [Culture and writing of the East]*. Baku, Izdanie ITsK NTA. Book IV. 220 p. Pp. 49–61. (In Russ.).

Ustinovskii, V. N. (2000) *Tuva. Znaki pochtovoi oplaty [Tuva. Postage stamps]*. Moscow, s. n. 204 p. (In Russ.).

Kharunova, M. M.-B., Kharunov, R. Sh. and Sanchaï, Ch. O. (2019) Den'gi Tuvinskoï Narodnoï Respubliki v kolleksiakh Natsional'nogo muzeia Tuvy [Money of the People's Republic of Tuva in the collections of the Aldan-Maadyr National Museum of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 105–114. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.2.9>

Submission date: 01.02.2022.

DOI: 10.25178/nit.2022.2.13

ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Статья

Этнический потенциал Республики Тува в сценариях государственной политики

Максим С. Михалев

Российский государственный гуманитарный университет, Российская Федерация

Приграничные районы соседних стран часто формируют трансграничное единство. Оно обладает особым социальным, культурным и политическим ресурсом, иногда принимающим форму этнического потенциала в том случае, если по обе стороны границы проживают трансграничные или схожие по своей культуре народы. Несмотря на то, что приграничье является предметом научных исследований уже довольно давно, роль этнического фактора в его формировании и функционировании редко становится предметом специального интереса. В данной статье выявляется и описывается этнический потенциал Республики Тува Российской Федерации, расположенной на границе с Монголией и при этом связанной историческими узами с Китаем.

Анализируются текущие практики использования этого потенциала. Обнаруживается парадокс, заключающийся в том, что значительный этнический потенциал Тувы до настоящего времени практически не используется государством. Делается предположение: так происходит потому, что отличие пограничья от центра многими до сих пор воспринимается как угроза. В свою очередь, это препятствует принятию культурной непохожести его населения.

Дается комплекс рекомендаций по эффективному вовлечению этнокультурного, этносоциального и этнополитического потенциала населения Республики Тува в единое культурное, политическое и социальное пространство страны.

Ключевые слова: трансграничное пространство; этнический фактор; государственная политика; Тува; Монголия

Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Роль этнического фактора в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации и социально-экономического развития приграничных территорий Сибири и Дальнего Востока» (Программа фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг.)

Для цитирования:

Михалев М. С. Этнический потенциал Республики Тува в сценариях государственной политики // Новые исследования Тувы. 2022, № 2. С. 188–197. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.2.13>

Михалев Максим Сергеевич — доктор исторических наук, профессор Учебно-научного центра социальной антропологии Российского государственного гуманитарного университета. Адрес: Российская Федерация, 125047, г. Москва, Миусская пл., д. 6, ст. 1. Тел.: +7 (495) 250-61-18. Эл. адрес: maxmikhalev@yahoo.com

MIKHALEV, Maxim Sergeevich, Doctor of History, Full Professor, Center for Social Anthropology, Russian State University for the Humanities. Postal address: 6. b.1, Miusskaya sq., Moscow, 125047, Russia. Tel.: +7 (495) 250-61-18. E-mail: maxmikhalev@yahoo.com

ORCID ID: 0000-0001-5695-6915

Ethnic Resources of Tuva in National Policy Scenarios

Maxim S. Mikhalev

Russian State University for the Humanities, Russian Federation

The borderlands often make up a new transborder entity featuring unique social, cultural and political resources that may be ethnically tinged when those areas are inhabited by transborder or culturally similar ethnic minorities. Although researchers have long been interested in borderlands, the role of the ethnic factor in their rise and life has so far rarely been a subject of systematic research. This article focuses on the ethnic potential of Russian Federation's Republic of Tuva that borders Mongolia and has close historical connections with China.

Elaborating on the current practices of its leverage, the author arrives at a paradox: despite having a significant ethnic capability of Tuva under its control, the state currently makes very little use of it. The article argues that the real reason behind this paradox is the reluctance to accept the otherness of the border area population. This otherness is often seen as a threat instead of embracing it with all the cultural difference it entails.

The article proposes a shift in borderlands policy and suggests a set of measures for incorporating the ethnic capability of the Tuvan borderlands into the single cultural, economic and political space of the country.

Keywords: transborder areas; ethnic factor; national policy; Tuva; Mongolia

The article has been prepared as part of the project "The role of the ethnic factor in providing national security of the Russian Federation and socioeconomic development of the borderlands of Siberia and the Far East", Federal Program of fundamental and applied studies "Ethnocultural variety of the Russian society and the enhancement of Russian identity", 2020–2022.

For citation:

Mikhalev M. S. Etnicheskiy potentsial Respubliki Tuva v stsenariiakh gosudarstvennoi politiki [Ethnic Resources of Tuva in National Policy Scenarios]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 2, pp. 188-197. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.2.13>

Введение

Любое трансграничное пространство является, в той или иной степени, особенной территорией и одновременно социокультурным новообразованием (Воронченко, Сокольских, 2012: 189). Даже на этом фоне Республика Тува, субъект Российской Федерации, расположенная в непосредственной близости от границы с Монголией, может с полным правом считаться уникальным географическим, политическим и культурно-историческим феноменом. Однако несмотря на то, что и на российской, и на монгольской стороне проходящей по ее территории государственной границы проживают родственные народы, тувинцы и монголы, тот значительный этнокультурный, этносоциальный и этнополитический потенциал, которым они обладают в силу своего географического положения, до сих пор остается недооцененным, неизученным и невостребованным.

Во многом это связано с тем, что «одержимость безопасностью стала характерной чертой пост-индустриальной эпохи» (Введение в исследования ... , 2016: 51), и общественное мнение относится к любым трансграничным народам с долей подозрения. Фундаментом недоверия, как правило, выступает их культурная непохожесть на жителей центральных районов и та относительная легкость, с которой они могут взаимодействовать с соплеменниками, проживающими по ту сторону государственного рубежа. В этой связи единственно верным решением в том, что касается политики

в отношении всех трансграничных народов, как правило, признается лишь курс на ограничение и плотный контроль их внешних контактов, а также их унификацию и постепенную интеграцию в единое социальное, культурное и экономическое поле страны.

В противоположность такому подходу, в данной статье анализ производится в рамках парадигмы приграничных исследований, заданной Ф. Бартом (Barth, 1969), которая предполагает особое внимание к границам как феномену, обуславливающих появление и существование социальных групп. В частности, принимается характерное для подобного подхода положение о том, что «начертания и функции границ, в конечном счете, определяются лояльностью граждан своему государству по обе стороны границы» (там же: 45). Важным при этом видится и то, что приграничные и трансграничные территории рассматриваются Ф. Бартом и его последователями как локомотивы роста, а не как препятствие на его пути, в то время как обеспечение безопасности границ с их точки зрения требует деятельного участия самого приграничного населения.

Этнический потенциал трансграничного пространства

Большинство приграничных районов, расположенных в зоне бывшего российско-китайского трансграничья, простиравшегося от побережья Тихого океана в районе Находки вплоть до Ваханского коридора на границе Афганистана, Таджикистана и Пакистана, обладают собственной, хотя и не ярко выраженной субъектностью. Каждый из них, включая Приморье, Приамурье, Забайкалье, Бурятию, Туву, Алтай, восточные районы Казахстана и Киргизии, а также Памир, имеет уникальный, неповторимый характер и при этом обладает значительным культурным, духовным, социально-экономическим и политическим ресурсами. Важнейшим условием формирования такого ресурса традиционно выступала сущность российско-китайского трансграничья как последовательности латентных буферных зон, отделяющих друг от друга срединные районы двух государств и населенных коренными и малочисленными народами, отличающимися от русских и ханьцев по ряду существенных признаков. С одной стороны, их представители, проживавшие по разные стороны границы, на протяжении большей части своей истории являлись подданными России либо Китая. В то же самое время, с историко-культурной точки зрения, они зачастую имели больше общего со своими сородичами за рубежом, чем с жителями внутренних районов собственной страны. К подобным, трансграничным народам, в частности, относились нанайцы, корейцы, эвенки и ороконы, буряты, алтайцы, казахи, киргизы и памирцы.

Одним из народов бывшего российско-китайского трансграничья являются как тувинцы, в настоящее время проживающие как на территории Монголии и КНР (Монгуш, 2010; Юша, 2017), так и те, кто живут на территории Республики Тува Российской Федерации. В связи с этим Ч. К. Ламажаа утверждает, что «Тува выступает как одна из особых пограничных территорий, которые в современных исследованиях цивилизаций, в политической и философской науках называются разными терминами: «пограничье», «трансграничье», «лимитроф» («лимитрофная зона», «лимитрофная территория»), «буферная зона» и пр.» (Ламажаа 2021: 180). Ее история содержит множество драматических страниц, а двойственная идентичность коренных народов трансграничного пространства предоставляет ее жителям возможность пользоваться материальными и нематериальными «ресурсами», которыми располагает родственные им народы, проживающие по другую сторону границы. Подобный «экспорт» идей, концепций и возможностей из-за рубежа, как правило, недоступен не только жителям центральных районов, но даже самому государству, и именно он служит основой для формирования уникального потенциала приграничных районов каждой из стран (Михалев, 2019а).

Что касается конкретных форм «заимствования», а стало быть, и способов проявлений трансграничного этнического потенциала, то стоит, прежде всего, выделить сферу культуры и духовную жизнь. Проживающие в приграничных районах двух стран коренные и малочисленные народы довольно часто черпают идеи, образы, доктрины и символы из-за пределов страны своего фактического проживания. Примером подобной культурной инкорпорации является тибетский буддизм, распространенный во многих регионах Азии, в том числе и среди тувинцев. Уникальные знания, в том числе и медицинские, накопленные в рамках буддистской традиции, присущие ей образцы живописи и архитектуры, а также огромный морально-нравственный, философский и духовный потенциал этой религии становится частью общего культурного достояния нашей страны во многом именно благодаря их истории и расположению на границе миров. При этом для самих тувинцев, как и для таких же

трансграничных бурят и калмыков, он в свою очередь служит одним из фундаментом их идентичности (Жуковская, 2008; Монгуш, 2001; Бакаева, 1994).

Известно, что «если граница сохраняется как зона общения — она обычно и зона творчества, зона формирования культур» (Лихачев, 1996: 104). Действительно, и прямая инкорпорация тех или иных элементов культуры из-за рубежа, и формирование в приграничье новых, синкретических форм знания в состоянии существенно обогатить духовную жизнь всей страны. В случае реализации местными и центральными властями грамотной культурной политики, заимствования и изобретения могут также способствовать формированию общегражданской нации, что можно наблюдать на примере возрождения традиции празднования нового года по лунно-солнечному календарю в России. В приграничном с Китаем Забайкальском крае и в Республике Бурятия его празднование уже стало, по сути, общенародным (Хабудаева, 2014: 44). С одной стороны, это приводит к расширению кругозора всех граждан России, проживающих в регионе, независимо от их национальности; в то же самое время совместное празднование традиционного праздника способствует росту взаимного уважения и взаимного понимания между народами, а стало быть, еще больше сплачивает их. Такая же политика осуществляется и в Туве, где празднование традиционного праздника Шагаа становится фундаментом для объединения всех народов, проживающих на территории республики.

С точки зрения использования трансграничного этнокультурного потенциала, не меньшую пользу может принести Туве и развитие этнокультурного туризма при условии того, что этим будет заниматься коренное население региона. Там, где туристическую деятельность берут под свой контроль местные жители, озабоченные сохранностью традиций и окружающей среды, как это, к примеру, произошло на Алтае в парке Уч-Энмек, использование трансграничного культурного потенциала оказывается не просто морально оправданным, но при этом еще и прибыльным (Михалев, 2018a: 98–100).

В том, что касается извлечения экономической выгоды, потенциал приграничных районов, в том числе Тувы, включает в себя также развитие трансграничной торговли, основанной на родственных связях и традиционных практиках обмена. Эффективность такого рода экономической деятельности доказывает пример шэнэхэнских бурят, проживающих в Китае неподалеку от границы с Россией и Монголией. Избегав в свое время ассимиляции, им удалось сохранить крепкие трансграничные связи, а также многие аспекты своей традиционной культуры, в том числе семейные ценности, социальную структуру и родной язык. В свою очередь, завидная сохранность базовых элементов традиционной культуры стала залогом их современного материального благополучия (Балдано, 2015: 293). Следует особо подчеркнуть, что основанный на внутризэтнической солидарности и общности исторических судеб бизнес, которым заняты шэнэхэнские буряты, приносит определенную выгоду и государству также. Растет внешнеторговый оборот страны, увеличивается благосостояние жителей ее периферии, улучшается образ страны за рубежом.

На территории Тувы — в Эрзинском и Овюрском районах — также находятся международные пограничные пункты пропуска Цагаан-Тологой и Хандагайты, а по обе стороны границы проживают родственные друг другу группы монголов и тувинцев. До недавнего времени языковая общность, к примеру, монгольязычных тувинцев, проживающих в с. Нарын Эрзинского района, позволяла им играть значительную роль в организации трансграничной торговли с Монголией и даже с Китаем и при этом извлекать из этого существенную выгоду для себя. Однако недавнее закрытие рынка в районном центре и ужесточение политики государства в сфере регулирования приграничной торговли привели к тому, что ее потенциал в данное время практически не используется. Одновременно с этим строительство магистральных транспортных коридоров по территории Тувы приводит к тому, что основными выгодоприобретателями международной торговли становятся организации, расположенные за ее пределами.

Обладают народы приграничья и уникальным оборонным потенциалом. С одной стороны, это связано с тем, что зачастую только их представители могут похвастать знанием труднодоступной и малоисследованной приграничной местности. Они также владеют специальными навыками, необходимыми для проживания в соответствующих природных и климатических условиях. Ценность для государства представляет при этом и готовность коренных жителей приграничья защищать территорию своей страны от посягательств извне, которая бывает обусловлена их историческим опытом. Не секрет, что когда в начале XX века на территорию Тувы претендовали Китай и Монголия, ей удалось отстоять свой суверенитет лишь благодаря помощи России (Бичелдей, 2014; Моллеров, 2014).

Этот факт до сих пор способствует тому, что лояльность коренных жителей республики к Российскому государству остается стабильно высокой, а их способность выживать в трудных условиях принесла призывникам республики заслуженную славу бесстрашных воинов. Понимание всего комплекса проблем, существующих во взаимоотношениях между родственными народами, проживающими по обе стороны государственного рубежа, и властями соседнего государства, а также использование исторических обид того или иного коренного народа приграничья способны оставаться важным фактором повышения обороноспособности страны и в будущем.

Парадоксы государственной политики

В том случае, когда государство избирает в отношении собственных периферийных районов тактику осторожного, но при этом все-таки равноправного сотрудничества, это приводит к положительным результатам как для самих коренных народов приграничья, так и для страны в целом. Связано это с тем, что «если в двумерной плоскости остается измерение «центр-периферия», то многомерное пространство Приграничья преодолевает его, становясь в сфере воображения условием для создания трансграничной коммуникации и транскультурного гуманитарного знания» (Морохоева, 2012: 7).

В результате трансграничных обменов, плоды которых становятся доступным всему населению страны, растет общий культурный уровень ее населения, укрепляется единство населяющих ее народов, развиваются международные экономические связи, повышается обороноспособность. Для этого государству оказывается достаточным лишь предоставить в распоряжение носителей народной культуры или духовных лидеров приграничья имеющиеся в его распоряжении организационные ресурсы, а также обеспечить благоприятные условия для реализации ими своих задатков и способностей. Получив таким образом доступ к общенациональному культурному пространству, они будут стремиться стать его неотъемлемой частью. В то же время моральный ресурс маргинальных религиозных течений, которые также часто проявляются в трансграничье, может способствовать достижению общегражданской сплоченности, а экономический потенциал приграничной торговли приводит к росту трансграничного товарооборота. Параллельно с этим, уникальный политический и оборонный ресурс жителей приграничья повышают уровень защищенности национальных границ, благотворно сказываясь на обороноспособности страны.

Парадоксально, но несмотря на подобный очевидно положительный эффект от либерализации политики в отношении коренных народов приграничья, государство обычно стремится взять их под свой контроль и по этой причине плохо использует их этнокультурный, этнополитический и этносоциальный потенциалы. Анализ современной ситуации и программ развития Тувы, к примеру, говорит о том, что власти страны больше стремятся к интеграции и унификации этой приграничной территории, нивелированию культурных и политических особенностей ее населения и, таким образом, лишению его описанной выше «плодотворной непохожести». В то время как в центре склонны регламентировать прямые контакты жителей республики с соседями по ту сторону государственного рубежа¹, их либерализация могла бы способствовать «втягиванию» населения Монголии в орбиту влияния России, при этом сами жители Тувы были бы способны выступать в роли своеобразных посланцев российской культуры.

Интересно, что к снижению потенциала приграничных территорий и к потере их жителями своего уникального ресурса приводят не только действия, направленные на нивелирование их непохожести, но и попытки ее же акцентирования, что часто находит свое отражение в экзотизации и последующем присвоении культурного наследия коренных народов периферии. В то время как в России подобные процессы происходят в основном на соседнем с Тувой и таком же приграничном Алтае, их воздействие на жизнь тувинцев можно наблюдать в Сынцзыне (Михалев, 2019b). Здесь, правительство КНР в кооперации с крупным бизнесом уже в течение, по меньшей мере, последних двух десятилетий усиленно эксплуатирует уникальный культурный ресурс их небольшой этнолокальной группы, проживающей в районе озера Канас. Всеобъемлющая коммерциализация образа жизни, народных верований и особенностей культуры превращает традиционную народную культуру в чистый декорум, а самих тувинцев в лишенных дома маргиналов, единственным приемлемой жизненной стратегией для которых оказывается переезд в другие регионы страны (Ню Юкxin, 2014; Чжао Нань, 2013).

¹ Монгольские рынки в Туве опустели [Электронный ресурс] // Тува-онлайн. 2007. 24 января. <https://www.tuvaonline.ru/2007/01/24/rynok.html> (дата обращения: 12.02.2022).

Возможные стратегии

Политолог В. Цымбурский однажды назвал приграничные регионы России ее «защищающим и подпитывающим пределом» (Цымбурский, 2000: 25), и это его определение помогает пролить свет на описанный выше феномен нерационального неприятия их государством. Принимая во внимание то, что предел любой структуры является ее противоположностью и при этом содержит вытесненную на дальнюю периферию и в дальнейшем трансформировавшуюся суть самой этой структуры, ее своеобразным двойником, становится понятным, что приграничье видится государству опасным «своим иным». В подобной интерпретации проблемы становится очевидным и то, что источником формирования особого потенциала приграничья является то, что оно, по своей сути, является резервной копией государства и потому способно заменить его в случае возникновения тех или иных кризисных явлений. Именно по этой причине государство, во многом подсознательно, стремится лишиться свое собственное приграничье силы, видя в нем лишь альтернативу самому себе и, стало быть, экзистенциальную угрозу собственному существованию. В действительности же, этот потенциал, хотя при определенных условиях и может представлять серьезную опасность, в то же время легко мобилизуется в его собственных интересах.

С одной стороны, очевидно, что политика уничтожения, частичной нивелировки или эрозии этнической специфики Тувы, достигаемой в результате унификации и гомогенизации культуры населяющих их народов, а также ограничения их внешних контактов, является контрпродуктивной и требует корректировки. С другой стороны, следует избегать и излишней либеральности и неоправданной конвергенции потенциалов центра и периферии, ибо это, в свою очередь, может негативно сказаться на уровне устойчивости и конкурентоспособности самого государства. Оптимальной при этом видится такая модель, при которой этнокультурный, этносоциальный и этнополитический ресурс Тувы приветствуется, оберегается и сохраняется государством, но при этом рекрутируется им лишь в исключительных случаях. Оправданным в этом случае является смещение акцента с жестких, по большей части, запретительных и контролирующих мер на проведение более мягкой политики «встраивания» локального ресурса в общегосударственную структуру.

Говоря о том, от чего необходимо отказаться, следует, прежде всего, упомянуть насильственный слом традиционной системы координат, включая запреты на осуществление традиционной хозяйственной деятельности. Превратив своих граждан в послушных и покорных, но не способных к защите самих себя и своей страны, есть риск того, что в том случае, когда это окажется необходимым, «прирученные» и «усмиренные» жители периферии окажутся не в состоянии исполнить свой патриотический долг. В особенности это касается защиты самого приграничья, их малой родины, характер и географические особенности которой они понимают лучше, чем кто-либо еще. Лишение их этой привязанности, а в самом худшем варианте, лишение их даже самой этой земли не просто снижает обороноспособность страны и наносит серьезный удар по ее международному авторитету, но и способно оставить ее беззащитной в случае возникновения серьезной угрозы ее суверенитету (Макиавелли, 2018: 128).

В том, что касается духовного и культурного ресурса коренных народов Тувы, желательно избежать бесконтрольного развития туризма и превращение их культуры в так называемый бренд в том виде, как это произошло на Алтае или у тувинцев Канаса. По своей сути, подобная политика представляет собой не что иное, как закамуфлированную апроприацию культуры, и, в конце концов, приводит к тому, что маргинализованное и лишенное самоуважения коренное население станет мигрировать в центральные районы страны. Прибытие же мигрантов из внутренних провинций, заинтересованных в развитии здесь бизнеса, будет не способно заменить коренных жителей ни в том, что касается владения особыми навыками жизни в суровых местных условиях, ни в том, что касается понимания аспектов межкультурного взаимодействия. Подобная подмена способна привести лишь к росту конфликтогенности.

Развитие этнокультурного туризма в Туве при этом все же необходимо. Следует, однако, проявить чувство меры и при этом обладать достаточной чувствительностью для того, чтобы избежать профанации и коммерциализации народной культуры. Лучшей стратегией следует признать передачу значительной части полномочий по организации туризма самим местным жителям, как это происходит, к примеру, на Памире (Steinberg, 2011). Их искренняя заинтересованность в сохранении и развитии своей народной культуры, а также глубокое понимание вопроса будет в этом случае вознаграждено ростом уровня их материального благосостояния. В свою очередь, жители остальных районов страны

смогут в этом случае ознакомиться именно с аутентичными образцами народной культуры Тувы. Безо всякого сомнения это будет способствовать не только ее пропаганде и, одновременно, расширению кругозора россиян, но и поможет достижению более высокого уровня взаимопонимания среди населяющих ее народов, а стало быть, укрепит и гражданское единство нации.

В тесной связи с развитием этнокультурного туризма должны идти мероприятия по поддержке внешнеэкономической деятельности жителей республики. Так, передача в их руки части трансграничной торговли, которой они могли бы заниматься, используя родственные сети по обе стороны государственного рубежа, позволит им сохранить свою культуру и язык, которые в данном случае окажутся востребованными в среде молодого поколения, а также повысит уровень их материального благосостояния. В то же самое время это будет способствовать поддержанию духа сотрудничества в буферной зоне, ибо активная роль коренных народов приграничья в трансграничной торговле минимизирует контакты между представителями центральных районов страны, не обладающих достаточным пониманием культурных и человеческих особенностей своих партнеров.

Ни в коем случае нельзя допускать ситуации, при которой будет игнорироваться или стигматизироваться культурный или духовный потенциал Тувы. К сожалению, в последнее время это часто происходит на страницах федеральных СМИ, где непохожесть Тувы преподносится как ее негативная и при этом крайне опасная характеристика¹. Следует понимать, что в подобном случае он может принимать извращенные и неестественные формы, а иногда попросту уходить в подполье, где его сила обычно умножается, наблюдение за ходом развития и возможными отклонениями затруднено, а использование на благо общества и вовсе невозможно. Следует понимать, что в такой ситуации любое традиционное верование или религиозная практика способны приобрести антигосударственную направленность при том, что будут находиться в зоне полной бесконтрольности.

Для того чтобы полностью избежать реализации подобного сценария, имеет смысл предоставлять духовным лидерам республики возможности для самовыражения и вовлекать их в решение общегосударственных задач. В этом случае благосклонность властей будет восприниматься ими с благодарностью, при этом у них не будет возникать желания полностью взять в свои руки все рычаги управления и заместить собой государственные институты. Примером успешности подобной практики можно считать визит в Туву Б. Н. Ельцина в 1994 г. и его общение с тувинскими шаманами².

В общем и целом, в том, что касается обращения с культурным ресурсом населения Тувы, самым эффективным методом его использования следует признать его аккуратное встраивание в общенациональное культурное пространство. Этого можно достигнуть через предоставление в распоряжение местной народной традиции и креативного потенциала проживающих на перекрестке культур жителей приграничья тех каналов и механизмов, что имеются в распоряжении государства (Михалев, 2018b: 48). Речь здесь идет не только о предоставлении тувинским культурным деятелям доступа к региональным и федеральным площадкам, но и о возможности включения информации о традициях и культуре коренных народов республики в общенациональные образовательные программы, а также о поддержке местных народных праздников центральными властями. Не секрет, что тувинское горловое пение, к примеру, давно стало международным брендом республики, привлекает большое количество туристов из-за рубежа и даже рассматривается в качестве национальной идеи для населения республики. В то же самое время внутри России оно до сих пор известно лишь узкому кругу специалистов и популяризуется исключительно энтузиастами (Ламажаа, Сузукей, 2019).

Повышенная чувствительность жителей приграничья к вопросам безопасности, их желание защитить родной дом, а также четкое понимание ими местных реалий также должно обратить на себя внимание центральной власти. Не секрет, что «интересы государства в поддержании неприкосновенности границ совпадают с интересами местных сообществ в поддержании собственной целостности» (Wilson, Donnan, 1998: 49). Безусловно, случаи трансграничного конокрадства, которые периодически омрачают отношения братских народов Тувы и Монголии, поощрять не следует. Однако не стоит забывать и

¹ Васильчук Т., Докшин В. От Тувы до самых до окраин. Как в беднейшем регионе отражаются проблемы большой России: кланы, безработица, вождизм [Электронный ресурс] // Новая газета. 2021. № 56. 26 мая. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/05/22/ot-tuvy-do-samykh-do-okrain> (дата обращения: 17.01.2022).

² Уолтерс Ф. Религия в Тыве / пер. с англ. Н. Булякова [Электронный ресурс] // Keston Institute. 2008. URL: <https://www.keston.org.uk/enc/encyclo/12%20Tuva.html> (дата обращения: 17.01.2022).

о том, что угроза эскалации трансграничного конфликта в этом вопросе делает жителей республики лояльней способной встать на защиту их интересов центральной власти, а их знание приграничной местности может при грамотном подходе повысить обороноспособность страны. Следует, к примеру, активнее привлекать их и к охране границы, в ходе которой их специфические навыки жизни в сложных условиях могут находить свое применение на практике.

Следует также обращаться за помощью к местным жителям в ходе формирования планов межгосударственной кооперации, использовать их знания при переговорах на местном, региональном и федеральном уровне, а также чаще прислушиваться к их опасениям, пожеланиям и предложениям в том, что касается взаимодействия с соседним государством. На самом деле, в их представлениях о перспективах и рисках международного сотрудничества содержится гораздо больше здравого смысла, чем это принято полагать в Москве.

Заключение

Подводя итог, следует сказать, что следует, по возможности, стремиться к тому, чтобы сохранить в неизменности характер Республики Тува как особой буферной зоны, стоящей особняком от остальных стран и существенно отличающейся от остальных ее регионов. При этом особая аккуратность требуется в том, что касается обращения государства с уникальным культурным и духовным ресурсом республики. Любые попытки поглотить или полностью акцептировать те или иные особенности духовной и культурной жизни коренных народов трансграничья могут, на самом деле, породить лишь недолговечные, гротескные химеры. Вместо этого необходимо проявить уважение к традициям региона, выражая готовность к тому, чтобы принять их и оставить такими, какие они есть.

В той же степени, что и возникновения барьеров между соприкасающимися культурами, следует опасаться и излишней экзотизации или навязанной конвергенции двух непохожих друг на друга традиций. В то время как последнее может означать отмирание буферной зоны, первое может привести к ее ассимиляции, что, в итоге, может оказаться в равной степени нежелательным и для самого государства, и для его приграничья. Другими словами, речь должна идти о том, чтобы две части единой сущности, государство и его приграничный регион, Республика Тува, сохраняли не только свое культурное и духовное единство, но и при этом пестовали автономию друг друга. Именно в этом и стоит формула гармоничного развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бакаева, Э. П. (1994) Буддизм в Калмыкии: Историко-этнографические очерки. Элиста : Калмыцкое книжное издательство. 127 с.
- Балдано, М. Н. (2015) Процесс национального строительства в современной Бурятии: трансграничные вызовы — риски и возможности // Трансграничные вызовы национальному государству / ред. С. Панарин. СПб. : Интерсоцис. 389 с. С. 282–304.
- Бичелдей, К. А. (2014) Особенности исторического момента в Урянхайском крае между начертаниями Николая II «Согласен» и «Успешно» в 1914 году // Новые исследования Тувы. № 3. С. 14–33.
- Введение в исследования границ (2016) / ред. С. В. Севастьянов, Ю. Лайне, А. А. Киреев. Владивосток : Дальнаука. 426 с.
- Воронченко, Т. В., Сокольских, Н. Н. (2012) Трансформация культуры пограничья в условиях глобализации // Гуманитарный вектор. № 3(31). С. 187–192.
- Жуковская, Н. Л. (2008) Буддизм и шаманизм как факторы формирования бурятского менталитета // Религия в истории и культуре монгольязычных народов России / ред. Н. Л. Жуковская. М. : Восточная литература. 319 с. С. 9–36.
- Ламажаа, Ч. К. (2021) Тува как лимитрофная зона: язык, религия и идентификация тувинцев // Новые исследования Тувы. № 3. С. 178–194. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>
- Ламажаа, Ч. К., Сузукей, В. Ю. (2019) Тувинское горловое пение как нематериальное культурное наследие и как культурный бренд Тувы // Новые исследования Тувы. № 2. С. 72–83. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.2.6>
- Лихачев, Д. С. (1996) Очерки по философии художественного творчества. СПб. : Рус.-балт. информ. центр «Блиц». 158 с.

- Макиавелли, Н. (2018) Государь. СПб. : Азбука. 512 с.
- Михалев, М. С. (2018a) Малые народы в контексте природоохранной деятельности: защищающие или защищаемые? // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. № 3(45). С. 94–102.
- Михалев, М. С. (2018b) Празднование сагаалгана у бурят России и Китая: Социально-политическое измерение народного праздника // Традиционная культура. № 1(69). С. 40–51.
- Михалев, М. С. (2019a) Приграничье — территория скрытых возможностей. К вопросу о корректировке исследовательской парадигмы // Центр и периферия. № 1. С. 4–10.
- Михалев, М. С. (2019b) О влиянии массового туризма на культуру, образ жизни и идентичность тувинцев Синьцзяна // Традиционная культура. № 2. С. 23–35.
- Моллеров, Н. М. (2014) Протекторат России над Тувой в 1914–1924 гг. (историко-правовой аспект) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 47–57.
- Монгуш, М. В. (2001) История буддизма в Туве (вторая половина VI — конец XX в.). Новосибирск : Наука. 197 с.
- Монгуш, М. В. (2010) Один народ: три судьбы. Тувинцы России, Монголии и Китая в сравнительном контексте. Осака : Национальный музей этнологии. 358 с.
- Морохоева, З. (2012) Вступительное слово // *Debaty Artes Liberales*. Том VI. Пограничье культур — культура пограничья / ред. З. Морохоева. Варшава : Wydzial Artes Liberales. 312 с. С. 5–9.
- Хабудаева, В. А. (2014) Национальные праздники в системе традиционных социокультурных ценностей бурятской молодежи // Вестник Бурятского государственного университета. № 14(2). С. 43–46.
- Цымбурский, В. Л. (2000) Россия — Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. М. : URSS. 144 с.
- Чжао Нань (2013) 赵楠. 别样的童年—民族旅游背景下的儿童成长启示 [Разное детство: уроки взросления на фоне этнического туризма]. Пекин : Университет национальностей. 91 с. (На кит. яз.)
- Юша, Ж. М. (2017) Тувинцы Китая в XXI веке: вехи истории и современное состояние // Новые исследования Тувы. № 1. С. 101–117.
- Barth, F. (1969) *Ethnic groups and boundaries the social organization of culture difference*. Boston : Little Brown. 153 p.
- Hou Yuxin (2014) *The Analysis of Current Situation of Tuva people in China* // Новые исследования Тувы. № 1. С. 96–103.
- Steinberg, J. (2011) *Ismaili Modern: Globalization and Identity in a Muslim Community*. Chapel Hill : The University of North Carolina Press. 234 p.
- Wilson, T. M., Donnan, H. (1998) *Border Identities. Nation and State at International Frontiers*. Cambridge : Cambridge University Press. 301 p.

Дата поступления: 15.03.2022 г.

REFERENCES

- Bakaeva, E. P. (1994) *Buddizm v Kalmykii. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Buddhism in Kalmykia: Historical and ethnographic essays]*. Elista, Kalmyk Publishing House. 128 p. (In Russ.).
- Baldano, M. N. (2015) *Protsess natsional'nogo stroitel'stva v sovremennoi Buriatii: transgranichnye vyzovy — riski i vozmozhnosti [The process of nation building in contemporary Buryatia: cross-border challenges — risks and opportunities]*. In: *Transgranichnye vyzovy natsional'nomu gosudarstvu [Cross-border challenges to the nation state]* / ed. by S. Panarin. St. Petersburg, Inter-sotsis. 389 p. Pp. 282–304. (In Russ.).
- Bicheldei, K. A. (2014) *Osobennosti istoricheskogo momenta v Uriankhaiskom krae mezhdru nachertaniiami Nikolaia II «Soglasen» i «Uspeshno» v 1914 godu [Historical momentum in Uryakhai krai between two 1914 resolutions by Russian emperor Nicholas II: “I concur” and “Successful”]*. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 14–33. (In Russ.).
- Vvedenie v issledovaniia granits [Introduction to borderlands research]* (2016) / ed. by S. V. Sevast'ianov, Yu. Laine and A. A. Kireev. Vladivostok, Dal'nauka. 426 p. (In Russ.).
- Voronchenko, T. V. and Sokol'skikh, N. N. (2012) *Transformatsiia kul'tury pogranch'ia v usloviakh globalizatsii [Transformation of borderland culture in the context of globalization]*. *Gumanitarnyi vector*, no. 3(31), pp. 187–192. (In Russ.).
- Zhukovskaia, N. L. (2008) *Buddizm i shamanizm kak faktory formirovaniia buriatskogo mentaliteta [Buddhism and Shamanism as factors in the formation of the Buryat mentality]*. In: *Religiia v istorii i kul'ture mongoloiazychnykh narodov*

Rossii [Religion in the History and culture of the Mongolian-speaking peoples of Russia] / ed. by N. L. Zhukovskaia. Moscow, Vostochnaia literatura. 319 p. Pp. 9–36. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Tuva kak limitrofnaia zona: iazyk, religiia i identifikatsiia naseleniia [Tuva as a limitrophe zone: language, religion and people's identity]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 178–194 (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>

Lamazhaa, Ch. K. and Suzukei, V. Yu. (2019) Tuvinskoe gorlovoe penie kak nematerial'noe kul'turnoe nasledie i kak kul'turnyi brend Tuvy [Tuvan throat singing as intangible cultural heritage and as Tuva's cultural brand]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 72–83. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.2.6>

Likhachev, D. S. (1996) *Ocherki po filosofii khudozhestvennogo tvorchestva [Essays on the philosophy of artistic creativity]*. St. Petersburg, Rus.-balt. inform. tsentr «Blits». 158 p. (In Russ.).

Machiavelli, N. (2018) *Gosudar' [The Prince]*. St. Petersburg, Azbuka. 512 p. (In Russ.).

Mikhalev, M. S. (2018a) Malye narody v kontekste prirodookhrannoi deiatel'nosti: zashchishchaiushchie ili zashchishchaiushchiesia? [Indigenous nations in the context of environmental protection: protecting something or defending from something?]. *Gumanitarnye issledovaniia v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no. 3(45), pp. 94–102. (In Russ.).

Mikhalev, M. S. (2018b) Prazdnovanie sagaalgana u buriat Rossii i Kitaia: Sotsial'no-politicheskoe izmerenie narodnogo prazdnika [The celebration of sagaalgan by the Buryats of Russia and China: A socio-political dimension of the national holiday]. *Traditsionnaia kul'tura*, no. 1(69), pp. 40–51. (In Russ.).

Mikhalev, M. S. (2019a) Prigranich'e — territorii skrytykh vozmozhnostei. K voprosu o korrektyrovke issledovatel'skoi paradigmy [Borderlands as the territory of hidden opportunities: towards a change in the research paradigm]. *Tsentr i periferiia*, no. 1, pp. 4–10. (In Russ.).

Mikhalev, M. S. (2019b) O vliianii massovogo turizma na kul'turu, obraz zhizni i identichnost' tuvintsev Sin'tsiana [On the impact of mass tourism on the culture, lifestyle and identity of Tuvans in Xinjiang]. *Traditsionnaia kul'tura*, no. 2, pp. 23–35. (In Russ.).

Mollerov, N. M. (2014) Protektorat Rossii nad Tuvoi v 1914–1924 gg. (istoriko-pravovoi aspekt) [The protectorate of Russia over Tuva in 1914–1925 (an historic and legal aspect)]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 47–57. (In Russ.).

Mongush, M. V. (2001) *Istoriya buddizma v Tuve (vtoraya polovina VI — konets XX v.) [The History of Buddhism in Tuva (latter half of the 6th — late 20th cc.)]*. Novosibirsk, Nauka. 200 p. (In Russ.).

Mongush, M. V. (2010) *Odin narod: tri sud'by. Tuvintsy Rossii, Mongolii i Kitaia v sravnitel'nom kontekste [One people, three destinies. Tuvans of Russia, Mongolia and China in a comparative context]*. Osaka, Natsional'nyi muzei etnologii. 358 p. (In Russ.).

Morokhoeva, Z. (2012) Vstupitel'noe slovo [Opening remarks]. In: *Pogranich'e kul'tur — kul'tury pogranich'ia [Borderlands of cultures — cultures of the borderlands]* / ed. by Z. Morokhoeva / DEBATY ARTES LIBERALES. T. VI. Warszawa, Instytut Badań Interdyscyplinarnych «Artes Liberales», Uniwersytet Warszawski. 312 p. P. 5–9. (In Russ.).

Khabudaeva, V. A. (2014) Natsional'nye prazdniki v sisteme traditsionnykh sotsiokul'turnykh tsennostei buriatskoi molodezhi [National holidays in the system of traditional socio-cultural values of Buryat youth]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 14(2), pp. 43–46. (In Russ.).

Tsyburskii, V. L. (2000) *Rossia — Zemlia za Velikim Limitrofom : tsivilizatsiia i ee geopolitika [Russia — The Land beyond the Great Limitrophe: Civilization and its Geopolitics]*. Moscow, Editorial URSS. 144 p. (In Russ.).

Chzhao Nan' (2013) 赵楠. 别样的童年—民族旅游背景下的儿童成长启示 [Different childhood: lessons of growing up against the background of ethnic tourism]. Pekin, Universitet natsional'nostei. 91 p. (In Chinese)

Yusha, Zh. M. (2017) Tuvintsy Kitaia v XXI veke: vekhi istorii i sovremennoe sostoianie [Tuvans in 21st century China: history and contemporary situation]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 101–117. (In Russ.).

Barth, F. (1969) *Ethnic groups and boundaries the social organization of culture difference*. Boston, Little Brown. 153 p.

Hou Yuxin (2014) The Analysis of Current Situation of Tuva people in China. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 96–103.

Steinberg, J. (2011) *Ismaili Modern: Globalization and Identity in a Muslim Community*. Chapel Hill, The University of North Carolina Press. 234 p.

Wilson, T. M. and Donnan, H. (1998) *Border Identities. Nation and State at International Frontiers*. Cambridge, Cambridge University Press. 301 p.

Submission date: 15.03.2022.

DOI: 10.25178/nit.2022.2.14

Статья

Профессиональные предпочтения выпускников школ столиц республик Тыва, Алтая и Хакасии как основа формирования человеческого капитала регионов (2021 г.)

Тана М. Ойдуп

Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН, Российская Федерация,

Ирина Н. Трошкина

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Российская Федерация

В статье рассматриваются результаты социологического опроса 2021 г. выпускников школ трех российских регионов по их приоритетам в выборе профессии. Эмпирическую базу исследования составили материалы опроса учащихся 9 и 11 классов, проведенного в республиках Тыва, Горный Алтай и Хакасия (1087 чел., выборка многоступенчатая). Опрос проводился методом анкетирования.

Исследование вопроса о влиянии национальности на профессионально-мотивационные установки у выпускников Республик Алтай, Тыва, Хакасия существенных отличий не показало. Выявленные нами различия больше обусловлены особенностями и спецификой социально-экономического развития республик.

Особое внимание уделено вопросу выбора региона для будущего места работы, что раскрывает желания школьников остаться работать в своем регионе, пополняя человеческий капитал родной республики, либо переехать в другой регион и там организовать трудовую деятельность. Выяснилось, что 70% из них не планируют возвращаться в свой регион. Это приведет к тому, что республики начнут испытывать дефицит в молодых квалифицированных специалистах.

Ключевые слова: профессиональная ориентация; выпускник школы; человеческий капитал; Республика Тыва; Республика Алтай; Республика Хакасия

Для цитирования:

Ойдуп Т. М., Трошкина И. Н. Профессиональные предпочтения выпускников школ столиц республик Тыва, Алтая и Хакасии как основа формирования человеческого капитала регионов (2021 г.) // Новые исследования Тувы. 2022, № 2. С. 198-210. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.2.14>

Ойдуп Тана Михайловна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов СО РАН. Адрес: Россия, 667007, г. Кызыл, ул. Интернациональная, д.117а. Тел.: +7 (913) 342-62-62. Эл. адрес: tana_o@mail.ru

Трошкина Ирина Николаевна — кандидат философских наук, заведующая сектором экономики и социологии Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Адрес: Россия, 655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, д. 23. Тел.: +7 (913) 056-94-56. Эл. адрес: i.troschkina2012@yandex.ru

OYDUP, Tana Mihailovna, Candidate of Sociology, Leading Researcher, Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources of Siberian Branch of RAS. Postal address: 117a Internatsionalnaya St., Kyzyl, 667007, Russia. Tel.: +7 (913) 342-62-62. E-mail: tana_o@mail.ru **ORCID ID:** [0000-0003-3125-3361](https://orcid.org/0000-0003-3125-3361)

TROSHKINA, Irina Nikolaevna, Candidate of Philosophy, Head, Department of Economics and Sociology, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History. Postal address: 23 Shchetinkin St., Abakan, 655017, Russia. Tel.: +7 (913) 056-94-56. E-mail: i.troschkina2012@yandex.ru **ORCID ID:** [0000-0002-1650-0590](https://orcid.org/0000-0002-1650-0590)

Vocational choices of secondary school graduates in the capitals of Tuva, Altai and Khakassia as a basis of building human capital in the region (2021)

Tana M. Oydup

Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch, RAS, Russian Federation,

Irina N. Troshkina

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russian Federation

The article reviews the outcomes of a sociological survey offered in 2021 to secondary school graduates in three regions of Russia, who were asked about their priorities in vocational choices. The questionnaires filled by students of 9th and 11th grade in the republics of Tuva, Altai and Khakassia (1087 respondents all in all, in a multiround sampling) formed the empirical basis of our study.

The issue of whether ethnicity is a factor which informs vocational and motivational choices among school graduates in the republics of Altai, Tuva and Khakassia came up largely negative. The distinctions observed have more to do with the regions' social and economic development.

A special focus was made on how respondents plan to choose a region for their employment to come. These choices are important since they reveal whether school graduates wants to stay in the region they were born in, thus enriching its human capital, or to move to another region in hopes of a better employment. The study showed that 70% of the respondents would rather leave and not come back. This may in due time lead to a deficiency in young qualified professionals in the regional economy.

Keywords: vocational choice; secondary school graduate; human capital; Republic of Tuva; Republic of Altai; Republic of Khakassia

For citation:

Oydup T. M. and Troshkina I. N. Professional'nye predpochteniia vypusnikov shkol stolits respublik Tyva, Altaia i Khakasii kak osnova formirovaniia chelovecheskogo kapitala regionov (2021 g.) [Vocational choices of secondary school graduates in the capitals of Tuva, Altai and Khakassia as a basis of building human capital in the region (2021)]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 2, pp. 198-210. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.2.14>

Введение

На сегодняшний день профессиональные предпочтения выпускников школ являются актуальным направлением планирования и формирования человеческого потенциала территорий. Человеческий капитал представляет собой совокупность ресурсного потенциала его жителей, качество которого зависит от совокупности внешних и внутренних факторов. Исследования в России данных проблем проводят социологи, экономисты и др. (*Социально-стратификационные ...*, 2020; *Человеческий капитал: ...*, 2017; *Развитие человеческого ...*, 2011; и др.). Используя разные методы анализа и расчетов, проводя междисциплинарные исследования, они получают оценку человеческого капитала страны или отдельного региона.

В этой связи возникает интерес, какие профессии выбирают современные выпускники — жители российских регионов, чем они мотивируются, готовы ли пополнять человеческий капитал своих регионов; могут ли территориальные производства рассчитывать в будущем на пополнение молодых специалистов из числа своих юных жителей. Проблема профессиональной ориентации выпускников связана с целым комплексом намерений, который должен осознать учащийся для определения своего будущего, поиска своего места в современном динамичном мире.

Особую значимость представляют исследования профессиональной ориентации в регионах Российской Федерации, население которых является этнически смешанным, поскольку это определяет их этносоциальные особенности.

Рассмотрим три республики в составе Сибирского федерального округа, три региона Южной Сибири: Тува, Алтай и Хакасию, столицы соответственно — Кызыл, Горно-Алтайск и Абакан. Республики имеют и сходства, и различия в социально-экономическом развитии, и эти факторы влияют на ее жителей, определяя настроения не только взрослого населения, но и подрастающего поколения. Формирование кадрового потенциала национальных регионов происходит преимущественно за счет внутренних резервов, за счет молодого поколения — школьников и студентов.

Что думают по этому поводу сами школьники, какие у них планы на будущее и готовы ли они стать частью человеческого капитала своей малой родины? Ответы на эти вопросы мы выясняли с помощью метода социологического исследования. Оно проводилось с ноября по декабрь 2021 г. в трех столицах республик. Выборка была многоступенчатая: во-первых, опрос проводился только в столицах, которые являются основными центрами занятости населения, объектов образования и пр.; во-вторых, для охвата всего города школы выбирались по территориальному признаку (например, мы выбрали школы в каждом микрорайоне города Кызыла); в-третьих, в опросе участвовали учащиеся только 9 и 11 классов — выпускных классов; в-четвертых, если в школах имелась градация классов по углубленному обучению, например, «лицейские» и «простые», то опрашивались все типы классов.

Таким образом, в опросе в общей сумме по трем регионам приняли участие 1087 учащихся 9 и 11 классов общеобразовательных школ, в том числе 574 девятиклассника и 513 одиннадцатиклассника, из которых 42,6% мальчики и 57,4% девочки. В Абакане было опрошено 68,1% ребят русской и 22,5% хакасской национальностей, 0,7% тувинцев и 8,7% пришлось на долю других национальностей; в Горно-Алтайске: 70,1% русских, 16,3% алтайцев и 13,6% ребят другой национальности; в Кызыле доля опрошенных русских школьников составила 10,7%, тувинцев — 85,5%, хакасов — 0,2%, других национальностей — 3,6%.

Обзор литературы

Актуальность и значимость исследования повышает тот факт, что комплексные межрегиональные исследования профессиональных предпочтений выпускников школ республик Сибири ранее не проводились, вопросы рассматривались отдельно по регионам.

Например, в Республике Тыва первой работой, в рамках которой проводился анализ трудовых склонностей и мотивации населения, можно назвать исследование Г. Ф. Балакиной, З. В. Анайбан «Современная Тува: социокультурные и этнические процессы» (Балакина, Анайбан, 1995). Далее в разные годы тема продолжила свое развитие в исследованиях вопросов адаптации населения к новым социально-экономическим реалиям (Балакина, Кылыгдай, 2015), поиска взаимосвязи профессиональных предпочтений и экономической культуры населения (Дабиев, 2018) и др.

В Республике Алтай вышли публикации с результатами исследования реформирования профессионального образования (Тонжерасова, 2012, 2013), ценностных ориентаций учащихся¹, концепций национальной школы (Энеева, Жерносенко, 2013) и др.²

В Хакасии значительное внимание уделялось истории становления и развития среднего профессионального образования в работах: Д. И. Нагрузова (Нагрузов, 1968), С. П. Ултургашева³, В. А. Асочакова (Асочаков, 1983), О. Н. Бобровского (Бобровский, 2014: 49–53), А. Н. Мохова и Л. А. Моховой (Мохов, Мохова, 2009) и др. Рассматривались вопросы реформирования системы профессионального образования (Боргояков, 2009), особенности профессионального самоопределения (Батурина, 2014), оценка качества профессиональных компетенций обучающихся (Дьяченко, 2021).

¹ Политические ценности и установки школьников регионов Юго-Западной Сибири и Северного Казахстана в контексте цифрового общества / Я. Ю. Шашкова, С. Ю. Асеев, Т. А. Асеева, Д. А. Казанцев. Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2019. 53 с.

² Концепция национальных школ Республики Алтай. Горно-Алтайск: Ком. образования Правительства Респ. Алтай, 1993.

³ Ултургашев С. П. Возникновение и развитие среднего профессионального образования // Был всегда нацелен на будущее: к 50-летию Абаканского государственного педагогического института им. Н. Ф. Катанова. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 1996. С. 15–18.

Пожалуй, в качестве единственного примера межрегионального исследования по вопросам формирования трудовых предпочтений можно привести исследование З. В. Анайбан и С. П. Тюхтенева, целью которого было изучение степени адаптации основных этнических групп к новым социально-экономическим условиям жителей Горного Алтая, Тувы и Хакасии (Анайбан, Тюхтенева, 2008).

Таким образом, исследование профессиональных ориентаций выпускников школ Тувы, Хакасии и Алтая имеет актуальность не только в качестве межрегионального исследования, но и позволит восполнить научное знание об этносоциальных процессах в каждом регионе.

Методика

Опрос проводился методом анкетирования на основе вопросника, составленного авторами. Анкета на русском языке, которая состояла из 10 вопросов, 5 раскрывали отношение школьника к теме исследования, а оставшиеся вопросы его социальные характеристики: пол, класс, школа, национальность, город. Анкетирование велось дистанционным способом, а именно распространялась ссылка на электронную анкету, размещенную на платформе Гугл, через директоров школ, завучей по учебной и внеучебной части, классных руководителей, это позволило авторам статьи, во-первых, получить доступ к школьникам и дистанционно узнать их мнение в современных условиях коронавирусных ограничений; во-вторых, обеспечить адресность распространения анкеты.

Методика исследования была ранее апробирована в 2010 и 2019 гг. В опросе принимали участие школьники города Кызыла, в целом было опрошено 632 учащихся, а результаты были представлены в виде научных статей в журналах и докладов на конференциях (Ойдуп, Кылгыдай, 2011, 2021; Кылгыдай, Ойдуп, 2020), а данные исследований оформлены и зарегистрированы в виде базы данных¹.

Первоначально мы планировали опрашивать выпускников непосредственно перед экзаменами во второй половине учебного года, так как можно предположить, что в первой половине большинство еще не определилось с будущей специальностью, но современные школьные правила сдачи экзаменов подталкивают ребят сделать выбор как можно раньше, чтобы начать подготовку к выбранному предмету. Поэтому обозначенные сроки для проведения опроса выпускников наиболее оптимальные. В начале учебного года школьники уже знают, какие предметы будут сдавать и у них еще нет того учебного и психологического напряжения, которое они будут испытывать непосредственно перед сдачей экзаменов. Это в целом благоприятно сказывается на качестве полученных полевых результатов.

Планы на будущее

Первый выбор, который делает школьник независимо от того, какой класс он заканчивает 9-й или 11-й, это чем он планирует заниматься после окончания школы. В первую очередь после школы выпускники трех республик планируют продолжить свое образование в учебных заведениях. Этот вариант ответа выбрали почти 95% опрошенных школьников трех регионов. Работать собираются 33,6% школьников Абакана, 35,7% Горно-Алтайска, и всего 26,9% Кызыла (табл. 1).

Среди желающих пойти служить в армию больше школьников из Тувы, а создать семью больше желающих в Абакане. В Горно-Алтайске равные доли планирующих служить Родине и обзавестись своей семьей.

Таким образом, абсолютное большинство опрошенных респондентов планируют продолжить свое образование, получить либо средне-специальное, либо — высшее. Примерно треть опрошенных показывают намерение начать трудовую деятельность сразу после получения аттестата. Большой перевес количества ответов в пользу дальнейшего обучения свидетельствует о том, что выпускники планируют свою жизнь, правильно расставляя приоритеты, понимая, что дипломированный специалист имеет большую ценность на рынке труда, чем работник без специального образования.

¹ Ойдуп Т. М., Кылгыдай А. Ч. Профессиональные ориентации выпускников школ города Кызыла Республики Тыва. Свидетельство о регистрации базы данных 2021621742, 16.08.2021. Заявка № 2021621175 от 08.06.2021.

Таблица 1. Планы выпускников 9 и 11 классов после окончания школ, в % от общего числа респондентов в каждом регионе.

Table 1. 9th and 11th grade schooleavers and their post-school plans, % of total graduates in the region.

Варианты ответов	Город		
	Абакан	Горно-Алтайск	Кызыл
Продолжить свое образование в учебных заведениях (институте, университете, колледже, техникуме и т. д.)	94,3	94,2	93,9
Работать	33,6	35,7	26,9
Пойти служить в армию	7,2	5,8	12,0
Создать семью	9,4	5,8	3,8
Затрудняюсь ответить	2,4	1,9	1,1
Другое	1,0	–	2,8

Прим.: сумма процентов в ответах превышает 100%, так как по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов.

Будущая профессия

Второй выбор, который должны сделать выпускники школ — выбрать кем бы они хотели в будущем работать, т. е. выбрать профессию.

У выпускников школ трех республик на первом месте профессии (по убывающей): медика, юриста, программиста (табл. 2). В десятку наиболее популярных также входят дизайнер, педагог, психолог, экономист, инженер, менеджер и технические специалисты (сварщики, крановщики и др.). Военные, представители полиции и МЧС тоже пользуются популярностью. Остальные профессии интересны менее 10% респондентов.

Наличие тех или иных инфраструктурных объектов в регионе тоже формирует выбор школьников. Например, в ответах школьников из Тувы и Алтая нет таких специальностей как машинист поезда, работник РЖД¹, т. к. Тува и Алтай не имеют такого вида транспорта и соответствующей инфраструктуры. А у выпускников из Хакасии такие профессии присутствуют, поскольку эта республика «подключена» к железнодорожной сети страны.

Появление новых направлений трудовой деятельности диктует запрос на новые специальности и это, в свою очередь, формирует определенный интерес у школьников. Это послужило появлению в ответах ребят таких профессий как тату-мастер², трейдер³, нутрициолог⁴, геймдизайнер⁵, ютубер⁶.

В целом можно сказать, что нет существенной разницы в предпочтениях в выборе профессии у ребят из разных городов (табл. 2).

¹ ОАО «Российской железной дороги».

² Тату-мастер — специалист по нанесению художественной татуировки.

³ Трейдер (от англ. *trader* 'торговец') — торговец, действующий по собственной инициативе и стремящийся извлечь прибыль непосредственно из процесса торговли. Обычно подразумевается торговля ценными бумагами (акциями, облигациями, фьючерсами, опционами) на фондовой бирже.

⁴ Нутрициолог — это специалист, который помогает нормализовать питание, в том числе для снижения веса.

⁵ Геймдизайнер — специалист, отвечающий за разработку правил и содержания игрового процесса создаваемой компьютерной игры.

⁶ Ютубер (ютубер, ютьюбер; англ. *YouTuber*) — человек, снимающий и публикующий видеоролики на видеохостинговой платформе YouTube.

Таблица 2. Выбор будущих профессий школьниками из разных городов, в % от общего числа респондентов в каждом регионе.
Table 2. Vocational choices of schooleavers from different regions, % of total respondents per region.

Профессии	Город		
	Абакан	Горно-Алтайск	Кызыл
Медицинский работник	17,0	16,2	18,7
Программист	9,0	9,7	17,5
Юрист	11,6	9,1	12,4
Дизайнер	5,2	7,8	5,7
Педагог	4,4	5,8	1,7
Экономист	4,1	2,6	5,1
Психолог	4,1	3,9	4,8
Инженер	3,3	5,8	5,3
Менеджер	3,3	2,6	3,6
Технические специальности (сварщики, бульдозеристы, крановщики и д.р.)	2,4	0,6	4,0
Филолог	1,5	2,6	1,1
Журналист	2,0	1,3	1,1
Геолог	0,7	-	0,8
Работник сельского хозяйства	0,4	-	0,6
Работник торговли	0,4	-	0,8
Строитель	0,7	1,3	0,8
Бухгалтер	-	-	0,6
Затрудняюсь ответить	12,2	13,0	9,7

Прим.: сумма процентов в ответах превышает 100%, так как по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов.

Выбирая будущую профессию, школьники руководствуются различными мотивами, например, для школьников из Республики Алтай в первую очередь важна реализация своей мечты, на втором месте — уровень заработной платы. Для школьников из Хакасии и Тувы на первом месте — размеры заработной платы и на втором месте — возможность воплотить свою мечту в жизнь. Престижность будущей профессии примерно одинаково важна для всех опрошенных школьников. «Уверенность в будущем трудоустройстве» расположилась на четвертом месте. На последнем месте желание продолжить трудовую династию по примеру родителей или близких родственников (табл. 3).

При выборе будущей профессии не отмечается существенного перевеса какой-то определенной сферы у выпускников одного из трех регионов. Во всех регионах популярны и менее популярны одни и те же профессии. То же самое можно сказать и о мотивах выбора. Большинство учащихся хотят, чтобы будущая профессия хорошо оплачивалась, была престижной и можно было реализовать свою мечту.

Таблица 3. Мотивы выбора будущей профессии, в % от общего числа респондентов в каждом регионе.

Table 3. Motivation for vocational choices, % of total respondents per region.

Вариант ответа	Город		
	Абакан	Горно-Алтайск	Кызыл
По этой профессии работает кто-то из твоих родителей или близких родственников	12,0	9,1	14,7
Это твоя мечта	42,4	46,8	38,1
Ты знаешь, что после получения диплома легко найдешь работу	22,5	20,1	20,2
Эта профессия хорошо оплачивается	43,2	44,8	42,7
Эта профессия престижная	29,7	29,9	22,9
Другое	2,8	1,2	4,2
Затрудняюсь ответить	15,5	14,3	10,5

Прим.: сумма процентов в ответах превышает 100%, так как по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов.

Учебное заведение

Третий выбор — выбор учебного заведения в зависимости от его типа: высшее или средне-специальное. Опрос показал, что ценность высшего образования остается значимой для 64% выпускников Кызыла и Горно-Алтайская и для 75,8% Абакана (табл. 4). Тем не менее, статистические данные свидетельствуют, что ежегодно растет число учащихся профессиональных образовательных учебных заведений среднего образования.

Таблица 4. Выбор учебного заведения, в % от общего числа респондентов в каждом регионе.

Table 4. The choice of post-school education, % of total respondents per region.

Вариант ответа	Город		
	Абакан	Горно-Алтайск	Кызыл
Высшее учебное заведение (университет, институт, академия)	75,8	64,3	64,0
Среднее специальное учебное заведение (колледж, техникум, училище).	15,7	29,2	26,3
Затрудняюсь ответить	8,5	6,5	9,7
Итого	100	100	100

Например, в Республике Тыва с 2012 по 2021 гг. прирост учащихся СПО составил 82%, с 1911 студентов увеличился до 3474 студентов. Прирост студентов в Тувинском государственном университете за аналогичный период составил только 14%.

В Республике Хакасия отмечается прирост обучающихся СПО, и сокращение абитуриентов в высших учебных заведениях. Система среднего профессионального образования республики включает в себя 13 учреждений, в том числе 12 государственных, 1 частную (частное образовательное учреждение профессионального образования «Саянский техникум СТЭМИ») и 1 образовательную организацию высшего образования (Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова), 2 филиала высших образовательных учреждений (Саяно-Шушенский и Хакасский технический институт Сибирского

федерального университета). Увеличение учащихся в данных учреждениях за последнее десятилетие составило 0,7% — с 13,5 до 13,6 тыс. чел.¹ В тоже время в вузах численность студентов сократилась на 40,7% — с 13,5 до 8,0 тыс. чел. Рост удельного веса учащихся СПО обусловлен как расширением перечня специальностей (медицина — сестринское и лечебное дело, педагогика, туризм; в частном СПО — медицина, правоохранительная деятельность), различными форм обучения с 2020/2021 гг. в частном СПО (очно-заочной и заочной)², так и «демографическими волнами», сложностью поступления в вузы. Приоритетными направлениями подготовки специалистов в соответствии со Стратегией социально-экономического развития Республики Хакасия до 2030 г., утвержденной законом Республики Хакасия от 12.02.2020 № 01-ЗРХ, являются — туристское, промышленное, строительное, энергетическое и агропромышленное. Это соотносится с показателями значительного увеличения числа обучающихся в 6 учреждениях республики (Абаканский строительный техникум, филиал Черногорского горно-строительного техникума, Черногорский техникум торговли и сервиса; техникум коммунального хозяйства и сервиса, Хакасский колледж технологий, экономики и сервиса, Саянский техникум экономики, менеджмента и информатики).

В Республике Алтай насчитывается 9 государственных учреждений СПО, в т. ч. 1 федеральное казенное (ФК ПОУ № 276 ФСИН)³. За десятилетний период прирост числа таковых учебных заведений составил 80% — с 5 до 9 ед. Численность обучающихся возросла с 1454 до 6816 чел. (прирост 369%), при этом количество студентов единственного вуза региона — Горно-Алтайского государственного университета сократилась на 13,2% — с 3,0 до 2,6 тыс. чел.⁴ Профессиональное обучение молодежи осуществляется по 76 программам подготовки специалистов среднего звена (на основании ежегодного регионального заказа), где приоритетными направлениями являются: сельское хозяйство, строительство, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования, гостиницы и рестораны, транспорт и связь, финансовая деятельность, образование, здравоохранение, предоставление услуг по ведению домашнего хозяйства, информационные технологии, искусство и культура. Наибольшее количество обучающихся по программам СПО приходится на Горно-Алтайский государственный политехнический колледж им. М. З. Гнездилова (41,8%), в состав которого в 2016 г. вошли 3 иных учреждения такого же уровня, медицинский колледж (13,8%)⁵.

Как мы видим, сложилась парадоксальная ситуация, когда большинство выпускников школ считают важным высшее образование, но в реальности прирост показывают ссузы, а не вузы. Приоритетность высшего образования имеет место быть, поскольку есть сферы, где без высшего образования не обойтись. Отчасти ценность вузов сохранилась, возможно, благодаря традициям советского образования, на которых воспитывались родители школьников, когда высшее образование считалось важным, было доступным и общепринятым.

Современные же реалии корректируют желания выпускников и их родителей. Сложная система сдачи ЕГЭ, которая требует немало моральных усилий от учащихся, высокая стоимость обучения в вузах приводят к тому, что, несмотря на все стремления школьников, они вынуждены остановить свой выбор на среднем образовании. Одновременно в последние годы ведется активная пропаганда повышения престижа рабочей профессии, отсюда популяризация среднего образования. Активно проводятся мероприятия и соревнования *WorldSkills*⁶. Все в совокупности стало причиной прироста учащихся ссузов больше по сравнению с динамикой численности студентов вузов.

¹ Итоговый отчет Министерства образования и науки Республики Хакасия за 2021 г. С. 6. [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки Республики Хакасия. URL: <https://kh.r-19.ru/authorities/ministry-of-education-and-science-of-the-republic-of-khakassia/docs/3722/125613.html> (дата обращения: 05.02.2022).

² Оперативные данные учреждений среднего профессионального образования РК (2012–2021 гг.). Были получены по запросу ХакНИИЯЛИ от учреждений СПО Республики Хакасия.

³ Федеральное казенное профессиональное образовательное учреждение № 276 Федеральной службы исполнения и наказания.

⁴ Основные показатели деятельности общеобразовательных учреждений. Статсборник 2020/2021 гг. [Электронный ресурс] // Сайт Министерства образования и науки Республики Алтай. URL: [https://minobr-ra.ru/bitrix/activities/bitrix/statcборник%202020-21%20учебный%20год%20\(1\).docx](https://minobr-ra.ru/bitrix/activities/bitrix/statcборник%202020-21%20учебный%20год%20(1).docx) (дата обращения: 01.02.2022).

⁵ Республика Алтай в цифрах [Электронный ресурс] // Сайт Министерства труда, социального развития и занятости населения Республики Алтай URL: https://mt04.ru/novosti/novosti_obyavlenia/3232/ (дата обращения: 01.02.2022).

⁶ *WorldSkills* (Ворлдскиллс) — международное общественное движение, которое во всем мире объединяет людей, которые хотят что-то изменить. Его основная миссия — создавать условия для людей, которые хотят профессиональной самореализации.

Выбор будущего места жительства

Четвертый выбор — где выпускники школ планируют работать после получения диплома: вернуться на родину, переехать в другой регион Сибири или России, а возможно и выехать на пределы страны.

Ответы респондентов свидетельствуют, что после окончания учебного заведения меньше 16% респондентов планируют найти работу в своих республиках (табл. 5).

Таблица 5. Выбор будущего места жительства для трудоустройства после окончания обучения, в % от общего числа респондентов в каждом регионе.

Table 5. Employment-related residence choices after graduation, % of total respondents per region.

Вариант ответа	Город		
	Абакан	Горно-Алтайск	Кызыл
В республике	11,6	16,2	16,0
В других городах Сибири	8,7	14,3	12,6
В других городах России	53,5	45,5	47,6
За границей	12,4	12,3	8,4
Затрудняюсь ответить	13,8	11,7	15,4
Итого	100	100	100

Анализируемые регионы — ярко выраженные национальные республики, поэтому важно понимать различия в предпочтениях в зависимости от этнической принадлежности школьников.

Результаты опроса показали, что для всех республик характерна одна общая тенденция — больше половины опрошенных выпускников всех национальностей планируют жить и работать в других городах России. Так ответили школьники и Кызыла, и Абакана, и Горно-Алтайска. «Продолжить работать в республике» только третий по популярности ответ после варианта «В других городах Сибири» и наравне с вариантом ответа «За границей».

Среди выпускников Абакана, которые планируют остаться работать в республике, примерно равная доля русских и хакасов, 11,9% и 12,6% — соответственно, 7,5% составляет доля школьников других национальностей. В Горно-Алтайске число желающих остаться выпускников русской национальности больше, чем коренных жителей — алтайцев. Соотношение составляет 19,4% к 4% соответственно. Также превышает доля ребят других национальностей над ответами ребят-алтайцев. В Кызыле 18% опрошенных тувинцев, 11,8% ребят другой национальности хотели бы работать в республике, но в то же время только 2% опрошенных школьников русской национальности планируют свое будущее с республикой (диаграмма 1).

Результата опроса выявили высокие миграционные настроения у выпускников во всех трех регионах. На фоне статистических показателей реального миграционного оттока населения (в 2018 г. коэффициент миграционного прироста на 10 тыс. чел. населения в Республике Алтай составил -15, в Тува -30, в Хакасии -17)¹, у школьников уже на этапе выпуска нет желания связывать свою будущую трудовую деятельность со своими регионами.

Складывается достаточно пессимистическая картина перспективы формирования человеческого капитала в республиках. В то же время в высокой миграционной активности выпускников можно увидеть положительную тенденцию нивелирования социальных различий между провинциальными детьми и их сверстниками из крупных мегаполисов и центральных регионов страны. Как нам кажется, это стало результатом, во-первых, введения единых стандартов образования, учебников, критериев оценки знаний, экзаменов ОГЭ и ЕГЭ на всей территории страны; во-вторых, благодаря Интернету появился равный доступ к источникам новых знаний у выпускников всех регионов, в том числе отдаленных. Молодые люди уверены, что успешно социализируются в других регионах и будут востребованы на рынке труда.

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: P32. Стат. сб. / Росстат. М., 2020. С. 92.

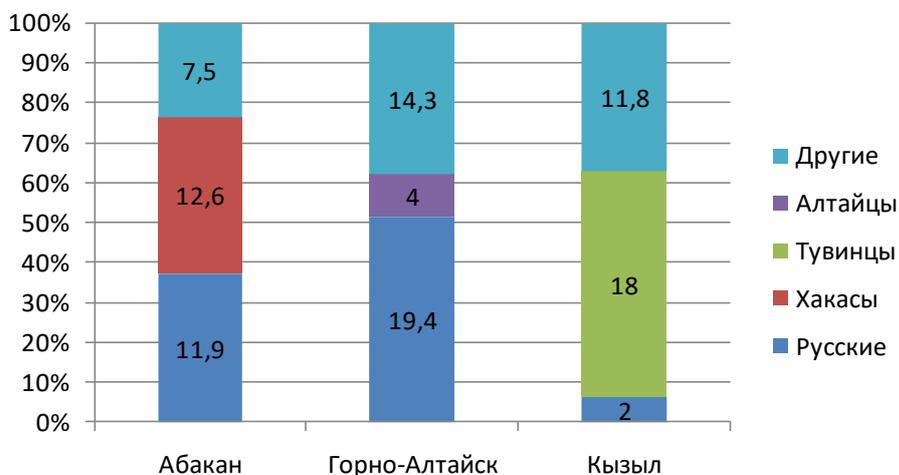

Диаграмма 1. Ответы респондентов о намерении остаться/вернуться после получения образования в зависимости от этнической принадлежности, в % от общего числа респондентов в каждом регионе.
 Diagram 1. Respondents' opinions on whether they are going to return after completing education, in line with ethnicity, % of total respondents per region.

Заключение

Можно констатировать, что у выпускников школ столиц республик Алтай, Республики Тыва, Республики Хакасия при выборе будущей профессии не наблюдается существенных отличий между школьниками разных республик. Выявленные нами различия больше обусловлены особенностями и спецификой социально-экономического развития республик.

В качестве региональных особенностей, которые получили единичные проявления для каждой республики, можно выделить следующие. Например, в Хакасии школьники ориентируются на профессии, которые обслуживают железные дороги. В Республике Тыва и Горном Алтае железных дорог нет, нет потребностей в подобных кадрах, потому и школьники не ориентированы на эти специальности. Среди опрошенных в Кызыле выпускников отмечаются предпочтения в профессии спортсмена, тренера, так как в регионе популярны национальные виды спорта, и спортивному развитию уделяется большое значение. В Республике Алтай учащиеся указывали профессии туристический агент, менеджер туристической сферы и др. Это объясняется тем, что в последние годы регион пользуется большим интересом у туристов, и развитию туризма уделяется особое внимание региональными властями и бизнесом.

В десятку самых востребованных профессий, по мнению школьников столиц трех регионов, вошли медицинские работники, юристы и программисты, дизайнеры, инженеры, менеджеры, педагоги, психологи, экономисты и технические специалисты, такие как сварщики, бульдозеристы, крановщики и др. Стоит обратить внимание, что в десятку вошли профессии, для которых не требуется высшего образования. Данный факт подтверждается ответами на вопрос о выборе типа будущего учебного заведения, в которое планируют поступать. Для половины опрошенных выпускников трех регионов отмечается значимость высшего образования, а для остальных — среднего специального.

Мотивы выбора будущих профессий у школьников трех регионов тоже схожие: они хотят реализовать свои мечты, знают, что с выбранной профессией можно трудоустроиться и зарабатывать.

В ходе нашего исследования мы выяснили: общее настроение выпускников во всех регионах таково, что около 70% опрошенных не планируют связывать свою будущую жизнь с работой на территории своей малой Родины. Мы видим, что во всех трех регионах присутствуют высокие миграционные настроения. Если делать анализ по национальному признаку, то в Республике Тыва у ребят русской

национальности миграционные настроения самые высокие, чем в других республиках. В Республике Алтай доля желающих остаться русских больше, чем алтайцев, а в Хакасии — доли равны. Очевидно, что человеческий капитал Республики Тыва может пополняться национальными кадрами и специалистами других национальностей, в Хакасии возможно формирование многонационального состава будущего человеческого капитала, а в Республике Алтай можно предположить, что специалистами преимущественно русской национальности.

Если планы современных выпускников будут реализованы, и 70% из них не вернуться в свой регион, то в ближайшие 5–7 лет республики начнут испытывать трудности с человеческими ресурсами. Они будут испытывать дефицит в квалифицированных специалистах. Конечно, формирование человеческого капитала — это комплексная проблема социально-инфраструктурного обеспечения регионов, вопросов безработицы и наличия рабочих мест, уровня жизни, комфортной и безопасной среды для проживания и многое другое. Но все эти условия в совокупности и влияют на выбор молодого поколения при планировании своего будущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анайбан, З. В., Тухтенева, С. П. (2008) Этнокультурная адаптация населения Южной Сибири (современный период). М. : Институт востоковедения РАН. 217 с.

Асочаков, В. А. (1983) Культурное строительство в Хакасии (1917–1937). Абакан : Хакасское отделение Красноярского книжного издательства. 180 с.

Балакина, Г. Ф., Анайбан, З. В. (1995) Современная Тува: социокультурные и этнические процессы. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение. 140 с.

Балакина, Г. Ф., Кылгыдай, А. Ч. (2015) Этнорегиональные модели адаптации к рынку труда в Туве. Кызыл : ТуВИКОПР СО РАН. 160 с.

Батурина, Е. В. (2014) Особенности профессионального самоопределения обучающихся основного общего и среднего профессионального образования в Республике Хакасия // Профессиональное образование и занятость молодежи: XXI век. Система профессионального образования в условиях модернизации / отв. ред. Е. Л. Руднева. Кемерово : Изд-во Кузбасского института развития профессионального образования. 232 с. С. 104–107.

Бобровский, О. Н. (2014) Народное образование в Хакасии. Абакан : Хакасское книжное издательство. 72 с.

Боргояков, С. А. (2009) Профессиональное образование Хакасии: проблемы становления // Профессиональное образование в России и за рубежом. № 1. С. 49–53.

Дабиев, Д. Ф. (2018) Профессиональные предпочтения населения Тувы в контексте экономической культуры // Новые исследования Тувы. № 2. С. 132–148. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2018.2.7>

Дьяченко, Н. С. (2021) Оценка качества профессиональных компетенций обучающихся в организациях среднего профессионального образования в условиях стандартов Worldskills Russia // Подготовка будущих педагогов к профессиональной деятельности в условиях цифровизации: отечественный и зарубежный опыт. Материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. В. А. Адольф. Красноярск : Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева. 151 с. С. 25–28.

Кылгыдай, А. Ч., Ойдуп, Т. М. (2020) Профессиональная ориентация выпускников школ в Республике Тыва // Социологические исследования. № 4. С. 149–153. DOI: <https://www.doi.org/10.31857/S013216250009162-1>

Мохов, А. Н., Мохова, Л. А. (2009) Краткие очерки истории народного образования Хакасии. Абакан : Хакасское книжное издательство. 209 с.

Нагрузов, Д. И. (1968) Развитие науки, высшего и среднего специального образования в Хакасии // Вопросы социально-экономического развития Хакасии (история, экономика, культура, наука) / отв. ред. С. П. Ултургашев. Абакан : Хакас. отделение Красноярского кн. изд-ва. 180 с. С. 123–140.

Ойдуп, Т. М., Кылгыдай, А. Ч. (2011) Профессиональные предпочтения учащихся выпускных классов общеобразовательных школ г. Кызыла (по результатам социологического исследования) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 89–103.

Ойдуп, Т. М., Кылгыдай, А. Ч. (2021) Выпускники школ как основа человеческого капитала региона (на примере Республики Тыва) // Вестник Института социологии. Т. 12. № 3. С. 176–188. DOI: <https://www.doi.org/10.19181/vis.2021.12.3.743>

Развитие человеческого капитала территорий: организационно-экономические механизмы (2011) / под ред. Е. А. Музыченко. Новосибирск : Изд-во СибАГС. 240 с.

Социально-стратификационные процессы в Республике Тыва (2020) / под ред. З. Т. Голенкова. М. ; Кызыл: ФНИСЦ РАН. 128 с.

Тонжеракова, А. А. (2012) Реформирование системы профессионального образования Республики Алтай // Уровень жизни населения регионов России. № 6 (172). С. 67–70.

Тонжеракова, А. А. (2013) Условия формирования и факторов развития современной региональной системы профессионального образования // Мир науки, культуры, образования. № 1 (38). С. 318–320.

Человеческий капитал: теория, исторический опыт и перспективы развития (2017) / под ред. И. Н. Шапкина. М. : РУСАЙНС. 282 с.

Энеева, Л. А., Жерносенко, И. А. (2013) Инновационные школы регионов России: культуротворческая модель. Барнаул : С. С. Жерносенко. 133 с.

Дата поступления: 17.02.2022 г.

REFERENCES

Anaiban, Z. V. and Tiukhteneva, S. P. (2008) *Etnokul'turnaia adaptatsiia naseleniia Iuzhnoi Sibiri, (sovrem. period) [Ethnocultural adaptation of the population of Southern Siberia in the contemporary period]*. Moscow, Institut Vostokovedeniia RAN. 217 p. (In Russ.).

Asochakov, V. A. (1983) *Kul'turnoe stroitel'stvo v Khakasii (1917–1937) [Cultural construction in Khakassia (1917–1937)]*. Abakan, Khakass branch of the Krasnoyarsk Book Publishing House. 180 p. (In Russ.).

Balakina, G. F. and Anaiban, Z. V. (1995) *Sovremennaiia Tuva: sotsiokul'turnye i etnicheskie protsessy [Contemporary Tuva: Socio-cultural and ethnic processes]*. Novosibirsk, Nauka Publ. 137 p. (In Russ.).

Balakina, G. F. and Kylgydai, A. Ch. (2015) *Etnoregional'nye modeli adaptatsii k rynku truda v Tuve [Ethno-regional models of adaptation to the labour market in Tuva]*. Kyzyl, TuvIKOPR SO RAN. 160 p. (In Russ.).

Baturina, E. V. (2014) Osobennosti professional'nogo samoopredeleniia obuchaiushchikhsia osnovnogo obshchego i srednego professional'nogo obrazovaniia v Respublike Khakassii [Features of professional self-determination of students of basic general and secondary vocational education in the Republic of Khakassia]. In: *Professional'noe obrazovanie i zaniatost' molodezhi: XXI vek. Sistema professional'nogo obrazovaniia v usloviakh modernizatsii [Vocational education and youth employment: the XXI century. The system of vocational education in the conditions of modernization]* / ed. by E. L. Rudneva. Kemerovo, Publishing house of the Kuzbass Institute for the Development of Vocational Education. 232 p. Pp. 104–107. (In Russ.).

Bobrovskii, O. N. (2014) *Narodnoe obrazovanie v Khakasii [Public education in Khakassia]*. Abakan, Khakass Book Publishing House. 72 p. (In Russ.).

Borgoiakov, S. A. (2009) Professional'noe obrazovanie Khakasii: problemy stanovleniia [Vocational education in Khakassia: problems of formation]. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom*, no. 1, pp. 49–53. (In Russ.).

Dabiev, D. F. (2018) Professional'nye predpochtenii naseleniia Tuvy v kontekste ekonomicheskoi kul'tury [Career preferences of Tuva population in the context of economic culture]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 132–148. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2018.2.7>

D'iachenko, N. S. (2021) Otsenka kachestva professional'nykh kompetentsii obuchaiushchikhsia v organizatsiakh srednego professional'nogo obrazovaniia v usloviakh standartov Worldskills Russia [Assessment of the quality of professional competencies of students in secondary vocational education organizations under the conditions of Worldskills Russia standards]. In: *Podgotovka budushchikh pedagogov k professional'noi deiatel'nosti v usloviakh tsifrovizatsii: otechestvennyi i zarubezhnyi opyt [Preparation of future teachers for professional activity in the conditions of digitalization: domestic and foreign experience]*. Proceedings of a Research and Practical Conference / ed. by V. A. Adol'f. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev. 151 p. Pp. 25–28. (In Russ.).

Kylgydai, A. Ch. and Oidup, T. M. (2020) Professional'naia orientatsiia vypusknikov shkol v Respublike Tyva [Professional Orientation of School Graduates in the Context of Socio-Economic Transformations: A Sociological Analysis]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 4, pp. 149–153. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.31857/S013216250009162-1>

Mokhov, A. N. and Mokhova, L. A. (2009) *Kratkie ocherki istorii narodnogo obrazovaniia Khakasii [Brief essays on the history of public education in Khakassia]*. Abakan, Khakass Book Publishing House. 209 p. (In Russ.).

Nagruzov, D. I. (1968) Razvitie nauki, vysshego i srednego spetsial'nogo obrazovaniia v Khakasii [Development of science, higher and secondary special education in Khakassia]. In: *Voprosy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Khakasii (istoriia, ekonomika, kul'tura, nauka)* [Issues of socio-economic development of Khakassia: history, economy, culture, science] / ed. by S. P. Ulturgashev. Abakan, Khakass branch of the Krasnoyarsk Book Publishing House. 180 p. Pp. 123–140. (In Russ.).

Oidup, T. M. and Kylgydai, A. Ch. (2011) Professional'nye predpochteniiia uchashchikhsia vypusknykh klassov obshcheobrazovatel'nykh shkol g. Kyzyla (po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniia) [Professional preferences of graduate class students in Kyzyl's schools (results of sociological research)]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 89–103. (In Russ.).

Oidup, T. M. and Kylgydai, A. Ch. (2021) Vypuskniki shkol kak osnova chelovecheskogo kapitala regiona (na primere Respubliki Tyva) [School graduates as the basis of the human capital of the region: the case of the Republic of Tuva]. *Bulletin of the Institute of Sociology*, vol. 12, no. 3, pp. 176–188. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.19181/vis.2021.12.3.743>

Razvitie chelovecheskogo kapitala territorii: organizatsionno-ekonomicheskie mekhanizmy [Development of human capital in various territories: organizational and economic mechanisms] (2011) / ed. by E. A. Muzychenko. Novosibirsk, SibAGS Publ. 240 p. (In Russ.).

Sotsial'no-stratifikatsionnye protsessy v Respublike Tyva [Socio-stratification processes in the Republic of Tuva] (2020) / Z. T. Golenkova et al. ; ed. by Z. T. Golenkova, Yu. V. Goliusova and P. E. Sushko. Moscow ; Kyzyl, FCTAS RAS. 128 p. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-332-4.2020>

Tonzherakova, A. A. (2012) Reformirovanie sistemy professional'nogo obrazovaniia Respubliki Altai [Reforming the vocational education system of the Altai Republic]. *Uroven' zhizni naseleniia regionov Rossii*, no. 6 (172), pp. 67–70. (In Russ.).

Tonzherakova, A. A. (2013) Usloviia formirovaniia i faktorov razvitiia sovremennoi regional'noi sistemy professional'nogo obrazovaniia [Conditions of shaping and developing of the contemporary regional system of vocational education]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 1 (38), pp. 318–320. (In Russ.).

Chelovecheskii kapital: teoriia, istoricheskii opyt i perspektivy razvitiia [Human capital: theory, historical experience and development prospects] (2017) / ed. by I. N. Shapkina. Moscow, RUSAINS. 282 p. (In Russ.).

Eneeva, L. A. and Zhernosenko, I. A. (2013) *Innovatsionnye shkoly regionov Rossii: kul'turotvorcheskaiia model'* [Innovative Schools of Russian Regions: Cultural model]. Barnaul, S. S. Zhernosenko Publ. 133 p. (In Russ.).

Submission date: 17.02.2022.

Монголо-тувинский сектор Коммунистического университета трудящихся Востока (1920–1930-е гг.)

Рамиль Ш. Харунов

Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва, Российская Федерация,

Марианна М.-Б. Харунова

Институт востоковедения Российской академии наук, Российская Федерация

В статье рассматриваются особенности процесса и результатов обучения граждан Монголии и Тувы в 1920–1930-е гг. в Коммунистическом университете трудящихся Востока (г. Москва, СССР), где для них был выделен монголо-тувинский сектор.

Монгольские студенты приступили к обучению в 1922 г., тувинские учащиеся появились в 1925 г. Первоначально студентов из Монголии было значительно больше, чем из Тувы, но к 1930 г. их соотношение выровнялось. Всего училось около 200 тувинцев и 250 монгол. Отбор будущих студентов проходил достаточно целенаправленно. Большинство составляла молодёжь, зачастую малограмотная или неграмотная, но обязательно состоявшая в рядах Ревсомола или Народной партии. Будущая интеллигенция должна была воспринять и донести до своих народов идеалы и ценности социализма, стать политической элитой в своих государствах.

Условия комплектования монголо-тувинского сектора были сложными. Большая разница в образовательном уровне, отсутствие учебных материалов на родных языках, плохое знание русского языка — все это создало трудности в педагогической работе. Учебные планы и программы были рассчитаны на 3–4-летний срок обучения — больше, чем в остальных зарубежных секторах. Рабочий день студентов был очень напряжен. В последние месяцы учебы наблюдалось резкое снижение работоспособности и значительная утомляемость. Не все окончили университет.

В целом, монголо-тувинский сектор занимал особое место в системе университета. К его студентам не применяли строгих правил конспирации, по возвращению на родину они сразу включались в работу по государственному и партийному строительству. Эта специфика привела к тому, что при разделе КУТВ в 1936 г. сектор остался в составе университета наряду с советскими студентами, а после закрытия КУТВ в 1938 г. сектор был передан в институт Востоковедения им. Нариманова.

Ключевые слова: Тува; Монголия; Коминтерн; Коммунистический университет трудящихся Востока; политическая элита

Для цитирования:

Харунов Р. Ш., Харунова М. М.-Б. Монголо-тувинский сектор Коммунистического университета трудящихся Востока (1920–1930-е гг.) // Новые исследования Тувы. 2022, № 2. С. 211–225. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.2.15>

Харунов Рамиль Шатмуратович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Титова, д. 30. Тел.: +7 (394-22) 2-28-04. Эл. адрес: ramar33@mail.ru

Харунова Марианна Монге-Байровна — кандидат исторических наук, заведующая аспирантурой Института востоковедения Российской академии наук. Адрес: 107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12. Тел.: +7 (495) 621-18-84. Эл. адрес: ondar18@mail.ru

KHARUNOV, Ramil Shatmuratovich, Candidate of History, Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva. Postal address: 30 Titov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 2-28-04. E-mail: ramar33@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-7940-5972

KHARUNOVA, Marianna Monge-Bairovna, Candidate of History, Head, Postgraduate Department, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. Postal address: Rozhdestvenka St., 12, 107031 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 2-28-04. E-mail: Ondar18@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-9011-2262

Mongolian-Tuvan sector at the Communist University of the Toilers of the East, 1920s–1930s

Ramil Sh. Kharunov

Aldan Maadyr National Museum of the Republic of Tuva, Russian Federation,

Marianna M.-B. Kharunova

*Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences,
Russian Federation*

The article examines how citizens of Tuva and Mongolia studied at the Communist University of the Toilers of the East (Kommunisticheskii Universitet Trudyashchikhsia Vostoka, KUTV, Moscow, USSR) in the 1920s and 1930s. To cover their tuition, a specialized Mongolian-Tuvan sector has been set up at the University.

Mongolian students first joined the University in 1922, while their Tuvan counterparts first arrived three years later, in 1925. At first, the Mongolian students were much more numerous, but by 1930 both communities have got more equal in size, with about 200 Tuvans and 250 Mongolians. Student selection was a more or less persistent and goal-directed process, with the majority of students lacking in literacy but members of the Revolutionary Youth Union (Revsomol) or the People's Party. The intelligentsia-to-be was supposed to appropriate the ideals and values of socialism and spread them among the people in their countries, thus becoming part of their political elites.

Setting up the Mongolian-Tuvan sector was no easy task. Among the known difficulties to overcome were the discrepancies in the levels of education of the students, the absence of learning materials in both languages and the poor command of Russian. Learning plans and syllabi were built to cover 3 or 4 years of tuition — more than in any other “foreign sector” of the KUTV. Teaching days were full of tension for every student, most of whom suffered from learning fatigue and sharp drops in concentration at the end of the term. Many failed to graduate.

On the whole, the sector occupied a special place within the University. The Mongolian and Tuvan students had no need to study under strict secrecy rules. On returning to their home countries after graduation, they could immediately help in state and party building. As a result, when the KUTV split in 1936, the sector remained part of the University where Tuvans and Mongolians studied together with their Soviet counterparts. When the University finally folded in 1938, the sector was subsumed by the Narimanov Institute of Oriental Studies.

Keywords: Tuva; Mongolia; Communist International; Communist University of the Toilers of the East; political elites

For citation:

Kharunov R. Sh. and Kharunova M. M.-B. Mongolo-tuvinskii sektor Kommunisticheskogo universiteta trudyashchikhsia Vostoka (1920–1930-e gg.) [Mongolian-Tuvan sector at the Communist University of the Toilers of the East, 1920s–1930s]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 2, pp. 211–223. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.2.15>

Введение

Коминтерн (Коммунистический интернационал) — это была мощная международная организация (1919–1943), основанная В. И. Лениным, по подготовке мировой революции, вершившая судьбами людских масс, направлявшая ход многих событий и добившаяся результатов. Ее деятельность оставалась скрытой от людских глаз не только в течение всего времени существования, но и десятилетия после самоликвидации. Для обучения иностранных специалистов была создана система специализированных заведений Коминтерна: Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) (1921–1938), Коммунистический университет национальных меньшинств Запада (1922–1936) и Коммунистический университет трудящихся Китая (1925–1930).

Советский Союз первым в мире создал столь массовую систему обучения иностранных граждан. В период 1920–1930-х гг. тысячи зарубежных студентов, в том числе и будущие руководители государств и партий, получили политическое образование в СССР. Особое влияние через систему образования СССР оказал на Монгольскую Народную Республику (МНР) и Тувинскую Народную Республику (ТНР).

В исторической судьбе Монголии и Тувы в начале XX в. было много общего, особенно в политическом развитии. Оба государства ориентировались на «некапиталистический» путь развития и находились под влиянием Советской России во всех сферах государственной деятельности: законодательство,

планирование и финансирование бюджета, налоговая и таможенная политика, образование, культура и т. д. В связи с этим направление граждан ТНР и МНР на обучение в СССР стало массовым процессом. Очень важным было и то, что многие расходы, связанные с учёбой, брала на себя советская сторона.

Цель исследования состоит в рассмотрении особенностей процесса и результатов обучения граждан Монголии и Тувы в КУТВ. На примере монголо-тувинского сектора (МТС) авторы шире раскрывают тему подготовки политической элиты для зарубежных стран в учебных заведениях СССР. В соответствии с целью будут решаться следующие задачи: как происходил набор граждан МНР и ТНР в КУТВ, какие были особенности учебного процесса на МТС, какова была деятельность выпускников по возвращению в страну.

Отметим несколько ключевых работ по рассматриваемой теме. В 1988 г. была защищена кандидатская диссертация Н. Н. Тимофеевой по истории КУТВ¹, в которой рассмотрена проблема подготовки политических и идеологических кадров для зарубежного Востока. Тема была развита зарубежным исследователем Х. Эшби (Н. Ashby) в диссертации «Активисты Третьего мира и Коммунистический университет трудящихся Востока», защищенной в 2014 г. в университете Южной Калифорнии (США)². На основе обширных архивных материалов проведено исследование О. А. Шашковой и М. А. Шпаковской, посвящённое созданию и этапам становления КУТВ в системе Коминтерна (Шашкова, Шпаковская, 2018).

Ряд отечественных исследователей осветили вопросы развития Коминтерна, разработки стратегии и тактики захвата мирового господства и развития общества в соответствии с коммунистической идеологией, обучения иностранных студентов в КУТВ (Фирсов, 2019; и др.). Обучению граждан Монголии в СССР в указанный период посвящены сборники документов, труды отечественных и монгольских исследователей (Осинский, Ульзийсайхан, 1995; Жабаева, 2016; и др.³).

Значительное внимание подготовке тувинских студентов в Советском Союзе и их последующей деятельности в ТНР уделено в работах ученых из Тувы (Аранчын, 1982: 215-217; Хертек, 2016). Также эту тему неоднократно поднимал один из соавторов данной статьи (Харунов, 2009, 2012, 2015).

Представленная работа будет первым обобщающим трудом по истории обучения студентов из МНР и ТНР в КУТВ, который объединит информацию, содержащуюся в опубликованных материалах, прессе и воспоминаниях, хранящихся в архивах. Основной источниковой базой исследования послужил фонд 532 (КУТВ) Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), благодаря которому удалось документально осветить сложный процесс обучения иностранных студентов в СССР в указанный период. Также использовались материалы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ).

Исторический экскурс

Университет трудящихся Востока при Народном комиссариате по делам национальностей был учрежден постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета 21 апреля 1921 г. Уже к сентябрю 1921 г. КУТВ принял 600 студентов. Позднее в 1922 г. был создан Иностраннный сектор (Спецсектор) для подготовки специалистов из зарубежных стран. Для раздувания «мировой революции» требовалась длительная и кропотливая работа по воспитанию новой элиты. Вектор революционной борьбы сместился на восток, и большие планы связывались с Китаем, Индией, Персией (Шашкова, Шпаковская, 2018: 708).

В 1923 г. университету было присвоено имя Сталина. В 1925 г. сам И. В. Сталин сформулировал две основные задачи университета: подготовка кадров для советских республик Востока и подготовка специалистов для обслуживания революционных потребностей трудящихся масс колониальных и зависимых стран Востока.

¹ Тимофеева Н. Н. Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) — центр идейной подготовки коммунистических и революционных кадров Востока: автореф. дисс. ... к-та ист. н. М., 1988. 19 с.

² Ashby H. Third World Activists and The Communist University of the Toilers of the East. University of Southern California. ProQuest Dissertations Publishing, 2014. 167 p.

³ Советско-монгольские отношения. 1921–1966: Сборник документов / сост. М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук. М.: Наука, 1966. 360 с.; Шойдонова А. М. Исторический опыт обучения монгольских студентов в Восточной Сибири: 1921–1941 гг.: автореф. дисс. ... к-та ист. н. Улан-Удэ, 2016. 24 с.

По определению первого ректора КУТВ Г. И. Бройдо, «университет должен был стать лабораторией «по изготовлению» коммунистов восточных окраин» (РГАСПИ, ф. 532, оп. 1, д. 230, л. 214). В 1927 г. была организована Научно-исследовательская ассоциация по изучению национальных и колониальных проблем (НИАНКП) как научная лаборатория КУТВ. В этом же году была образована аспирантура НИАНКП при КУТВ. Ассоциация создала солидную научную базу по изучению экономики, культурного строительства и истории национальных республик. В КУТВ было заложено начало советскому востоковедению, именно здесь впервые заговорили о преподавании таких наук, как история народов СССР.

В правилах приема на 1930–1931 уч. г. уже указывалось, что КУТВ им. Сталина является высшей партийной школой (Государственный архив Российской Федерации — далее ГА РФ, ф. Р3316, оп. 22, д. 1069, л. 1). На торжественном собрании в честь 10-летия КУТВ в 1931 г. ректор И. Л. Райтер сказал: «... наш Университет представляет собой изумительное, невиданное в истории человечества учреждение, учреждение, в котором находится свыше 80 национальностей, учреждение, о котором с полным правом можно сказать, что оно представляет собой некоторый маленький Коминтерн, объединяет коммунистические элементы самых разнообразных республик не только нашего Советского Союза, но и зарубежного колониального и полуколониального Востока (РГАСПИ, ф. 532, оп. 1, д. 110, л. 2).

Неудивительно, что спецслужбы иностранных государств уделяли значительное внимание деятельности КУТВ, который готовил специалистов для подпольной работы, подготовке восстаний и борьбе за независимость в зарубежных странах. Этот повышенный интерес приводил к неоднократным провалам выпускников по возвращению на родину, многие из которых сразу после пересечения границы были арестованы. Вследствие этого вопрос обеспечения условий секретности в КУТВ имел особое значение — в административную, учебную и бытовую сторону жизни университета были внесены жесткие правила конспирации. Были разработаны строгие инструкции, соблюдению этих правил были подчинены и подбор кадров, система пропусков, смена фамилий, изоляция секретного делопроизводства, личная конспирация студентов, переписка, фотографирование, личные вещи и документы.

К 1935 г. на зарубежном секторе университета наряду с монгольской и тувинской, работало еще 11 школ-секций: китайская, корейская, японская, индийская, индо-китайская, малайская, филиппинская, южноафриканская, турецкая, иранская, синцзянская. С 1925 по 1935 гг. через КУТВ прошло 1664 зарубежных студентов, среди них из Монголии — 246 человек, из Тувы — 168 чел. (РГАСПИ, ф. 532, оп. 1, д. 173, л. 3.).

К 1936 г. зарубежные студенты составляли около 60% от контингента учащихся КУТВ. В университете были созданы соответствующие условия: 1) повышенное финансирование, 2) комплекс из восьми зданий¹ в Москве общей жилой площадью 17000 кв. метров; 3) больница, детсад, санаторий, дачи для сотрудников, клуб; 4) библиотека на 300000 книг; 5) оборудованные кабинеты, чертёжная и переплетная мастерская, прачечная, строительный сектор, автотранспорт (РГАСПИ, ф. 532, оп. 1, д. 212, л. 51).

В мае 1936 г. в целях конспирации от КУТВ была отделена НИАНКП вместе с зарубежной частью учащихся. Монголо-тувинский сектор несмотря на то, что состоял из иностранных граждан, был оставлен вместе с советскими студентами в составе КУТВ. Это было обусловлено тем, что МНР и ТНР к этому году уже прочно входили в орбиту влияния СССР в качестве своих — «братских республик».

Во второй половине 1930-х гг. сеть коммунистических вузов для иностранных граждан была ликвидирована. Последним, осенью 1938 г. был закрыт КУТВ, а весь штат, обслуживающий МТС, был передан в ведение директора института Востоковедения им. Нариманова (РГАСПИ, ф. 532, оп. 7, д. 61, л. 7).

Одной из причин сворачивания всей системы коммунистических университетов для зарубежных студентов стало то, что, как пишет Ф. Фирсов, «именно в это время Сталин фактически сменил идеологический канон коммунистического движения — подготовку мировой революции на концепцию военных побед Советского государства» (Фирсов, 2019: 554).

¹ В разные годы в комплекс КУТВ входили здания по адресам: Тверская ул., д. 3, Тверской бульвар, д. 13, Страстной бульвар, д. 5, Малый Путинковский пер., д. 2, Новая Переведеновка, д. 8 (в этом здании размещались монгольская и тувинская секции) и пр.

Несмотря на краткий срок деятельности КУТВ, через университет прошли тысячи граждан из стран и колоний Азии, Африки и Латинской Америки. С возвращением на родину все они участвовали в трансфере коммунистического мировоззрения. Деятельность многих из них была засекреченной, залегендированной под партийными псевдонимами. Сейчас, спустя много лет, пришло время оценить их вклад в развитие СССР и собственных стран; в нашем случае это — вклад выпускников Монголо-тувинского сектора КУТВ в политическое и социально-экономическое развитие МНР и ТНР.

Набор студентов в монгольскую и тувинскую секции

Уже осенью 1922 г. монгольские студенты приступили к обучению в КУТВ, а в последующем и в других вузах Москвы, Ленинграда и Иркутска. Первые тувинские студенты были отправлены в КУТВ в 1925 г.

Отбор будущих студентов проходил достаточно целенаправленно. Большинство составляла молодёжь, зачастую малограмотная или неграмотная, но обязательно состоявшая в рядах Ревсомола или Народной партии. Основных поводов для отказа в приёме на учёбу было два — политическая неграмотность или слабое здоровье (Харунов, 2015: 198).

Наряду с учащимися из национальных республик СССР, по схожим учебным планам, целенаправленно готовилась интеллигенция для Тувы и Монголии, которая должна была воспринять и донести до своих народов идеалы и ценности социализма, стать политической элитой в своих государствах. В перспективе ставилась задача ускоренной интеграции коренного населения в социалистическую государственность.

Первое документальное свидетельство о поступлении граждан Монголии в КУТВ встречается в протоколе № 23 Заседания мандатной комиссии от 29 сентября 1922 г., согласно которому решили зачислить в университет «кандидатами первой очереди в счет разверстки Коминтерна» шесть человек: Тубдей, Долма, Цинге-Ринчино, Шара-Ку, Насан-Бото, Данба-Гончик (РГАСПИ, ф. 532, оп. 1, д. 2, л. 31).

С. К. Тока в своем автобиографическом романе «Слово арата» пишет о 10 первых тувинцах, приехавших на учебу в университет: Тока, Монге, Шагдыр, Шылаа, Капшык, Седип-оол, Барылга, Достак-оол, Чамьян и Анайоол¹. В архивных материалах первый список тувинцев содержит только восемь имен: Тока, Шайыр, Сиден, Бадма, Токиогол, Ханчик, Муниэ, Шило (Харунов, 2009: 69)².

В сентябре 1926 г. были приняты на учебу в подготовительное отделение еще 5 человек из Тувы: Чооду Начын (Малинин)³, Оюн Карсырга (Орлов), Ондар Седип-оол (Танов), Оюн Чунчук-оол (Киров), Сат Таня (Камова Таня) (РГАСПИ, ф. 532, оп. 1, д. 33, л. 4). Это единственные тувинские студенты, которым при поступлении присвоили конспиративные имена наравне с корейскими и китайскими учащимися. Это было сделано по инструкции, согласно которой все иностранные граждане в период учебы должны были числиться под псевдонимами с целью скрыть сам факт их пребывания и обучения в КУТВ. В дальнейшем к гражданам ТНР такие меры предосторожности не применялись, и все студенты проходили в списках под своими данными. Специфика коммунистического университета с соблюдением конспирации для иностранных студентов привела к тому, что точно определить статистику движения учащихся затруднительно даже сейчас, имея доступ к архивным документам РГАСПИ (Шашкова, 2018: 56).

Первоначально студентов из Монголии было значительно больше, чем из Тувы, но к 1930 г. их соотношение выровнялось. В *таблице* мы приведем для сопоставления данные по численности студентов МТС за несколько лет, которые удалось собрать из статистической информации в фондах РГАСПИ.

¹ Тока С. К. Слово арата. М.: Современник, 1973. С. 236.

² В документах КУТВ 1920–1930 гг. часто встречается разночтение тувинских и монгольских имен, которые документоведы университета записывали на слух.

³ В скобках указаны конспиративные псевдонимы.

Таблица. Количество студентов из МНР и ТНР в КУТВ в 1925–1935 гг., чел.¹
 Table. Numbers of students from Mongolian and Tuvan People's Republics at the Communist University of the Toilers of the East.

Гражданство	Годы					
	1925	1926	1930	1932	1934	1935
МНР	15	38	26	50	47	43
ТНР	8	9	22	44	60	39

Таким образом, по подсчетам исследователем, официально в КУТВ училось около 200 тувинцев и 250 монгол (Осинский, Ульзийсайхан, 1995: 107), но не все они прошли полный курс обучения: кто-то был отозван на работу в связи с нехваткой кадров, для кого-то программа оказалась непосильной или социальное происхождение неподходящим, частой причиной для отправки на родину была болезнь (Харунов, 2009: 74).

Процесс обучения

На первом этапе (1921–1922 гг.) существования КУТВ иностранные граждане учились совместно с советским студенчеством по единым планам и программам. Вся преподавательская работа велась, главным образом, на русском языке с помощью переводов.

На втором этапе (1922–1936 гг.) зарубежные студенты были объединены в Иностраннный сектор (Спецсектор, Сектор «А»), программы которого были пересмотрены с учетом проблематики соответствующих стран (РГАСПИ, ф. 532, оп. 1, д. 173, л. 1–2).

На третьем этапе (1936–1938 гг.) КУТВ был разделен на две части: собственно университет и НИАНКП вместе с зарубежной частью учащихся. При этом монголо-тувинский сектор был оставлен в составе КУТВ вместе со студентами советского сектора.

В МТС в разные годы срок обучения студентов составлял 3–4 года, кроме этого, работали однодневные курсы актива и краткосрочные курсы хошунных работников, первоначально одногодичные, а потом — двухгодичные.

Методы преподавания в университете разрабатывались и применялись исходя от различного уровня образования студентов. Особое место в системе обучения иностранных студентов занимали интенсивная подготовка русскому языку, проведение экскурсий, практика и самостоятельная работа. Эти особенности установлены и подробно описаны одним из соавторов статьи в публикации «Поиск эффективной системы подготовки иностранных студентов в коммунистическом университете трудящихся Востока (1920-е гг.)» (Харунов, 2015: 198).

Условия комплектования монголо-тувинского сектора были сложными. Большая разница в образовательном уровне, отсутствие учебных материалов на родных языках — все это создало трудности в педагогической работе. Для преподавания учебных дисциплин была разработана своя методика, которая учитывала специфику работы со студентами «восточниками». В условиях слабой языковой подготовки студентов важное значение приобретал метод наглядности в обучении через проведение экскурсий.

Учебная программа МТС была насыщена. В три года обучения осваивалось около 25 предметов. Ежегодно студенты-второкурсники выезжали на практику по предприятиям СССР, где должны были применить полученную теорию в работе, помогая местным организациям.

В летнее время курсантов посылали на практическую работу: монгол — в Бурят-Монгольскую республику и тувинцев — в Ойратскую область, сроком на два месяца.

Высшим звеном в обучении была аспирантура КУТВ, открытая с целью подготовки квалифицированных партийных кадров для секций Коминтерна, способных вести самостоятельную партийно-теоретическую, а также педагогическую работу.

¹ Таблица составлена по материалам РГАСПИ, ф. 532.

В 1933–1934 учебном году проводился набор в аспирантуру в тринадцать национальных секций, в том числе в «танну-тувинскую»¹ (РГАСПИ, ф. 532, оп. 1, д. 142, л. 1–2). Первой и единственной аспиранткой из Тувы стала Зоя Омдори (*фото 1*), которая не закончила полный курс обучения, так как была отозвана для преподавательской работы в ТНР. Среди документов аспирантуры КУТВ нет ни одного свидетельства, что учащиеся из Монголии и Тувы защитили диссертации на соискание степени кандидата наук.

Таким образом в МТС обучались по особым учебным планам и программам, рассчитанным на 3–4-летний срок обучения в то время, как в остальных зарубежных секторах обучались по 1,5–2 года. Столь длительный срок в сочетании с разработанной методикой преподавания позволял более эффективно готовить политическую элиту для Монголии и Тувы.

Преподаватели монголо-тувинского сектора

Первоначально в КУТВ почти не было преподавателей, владеющих монгольским и тувинским языками, и вся работа велась на русском языке с помощью переводов. По образному выражению преподавателя Воробьева²: «По степени восприимчивости и усвоения навыков тувинский кружок являлся (в начале) неприступной скалой. ... В данном кружке приходится пользоваться демонстративным, иллюстративным методом и методом символов» (РГАСПИ, ф. 532, оп. 1, д. 20, л. 6). Тем не менее, уже осенью 1925 г. результат был достигнут, работали все и довольно усердно.

Состав студентов МТС, их базовый уровень общеобразовательной подготовки был очень неоднороден: от неграмотных до обучавшихся в буддийских хурээ или партийных школах. Говоря о дисциплине и усвоимости дисциплин, преподаватели отмечали рвение тувинцев и монгол к учебе. Им это было видно по регулярному посещению лекций; в самостоятельных занятиях; помощи отстающим товарищам во внеучебное время; в систематических вопросах преподавателям по пройденным темам (Харунов, 2012: 60).

К 1935 г. в МТС сложился сильный преподавательский коллектив, про который заведующий монгольской и тувинской секциями И. И. Полеес на собрании в честь 15-летия КУТВ сказал: «Ни в одном вузе в Москве или СССР вы не найдете таких кадров, которые бы знали страны, языки этих стран, людей, которые имеют большой опыт по подготовке кадров для наших братских республик» (РГАСПИ, ф. 532, оп. 1, д. 202, л. 141 (оборот)).

В 15 секции (монгольской) преподавали: И. И. Полеес, М. В. Степной, В. И. Юдин, Э.Д. Ринчино, Ц. Б. Балдано, Б. Ринчино, И. А. Манжигинэ, С. Г. Азаров, Г. В. Успенский, М. В. Базанова, С. И. Хозагоева, А. И. Мархаев, Н. А. Горохов, С. И. Капланова, П. Р. Бурлаков, И. А. Мильман, В. В. Каминский, И. М. Вульфийус, Г. С. Богданов, В. М. Рождественский, М. С. Лиджиев, Ф. Е. Тележников (РГАСПИ, ф. 532, оп. 1, д. 189, л. 12).

Особое место среди преподавателей монгольской секции занимал Э.-Д. Ринчино, который работал в Монголии по направлению Дальневосточного секретариата Коминтерна с 1921 по 1925 гг. Входя в состав высшего политического руководства Монголии, участвовал в разработке и претворении в жизнь многих положений новой политики в экономической, государственной, военной, партийной, культурной сферах (Жаббаева, 2016: 134). С 1927 г. Э.-Д. Ринчино — слушатель Института красной профессуры по истории, преподаватель, доцент, впоследствии профессор КУТВ.

В 16 секции (тувинской) преподавали: П. Х. Молчанов (1930–1933 гг., советник правления национального кооператива в Туве), Б. Д. Аюшин (1929–1933 гг., работал в Центральной контрольной комиссии ТНР), Х. М. Сейфуллин (1931–1933 гг., член Государственной плановой комиссии Тувы), А.А. Пальмбах (с 1931 г., в министерстве народного просвещения ТНР), М. Г. Утевский, А. В. Чекалов

Фото 1. Зоя Омдори.
Фото из газеты КУТВ
«Сталинец», посвященной
10-летию КУТВ
(№ 9 от 10 мая 1931 г.).

Photo 1. Zoia Omdori.
A photo from KUTV's newspaper,
the Stalinets (No. 9, May 10, 1931,
the issue devoted
to the university's 10th anniversary)

¹ Среди 13 национальных секций в аспирантуре не было монгольской.

² В документе не указаны инициалы.

(1931–1934 гг., агроном ТНР), С. Г. Азаров, Т. И. Арцыбашева (1932–1933 гг., советник-инструктор в министерстве культуры ТНР), А.А. Соколов, С. А. Рыкунов, М. Х. Терегулов, Н. С. Берро, Е. А. Камшилова, В. А. Соловьев, К. И. Чекалова (1931–1934 гг., преподаватель биологии в школе-семилетке в Туве)¹ (РГАСПИ, ф. 532, оп. 1, д. 189, л. 16).

Среди преподавателей тувинской секции многие успели поработать специалистами и советниками в различных структурах ТНР, знали страну и язык. Среди них выделялся А. А. Пальмбах, которого Х. М. Сейфуллин, заведовавший тувинской секцией в 1932 г., отметил при аттестации, как преподавателя, заслуживающего звания профессора по тувинскому языку (РГАСПИ, ф. 532, оп. 1, д. 453, л. 2).

Преподавание в КУТВ поощрялось финансово, так, например, в 1935 г. доцент получал 8,33 рубля за академический час, надбавка за знание западноевропейского языка составляла 2,08 руб. (до 25%), за знание восточного языка 2,92 (до 35%), надбавка за знание страны 1,25 руб. (до 15%). К примеру, преподаватель экономики ТНР Х. М. Сейфуллин на должности доцента вместо базовых 8,33 руб. за академический час получал надбавки за знание страны (ТНР) 1,25 руб., и знание тувинского языка 2,06 руб., что в сумме составляло 11,66 руб. за академический час (РГАСПИ, ф. 532, оп. 1, д. 180, л. 13).

Материальная поддержка труда, конечно, важна, но еще больше преподаватели ценили эмоциональную привязанность «кутвянских восточников» к своим учителям и руководителям (РГАСПИ, ф. 532, оп. 1, д. 110, л. 34).

При анализе преподавательского состава мы можем сделать вывод, что и тувинской и монгольской секциях работали профессионалы, знающие страны, часть из которых успели поработать советниками и специалистами в ТНР и МНР.

Краткосрочные курсы хошунных работников

После провозглашения государственности МНР и ТНР на первый план были выдвинуты организационные задачи — управление государством, его укрепление и защита. Для этого были нужны партийные работники, занятые в аппарате органов государственного и хозяйственного управления, а также в управлении кооперативных и общественных организаций.

В 1928 г. по решению Политбюро ЦК ВКП (б) при КУТВ были открыты краткосрочные курсы хошунных работников (КХР), первоначально только для обучения управленцев низового звена для Монголии. При условии набора физически здоровых (соответственно способных выдержать полный курс интенсивной учебы) представителей из среды аратов, ректор КУТВ Шумяцкий брался подготовить МНРП «будущих сухе-баторов» (РГАСПИ, ф. 532, оп. 1, д. 438, л. 8).

В наборе 1928–1929 учебного года на КХР обучались одни монголы в количестве 68 человек. Из-за отсутствия учебников на монгольском языке, на КХР практиковалось составление преподавателями тезисов по зачитываемым темам, которые затем переводились на монгольский язык и записывались курсантами в тетради. Такие записи, являясь конспектом лекций, служили курсантам своеобразным учебным пособием, по которому они в любое время могли восстановить в своей памяти пройденное.

В наборе 1929–1930 учебного года на КХР уже обучалось 79 (62 мужчин, 17 женщин) монгол и 52 (46 мужчин, 6 женщин) тувинца. Учебный план был составлен со значительным количеством часов по общеобразовательным предметам. В дальнейшем срок обучения на КХР продлили до двух лет. На первом курсе курсантам преподавали общеобразовательные дисциплины: обществоведение, математика, естествознание, мироведение, военное дело, русский язык, монгольский язык (для монгольского сектора) и тувинский язык (для тувинского сектора), счетоводство и делопроизводство.

На втором курсе вводилась специализация по двум отделениям — колхозно-кооперативному и партийно-профессиональному. Занятия второго года обучения носили более практический уклон. Для этого в учебном плане был предусмотрен минимум теоретических дисциплин, а центр тяжести работы сосредоточен на практических занятиях. В соответствии с этим на КХР был организован кооператив, где на практике курсанты обучались ведению отчетных книг, хранению товаров (складское дело), купле-продаже и т. д. (Харунов, 2012: 60).

¹ В данном списке нет упоминавшегося ранее преподавателя Воробьева, т. к. он работал ранее.

Выпускники КХР заняли руководящие должности в партийной, хозяйственной, культурной и профсоюзной сферах деятельности. Во многом благодаря их деятельности удалось твердо стать на путь «некапиталистического развития» в МНР и ТНР, а также провести работу по коренизации кадров в Туве в 1930-е гг. После достижения поставленных задач курсы хошунных работников были расформированы весной 1933 г., оставшиеся курсанты были переведены на основное отделение КУТВ или отправлены на родину. Всего на КХР проучились 143 чел. из Монголии, и 83 чел. из Тувы (РГАСПИ, ф. 532, оп. 1, д. 173, л. 3).

Распорядок учебы и отдыха

Большинство учащихся монголо-тувинского сектора были с низким общеобразовательным уровнем. Из них за три-четыре года, согласно программам, нужно было подготовить политических руководителей различного уровня.

Рабочий день студентов был очень напряжен: учебные занятия, консультации, самостоятельная работа, неравномерная нагрузка учебных дней, экскурсии по выходным, партийные собрания и общественная работа.

Обычный порядок труда и отдыха студентов КУТВ выглядел так: в 7 час. подъем; в 7.30 — физзарядка; в 8 час. — завтрак; с 9 до 15 час. дня — классные занятия; 15–16 час. обед; 16–17 час. — тихий час; 17–18 час. — физкультура; 18–19 час. — консультации; 19–20 час. — ужин; 20–23 час. — самостоятельная работа по учебному плану; с 23 ч. до 7 час. — сон (РГАСПИ, ф. 532, оп. 7, д. 61, л. 25). В результате в последние месяцы учебы наблюдалось резкое снижение работоспособности и значительная утомляемость, вследствие чего в отдельных случаях приходилось даже прибегать к временному освобождению части студентов от занятий.

Врачи медико-санитарной части КУТВ ежегодно обследовали студентов и нередко после длинного списка болезней, ставили характерный вердикт «Переутомление, еле дотянул до конца учебного года. Нуждается в отдыхе» (РГАСПИ, ф. 532, оп. 8, д. 184, л. 11).

Очень показательными являются сведения о состоянии здоровья студентов спецгруппы 2 курса (1927 г.), где из девяти монгол только один был признан практически здоровым, а остальные восемь получили заключение: «Явления раздражительности нервной системы в ясно выраженной форме. Утомление. Нуждается в отдыхе» (РГАСПИ, ф. 532, оп. 1, д. 45, л. 90).

Помимо высокой умственной нагрузки резкая перемена в пище — снижение норм мяса, жиров и молока, плюс значительные климатические изменения, отрицательно сказались на состоянии здоровья большинства студентов. Малейшее легочное заболевание в этих условиях принимало прогрессивный характер, переходящий в активный туберкулез.

В октябре 1935 г. на научной конференции врачей Медико-санитарной части КУТВ были представлены результаты наблюдений над группой монгольских и тувинских студентов. Работа Центрального Туберкулезного института показала, что у студентов МТС при первичном осмотре наблюдались цифры туберкулезной инфицированности в пределах 80–90% по реакции Манту, из 128 обследованных студентов впоследствии от туберкулеза умерло 4 человека (Харунов, 2009: 87).

В результате мер лечебно-профилактического характера (предварительный медицинский отбор в Монголии и Туве, вакцинация) — заболеваемость удалось значительно снизить. В течение года многих студентов отправляли на лечение в санатории Кавказа и дома отдыха в Подмосковье. Помимо этого, помогло увеличение в питании рациона мяса, минеральных солей и витаминов.

Большое внимание уделялось культурному развитию студентов МТС, проводились экскурсии по музеям и памятным местам Москвы и Ленинграда, выходы в театр и кино. Иностранцы студенты КУТВ находились в более привилегированном положении по отношению к студентам обычных вузов по материальному обеспечению (там же: 71). Изначально по образу и подобию советской номенклатуры готовилась политическая элита для Монголии и Тувы.

Выпускники КУТВ в жизни Тувы и Монголии

А. М. Шойдонова отмечает, что в 1920–1930 гг. была создана широкая система для обучения студентов из МНР в Советской России, включавшая в себя учебные заведения в городах Москва и Ленинград,

но основной поток монгольских студентов концентрировался в Восточной Сибири¹. Предполагалось сделать Ойротскую область основной базой по подготовке тувинских кадров, как для Монголии была Бурятия, но недостаточность материальной базы и малочисленность педагогических кадров в Ойротской области не позволили выполнить это постановление (Харунов, 2011: 271). Поэтому большая часть тувинских студентов обучалась в Москве и других городах европейской части СССР.

По отношению к Монголии и Туве это было проявлением «мягкой силы» СССР в экспорте социалистических идей и культурных ценностей. Как писал Ю. Л. Аранчын, «новые кадры с энтузиазмом несли в массы идеи марксизма-ленинизма, выступали застрельщиками и организаторами всего нового» (Аранчын, 1982: 216).

В разные годы в КУТВ учились следующие тувинские студенты:

- Тока Салчак Калбакхорекевич, которому было суждено сыграть выдающуюся роль в истории республики, возглавляя ТНРП (1932–1944 гг.) и Тувинскую областную организацию КПСС (1944–1973 гг.);
- Шагдыр-Сюрюн Санаевич Оюн, работавший председателем Центрального совета профсоюзов (1929–1936);
- Танов Седип-оол Токпак-оолович — министр культуры (1935–1939);
- Полат Оюн Оюнович — министр внутренних дел (1936–1938);
- Анчимаа Хертек Амыр-Беди (с 1973 г. — Анчимаа-Тока) — председатель Президиума Малого Хурала ТНР (1949–1944);
- Бадыра Иргит — полпред ТНР в МНР (1943–1944);
- Чымба (Сарыг-Тонгак) Александр Мангеевич — председатель Совмина ТНР (1941–1944);
- Самбуу Монгуш Монгеевич — министр финансов (1938–1944);
- Карсыга Оюн (Орлов) — полпред ТНР в МНР (1929–1930)
- Сарыг-оол Степан Агбанович — народный писатель Тувинской АССР (Хертек, 2016: 71; Харунов, 2009: 62).

Из этого перечня мы видим, что выпускники-тувинцы КУТВ занимали ключевые места в политической системе ТНР. Это во многом определилось деятельностью первого выпускника КУТВ из Тувы, партийного руководителя С. К. Тока. Он объединил вокруг себя лучших выпускников, которые и определили развитие Тувы во всех сферах: политической, экономической, культурной и пр.

На заметных государственных и партийных должностях работали монгольские выпускники КУТВ:

- Лубсан-Ширап (Доржжавын Лувсаншарав), секретарь ЦК МНРП (1932–1939), участник VII–IX Великих хуралов, член президиума ЦК партии VIII Хурала. Арестован в июле 1939 г., расстрелян в 1941 г., реабилитирован в 1962 г.;
- Лхумбэ (Жамбын Лхумбэ), член президиума ЦК МНРП (1930–1932), в 1932 г. секретарь ЦК МНРП. Председатель Центрального совета монгольских профсоюзов (1932–1933). Расстрелян в 1934 г., реабилитирован в 1962 г.;
- Насан-Бато (Наваандоржийн Насанбат), в 1925 г. председатель Учреждения государственной безопасности, в 1921–1927 гг. специальный представитель МНРП в Китае, в 1928 г. директор Центральной партийной школы. Репрессирован в 1937 г., реабилитирован в 1969 г.;
- Цэндэ-Сурэн (Лувсангийн Цэндсүрэн), в 1929 г. председатель Высшего государственного суда, в 1930–1932 гг. заведующий пропаганды ЦК МНРП. В 1930 г. на VIII Великом хурале избран председателем президиума ЦК. Заведующий Отделом агитации и пропаганды ЦК МНРП в 1932 г.;
- Чимит (Дунгарын Чимэд), после окончания КУТВ занимал должности зампреда ЦК ревсомола, министра животноводства и растениеводства. В 1925–1926 гг. член ЦК МНРП, в 1930 г. член президиума ЦК МНРП. Избирался членом Малого хурала МНР;
- Шараху (Лувсангийн Шархүү), в 1928 г. член президиума ЦК МНРП, по болезни ушел в отставку. Арестовывался в 1934 и 1937 гг., расстрелян;

¹ Шойдонова А. М. Исторический опыт обучения монгольских студентов в Восточной Сибири: 1921–1941 гг.: автореф. дисс. ... к-та ист. н. Улан-Удэ, 2016. С. 4.

- Шиджиян (Золбингийн Шижээ, Чиж), в 1928–1929 гг. секретарь Центрального Совета профсоюзов, с 1929 г. начальник Государственной Внутренней Охраны (ГВО), в 1930–1932 гг. третий секретарь ЦК МНРП и зампред правления Монголбанка. На VII и VIII съездах МНРП избирался членом ЦК и президиума ЦК. Арестован в 1937 г., расстрелян, реабилитирован в 1963 г.;
- Элдэб-Очир (Бат-Очирын Элдэв-Очир), работал в ЦК партии, в 1928–1937 гг. секретарь ЦК МНРП, в 1930–1932 гг. начальник ГВО, в 1928–1937 гг. член президиума ЦК МНРП, Малого хурала (*Монголия в документах ...*, 2012: 450–472).

Большого влияния в МНР добился Бат-Очирын Элдэв-Очир (окончивший КУТВ в 1928 г.), который в 1929–1930 гг. был Генеральным секретарем ЦК МНРП и возглавлял борьбу за левый переворот и переход к «некапиталистическому пути развития». В 1937 г. он скончался от ран в автокатастрофе в Москве. В результате сложной внутривнутриполитической борьбы многие из его соратников были репрессированы, поэтому влияние выпускников КУТВ на Монголию оказалось не столь определяющим по времени, как в Туве.

Заключение

Монголо-тувинский сектор занимал особое место в системе университета. Во-первых, к студентам МТС не применяли тех строгих правил конспирации, в которых работали другие национальные секции КУТВ. Это оправдано тем, что выпускникам из братских республик — МНР и ТНР, — по возвращению на родину не грозили аресты и репрессии со стороны правительственных органов. У них не было задачи переходить на нелегальное положение, а можно было сразу включаться в работу по государственному и партийному строительству. Во-вторых, в МТС работали по особым учебным планам и программам, рассчитанным на 3–4-летние сроки обучения. Несомненно, этот длительный срок в сочетании с разработанной методикой преподавания позволял более эффективно готовить политическую элиту для Монголии и Тувы. В то же время для других зарубежных секций «крайняя нужда братских партий в кадрах» (РГАСПИ, ф. 532, оп. 1, д. 173, л. 7) заставила сократить учебу к 1935 г. до 1,5 лет. В-третьих, если в других секциях значительное время в программах занимала военная подготовка (в китайской до 25% времени), то в МТС военное обучение ограничивалось предметом «Военное дело» и летним лагерем, а большинство предметов были общеобразовательными, так как перед слушателями не стояло задач по свершению революции или борьбы с колониальными властями на Родине.

Эта специфика привела к тому, что при разделе КУТВ в 1936 г., когда зарубежные секции были отделены под крылом НИАНКП, МТС остался в составе университета наряду с советскими студентами, а после закрытия КУТВ в 1938 г. сектор был передан в институт Востоковедения им. Нариманова.

Многие руководящие посты в МНР и ТНР заняли выпускники советских учебных учреждений, у которых во время учебы сложилось свое представление о строительстве государства с жесткой командно-административной системой. Они составили костяк государственного и партийного аппарата, и при их участии определялись решения важнейших социально-политических, экономических и культурных задач. Судьбы многих из них малоизвестны, зачастую трагичны и несправедливо забыты, поэтому еще предстоит кропотливая работа, которая откроет новые детали и подробности по деятельности иностранных выпускников КУТВ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аранчын, Ю. Л. (1982) Исторический путь тувинского народа к социализму. Новосибирск : Наука. 337 с.
- Жабаева, Л. Б. (2016) Об участии бурятской интеллигенции в демократических преобразованиях в Монголии // Восточно-европейский научный журнал. № 2. С. 133–137.
- Монголия в документах Коминтерна (1919–1934) (2012) : в 2 ч. / науч. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН. Ч. II (1930–1934). 491 с.
- Осинский, И. И., Ульзийсайхан Д. (1995) Интеллигенция Монголии: проблемы формирования. Улан-Удэ : Бурятский государственный университет. 161 с.
- Фирсов, Ф. (2019) Коминтерн: погоня за призраком. Переосмысление. М. : АИРО-XXI. 672 с.
- Харунов, Р. Ш. (2009) Формирование интеллигенции в Тувинской Народной Республике (1921–1944 гг.). Абакан : Журналист. 144 с.

Харунов, Р. Ш. (2011) Подготовка специалистов сельскохозяйственного профиля для Тувинской Народной Республики в учебных заведениях Ойротской области (1934–1939 гг.) // Мир науки, культуры, образования. № 5 (30). С. 271–274.

Харунов, Р. Ш. (2012) Подготовка специалистов для Тувы на курсах хошунных работников в Коммунистическом университете трудящихся Востока (1929–1933 гг.) // Вестник Тувинского государственного университета. Вып. 1. Социально-гуманитарные науки. С. 58–61.

Харунов, Р. Ш. (2015) Поиск эффективной системы подготовки иностранных студентов в Коммунистическом университете трудящихся Востока (1920-е гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. № 6: в 2-х ч. Ч. I. С. 197–200.

Хертек, Л. К. (2016) Тувинско-монгольские связи и отношения в период Тувинской Народной Республики // Новые исследования Тувы. № 3. С. 65–81.

Шашкова, О. А. (2018) Коммунистический университет трудящихся Востока: у истоков доктрины «мировой революции» // 100-летие Великой русской революции. Сборник материалов всероссийских научно-практических конференций / ред. коллегия: И. А. Гатауллина, О. М. Гильмутдинова, Д. В. Шмелев. Казань : Издательство КНИТУ-КАИ. 232 с. С. 51–58.

Шашкова, О. А., Шпаковская, М. А. (2018) Коммунистический университет трудящихся Востока: создание и этапы становления в системе Коминтерна в 1920–1930-е гг. // Вестник архивиста. № 3. С. 704–716. DOI: <https://www.doi.org/10.28995/2073-0101-2018-3-704-716>

Дата поступления: 04.03.2022 г.

REFERENCES

Aranchyn, Yu. L. (1982) *Istoricheskii put' tuvinskogo naroda k sotsializmu [The historical path of the Tuvan people to socialism]*. Novosibirsk, Nauka. 337 p. (In Russ.).

Zhabaeva, L. B. (2016) Ob uchastii buriatskoi intelligentsii v demokraticeskikh preobrazovaniiax v Mongolii [On the role of the Buryat intelligentsia in democratic transformations in Mongolia]. *East European Scientific Journal*, no. 2, pp. 133–137. (In Russ.).

Mongoliia v dokumentakh Komintern (1919–1934) [Mongolia in the documents of the Comintern, 1919–1934] (2012) : in 2 parts / ed. by B. V. Bazarov. Ulan-Ude, Izd-vo BNTs SO RAN. Part II (1930–1934). 491 p. (In Russ.).

Osinskii, I. I. and Ul'ziisaikhan D. (1995) *Intelligentsiia Mongolii: problemy formirovaniia [The intelligentsia of Mongolia: problems of formation]*. Ulan-Ude, Buriatskii gosudarstvennyi universitet. 161 p. (In Russ.).

Firsov, F. (2019) *Komintern: pogonia za prizrakov. Pereosmyslenie [Comintern: chasing a ghost. Rethinking]*. Moscow, AIRO-XXI. 672 p. (In Russ.).

Kharunov, R. Sh. (2009) *Formirovanie intelligentsii v Tuvinskoj Narodnoj Respublike (1921–1944) [The rise of the intelligentsia in the Tuvan People's Republic (1921–1944)]*. Abakan, ООО «Zhurnalist». 144 p. (In Russ.).

Kharunov, R. Sh. (2011) Podgotovka spetsialistov sel'skokhoziaistvennogo profilia dlia Tuvinskoj Narodnoj Respubliki v uchebnykh zavedeniiax Oirotskoj oblasti (1934–1939 gg.) [Training agricultural specialists for the Tuvan People's Republic in educational institutions of the Oirat region, 1934–1939]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 5 (30), pp. 271–274. (In Russ.).

Kharunov, R. Sh. (2012) Podgotovka spetsialistov dlia Tuvy na kursakh khoshunnykh rabotnikov v Kommunisticheskom universitete trudiashchikhsia Vostoka (1929–1933 gg.) [Training professionals for Tuvan economy at the courses of khoshun workers at the Communist University of the Toilers of the East (1929–1933)]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Issue 1. Sotsial'no-gumanitarnye nauki*, pp. 58–61. (In Russ.).

Kharunov, R. Sh. (2015) Poisk effektivnoi sistemy podgotovki inostrannykh studentov v Kommunisticheskom universitete trudiashchikhsia Vostoka (1920-e gg.) [In search of an effective system of training foreign students at the Communist University of the Toilers of the East (1920s)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 6, in 2 parts, part I, pp. 197–200. (In Russ.).

Khertek, L. K. (2016) Tuvinsko-mongol'skie sviazi i otnosheniia v period Tuvinskoj Narodnoj Respubliki [Tuvan-Mongolian relations under the Tuvan People's Republic]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 65–81. (In Russ.).

Shashkova, O. A. (2018) Kommunisticheski universitet trudiashchikhsia Vostoka: u istokov doktriny «mirovoi revoliutsii» [Communist University of the Toilers of the East: at the origins of the doctrine of the “world revolution”]. In:

100-letie Velikoi russkoi revoliutsii [100th anniversary of the Great Russian Revolution]. Proceedings of All-Russian research and practical conference / editorial board: I. A. Gataullina, O. M. Gil'mutdinova and D. V. Shmelev. Kazan, KNITU-KAI Publ. 232 p. Pp. 51–58. (In Russ.).

Shashkova, O. A. and Shpakovskaia, M. A. (2018) Kommunisticheskii universitet trudiashchikhsia Vostoka: sozдание i etapy stanovleniia v sisteme Komintern v 1920–1930-e gg. [The Communist University of the Toilers of the East (KUTV) and its establishment under the Comintern in the 1920s and 1930s]. *Vestnik arkhivista*, no. 3, pp. 704–716. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.28995/2073-0101-2018-3-704-716>

Submission date: 04.03.2022.

Средства выражения эмоции страха в тюркских языках (на примере тувинского, карачаево-балкарского и хакасского языков)

Мариям А. Ахматова

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, Российская Федерация

Аэлиита Я. Салчак

Тувинский государственный университет, Российская Федерация,

Мария Д. Чертыкова

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Российская Федерация

В статье описаны способы передачи эмоции страха в трех тюркских языках: тувинском, карачаево-балкарском и хакасском. Наиболее распространёнными формами передачи эмоции страха являются глаголы, соматические фразеологизмы и, как вспомогательный элемент — междометия.

Исходя из семантических особенностей, данные глаголы делятся авторами на две категории: глаголы, указывающие на переживание сильной степени страха, и глаголы, указывающие на переживание слабой степени страха. Сильная степень страха часто может передаваться парными глаголами. Например, в тувинском языке коргар-дүвүрээр 'сильно бояться и тревожиться'; коргар-сестир 'сильно испугаться и опасаться чего-л.'. Один из компонентов базовый глагол коргар 'бояться', второй — синоним, придающий семантике сложного глагола дополнительный смысл.

Глаголы, указывающие слабую степень страха, как правило, во всех трёх исследуемых языках несколько меняют свою семантику: признак «интенсивность страха» может быть заменён признаком длительности процесса страха «опасаться», «настораживаться». В русле метафорической проекции фразеологизмы описывают воздействие страха на организм человека: дрожат конечности, цепенеет тело, бледнеет лицо, глаза лезут на лоб, теряется дар речи и т. д.

Также имеются фразеологические единицы, указывающие на причастность эмоции страха к мыслительной деятельности. Например, у хакасского языка сағыс сых- 'испытывать сильный страх'; букв. 'мысли улетучились' и изин сығар- 'очень сильно напугать кого-л.'; букв. '[его] мысли вынести'.

В исследуемых языках при разнообразии семантики глагольной формы выражения эмоции, обнаруживаются одинаковые фрагменты описания воздействия страха на организм человека.

Ключевые слова: тувинский язык; карачаево-балкарский язык; хакасский язык; тюркские языки; страх

Для цитирования:

Ахматова М. А., Салчак А. Я., Чертыкова М. Д. Средства выражения эмоции страха в тюркских языках (на примере тувинского, карачаево-балкарского и хакасского языков) // Новые исследования Тувы. 2022, № 2. С. 224-238. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.2.16>

Ахматова Мария Ахматовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры карачаево-балкарской филологии социально-гуманитарного института Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова. Адрес: 360004, Россия, г. Нальчик, ул. Чернышевского,

д. 173. Тел.: +7 (928) 910-06-70. Эл. адрес: mari.ahmatova@yandex.ru

Салчак Аэлиита Яковлевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры тувинской филологии и общего языкознания Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 36. Тел.: +7 (394-22) 2-19-69. Эл. адрес: aelita_74@mail.ru

Чертыкова Мария Дмитриевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. Адрес: 655017, Россия, г. Абакан, пр. Ленина, д. 94. Тел.: +7 (3902) 22-34-94. Эл. адрес: chertikova@yandex.ru

Means of expressing the emotion of fear in Turkic languages – Tuvan, Karachai-Balkar and Khakass

Mariam A. Akhmatova

Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Russian Federation,

Aelita Ya. Salchak

Tuvan State University, Russian Federation,

Maria D. Chertykova

N. F. Katanov Khakass State University, Russian Federation

The article describes the ways of expressing the emotion of fear in the Turkic languages, using Tuvan, Karachai-Balkar and Khakass languages as examples. The most common forms the emotion of fear takes are verbs, somatic phraseological units and, as an auxiliary unit, interjections.

Based on their semantic features, these verbs can be divided into two categories: those indicating the experience of a strong degree of fear, and of a weaker one. A strong degree of fear in the Tuvan language can be conveyed by complex verbs, such as *korgar-dyvvyreer* 'to be very afraid and anxious'; *korgar-irger* 'to be deeply afraid, to stand aghast'; or *korgar-sestir* 'to feel scared of something'. One of the components is the basic verb *korgar* 'to fear', while the other is a synonym that adds a shade of meaning to the semantics of a complex verb.

As a rule, the verbs which convey a weaker degree of fear in all three studied languages slightly change their semantics: the sign of «fear intensity» can be replaced by a sign of «the duration of fear», such as *staing suspicious or alert*. As pieces of metaphorical projection, phraseological units describe the effect fear has on the human body: limbs tremble, the body grows numb, face turns pale, eyes pop out, fear keeps us tongue-tied, etc.

There are also phraseological units which suggest a link between the emotion of fear and mental activity, such as Khakass *sarys syh* – 'to be terribly afraid' (lit. 'to have one's thoughts evaporated'), or *izin syrar* – 'to frighten smb. out of his wits' (lit. 'to carry away smb.'s thoughts').

Overall, the studied languages, despite a variety of semantic aspects of verb forms expressing emotion, feature the same elements of describing the impact of fear over human body.

Keywords: Tuvan language; Karachai-Balkar language; Khakass language; Turkic languages; fear

For citation:

Akhmatova M. A., Salchak A. Ya. and Chertykova M. D. Sredstva vyrazheniia emotsii strakha v tiurkskikh iazykakh (na primere tuvinskogo, karachaevo-balkarskogo i khakasskogo iazykov) [Means of expressing the emotion of fear in Turkic languages – Tuvan, Karachai-Balkar and Khakass]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 2, pp. 224-238. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.2.16>

AKHMATOVA, Mariam Akhmatovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Karachay and Balkar Philology, Institute of Social Sciences and Humanities, Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov. Postal address: 173 Chernyshevsky St., 360004 Nalchik, Russian Federation. Tel.: +7 (928) 910-06-70. Email: mari.ahmatova@yandex.ru

SALCHAK, Aelita Yakovlevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Tuvan Philology and General Linguistics, Tuvan State University. Postal address: 36 Lenin St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 2-19-69. Email: aelita_74@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-2304-6901

CHERTYKOVA, Maria Dmitrievna, Doctor of Philology, Leading Research Fellow, Institute for the Humanities and Sayan-Altai Turkology, N. F. Katanov Khakas State University. Postal address: 94 Lenin St., 655017 Abakan, Russian Federation. Email: chertikova@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-7467-4388

Введение

Одними из наиболее ярких и значимых человеческих психических состояний, эксплицируемых в языке, являются эмоции. Каждый человек в своей повседневной жизни вступает в многогранные взаимоотношения с окружающей действительностью и при этом испытывает различные эмоции. Как известно, эмоции бывают положительные и отрицательные. Среди базовых отрицательных эмоций выделяется эмоция страха, которая возникает в определённых, опасных для человека ситуациях, «в результате реальной или воображаемой опасности, угрожающей жизни организма, личности, защищаемым им ценностям (идеалам, целям, принципам и т. п.)»¹.

Цель статьи — функционально-семантическое и когнитивное описание проявления страха в тюркских языках на примере карачаево-балкарского, тувинского и хакасского языков. Выбор языков для исследования сделан не случайно: данные языки относятся к относительно отдалённым подгруппам тюркской семьи языков: тувинский и хакасский — к уйгурской группе языков, а карачаево-балкарский — к кипчакской. Интерес представляют вопросы: какими лексическими (глагольными и именными) средствами пользуются исследуемые языки в обозначении эмоции страха и какие оттенки специфичности и общности хранятся в их содержании? Как способ отражения объективной действительности сами эмоции всегда универсальны, состав же лексики со значением эмоции в тюркских языках в целом почти одинаков, хотя национально специфичен, самобытен.

Актуальность нашего исследования обусловлена отсутствием исчерпывающих описаний эмотивных лексем в тюркских языках, в том числе глагольной и именной репрезентации страха. В исследуемых нами языках фрагментарное освещение получило языковое выражение эмоции страха в лингвокультурном аспекте в карачаево-балкарском (Ахматова, 2018) и в хакасском (Чертыкова, 2015) языках. В тувинском языке лексические единицы, выражающие понятие страха, пока не являлись объектом специального исследования. Новизна проведённого исследования заключается в том, что впервые в семантико-когнитивном и сравнительном аспектах рассматриваются глаголы трех тюркских языков, выражающие эмоцию страха. Материалом для исследования послужили данные толковых и двуязычных словарей исследуемых языков, образцы примеров, выписанных из тувинских, карачаево-балкарских, хакасских художественных источников, а также разговорной речи. В работе использовался метод детального лингвистического портретирования, применяемый в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка»². Считаем, что проведённое исследование открывает новые возможности для лингвокультурологического и сравнительного описания отдельных категорий эмоционального пространства в тюркской языковой картине мира с целью раскрытия их семантических и лингвокультурологических аспектов.

Определение семантики страха

Интерес к феномену страха продолжает интересовать философов, психологов, физиологов, лингвистов и др., изучающих различные стороны данного явления. Страх, с точки зрения физиологической науки, представляется «защитной реакцией организма на внешние раздражители» (Щербатых, Ивлева, 1998: 56). М. Хайдеггер рассматривает страх как некую внутреннюю силу, которая влияет на существование человека (Хайдеггер, 1993). В психологии страх относится к базовым, универсальным эмоциям человека и считается состоянием, которое заключается в ожидании какой-либо угрозы (Фрейд, 2014).

В лингвистике на материале разноструктурных языков данная эмоция изучена широко и подробно со сравнительно-сопоставительных, когнитивных и лингвокультурологических позиций. Однако до сих пор не выработано единого определения, что объясняется многогранностью данного понятия. Исследователи дают различные толкования данной эмоции: это «определённое состояние ожидания опасности и приготовление к последней»³; «выступает регулятором агрессивности и служит утверждению социального порядка» (Изард, 2012: 35); «аффективно заостренное восприятие угрозы

¹ Философский энциклопедический словарь / сост. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 656.

² Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 3 изд., испр., доп. / под рук. Ю. Д. Апресяна. М.: Школа «Языки славянской культуры», 2005.

³ Лейбин В. М. Психоанализ: учебное пособие. 2-е изд. СПб.: Питер, 2008. С. 350.

для жизни, самочувствия и благополучия человека» (Захаров, 2000: 43); «эмоция, возникающая в ситуациях угрозы биологическому или социальному существованию индивида и направленная на источник действительной или воображаемой опасности»¹; «эмоция, вызываемая предметами и ситуациями, содержащими в себе опасность» (Левитов, 1964: 127); «стабильный эмоционально-мыслительный конструкт, некий эмоциональный образ, генетический “прописанный” в нашей памяти. Его переживание человеку психологически и витально необходимо: это форма защиты и способ сохранения человеческой популяции» (Красавский, 2008: 268), а также страх отражает «отношение человека к самому себе и окружающему миру, характеризующееся мимическими, психосоматическими, поведенческими изменениями и объективирующемся в языке»² и др. Таким образом, исходя из приведённого разнообразия определений, можно сделать вывод, что страх — это психическое состояние, возникающее на основе инстинкта самосохранения, представляет собой реакцию человека на опасность, носит генетический или рефлекторный характер. Рассматриваемая эмоция уходит своими корнями в далёкое прошлое, когда неизвестность и незнание, порождали у человека страх, а «неспособность наших предков видеть причинно-следственные отношения в мире детерминировала сам характер страха» (Красавский, 2008: 269). «Эмоции и чувства имеют своим основанием весь организм человека и являются результатом его активного взаимодействия с объективной действительностью»³. Соответственно, эмоции и чувства пронизывают все остальные виды деятельности человека, особенно — речевую. Как отмечает В. И. Шаховский: «В общем виде эмотивную семантику можно определить как опосредованное языком отношение эмоционально-социологизированных представлений человека к окружающему миру» (Шаховский, 1994: 20). Из сказанного следует, эмоция страха — есть охватывающее человека чувство беспокойства, волнения, тревоги, боязни, испуга перед каким-либо событием, действием или явлением, которые несут в себе определённую опасность. Страх сопровождает человека в течение всей его жизни и, естественно, имеет большое влияние на различные аспекты его деятельности.

Эмоция страха отличается многослойным и экспрессивным характером; её границы с другими эмоциями размыты, поскольку она может распространяться на многие области человеческой жизни. Непонимание происходящего и растерянность являются основными факторами страха. Как пишет Р. Б. Хисматуллина, она «возникает в ответ на действие угрожающего стимула» (Хисматуллина, 2016: 187).

Таким образом, страх связан не только с негативным положением человека, но и способствует порождению его положительных состояний и является индикатором самозащиты, самосохранения, т. е. «имея инстинктивную природу, страх предотвращает импульсивные и необдуманные действия людей в опасных для жизни ситуациях» (Ляшенко, Баталина, 2017: 133). Эмоция страха, как самая сильная из человеческих эмоций, связана с инстинктом самосохранения, которая воздействует и на поведение человека, так как является своего рода предупреждением об опасности.

Синтаксическое выражение причины страха

Как было сказано, страх воспринимается человеком как следствие какого-либо негативного фактора, влияющего на его поведение и приводящего его к определённому психофизическому состоянию. Источниками страха являются различные события, действия и ситуации в жизни человека. Определённая эмоция может активировать страх и испуг, а сам страх может породить ещё больший страх. Разнообразие и обилие причин возникновения страха демонстрирует, например, материал карачаево-балкарского языка:

— страх потери кого-либо из близких: *Ол ёледи деп кьоркьгъндан, Зекерияны ичинде жаны да кьалмайды*⁴ ‘Зекерия испытывает сильный страх, осознавая, что тот может умереть’ (здесь и далее переводы наши. — Авт.);

¹ Словарь практического психолога / сост. С. Ю. Головин. Харвест; Минск, 1998. С. 511.

² Кириллова Н. В. Концептуализация эмоции страха в разноструктурных языках (на материале русского, английского и чувашского языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2007. С. 9.

³ Швелидзе Н. Б. Фразеологизмы со значением эмоции в современном русском языке: автореф. дисс... канд. филол. наук. М., 1997. С. 3.

⁴ Хубиев О. А. Аманат. Черкесск: Ставропольское книжное изд-во, Карачаево-Черкесское отделение, 1990. С. 100.

— страх перед неопределённостью в жизни (например, перед новыми жизненными ситуациями): *Жюрексиз болуп, титиреп, кьалтырап, жангы жашауудан кьоркьа*¹ ‘Трепещи, дрожа, не чувствуя сердце, боясь новой жизни’;

— страх перед Богом: *Аллахдан кьоркьмаймыса, быллай ишле этип айланыргьа?*² ‘Ты не боишься Бога за свои проделки?’;

— страх (опасение) за свою жизнь и здоровье: *Энди уа ол жанына кьоркьгьандан, кеси кесин тынчайталмайды*³ ‘Теперь из-за охватившего его страха за жизнь, он не находит себе места’;

— страх публично опозориться: *Азадан кьоркьма, айындан кьоркьа*⁴ ‘Не бойся страдания, бойся позора’;

— страх перед конкретным человеком: *Ала Хамзатны аллында сын кьатып, бир улуу терсликлери болгьан кибик, кьоркьуп, сёз айталмай турадыла*⁵ ‘Они, будто провинившиеся, замерли перед Хамзатом, от испуга, потеряв дар речи’;

— страх в конкретных ситуациях: *Тебердини узун жолунда машина тарлагьа кире, айланчлагьа бурула барады, тьюнде суу шорхаланы, кёмююллени кёрсенг, кьоркьарынг келеди*⁶ ‘В Теберду машина едет по извилистым дорогам ущелья, и, когда видишь внизу водопады, пучины, становится страшно’;

— страх перед ожидаемой (реальной или воображаемой) нежелательной жизненной ситуацией: *Туумаз деп кьоркьма, тууса, аман тууар деп кьоркьа*⁷ ‘Не бойся, что не родится, бойся, что родится плохой’. *Мен кьоркьгьан кьоркьуугьа кьалдынг, энди мен сени кьалай кьоюн кетейим, — деди Бюрче*⁸ ‘Ты напоролся на то, чего я боялся (ожидал), как же я тебя теперь покину, — сказал Бюрче’;

— страх одиночества: *Пенсиягьа чыкьгьан адамланы бек кьоркьутхан жангьызыкьды*⁹ ‘Больше всего пенсионеры боятся одиночества’;

— страх перед природными явлениями: *Боран кёз ачдырмай, бузлатып кьысады, кьоркьутады*¹⁰ ‘Буря не даёт возможность открыть глаза, морозит, пугает’;

— страх / волнение перед какой-либо встречей: *Бабынны келлигин эшитгенде, Сайхат кьоркьду, журеги кьан тырнады*¹¹ ‘Когда узнала, что приезжает Бабын, Сайхат испугалась, (ее) охватил страх’.

Указанные источники и виды эмоции страха характерны и для тувинского и хакасского языков. В тувинском языке дополнительно можно отметить такие источники страха как:

— природные явления и объекты: *Ооң уламындан ол бойдустуң чайгаар болур халаптарындан аажок коргар*¹² ‘Из-за этого он очень боится природных катастроф, которые возникают стихийно’; *Мээң ачам кандыг-даа бедик дагдан кортпас кижии*¹³ ‘Мой отец не боится хоть какой высокой горы’;

— звери, животные: *Бөрүлөрдөн коргар болза, арыг ишти кирген херек чок*¹⁴ ‘Если боишься волков, не надо ходить в лес’;

— страх (опасение) за близких людей: *Оглум-биле чүү-ле болур ирги дээш коргар-дыр мен*¹⁵ ‘Я боюсь, что что-то может случиться (произойдет) с моим сыном’;

¹ Хубиев О. А. Аманат. Черкесск: Ставропольское книжное изд-во, Карачаево-Черкесское отделение, 1990. С. 100.

² Токумаев Ж. Ауанала // Минги Тау (журнал). 2009. № 5 (147). С. 130.

³ Гуртуев Б. И. Жарыкь танг [Ясное утро]. Нальчик: Издательство «Эльбрус», 1958. С. 69.

⁴ Нарт сёзле [Пословицы и поговорки] / сост. С. Ч. Алиев. Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1963. С. 422.

⁵ Теппев А. М. Кюн батмайды [Солнце не заходит]. Нальчик: Издательство «Эльбрус», 1971. С. 203.

⁶ Хубиев О. А. Аманат. Черкесск: Ставропольское книжное изд-во, Карачаево-Черкесское отделение, 1990. С. 6.

⁷ Нарт сёзле [Пословицы и поговорки] / сост. С. Ч. Алиев. Черкесск: Карачаево-Черкес. книж. изд-во, 1963. С. 226.

⁸ Карачай халкь таурухла [Карачаевские нартские сказания]. Черкесск: Кар.-Черкес. книж. изд-во, 1963. С. 214.

⁹ Теппев А. М. Отлукь ташла [Кремни]. Нальчик: Издательство «Эльбрус», 1968. С. 66.

¹⁰ Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев / сост.: Р. А.-К. Ортабаева, Т. М. Хаджиева, А. З. Холаев. М.: Наука, Издательская фирма «Восточная литература», 1994. С. 87.

¹¹ Теппев А. М. Отлукь ташла [Кремни]. Нальчик: Издательство «Эльбрус», 1968. С. 57.

¹² Даржай А. А. Чуртгарын кузезиңзе [Если хочешь жить]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1984. С. 12.

¹³ Сарыг-оол С. А. Аңгыр-оолдуң тоожузу [Повесть о светлом мальчике]. Кызыл: Тувин. книж. изд-во, 1978. С. 23.

¹⁴ Тока С. К. Чогаалдар чыындызы [Собрание сочинений]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1979. III т. С. 236.

¹⁵ Даржай А. А. Чуртгарын кузезиңзе [Если хочешь жить]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1984. С. 42.

— страх конкретных неприятных болезненных ощущений: *Бо уругларны тарыдып алыр-дыр. Мен-не коргар мен*¹ 'Надо поставить прививки этим детям. Я то боюсь'.

На материале хакасского языка можно добавить такие источники страха как:

— страх при неожиданности: *Ягор унис арах ачых чирзер көрөбіскен. Чочып таа парған... абачах чоон тым холын ходырчатхан*² 'Ягор посмотрел вниз на опушку. Он сильно испугался... медвежонок ломал ветку большой лиственницы';

— страх перед неизвестностью: *Ниме пол парды? — чииттер, оларны ибیره турыбызып, үрүк сыхханнар*³ 'Что случилось? — встревожились молодые, окружив их'.

Также отметим, что такие модели функционирования страха формируются не только глаголом *коргар / хорых-*, но и другими синонимичными глаголами, например, хакас.: *чочы-* 'испугаться', *үрүк-* 'тревожиться' и др.

В целом же, в тюркских языках, в том числе и в исследуемых языках, эмоция страха обозначается разноуровневыми лексемами, в первую очередь, глаголами. Как пишет Л. Г. Бабенко: «Эмотивная лексика ситуативна в своей денотативной основе, ибо эмоции нерасторжимо связаны с субъектом, их испытывающим, и объектом, их вызывающим. Вот почему глагол является именно той частью речи, которая наиболее приспособлена для отражения эмоций» (Бабенко, 1989: 65). Как стилистически, так и семантически богатая категория, глагол, может передавать чувства в различных оттенках.

Таким образом, в исследуемых языках причины возникновения эмоции страха идентичны. Базовым глаголом страха является общетюркский глагол *коргар / кзоркь- / хорых-*, что мы продемонстрируем далее.

Глагольные репрезентанты страха

Базовым глаголом со значением страха в тувинском, карачаево-балкарском и хакасском языках является общетюркский глагол *корт- / кзоркь- / хорых-*:

Тувинский язык	Карачаево-балкарский язык	Хакасский язык
<i>коргар /корт-/</i> 'бояться, пугаться, страшиться, трусить' ⁴ : <i>Аваңар, ачаңар ажына бээр, коргар мен</i> ⁵ 'Ваши родители рассердятся, боюсь я'.	<i>кзоркь-</i> 'бояться, трусить, пугаться, страшиться кого-чего' ⁶ : <i>Жай жыландан кзоркьгъан, кыш аркъандан юркер</i> ⁷ 'Тот, кто летом испугается змеи, зимой аркана боится'.	<i>хорых-</i> 1) бояться, пугаться, испытывать боязнь, страх; трусить; 2) бояться, страшиться, опасаться кого-л., что-л. ⁸ : <i>Харах хорыхча, хол итче</i> (поговорка) 'Глаза бояться, руки делают'; <i>Хайдағ-да чалаң кизілерні аал аралы парчатханнарын көр салып, Марфацах хайдадар хорых парған</i> ⁹ 'Марфочка сильно испугалась, увидев незнакомых всадников, идущих по деревне'.

Основа базового глагола *корт- / кзоркь- / хорых-* считается исследователями как членимая, в частности, производящая основа «... *кор(у), (скорее *кор) может быть вычленена из формы *корт*

¹ Сарыг-оол С. А. Аңгыр-оолдуң тоожузу [Повесть о светлом мальчике]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1978. С. 26.

² Нербышев К. Көгім хорымнарда. На синих утёсах (на хакасском языке). Роман. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного изд-ва 1983. 243 с.

³ Бурнаков Ф. Пора тай нанчым. Мой друг каурый (на хакасском языке). Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного изд-ва, 1987. 128 с.

⁴ Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2011. Т. 2. С. 176.

⁵ Сарыг-оол С. А. Аңгыр-оолдуң тоожузу [Повесть о светлом мальчике]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2008. С. 314.

⁶ Толковый словарь карачаево-балкарского языка: в 3-х т. / ред. А. А. Жаппуев. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2002. Т. 2. С. 665.

⁷ Нарт сёзле [Пословицы и поговорки] / сост. С. Ч. Алиев. Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1963. С. 211.

⁸ Хакасско-русский словарь / под общ. ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. С. 851.

⁹ Костяков И. Чибек хур. Шёлковый пояс. Роман. Абакан: Хакас. отд-е Красноярского книжного изд-ва, 1989. С. 16.

«пугать» (<**kor-m*), отмеченный в отдельных древнетюркских памятниках, но вместе с тем у указанной основы имеется и реальное соответствие, которым В. И. Рассадин правомерно считает тоф. *hor* «притаиться, спрятаться от испуга (главным образом, о птицах, зверях), каковое, в свою очередь, сопоставляется с тувинским *хору*- «притаиться, скрываться, например, о птицах, зверях, от испуга {...}» (цит. по: Татаринцев, 2004: 203).

Кроме указанного базового глагола со значением страха, в тувинском, карачаево-балкарском и хакасском языках присутствуют и другие глаголы, которые образуют синонимический ряд с общим категориальным значением «испытывать эмоцию страха». Эти глаголы по степени интенсивности страха мы делим на следующие категории:

1) глаголы, указывающие на переживание сильной степени страха в определённой ситуации:

Тувинский язык	Карачаево-балкарский язык	Хакасский язык
<p><i>коргар-дүвүрээр</i> ‘сильно бояться и тревожиться’¹;</p> <p><i>Коргуп-дүвүрээр өдүрөктөр алгы-кышкы-биле агаарже көдүрлүп үнүпкөннөр</i>² ‘Сильно испугавшиеся утки с криками поднимались в небо’;</p> <p><i>коргар-иргер</i> «сильно бояться, испугаться, испытывать страх»³;</p> <p><i>Бир чамдыктары коргуп-иргип аңгадаан</i>⁴ ‘Некоторые сильно испугавшись, растерялись’;</p> <p><i>коргар-сестир</i> «сильно испугаться и опасаться чего-л.»⁵. <i>Оол бичии-даа коргуп-сезинмейн чораан</i>⁶ (М. Мендуме) — Мальчик шел нисколько не боясь.</p>	<p><i>сыкъ</i>- перен. ‘бояться, страшиться’⁷;</p> <p><i>Къумукълуну сыкъдырып, кесибизде да чурукъла ишлетир эдик</i>⁸ ‘(Алий:) «Будем держать кумыка в страхе и заставим его сшить нам обувь’;</p> <p><i>титире</i>- перен. «бояться, трепетать»⁹;</p> <p><i>Самат аны титиретди</i>¹⁰ ‘Самат заставил его трепетать’;</p> <p><i>кълтыра</i>- «бояться, трепетать»¹¹;</p> <p><i>Былайы мени кѣп кълтыратханды</i>¹² ‘Это место вызвало у меня боязнь’.</p>	<p><i>чочы</i>- ‘бояться, испугаться; вздрогнуть’¹³;</p> <p><i>Таста цыгаркаңны, таста!</i> — <i>кинетін чочып парып, сыбыраныбысхан Тимка.</i> — <i>үзретчи килип одыр</i>¹⁴ ‘Бросай [свою] сигарету, бросай! — вдруг, испугавшись, прошептал Тимка. — Учитель идёт’;</p> <p><i>үрүк</i>- «пугаться; волноваться, тревожиться»¹⁵;</p> <p>— <i>Хайдаг ниме полыбысты? — үрүкче Хапың. Ол Тоёңның ниме теенин испин халтыр, ниме полчатханын сизинмин, ах ла тик одырчатхан</i>¹⁶ — ‘Что случилось? — испугался Хапын. Он, видимо, не расслышал, что сказал Тоён. Не понимая, что происходит, сидел очень бледный’;</p> <p><i>Кізілер чочып парғаннар. Хақан даа аның хатыг үнін кізі испеен мында</i>¹⁷ ‘Люди вздрогнули. Никто раньше не слышал здесь его строгого голоса’.</p>

Лексико-семантическая особенность тувинского выражения страха состоит в парном употреблении глаголов: *коргар-дүвүрээр* ‘сильно бояться и тревожиться’; *коргар-иргер* ‘сильно бояться, испугаться, испытывать страх’; *коргар-сестир* ‘сильно испугаться и опасаться чего-л.’ Н. М. Ондар в своём исследовании тувинских парных глаголов отмечает, что в парных сочетаниях глаголов компоненты «могут быть синонимичными, а могут быть лишь изосемантическими, т. е. иметь какие-либо семантичес-

¹ Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2011. Т. 2. С. 177.

² Аракчаа К. М. Элдептиг киш [Удивительный соболю]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1974. С. 8.

³ Толковый словарь тувинского языка ... С. 177.

⁴ Мендуме М. К. Тайганың ээзи [Хозяин тайги]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1965. С. 17.

⁵ Толковый словарь тувинского языка ... С. 177.

⁶ Мендуме М. К. Орус шөлү [Русская поляна]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1984. С. 3.

⁷ Толковый словарь карачаево-балкарского языка : в 3 т. / ред. А. А. Жаппуев. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2005. Т. 3. С. 260.

⁸ Этезов О. М. Тарда [В теснине]. Нальчик: Издательство «Эльбрус», 1961. С. 229.

⁹ Толковый словарь карачаево-балкарского языка ... С. 528.

¹⁰ Залиханов Ж. Ж. Тау кышла [Горные орлы]. Нальчик: Издательство «Эльбрус», 1962. С. 67.

¹¹ Толковый словарь карачаево-балкарского языка ... С. 526.

¹² Там же. С. 34.

¹³ Хакасско-русский словарь / под общ. ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. С. 994.

¹⁴ Писательлер – олғаннарға. Кӧглер, чоохтар, нымахтар [Писатели – детям. Песни, рассказы, сказки]. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного изд-ва, 1988. С. 115.

¹⁵ Хакасско-русский словарь / под общ. ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. С. 757.

¹⁶ Доможаков Н. Ыраххы аалда [В далёком аале]. Роман. Абакан: Хак. отд-ие Краснояр. книж. изд-ва, 1987. С. 286.

¹⁷ Нербышев К. Кӧгӱм хорымнарда [На синих утёсах]. Роман. Абакан: Хак. отд-ие Краснояр. книж. изд-ва, 1983. С. 75.

кие пересечения, но синонимами в обычном смысле этого термина не являются. В парные сочетания могут объединяться глаголы порой существенно различные в лексико-семантическом плане»¹. Автор пишет также, что парные глаголы «синонимичные и несинонимичные могут приобретать дополнительный семантический оттенок в виде некоторой интенсивности передаваемого ими действия»².

В карачаево-балкарском языке эмоция страха, кроме вышеназванных глаголов *сыкъ*, *титире*, *къалтыра* может выражаться как повторным употреблением глагола *къоркъа-къоркъа*, так и парным употреблением глаголов: *къоркъа-буюгъа*.

Если в тувинском и карачаево-балкарском языках для усиления эмоции страха используются парные глаголы, то в хакасском языке такого не наблюдается. Здесь интенсивность страха может передаваться при помощи наречий, например, *хак.*: *хайдадар хорых-* ‘сильно бояться’; *най үрүк-* ‘сильно испугаться’, *уғаа (матап) чочын пар-* ‘сильно испугаться’ и др. *Миниң үчүн матап чочаазың. Алғыс сағаа* ‘[Ты] сильно испугался за меня. Спасибо тебе’.

В карачаево-балкарском языке усилительные частицы *бек* и *эм* выполняют экспрессивную функцию усиления процесса. Числительное *минг* и прилагательные *улуу*, *халек* (разг.), *аман* (разг.) в сочетании с глаголом *къоркъ-* точно и красочно передают высшую степень эмоции страха: *Мени ичими эм улуу къоркъуу алды*³ ‘Меня охватил ужас’; *Тынчлыгъын минг къоркъуу алгъанды. Кесине жер тапмайды ана*⁴ ‘Её охватил сильный страх. Мать не находит себе места’.

2) глаголы, указывающие на переживание слабой степени страха:

Тувинский язык	Карачаево-балкарский язык	Хакасский язык
<p>— <i>коргуксаар</i> ‘побаиваться’⁵: <i>Ол база-ла коргуксап, аайын тыптайн барган</i>⁶ ‘Он тоже побаиваясь, не понял в чём дело’;</p> <p>— <i>коргумзураар</i> ‘побаиваться’⁷; <i>сестиксээр</i> ‘несколько побаиваться, опасаться’⁸: <i>«Ырбакчы болганда, ок-боолуг ыйнаан» деп сөстөр сагыжымга киргилеп, арай сестиксеп-даа</i>⁹ ‘Так как он дезертир, наверное, с оружием’ эти слова приходили мне на ум, я даже немного побаивался’;</p> <p>— <i>дадайзынар</i> ‘побаиваться, опасаться’¹⁰: <i>Арай дадайзынын тур мен</i>¹¹ ‘Я немного побаиваюсь’</p>	<p>— <i>къайгъы эт-, къайгъыр</i> ‘переживать, беспокоиться, волноваться, тревожиться’¹²: — <i>Манга къайгъы этме, — деп, Дауум, атасын къаты къуачакълап, жиялмысрай, анасы бла чыгъып кетди</i>¹³ ‘За меня не волнуйся, — сказала Дауум, обняла крепко отца, плача, ушла с матерью’;</p> <p>— <i>тынгысыз бол-</i> ‘тревожиться’¹⁴: <i>Машиналаны тауушлары чыкъмай башласала, председатель да тынгысыз болуп башлайды</i>¹⁵ ‘Если шум машин прекращается, председатель начинает тревожиться’.</p>	<p>— <i>чочын-</i> ‘опасаться, тревожиться, настораживаться’¹⁶: <i>Сакис чочына тўскен: амды тыва чонында даа хызыллар пар</i>¹⁷ ‘Сакис насторожился: сейчас и среди тувинцев есть красные’;</p> <p>— <i>чалтан-</i> ‘робеть; смущаться; стесняться’¹⁸: <i>Атхан ух айланмачаң, алып кизи чалтанмачаң</i> ‘Стреляная пуля не возвращается, богатырь — мужчина не робеет’;</p> <p>— <i>сомсай-</i> ‘испытывать страх; трепетать’¹⁹: <i>Ханныҕ Хылыс ир күлүги Хан кизидең сомсайған</i>²⁰ ‘Кровавый Кинжал побаивался молодого хана’.</p>

¹ Ондар Н. М. Парные слова в тувинском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. н. М., 2004. С. 12.

² Там же.

³ Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев ... С. 87.

⁴ Отаров К. С. Сынла [Памятники]. Нальчик: Издательство «Эльбрус», 1972. С. 51.

⁵ Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2011. Т. 2. С. 177.

⁶ Танова Е. Д. Акым дугайында тоожу [Повесть о моем брате]. Кызыл: Тувинское книжное изд-во. 1976. С. 7.

⁷ Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2011. Т. 2. С. 177.

⁸ Там же. С. 672.

⁹ Сүрүң-оол С. С. Чогаалдар чыындызы [Собрание сочинений]. Кызыл: Тувинское книж. изд-во, 1992. II т. С. 37.

¹⁰ Толковый словарь тувинского языка ... Т. 3. С. 373.

¹¹ Там же. С. 373.

¹² Толковый словарь карачаево-балкарского языка: ... Т. 2. С. 477–478.

¹³ Хубиев О. А. Дерт [Мечь]. Черкесск, Ставро. книжное изд-во, Карачаево-Черкесское отделение, 1971. С. 143.

¹⁴ Толковый словарь карачаево-балкарского языка ... Т. 3. С. 628.

¹⁵ Кациев Х. Х. Тамата [Тамада]. Нальчик: Эльбрус, 1971. С. 223.

¹⁶ Хакасско-русский словарь / под общ. ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. С. 994.

¹⁷ Нербышев К. Көгим хорымнарда. Роман. Абакан: Хакас. отд-е Краснояр. книж. изд-ва. 1983. С. 116.

¹⁸ Хакасско-русский словарь / под общ. ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. С. 935.

¹⁹ Там же. С. 490.

²⁰ Татарова В. Аат табызы [Крик турпана]. Повесть. Абакан: Хакасское книжное издательство, 1991. С. 183.

Названные глаголы характеризуются продолжительностью испытываемого страха. В зависимости от характера угрозы и опасности эмоция страха сопровождается испугом, тревогой, волнением, растерянностью, трепетом, дрожью, беспокойством. Это свидетельствует о том, что в основе данных состояний лежит переживание страха, которое выражается в разной степени, т. е. проявление эмоции страха различно;

3) Тем самым среди глаголов со значением страха мы можем выделить отдельную подгруппу глаголов, обладающих признаком «страх / испуг при неожиданном событии». В хакасском языке при присоединении к глаголу *чочы-* ‘бояться, испугаться; вздрогнуть’ аффикса возвратного залога *-н-*: *чочын-*, его семантика несколько меняется: ‘опасаться, тревожиться, настораживаться’. Внезапный испуг в хакасском языке может выражаться экспрессивными сложными глаголами, например, *тыраңни тјүс-* букв. ‘вздрогнуть от испуга’, *орбаңни тјүс-* / *јүрбеңни тјүс-* ‘испугаться (вздрогнуть от неожиданности)’ и др. Отметим, что подобные глаголы в словарях не обозначены как самостоятельные словарные единицы. Компонент «телодвижение» в момент испуга содержится в семантике тувинских глаголов *сертилээр*, *сырбаңнаар*, которые обозначают внешнее выражение страха, обычно двигательное. А глагол *белиңнээр* также обозначает внешнее выражение страха, сопровождающееся словами, экспрессивной лексикой.

Тувинский язык	Карачаево-балкарский язык	Хакасский язык
<p>— <i>белиңнээр</i> ‘пугливо вскрикивать, вздрагивать или вскакивать от чего-л. неожиданного’¹; <i>сүртээр</i> ‘тревожиться, бояться, пугаться’²;</p> <p><i>Аңчы мээң арнымче көргөш, мээң коргуп сүртээнимге ылап-ла бүзүреди</i>³ ‘Охотник, посмотрев на мое лицо, действительно поверил тому, что я испугался’;</p> <p>— <i>сертилээр</i> 1. ‘вздрагивать от неожиданности, побаиваться’, 2. ‘вздрагивать, шарахаться’⁴;</p> <p>— <i>сырбаңнаар</i> ‘делать хватательное движение, вздрагивать, дёргаться’⁵.</p>	<p><i>элген-</i> ‘вздрогнуть, пугаться’⁶; <i>юрк-</i> 1. ‘мгновенно испугаться кого-чего-л. (о животных)’, 2. ‘испугаться, всполошиться’ (о человеке)⁷;</p> <p><i>Къызчыкъны жюрекчиги чанчыл, элгенип, ёрге къопду</i>⁸ ‘У девочки кольнуло сердечко, она вздрогнула и подскочила’; <i>Юркюп, къачыл, суу тјубюне сингсе да, Зулмучуну къуууп, къысха жетербиз</i>⁹ ‘Если, даже испугавшись, убежав, заляжет на дно, тирана мы догоним быстро’.</p>	<p><i>чочын-</i> ‘опасаться, тревожиться, настораживаться’¹⁰; <i>Мылтыхты турачахта тударға чочынчам</i> ‘Опасаясь держать ружьё в доме’;</p> <p><i>халтыра-</i> ‘перен. трепетать, сильно бояться; букв. дрожать (от страха, от холода)’¹¹; <i>Улуғ-кічиг халтырасчадыр: хайдаң сыхты пу ниме?</i>¹² ‘И стар, и млад дрожит от страха: откуда появилось это существо?’;</p> <p><i>тыраңни тјүс-</i> букв. ‘вздрогнуть от испуга’, <i>орбаңни тјүс-</i> / <i>јүрбеңни тјүс-</i> ‘испугаться (вздрогнуть от неожиданности)’¹³; <i>Орекенек, пісті көр салып, тыраңни тјүскен</i>¹⁴ ‘Старушка, увидев нас, вздрогнула’;</p> <p><i>орбаңни тјүс-</i> / <i>јүрбеңни тјүс-</i>¹⁵ ‘испугаться (от неожиданности)’; <i>Тирен ағабыс отаанаң јүрбеңнебинең сыға тјүсті</i>¹⁶ ‘Дед Тирен из шалаша, сильно напуганный, выскочил’.</p>

¹ Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2003. Т. 3. С. 242.

² Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2011. Т. 2. С. 766.

³ Аракчаа К. М. Сыйнак [Мараленок]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1969. С. 54.

⁴ Толковый словарь тувинского языка ... Т. 2. С. 671.

⁵ Там же. С. 785.

⁶ Толковый словарь карачаево-балкарского языка : в 3 т. Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 2005. Т. 3. С. 1058.

⁷ Там же. С. 1046.

⁸ Малкъар халкъ жомакъла [Балкарские народные сказки] / сост. З. М. Улаков. Нальчик: Изд-во «Эльбрус», 1989. С. 80.

⁹ Гуртуев Б.И. (1958) Жарыкъ танг [Ясное утро]. Нальчик: Издательство «Эльбрус», 1958. С. 83.

¹⁰ Хакасско-русский словарь / под общ. ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. С. 994.

¹¹ Там же. С. 792.

¹² Писательлер — олғаннарға. Көглер, чоохтар, нымахтар [Писатели — детям. Песни, рассказы, сказки]. Абакан, 1988. С. 202.

¹³ Хакасско-русский словарь ... С. 704.

¹⁴ Татарова В. Аат табызы. Крик турпана (на хакасском языке). Повесть. Абакан: Хак. книжное изд-во, 1991. С. 121.

¹⁵ Хакасско-русский словарь / под общ. ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. С. 311.

¹⁶ Бурнаков Ф. Тигир оды. Повесть. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства. 1977. С. 104.

Таким образом, в исследуемых языках для выражения страха помимо базовых глаголов *корт-* / *кзоркь-* / *хорых-* используются и другие глаголы, выражающие разные степени страха.

Междометные репрезентанты страха

Эмоция страха также передаётся междометиями. Среди прочих функций междометия «актуализируют ещё и психическое и эмоциональное состояние субъекта, его реакцию на изменения в окружающем мире, особенно на действия и поведения одушевлённых лиц» (Каксин, 2016: 131). Формальное устройство и семантика междометий довольно парадоксальны, т. е. междометия, как пишет В. В. Виноградов, «вне-грамматичны»¹: «они аморфны и не соотносятся с другими словами»². В синтаксическом плане междометия употребляются самостоятельно, заменяя соответствующие слова и предложения. Со стороны семантического наполнения, междометия «не обладая номинативной функцией, имеют осознанное коллективом смысловое содержание...» (там же: 745), т. е. обладают «понятным для каждого человека общим содержанием» (Бабенко, 1989: 70).

Тувинский язык	Карачаево-балкарский язык	Хакасский язык
<p>Ии выражает испуг, опасение³:</p> <p><i>Ии, ынчалбас</i> 'Ии, так нельзя делать'.</p> <p>Ии-дадай выражает испуг, опасение⁴:</p> <p><i>Ии-дадай, коргунчуун</i> 'Ии-дадай, как страшно'.</p>	<p><i>Ой, ой кюнюм, оу</i> выражают испуг, отчаяние, боль⁵; <i>Оу эшигим, оу кюнюм, о хахай</i> (крик, извещающий об опасности)⁶:</p> <p><i>Оу эшигим, не болду санга?! 'О боже, что с тобой случилось?'</i></p> <p>—<i>Ой, мен харип! — деп, [Антон] кычырыкь эте, фазтонда сюрюше, тыпырдайды</i>⁷ — 'Ой, я несчастный! — кричит (Антон), дрыгая в фазтоне;</p> <p>[Добай тенглерине:] — <i>О хахай, квачыгъыз, — деп, кычырды!</i>⁸</p> <p>'[Добай своим друзьям:] — <i>О хахай, бегите, — крикнул!</i>'</p>	<p><i>Халах, хосханах, йо, ой, эй, эке-ейе и др.:</i></p> <p>— <i>Йо, ниме пол парды полчаң? — сағыссырабысхан пай</i>⁹ (Ат, 73)</p> <p>'Йо, [русс. ой], что же случилось? — стал тревожиться богач» (Чертыхова, Каксин, 2018: 150).</p>

В тувинском языке для выражения страха используются междометия *ии, ой, авай, авайым, авайым баш, ии-дадай, дадайым*.

Наиболее частотное междометие *авай* 'мамочка' выражает внезапный страх, вздрагивание при внезапном страхе: *Авай, авай! Уё, уё, аашкылын!* (Е. Танова) 'Мамочка! Уё, уё, больно'¹⁰. Отметим, что *авай* 'мамочка' — есть калькированный вариант русского переносного междометия *мамочка*.

Авайым, авайым баш, авайым ай, междометие выражает страх: *Ой, бурганым, авайым! — дээш, ийи саарын чарс кылдыр часкап алгырарлар* (С. Сарыг-оол) 'Ой, мой бог, мамочка моя! — сказав, хлестают по крупам (лошадей) со звуком 'чарс' и кричат'¹¹.

¹ Виноградов В. В. Русский язык : (Грамматическое учение о слове): учебное пособие для высших учебных заведений. М.; Л.: Учпедгиз, 1947. С. 755.

² Там же.

³ Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2003. Т. 3. С. 582.

⁴ Там же. С. 582.

⁵ Толковый словарь карачаево-балкарского языка: в 3-х т. / ред. А. А. Жаппуев. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2002. Т. 2. С. 1021.

⁶ Там же. С. 1085–1086.

⁷ Гуртуев Б.И. Жангы талисман [Новый талисман]. Нальчик: Издательство «Эльбрус», 1970. С. 379.

⁸ Татарова В. Аат табызы [Крик турпана]. Повесть. Абакан: Хакасское книжное издательство. 1991. 198 с.

⁹ Этезов О. М. Тарда [В теснине]. Нальчик: Издательство «Эльбрус», 1961. С. 42.

¹⁰ Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2003. Т. 3. С. 50.

¹¹ Там же.

Слово *дадай* с аффиксами принадлежности 1-го л. ед. ч. самостоятельно или в сочетании со словами-междометиями *ай, баш, ыңай* употребляется в значении «ой, как мне страшно»:

- *Дадайым, бак-ла чүве ыңай турзун!* (С. Сарыг-оол) букв. 'Ой, как мне страшно, пусть плохое стоит далеко';
- *Дадайым ай, чаш оол корга бербес бе?* (Б. Ондар) букв. 'Ой, как мне страшно, ребенок не испугается';
- *Дадайым баш, кижид-даа дөңгелик сыртаны бээр ийне* (В. Көк-оол) букв. 'Ой, как мне страшно, как бы мне подушкой не стала кочка (как бы я не умер)';
- *Дадайым ыңай, будула бербээн ыйнаан моң, уруг* (С. Пюрбю) букв. 'Ой, как мне страшно, не делает ли что-то предосудительное девушка (не запуталась ли девушка)'¹.

В грамматике тувинского языка слово *дадайым* отмечено среди слов, этимологически связанных со знаменательными частями речи, которые утратили функцию названия и стали простыми выразителями чувств и волеизъявлений, обычно именуемыми «вторичными или производными междометиями», утратившими самостоятельное лексическое значение и выполняющими функцию междометий». «*Дадайым!* 'ужас!' (букв.: 'ужас мой' от *дадай* 'страх', 'ужас'; выражает также чувство сильного опасения: *Дадайым, кижичечек үрөптөрүн* 'Ой, как бы мне не испортить (не помять) цветов' (букв.: 'Ой, ужас, — человек испортит цветы'). *Ии дадайым!* 'Страх-то какой!' 'О ужас!' (Исхаков, Пальмбах, 1961: 457).

В хакасском языке глаголы со значением негативной эмоции (беспокойства, тревоги, досады и др.) часто сопровождают прямую речь с междометиями *халах, хосханах, йо, ой, эй, эке-ейе* и др. По сути же, эти междометия многозначны, они указывают как на страх, так и на удивление субъекта.

Таким образом, в исследуемых языках междометия в основном используются в составе прямой речи и сопровождаются эмотивными глаголами со значением тревоги, досады, беспокойства, испуга, отчаяния, боли и др.

Фразеологизмы со значением страха

Как средство для выражения интенсивности и насыщенности эмоционального переживания страха также используются фразеологические единицы. Фразеологизмы являются хранилищем информации как о внешнем, так и о внутреннем мире человека, о том, как эмоциональное состояние человека проявляется внешне и как оно оценивается обществом. В исследуемых языках широко представлены фразеологические единицы, выражающие эмоцию страха, что даёт основание говорить о сложной концептуальной структуре данной эмоции, например, хакасские фразеологические единицы *сағыс сых-* «испытывать сильный страх; букв. мысли улетучились»; *изин сығар-* «очень сильно напугать кого-л.; букв. [его] мысли вынести»; *ис-хут чох пол-* «податься сильному страху; букв. быть без сознания и души» и др. указывают на причастность эмоции страха к мыслительной деятельности. *Айнаның хоосхалары, изим сығардылар хаарғаннар! — тўкўрче —* Проклятые кошки, до смерти напугали меня! — плюёт.

В целях конкретизации интенсивности проявления страха в предложениях используются и другие языковые средства, которые конкретизируют и дополняют содержание эмоционального состояния субъекта. Особый интерес представляют фразеологизмы, в составе которых содержатся соматизмы, наиболее ярко выражающие национально-специфические черты этнического мировидения. К таковым относятся фразеологизмы, которые основываются, в основном, на номинациях частей тела человека, подвергающихся воздействию страха. Фактологические данные позволяют установить, что диапазон употребления таких фразеологизмов довольно широк и разнообразен, семантический анализ которых позволил выделить определённые семантические разновидности использования соматизмов в структуре фразеологизмов. В этой связи могут происходить различные физиологические изменения в состоянии человека, например, могут дрожать конечности, замирать всё тело, бледнеть лицо, останавливаться ритм дыхания и т. д. Однако здесь отмечаются, в основном, фразеологизмы, калькированные с русского языка.

¹ Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2003. Т. 3. С. 373.

Например, в тувинском языке:

- *эди соолаш дээр* ‘мурашки побежали по спине’; букв. ‘чувствовать в теле внезапное охлаждение’;
- *эдим соолаш-ла диди* ‘у меня по спине побежали мурашки’; *эди соор* ‘букв. тело его охлаждается’ (Хертек, 1975: 203);
- *куйга-баш адыяр* ‘волосы становятся дыбом’ (там же: 114).

Сильно испугаться¹: ...*Сыйбың херээженнер көргенде, ооң куйга-башы адыяр апарган*² ‘...У него волосы становились дыбом, когда он видел легкомысленных женщин’;

В карачаево-балкарском языке:

- бети агъарды* ‘лицо побледнело’;
- бети акъ кисейча болду* ‘лицо стало как белый ситец’;
- бети акъ учхун болду* ‘лицо стало похоже на белую искру’³;
- солуу тыйылды* ‘перехватило дыхание’⁴.

*Биягъы Эгеуню къалтырауукъ алды, болсада, кесини жунчугъанын жашырыр умут бла махтанды*⁵ ‘Снова Эгеу охватила дрожь, пытаюсь скрыть свою растерянность, он начал хвастаться’;

*Марзият бахчада бир ауана эслеп, къоркъгъандан, сын къатды*⁶ ‘Марзият, увидев в огороде какую-то тень, замерла от страха’;

*Итден къоркъуп, сабийчикни солуу тыйылды*⁷ ‘Испугавшись собаки, у ребенка перехватило дыхание’ и др.

В хакасском языке:

хут табанзар оила- ‘сильно напугаться’; букв. ‘душа убежала в пятки’. *Саар азах чолда абаның ізін көре ле, Пайсанның худы табанзар оилабысхан*⁸ ‘Увидев следы медведя на тропинке, Пайсан сильно испугался (букв. его дух убежал в пятки).

В тувинском языке на тему выхода души *хут / кут* ‘душа’, ‘дух’ из тела отмечается разнообразие фразеологизмов:

- куду үнер* букв. ‘душа его выйдет’, ‘сильно перепугаться’ (Хертек, 1975: 113);
- куду чайлаар* ‘сильно перепугаться; букв. ‘душа его отойдет’ (там же: 113);
- куду чанар* ‘сильно перепугаться’, букв. ‘душа его уходит домой’;
- кудун ышкынар* ‘сильно перепугаться’; букв. ‘потерять свою душу’ (там же: 113).

Е. В. Тюнтешева отмечает, что «во всех тюркских языках данный термин употребляется во фразеологических единицах со значением “сильно испугаться”, так как считалось, что от испуга душа-кут может вылететь и человек болеет, если шаман не вернёт её на место» (Тюнтешева, 2006: 61).

Следует отметить, что в основе сильного страха лежит образ холода, связанный с замедлением движения крови, с его оттоком от конечностей. Это приводит к эффекту похолодания, например:

¹ Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2003. Т. 3. С. 228.

² Байсалова З. С. Сураc. [Незаконнорожденный]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1997. С. 40.

³ Толковый словарь карачаево-балкарского языка : в 3 т. / ред. И. Х. Ахматов, А. А. Жаппуев. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1996. Т. 1. С. 403.

⁴ Толковый словарь карачаево-балкарского языка : в 3 т. / ред. А. А. Жаппуев. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2005. Т. 3. С. 185.

⁵ Залиханов Ж. Ж. Тау къушла [Горные орлы]. Нальчик: Издательство «Эльбрус», 1962. С. 360.

⁶ Залиханов Ж. Ж. Тау къушла [Горные орлы]. Нальчик: Издательство «Эльбрус», 1962. С. 327.

⁷ Гуртуев Б. И. Жангы талисман [Новый талисман]. Нальчик: Издательство «Эльбрус», 1970. С. 278.

⁸ Писательлер — олғаннарға. Көглер, чоохтар, ныхахтар [Писатели — детям. Песни, рассказы, сказки]. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного изд-ва, 1988. (На хакас. яз.) С. 291.

Тувинский язык	Карачаево-балкарский язык	Хакасский язык
<p><i>эди-кежи соор</i> ‘сильно испугаться’, букв. ‘чувствовать в теле внезапное охлаждение’; <i>эди-ханы соор</i> ‘сильно испугаться’; букв. ‘чувствовать в теле (крови) внезапное охлаждение’: <i>Эдим соолаш-ла диди</i> ‘У меня по спине побежали мурашки’; <i>эди соор</i> букв. ‘тело его охлаждается’ (Хертек, 1975: 203).</p>	<p><i>ичими сууукь алды</i> ‘сильно испугался’; букв. ‘все моё нутро охватил холод’), <i>сууукь тер басды</i> ‘сильно испугаться’, букв. ‘накрыл холодный пот’: <i>Кьоркьгъандан, ичими сууукь алды</i> ‘От страха все мое нутро охватил холод’.</p>	<p><i>идинче соох чүгүр</i>- ‘испытывать сильный страх’; букв. ‘по телу холод пробегает’, <i>чүрекке соох ойла-</i> ‘испытывать сильный страх’, букв. ‘по сердцу холод пробегает’ и т. д.: <i>Аны көр салғандох, чүрееме соох ойлабысхан</i>¹ ‘Как только [я] увидел его, по [моему] сердцу пробежал холод’.</p>

Таким образом, анализ фразеологических единиц, репрезентирующих эмоцию страха, позволил выявить некоторые семантические разновидности фразеологизмов, в состав которых входят соматизмы типа спина, лицо, язык, глаза и т. д., и таких субстанций как душа и кровь, в основном, калькированные с русского языка. В этом плане наиболее богатый материал фразеологизмов демонстрирует карачаево-балкарский язык.

Заключение

Эмоция страха является одной из базовых, которой характерно многообразие форм проявления и существования. В трех тюркских языках, которые мы рассмотрели, причины возникновения эмоции страха почти идентичны. Учитывая универсальность и доминантность данной эмоции, следует отметить, что спектр средств репрезентации страха в тувинском, карачаево-балкарском и хакасском языках чрезвычайно разнообразен. Эмоция страха выражается различными видами предикатов, среди которых глаголы чаще всего выступают в качестве репрезентанта предикативных выражений и предложений.

В тувинском, карачаево-балкарском и хакасском языках эмоцию страха выражают общетюркские глаголы, которые в семантическом отношении делятся на две категории: а) глаголы, указывающие на переживание сильной степени страха; б) глаголы, указывающие на переживание слабой степени страха. Сильная степень страха в тувинском и карачаево-балкарском языках может передаваться сложными глаголами, в том числе и парными. В хакасском языке, по нашим сведениям, парные глаголы не используются. Также в выражении сильного неожиданного страха и испуга в семантике экспрессивных глаголов присутствует компонент телодвижения (вздрагивания).

Глаголы, указывающие слабую степень страха, как правило, во всех трёх исследуемых языках несколько меняют свою семантику: признак «интенсивность страха» может быть заменён признаком длительности процесса страха, переходящими в категорию глаголов со значением «опасаться, настораживаться».

Эмоция страха в тувинском, карачаево-балкарском и хакасском языках передаётся междометными конструкциями, которые входят в состав прямой речи и сопровождаются эмотивными глаголами. Отдельную категорию представляют соматические фразеологизмы, описывающие воздействие страха на организм человека. В этом случае используются фразеологизмы, копирующие семантики русских фразеологизмов, в стиле «бледнеет лицо», «перехватывает дыхание», «отнимаются руки-ноги», «пробежали мурашки по телу» и т. д. В отличие от карачаево-балкарского языка в хакасском языке имеются фразеологические единицы, указывающие на причастность эмоции страха к мыслительной деятельности.

¹ Кобяков В., Топанов А. Хызыл чазы [Красная степь]. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного изд-ва, 1982. (На хак. яз.). С. 83.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахматова, М. А. (2018) Концепт «страх» в карачаево-балкарском языке // Мир Востока и мир Запада: проблемы и перспективы: сборник научных статей Международной научно-практической конференции / редкол.: С. Д. Галиуллина (отв. ред.) и др. Уфа : Изд-во Уфимского государственного нефтяного технического университета. 584 с. С. 73–76.
- Бабенко, Л. Г. (1989) Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск : Изд-во Уральского университета. 184 с.
- Захаров, А. И. (2000) Происхождение детских неврозов и психотерапия. М. : ЭКСМО-Пресс. 448 с.
- Изард, К. Э. (2012) Психология эмоций. СПб. : Издательство «Питер». 464 с.
- Исхаков, Ф. Г., Пальмбаха А. А. (1961) Грамматика тувинского языка. М. : Издательство восточной литературы. 471 с.
- Каксин, А. Д. (2016) О семантической нагрузке междометия *ыйу* // Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий: материалы III Международной конференции, посвящённой 155-летию И. М. Штыгашева / отв. ред. В. Н. Тугужекова. Абакан : ООО «Книжное издательство “Бригантина”». 172 с. С. 131–133.
- Красавский, Н. А. (2008) Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. М. : Гнозис. 374 с.
- Левитов, Н. Д. (1964) О психических состояниях человека. М. : Просвещение. 343 с.
- Ляшенко, Н. А., Баталина, Е. А. (2017) К вопросу о языковых средствах вербализации концепта *FEAR* в современном английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 10 (76): в 3-х ч. Ч. 1. С. 133-137.
- Татаринцев, Б. И. (2004) Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука. Т. III. 440 с.
- Тюнтешева, Е. В. (2006) Человек и его мир в зеркале фразеологии. Новосибирск : Институт филологии СО РАН. 224 с.
- Фрейд, З. (2014) Введение в психоанализ: лекции / пер. с нем. Г. В. Барышниковой; под ред. Е. Е. Соколовой, Т. В. Родиновой. СПб. : Азбука ; Азбука-Аттикус. 446 с.
- Хайдеггер, М. (1993) Время и бытие : статьи и выступления. М. : Республика. 447 с.
- Хертек, Я. Ш. (1975) Тувинско-русский фразеологический словарь. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 204 с.
- Хисматуллина, Р. Б. (2016) Эмоциональная специфика фразеологических единиц с лексемой «СЕРДЦЕ//ЙӨРӨК», репрезентирующих чувства страха и мужества (сопоставительный аспект) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 1(55): в 2-х ч. Ч. 2. С. 187–190.
- Чертыкова, М. Д. (2015) Глаголы со значением эмоции в хакасском языке: парадигматика и синтагматика. Абакан : Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова». 160 с.
- Чертыкова, М. Д., Каксин А. Д. (2018) Междометия как маркер речевого выражения эмоций в хакасском языке // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. № 11–2. С. 148–152. DOI: <https://www.doi.org/10.24411/2500-1000-2018-10216>
- Шаховский, В. И. (1994) Типы значений эмотивной лексики // Вопросы языкознания. № 1. С. 20–25.
- Щербатых, Ю. В., Ивлева Е. И. (1998) Психофизиологические и клинические аспекты страха, тревоги и фобий. Воронеж : Истоки. 281 с.

Дата поступления: 22.06.2021 г.

REFERENCES

- Akhmatova, M. A. (2018) Kontsept «strakh» v karachaevo-balkarskom iazyke [The concept of “fear” in the Karachay-Balkar language]. In: *Mir Vostoka i mir Zapada: problemy i perspektivy [The World of the East and the world of the West: problems and prospects]: a collection of papers presented at the International Scientific and Practical Conference / ed. by S. D. Galiullina et al. Ufa, Publishing House of Ufa State Petroleum Technical University. 584 p. Pp. 73–76. (In Russ.)*.
- Babenco, L. G. (1989) *Leksicheskie sredstva oboznacheniiia emotsii v russkom iazyke [Lexical means of expressing emotion in the Russian language].* Sverdlovsk, Publishing House of the Ural University. 184 p. (In Russ.).
- Zakharov, A. I. (2000) *Proiskhozhdenie detskikh nevrozov i psikhoterapiia [The origin of childhood neuroses and psychotherapy].* Moscow, EKSMO-Press. 448 p. (In Russ.).

Izard, C. (2012) *Psikhologiya emotsii [The psychology of emotions]*. Transl. from Engl. St. Petersburg, Piter. 464 p. (In Russ.).

Iskhakov, Ph. G. and Pal'mbakh, A. A. (1961) *Grammatika tuvinskogo iazyka. Fonetika i morfologiya [A grammar of the Tuvan language: Phonetics and morphology]*. Moscow, Vostochnaia literature Publ. 472 p. (In Russ.).

Kaksin, A. D. (2016) O semanticheskoi nagruzke mezhdometiia yiu [On the semantic load of the interjection 'yiu']. In: *Narody i kul'tury Saiano-Altai i sopredel'nykh territorii [Peoples and cultures of Sayano-Altai and adjacent territories]: proceedings of the 3rd International Conference dedicated to the 155th anniversary of I. M. Shtygashev / ed. by V. N. Tuguzhekova. Abakan, Brigantina. 172 p. Pp. 131–133. (In Russ.).*

Krasavskii, N. A. (2008) *Emotsional'nye kontsepty v nemetskoj i russkoj lingvokul'turakh [Emotional concepts in German and Russian linguistic cultures]*. Moscow, Gnozis. 374 p. (In Russ.).

Levitov, N. D. (1964) *O psikhicheskikh sostoianiiakh cheloveka [On mental states of a person]*. Moscow, Prosveshchenie. 343 p. (In Russ.).

Liashenko, N. A. and Batalina, E. A. (2017) K voprosu o iazykovykh sredstvakh verbalizatsii kontsepta FEAR v sovremennom angliiskom iazyke [On linguistic means of verbalizing the concept of 'fear' in contemporary English]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 10 (76): in 3 parts. Part. 1, pp. 133–137. (In Russ.).

Tatarintsev, B. I. (2004) *Etimologicheskii slovar' tuvinskogo iazyka [An etymological dictionary of the Tuvan language]*. Novosibirsk, Nauka. Vol. 3. 440 p. (In Russ.).

Tiuntseva, E. V. (2006) *Chelovek i ego mir v zerkale frazeologii [Man and his world in the mirror of phraseology]*. Novosibirsk, Institute of Philology SB RAS. 224 p. (In Russ.).

Freud, S. (2014) *Vvedenie v psikhoanaliz [Einführung in die Psychoanalyse]: / transl. from Germ. by G. V. Baryshnikova; ed. by E. E. Sokolova and T. V. Rodinova. St. Petersburg. Azbuka; Azbuka-Attikus. 446 p. (In Russ.)*

Heidegger, M. (1993) *Vremia i bytie [Sein und Zeit]*. Transl. from Germ. Moscow, Respublika. 447 p. (In Russ.).

Khertek, Ya. Sh. (1975) *Tuvinsko-russkii frazeologicheskii slovar' [A Tuvan-Russian phraseological dictionary]*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 204 p. (In Russ.).

Khismatullina, R. B. (2016) Emotsional'naya spetsifika frazeologicheskikh edinit s leksemoi «SERDTSE//IÖRÖK», reprezentiruiushchikh chuvstva strakha i muzhestva (sopostavitel'nyi aspekt) [Emotional character of phraseological units with the lexeme "HEART//YORAK", representing feelings of fear and courage: the (comparative aspect)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 1(55): in 2 parts, part 2, pp. 187–190. (In Russ.).

Chertykova, M. D. (2015) *Glagoly so znacheniem emotsii v khakasskom iazyke: paradigmatica i sintagmatika [Verbs with the meaning of emotion in the Khakass language: paradigmatics and syntagmatics]*. Abakan, Publishing House of the N. F. Katanov Khakass State University. 160 p. (In Russ.).

Chertykova, M. D. and Kaksin A. D., (2018) Mezhdometiia kak marker rechevogo vyrazheniia emotsii v khakasskom iazyke [Interjections as a marker of speech expression of emotions in the Khakass language]. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, no. 11–2, pp. 148–152. (In Russ.) DOI: <https://www.doi.org/10.24411/2500-1000-2018-10216>

Shakhovskii, V. I. (1994) Tipy znachenii emotivnoi leksiki [Types of meanings of emotive vocabulary]. *Voprosy iazykoznanii*, no. 1, pp. 20–25. (In Russ.).

Shcherbatykh, Yu. V. and Ivleva E. I. (1998) *Psikhoфизиологические и клинические аспекты страха, тревоги и фобии [Psychophysiological and clinical aspects of fear, anxiety and phobias]*. Voronezh, Istoki. 281 p.

Submission date: 22.06.2021.

Советская модернность в визуальной перспективе (на примере ойрат-калмыков и тувинцев)

Любовь Б. Четырова, Наталия М. Сергеева

Самарский национальный исследовательский университет им. С. П. Королева, Российская Федерация

В статье анализируется в визуальной перспективе ранний советский опыт модерности, пережитый ойрат-калмыками и тувинцами в 1930-е гг. Такая перспектива позволяет рассмотреть свидетельства реализации советского проекта создания «нового человека», установить знаки модерности в визуальных репрезентациях представителей данных народов. В статье применяется деколониальный подход, согласно которому модернность понимается как эпистемическая рамка, неразрывно связанная в данном случае с советским колониальным проектом.

Источниковой базой исследования стали фотодокументы 1930-х гг., которые хранятся в Национальном архиве Республики Тыва (г. Кызыл, Россия), Национальном архиве Республики Калмыкия и Национальном музее Республики Калмыкия имени Н. Н. Пальмова (г. Элиста, Россия).

Анализ фотографий ойрат-калмыков и тувинцев 1930-х гг. позволил выявить визуальный канон фотодокументалистики данного периода, а именно канон репрезентации и самопрезентации «нового человека»: отсутствие женственности в униформе женщин, строгость, собранность и дисциплинированность в одежде и позах, стойка «смирно», белая парадная рубашка, стремление «не выделяться», быть как все, слиться с коллективом. В результате анализа были выделены знаки модерности/колониальности, присутствующие как в репрезентации телесности, так и в среде обитания ойрат-калмыков и тувинцев. Установлено общее и особенное в фотодокументации ойрат-калмыков и тувинцев и, соответственно, в визуальных знаках модерности/колониальности. К общему относится одежда и головные уборы европейского образца, короткие стрижки у женщин, использование советской символики в виде флагов, знамен, газет, демонстрирующих стремление к просвещённости, единение с коллективом, преимущественно строгая геометрия расположения группы в пространстве. Несмотря на однотипность визуальной репрезентации ойрат-калмыков и тувинцев как участников проекта создания «нового человека», в их визуальных образах есть частные различия. Они определяются особенностями формирования советской модерности у этих народов: предшествующим опытом столкновения с модерностью, степенью сохранности традиционной культуры, а также культурными кодами, нормирующими телесные

практики.

Ключевые слова: модернность; колониальность; визуальный образ; визуальная социология; визуальная антропология; деколониальный подход; фотография; ойрат-калмыки; тувинцы; Тувинская Народная Республика; Калмыкия; советский период

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01767: <https://rscf.ru/project/22-28-01767/>

Для цитирования:

Четырова Л. Б., Сергеева Н. М. Советская модернность в визуальной перспективе (на примере ойрат-калмыков и тувинцев) // Новые исследования Тувы. 2022, № 2. С. 239-262. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.2.17>

Четырова Любовь Борисовна — доктор философских наук, профессор кафедры философии Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева. Адрес: 443086, Россия, г. Самара, Московское ш., д. 34. Тел.: +7 (846) 337-99-54. Эл. адрес: chetyrova@gmail.com

Сергеева Наталия Михайловна — кандидат социологических наук, доцент кафедры методологии социологических и маркетинговых исследований Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева. Адрес: 443086, Россия, г. Самара, Московское ш., д. 34. Тел.: +7 (846) 337-99-88. Эл. адрес: bo-na-mi@yandex.ru

Soviet modernity in visual perspective: the cases of Kalmyks and Tuvans

Lyubov B. Chetyrova, Nataliya M. Sergeeva

Samara University, Russian Federation

The article examines from a visual perspective the early Soviet experience of modernity, as experienced by the Oirat-Kalmyks and Tuvans in the 1930s. This perspective allows us to consider the evidence of the Soviet project of creating a «new man» and establish the signs of modernity in the visual representations of these peoples. The article relies on the decolonial approach, which sees modernity as an epistemic framework, which in this case is inextricably linked with the Soviet colonial project.

The source base for the study is the photographic documents of the 1930s, preserved at the National Archives of the Republic of Tuva (Kyzyl, Russia), the National Archives of the Republic of Kalmykia and the N. N. Palmov National Museum of the Republic of Kalmykia (both in Elista, Russia).

The analysis of the 1930s photographs of the Oirat-Kalmyks and Tuvans revealed the visual canon for the photodocumentaries of the period, namely, the canon of representation and self-presentation of the «new man». Among other things, some issues were typical: a lack of femininity in the women's uniform, austerity, orderliness and discipline in both clothing and poses, standing at attention, white dress shirt, and the desire «not to stand out», look like everyone else, and merge into the group. In the course of study, further signs of modernity/coloniality were identified in the representation of corporeality, as well as in the life environment of the Oirat-Kalmyks and Tuvans. It was important also to focus on the common and the irregular in how the life of Oirat-Kalmyks and Tuvans was photodocumented and, so in the visual signs of modernity/coloniality established in such a way. The common features include European-style clothing and headdresses, short haircuts for women, the use of Soviet symbols (flags, banners, or newspapers) to indicate the will for enlightenment, unity with the collective, and predominantly strict geometry of the group arrangement in space. Although the Oirat-Kalmyks and Tuvans as participants in the project of creating a «new man» were represented in the same way, there is a good deal of irregularity and difference in their visual images, determined by specific trajectories the Soviet modernity took to reach these people. Including their previous experience of modernity, how well these people preserved their traditional culture, and the cultural codes that worked in them to normalize body practices.

Keywords: modernity; coloniality; visual image; visual sociology; visual anthropology; decolonial approach; photography; Oirat-Kalmyks; Tuvans; Kalmykia; Tuvan People's Republic; Soviet period

The research was carried out by financial support of the Russian Science Foundation, grant no. 22-28-01767, <https://rscf.ru/project/22-28-01767/>

For citation:

Chetyrova L. B. and Sergeeva N. M. Sovetskaia modernost' v vizual'noi perspektive (na primere oirat-kalmykov i tuvintsev) [Soviet modernity in visual perspective: the cases of Kalmyks and Tuvans]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 2, pp. 239-262. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.2.17>

CHETYROVA, Lyubov Borisovna, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Samara University. Postal address: 34 Moskovskoye shosse, 443086 Samara, Russian Federation. Tel.: +7 (846) 337-99-54. E-mail: chetyrova@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-5064-8735

SERGEeva, Nataliya Mikhailovna, Candidate of Sociology, Associate Professor of the Department of Sociological and Marketing Research Methodology, Samara University. Postal address: 34 Moskovskoye shosse, 443086 Samara, Russian Federation. Tel.: +7 (846) 337-99-88. E-mail: bo-na-mi@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-3569-5397

Введение

В рейтингах экономического и социального развития российских регионов национальные автономии, как правило, занимают последние позиции¹. Одна из причин их отставания, на наш взгляд, кроется в том, как был реализован проект советской модерности в этнических регионах.

Цель статьи — рассмотреть в визуальной перспективе результаты советского проекта создания «нового человека» из представителей таких этносов, как ойрат-калмыки и тувинцы. Это позволяет показать плоды антропологической революции, осуществившейся в ходе реализации проекта советской модерности на территориях с азиатской культурой. Выбор указанных этносов, один из которых монголоязычный, второй — тюркоязычный, объясняется тем, что они принадлежали к кочевой скотоводческой культуре, были и остаются носителями буддийской религии.

Методологическим и методическим основанием анализа знаков модерности, проявленных в архивных фотодокументах, выступают принципы визуальной антропологии и визуальной социологии. В традициях первой мы рассматриваем конкретные способы существования человека, совокупности ритуалов и повседневных практик, сформированные изучаемым сообществом людей (Усманова, 2007), т. е. всё то, что представлено визуально и несет на себе отпечаток социальной жизни. Кроме того, выражаясь словами Е. В. Александрова, визуальная антропология позволяет нам получить визуальную информацию о малоизвестных сторонах жизни общества с целью осуществления диалога культур (Александров, 1997). В то же время сквозь оптику визуальной социологии мы фокусируемся на визуальных проявлениях форм взаимодействия и взаимоотношения людей на снимках, а именно, представителях новой революционной власти и представителях национальных меньшинств². Иначе говоря, визуальная антропология и визуальная социология взаимодополняют друг друга в решении поставленных нами исследовательских задач, и исключение принципов одной из них сделало бы анализ неполным.

Отмеченные методологические основания позволяют представить фотографии в роли условной рамки явлений, связанных с процессами модерности/колониальности. Фотокамера, фиксируя внешние материальные признаки, направляется волей и рукой фотографа, который часто выполняет задачи, сформулированные заказчиком. При этом заказчик фотографии указывает, как следует осуществлять репрезентацию этих внешних материальных признаков, чтобы создать вполне определенный визуальный образ, предлагаемый публике. Направленность взгляда, ракурс съёмки — это всегда формирование отношения к объекту фотографирования. Так, с помощью фотокамеры можно упразднить различия или, наоборот, подчеркнуть общее, указать на доминирование культуры или, напротив, ее принижение, особенно в случае с субалтернами.

Нужно заметить, что методы визуальной аналитики этнографических и исторических данных лишь недавно стали применяться к анализу богатейшего визуального наследия, оставленного учеными, изучавшими этнические окраины российской империи. Одна из таких работ представлена учеными антропологами, которые осуществили визуальную репрезентацию Сахалина и Камчатки в конце XIX — начале XX века (Головнева, Головнев, 2021).

Для анализа взяты фотодокументы 30-х годов XX века, хранящиеся в Национальном архиве Республики Тыва (НА РТ), Национальном архиве Республики Калмыкия (НА РК), Национальном музее Республики Калмыкия имени Н. Н. Пальмова (НМ РК).

Фотографии анализируются нами на уровне контента и контекста с применением основных способов интерпретации, прежде всего семиотического, структурного и иконографического подходов. При этом мы выявляем роли агентов фотографического процесса, а также вычленим визуальный канон фотодокументалистики данного периода. Важным вспомогательным материалом при анализе являются подписи. Подписи, являясь языковым сообщением в классификации сообщений согласно

¹ Автор теории «четырёх России» Н. Зубаревич к четвертой России относит такие слаборазвитые регионы, как Тыва, Алтай, Хакасия. Здесь урбанизация начата позднее, не завершена демографический переход, повышена рождаемость, сохранилась патриархально-клановая структура общества, велика роль религии. См.: Зубаревич Н. Четыре России и новая политическая реальность. 2016 [Электронный ресурс] // Полит.Ру. 2016, 17 января. URL: https://polit.ru/article/2016/01/17/four_russians/ (дата обращения: 11.02.2022).

² Антропология и социология [Электронный ресурс] // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 12–168. URL: https://anthropologie.kunstkamera.ru/06/2012_16 (дата обращения: 20.03.2022).

Р. Барту, направляют и закрепляют иконическое сообщение (Барт, 1989: 303–306). Однако лишь немногие из анализируемых снимков имеют подписи, сделанные самим фотографом, поэтому они не являются в данном случае предметом интерпретации. Что же касается формальных архивных подписей, то они позволяют прояснить контекст и время фотосъёмки. В результате проделанного анализа будет выявлено общее и особенное в фотодокументировании ойрат-калмыков и тувинцев и, соответственно, знаках модерности в визуальных образах субалтернов¹.

Опыт советской модерности

Прежде чем перейти к анализу визуальных образов ойрат-калмыков и тувинцев, необходимо остановиться на том, как понимается нами модерность.

В статье, открывшей дискуссию в журнале «Новое литературное обозрение» в 2016 г. № 4 по вопросу о существовании/несуществовании советской модерности, М. Дэвис-Фокс дает определение модерности как совокупности амбициозных планов и дискурсов, нацеленных на формирование и даже перекраивание культуры, общества и человека (Дэвис-Фокс, 2016: Электр. ресурс). Он выделяет четыре основных точки зрения на российско-советскую модерность на основании дискуссий последних лет: 1) отсутствие модерности; 2) признание универсальности модерности и, соответственно, отнесение советского и российского государства к современным государствам; 3) наличие множественности парадигм модерности, среди которых советская модель была альтернативной; 4) модель «переплетенной модерности», согласно которой советское государство было задействовано в разных парадигмах модерности, причем по-разному. Две первые модели он считает упрощенными. Дэвис-Фокс полагает, что применить теорию модерности к анализу советского опыта следует, развивая две последние концепции — множественную (альтернативную) и «переплетенные модерности»: «Транснациональное, международное и глобальное измерения модерности можно изучать, одновременно признавая, что советский коммунизм представлял собой упорядоченное, по сути, явление, которое понималось и создавалось как путь развития, призванный помочь стране обогнать современный Запад, бороться с ним и “похоронить” его», — пишет он (там же)².

На наш взгляд, предлагаемое им применение и развитие этих двух концепций — множественной (альтернативной) и «переплетенной модерности» к анализу советского опыта — плодотворно.

Идею множественности модерности выдвинул в начале 2000-х годов социолог Ш. Н. Эйзенштадт, предложивший учитывать наряду с другими не-западными модерностями. Благодаря этому стала возможной «де-вестернизация» дискурса о модерности и лишение Запада монополии на нее (Eisenstadt, 2000: 24). В этой перспективе советский опыт модерности получал право на существование и рассмотрение как не-западного опыта. Концепция же переплетенных модерностей возникла в рамках постколониального подхода как осознание того, что переход к модерности имперской метрополии желательно рассматривать в единстве с их колониями (Дэвис-Фокс, 2016: Электр. ресурс).

Полагаем, что рассмотрение модерности в имперском контексте открывает возможность исследовать формирование модерности в единстве метрополии и колонии, что позволяет понять становление советской модерности. В этом случае модерность оказывается связанной с колониальностью.

Впервые о взаимосвязи и взаимообусловленности колониальности и модерности заговорил перуанский социолог А. Кихано, обратив внимание на то, что ликвидация колоний и распад колониальных политических институтов вовсе не ведет к освобождению от колониальности власти. Последняя, по его мнению, основана на «расовой» социальной классификации населения мира под властью евроцентричного мира и пронизывает основные инстанции евроцентристской капиталистической власти, становясь ее краеугольным камнем (Quijano, 2007: 171). Фокусируя свое внимание на связи между колониализмом и нарративом модерности, Кихано обосновывает тезис о том, что, с одной стороны, колониальность имеет решающее значение для конституирования ев-

¹ Субалтерн (от англ. *subaltern* 'подчиненный') — термин, обозначающий социальные группы, лишённые политического голоса, широко используемый в пост- и деколониальных исследованиях для номинации невидимости и угнетённости подчинённых групп.

² По мнению американского историка А. Голубева, несмотря на то что часть историков фактически отрицают существование советской модерности, большая часть склонилась к признанию этого исторического феномена (Голубев, 2021: 234).

ропейской парадигмы модерности/рациональности (там же: 172). С другой стороны, эта парадигма способствует воспроизведению колониальности мировой власти. На этом основании он делает вывод о необходимости эпистемологической деколонизации, как деколониальности, необходимой для того, чтобы расчистить путь для новой межкультурной коммуникации, для обмена опытом и смыслами, как основы другой рациональности, которая может законно претендовать на некоторую универсальность (там же: 177). Модерность, следовательно, рассматривается как эпистемологическая рамка, неразрывно связанная с европейским колониальным проектом. Иначе говоря, Кихано здесь предлагает такой познавательный инструмент, который можно использовать при изучении модерности, в том числе советской.

Анализируя идеи Кихано, американский профессор латиноамериканского происхождения В. Миньоло и его соавтор К. Уолш сводят их в формулу «нет модерности без колониальности», и предлагают в качестве методологии изучения глобального мира сегодня использовать деколониальный подход (Mignolo, Walsh, 2018: 4). Они определяют модерность и колониальность как два столпа западной цивилизации. При этом цивилизация сама опирается на сложную и разнообразную структуру знания, назначение которой состоит в создании колониальной матрицы власти (там же: 141–145). С их точки зрения, колониальность не тождественна колонизации и означает, прежде всего, колониальность власти. Колониальность показывает следующее: то, что запечатлено в колониальных культурах, является следствием имперскости власти. А имперскость власти в современном/колониальном мире выражена не пушками и армиями, а словами, которые оправдывают использование оружия и армий, убеждая, что это делается для блага, спасения и счастья человечества. При этом они подчеркивают, что колониальность вписана в тела и чувства людей (там же: 140). И надо полагать, не только «колонизаторов», но и «колонизуемых».

Под деколониальностью В. Миньоло и К. Уолш понимают эпистемическую реконструкцию постоянно меняющейся цивилизационной риторики спасения, начиная с христианской и вплоть до сегодняшней неолиберальной риторики. Цель такой реконструкции состоит в том, чтобы раскрыть логику колониальности, скрывающей несправедливость, неравенство, расизм, сексизм (там же: 6). Следовательно, понимание логики колониальности требует выявления колониальных и имперских различий.

Данный подход был применен Миньоло вместе с отечественным исследователем М. Тлостановой к рассмотрению советского опыта с целью выяснить разницу между имперскими/колониальными конфигурациями, выявленными в рамках христианства, светского либерализма и марксизма, и подобными конфигурациями в России, а позднее в Советском Союзе (Tlostanova, Mignolo, 2012: 2). По их мнению, после революции 1917 г. произошел раскол проекта Просвещения на две модерности: либеральную и социалистическую (там же: 8). Они рассматривают СССР как самого последнего и самого настойчивого актора, реализовавшего проект советской модерности, но форсированная советская модерность/ колониальность была лишь актом в более крупной игре западной модерности/ колониальности. Предыдущий акт этой игры исполняла российская империя, которая сама была эпистемически и культурно колонизирована Западом и, таким образом, действовала как посредник западной модерности. Нельзя не согласиться с выводом, который они делают, что в результате западной игры модерности/колониальности Центральная Азия заняла специфическое вдвойне подчиненное пространство в сложной глобальной структуре власти (там же: 91–92).

Для нашего исследования полезным является используемое Тлостановой и Миньоло различие первой и второй модерности¹. Первую модерность, истоки которой лежат в Ренессансе (начало XVI в.), они связывают прежде всего с христианизацией колонизируемых народов, приводимых таким способом к цивилизованному состоянию. Сформировавшаяся в тот период риторика спасения заключалась в обращении колонизируемых в христианство². Россия, по словам Тлостановой и Миньоло, имела свой собственный вариант колониальности, отличавшийся тем, что в проекте колониальности главной была православная концепция Москвы Третьего Рима (там же: 40). По их словам, несмотря на отсутствие

¹ Не следует путать с понятием второй модерности, предложенного У. Беком, для которого она означает начавшуюся с 60-х годов XX в. рефлексивную фазу модерности (Бек, 2000).

² В. Миньоло подробно описывает этот процесс в книге «Темная сторона Ренессанса: грамотность, территориальность & колониальность» («The Darker Side of the Renaissance: Literacy, Territoriality, & Colonization») применительно к Латинской Америке и католическому христианству (Mignolo, 1995).

классической капиталистической модели в тогдашнем российском обществе, начало XVII в. открыло путь первой модерности. В российском случае, в отличие от западного, в период первой модерности колонизируемые рассматривались как возможные военные союзники (как это было в случае с калмыками и Калмыцким ханством) и как равные колонизаторам люди (там же: 50). Вторая модерность связана с промышленной революцией, рождением национального государства и Просвещением. Характерной ее особенностью является расиализация¹ дискурса, в котором утверждаются расовые деления, происходит легитимация расовой дискриминации и расчеловечивание колонизируемых (там же: 5).

В советский период реализации проекта второй модерности произошла коррекция расиализации согласно требованиям марксизма о равенстве нерусских, в результате чего нерусские этнические группы стали рассматриваться как «внутренние другие». Положение «внутренних других» тем не менее содержит в себе скрытые расовые членения, которые раскрылись в постсоветский период (там же: 50).

Рассмотрение советской модерности в деколониальной визуальной оптике позволяет, во-первых, выявить знаки модерности и колониальности, вписанные в тела субалтернов, во-вторых, обнаружить знаки, указывающие на новый социальный порядок, на формы взаимодействия и взаимоотношения представителей советской власти и «колонизируемых».

Колониальность реализуется с использованием цивилизационной риторики спасения, заданной христианством, где спасение «погрязших в невежестве» колонизируемых народов является центральной идеей (Mignolo, Walsh, 2018: 139). В деколониальной перспективе философия и социальная теория Маркса в своем единстве предстают как учение, разрабатывающее риторику спасения. Иначе говоря, отечественный опыт построения социализма может быть рассмотрен как реализация разработанного в марксизме проекта спасения пролетариата и всех угнетенных бывшей российской империи. На родственность главных идей марксизма и христианства — страдания и спасения, мессианства, указывают самые разные исследователи (Кантор, 1990; Gentile, 2006; Rothbard, 1990; Znamenski, 2021). Советская риторика спасения жертв царской «тюрьмы народов» артикулировалась в аффирмативной национальной политике.

Советский проект модерности включал в себя формирование общей структуры колониального знания, колониальности мышления, языка и трансформации образа жизни колонизируемых. Особенности формирования советской модерности объясняются во многом темпоральным фактором, когда за очень короткий период времени традиционная культура была преобразована в культуру советской модерности. В случае с кочевниками — ойрат-калмыками и тувинцами — закладывались основы оседлого образа жизни и административной системы по государственному / колониальному образцу. В этом случае всегда происходит, как пишет Д. Скотт, массированное, последовательное и широкомасштабное искоренение местного многообразия языков, малых народностей, локальных практик хозяйствования, форм земельной собственности, видов охоты, собирательства и лесничества, религиозных верований (Скотт, 2017: 29).

Советский проект модерности невозможно оценить однозначно, так как с одной стороны, он выражался в ликвидации неграмотности, улучшении условий жизни, формировании гигиенических практик, здравоохранения, приобщении к технике, технологиям и многим достижениям европейской культуры, с другой стороны содержал жесткие дисциплинарные практики, репрессивный аппарат, репрессию традиционной культуры. Неоднозначность результатов заложена в самом проекте модерности/колониальности, где колониальность «раскрывает скрытые измерения жизни, порождающие неудовлетворенность и гнев», а модерность приносит многие «хорошие вещи» (Mignolo, Walsh, 2018: 113).

Тем интереснее рассмотреть визуальные признаки модерности и колониальности, выявленные при анализе фотоматериалов, на которых запечатлены представители выбранных нами для анализа этносов.

¹ Расиализация — термин, обозначающий приписывание расового содержания отношениям, социальной практике или группам, которые не идентифицировали себя так. Приписывание расовой идентичности осуществляется доминирующей группой, добиваясь тем самым сохранения доминирования и социальной изоляции подчиненной группы.

Визуальные проявления советской модерности в культуре ойрат-калмыков

Частью проекта советской модерности стала начавшаяся в 1920-х — 1930-х гг. серия мероприятий «Улан гер — Красная кибитка», целью которых было улучшение быта и труда женщин Калмыцкой автономной области. В женотдел при красных кибитках входили политработники, медики, в частности акушерки, учителя, культурные работники, то есть представители новой власти. Следовательно, на фотографиях зафиксированы формы взаимодействия представителей нового социального порядка и «колонизуемых».

Деятельность красных кибиток имела четкую идеологическую цель — «раскрепощение женщины», пропаганда равенства прав мужчин и женщин, разъяснение вреда суеверий и старых обычаев (Бадугинова, 2011: 37). В красных кибитках калмычек обучали гигиеническим практикам — стирке белья с мылом, уходу за грудными детьми в европейской традиции, кройке и шитью, выпечке хлеба, работе с сепаратором и маслобойкой. При кибитках действовали небольшие библиотеки, проекторы для показа просветительских фильмов, выставки передовых предметов быта — современной одежды, утюгов, средств гигиены, столовой посуды. Женщинам Калмыцкой степи рассказывали о вреде камзолов, которые девушки-калмычки, начиная с пубертатного возраста, носили до замужества. Из-за того, что камзол стягивал грудь, советские медики считали, что он способствует развитию болезней легких. Так, в качестве одного из позитивных результатов деятельности красных кибиток велась статистика, сколько девушек сняли камзол (там же: 38).

Фото 1. Молодежный вечер у кибитки. Автор неизвестен, 1930-е годы. (НА РК, фотофонд, № 15).

Photo 1. A youth meetup by the wagon. Unknown author, 1930s (NA RK, photo collection, No. 15).

Видно, что несмотря на динамичный сюжет (танец), композиция на фотографии статичная, отсутствуют диагонали¹. Для большинства участников съёмки угол фронтальный, лобовой, кроме танцующей пары, выступающей в национальных одеждах. Следовательно, зритель одновременно ста-

¹ Динамика композиции достигается диагоналями: предметными (например, линия дороги, уходящая из левого нижнего угла в правый верхний) или ракурсом съёмки. То есть динамичная по сюжету фотография может быть статичной композиционно.

новится частью изображенного сообщества, и остаётся сторонним наблюдателем для выступающих (Kress, Van Leeuwen, 2001: 135–136).

Внешность коротко стриженной девушки-калмычки, выглядывающей из-за плеча танцующего парня, в легкой светлой европейской одежде со свободно свисающим на бедрах ремнем показывает, как модернность воплощена в ее телесности и одежде. Девушка — одна из немногих смотрит в кадр, чем завязывает интеракцию со зрителем, что тоже является нарушением традиции. Открытая улыбка, расслабленная поза, раскованная для своего времени одежда, взгляд прямо в камеру — всё это характеризует девушку-калмычку как уверенную в себе и раскрепощенную. Её приобнимает девушка европейской внешности, в схожей европейской одежде. В публикациях того времени есть свидетельства, что, например, астраханские калмычки вслед за русскими женщинами «культурно и общественно» подтянулись, в отличие от «отсталых» татарок, «религиозность которых переходит всякие границы»¹.

Следующие фотографии (фото 2) снова сделаны в контексте красной кибитки. Справа (фото 2B) показано, как раскрепощенная советская хозяйка красной кибитки (та же девушка, что и на фото 1), над входом которой видна надпись «Улан гер», приглашает женщин внутрь. Ее короткое платье, открывающее ноги и руки, которые, согласно традиции, должны быть укрыты, демонстрирует полный разрыв с калмыцкой традицией ношения одежды молодой девушкой. То же демонстрирует пояс/ремень, свободно висающий и спущенный. Внутреннее оформление кибитки составляют многочисленные агитационные и просветительские плакаты, на фоне которых просветительница обучает калмычек сепарированию молока. На фото слева (фото 2A) она стоит в центре, а с двух сторон от нее калмычки в национальной одежде. Замужние женщины с длинными косами в накосниках стоят с маленькими детьми на руках. Здесь же стоит девушка в традиционной калмыцкой одежде, в платье с длинным рукавом, присобранном внизу, чтобы прикрыть ладони. У нее длинная коса, голова прикрыта богато расшитой шапочкой. Ее фигура, в отличие от просветительницы, являет собой знак отвергаемой традиционности. Калмычки — и «просвещенные», и просвещаемые — здесь выступают в роли суб-альтернов, которых учат и научили говорить на языке советской модерности, но которые сохранили некоторые характеристики, указывающие на негативно окрашенную «традицию» (Tlostanova, Mignolo, 2012: 83).

Фото 2 (коллаж): А) Культштурм. Показ работы сепаратора. Автор неизвестен, 1930-е годы (НМ РК, фотодокументальный фонд, КП № 1333-12); В) У красной кибитки в районе Элисты. Автор неизвестен, 1930-е годы (НМ РК, фотодокументальный фонд, КП № 1333-44).

Photo 2: A) «Culture Attack»: presenting the work of a milk separator. Unknown author, 1930s (NM RK, photo and documentary collection, KP No.1333-12); B) by the Red Wagon near Elista. Unknown author, 1930s (NM RK, photo and documentary collection, KP No.1333-44).

¹ Чонкушов О. Состояние и перспективы партработы в Калмыцко-Базаринской организации // Калмыцкая степь. 1928. № 2 (5). С. 83–84.

Фото 3. Мергенов читает газету калмыкам. Автор неизвестен, 1930-е годы (НА РК, фотофонд, № 586).
 Photo 3. Comrade Mergenov is reading a newspaper to Kalmyks. Unknown author, 1930s
 (NA RK, photo collection, No. 586).

На *фото 3* у красной кибитки сидят калмыки-участники просветительского мероприятия — политинформации. Все женщины в одежде, близкой национальной: воротники, преимущественно белые, длинные рукава. Головы покрыты: у женщин платки или каракулевые шапки-кубанки. Среди мужчин один в национальной одежде. Двое других — в одежде европейского образца. Лишь у одного из них калмыцкий головной убор, остальные — в фуражках. Доминирующее положение занимает пропагандист — судя по записи при фотографии, некто Мергенов, сидящий на табуретке в правом углу фотографии, куда, согласно особенностям чтения изображения слева направо, глаз зрителя всё время стремится (Chatterjee, Southwood, Basilico, 1999). Его положение позволяет нам встретиться с ним лицом к лицу, в то время как положение женщин на фото закрыто для зрителя, взгляд упирается в затылки¹. Пропагандист единственный из мужчин сидит на фоне сидящих на земле женщин, заложив ногу за ногу, что является нарушением традиции. Он находится на возвышении с газетой в руках, которую читает вслух, выражая тем самым образ светоча истины. Публика внимательно смотрит на него и слушает. Такая композиция демонстрирует, как складывался визуальный канон советского времени для репрезентации пропагандистской работы с массами. В завершённом виде этот канон можно выявить на фотографиях в советской популярной периодике (*фото 4*).

Таким образом, в фотографии «Мергенов читает газету» (*фото 3*) четко обозначен советский просветительский посыл. Калмык, судя по одежде и позе, успешно интегрировавшись в структуру модерности/колониальности, просвещает тех, кому еще предстоит процесс «формовки» нового человека. Композиция данного снимка статичная, диагонали отсутствуют. Вертикальный угол (Kress, Van Leeuwen, 2001: 135–136) не выражен, но для большинства участников фотографии присутствует боковой горизонтальный угол, что для зрителя создаёт ощущение некой отстранённости от ситуации, не погружённости в неё, а наблюдения как бы со стороны (что характерно для этнографической съёмки). Последнее подтверждается и отсутствием интеракции со зрителем в виде взглядов в камеру. Такой визуальный канон ставит изображаемого в позицию объекта, который подвергается воздействию, в данном случае пропаганде. Собственно, таковым было положение в строящемся социалистическом обществе всех социальных и этнических групп, из которых путем формовки в советских матрицах образования, пропаганды, обучения навыкам индустриального и передового сельскохозяйственного труда создавались социалистические классы и нации. В рассматриваемом случае — социалистическая нация калмыков.

¹ Лапин А. В. Фотография как... : учебное пособие. М.: Изд-во Московского университета, 2003. 296 с.

Фото 4:
А) В доме колхозников Ястребовых. Агитатор Валентина Митина (слева) беседует с избирателями. Фото В. Кузьмина, журнал «Огонёк» № 9, 1950 г.;

В) В мартеновском цехе завода «Серп и молот». Сталевар В. К. Михайлов проводит беседу, посвященную Обращению Центрального Комитета Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) к избирателям. Фото А. Гостева, журнал «Огонёк» № 9, 1950 г.

Photo 4: A) At the Yastrebovs' house. Valentina Mitina, a canvasser (left), talks to voters. Photo by V. Kuzmin, Ogonyok magazine (1950, No.9);
B) at the open hearth shop of the Hammer and Sickle plant: steelworker V. K. Mikhailov gives a public talk on the Communist Party's Central Committee's Address to voters.
Photo by A. Gostev, Ogonyok magazine (1950, No.9)

Следующие визуальные тексты (фото 5 и 6) идейно очень схожи с предыдущей анализируемой фотографией (фото 3), а также снова обыгрывают ситуацию чтения газеты.

В контексте пропаганды, как правило, контрастно выделяется позиция «докладчика-просветителя». Он держит в руках газету (листовку) или папку с бумагами (фото 3 и 4), или указывает на обучающий плакат и всегда находится напротив слушателей (фото 5). Что касается снимка с газетой (фото 6), стоит отметить, что газета выступает в качестве знака, символизирующего просвещение, информированность и, наконец, грамотность. Привлекает к себе внимание и обращение девушек на фото лицом в правую сторону. Такая правосторонняя композиция часто встречается на советских фотографиях.

На всех фотографиях отсутствует интеракция со зрителями — никто не смотрит в камеру, не играет с фотографом. Ситуация для зрителя снова выглядит так, словно он наблюдает за ней со стороны и не включён в происходящее (Kress, Van Leeuwen, 2001). Позиция наблюдения со стороны, характерная для этнографических фото, делает изображаемых объектом, лишая их субъектности и в то же время представляет собой наблюдение за ходом формирования субъекта социалистического строительства.

Фото 5. Калмычки в доме сангигиены.
Автор неизвестен, 1930-е годы.
(НА РК, фотофонд, № 592).

Photo 5. Kalmyk women at the House of Sanitary and Hygiene,
Author unknown, 1930s
(NA RK, photo collection, No. 592).

Фото 6. За чтением газеты.
Автор неизвестен, 1928 г. (НМ РК,
фотодокументальный фонд, КП № 1457-44).
Photo 6 Reading a newspaper. Author
unknown, 1928 (NM RK, photo and
documentary collection, KP No. 1457-44).

Особую роль в визуальном документировании в советские годы играли групповые портреты как выражение советской коллективности — профессиональных групп, делегатов съездов и конференций, представителей органов власти, коллективов художественной самодеятельности.

Композиция таких снимков нередко проста и понятна: все должны уместиться в кадре и при этом не закрыть собой соседа — кто стоя, кто сидя, кто лежа. Так происходит, например, на групповой фотографии курсанток курсов по подготовке женщин председателей советов при Калмоблисполкоме (фото 7 В).

Как правило, чем более официальный контекст съёмки, тем строже позы и лица. Далее представлены типичные групповые фотографии, демонстрирующие представителей нарождающейся советской номенклатуры (фото 7).

Здесь снова обращают на себя внимание форма одежды и причёски, выступающие одними из ярких маркеров модерности у калмыков. На фото (фото 7В) видно, что часть калмычек еще следует требованию традиционной калмыцкой культуры укрывать волосы: головы покрыты либо косынкой, либо шапочкой. Но ни одна калмычка не одета в национальное платье.

Центром композиции снимка и одновременно его смысловым центром выступает фигура легендарного военного и политического деятеля, калмыка по национальности, В. А. Хомутникова¹, возглавлявшего в те годы Калмыцкий облисполком. Будучи в тот период военным в отставке, он одет в военный френч. Председатель Калмоблисполкома сидит со сложенными на груди руками — позе, которая запрещалась нормами телесного поведения у калмыков: считалось, что такая поза может привести к потере близких, значит некого будет обнимать, кроме себя самого (Артаев, Шурунгова, 2019: 83). Сидящие рядом с ним женщины и двое мужчин калмыков копируют позу начальника, презрев тем самым этот строгий запрет. Вторая слева молодая женщина сидит с широко расставленными ногами, что с точки зрения нормативности поз считалось неприличным для женщин.

¹ В период гражданской войны Хомутников участвовал в поимке знаменитого Джа-ламы в Монголии, руководил первой советской секретной экспедицией в Тибет (1921–1922 гг.), был военным советником в Монголии, видным военачальником времен Второй мировой войны, погиб под Будапештом в 1945 г.

Фото 7: А) Делегаты первого съезда женщин. Автор неизвестен. 1924 г. (НА РК, фотофонд, № 373);
В) Курсантки курсов по подготовке женщин предсоветов при Калмоблисполкоме. Автор неизвестен. 1934 г. (НА РК, фотофонд, № 726).

Photo 7: A) Delegates of the 1st Congress of Women. Author unknown, 1924 (NA RK, photo collection, No. 373);
B) Students at the courses training chairwomen for the local Soviets under the aegis of Kalmyk Regional Executive Committee. Author unknown, 1934 (NA RK, photo collection, No. 726).

Как это часто бывает, женщины одеты более разнообразно, чем мужчины, однако среди них прослеживаются своего рода тенденции — белые воротнички типовой формы¹, двубортные пиджаки и трикотажные кардиганы. Вероятно, каждая одета так, как могла себе позволить, но все выглядят одинаково опрятно и дисциплинированно, никто не выделяется, все послушно и сосредоточенно смотрят в кадр, не улыбаются.

На фото делегатов съезда женщин (фото 7А) также ни одна из калмычек не одета в национальное платье, все с непокрытой головой. Одна калмычка стоит в порицаемой традиционными калмыками позе со скрещенными на груди руками.

На всех групповых снимках отсутствуют диагонали, композиция статичная, что характерно для такого рода контекста съёмки. Так, отсутствуют и углы — вертикальный и горизонтальный (Kress, Van Leeuwen, 2001). Очевидно, фотограф слегка приседал, чтобы быть наравне со своими моделями. В целом, фотографии сделаны профессионально, возможно, в фотоателье.

Сложившуюся в предшествующие годы тенденцию отказа от ношения традиционной одежды, отрицания традиционных калмыцких норм телесного поведения представителями номенклатуры и образованной части калмыков демонстрирует сделанное в 1940-м г. фото съезда медицинских работников (фото 8).

На снимке в равной мере присутствуют как калмыки и калмычки, так и представители европейской группы. Отличить одних от других можно только лишь на основании антропометрических черт. В остальном же участники съезда едва ли отличаются друг от друга. Судя по надписи, сделанной на

¹ Поскольку обязательным элементом платья замужней женщины-калмычки было наличие белого воротничка, то популярность белых воротничков в европейской одежде калмычек можно объяснить влиянием редуцированной калмыцкой традиции.

Фото 8. Съезд медицинских работников Калмыцкой АССР. Автор фото не известен, 1940 г. (НА РК, фотофонд, № 391).
 Photo 8 At the Congress of medical workers of Kalmyk ASSR, Author unknown, 1940 (NA RK, photo collection, No. 391).

лицевой стороне снимка, время года — весна, месяц — апрель, поэтому многие в головных уборах. Примечательно, что ни у одной из женщин не видно так характерных прежде для калмычек кос. На всех одежда европейского образца, белоснежные воротнички, галстуки, двубортные пиджаки и пальто, преимущественно фуражки на мужчинах и белые береты на женщинах.

К слову, популярность белого цвета в одежде тоже не может не обратить на себя внимание. В европейской традиции белый цвет воспринимается как символ чистоты, порядочности, аккуратности, образованности, принадлежности к более высокому классу, не только социальному вообще, но и трудовому (Линдси, 2011). У калмыков, как и у других монгольских народов, белый цвет имел сакральный смысл, а значит высокий ценностный статус (Олядыкова, 2007: 97–100; Жуковская, 2002: 200–203). Конечно, полностью белая одежда, особенно для мужчин, была немыслима в условиях кочевого образа жизни калмыков. Тем не менее белый цвет обязательно присутствовал в женской одежде, которая была многослойной. Рубаха и платье, которое одевалось на тело, всегда имели воротник белого цвета.

Таким образом, анализ фото калмыков, сделанных в 1930-е гг. фотографами, имена которых не сохранились в архивных документах, указывает на присутствие здесь знаков модерности. Они свидетельствуют о том, что в это время произошел кардинальный разрыв с традиционным обществом, и калмыки становились «строителями» нового социалистического общества. При этом визуальные каноны того времени определяли контент и структуру фото так, чтобы показать процесс формирования советского субъекта.

Визуальный анализ тувинских фотографий в перспективе советской модерности

Перейдем теперь к анализу тувинских фото 1930-х гг. из Национального архива Республики Тува (г. Кызыл), сделанных Владимиром Петровичем Ермолаевым (1892–1982). Он был не только фотографом, но и первым директором краеведческого музея тувинского народа, созданного в 1929 г. Первые фотографии, посвященные Туве, Ермолаев сделал еще в 1913 г., что позволяет визуально представить быт феодальной Тувы, затем идут фотографии, фиксирующие период революции и гражданской войны, становление Тувинской Народной Республики (ТНР) (Айыжы, Мандан-Хорлу, Монгуш, 2019: 669–670).

По сути, Ермолаев стал первым исследователем, кто широко использовал фотографию как метод сбора информации, оставив потомкам богатейшее визуальное наследие, еще далеко не полностью изученное.

Важно понимать, что будучи самостоятельным государством (1921–1944), ТНР встала на путь некапиталистического развития, ведущего к социализму (История Тувы, 2007: 211). В Туве происходили, хотя и не с такой масштабностью, сходные с советскими социальные и культурные процессы — коллективизация, индустриализация, культурная революция, составной частью которой была ликвидация неграмотности и создание советской системы образования (там же: 183–303).

Перейдем к рассмотрению тувинской серии снимков, анализируя которые мы обращались к помощи информантов¹.

На фотографии выше (фото 9А) изображены школьники посёлка Сыстыг-Хем (Тоджа) в 1931 г.

Фото 9:

- А) Школьники п. Сыстыг-Хем, Тоджа, 1931 г.
(НА РТ, фотоальбом № 3
В. П. Ермолаева, фото 42);
В) Октябрьские праздники в п. Сыстыг-Хем,
Тоджа, 1931 г. (НА РТ, фотоальбом № 10
В. П. Ермолаева, фото 31).

Photo 9:

- А) School students at the township of Systyg Khem, Toja, 1931 (NA RT, V. P. Yermolayev's collection, Album 3, Photo 42);
В) Celebrating the October Revolution anniversary, township of Systyg Khem, Toja, 1931 (NA RT, V. P. Yermolayev's collection, Album 3, Photo 31).

Ныне это административный центр и единственный населенный пункт Сыстыг-Хемского сумона Тоджинского района. По словам информанта, этот посёлок находится очень далеко от г. Кызыл, ближе к истокам Енисея, не имеет автодорог по сей день, и, помимо кочевых тувинцев, был заселен оседлыми русскими, появившимися там лишь в XIX веке. Тем не менее, по фотографии, не погружаясь в географию района, едва ли можно сказать, что перед нами обособленный и абсолютно самобытный «край земли» тувинской. Уже на снимке 1931 г. можно заметить многочисленные знаки советской модерности — флаги и транспаранты (возможно, канонического красного цвета). Судя по однотипной одежде советского образца — пальто и меховые шапки-ушанки, на фото сняты воспитанники школы-

¹ Информанты — семейная пара младшего пенсионного возраста, длительное время (с 1980-х годов) проживавшая в г. Кызыл и хорошо осведомленная об истории становления Республики Тыва. Общение носило характер фотovyявляющего интервью (photo-elicitation interview), в ходе которого фотографии выступали стимулом, вызвали спонтанную интерпретацию и направляли нарратив информантов (Harper, 2012; Wagner, 2002).

интерната, в которых обучалось большинство детей аратов, ведущих кочевой образ жизни в 1930-е гг. (Маады, 2021: 147–149). Обращает на себя внимание и положение школьников и их предводителя. Это стройная шеренга, самые младшие в конце, старшие — ближе к воспитателю, который символично указывает вперёд в светлое социалистическое будущее. Воспитатель тоже одет в «европейскую» одежду — пиджак, брюки-галифе, фуражку, высокие сапоги.

На заднем плане, видимо, находится сама школа — добротный сооруженный срубный дом как знак оседлого образа жизни.

Выстроенная шеренга и указательный жест мужчины задают динамику снимку, получается диагональ. Взгляд зрителя устремляется в правую сторону и ищет продолжения истории, думая: «Что же там, дальше?». Как уже отмечалось выше, в анализе калмыцких фотографий, правосторонняя ориентация на будущее очень часто встречается на снимках советского периода.

Практически никто из участников фотосъёмки не смотрит в кадр, поэтому диалога со зрителем не завязывается. Сам боковой вертикальный угол оставляет зрителя в стороне, как внешнего наблюдателя, не погруженного в событие.

Очевидно, фотография постановочная, спланированная, вероятно, по случаю некоего смотра или другого показательного мероприятия. Полученная контекстная информация подтверждает это предположение. Фотосъёмка велась по случаю октябрьских празднований.

Вторая фотография (*фото 9B*) интересна тем, что шеренга этих же школьников находится уже на заднем плане, в то время как на переднем плане, так же диагонально относительно композиции снимка, стоят взрослые тувинцы, которых решительно обходит «воспитатель» с первой фотографии.

Взрослые, в отличие от детей, почти все в национальной одежде. Это длинные, почти до пола *тоны* — стеганные халаты с запахом на правую сторону, двумя застежками с поясами *кур*.

Вообще, коллективные фотографии с чётко вымеренной геометрией толпы очень характерны для Советского Союза, особенно первой половины и особенно для массовых торжеств (*фото 10*). Это можно расценивать как верный знак дисциплинарного общества, каковым и было советское общество. Здесь формировалось подчинение частного общему, масса должна была быть упорядочена. Советское общество было выстроено согласно модели общества как закрытой структуры, сочлененной в иерархическом порядке с функциональными отношениями, что, по словам Кихано, предполагало тотальность рациональности (Quijano, 2007: 173). Несмотря на праздничный контекст, такое жестко регламентированное расположение людей невольно вызывает ассоциации с шеренгами заключенных с надсмотрщиком.

На первом снимке следующего коллажа (*фото 11A*) мы видим большое скопление людей напротив, судя по фасаду и вывеске сверху, административного здания. Согласно подписи к фотографии, это слушатели тувинской партийной школы, 1932 г. Снова над толпой торжествующе возвышаются флаги и транспаранты. Интересно, что на снимке присутствуют как взрослые, так и дети. Из тех, кого удаётся рассмотреть на переднем плане, многие в «европейской» одежде.

Фотограф сделал снимок не фронтально, а с угла по отношению к публике. Это, во-первых, позволило включить в кадр большее количество участников мероприятия, а, во-вторых, как бы диагонально протянуло композицию, добавив ей масштабности. Линейная перспектива уводит глаз зрителя с первых рядов в левом нижнем углу в глубину снимка. Всё это подкрепляет идею о силе Партии, сила которой в количестве её сторонников. Такие же угловые композиции, проводящие диагональ с левого нижнего угла до правого верхнего, и на чуть ранее представленной нами группе снимков (*фотоколлаж 10*). Вновь такая съёмка указывает на масштаб мероприятия.

Мы видим, что все фотографии из текущей подборки сделаны во время государственных торжеств, и эти мероприятия непременно сопровождаются характерной символикой — флагами, флажками, транспарантами, пионерскими галстуками и стандартизированной формой одежды, как на воспитанниках учебного комбината (*фото 10A* и *10B*). Все с «покрытой головой». При этом самый популярный, условно, «пролетарский» головной убор — кепка. На фотографиях в кепках и юноши, и девушки, и взрослые, и дети. Из истории одежды известно, что после 1930-х гг. головные уборы стали нивелирующими в пределах одного социального слоя, но дифференцирующими разные слои населения (Ховалыг, 2018). Примером может послужить В. М. Молотов, который первым стал носить шляпу, а следом — вся советская верхушка. Но на этих фотографиях 1930-х — 1940-х гг. абсолютное большин-

ство людей в кепках. Только у женщин столь же часто встречается другой популярный «крестьянский» головной убор — косынка или платок (фото 11В).

Традиционно тувинцы, как и калмыки большое, во многом символическое и сакральное значение придавали национальным головным уборам как высшему элементу одежды (Ховалыг, 2018). Однако на архивных фотографиях начала советизации тувинцев (приблизительно 1940-е гг., когда Тува вошла в состав СССР) традиционный тувинский головной убор встречается редко.

Одежда, как известно, является важным средством идентификации (в значении процесса обретения идентичности). Ещё со времён Петра Первого, открывшего врата второй модерности для России, необходимые власти изменения в ментальности людей начинались с преобразования внешнего облика. Так и советская модерность проявилась в замене традиционной национальной одежды на унифицирующую и дисциплинирующую одежду строителя светлого будущего.

На следующей фотографии (фото 12А) мы видим демонстрацию тувинцам-кочевникам техники, применяемой для земледелия. Здесь изображена торговля сельскохозяйственными машинами на ярмарке в г. Кызыл в 1934 г. По антропометрическим чертам на снимке четко можно идентифициро-

Фото 10:

- А) Воспитанники учебного комбината, г. Кызыл, 1930-е гг. (НА РТ, фотоальбом №3 В. П. Ермолаева, фото 41);
- В) Воспитанницы учебного комбината, г. Кызыл, 1930-е гг. (НА РТ, фотоальбом №3 В. П. Ермолаева, фото 39),
- С) Велосипедисты на Первомайском параде в г. Кызыле, 1933 г., (НА РТ, фотоальбом №3 В. П. Ермолаева, фото 38);
- Д) Колонна демонстрантов на Октябрьской площади в дни празднования 11 годовщины Октябрьской революции, г. Кызыл. 1927 г. (НА РТ, фотоальбом №10 В. П. Ермолаева, фото 22).

Photo 10:

- A) Students of a vocational training center, Kyzyl, 1930s (NA RT, V. P. Yermolayev's collection, Album 3, Photo 41);
- B) Female trainees at a vocational training center, Kyzyl, 1930s (NA RT, V.P. Yermolayev's collection, Album 3, Photo 39);
- C) Cyclists at the May 1 parade, Kyzyl, 1933 (NA RT, V. P. Yermolayev's collection, Album 3, Photo 38);
- D) A column of celebrators in Oktyabr'skaya Square, Kyzyl, 1927, anniversary of the October Revolution (NA RT, V. P. Yermolayev's collection, Album 10, Photo 22).

Фото 11:

А) Слушатели тувинской партийной школы, г. Кызыл, 1932 г. (НА РТ, фотоальбом №3 В. П. Ермолаева, фото 56);
 В) Трибуна на месте празднования, выступление армейцев Тувы по джигитовке и борьбе, г. Кызыл, 1930-е гг. (НА РТ, фотоальбом №11 В. П. Ермолаева, фото 70).

Photo 11:

A) Students of the Tuvan Party School, Kyzyl, 1932 (NA RT, V. P. Yermolayev's collection, Album 3, Photo 56);
 B) A stand at the celebration site, Tuvan army wrestling and trick riding competition (NA RT, V. P. Yermolayev's collection, Album 11, Photo 70).

вать тувинцев и русских. В одежде они одинаковы, но русского мужчину выделяет более выгодное положение на снимке — его хорошо видно в полный рост, он активно, двумя руками, взаимодействует с машиной (вероятно, сеялкой). У мужчины серьезное выражение лица, за ухом у него карандаш, что придаёт ему более сведущий вид на фоне добродушно улыбающегося тувинского мужчины справа¹. Здесь русский мужчина олицетворяет технический и технологический прогресс, в ходе которого вовлеченные в этот процесс тувинцы вынуждены будут отказаться от кочевого образа жизни, стать просвещенными и, в итоге, подчиненной частью советской модерности.

На *фото 12B* смысловым узлом (центром композиции) снова является мужчина за рулем славянской внешности — вероятно, водитель. Чиновник полпредства — тувинец — сидит либо рядом, либо на заднем сидении, то есть фокус сделан не на нем, а на русском водителе. Вокруг машины собралось

¹ Тем не менее в ходе фотовыявляющего интервью информант, рассматривая данный снимок, сказал: «Вот, сразу видно, разбираются, понимают». И далее добавил, что тувинцы всегда с большим интересом относились к техническим достижениям и инструментам ведения хозяйства русскими. Информант рассуждал о реализации проекта модерности применительно к тувинцам скорее в позитивном ключе.

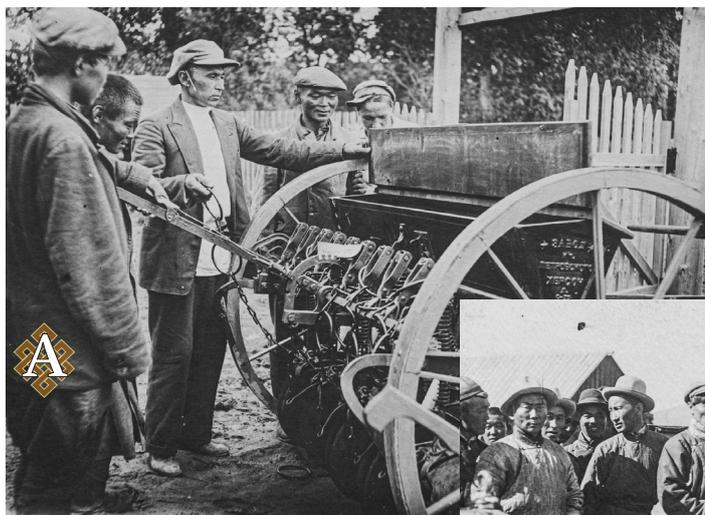

Фото 12:
 А) Торговля сельскохозяйственными машинами на ярмарке в г. Кызыл, 1934 г. (НА РТ, фотоальбом № 7 В. П. Ермолаева, фото 29);
 В) Проводы первого полпреда ТНР в Монголию, г. Кызыл, 1927 г. (НА РТ, фотоальбом № 11 В. П. Ермолаева, фото 103).

Photo 12:
 A) Selling agricultural machinery at a fair, Kyzyl, 1934 (NA RT, V. P. Yermolayev's collection, Album 7, Photo 29);
 B) The first envoy plenipotentiary of the Tuvan People's Republic leaves for Mongolia, Kyzyl, 1927 (NA RT, V. P. Yermolayev's collection, Album 11, Photo 103).

достаточно много людей. В основном это мужчины, кое-кто одет в национальную одежду. На фоне тувинцев, «рождавшихся в седле», дорогой белоснежный металлический «конь», ведомый русским человеком, выглядит как яркий знак модерности. На фото используется канон правосторонней ориентации и автомобиля, и участников фотосъёмки, что позволяет показать движение в «светлое социалистическое будущее».

Таким образом, выявленные на фото знаки модерности в Туве 1930-х гг., свидетельствуют о том, что здесь, также как в советской Калмыкии, начался кардинальный разрыв с традиционным обществом. Причина заключалась в том, что несмотря на различие политического статуса и устройства обеих республик, ТНР была государством, избравшим некапиталистический путь развития, в обоих случаях осуществлялась единая социальная и культурная политика движения к созданию основ социализма.

Сравнительный анализ

Сравнивая фотографическое наследие раннесоветского периода у калмыков и тувинцев, нужно иметь в виду следующее обстоятельство: фототеки Калмыцкого национального архива и Калмыцкого национального музея ограничены и содержат зачастую копии фото вместо оригиналов. Тувинские фототеки аналогичных учреждений богаче и аутентичнее в плане подлинников. Подобная «бедность» калмыцких фотофондов объясняется трагическими событиями, вызванными депортацией калмыков в 1943 г., когда весь калмыцкий народ был выселен в Сибирь и отдаленные районы Севера. В результате республика была уничтожена, фонды калмыцкого музея и архива частично утрачены, частично переданы в другие учреждения. В ситуации, когда само слово «калмык» было запрещено, многие артефакты уничтожались, либо скрывались музейными и архивными работниками под другими именами, что впоследствии приводило к путанице. В итоге сегодня калмыцкие Национальный архив и Национальный музей располагают копиями фотографий, предоставленными другими учреждениями, которые оказались владельцами оригиналов. Понятно, что в такой ситуации представить более или менее полную иконическую панораму раннесоветского периода у калмыков сложнее, чем аналогичную тувинскую. Одно только наследие В. П. Ермолаева в Национальном музее Тувы насчитывает четыре тысячи единиц хранения: фотографии и негативы (плёночные и стеклянные), альбомы с контрольными отпечатками и фотографиями, ко многим из которых фотограф дал собственные комментарии. Не говоря уже о других коллекциях, имеющих и в музее, и в архиве.

При сравнении двух региональных кейсов реализации проекта советской модерности и их визуальной репрезентации, следует учитывать, во-первых, как разворачивалась история модерности в предшествующий период, то есть в имперском контексте. Важное отличие калмыков от тувинцев заключается в том, что они с начала XVII в. имели тесные связи с российскими властями, прошли период первой модерности, а затем с середины XVIII в. вступили в фазу второй модерности, постепенно утрачивая свою субъектность, что выразилось в самоликвидации Калмыцкого ханства¹. Применительно к калмыкам российские имперские власти, используя ресурсы образования, религиозных и политических институтов, последовательно осуществляли реализацию второго проекта модерности. Тува же относительно поздно стала испытывать на себе непосредственное российское имперское влияние, войдя под протекторат России лишь в 1914 г. Иными словами, калмыки имели многовековой опыт модерности, в отличие от тувинцев, что, естественно, облегчило «готовность» калмыков к восприятию советской модерности, знаки которой хорошо видны в визуальной перспективе: в одежде, позах и мимике, прическах, обустройстве быта.

Во-вторых, рассматривая реализацию проекта советской модерности у калмыков и тувинцев, визуальную репрезентацию которых мы хотим выявить, следует учитывать политические и экономические условия, в которых они находились. Если калмыки с 1920 г. имели свою государственность в составе СССР, то тувинцы в период с 1921 по 1929 гг. пытались выстроить собственный путь развития. С приходом к власти в 1929 г. находившегося под влиянием советских руководителей С. К. Тока ТНР стала ориентироваться на СССР и была вовлечена в орбиту советского государства, что завершилось вхождением (История Тувы, 2007: 126–183). Собственно, с 1930-х гг. здесь начинается полномасштабная реализация проекта советского модерности.

Если говорить об экономических условиях, то нужно учесть, что традиционное хозяйство калмыков было сильно разрушено в ходе событий Великой революции 1917 г. и особенно Гражданской войны. Большая часть калмыков потеряла свое главное достояние — скот. Именно это стало главным условием перехода калмыков к оседлости в ее советском варианте. Что же касается тувинцев, то последствия революции и гражданской войны оказались менее трагичными для них, чем для калмыков, так как Тува находилась на периферии этих событий. Кроме того, свою роль здесь сыграл географический фактор: горный ландшафт Тувы, в отличие от степей Калмыкии, позволял тувинцам скрываться от врагов, сохраняя свое скотоводческое хозяйство. Иначе говоря, к началу советских преобразований традиционное хозяйство калмыков было сильно деформировано, в отличие от хозяйства тувинцев, что ускорило вхождение ойрат-калмыков в советскую модерность.

В-третьих, сравнивая визуальные образы тувинцев и ойрат-калмыков следует помнить о сходстве многих культурных кодов, существующих у тюрко-монголов. К ним относятся сакральность белого цвета, норма покрытости головы, высокий ценностный статус головного убора и т. д. Ориентация на эти коды позволяет выявить сходство, а способы реализации нормы указывают на различия. К примеру, все женщины тюрко-монгольских народов прячут волосы и обязательно покрывают голову, но только замужние калмычки носят *шиврлг* — наконники (длинные мешочки для укладывания в них кос).

Учитывая сказанное, тем не менее, следует говорить скорее о сходстве визуальной репрезентации рассматриваемых народов, входящих в советскую модерность, чем о различиях. Все эти факторы влияли лишь на временной период трансформации визуальных образов, демонстрирующих первые знаки советской модерности. Реализация проекта советской модерности в силу его радикализма, а речь идет о коллективизации, индустриализации, культурной революции и методах, используемых для их реализации, была неотвратима. Советский проект модерности невозможно оценить однозначно, так как с одной стороны, это ликвидация неграмотности, улучшение условий жизни, формирование гигиенических практик, здравоохранение, приобщение к технике, технологиям и многим достижениям европейской культуры, с другой — жесткие дисциплинарные практики, репрессивный аппарат, утрата традиционной культуры. Такая неоднозначность объясняется темпоральностью и радикальностью средств, применяемых властью, когда за очень короткий период времени традиционная культура была

¹ В 1771 г. правитель калмыков Убаши-хан совершил так называемый «последний великий исход», уведя большую часть калмыков на территорию Джунгарии, ставшей к тому времени подвластной Цинскому Китаю территорией, в результате чего Калмыцкое ханство перестало существовать как государственность в составе Российской империи.

преобразована в культуру советской модерности. В Туве этот процесс затянулся в силу ее удаленности¹, а также благодаря статусу самостоятельного государства.

Говоря о сходстве плодов антропологической революции и ее визуальной репрезентации, следует обратиться к институту образования, выступавшему важнейшим инструментом этой революции. Речь идет о фотографиях, на которых сняты школьники, курсанты разных курсов переподготовки. Все они содержат всевозможные знаки советской модерности. На *фото 9А* тувинские школьники предстают не в традиционной одежде, а в однотипной, условно европейско-советской. Скорее всего, это воспитанники школы-интерната. По словам С. С. Маады: «Сумонная школа-интернат стала самым распространённым типом школ, расположенных, главным образом, в предполагаемых местах оседания аратов (первые поселки). Они содержали детей аратов в течение всего учебного года за счет самих аратов. По архивным данным, из 59 школ, существовавших к 1939 году, 49 были сумонными» (Маады, 2021: 147). Опыт интернатного обучения был заимствован организаторами школьного образования детей аратов у Советского Союза. Как пишет автор, был оформлен долгосрочный кредит с СССР, чтобы построить школы-интернаты в сумонах и кожуунах (там же: 147). Типичные для Советского Союза школы с интернатным содержанием были и у калмыков (Иванова, 2018). Как пишет Е. Сартикова, «исторически для кочевого калмыцкого народа установился тип школы-интерната, который давал возможность детям кочевников получить образование и воспитание. Школы-интернаты и детские дома со школами при них составляли 35% общего числа школьных учреждений. Для европейской части России это было уникальным явлением (Сартикова, 2010: 147).

Если говорить о сходстве в визуальной культуре калмыков и тувинцев рассматриваемого периода, то, как видно по фотографиям, часть калмыков и тувинцев, особенно образованные слои, довольно быстро отказалась от ношения национальной одежды, перейдя на советскую условно европейскую, что сказалось на представлении себя в группе. На всех фотографиях обнаруживаются знаки, символизирующие новый социальный порядок. Все это явственно видно на анализируемых фотографиях: одежда и головные уборы европейского образца вместо традиционных национальных, облегченные прически у женщин (часто остриженные волосы), использование советской символики в виде флагов, знамен, передовых социалистических газет, демонстрация стремления к знаниям и информированности (просвещённости), единение с коллективом и преимущественно строгая геометрия расположения группы в пространстве.

Несмотря на различия политических, экономических и иных условий, в которых находились калмыки и тувинцы, антропологическая революция, осуществляемая в ходе реализации проекта радикальной советской модерности, сопровождалась изменениями в их телесности. Фотографии калмыков показывают, что начался отход от требований, кодифицирующих положения рук и ног, например, запрет складывания рук на груди или сидение со скрещенными ногами. Фотографии, таким образом, демонстрируют, как советская модерность воплощалась в телесности раннесоветского периода. Вместе с тем фото показывают, что сохранялись прежние телесные практики. Например, несмотря на отказ от девичьих камзолов, формирующих осанку, на фото женщины-калмычки держат прямую спину.

Реализация радикальной политики, единой в отношении всех, кто был вовлечен в процесс создания советской модерности в одно и то же время, но в разных регионах — Калмыкия и Тува, имела схожие плоды, в том числе в создании «нового человека». Знаки советской модерности на фотографиях и калмыков, и тувинцев раннесоветского периода практически одинаковы. В обеих группах фотографий прослеживается использование одних и тех же визуальных маркеров, что подтверждает наличие визуального канона — в данном случае канона репрезентации и самопрезентации «советского человека»: отсутствие подчеркнутой женственности в униформе женщин, строгость, собранность и дисциплинированность в одежде и позах, одухотворенность в труде, стойка «смирно», белая парадная рубашка, стремление «не выделяться», быть как все, слиться с коллективом (Богданова, 2012).

Следует сказать, что визуальная репрезентация ойрат-калмыков и тувинцев как участников проекта создания «нового человека» в раннесоветский период будучи однотипной, имеет тем не менее различия. Иконические² различия визуальных образов, демонстрирующих особенности формирования советской

¹ Подробный анализ влияния удаленности на состояние и развитие культуры тувинцев, а также основные подходы к рассмотрению этого феномена дан в статье Ю. В. Попкова и Е. А. Тюгашева (Попков, Тюгашев, 2022).

² Иконический знак показывает связь между формой знака, например, слова или символа, и его значением. Его форма в какой-то мере напоминает о его значении, в отличие от произвольного знака.

модерности у этих народов, определяются, во-первых, тем опытом столкновения с проектами первой и второй модерности, которым каждый из них располагал. Если калмыки имели обширный опыт модерности и первого, и второго типа, то тувинцы фактически имели дело лишь со второй. Наличие богатого опыта первой и второй модерности у калмыков способствовало тому, что они достаточно быстро усвоили языки советской модерности, начиная с телесного, заканчивая вербальным. Тувинцы в этом плане оказались более резистентными. Во-вторых, на различия визуальных образов этих народов в 1930-е годы оказала влияние степень сохранности традиционной культуры, которая подверглась сильной деформации у ойрат-калмыков в результате Гражданской войны. У тувинцев на тот момент традиционная культура сохранилась гораздо лучше, что объясняется удаленностью Тувы, наличием самостоятельного государства ТНР. В-третьих, иконические различия визуальных образов ойрат-калмыков и тувинцев в переходный к модерности период определяются особенностями следования культурным кодам, нормирующих телесное поведение и являвшимися во многом схожими для них. К примеру, общая для тюрко-монголов сакральность белого цвета лишь у калмыков обнаруживается в обязательности белого воротничка платья замужней женщины, что хорошо видно на калмыцких фотографиях.

Заключение

Проведенный в деколониальной оптике анализ визуальной репрезентации ойрат-калмыков и тувинцев, из которых создатели проекта советской модерности формировали «нового человека», позволил выявить укорененные в телесных практиках знаки модерности. Были выделены знаки, указывающие на новый социальный порядок — советская символика, а также знаки, демонстрирующие формы отношения представителей советской власти и «колонизуемых». К последним следует отнести отношения «пропагандист — масса», «советский начальник — подчиненные», «политический лидер — масса, упорядоченная в колонну».

Реализация проекта советской модерности у ойрат-калмыков и тувинцев имела свои особенности, определяемые политическими, экономическими и культурными условиями. С экономической точки зрения вхождение калмыков в «советскую модерность» облегчалось разрушением скотоводческого хозяйства в ходе революции и гражданской войны. Кроме того, имея богатый опыт первой и второй модерности, калмыки оказались более пластичными для «ковки» «советского человека», чем тувинцы. Фотографии калмыков, сделанных в 1930-е годы, свидетельствуют о начавшемся процессе кардинального разрыва с традиционной культурой и традиционным обществом.

На фотографиях тувинцев 1930-х гг. также обнаруживаются знаки модерности, что свидетельствует о начавшемся, как и в советской Калмыкии, разрыве с традиционным обществом. Сходство визуальных образов ойрат-калмыков и тувинцев определяется тем, что в матрице советской модерности успешно форматировался как калмыцкий, так и тувинский человеческий субстрат. При этом передовой опыт форматирования этнических групп в проекте модерности, наработанный в Советском Союзе, в том числе в отношении калмыков, успешно передавался проводникам проекта советской модерности в Тувинской Народной Республике, избравшей некапиталистический путь развития. Так даже при наличии частных различий в обеих республиках была реализована единая социальная и культурная политика создания основ социализма.

Этап сбора визуального материала для анализа обнаружил ограничения в объеме, качестве и тематическом разнообразии имеющихся в архивах и музеях фотографий калмыков, по сравнению с фотоархивами тувинцев. Эти ограничения вызваны тем, что из-за депортации большое количество фотографий калмыков было утрачено. Многие из сохранившихся калмыцких фотографий не имеют отметок об авторстве и цели создания, что затрудняет анализ, хоть и не умаляет его важность для изучения процессов модернизации и колонизации. Тем не менее проведенный анализ в целом позволил говорить о сходстве и различиях в визуальных образах калмыков и тувинцев.

Благодарности

Благодарим за предоставленные фотоматериалы директора Национального архива Республики Тыва Б. В. Мунге, директора Национального архива Республики Калмыкия Р. Б. Тогаеву; директора Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова И. И. Мучаеву; выражаем свою благодарность коллекционеру И. В. Донгрупповой за информирование по поводу актуальных для текущего исследования собраний фотографий в музеях и архивах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александров, Е. В. (1997) Система визуальной антропологии в России: ступени «погружения» и проблемы // Материальная база сферы культуры / отв. ред. С. Г. Колесниченко. Вып. 1. М.: Информкультура. 122 с. С. 14–18.
- Артаев, С. Н., Шурунгова Б. А. (2019) Позы как знаки невербального поведения // Вестник Калмыцкого университета. № 1 (41). С. 78–85.
- Айыжы, Е. В., Мандан-Хорлу, М. М., Монгуш, А. Ч. (2019) История создания коллекции В. П. Ермолаева как части этнографического источника изучения материальной и духовной культуры тувинского этноса (часть 1) // Oriental Studies. № 12 (4). С. 669–681. DOI: <https://www.doi.org/10.22162/2619-0990-2019-44-4-669-681>
- Бадугинова, М. В. (2011) Роль «Красных кибиток» в системе охраны здоровья населения Калмыкии в 1927-1931 гг. // Вестник КИГИ РАН. № 2. С. 37–41.
- Барт, Р. (1989) Избранные работы: Семиотика: Поэтика : пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс. 616 с.
- Бек, У. (2000) Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелника и Н. Фёдоровой. М.: Прогресс-Традиция. 384 с.
- Богданова, Н. М. (2012) Фотография как инструмент социологического анализа практик конструирования визуальной самопрезентации // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. XV. № 2 (61). С. 98–113.
- Головнева, Е. В., Головнев, И. А. (2021) Опыты изучения и визуальной репрезентации Камчатки и Сахалина в конце XIX — начале XX в. // Люди империи — империя людей: персональная и институциональная история Азиатских окраин России : сборник научных статей / Н. Г. Суворова (отв. ред.). Омск : Изд-во Омского гос. ун-та им. Ф. М. Достоевского. 648 с. С. 287–296. DOI: <https://www.doi.org/10.52468/978-5-7779-2573-2.2021.287-296>
- Голубев, А. (2021) Рец. на кн.: Jeff Sahadeo. Voices from the Soviet Edge: Southern Migrants in Leningrad and Moscow. Ithaca; L.: Cornell University Press, 2019. 273 p. // Антропологический форум. № 48. С. 227–238. DOI: <https://www.doi.org/10.31250/1815-8870-2021-17-48-227-238>
- Дэвид-Фокс, М. (2016) Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная? / пер. с англ. Т. Пирусской [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. № 16. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/140_nlo_4_2016/article/12048/ (дата обращения: 21.03.2022).
- Жуковская, Н. Л. (2002) Кочевники Монголии. Культура. Традиции. Символика. М.: Восточная литература. 248 с.
- Иванова, Г. М. (2018) Советская школа в 1950–1960-е годы. М.: Фонд «Московское время». 432 с.
- История Тувы (2007) : в 3 т. / под общ. ред. В. А. Ламина. Новосибирск : Наука. Т. II. 430 с.
- Кантор, К. М. (1990) Два проекта всемирной истории // Вопросы философии. № 2. С. 76–86.
- Линдси, Дж. (2011) Всё о цвете. М.: Книжный Клуб 36.6. 432 с.
- Маады, С. С. (2021) Сумонные школы-интернаты в период Тувинской народной республики // Мир науки, культуры, образования. № 2 (87). С. 147–149. DOI: <https://www.doi.org/10.24412/1991-5497-2021-287-147-149>
- Олядыкова, Л. Б. (2007) Безэквивалентная лексика и фразеология в поэтической картине мира Давида Кугультинова (на материале произведений в русском переводе). Элиста : ЗАОР «Джангар». 384 с.
- Попков, Ю. В., Тюгашев, Е. А. (2022) «Затерянный мир»: тувинская культура в центр-периферийной интерпретации геокультурного и социокультурного пространства // Новые исследования Тувы. № 1. С. 225–236. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.15>
- Сартикова, Е. В. (2010) Народное образование как механизм советской модернизации Калмыкии (20–30-е гг. XX в.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. № 4. С. 145–151.
- Скотт, Д. (2017) Искусство быть неподвластным. Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии. М.: Новое издательство. 408 с.
- Усманова, А. (2007) Советская визуальная культура как объект антропологического исследования // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность : сборник научных статей / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова, В. Л. Круткина. Саратов : Научная книга. 527 с. С. 18–27.
- Ховалыг, Р. Б. (2018) Тувинская традиционная одежда. Новосибирск : Наука. 336 с.
- Chatterjee, A., Southwood, M. H., Basilico, D. (1999) Verbs, events, and spatial representations // Neuropsychologia. № 37. P. 395–402.
- Eisenstadt, S. N. (2000) Multiple Modernities // Daedalus. Vol. 129. № 1. P. 1–29.

- Gentile, E. (2006) *Politics as religion* / transl. by G. Staunton. Princeton : Princeton University Press. 168 p.
- Harper, D. A. (2012) *Visual sociology*. New York : Routledge. 294 p.
- Kress, G., Van Leeuwen, T. (2001) *Reading Images: The Grammar of Visual Design*. London : Routledge. 310 p.
- Mignolo, W., Walsh, C. (2018) *On decoloniality: concepts, analytics, praxis*. Durham : Duke University Press. 291 p.
- Mignolo, W. (1995) *The Darker Side of the Renaissance: Literacy, Territoriality, & Colonization*. University of Michigan Press. 420 p.
- Quijano, A. (2007) *Coloniality and Modernity/Rationality* // *Cultural Studies*. Vol. 21. Issue 2–3. P. 168–178.
- Rothbard, M. N. (1990) *Karl Marx: Communist as Religious Eschatologist* // *The Review of Austrian Economics*. Vol. 4. P. 123–179.
- Tlostanova, M., Mignolo, W. D. (2012) *Learning to unlearn: decolonial reflections from Eurasia and the Americas*. Columbus : Ohio State University Press. 281 p.
- Wagner, J. (2002) *Contrasting images, complementary trajectories: sociology, visual sociology and visual research* // *Visual Studies*. Vol. 17, No. 2. P. 160–171. DOI: <https://www.doi.org/10.1080/1472586022000032233>
- Znamenski, A. (2021) *Socialism as a secular creed: a modern global history*. Lanham : Lexington Books. 451 p.

Дата поступления: 16.03.2022 г.

REFERENCES

- Aleksandrov, E. V. (1997) *Sistema vizual'noi antropologii v Rossii: stupeni «pogruzheniia» i problemy* [The system of visual anthropology in Russia: stages of “immersion” and problems]. In: *Material'naia baza sfery kul'tury [The material base of the sphere of culture]* / ed. by S. G. Kolesnichenko. Issue 1. Moscow, Informkul'tura. 122 p. Pp. 14–18. (In Russ.).
- Artaev, S. N. and Shurungova B. A. (2019) *Pozy kak znaki neverbal'nogo povedeniia* [Postures as signs of nonverbal behavior]. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*, no. 1 (41), pp. 78–85. (In Russ.).
- Aiyzhy, E. V., Mandan-Khorlu, M. M. and Mongush, A. Ch. (2019) *Istoriia sozdaniia kolleksi V. P. Ermolaeva kak chasti etnograficheskogo istochnika izucheniia material'noi i dukhovnoi kul'tury tuvinskogo etnosa (chast' 1)* [Yermolaev's Collection as an Ethnographic Source for Studies of Tuvan Material and Spiritual Culture. Part 1]. *Oriental Studies*, no. 12 (4), pp. 669–681. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.22162/2619-0990-2019-44-4-669-681>
- Baduginova, M. V. (2011) *Rol' «Krasnykh kibitok» v sisteme okhrany zdorov'ia naseleniia Kalmykii v 1927–1931 gg.* [The role of the “Red Tents” in the system of public health protection in Kalmykia in 1927–1931.]. *Vestnik KIGI RAN*, no. 2, pp. 37–41. (In Russ.).
- Bart, R. (1989) *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika [Selected works: Semiotics: Poetics]*: transl. from Fr., comp. and ed. by G. K. Kosikova. Moscow, Progress. 616 p. (In Russ.).
- Beck, U. (2000) *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu [Risk Society: Towards a New Modernity]* / transl. from Germ. by V. Sedel'nik and N. Fedorova. Moscow, Progress-Traditsiia. 384 p. (In Russ.).
- Bogdanova, N. M. (2012) *Fotografiia kak instrument sotsiologicheskogo analiza praktik konstruirovaniia vizual'noi samoprezentatsii* [Photography as a tool of sociological analysis of the practices of constructing visual self-presentation]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, vol. XV, no. 2 (61), pp. 98–113. (In Russ.).
- Golovneva, E. V. and Golovnev, I. A. (2021) *Opyty izucheniia i vizual'noi reprezentatsii Kamchatki i Sakhalina v kontse XIX — nachale XX v.* [Experiments in the study and visual representation of Kamchatka and Sakhalin in the late XIX — early XX century]. In: *Liudi imperii — imperiia liudei: personal'naia i institutsional'naia istoriia Aziatskikh okrain Rossii [People of the Empire — Empire of People: personal and institutional history of the Asian outskirts of Russia]* : collection of scientific articles / N. G. Suvorova (ed.). Omsk, Publishing House of Omsk State University named after F. M. Dostoevsky. 648 p. Pp. 287–296. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.52468/978-5-7779-2573-2.2021.287-296>
- Golubev, A. (2021) *Rets. na kn.: Jeff Sahadeo. Voices from the Soviet Edge: Southern Migrants in Leningrad and Moscow*. Ithaca; L.: Cornell University Press, 2019. 273 p. [A Review of Jeff Sahadeo. *Voices from the soviet edge: southern migrants in Leningrad and Moscow*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2019, 273 pp.]. *Antropologicheskij forum*, no. 48, pp. 227–238. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.31250/1815-8870-2021-17-48-227-238>
- Devid-Foks, M. (2016) *Modernost' v Rossii i SSSR: otsutstvuiushchaia, obshchaia, al'ternativnaia ili perepletennaia?* [Modernity in Russia and the USSR: absent, common, alternative or intertwined?]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 16 [online] Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/140_nlo_4_2016/article/12048/ (access date: 21.03.2022). (In Russ.).

Zhukovskaia, N. L. (2002) *Kochevnikii Mongolii. Kul'tura. Traditsii. Simvolika [Nomads of Mongolia. Culture. Traditions. Symbolism]*. Moscow, Vostochnaia literatura. 248 p. (In Russ.).

Ivanova, G. M. (2018) *Sovetskaia shkola v 1950–1960-e gody [Soviet school in the 1950s and 1960s]*. Moscow, Fond «Moskovskoe vremia». 432 p. (In Russ.).

Istoriia Tuvy [The History Of Tuva] (2007): in 3 vols. / ed. by V. A. Lamin. Novosibirsk, Nauka. Vol. 2. 430 p. (In Russ.).

Kantor, K. M. (1990) Dva proekta vseмирnoi istorii [Two projects of world history]. *Voprosy filosofii*, no. 2, pp. 76–86. (In Russ.).

Lindi, Dzh. (2011) *Vse o tsvete [All about color]*. Moscow, Knizhnyi Klub 36.6. 432 p. (In Russ.).

Maady, S. S. (2021) Sumonnye shkoly-internaty v period Tuvinskoii narodnoi respublikii [Sumonn boarding schools during the period of the Tuvan People's Republic]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 2 (87), pp. 147–149. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.24412/1991-5497-2021-287-147-149>

Oliadykova, L. B. (2007) *Bezekvivalentnaia leksika i frazeologiiia v poeticheskoi kartine mira Davida Kugul'tinova (na materiale proizve denii v russkom perevode) [Non-equivalent vocabulary and phraseology in the poetic picture of the world by David Kugultinov (based on the material of works in Russian translation)]*. Elista, ZAO «Dzhangar». 384 p. (In Russ.).

Popkov, Yu. V. and Tiugashev, E. A. (2022) «Zateriannyi mir»: tuvinskaia kul'tura v tsentr-periferiinoi interpretatsii geokul'turnogo i sotsiokul'turnogo prostranstva [“The lost world”: Tuvan culture in the center-periphery model of the geocultural and sociocultural space]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 225–236. (In Russ.) DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.15>

Sartikova, E. V. (2010) Narodnoe obrazovanie kak mekhanizm sovetskoii modernizatsii Kalmykii (20–30-e gg. XX v.) [Public Education as a mechanism of Soviet Modernization of Kalmykia (20-30s of the twentieth century)]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia: Istoriia Rossii*, no. 4, pp. 145–151. (In Russ.).

Skott, D. (2017) *Iskusstvo byt' nepodvlastnym. Anarkhicheskaia istoriia vysokogorii Iugo-Vostochnoi Azii [The art of being out of control. Anarchic History of the Highlands of Southeast Asia]*. Moscow, Novoe izdatel'stvo. 408 p. (In Russ.).

Usmanova, A. (2007) Sovetskaia vizual'naia kul'tura kak ob'ekt antropologicheskogo issledovaniia [Soviet visual culture as an object of anthropological research]. In: *Vizual'naia antropologiiia: novye vzgliady na sotsial'nuiu real'nost' [Visual Anthropology: New views on social Reality]* : collection of scientific articles / ed. by E. R. Iarskoii-Smirnova, P. V. Romanov and V. L. Krutkin. Saratov, Nauchnaia kniga. 527 p. Pp. 18–27. (In Russ.).

Khovalyg, R. B. (2018) *Tuvinskaia traditsionnaia odezhda [Tuvan traditional clothing]*. Novosibirsk, Nauka, NGOPO Soiuza pisatelei Rossii. 336 p. (In Russ.).

Chatterjee, A., Southwood, M. H. and Basilico D. (1999) Verbs, events, and spatial representations. *Neuropsychologia*, no. 37, pp. 395–402.

Eisenstadt, S. N. (2000) Multiple Modernities. *Daedalus*, vol. 129, no. 1, pp. 1–29.

Gentile, E. (2006) *Politics as religion* / transl. by G. Staunton. Princeton, Princeton University Press. 168 p.

Harper, D. A. (2012) *Visual sociology*. New York, Routledge. 294 p.

Kress, G. and Van Leeuwen, T. (2001) *Reading Images: The Grammar of Visual Design*. London, Routledge. 310 p.

Mignolo W. and Walsh C. (2018) *On decoloniality: concepts, analytics, praxis*. Durham, Duke University Press. 291 p.

Mignolo, W. (1995) *The Darker Side of the Renaissance: Literacy, Territoriality, & Colonization*. University of Michigan Press. 420 p.

Quijano, A. (2007) Coloniality and Modernity/Rationality. *Cultural Studies*, vol. 21, issue 2–3, pp. 168–178.

Rothbard, M. N. (1990) Karl Marx: Communist as Religious Eschatologist. *The Review of Austrian Economics*, vol. 4, pp. 123–179.

Tlostanova, M. and W. D. Mignolo (2012) *Learning to unlearn: decolonial reflections from Eurasia and the Americas*. Columbus, Ohio State University Press. 281 p.

Wagner, J. (2002) Contrasting images, complementary trajectories: sociology, visual sociology and visual research. *Visual Studies*, vol. 17, no. 2, pp. 160–171. DOI: <https://www.doi.org/10.1080/1472586022000032233>

Znamenski, A. (2021) *Socialism as a secular creed: a modern global history*. Lanham, Lexington Books. 451 p.

Submission date: 16.03.2022.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ / THE NEW RESEARCH OF TUVA

Электронный научный журнал

Главный редактор *Ч. К. Ламажаа.*
Редактор переводов *В. С. Макаров.*

№ 2, 2022

<https://nit.tuva.asia/nit/issue/view/54>

*Для иллюстрации обложки использована фотография
Чимизы Ламажаа.*

Подписано к публикации 20.06.2022 г.
Объем - 32,75 п. л.
Эл. адрес: article@tuva.asia

Отпечатано в типографии ИПК РУДН
115419, Москва, Россия,
ул. Орджоникидзе, д. 3.
Тел.: +7 (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru